

Лев МОРОК

Последний
крест

*Невымышленные персонажи реальны,
а события ограничены лишь моей фантазией.
С любовью — автор.*

Лев МОРОК
Последний круг
Роман-предостережение

Часть первая

Полустанок

Вслед за вспышкой в глазах потемнело. Не сразу. А как после взгляда на сварку — с бликами по краям. Но ожидаемая боль не пришла. Так что чуть погода глаза открылись. Сами. Без всяких усилий с моей стороны. Однако и тьма никуда не делась.

Вперив взгляд во тьму, я ждал продолжения...

1

...— Пыль.

— Что пыль?

— Всё пыль. Пыль и тлен. Но в данном случае пыль выдала вас.

— Мы не оставляем следов в пыли. Как и на любых других материальных предметах вашего мира.

— А я и не говорил, что вы оставили след в пыли. Возможно, это неточность перевода. Хотя как? Мы ж вроде общаемся на ментальном уровне — мысль в мысль. Но для переводчика повторю. Пыль выдала вас. — И пояснил свою мысль: — Сама пыль — след.

Пауза затянулась. Похоже, непонимание оказалось куда сильнее, чем я мог рассчитывать.

— Обоснуй, — прозвучало, как капитуляция.

Пришёл мой черёд держать паузу.

— Видите ли, сударь... или как мне к вам обращаться? Сударыня, быть может? Это было бы интереснее. С моей точки зрения...

— Твоя точка зрения на отношение полов, полов в вашем понимании, мне известна. На ментальном, как ты

сказал, уроне, я вижу это в твоих мыслях. Так что не отвлекайся. Давай про пыль...

— Баш на баш. А что не так с полами? В нашем понимании. В отличие от вашего.

— Даже у вас пришли к тому, что полов куда больше двух, хотя это и ересь. С нашей точки зрения. При том, что полов действительно больше, но не в вашем их новом делении. И это долгая история, так что не отвлекайся. И ты не в том положении чтобы диктовать условия.

— Ну, вот, приехали. Вроде как хозяин квартиры я, и это вы здесь не в том положении, чтобы диктовать...

— Ты — неизбежное зло. В этой точке пространства-времени. Твоё исчезновение на нас никак не скажется. Подумаешь, будет другое такое же зло. Но не задающее глупых вопросов. Так что хозяин ты чисто условный. И пока ты пытался торговаться, я понял, что ты имел ввиду, говоря о пыли, выдавшей нас.

— Так, значит, всё-таки сударь? И из скольких же полов?

— Причём здесь... А, ты заметил, что я о себе в мужском роде... Ну, ты и пыль заметил. Так что я не удивлён.

— Признаться, и я не буду удивлён, если вы примите решение избавиться от такого дотошного зла в точке, где сошлись ваши интересы и моё бытие. Судя по невысказанным вашим мыслям, читать которые я, в отличие от вас, читающих мои, не допущен. Ведь менее внимательных и менее вдумчивых — пруд пруди. Если только у вас есть возможность распоряжаться не только

пространством-временем, но и недвижимостью. А я думаю есть...

— Мы ушли далеко вперёд и в сторону. Ты заметил пыль. И что? — голос в голове не стал брать паузу или вдаваться в детали объяснений. Хотя и не выказывал нетерпения. Я тоже не стал его испытывать на выдержку.

— Ну, скажем так, пусть я и не фанат чистоты, хотя и хожу ежедневно с тряпкой, подтирая ваши следы...

— Опять твои слова опережают мысли. Начнём сначала. Ты заметил пыль. И что?

— Я и говорю... Тру-тру, а пыли меньше не становится. И странная она какая-то. Возникает из ниоткуда. Все щели закрыты. Окна на замке. Вентиляция — с кучей слоёв фильтров. Но пыль есть. И звуки. Перед тем, как пыль появляется.

— Теперь ещё и звуки? Их, как и следов, нет и быть не может.

— А они есть. Я в квартире один. И в тишине хорошо слышно всё. Ворчание холодильника. Скрипнула дверь. Открылась полка. Стук в окно. И это на седьмом этаже...

— И какое отношение эти звуки имеют к нам?

— Понятия не имею. Но они будят меня. А потом появляется пыль... Вот я и решил...

— В общем, ткнул пальцем в небо, но попал...

— Можно и так сказать... Но ткнул же. И потом... — Я перевёл дух перед тем, как перейти на ты. Почему бы и нет? Влез в мою квартиру, тыкает мне, а я должен быть воспитанным? Нет уж, как ко мне, так и я: — Следов, говоришь, быть не может, но я увидел след...

Объяснить то, что я увидел, куда сложнее, чем было увидеть в обыденности бытия одинокого мужчины нечто неординарное. А потом ещё и попытаться это объяснить. Для начала себе. А теперь вот и незванным квартирантам. Хотя какие они квартиранты. Проходимцы. И в прямом смысле — проходят мимо, и в общепринятом — добра от них ждать не приходится.

...Заметить неладное было делом даже не техники. А времени. Которого у меня стало полно. С тех пор, как мои услуги стали никому не нужны. Я состарился. Пусть и по паспорту только. Но всё равно уже не мог тягаться с молодыми в наглости. Я и раньше-то ни с кем особо не тягался, тянул себе лямку и тянул. Самому себе доказывать, что я чего-то стою, смысла никогда не видел, считая себя лучшим, а другим... Им не докажешь. Если не будет в том заинтересованности. Её и не было. А тут ещё пришли такие времена, когда просто тянуть лямку стало мало. Нужно не умения показывать, а свою преданность. А умения — дело второстепенное. Как и конечный результат. Так что я довольно быстро оказался задвинут не то что на вторые — на десятые роли. К чему, конечно, не привык. Тем более что плодами моей работы пользоваться продолжали. Только выдавали за своё. Я был только виноват, если что-то шло не так. И мне это надоело.

Громко хлопать дверью я не стал. Так, прикрыл за собой. Но очень плотненько. Не забыв прихватить компромат на тех, кто меня выживал с работы и сживал со свету. Хотя что такое для них этот компромат... В сложившейся системе ценностей, скорее, наградной лист. Но и меня так просто не возьмёшь. И дело не в моём военном

прошлом. А в одиночестве. Когда у человека нет привязанностей, его нечем зацепить.

Я один как перст. Конечно, так было не всегда. Но жена умерла. Дети повзрослели и упорхнули. Даже забывая порой поздравить с профессиональными праздниками, которых у меня накопилось великое множество. Потому как и профессий освоил немало. Эти профессии давали мне возможность зарабатывать чуть больше, чем проедал. Излишки я копил. И на отложенное купил квартиру — скромную двушку. Вдали от столичной суеты. Хотелось бы конечно домик, да сил его обихаживать не осталось — две смерти в анамнезе, пусть и клинических. Но я и квартире был рад. Ведь прежде вообще по чужим углам жил. Вот только радость однажды померкла. Когда я заметил, что все мои усилия содержать квартиру в чистоте и уюте идут прахом. Вернее, прах покрывает квартиру.

...Пыль. Она была повсюду. Словно и не в средней полосе стоял многоэтажный и многоквартирный дом, а где-то в пустыне. Плавали, знаем. Помнится, когда стояли в Триполи, была такая же петрушка: ветры из Ливийской пустыни несли тонны песка, просачивавшегося во все щели, даже сквозь наглухо задраенные иллюминаторы и переборочные двери. Песок был на зубах, в супе, в компоте...

У меня на седьмом этаже такого не было. В смысле, в супе и в компоте. На зубах — изредка. А вот на полу, на мебели...

Я затягивал мелкой сеткой вентиляцию. Закрывал окна. Пылесосил и ходил с тряпкой.

Пыль не убывала. И всякий раз была разной. То клубилась по углам. То мелким порошком оседала на тёмные панели мебели. А то и крупинками сыпалась, хрустела под ногами. И то исчезала после очередной большой приборки, пропадала на несколько дней, а то и на неделю, то вновь ложилась плотным ковром. Но всякий раз она была разной. Хотя, казалось бы, пыль — она и есть пыль. Вот только одинаковой она всё ж не была.

Моя борьба с пылью стала сродни войне с ветряными мельницами. Только я не Дон-Кихот. И я стал думать. Вести записи. Искать закономерности. Долгое время всё было впустую. Но однажды...

Однажды я подумал, что вряд ли на пыльных тропинках далёких планет оставим мы свои следы. А вот следы оттуда могут запросто пройти через нашу планету.

Мы увязли в своей колыбели. Погрязли в ссорах и войнах. Во взаимном уничтожении. Но раз в нашем мире люзует глупость, то для равновесия где-то должен быть и чистый разум. И его не удержишь в притяжении одной планеты. А то и галактики даже. Если уж и мы оторвались от поверхности планеты, пусть и совсем немного. Но кто сказал, что и другие будут так же тяжело отрываться от своих корней? Особенно если они умней.

В том, что умней, я не сомневался. А если умней, то и летать от звезды до звезды они умеют почище нашего. И необязательно на космических кораблях, таких монстрах из «Стартрека». Куда проще лететь в луче света. И скорость иная, и затрат на инфраструктуру нет. А если уметь ещё и мгновенно перемещаться между мирами...

Фантастика? Кому как. Нам, диким и отсталым — да. Обладателям вселенской мудрости — обычное дело. Наверное. Особенно если они не люди. В смысле, не такие как мы. А так оно, скорее всего, и есть. Это нам хочется братьев по разуму. Причём, по нашему образу и подобию. Но для этого нужно ещё и разум иметь. А вот с этим напряжённо. У нас напряжённо. Так что с себе подобными мы встретимся вряд ли. Но мысль...

Она бывает материальна. Хотя классики материализма и утверждали обратное. Но с той поры воды немало утекло. И даже у нас материализовано немало идей, казавшихся прежде завиральными. Это как минимум. Давно ли прекратили сжигать на кострах за ересь по поводу вращения Земли? А, поди ж ты, она таки вертится.

Ну да мои постояльцы-проходимцы правы, это шаг в сторону. Почти равный побегу. А по делу...

По делу я принял за аксиому, что вселенная это не обязательно люди. Но они обязательно движутся. Перемещаются. От звезды к звезде. От планеты к планете. Цель? Да откуда мне знать? Просто без движения существование Вселенной немислимо. А мысль — материальна. И пусть не силой мысли они перемещаются между мирами, хотя, кто знает, но мысль может дойти и до них. Если совпадёт по времени и месту.

Место — известно. Моя квартира. Время... Время нужно подгадать или просто ждать случая.

Почему я был убеждён, что знаю место? Так пыль же...

Это было, конечно, допущение. Как сказал товарищ из иного мира, ткнул пальцем в небо. Но ведь и попал. Хотя

какой он мне товарищ. Гражданин. А то и гражданка. Вселенной. Да и не сказал он. Подумал. А я услышал. Но это было потом.

Прежде было допущение.

2

...Пыль в очередной раз покрыла только что вымытую раковину в ванной.

— Твою ж дивизию!

Вряд ли соседи были дома. Но даже если и были, они ни разу не высказывали мне претензий по поводу могущества русского языка. Которым в своём одиночестве я всегда пользовался на полную мощь. Проигрывая, кпримеру, компьютеру. Или пальцем ноги изо всех сил нащупав стоящий не на своём месте стул.

Так что и в словах, и в силе голоса я не отказывал себе. Тем более сейчас. Когда вряд ли кто мог меня слышать. Ну и потому что достало. Даже так: патамушта достало. Хотя нет.

— Зае...

Именно так. С приставкой этих двух слогов к названию острова, на который я уже не попаду. Прежде не собирался, а ныне не пускают. Ни туда, ни оттуда. Ну или требуют справку, ради которой я не стану колотиться. И без того организм, дважды умиравший, держится из последних сил. Если ещё и оказаться подопытным... Пусть даже и в благих целях, в которые я не верю. Потому как именующие себя элитой, но не запятнавшиеся искренней заботой о подданных, вряд ли бы преследовали благие цели, требуя безоговорочных прививок плебса. В равной степени и в

заговор элит я тоже не верю. Их шкурные интересы настолько личные, что они запросто предадут любое общее дело. Только благодаря этому они и не довели до завершения ту же вакцинацию, если она им так нужна.

Но это опять шаг в сторону. Равносильный побегу. А тогда...

Тогда, матерясь и орудуя тряпкой, я не очень выбирал выражения. Впрочем, в мыслях вообще выражения не выбирают, так, поток. Сознания или бессознательного.

— Ну сколько можно гадить? Или это вторжение? Но и в таком случае, зачем же портить то, что перейдёт в собственность?

— Что значит — перейдёт?

Я не сразу остановил свой словесно-бессловесный поток. Но от удивления едва не захлебнулся невысказанным.

В голове были не только мои мысли.

В смысле, мысли-то были мои, но слова, пусть и знакомые, не мои. По крайней мере не все были моими.

— А то и значит, — на инерции мысли ответил я сам себе. Или кому-то?

— Поясни.

Значит, кому-то. Потому как в голове — в мыслях — опять появилось нечто чужеродное.

Я чуть было не прикусил язык. Но смысл? Мысль этим не остановишь...

— Ты прав, мысль остановить молчанием сложно. Скорее, наоборот. Мыслей прибавится, пока ты будешь молчать. И можно будет запутаться в том, что просто. И не узнать то, что сложно.

— Ты кто? — промычал я чужим мыслям.

— Пассажир.

— Но я никуда не еду...

Так состоялся первый контакт. Ничего общего с тем, как представлялось человечеству и несчётное число раз было описано в фантастических романах, рассказах и просто побасенках.

— Ты — да. Но я-то в пути.

— Да фиг там. Ты в моей квартире. Или в моей голове. Но если так, то я поехал крышей, и тогда ты, если и едешь куда, то только в дурку, вместе со мной. Старческая деменция, понимаешь, буквально только что читал, ширится, особенно после шестидесяти, как раз мой случай...

Чем-то я смутил голос в моей голове. Он притих, пока я давал отповедь. И не сразу нашёлся, что сказать в ответ. Но мы всё же разговорились, пусть и не сразу.

— Значит, пассажир. Транзитный. А у меня тут пересадочная станция. Ага. Читал. Давно, правда, деталей не помню. Но там был домик в глуши. А здесь город, пусть и не центр, зато громадный дом. Какая такая станция?

— Ты прав, нет никакой станции. Так, полустанок.

Ну, да, час от часу не легче. Теперь ещё и квартира моя не квартира, а полустанок. Приехали.

Была бы станция... А то — полустанок. Двухпутный участок магистрали, обычно при небольшом поселении, где менее важный состав, остановившись на боковом, пропускает литерный по главному. С другой стороны, мне же проще. В рассказе, мною прочитанном, на пересадочной станции транзитные пассажиры задерживались порой надолго, общались со зрителем из своих аквариумов или в чём они там путешествовали. Мне же только потерпеть

пока путь освободится. И мой пассажир укатит дальше. По своему билету. И никакого общения. Только пыль. А то, что мы заговорили, пусть и мысленно, так, издержки дальнего пути. Чего только не случается, если даже собака смогла подрасти. Ну, для тех, кто в школе плохо учился, и для пассажира, поясняю: дама сдавала в багаж диван, чемодан, саквояж, картину, корзину, картонку...

— Я без багажа, — тут же ответил мой пассажир. — Тем более без собаки.

3

— Далёк ли ваш путь? — я решил быть вежливым и гостеприимным хозяином.

— Кому как. Тебе всей жизни не хватит. Для меня — неудобство ожидания.

— Значит, я правильно предположил, что здесь кто-то кому-то уступает дорогу?

— Не совсем так, но можно принять как объяснение на доступном уровне.

— А что такого мне недоступно?

— Пожалуй, что всё. От того куда и зачем мы движемся, как передвигаемся и почему вынуждены притормаживать здесь. На полустанке. В твоей квартире.

— Ну, я бы начал с другого. Кто это — мы? Те, кто движется.

— Жители Вселенной. Чтоб тебе было понятно.

— Это я уже и так понял. Но почему к нам? Не вовремя как-то. У нас тут своих проблем хватает. Или это вы их нам подбросили?

— К вашим проблемам мы отношения не имеем. Потому что нам до вас вообще дела нет.

— Ну, спасибо на добром слове!

— Не ёрничай. Тебе же нет дела до термитов где-нибудь в джунглях? Вот и нам так же. Мы слишком разные, живём в разное время, с разными скоростями, а главное — разными потребностями.

— Разное время... Это как? Пока мы тут болтаем, вы в прошлом или в будущем?

— Я — здесь и сейчас. Но в целом время для нас не течёт прямолинейно из прошлого в будущее. Вы примитивно мечтаете о накоплении материальных благ, мы — жаждем знаний и впечатлений. У вас впереди смерть, а мы в любой момент можем махнуть в прошлое.

— А в будущее?

— Оно наступит независимо от того, отправимся мы туда или нет.

— Ага... Значит, время для вас всё же тоже прямолинейно, хотя и с возможностью отскочить в сторону. Или назад. Но будущее вам неведомо. Как и нам. И смерть, кстати, у вас тоже впереди? Или в прошлом?

— В вашем понимании мы бессмертны.

Ответ меня не убедил.

— Это в понимании. А фактически?

— Во Вселенной нет ничего неизменного, вечного. Даже она сама.

Опять не столько ответ, сколько его эскиз. А что потом будет нарисовано поверх этого наброска, никому не ведомо. Разве что голосу в моей голове.

— Понятно. Вы становитесь кем-то другим. Или чем-то. Пылью, например.

— В какой-то мере. Но почему пылью?

— Потому что всё пыль. Пыль и тлен.

— Почему обязательно пылью?

— Потому что именно она выдала ваше присутствие?

— Кто?

— Пыль...

Так мы пришли к тому, с чего всё началось...

По квартире словно лёгкий ветерок прошёл. Но пыль не тронул.

— Эй, пассажир! Ты здесь?

Ответом была тишина. Понятно. Пассажир — транзитный. Пусть и без пересадки, но отправился дальше. Из ниоткуда в никуда. Для меня. Для навестившего меня пассажира цель была ясна. Я так полагаю. Хотя, может, и ошибаюсь. Но это не моё дело. Как мне дали понять. К тому ж своих дел хватает. Для начала надо пополнить припасы. Неизвестно, когда ещё удастся выйти на улицу.

4

А сегодня мой день. Запреты никуда не делись, и контроль не дремлет. Наоборот, всё стало гораздо хуже. И строже. Но сегодня таким, как я, упорствующим в нежелании вколоть себе вакцину, разрешено добежать до лавки «Всё для затворничества». Со всеми предосторожностями, но добежать. В изолирующем противогазе — маски и даже респираторы давно забытое прошлое. В перчатках-крагах. В прорезиненном плаще. С жёлтой семиконечной звездой во всю спину. В такую

целиться удобно. Не зря же нас выпускают. В лучшем случае могут пальнуть шприц-тюбиком, из ружья для охоты на слонов. С вакциной, вколоть которую добровольно мы отказываемся. Хотя могут и сразу всё закончить, свинцовой пилюлей, сколько же можно нам потакать. Три года прошло. А таких, как я, всё ещё сотни тысяч. Надеюсь. Потому как если меньше, то точно пальнут. Боевым. А умирать всё ещё не хочется. Хотя и нет шансов увидеть, чем закончится этот дурдом. Потому что он не закончится.

Хотя бы потому, что в товарищах согласия нет. Ну нет мирового заговора! Потому как у всех, кто стоит за эскалацией пандемии и нагнетанием запретов, свои шкурные интересы. И с общими они далеко не всегда совпадают.

...После пятой или седьмой, тут версии разнятся, счёт атакам пандемии был потерян. Или, точнее, у каждой национальной псевдоэлиты были свои точки отсчёта. И они, как и интересы, далеко не всегда совпадали. Но вектор действий был в принципе общий.

Загнать человеческое стадо в резервации ограничений.

Вот тут-то они преуспели. За малым исключением. Тех самых нескольких сотен тысяч, что упорствуют в иглоукаливании. Хотя навалом и оральных вакцин, колись — не хочу. В смысле, вакцинируйся. Но мы не хотим.

Впрочем, конечно, не всё так просто. Хотели бы — не мы, а те, кто сверху — давно бы нас передушили. Даже не по одному, скопом. Но есть маленькое «но». Или большое, кому как.

Что-то с самого начала идёт не так. И вирус есть, и вакциной не по одному разу поколото почти всё население. А результата — нет.

Ни победы над вирусом. Ни победы над людским стадом. Вот нас и терпят. И когда накрывает очередная волна смертности, валят на нас. Мол, непривитые разносят заразу.

Где-то доходит до бунтов и самосудов. И тогда редуют наши ряды. Но это ничуть не способствует снижению волны общей смертности, и нас оставляют в покое. До новой вспышки. Так и живём.

Под вечной угрозой истребления. Поражённые в правах. Обязанные на каждом углу кричать о своей опасности для окружающих. Демонстрируя ту же звезду — жёлтый квадрат, поверх которого расположился треугольник вершиной вверх. В который удобно целиться, совмещая мушку с вершиной треугольника. Не целятся. Пока. Потому как давно стало ясно, причём, почти всем, что опасность таится именно в вакцине. Нас вирус практически не берёт. Особенно переболевших.

Мы, конечно, тоже не вечны, и умираем от естественных причин, уменьшая и без того маленькую популяцию бывшего человечества. Но зато в наших телах не происходят мутации, вызванные вакциной. Именно это поняли даже те, кто понятия не имеет о медицине. Зато на собственной шкуре испытали прелести вакцин. Ну, или последствий их применения. Кто больше, кто меньше. И в этом тоже причина того, что мы живы.

Нас ненавидят за то, что мы не сдались и поэтому не подвержены мутациям. Но на нас же и надеются: вдруг, рано или поздно, из наших тел и крови добудут всё же средство,

которое поможет повернуть историю вспять. Ну, или хотя бы историю болезни.

Пока не произошло ни того, ни другого: ни нашего истребления, ни изобретения спасения, теперь уже от вакцины, но с нашей помощью. Однако поскольку надежда на последнее всё же есть, нам созданы относительно сносные условия жизни. Учитывая, что ограничения коснулись всех.

Да, мы заперты в своих жилищах. Ну, так это практически у всех так. Хуже другое. Мы можем выходить только в определённый день. И только чтоб получить социальный набор затворника. Заплатив за него большую часть пособия. Получаемого по причине лишения работы. Или иных доходов. Как поражения в правах. И как ещё одно поражение — право тратить пособие только в лавке «Всё для затворничества». Где до всего ой как далеко. Да ещё по бешеным ценам. И это скорее минимум выживальщика, вот что такое набор затворника. Но зато это шанс вырваться из заточения. На 45 минут. Ровно столько отводит изолирующий противогаз на поход в лавку.

В лавке встречи и разговоры практически исключены. Персонала нет, не магазин, а полный автомат, хоть здесь прогресс чего-то достиг. Опять же, благодаря нам. Кормить-то нас как-то надо, чтоб власть не заклеямили позором, мол, истребляют людей, имеющих право жить. Вот они и придумали «Лавку». На полном автомате. Чтоб не создавать столпотворение. И не допускать общения. Особенно с привитыми. Не только на кассе, но и в очереди. Однако затворники и сами не рвутся создавать очереди. Да даже если бы и было столпотворение, поговорить через маску противогаза та ещё мука. А снять...

Однажды я видел, как один отказник-затворник снял маску в магазине. Не рассчитал время, воздух закончился прежде, чем он расплатился. Или автомат дал сбой, и карта не читалась, а дышать стало нечем. Но на выходе его уже ждали. В костюмах биологической защиты. Ну чисто инопланетяне. На его крик никто даже не обернулся. Разве что я. Так я всегда был белой вороной. Ну да, обернулся, и что толку? Только и увидел, как его затолкали в утробу автозака. Специального. С белым крестом на красных боках машины. А куда потом — одному богу известно. Да и то вряд ли, только в том случае, если бедолагу сразу к богу направят. А так могут и помытарить ещё, кровушки попить. Пусть и в переносном смысле. Но кровь отказников весьма ценная штука. В ней, не исключено, спасение человечества. Хотя и недоказанное. Однако надежды не только юношей питают. Но и государственных мужей. Даже если у них есть дома не только в наших широтах. И даже если они летают на личных самолётах. Вот они и надеются, что рано или поздно, но высоколбые, выпустившие вирус, с помощью нашей крови найдут и противоядие. Уже не столько вирусу, сколько вызываемым вакциной против него мутациям. Ведь вирус на должности не смотрит. И в бункере от него можно спрятаться только на время. Рано или поздно, но он достаёт и там.

Ну да мне не жалко, пусть. Я переболел. Ещё в первую волну. Когда казалось, что ещё чуть-чуть, и всё закончится. Но не кончилось. А теперь уж точно не кончится.

Во-первых, это деньги. В первую волну они шли за маски. И антисептики с перчатками. Потом пришёл черёд

вакцины. Щедрость государств, коловших граждан поначалу бесплатно, иссякла после третьей, это точно, волны. Ну, не только бог любит троицу. В общем, как только стало ясно, что вакцинация не помогает, и после двух доз болеет не менее сорока пяти процентов уколотившихся — только по официальным данным, остальным было предложено спасаться самим. То есть, за денежки. А в промежутке деньги лились рекой на теневом рынке сертификатов о вакцинации. На него потом тоже валили, как на причину распространения вируса. Хотя наиболее адекватные учёные уже тогда говорили, что вакцинация только усугубляет дело, ослабляя иммунитет. И вирус спокойно поражает толпы народа, пусть и разобщённого изоляцией, которая, в свою очередь, способствует распространению болезни. Потому что она только называется изоляцией, а на деле в узких местах людей оказывается больше, чем было бы, не будь ограничений.

Но деньги — это ещё не всё. Есть ещё власть. А она держится не столько на личных качествах людей во власти. Ну, не осталось там, во власти порядочных, и давно уже, ещё до того, как всё случилось. Впрочем, возможно, порядочные и не шли во власть. Как я, например. Пусть я и не очень порядочный, а уж грешен.... Но в любом случае нынешняя власть держится на страхе. Страхе тех самых масс, что укололись не по одному разу, и оказались даже не у разбитого корыта, а в куда более бедственном положении. Вначале власть под страхом лишения работы и прочих прав гнала на вакцинацию. Теперь держала в страхе угрозой не дать вакцину — седьмую и следующие дозы. Даже за деньги. Так что подпольный рынок опять заработал. Впаривая теперь уже «левую» вакцину. Она-то и на официальном

рынке не всегда была чистой, а уж теперь-то, из-под полы каждый продавал то, что получилось. Хотя сертифицировалось практически всё. Опять же, за деньги. Цепочку товар-деньги-товар никто не отменял. Есть спрос — будет и предложение.

А сейчас появился спрос и на борьбу с последствиями вакцинации. И тут уж без нас никуда.

Жёлтая звезда — это не только набор выживальщика-затворника, пусть и за бешеные бабки. Это и надежда для тех, кто однажды поступился свободой ради колбасы, и лишился и того, и другого. Иначе ведь не бывает.

Квадрат — четыре стороны света. Потому что мы есть везде. Треугольник — наиболее жёсткая геометрическая фигура, способная выдержать серьёзное давление, не поддаваясь деформации. Что на каждую сторону, что на вершины. А мы не поддались. Ни на уговоры с увещеваниями, ни из-за страха потерять работу и права. Потеряли — да. И многое. Но остались стоять на своём. И теперь уже от нас ждут жертвы. Вот только чем мы можем помочь?

Кровь у нас берут и без согласия, нарушители режима из наших рядов бесследно исчезают. А мы даже слухами обмениваться не в силах. Зато у нас есть свобода. На 45 минут. До лавки и обратно. И никаких контактов. Интернет? Давно под жесточайшим контролем. Цензура почище китайской. Защищённые мессенджеры? Все контакты сданы отцами-основателями. Кто за деньги или за непомерные штрафы, а кто и в надежде выслужиться. Ни у кого, правда, не вышло, и даже деньгами не все воспользовались, но все явки к тому времени были провалены, никакой анонимности.

А без неё и никакого противления злу насилем. И даже пассивным неповиновением. Об организованном сопротивлении и речи быть не может. Всё пресекается на уровне замыслов. Перлюстрация переписки революционеров по сравнению с нынешним ковырянием чуть ли не в мозгах — детские шалости. Бежать? Куда? В леса? Так и там нет спасения. Но прежде — пропитания. А значит и шансов на выживание.

Так и живём. От похода в лавку до похода. Так что хватит предаваться размышлениям, пора рюкзак наполнить. И домой. Пыль протирать. После пассажира.

5

Банки гремели в рюкзаке, больно вдавливаясь в спину. Но я старался не обращать на это внимание. Через запотевшие стёкла очков пялился на пустынные улицы, обшаривал взглядом окна домов. Пусто. И мрачно. Да ещё и сыро. Вторая зима на подходе. А края пандемии не видать. Хоть и обещали победить её, проколов большую часть населения. Прокололи. Но ничего не изменилось.

По другой стороне улицы, пошатываясь, брёл кто-то из вакцинированных. Их теперь за версту видать. Походка неуверенная. Координация нарушена. Не зомби, конечно, но страшно смотреть на таких людей. Чем-то напоминающих движениями мою покойную жену, когда амиотрифический склероз приковал её вначале к инвалидному креслу, а потом и к специальной кровати, менявшей угол наклона. Но там-то лечения не было и в помине, сухотку не лечили с незапамятных времён, так что только назвали иначе. А этим обещали, что после укола, ну, ладно, после второго, а потом

после бустерной дозы... Обещания не сбылись. И ограничения никуда не делись. Хотя и ясно, что проку от них ноль. Кроме одного: находящиеся у власти полностью решили проблему протестов. И попыток власть сменить.

Ведь, во-первых, коней на переправе не меняют, сказано это было в самом начале. Потом попытки недовольства этим были жёстко, если не сказать жестоко, подавлены. И, во-вторых, выражать недовольство стало некому.

Уж не знаю, вакцина ли тому виной, но народ стал абсолютно равнодушен к происходящему. И к полному поражению в правах, и к маскам с противогазами, и отсутствию нормальной еды... А уж о том, что власть давно сменилась, никто, похоже, и не подозревал. С тех пор, как погасли голубые или теперь олед и даже суперлед-экраны телевизоров, о происходящем в мире и в стране можно было только догадываться.

Мелкий снежок проявил рентгеновские снимки убогих дворов, ставших с началом пандемии окраиной: сломанные кости оттаявшего асфальта тротуаров, хрящи тропинок, протоптанных на газонах, сухожилия теплотрасс, пробивающихся росчерком оттаявшего грунта сквозь подмёрзшую грязь. Поверх вполне себе больничной картинки ветер гонял мусор — пакеты, растащенные воронами из давно опустевших мусорных баков, пластиковые бутылки, начинку подушек дивана, выброшенного за ненадобностью...

Дорогу я не выбирал, шёл напрямик. Хотя прежде не позволял себе такого, даже устав после долгой прогулки, всегда точно вписывался в неудобный рисунок тротуара, со

всеми его поворотами там, где можно было срезать от двери до двери. Сейчас было не до того. Кислород заканчивался, слишком долго я провозился в лавке. А снять противогаз, при всей видимой пустоте двора означало минимум нарваться на неприятности. Мало ли кто смотрит в окно. Потом настучит куда надо. А то и вовсе вертухаи могут вынырнуть из подъезда, и тогда неприятности от ускоренного шага покажутся вишенкой на торте. Обмануть систему ещё никому не удавалось. В той же лавке, особо шустрых, отсоединявших кислородный мешок чтобы продлить пребывание вне стен квартиры, на моих глазах однажды очень чётко выкурили, пустив газ. Поэтому я не собирался рисковать. По крайней мере, так глупо.

Лифт ещё работал. По негласной договорённости, его использовали только на подъём, прекрасно понимая, что ремонта уже не будет. Поэтому вниз все ходили пешком. Зато у нас, единственных в доме, лифт поднимал обитателей подъезда до самого верха. Однако не успел я войти в квартиру, как двор наполнился гулом моторов. И усиленный мегафоном голос пророкотал:

— Граждане, внимание. У вас есть тридцать минут, чтобы взять документы, деньги, смену белья и спуститься во двор для дальнейшей посадки в автобусы. В связи с чрезвычайной ситуацией объявлена всеобщая эвакуация. Квартиры не запирать. Через тридцать минут оставшиеся будут эвакуированы принудительно. Запертые двери подлежат слому. Повторяю...

Я съёрнул маску противогаза и подошёл к окну. Там как раз начинали кружить в поисках места для проезда и парковки защитного цвета автобусы. Вдоль улицы, учитывая

малое число зелёных — не больше десятка, стояли обычные ПАЗы частных и всё, чем был когда-то богат автопарк города. И в центре — БРДМ. Точнее, штабная машина. Но с белым крестом на выкрашенных в алый цвет бронированных дверцах.

Ещё не так давно это была «Росгвардия». Хотя какая из неё гвардия, так, одно название. Но теперь и его не стало. Ныне это подразделения ВОЗ, хотя к здравоохранению и они, и их наниматели имеют мало отношения, если вообще имеют. Разве что крестом, но и он может быть надгробным. Псы-рыцари. Но те были в белых одеждах. И с красным крестом. Эти все в чёрном. И без опознавательных знаков на форме. С опущенными забралами на касках-сферах. И с автоматами. Как-то непохоже было на сердечную заботу о людях — с таким-то числом вояк...

Рано или поздно, это должно было случиться. Эвакуация. С принудительной вакцинацией. Или чем там ещё. Ну или, по крайней мере, с сортировкой на первом этапе на больных и относительно здоровых. Ведь иначе заболевших не выявить. Мало того, что саму эпидемию объявили бессимптомной, так и мутации просто так не видны. Это если бы рога вырастали или лишняя пара рук с ногами — другое дело. В лучшем случае мутация видна по алопеции. Или изменению цвета кожных покровов. Но это случается не всегда на лице или руках. А раздевать же на улице никто не станет. Особенно после того, как всем предписали передвигаться только в комплектах противочумной защиты. Или в чём-то близком по уровню изолированности.

Вот и случилось. Хотя я надеялся, что наш посёлок если и станут трогать, то в последнюю очередь. С начала застройки этот дворик, из трёх домов между Чернопрудной и Дядьковской — в память о живших некогда здесь бурлаках, дядьках — считался если не элитным, то милицейским. Хотя изначально идея была хороша — обеспечить жильём служивых МВД, поселилось здесь немало и сторонних граждан, к которым примкнул и я, но гораздо позже. Уже когда коробка здания областного управления внутренних дел, чуть дальше по проспекту, была готова, но так и осталась памятником бесхозяйственности. Или, скорее, казнокрадства. Кого-то, надо полагать, непричастного, как поговаривали, даже посадили, но деньги уже ушли. И здание так и осталось недостроенным. А посёлок стал и вовсе многонациональным и далёким от милицейских, точнее, теперь уже полицейских дел и людей. Но статус-то был! На него я и уповал. Не вышло.

На площадке хлопнула дверь, и послышался лай Хуча. Кто такой? Мелкий и противный пёсик. Почему Хуч? А маленькой Сашеньке было так проще с ним общаться, вот и назвала его так. Но он облаивал всех, кто поднимался в лифте. За исключением разве что меня. Так что в последнее время Хуч обычно молчал, и я уж подумал, что соседи съехали в деревню. Но Андрей так и не вернулся с Северов, где отбывал свою вахту на нефтедобыче, не успел до закрытия авиасообщения, а сама Женя с двумя детьми вряд ли смогла бы осилить такое путешествие. Теперь же они в первых рядах спешили вниз, эвакуироваться. Насколько я знал, Женя не болела и не прививалась, хотя Андрей в одну из своих побывок и привёз вирус. Но быстро оклемался и

укатил обратно. А семью болезнь миновала. Однако не эвакуация. В которую я отправляться не собирался.

Сбросив химкостюм, я вытащил на свет божий свою старую флотскую плащ-накидку, всё ещё чёрную, хотя и выгоревшую изрядно за минувшие годы. Нацепил повседневный, чёрный пояс кортика с ножнами. Аккуратно протёр лезвие клинка, символизировавшего моё офицерство. Задёрнул шторы. Щёлкнул тумблером, отключающим электричество — им я озаботился давно, ещё до всяких эпидемий, чтоб не нужно было выходить на площадку к щиту. Свет, особенно в последнее время, у нас вырубали частенько, и среди ночи переться из квартиры удовольствия не доставляло, так что я проверял отключение своим тумблером: не горит, значит, не фиг дёргаться.

Квартира погрузилась во тьму. Интересно, а как там пассажир? Добрался ли?

Вообще-то мне нужно было думать о себе, а не о пассажире. Он-то вряд ли даже помнил обо мне. А у меня весьма хлипкая маскировка. Даже с учётом ниши в кладовке. Ведь рано или поздно на поле, оставленное с боем ли или без боя, придут мародёры. Если они не окажутся в числе эвакуаторов. А у меня из оружия — считай, одно название. Это с голой пяткой против шашки, как в анекдоте, не вариант, но и с кортиком против автоматов тоже много не навоюешь.

Впрочем, я и не собирался много воевать. Я просто не хотел никуда уезжать. А что будет дальше — не задумывался.

— Граждане, время на выход из квартир истекло, — прокрипел голос из мегафона. — Начинается принудительная эвакуация.

Последние слова потонули в заливистом лае Хуча. Мегафон засвистел. А следом, как удар кнута, щёлкнул отрывистый выстрел.

И Хуч замолчал. Но даже сквозь двойную раму я услышал, как зашлась плачем Сашенька, младшая из дочерей соседки, развитая не по годам трёхлетка, щебетунья и хохотушка. Она безмерно была влюблена в собачонку, и та отвечала ей взаимностью. И вот поди ж ты...

Забыв выключить мегафон, голос, словно оправдываясь, пророкотал:

— У нас для людей не хватает мест, а тут собака...

Чуть приоткрыв штору, я выглянул на улицу. Добровольно согласившихся отправиться неведомо куда набралось человек семьдесят, навскидку. Все, кто оставались в трёх домах, образующих подобие двора без особых границ и с большим количеством проходных участков. Большинство в плащах химзащиты, но часть в обычных пальто, зато все в противогазах и масках. В основном со звёздами на спинах. Здоровые, значит. Пусть и относительно. А теперь с сумками и котомками. С испуганными детьми, вцепившимися в руки матерей. И плачущая Сашенька в центре. А у её ног — Хуч. В красном круге на снегу. Сколько там того снега. И сколько там того Хуча...

Бойцы, экипированные в чёрное, прикладами автоматов подгоняли толпу к автобусам. Но не все. Часть

чёрных «космонавтов», с опущенными забралами шлёмов, рванула по подъездам.

Я отступил от окна. Время прятаться.

В темноте кладовки моя маскировка работала. Даже в свете фонаря я буду выглядеть невнятной тенью вещей, висевших на вешалке.

Лифт прогудел до десятого. Потом, спускаясь, останавливался через этаж. Кто-то вышел и на моём.

По всему дому уже грохотали удары кувалд или чем там вышибают двери. Начался обещанный слом, хотя, по сути, взлом. Забухали удары и на моём этаже, вперемежку с чьим-то тяжёлым дыханием — это вскрывают квартиру по соседству, понял я. А ведь там, в квартире, никто не живёт уже с полгода. Но дверь заперта. И она упорно противостоит напору.

Я помнил эту дверь — с сувальдами, уходящими в стену по обе стороны двутавровых стальных балок дверной коробки. Так что её непросто открыть. Это дверь в квартиру Жени хлопнула как на ветру — не заперто. А тут бойцу придётся изрядно помахать кувалдой. И, судя по всему, он сильно отстаёт от коллег — удары в доме стихали, уступая место ругани и шорканью тяжёлых башмаков спускающихся по лестнице якобы стражей порядка. А на самом деле мародёров.

— Ты чо возишься, сынок? — окликнул кто-то бьющего молотом в соседскую дверь, и она в этот момент поддалась.

— Да вот, курва, бронированная, как в банке...

— Было бы там чего ценного. Кончай, и пошли.

— Ща...

Теперь моя очередь.

Дверь скрипнула.

Тяжёлые башмаки застучали по плиткам пола в коридоре.

— Что там? — донеслось из-за двери.

— Пусто, — раздалось откуда-то из спальни.

— Тогда сильно не задерживайся, — скомандовали от лифта, — у этих нищелюдей и брать-то особо нечего.

Мой незваный гость, второй за последние сутки, что-то перебирал в большой комнате. И я перебирал вместе с ним, но в голове: часы, телефон, планшет... Всё это имело ценность в прошлой жизни.

Щёлкнул — раз, другой — выключатель, но свет так и не загорелся.

Гость выругался. Но и фонариком не воспользовался. Может, его и не было?

Заскрипел паркет под башмаками. Ага, вот он добрался до моей формы — звякнули медали на тужурке. Что-то полетело на пол.

«Тебе ж сказали: не задерживайся. И чего ты там завис?».

Мысль оказалась несвоевременной — дверь в кладовку приоткрылась.

Я задержал дыхание...

6

Мог бы и не стараться. С улицы донеслась россыпь барабанной дроби автоматных очередей. И крики. Которые напрасно пытались заглушить грохот стрельбы. А с переходом на вой — боли и ужаса — и вовсе растворились в

стрёкоте автоматов. На смену им пришли одиночные щелчки выстрелов — добивают...

Мой гость шагнул прочь от кладовки. Но тут уже я не собирался с ним просто так расставаться. После того, что произошло во дворе. И что я не видел, но очень хорошо представлял.

Если бы он оглянулся, то мог бы удивиться: чёрная тень в углу вдруг выросла в размерах, сравнялась ростом с ним.

Кортик с лёгким шелестом выскользнул из ножен:

— Только без шума, — прошептал я прямо в ухо, наполовину скрытое забралом шлема. А потом так же тихо добавил: — И шуток. Я их не понимаю.

Левой рукой перехватил ствол автомата, легко выдернул из враз обессилевших рук «космонавта» и положил оружие на стол. Не глядя. Это мой дом. Моя крепость. Тут даже в темноте я знаю, что и где.

Ощупал разгрузку. С сожалением констатировал, что пистолета в экипировке нет. Зато есть переговорное устройство на шлеме.

Я зажал микрофон в кулаке, едва сдерживая себя от того, чтоб чуть сильнее не надавить на кортик, прижатый к незащищённому горлу «космонавта».

И тут ожил наушник:

— Ты где? Хорош мародёрничать, уходим, дело сделано.

Кончик кортика слегка проткнул таки кожу, покрывшуюся мелкими пупырышками от страха.

— Скажи, что сейчас будешь, — шепнул я в ухо и приоткрыл микрофон.

Кадык «космонавта» дёрнулся, а сам он икнул:

— И... Иду...

— Ну, пойдём, — подтолкнул я его к выходу, не представляя, как выйду из положения, в которое попал. И нужна была мне эта месть за расстрелянных во дворе? С большинством я даже шапочно познакомиться не успел. Ясно только, что в основном они или переболевшие, или избежавшие хвори. Потому как вакцинированные да ещё и не по одному разу вряд ли вывалили бы во двор сразу после команды — ещё один признак мутации, деградация почти до уровня овоща. Ну да в нашем доме вроде таких не было. И что теперь? Собирался же просто отсидеться...

На лестничной площадке было светло — и через окно с улицы, и от плафона над дверью лифта. И я разглядел своего пленника. Пацан. Лет двадцать. Может, чуть больше. Но я почти втрое старше. Он меня одной левой... Да и я не имею против него ничего личного. Он тот один, который не стрелял. Пусть и случайно. Но в другой раз такого случая может и не представиться. И он выстрелит, в этом я не сомневался. Грабить же он пошёл, пусть и не взял ничего. Так опять же, потому, что взять было нечего. Его ж предупредили. Нищebroды мы. Хотя вон в правом кулачке зажал что-то...

Но мне сейчас было не до того, что этот в чёрном спёр у меня.

— Снимай шлем.

Парень неловко снял свою сферу левой, не выпуская из правой то, что держал в кулаке.

Без шлема он оказался ещё моложе. И перепуганный до безумия, которое выбелило его глаза.

Справа зияла дыра выломанной двери в квартиру соседки. Двери, как и предупреждал тот, с мегафоном, подлежали слому. Или взлому. Туда, в провал сломанной дверной коробки, я и подтолкнул пленника. И вместе с этим нажал на кортик.

Чуть снизу и вверх. За ухом. В шею. И дальше — прямо в мозг. Если он был.

Я даже не ожидал, как легко булатный клинок вошёл в тело. А мой пленник тем более не ожидал. Он даже не охнул — от боли или хотя бы неожиданности, когда на чёрном комбинезоне рубином вспыхнула красная кровь. Я только немного подтолкнул уже безвольное тело вглубь квартиры соседки. И подхватил сферу, чтобы в микрофон не ударил гром её падения на плитки пола.

«Ну, всё, сейчас его пойдут искать. А найдут меня», — мелькнула запоздалая мысль. А с ней пришло и решение. Которому я удивился не меньше, чем собственному спокойствию после убийства. Меня, конечно, готовили морально к тому, что врагов нужно убивать. Но всё это предполагалось как-то на расстоянии, и не руками, а тротилом ракет и снарядов. Да и враги мыслились иные, а не пацан, которого призвали и дали автомат. Но никто же не заставлял его подписываться на убийство и грабёж. Вот и получил своё.

Схватив сферу, я припустил по лестнице вниз. На втором этаже ворвался в квартиру в моём стояке, с ноги вышиб дверь на балкон, дождался падения осколков и вернулся на площадку, где и бросил головной убор покойника.

Переговорное устройство тут же ожило. Но я уже не слушал, как выговаривают мертвецу за гул и грохот в эфире. И за опоздание в строй. В который он уже не встанет. Никогда.

По ступенькам я почти взлетел на свой этаж. Бросил взгляд на покойника. Кортик. Он так и торчал, перекрывая выход крови.

Я выдернул своё оружие. Пускать в ход которое никогда и не планировал. Разве что в безысходной болезни решить собственную участь. Вытер клинок о чёрную форму, вытащил запасной магазин из «лифчика» разгрузки, прикрыл тело пледом, затолкал за диван. И вернулся в свою квартиру. Не знаю только, надолго ли. Но автомат вселял надежду, что так просто я не уйду. И кто-то ещё, кроме этого пацана, заплатит за гору трупов во дворе.

7

За мной никто не пришёл. Хотя я и слышал, как в подъезд ворвалась толпа разъярённых мужчин. Но дальше второго этажа они не пошли. Моя уловка сработала. Более того, кто-то даже пытался выпрыгнуть в том же направлении, но был удержан в служебном рвении. «Автомат», — только и разобрал я из сбивчивой и невнятной из-за этажей между нами ругани.

Ну, да, разумно. Своей немудрёной инсценировкой путь побега я обозначил через рощицу, почти вплотную подступавшую к домам со стороны, противоположной двору. И просвечивала она только на первых шагах между берёзками. Дальше молодая поросль, пусть и с облетевшей листвой, скрывала и тропинки, и того, кто хотел бы убежать

подальше от двора, где теперь лежала гора трупов. Я их ещё не видел — не рискнул подходить к окну, но живо себе представлял. И если бы за беглецом погнались, у того был шанс положить преследователей одной очередью. Никто ж не знал, что автомат пятью этажами выше...

В наступившую в доме тишину я долго не верил. Только когда во дворе пророкотали движки автобусов и штабной машины, с которой обещали эвакуацию, рискнул выбраться из своего закутка. И взглядом из-за штор проводил кавалькаду убийц.

Двор был усеян телами — никто и не подумал трупы убирать. Но обшарить их убийцы не постеснялись. Теперь ветер ворошил выпотрошенные из сумок вещи, — ту самую смену белья, которую требовалось взять, он же переворачивал страницы никому не нужных документов. В предвечернем солнце поверх тел и между ними, тут и там поблёскивала медь гильз. А развороченный колёсами штабной машины газон словно исходил болью свежих ран. Будто вновь по нему прошли доблестные рыцари водоканала и теплосетей... Хотя какие они рыцари... Гробокопатели. Которые как раз сейчас и были нужны. Кто-то же должен похоронить всех...

Было ещё достаточно светло, чтоб я смог разглядеть и Хуча, и Сашеньку, упавшую рядом с собачкой. А ещё Женю, похоже, пытавшуюся в последнем рывке прикрыть дочь. Младшую. Старшую Полину она не так любила почему-то.

Машины исчезли за поворотом. Посёлок, будут теперь считать там, где отдали команду на эвакуацию прямиком на небеса, зачищен. Гул моторов стих, зато стал

слышен далёкий стрёкот автоматов — со стороны домов, которые были ближе к железной дороге. Чистка продолжается, значит, ещё некоторое время им будет не до меня. Но почему так не согласовано? Устроили шум у нас, и только теперь у железнодорожников...

Присев за стол, я нащупал автомат. Холод металла навёл на мысль: наш посёлок, хоть и был частью города, жил особняком, и больных у нас было немного, а мутировавших я и вовсе не видел, по крайней мере, внешних признаков не наблюдал, насколько это возможно с плащами и противогазами. А вот у железнодорожников было всё куда хуже. С третьей волной там все вакцинировались, в надежде не потерять работу. Но её они потеряли. Как и жизнь. Но и мутантов среди них могло оказаться немало. И они-то, неторопливые и тугие на принятие решений, могли затянуть выход на эвакуацию. Потом и прожили чуть дольше. Что уже не имело значения в принципе.

Значит, алармисты, те, кто бил тревогу до того, как интернет и связь рухнули полностью, были правы: никто и никого не собирался лечить. А всё делалось с одной целью — масштабная зачистка. Ну, или нечто похожее. Однако с одним концом. Люди им не нужны.

Я — тем более. Неизбежное зло, как нелестно обо мне отзывался пассажир.

Кстати, где он? В будущем или в прошлом? А ну как меня вытошнит? После убийства-то... Вот будет конфуз...

Вместо того чтоб конфузиться, я сунул руку в шкаф — туда, где за посудой для редких и в прежние дни гостей лежали свечи, на всякий случай, про запас.

Случай наступил...

Я плотнее задёрнул шторы...

8

Слёз не было. Была опустошённость. Даже ненависти к убийцам я не испытывал. Как и раскаяния за совершённое, и тоже убийство.

Я крутил на столе купленные в лавке банки и вспоминал. Как всё начиналось. То, что сегодня, скорее всего, не закончилось, хотя и прошло катком по сотням, а то и тысячам жизней. А может и больше...

...Нет, нет, она была вовсе не смешная — пандемия. Нельзя смеяться над тем, чего нет. От слова совсем. Даже с учётом того, что ВОЗ, эта служанка фармацевтических компаний, существенно — в разы — занизила показатели, позволяющие пандемию объявить. И всё равно даже на эпидемию это не тянуло. Но она вроде как была. Благодаря СМИ. Хотя их нужно было давно переименовать в средства массовой дезинформации и рекламы. А заодно и пропаганды. Да и писали к тому времени во все эти газетёнки, а пуще снимали для телевизора всякие журналистики. Не журналисты, а именно журналистики. Ну, знаете, такие листики, с перфорацией. Их ещё в уединении отрывают от рулона... Отрывают и пользуются. Но сами журналистики того, что ими пользуются, не понимали. Воображая себя, как минимум, втулками этого рулона. Хотя власть к тому времени и для втулок придумала технологию смыва. И очень этим гордилась. И многие журналистики вещали о том, восхваляя власть. Забыв, что обязаны её критиковать. Не потому что власть априори плоха, хотя применительно к России на протяжении как минимум

двадцатого века, ну или хотя бы на всём моём веку так оно и есть. Просто власть должна знать своё место. Не ей служат, а она на службе. У общества. Так что без критики никак не обойтись. А хвалить её могут только или дураки, или подлецы. Дураки не понимают, но желают высказаться. Подлецы в курсе, но надеются, что, лизнув власть пониже спины, будут замечены и отмечены. Как же. Три раза ХА. Власть даже не заметит. Потому как считает это само собой разумеющимся. Раз ты в рулоне.

Да, есть в рулоне втулка. Которой вроде как не попользуешься. И у которой вроде как больше свободы. Ну, там, домик в Альпах, гражданство не той страны, которой на роду написано быть гондурасом... Так для того и придумана была технология смыва втулки. Едва надобность отпадает, даже этих, вроде как неприкасаемых столпов власти смывают. Потому как скудна поляна северной сверхдержавы на глиняных ногах, на всех оленей ягельника может не хватить.

Не знаю, как теперь, без связи, интернета и газет, но прежде журналистики верно служили. По назначению. В смысле, пропагандируя здоровый образ жизни для борьбы с пандемией. Ну, там, маски, перчатки, укольчики... Хотя давно мало-мальски думающими было признано, что всё это ничуть не спасает от заражения. Однако вместо выработки коллективного — стадного — иммунитета власть добивалась стадного инстинкта. И вот уже на тех, кто без маски, стали кидаться обычные граждане. Хорошо пока не с вилами...

Очереди скорых были, не спорю, но не из-за числа заболевших. От истерики граждан, напуганных СМИ. Но

ещё больше — от реформы здравоохранения, в результате которой главврачи и главбухи стали получать в разы больше остального медперсонала, а младший и техник вообще сократили. Потому и лежали трупы среди живых — убрать некому, а не потому что их так много. Ещё больше осталось умирать дома — ну нет у них признаков ковида. А сердце болит. Или почки. Ну и пусть, нет под таких больных коек. Так что зажмите в ладони или во рту монетку для Харона и вперёд. А вирус почти никого не убил. Убили осложнения после заражения. Как и в случае со СПИДом. К которому за 40 лет так и не нашли вакцины, а тут сбавали за пару недель. И вот результат — о котором думающие предупреждали. Мутации. И естественный итог — под нож мутантов. И остальных заодно. Как потенциальных разносчиков заразы. Но это потом. В смысле, сейчас, после очередной, потерянной для счёта волны.

Тогда же, в начале, больных было столько, что заканчивались даже дополнительно выделенные койки. Но даже сами чиновники от здравоохранения признали, что каждая пятая занята не больным, а предположительно больным! Ну, об этом давно говорилось: положительный тест — это не признак болезни, это возможность быть носителем. Но человек является носителем десятков болезней, сотен вирусов! И не всегда это означает, что он болен. Да и почти каждый второй тест давал ложный результат. Так что цифирь в СМИ нужно было уменьшать хотя бы на треть. А с учётом признания чинуш — и того больше! Но всё было ровно наоборот. Для потребления человеческого стада. И нагнетания истерии. А там, где

истерика, не до анализа происходящего. И болезнь сама находит свою жертву.

В погоне же за скорейшей выработкой стадного инстинкта и вовсе додумались до бессимптомных больных. Вы суслика видите? Нет? А он есть...

Пока все искали суслика, шёл делёж. Вначале полей вакцинации — никто не хотел признавать чужих вакцин. Потом, поделив доходы, стали делить власть. И вроде ж правильно всё спланировали: когда война, нужен один командир, один начальник, нечего городить национальные заборы. А кто справится лучше? Конечно, ВОЗ, у которой уже и карты все на руках: и очередную волну объявит, и расскажет, чем и когда колоться. А кто не хочет — заставит. Нужно только все силы подчинить одному командиру.

Так ВОЗ стала главной. Во всём. Тогда-то и «Росгвардия» сменила прописку. И присягу. Хотя она и прежде была не тем, чем значилась по замыслу.

Ну, да поначалу, когда полиция где-то отказалась, а кое-где и сама из-за мутаций оказалась неспособна к действию, бывшие гвардейцы только биометрические паспорта здоровья проверяли. И соблюдение масочного режима. Который к тому времени был уже противогазовым, и даже изолированным... А теперь вот, приехали... С автоматами, показав истинное лицо. Ради которого им и было послабление — в виде необязательности вакцинации.

Мысль моя опять опередила события, так, как я их ещё помнил. Благо случилось всё едва ли не вчера. Но что толку об этом теперь вспоминать и валить на продажных журналистов? Итог закономерен. И для них, кстати, тоже. Телевизор, правда, ещё порой просыпается очередным

посланием верховного из бункера — с призывом сохранять спокойствие. Это всё, на что он способен. Не телевизор — верховный. Впрочем, он и прежде был всего лишь призывник — всё призывал, призывал, а кого? Себя, что ли? Но этому его выходу из подполья теперь предшествует убойная для психики процедура — включаются сирены и системы оповещения о ядерном нападении. Журналисты не нужны в этой цепочке. Странно, что эвакуацию так не объявили. Может, это местная самодеятельность? Центральная власть давно носа никуда не кажет, отдав всё на откуп местным князькам, может, это они решили зачистить поляну? Они же, как и гвардейцы, и большинство администраций больниц от вакцинации были не то чтоб освобождены, но нашли способ её избежать. Тогда где-то должны быть и нетронутые поля живых...

9

Начинать надо с азов. А вначале было слово. И это слово — не бог. Уже хотя бы потому, что Б — далеко не первая буква в алфавите. Но на всякий случай повторюсь: начинать надо с азов.

Аз. Я. Это власть переставила буквы местами. Советская, провозгласившая преобладание общественного над личным. А нынешняя, сдавшая даже то, чего добилась советская, и вовсе отказала в праве на личное. Отказала всем, кроме, друзей верховного. Которых, по слухам, это не спасло. И тем не менее Я стала последней буквой алфавита. Вот только, как бы власть ни пыжилась, всё начинается с Я. С меня. Аз есмь бог. Для себя прежде всего. И поверьте, особо нового я ничего не сказал. Потому что ещё до меня на

вопрос, как можно с такими мыслями жить, Терри Пратчетт ответил односложно, но ёмко: «Долго».

Нам долго жить оказалось не суждено. И хоть я выжил, это, скорее всего, тоже ненадолго.

А я с детства был завистлив. Ужасно завистлив. Вот только не чёрной завистью, а странной её разновидностью. Я не завидовал дорогим игрушкам, хотя мне они нравились, а у меня их не было. Таких, каких хотелось: машинок, с открывающимися дверцами и на резиновом ходу, солдатиков, идущих в атаку, металлических конструкторов... Потом не было томагочки и прочей лабуды. Да, у меня одного из первых среди ровесников появился фотоаппарат, простенькая «Смена», но это было куда позже. Когда играть уже не особо хотелось, потому что появились другие хотелки. Но до того я мог попросить игрушку. Поиграть, но не забрать. Хотя у меня мои игрушки порой отбирали. Марки, например. Их украл мой однокашник, которого я привёл домой. Бабушка нас накормила, а когда я куда-то отвлёкся, он вытащил из клэссера не меньше дюжины самых симпатичных марок. И ушёл. А мне за пропажу ещё и перепало. Марки денег стоили. И немалых, судя по зарплате родителей. Маминой, как я помню, хватало как раз на 10 дней питания. Да, с базара. Но только на базаре и можно было купить творог, сметану, курицу... А потом и там не стало. Однако вернёмся к маркам.

Толик не признался, что стащил. Но пару дней спустя похвастался, что у него тоже есть марки. И показал. Мои марки. Но наклеенные, Карл! В обычную тетрадку, приклеенные намертво. И безнадёжно испорченные. Но он благородно решил мне их подарить. И подарил. Чтоб я мог

над ними порыдять. И надолго забросить увлечение, хотя отец и продолжал привозить марки всякий раз, пытаюсь меня заинтересовать. Собирать вновь я стал годы спустя, познакомившись с приехавшим в деревню к деду парнишкой по фамилии Доля. Судьба, в переводе. Но оказалось, не судьба...Ему глянулись какие-то мои марки, а мне — как казалось, раритеты его коллекции для обмена: рваная марка с Николаем, почти выпцветшая копия первой русской марки, такая же, если не в более плачевном состоянии, первая советская...

Ну, в общем, вы понимаете. Я опять лоханулся. Марки хоть и были вроде бы редкими, однако ничего не стоили. Подделки. Но меня они радовали. И я не завидовал тому, что в альбоме парня остались сотни шикарных марок.

Я завидовал тому, что он о них всё знал.

А ещё завидовал умениям. Куда больше, чем игрушкам. Страшно завидовал. И старался повторить. Получалось редко. О том, чтоб вышло лучше, и мечтать не приходилось. Но я старался. Так моя зависть стала движителем моего развития. Как лень, которая двигатель прогресса.

Завидуя, я написал дюжину романов. Они не вывели меня на дорогу к Букеровской или Гонкуровской премии, но кормили в самые лютые, голодные годы перестройки. А получив относительную финансовую свободу, из зависти же стал заниматься моделизмом. Поздновато, конечно, уже и глаз не тот, и руки-крюки. Но строил кораблики. В удовольствие. Которое однажды иссякло. И стройка зависла. Писание, кстати, тоже, но по другой причине. Люди читать перестали, не для кого стало писать...

Но до того я честно служил, а потом пахал до седьмого пота. А другие тоже строили. Но не кораблики. Кто карьеру строил, кто загородные дома. Я не завидовал. Хотя и был не прочь занять такие хоромы. Но не было и нет у меня таких талантов — материализовать свою глупость, наглость или что там ещё необходимо для обретения материальных благ. Я довольствовался тем, что получал. За труд.

Ну, да, чаще всего недоплачивали. Обидно было. Порой до слёз. Особенно когда другим платили в разы больше за куда меньшие достижения и успехи. Но это так и не стало поводом к тому, чтобы я изменился. Или изменил своё отношение к материальным благам. Точнее, способу их обретения. Не стало труда — и блага иссякли. А новых способов кроме как заработать трудом, я так и не придумал. Поэтому довольствуюсь тем, что есть. Но не завидую. Смысл? Отравить себе оставшиеся годы? Мне и так пока не худо.

Там более что аз есмь бог.

Вот только этот бог сидит за столом в пустой и тёмной квартире и готов разрыдаться.

— Ты плачешь?

Голос в голове вывел меня из ступора.

— Пассажир?!

— Ты ждёшь кого-то ещё?

10

Я и его-то не ждал. Его, которому мы были вообще неинтересны. Но он вернулся. Хотя, полагаю, совсем не потому, что у него вдруг проснулась его космическая совесть

или интерес к жалким людишкам, истребляющим друг друга под ещё большей угрозой истребления.

— Слушай, ты извини, конечно, но обращаться «Пассажир» мне как-то не с руки, — хотя, если честно, меня глодало, конечно, совсем иное: безымянный труп в соседней квартире.

— Ну, убивая, ты имя не спрашивал, — не стал щадить мои чувства пассажир, ещё один гость в моём жилище. Которому суждено стать и моим склепом.

— Имя ему легион, — пробормотал я.

— Не исключаю. Хотя их значительно меньше. Тех, кого ты под этим подразумеваешь.

— А тебе откуда известно?

— Мне много чего известно. Хотя я бы и предпочёл этого знать.

— Но вынужден?

— Вынужден, — согласился мой невидимый гость.

— Тогда, может, и меня просветишь?

— Для начала тебе придётся ввести меня в курс дела.

— Но ты ведь, вроде, как всё знаешь...

— Меня долго не было.

— Ну, да, каких-то пару часов.

— До того.

И я рассказал.

О том, как надмировым правительством стала ВОЗ. Не организация, конечно, а те, кто за ней стоял. Вначале были заблокированы перемещения по миру. Потом — и в пределах суверенных стран. Которые перестали быть суверенными. Наш-то верховный полномочия не сдал. Хотя и власти у него нет никакой. От слова совсем. Сидит себе в

бункере, вещает порой в телевизоре, система гражданской обороны где-то сохранилась, вот и жмёт он на кнопку. Вместе с бывшим министром обороны. Который ничего не оборонил и не защитил. Потому как армия, следом за «Ростгвардией», пока ещё была такая возможность, тоже присягнула варягам. Не вся, правда, мест уже не оставалось для выражения верноподданнических чувств.

Впрочем, нужно отдать новой власти должное, она на присоединённые территории и шаг не сделала. Всё чужими руками. Местных элит. Которые закрыли фабрики, заводы, жизнеобеспечивающие предприятия... Не стало работы. Зарплаты. Людей обрядили в костюмы химзащиты. Запретили дышать. Даже через маски и противогазы. Чуть позже окончательно закрылись больницы. Которые и так давно никого не спасали. Прежде всего потому, что не было ни эпидемии, ни пандемии. А обращение в больницу гарантировало заболевание. Особенно после прививки.

Жизни не стало. Мы стали выживать. И не только поражённые в правах отказники — привитые тоже оказались лишними на празднике жизни. Хотя ВОЗ и отказывалась признать побочные действия вакцин. Когда ещё был жив интернет, приходили известия: принудительная поголовная вакцинация в странах Европы, концлагеря в Австралии, волнения в Америке, и не только в США, где наметился распад страны. Ну, или, по крайней мере, нежелание отдельных штатов жить по волчьим законам, спускаемым из столицы. Некоторые маленькие государства смогли избежать разрушительного воздействия вакцин, но ненадолго. Не зря же армии перешли в подчинение ВОЗ. Которая объявила эти страны зоной бедствия. И превратила

их в пыль. Хорошо, не радиоактивную. Однако спасения уже не было. Черту перешли чуть раньше, когда начали вакцинацию, не разобравшись с самим вирусом. Тем более — со средством против него.

Поначалу-то только болеющих стало больше. Среди привитых. Сроки между вакцинациями стали сжиматься, как шагреновая кожа. Что только усугубляло ситуацию. А потом пошли мутации. Которые отрицались с ещё большим рвением, чем распространение вируса вакцинированными. И о которых вначале ходили слухи, а потом они стали явью.

— А теперь вот нас пришли убивать, — закончил я рассказ. — Иссякли запасы, похоже. Или ещё что. В любом случае, мы — расходный материал. Или они нас, или мы — их. Пусть и не всех. Но с кого-то же надо начинать. Вот я и убил. Впервые в жизни. Хотя всю жизнь к этому готовился. Но они первыми начали.

Я ждал вопросов — рассказ был довольно сумбурным, что-то я упустил, через что-то перескочил или поменял местами причину со следствием, но пассажир молчал. Или его появление мне только почудилось? Как предохранительный клапан в голове, готовый взорваться после случившегося.

— Всё нормально с твоей головой. Не прибедряйся. Оторви задницу, и во двор. Там есть живые, — внезапно ударило меня по ушам, но, как бы это объяснить — изнутри, что ли...

— Автомат не забудь, — напутствовал меня пассажир, когда я закутался в свою плащ-накидку, она же шаль-невидимка.

Заглянув в соседскую квартиру, убедился, что труп бойца на месте. После чего сбежал по ступеням и застыл у входной двери, прислушиваясь.

Всё тихо. И темно. Фонари почти не освещают двор. Хоть электричество ещё не отключили полностью. И уцелевшие лампы рисуют призрачные тени на снегу.

Я сделал шаг вперёд. Под ногами скрипнул снежок.

И тут же я чуть не сел на пятую точку. От страха.

Среди трупов мелькнуло чьё-то лицо.

Когда там же слабо взмахнула тонкая ручонка, я уже пришёл в себя.

— Холодно... — стуча зубами и прижимаясь ко мне, забормотала Полина, старшая из дочерей соседки Жени, когда я подхватил её, готовую опять рухнуть меж тел.

Закинув автомат за спину, я поднял девочку на руки. Этого, конечно, мне только ещё не хватало, мелькнула подлая и эгоистичная мыслишка.

Хорошего, конечно, было мало. Когда пассажир сказал о живых, мне пригрезилось, что там, во дворе, я найду такого же выживальщика, готового цепляться за жизнь. В том числе и с оружием в руках. Но девочка тринадцати лет... Это тот ещё балласт. А если и ранена, то это вообще крах всем моим шансам выжить. Что и в одиночку казалось нереальным.

Рискуя громогласно заявить о себе на всю округу, я внёс девочку в лифт.

При тусклом свете плафона мне показалось, что её лицо — сплошная рана и покрыто запёкшейся коркой крови. Но в ванной, включив, наконец, свет и надеясь, что его отблески не будут видны в окнах, разглядел, что всё не так страшно. Более того, раны не было. А кровь была.

Пока наполнялась ванна — немногое из благ, что осталось — вода, которую грел встроенный бойлер, я осторожно раздел Полину. Её колотил озноб. Но ран не было и на теле!

Для своих тринадцати, Полина была маленькой и лёгкой. И ещё не сформировалась, хотя рыжеватый пушок уже пробивался в самом низу живота.

— Дядя Миша, мне страшно...

— Ну, ну всё, уже позади, — врал я, понимая, что всё только начинается. При этом в голове у меня крутились совсем уж неприличные мысли. Хотя прежде при виде этой угловатой девочки, вечно чего-то смущающейся, у меня никогда не возникало ничего подобного сродни плотскому желанию. Но тут, похоже, всё наложилось. И отсутствие отношений с женщиной длительное время — какие там отношения, когда из дома не выйти и, главное, никого не найти — имеется в виду готовых рискнуть ради случайной близости подцепить вирус. И стресс после убийства — требовалась разрядка. И голенькое тельце, пусть и совсем детское, но всё же с намечающимися признаками женщины. Которой она может и не стать. Это сейчас каким-то чудом ей повезло, и она осталась в живых, когда все вокруг мертвы. А её миновали и автоматные очереди, и не добили её после всего...

Горячая вода сделала своё дело, Полина быстро согревалась и приходила в себя, даже засмущалась, когда я погладил её тонкие ноги в опасной близости от пушки.

— А мама... Мама умерла? — голосок дрогнул, но сама Полли как я её звал, встречая после школы, уже не дрожала.

— Да, солнышко... Все умерли. Мы остались вдвоём.

— Втроём, — поправил меня пассажир.

И Полли встрепелась:

— Кто это?

— Это? Ты тоже слышишь?

12

Полли тоже слышала пассажира. Так что мне стало даже чуть спокойнее — я не рехнулся, крышей не поехал. Правда, объяснить наличие постороннего жильца в моей двушке это не помогало. От слова никак. А уж кто он такой...

Я надеялся, что он сам попытается объясниться, раз уж засветился, но пассажир молчал.

Пришлось признаться:

— Видишь ли, я даже не знаю, кто это и откуда он взялся. Только теоретически могу представить. Но не объяснить. Так что просто прими как факт: с нами ещё кто-то. И от него не скрыться. Так что пусть себе, не обращай внимания. Тебе и так досталось. Отмокай. А я схожу в вашу квартиру, возьму тебе одежду.

— Дядя Миша, не уходи, я боюсь!

— Ты же смелая девочка! В тебя стреляли, а ты жива. Я б так не сумел...

— Я просто испугалась! И когда пальба началась, я упала. А потом на меня упала мама. А дальше я ничего не помню. И ничего не видела. Из-за крови. А потом увидела вас...

Понятно, Женя хоть и держала Полину в чёрном теле, в свои последние мгновения, может и не специально, спасла дочери жизнь. А команда зачистки поленилась проверить, не теплится ли жизнь в ком-то ещё. Они очень уповали на свои автоматы. Да и потом, скорее всего это был первый опыт массового истребления мирных граждан. Мне вспомнилось, что от убитого мною бойца изрядно пахло сивухой. Там было не только сто грамм для храбрости, а куда больше. Вот он и не смог оказать сопротивление.

И счёт пока в мою пользу: один труп врага и одна выжившая. Но что дальше?

Для начала — чистая одежда для Полины.

Вода была ещё горячей, пена укутала девочку до подбородка, и она на удивление быстро приходила в себя. Или просто не отдавала себе отчёт, что мать и сестрёнка мертвы? Так уже взрослая достаточно...

Стараясь чтобы свет из ванной не отразился в окнах, я бочком выскользнул в коридор, а потом на площадку. И тут же услышал шум в квартире, в которую я направлялся.

За дверью кто-то был.

Только бы Полли не позвала меня!

Я запоздало пожалел, что не прихватил автомат и удивился молчанию пассажира: Полли он услышал во дворе и буквально вытолкнул меня, а тут не предупредил об опасности в соседней квартире.

Возвращаться было поздно.

После героев на поле боя приходят мародёры. Впрочем, какими героями нужно было быть, чтобы положить во дворе уйму незащищенных людей? Такими же, наверное, будут и мародёры...

Я качнулся в сторону проёма, за которым лежал труп бойца в чёрном. В отличие от моей квартиры, здесь свет горел — покойник его же и включил, собираясь немного пограбить. Но мне это мало что дало — оружия здесь не было. Разве что на кухне где-то есть ножи, чисто теоретически, не может быть, чтоб их не было. Однако пока я их найду, выдам себя.

Я прихватил табуреточку из прихожей — сидя на ней в той, прошлой жизни обитавшая здесь соседка, дама довольно тучная, скорее всего, переобувалась. Оружие так себе, даже не мой кортик.

Взвесив всё, чем теперь располагал, — в прямом и переносном смысле, стараясь не шуметь, я преодолел последние метры до квартиры, в которой Полли больше не живёт.

Свет в ней тоже горел во всех комнатах, так что я зря прятал своё освещение, наоборот, выдавал себя тёмными окнами. Благодаря судостроительному заводу, наш посёлок был на автономном обеспечении. И когда город по большей части ушёл во тьму, у нас было электричество, вода, газ и отопление. Последнее, правда, начало сдавать. Что весьма печально при надвигающейся зиме. Так ведь и жить-то никто не должен был в наших домах. Уж после сегодняшнего точно.

Но мы жили. Я и Полина. И ещё пассажир. С которым нужно установить более тесные отношения. Чтоб не влипнуть ещё раз, вот так, как сейчас.

Я вошёл в распахнутую дверь.

Шум доносился из дальней комнаты. Кто-то усердно выворачивал ящики, которые уже до этого не пощадил убитый мною черnogвардеец, или кто он там после всех этих перипетий с переприсягой...

Быть честным и прямым бойцом я не собирался. Не кино, тут жизнь на кону. Даже две. И моя, и Полли. Так что, когда грабитель шагнул из комнаты, по сути, навстречу удару, мне и думать-то особо не пришлось.

Табуретка врезалась точнёхонько в переносицу. Или мне показалось? Скорее да, чем нет — удар пришёлся в лоб. Неприятно, но не смертельно. А табуретка разлетелась, оставив мне на память одну ножку, за которую я держал свой снаряд. Не ставший убийственным. Но хоть немного огорошивший грабителя. Во-первых, нападения он не ждал. Во-вторых, хоть табуретка и рассыпалась, но всё-таки это больно — получить по лбу деревяшкой.

Вот только большего преимущества, чем внезапность, я не получил.

Грабитель даже не взвыл от боли. Он только на мгновение приложил руку ко лбу. И тут же выкинул вперёд вторую, лишь чудом не достав меня, растерянно взирающего на ножку табуретки в руке.

Габаритами мародёр превосходил меня, не вдвое, конечно, но изрядно — моя рука, даже с ножкой от табуретки оказалась короче его граблей. Да и выше он был почти на голову. Так что о честном поединке и заикаться не

приходилось. И я ткнул своей палицей ещё раз. Опять целясь в переносицу. Но там уже стоял блок. Вот только удача всё ещё была на моей стороне.

Табуретка, похоже, давно была готова уйти в утиль, этого я впопыхах не заметил. Да и не думал, что за такой, почти бронированной дверью будет хлам, а не мебель. С соседкой-то я был только шапочно знаком, так, здоровались иногда, сталкиваясь на площадке. Но мог бы понять, когда втащил в её квартиру труп — пошарпанные обои, протёртый диван, за которым покойник нашёл временное пристанище... Ну да сейчас было не до этого.

Ударив, я лишился своего оружия.

Потому что ножка, похоже, была довольно топорно приколочена к табуретке. И при первом же ударе гвоздь остался в ней, отпустив сиденье в свободный полёт. Теперь этот гвоздь впился в ладонь мародёра, которой он защитил лицо.

Впился хорошо, ножка осталась в руке, проткнув гвоздём её насквозь. Вот только я оказался безоружен. А мародёр уже шёл вперёд. И мне ничего не оставалось, как ввалиться в кухню.

Это уже было не отступление. Будь из кухни второй выход — натуральное бегство. Однако бежать было некуда. И поэтому, как крысе, загнанной в угол, нужно было принимать бой.

Грабитель был чуть дальше, чем на расстоянии вытянутой руки. Которой он и махнул. Для удара. И уж тут-то взвыл — торчавшая в руке ножка задела дверной косяк, разворотила ладонь, окропила кровью поле боя.

Негоже кровь проливать зазря. Она и не оказалась дармовой, даровав мне лишнюю долю секунды. Которой хватило, чтоб краем глаза увидеть на столе солонку с перечницей. И ещё столько же времени ушло, чтоб смахнуть их со стола. В лицо грабителю.

Инстинктивно он прикрылся. Но соль всё равно попала в глаза. Уж не знаю, что там было с перцем, потому как кричать мародёр не стал, охнул только, прикрывая глаза уцелевшей рукой. И мне досталась ещё одна секунда преимущества.

На этот раз, уже почти осознанно, я схватил нож, оставленный Женей на раковине разделочного столика. А ведь народная примета утверждает: нож на столе — не к добру.

И мудрость веков меня не подвела.

Не раздумывая, я ударил, раз, другой, целясь в грудь и в шею. Наотмашь. И тычком. Опять наотмашь.

После третьего взмаха мне в лицо брызнули алые капли. А потом они превратились в упругую струю...

14

Опустошённый, я присел на угловой диванчик, всё ещё сжимая в руке окровавленный нож. Ждал, что сейчас накатит. Уж не знаю, что. Раскаяние. Чувство вины. Тошнота от вида смерти. Что там ещё могло бы быть?

Я не знал. Да и было мне всё равно. Труп в дверном проёме ещё подёргивался в конвульсиях. Потом рука, пытавшаяся остановить кровь из рваной раны на шее, безвольно упала. И мародёр окончательно затих.

За что боролся...

Вряд ли за такую смерть. Но напоролся. Однозначно. И вот теперь лежит. На пороге. И мне нужно перешагнуть через него. Как я только что перешагнул через его жизнь.

Открыв кран, я тщательно вымыл нож холодной водой. словно это имело какое-то значение. Потом вымыл руки и лицо. Вода к этому моменту стала совсем ледяной. Это у меня из бойлера кипяток льёт. А тут то, что осталось в трубах.

Вытереться на кухне было нечем. И я пошёл в комнату за тем, за чем и пришёл. Ну и полотенце взять заодно...

— Дядя Миша, а почему так долго? И что там за шум?

Полина встала в ванне, в завитках пены, с каплями воды на тонких ручонках.

— Извини, не сразу нашёл, — не стал я вдаваться в подробности. — Вот, держи. Хочешь, я тебя вытру?

Она кивнула. Ничуть не смущаясь своей наготы. Надо же, только этого мне не хватало — заботиться о ребёнке, свалившемся мне на голову, и думать о том, как бы не скатиться в ещё один грех, для меня более страшный, чем два трупа за один вечер.

А взгляд притягивал рыжеватый пушок внизу живота, абсолютно плоского, о каком мечтают все девушки, и сем старше становятся, тем больше...

15

Макароны с тушёнкой. А что я ещё мог предложить из набора выживальщика? Тушёнка была с армейских складов, банки без этикеток, но в солидоле. Что немного затянуло приготовление ужина — терпеть не могу смазку на

руках после вскрытия банки. Вот и отправился я мыться. Хотя... Смывал я, скорее всего, не солидол, а память о пролитой этими руками крови. Не хотелось ими прикасаться к пище.

Полина клевала — и носом, и пищу. Как цыплёнок, который в моём детстве был занимательной игрушкой, работая клювом, пока не кончится завод. У девочки завод на сегодня иссяк.

Я подхватил её на руки, когда голова Полли окончательно упала в тарелку с макаронами по-флотски.

— Спи, завтра будет день, — сам того не желая, я чмокнул девочку в лоб. Свою дочку не помню, чтоб так целовал. А тут чужой ребёнок, с которым неизвестно что делать в сложившихся обстоятельствах. Один я, может, и выжил бы, а вот с девочкой...

Гнусные мысли попытались опять оккупировать мою голову, но ей и без того сегодня досталось. Благо ещё не били по ней. А то ведь неведомо как повела бы себя опухоль в ней. Это в спокойствии чинном мы сожительствуем уже который год. А случись удар? Да ещё по затылку...

Полли засопела что-то себе под нос. И отключилась, укутанная в моё одеяло и на моей кровати. Где буду спать я, думать буду потом, диван есть, чем укрыться — найду. А пока...

Погасив свет — какая-никакая, а маскировка, я вышел на площадку перед квартирами. Первым делом — гвардеец. Точнее, его бронежилет. Ну и может что в карманах.

Но прежде мне попался на глаза его кулачок. Пока не наступило трупное окоченение, я попытался его разжать.

Более того, покойник вроде как и сам был рад отдать мне зажатое в ладони кольцо.

Моё.

Сохранившееся от первого брака — второе было тонюсеньким, как и узы, нас связавшие. Не потому ли они и оборвались смертью жены? Ну да это значения уже не имело. Как и память о первом, ещё более неудачном и скоротечном браке. Однако кольцо я всё же забрал. Пусть будет.

Накинув плед на труп — чтоб не оставлять следы крови на площадке, я перетащил покойника в другую квартиру. Обшарил карманы мародёра, сам став ему подобным. Но всё его добро оказалось не в карманах, а в рюкзаке, небрежно брошенном при входе. Зря он так, тем более что рюкзак был полон.

Нет, не золота, на которое позарился гвардеец. В рюкзаке были лекарства. О чём сам я как-то не подумал.

Похожаяничав в шкафах Жени — надеюсь, она там, в горних высях, на меня не будет в обиде, нашёл сумку, сложил в неё пожитки Полины, съестные припасы — такие же, как и у меня, банки. Но в кладовке нашлись и банки с домашним консервированием — огурцы, перцы, помидоры. Несколько упаковок муки — соседка где-то успела не слабо затариться. Немудрено, детей-то нужно было кормить. Это я перебивался в сухомятку. А у Жени нашлось и полведра картошки. Это дачные запасы. Эх, зря она не выбралась с детьми на дачу, глядишь, и выжили бы все...

Мне пришлось сделать несколько ходок, чтобы перетащить все запасы. И только потом я занялся телами. Как раз и стемнело окончательно.

Распахнув в Жениной квартире окно, входившее в ту сторону, куда якобы сбежал гвардеец, я перевалил его труп через подоконник. Потом туда же, с глухим ударом о землю, последовал и мародёр. Если кто и будет разбираться в случившемся, то, надеялся я, не сразу поймут, как всё было. Хотя это и не спасёт нас с Полиной, если начнётся прочёсывание дома. Но какая-то отсрочка, да будет. Мне вон доли секунды сегодня хватило. Не может быть, чтоб удача отвернулась от меня после этого.

— Думаешь, это поможет?

Едва я вернулся в свою квартиру, пассажир опять был в моей голове. И если бы не Полина, которая тоже слышала его, я бы решил, что после всего случившегося окончательно поехал крышей.

— Ничего не думаю, — стараясь не выдавать, что не ожидал его услышать, ответил я. Да и правда, ни о чём не думал. Я слишком устал.

— И что дальше?

— По обстоятельствам, друг мой. По обстоятельствам.

Не собираюсь больше поддерживать диалог, я рухнул на диван и тут же уснул. Без сновидений. И содроганий от ужаса, сотворённого своими руками.

16

Что меня разбудило, я так и не понял. Но комната была залита сумеречным светом, почти молочным по плотности. И ещё...

Ещё комната была полна людей. Ну как людей. Человечков. Маленьких человеков. Мальчиков. Или одного мальчика. Но в разных ипостасях.

Стриженный наголо. В трениках с вытянутыми коленями — таких я уж тыщу лет не помню. В замызанной футболке с короткими рукавами. И что-то там на логотипе, прямо над сердцем...

Он сидел, стоял, лежал, но отовсюду смотрел на меня вполоборота — от стола, от окна, из угла... И сам пялился в пустой угол и сам там же прятался.

Мальчика было очень много. Из-за него казалось, что в комнате дышать нечем. Но сам он, похоже, не дышал.

Взгляд у мальчонки был остановившийся, пустой, в зрачках ничего не отражалось. Но что-то там было...

Пустота? Глубина? Чернота?

Как там: если долго смотреть в бездну, то бездна заглянет в тебя? Так может, это бездна и смотрит в меня? Я ведь так и не почувствовал ничего, убив двоих своих сограждан, пусть и не лучших, хотя и не факт. Может, я со своими гнусными мыслями куда хуже? А мальчик пришёл воззвать к моей совести. Хотя зачем? Что это даст мне или ему?

Он маленький, а я старый. Мне каяться поздно. Да и что в том проку, ведь грешил почти осознанно. Да, не собирался я никого убивать, так вышло. Но убил же. И случись ещё раз убить, не сомневался бы. Особенно зная, что мародёр даже не подумает меня щадить. А гвардеец, не случись мне появиться внезапно, пальнул бы одиночным не глядя. А то и очередь всадил. Что не сделал бы он, dokonчили бы его друзья, положившие в подтаявший снежок всех, кто

надеялся пережить пандемию. Которой не было. Но которую объявили. Ради чьих-то интересов. Если у меня и раньше не было в том сомнений, то теперь и самые яростные скептики могли бы уgomониться. Если остались живы. В чём лично я глубоко сомневался. Ровно настолько глубоко, на сколько хватало глубины взгляда мальчика. Или их всех.

Непроизвольно я начал считать мальчишек. Начав с того, который сидел на диване. Один, два, три, семь, десять...

В моей квартире отродясь не бывало одновременно столько народу. А уж чтоб все гости ещё и пытались заглянуть в мою душу...

В лучшем случае доктор с фельдшерией разглядывали мою кардиограмму, когда я в последний раз вызывал скорую. Так это было ещё в той, допандемийной жизни...

Я попытался мыслить трезво. Тем более что во рту спиртного не было ни капли уже третью неделю — иссякли запасы, а в лавке такой товар выживальщикам не полагался. Наверное, ещё и потому, что исследования, немедленно объявленные ересью и фейком, утверждали, что вирус побаивается спиртного. А вакцина и вовсе с ним несовместима. Не с вирусом — со спиртным. И не из-за каких-то побочных явлений. А по причине того, что её действие алкоголем полностью смывается. Как мылом — микробы. Ну да это другой вопрос.

Мысль пришла в меридиан.

Откуда в комнате свет? Да ещё такой, мутный...

Света быть не могло. Но уставшая совесть вполне могла подбросить сомнения в собственном рассудке. И мальчик оттуда же, немой укор.

А может, это не совесть?

Постой-ка! Мальчик! И не один! А у меня девочка... И одна. И защитить её некому. Только я могу удержать этого мальчика, как удержал свои неуклюжие позывы страсти. Запоздалой, судя по моему возрасту. А теперь предстоит удержать и молодецкие поллюции.

Мне вспомнилось, как когда-то я сдерживался, обнимая свою троюродную сестру. Которая была на год старше. И которая наслаждалась своей властью надо мной. А я готов был разреветься, чувствуя, как намокают трусы. Она тоже что-то чувствовала, но не отпускала из объятий, тем более жарких, чем больше я пытался унять бешеное сердцебиение.

Тогда мы просто разошлись. Она — домой после неудавшегося свидания, неудачу за которое выместила на мне. Я — к ближайшей колонке. Застирывать брюки.

Сейчас у меня тоже сердце рвалось из груди. Очередями. И одиночными систолами. Как пистолетный выстрел. Мне предстояло удержать целый сонм мальчишек. Но не убивать же их? И вообще, откуда они взялись?

Но сейчас не это важно. Главное — спасти Полли. Как? Ещё не знаю. Но у меня появилась цель. Или миссия, кому как нравится.

— Пассажир? Алё, пассажир?!

Ответом мне было молчание. Но свет погас. И я уснул. А может, и не просыпался вовсе...

— Ты всё ещё здесь? — проснувшись, как обычно, задолго до рассвета, к тому же позднего ранней зимой, я смутно помнил свой сон. Но он тут же стёрся из памяти, стоило мне попытаться связаться с пассажиром, обитающим в моём жилище. Или в моём же мозгу.

— Увы, — последовал негромкий ответ, словно мысли могли быть тихими или громкими.

— Почему? Ты ж не собирався задерживаться. Что случилось?

— Занят путь. Чтоб понятно было и просто.

— Но ты ведь вроде уходил...

— Пытался.

— И что? — я волновался за него едва ли не больше, чем за себя, в своём безвыходном положении.

— Вернулся, — ответ был односложным.

— Застрял?

— Типа того, — пассажир быстро усвоил даже лексику полустанка, на котором увяз. Хотя, если быть точным, то использовал мою. Не всегда литературную.

— Нужна помощь? Ну, чтоб выбраться от нас?

— Ты не сможешь.

— Ну, просить тебя о помощи нам с Полиной, думаю, и смысла нет...

— Ты прав. При всём желании, помочь я вам не в силах.

— Спасибо за честный ответ.

— Не за что.

— А совет? Что мне дальше делать?

— По обстоятельствам, друг мой, — вернул давешний должок пассажир.

— Это я и сам знаю.

— Зачем спрашивал?

— А вдруг? Ты же подсказал, что девочка во дворе жива...

— Не исключено, что именно поэтому я вернулся.

— Наказание за вмешательство?

— Не исключено, — повторился пассажир.

— Но может, начнём всё сначала? Ты расскажешь о себе, о пути, о цели... А уж пойму я или нет — не важно. Всё равно ты уйдёшь, рано или поздно, и унесёшь свои тайны.

— Нет.

— Зачем же так категорично? Может, как раз из-за этого ты и завис тут. А поделившись грузом проблем...

— Нет у меня проблем. Это у тебя проблемы. И они только начинаются.

Я подхватился с дивана и бросился к окну, ожидая увидеть нашествие рати в чёрных бронежилетах. Но за окном был пустой двор. Не считая трупов почти в его центре. И лёгкого снежка, моросившего с мрачных небес.

— Да, да, они и есть твоя первая проблема, — проворчал голос в голове. — Ещё холодно, но к обеду будет плюсовая температура. И собаки...

— Что собаки?

— Уже унюхали. А следом придёт живность из рощи. Через пару дней здесь будет не продохнуть от смрада. Не ровен час, подцепите с девочкой заразу, почище вашего вируса. Да и зрелище не для ребёнка, учитывая, что там лежит и её мать.

— Я бы с удовольствием съехал отсюда. В любой момент может погаснуть свет, вода закончится... И тогда мой седьмой этаж станет не убежищем, а клеткой. В деревню надо бы, но куда?

— По дорогам не пройти, — предупредил пассажир. И я не стал уточнять, откуда ему это известно. Он же узнал как-то, что Полли жива.

— А на машине? — мой старенький «Пежо» даже был заправлен, перед самой изоляцией залил полный бак.

— Тем более. Если у тебя не танк...

— Увы...

— Да и не всякий танк пройдёт, — окончательно разбил мои надежды пассажир. — Даже по бездорожью. Кое-где уже и минные поля стоят. А деревни... На полста вёрст выжжены сегодня ночью, пока ты спал.

— Зачем?!

— А что, есть логика в том, что делалось до того? Разве что с точки зрения выживания нескольких сотен тысяч. В обмен на смерть миллионов.

— И кто эти счастливики? — я уж почти поверил во всезнайство своего невидимого гостя.

— Выжившие или отданные на заклятие? Ибо сказано: и живые позавидуют мёртвым...

— Блин, вот только не надо говорить со мной моими же словами. Или это я сам с собой говорю?

— Тебе виднее, — не стал спорить пассажир.

— Дядя Миша, — встряла в разговор Полина, которую мы своей беседой разбудили, забыв, что она тоже слышит моего гостя...

— Я тут, Полли. Как спалось?

На завтраке я решил не экономить. Неизвестно, сколько мы здесь продержимся. Но ясно, что недолго. Так что стоит дожить красиво, раз конец один.

Оладьи пышной горкой дымились перед девочкой, у меня паром дышала любимая чашка с кофе.

— Кушай, Полли. Что не так?

— Дядь Миш, а мама на небе?

— Не знаю, солнышко. Но уверен, ей уже не будет плохо. А ты ешь, нам с тобой силы нужны.

— Зачем?

— Чтобы жить. Назло тем, кто убил твою маму. И Сашеньку.

— Сашка была противной, — Полина поковыряла вилкой оладушку, щедро политую сгущёнкой.

— Ну, ну, не надо так о сестрёнке. Тем более её уже нет.

— И всё равно, — с упрямством, ранее за ней незамеченным мотнула Полли головой.

— Ты, главное, ешь. Чтобы в случае чего мне не пришлось нести тебя на руках. Я не осилю, ты уже большая. А идти нам, если придётся, то немало.

— А где твой этот... пассажир?

— Утром был здесь. Он сам себе хозяин. И у вас будет ещё время поболтать. Пока я займусь делом.

— Каким?

— Надо бы всех похоронить. Иначе может быть эпидемия...

— А сейчас что?

— Ну, сейчас другое. Вирус. А тут будут микробы. Бактерии. Или что там ещё, не силён я в этом. Всё, что учил в школе, уже забыл. Но помню, что мёртвые тоже кусаются. Хоть и иначе.

— Как зомби, что ли?

— Хуже. То в кино. А тут жизнь. И смерть...

Заразиться я не боялся. Даже если среди мёртвых были больные, они уже не дышат. Ещё и суток не прошло с расстрела, а значит, тела если и начали гнить и разлагаться, то внешне этого пока ещё не видно. Но риск подхватить трупный яд и смрад заставили меня облачиться в химкомплект и респиратор — за время, которое отводит изолирующий противогаз, я точно не справлюсь.

Полли о чём-то увлечённо болтала с пассажиром — они нашли общий язык, куда быстрее, чем я со своим гостем. Поэтому девочка даже не заметила, что я ушёл. Но прежде, чем взяться за покойников, отправился в разведку. Благо, далеко ходить не нужно было. Машина стояла под окном.

Аккумулятор, давно не знавший подпитки, натужно провернул коленвал.

— Ну, погнали, шевалье, — я провёл ладонью по приборной панели моей «француженки». Конечно, это скорее я был шевалье, но назвать свою лошадку шваль язык не поворачивался. Это по-французски шваль — лошадь. А по-русски звучит весьма обидно.

До заправки доехал за пару минут. Но тут уже побывали мародёры — двери выбиты, вокруг горы брошенной тары. В колонках — ни капли горючего. И это почти на проспекте, носящем имя героя, но погибшего не в бою гражданской, а под скальпелем хирурга. Соваться в

захолустные точки сбыта бензина смысла я не видел. Хотя, не исключено, и ошибался. На заправках было что брать помимо горючего. Но в любом случае моя поездка была недолгой.

В конце проспекта громоздилась баррикада.

Впрочем, тут я тоже ошибся. Не баррикада. А нагромождение разбитых машин. Разбитых не просто так.

В них стреляли. И не из автоматов.

Некоторые машины ещё дымились. Значит, бой или что здесь произошло, был недавно. Когда я спал. И потому не слышал. Хотя как раз может и слышал, и оттого просыпался, а сон наяву мне был в руку. И мальчики...

Они были тут. Но не тот мальчишка из сна, с бессмысленным взглядом. А гвардейцы. Такие же, как и тот, которого убил я. И машины с белым крестом на красной двери.

Значит, кто-то объявил им войну. Тут полегла не вся колонна, побывавшая в моём дворе, но немалая её часть — не меньше восьми машин. И около полусотни трупов. Вряд ли граждане могли так сплотиться, чтобы дать отпор организованной и вооружённой команде. А бой был знатный. Стреляные гильзы золотыми россыпями катались под ногами, когда я вплотную подошёл к завалу на дороге в поисках оружия или хотя бы боеприпасов — мои два рожка это не для войны. Но кто-то всё подчистил.

Кто? Тот, кто и положил всю эту гвардию крестоносцев. Но искать этих мстителей было опасно. Они ведь разбираться не станут, пальнут, чего доброго, а у меня Полли, пассажир...

Развернувшись, я покатил в другую сторону. К нефтебазе. Большую часть времени она уже бездействовала, с тех пор, как по реке перестали ходить наливные баржи, остановленные страхом распространения болезни. А потом и неспособностью вакцинированных работников исполнять свои обязанности. Об этом мне рассказывал Саня — сосед с десятого этажа, вахтенный с нефтебазы. Он и сам болел, благодаря чему вакцинации избежал. Но едва встал на ноги — подался в бега. В смысле, в деревню, к родне жены.

Саня сбежал, а на нефтебазе могла остаться и горючка, и собственно нефть. Что была мне даже нужнее.

...Ворота базы, сорванные с петель, лежали в стороне. А на территории дымились машины. Оставшиеся от недобитой колонны. Или наоборот — начало её разгрому было положено тут, а в конце проспекта уже добивали.

Почему? Да потому что тут не собрали оружие. И мне досталась пара рожков, цинк с патронами, дюжина гранат — и как они не рванули в обгоревшей штабной машине? А потом я набрал и большой пластиковый бак солярки.

Погрузка изрядно меня утомила, так что с трупами я вообще едва совладал, стаскивая их в штабель посреди двора. Это был и большой риск. А ну как вернутся гвардейцы. Но и тем, кто их побил, я тоже мог подать знак. Поэтому, щедро полив всё соляркой и плеснув бензину для розжига, я пустил в небо дымный столб. И вернулся к Полли. Которая уже давно наблюдала за мной из окна кухни.

19

— И что у нас на обед? — с порога попытался я отвлечь девчонку от созерцания погребального костра.

— Дядь Миш, а я ничего не готовила. Мне пассажир рассказывал о том, куда направляется...

— О как. Мне он рассказывать отказался. А прибыл откуда — сказал?

— Показал. Ну, как в телевизоре, только в углу комнаты. Но я всё не запомнила. Только то, что у них там три солнца. Но всё равно есть день и ночь.

— Ишь ты... Интересно... — поглядывая в окно на пламя, охватившее тела в штабеле, я принялся готовить борщ. После возни с трупами хотелось горячего и вкусного.

— Алё, пассажир, тебя угостить чем-нить?

— За предложение спасибо. Но мне бы энергии чуток...

— Это чтоб свалить? Я ж спрашивал, чем помочь.

— От вашей сети толку чуть. Тут нужна энергия взрыва, как минимум.

— Где ж я тебе его нарисую?

— Я потому и отказался от помощи. Чтоб не конфузить тебя твоей же немощью. Даже не в планетарном масштабе.

Мне пришлось утереться: действительно, уел.

— Ну, ладно, мы народ отсталый. Но как ты, такой прогрессивный застрял в нашей глуши?

— Занят канал транспортировки.

— Кем занят? Какая-то важная шишка с мигалками? Или беженцы сплошным потоком?

— Технический сбой, — не стал лукавить гость.

— И часто такое бывает?

— Впервые.

— Ага. Всегда что-то случается впервые. Я вот впервые человека убил.

— Двоих, — поправил меня гость.

— Но только одного впервые, — не стал я сдаваться.
— Второй уже не был первым.

— Но два трупа за раз...

— Тем более впервые.

— Не будем о деталях.

— Тогда просвети: чем ты можешь помочь? Коль уж застрял...

— Ничем, мы уже обсуждали тему.

— Тогда было бы правильнее бросить тебя здесь. И попытаться добраться до людей. Или в более безопасное место. Сюда после такого сигнала, неровен час, нагрянут либо те, кто убивал, либо их противники.

— А они есть? — вроде как удивился пассажир.

И я рассказал о двух баррикадах из сожжённых машин.

— В таком случае, не исключено, для вас ещё не всё потеряно.

— В каком случае?

— В случае сопротивления властям.

— Вот только где эти власти? Есть чернорубашечники или чернобронежилетники, с белым крестом, а властей не видеть. Кстати, а ты-то почему не в курсе? Ты ж меня останавливал, говорил, всё перекрыто, минные поля...

— Меня некоторое время не было.

— Опять пытался уехать по занятому пути?

— Вроде того.

— Так... Надо бы нам хотя бы в дежурство тебя записать, чтоб польза была. А то мы к тебе привязаны, а ты и в ус не дуешь ради нас.

— Никаких привязанностей. И усов тоже. Если хочешь — езжай. Только далеко ли уедешь?

— Ну, не знаю. Это ты у нас с загоризонтным зрением.

— Поэтому и удержал тебя. Хотя сейчас можешь попробовать. В радиусе десяти, а то и всех пятнадцати вёрст всё тихо. Уже минут сорок.

— Ну и куда я здесь пойду? Кстати, а что или кто был сорок минут тому?

— Техника. Люди.

В углу комнаты образовалось дымное облако...

— Ой, прям как мне показывал, — подала голос Полина, прислушивавшаяся всё это время к нашему разговору, сидя на диване с поджатыми ногами.

Я вгляделся в дымку.

Танковая колонна, в армейских цветах и без крестов. Командирская машина. БРДМ дозора — в полукилометре впереди, уже за границей города. Крытый «Урал», УАЗ-«буханка». Но тоже без крестов. Хотя, казалось бы, «буханке» кресты в самый раз. Значит, или покрасили, или не работала она санитарной машиной. Первый вариант предпочтительней, тогда бы точно было ясно, что это — «хорошие». Пусть и относительно. Только потому, что враг моего врага — почти друг. Вот только уходят они. На столицу пошли? Или база у них где-то там?

Я попытался вспомнить расположение воинских частей в окрестностях города. Но выходило, что знаю только нефтебазу и полигон гвардейцев. А эти уж точно не друзья...

Догнать колонну? Не вопрос. А дальше? Точно ли они друзья? Что-то не видно, чтобы с ними следовали гражданские машины. Да и военных-то кот наплакал. Однако под шумок можно выскочить из города. И если он и окрестности подверглись чистке, то чуть правее засветившейся колонны можно выйти на бывший санаторий. Его, конечно, уже могли пограбить, но у нас свои запасы, на первое время хватит. Всё равно, на всю оставшуюся жизнь не напасёшься. Но там будет спокойнее, всё-таки почти глушь, в стороне от дороги и города.

Кстати, и пассажиру можно будет помочь. Если получится.

— Слушай, а какой тебе взрыв нужен? Граната подойдёт?

— Ну, если только связка, лучше большая, — помолчав, ответил пассажир. Рассчитывал, видать, мощность.

— Но ты ведь говорил что-то вроде того, будто не можешь взаимодействовать с нашим миром...

— Не могу. В плане взорвать эту чёртову связку гранат. Которых, к тому же нет.

— Ну, положим, есть. И можно усилить взрыв канистрой бензина, а то и парой. Рванёт — закачаешься. Вот только это мой дом. И больше мне укрыться негде.

— Мне кажется, или так оно и есть? Ты забыл, что мы обсуждали эту проблему?

— Ну, из дома мне по-любому придётся выметаться. Только начал жить в своём, и на тебе...

— Тебя никто не гонит, — пассажир не проявил никакого энтузиазма по поводу возможности взрыва. Ну, да, сам он взорвать мою квартиру не сможет. Я — тоже. Потому как это верная смерть — не успею сбежать. Да и Полли...

— Я сам уйду. Вот только как устроить взрыв? Когда нас с Полиной здесь не будет...

Вопрос, видимо, показался моему гостю риторическим, и он не удостоил меня ответом. Или опять попытался улигнуть?

— Полли, вы тут поболтайте, а я отлучусь ещё ненадолго.

20

Путь до нефтебазы был уже знаком. И пустынен, как и в первый раз. Однако времени у меня ушло больше. Не на дорогу. На поиск канистр и бензина.

Обойдя разбитые остовы машин, я, с двумя канистрами, приблизился к серебристым резервуарам, размером с мой дом, может, только самую малость пониже. И остановился как вкопанный.

Когда увидел нацеленный мне в лоб ствол автомата.

Ствол выглядывал из маленького углубления у самого основания стальной конструкции, высившейся над площадкой, где давно закончился бой. Последний, но, как оказалось, не для всех.

Это я определил по чёрному бронежилету. Не добили, значит. Теперь он меня точно добьёт. Как верёвочка

не вейся... А платить придётся. И за гвардейца, и за мародёра... Да и вообще, мало ли у меня грехов...

— Помоги...

Ствол качнулся и съехал вниз и в сторону. А за ним я разглядел не только бронежилет, но и поникшую голову бойца, почти такого же молодого, как и убитый мною. Если и постарше, то совсем чуток. Или это за счёт сажи на лице и запавших глаз мне так показалось.

Я поставил канистры по обе стороны от себя, передвинул автомат из-за спины на грудь и шагнул вперёд.

— Не бойсь... Хотел бы убить — убил бы ещё в прошлый раз, когда ты здесь ошивался, — чуть слышно успокоил меня автоматчик, убирая ствол ещё дальше в сторону.

Глядя сверху вниз, я мигом оценил ситуацию.

Автоматчик в импровизированном окопчике был ранен. И я бы не дал ему много шансов на выздоровление. Потому как бинты, намотанные поверх бронежилета в районе живота, пропитались кровью и грязью.

— Помоги...

— И чем я тебе помогу? В больницу? Так остались ли они после того, что вы сделали накануне?

— Мне никакая больница уже не поможет... Но и сил покончить с этим тоже нет. Больно... И страшно... Добей...

— Кто это тебя? — я присел рядом с раненым, перехватывая ствол его автомата и убирая подальше.

— Вояки... Они на рассвете распотрошили нашу колонну...

Так вот что меня разбудило! А я на человечков грешил. Ведь была ж мысль, что где-то идёт бой. Или это я уже выдумываю, подгоняя воспоминания под события?

Раненый был совсем плох. Но пытался достучаться до моей, давно уснувшей вечным сном совести.

—Прятались здесь, когда мы подошли заправиться...
Перед маршем...

— И куда вы маршировать собирались?

— У нас приказ... Был... Зачистить всё...

— Что ж так? Чем мы провинились?

— Дурак... Ты не понимаешь... Сработала вакцина...

— Что?!

— Что слышал. Вакцина подействовала... Только не так как обещали...

— Так это было ясно с самого начала. Когда говорили, что вакцинированные не заболеют, а потом, когда стали болеть, что всё пройдёт в лёгкой форме. Когда и это не прошло, что будет хворь без последствий. Когда же и последствия не заставили себя ждать, обещали лёгкую смерть. Это вас, что ли, обещали?

— Можешь и так считать. Хотя всё было не совсем так... И мы действительно зачищали... Защищали... От мутантов...

— Ну, да, мутации были...

— То, что было, было цветочками. У вакцинированных разом крышу снесло. И они снесли... полгорода... Это только у нас... А что там дальше, даже не знаю... Вояки по глупости вписались...

— Не думаю, что вояки так глупы. В отличие от вас, они не побежали присягу принимать...

— Потому и вписались... А этих уколотых... Надо мочить... Пока они нормальных не порешили...

— Ну, да, ну да... Тех, кого вы вчера не добились. У меня во дворе. Вакцинированных там, считай, никого и не было. Но восемь десятков — детей, взрослых, женщин — вы положили...

— Некогда уже было разбираться...

— Вот вы и не разбিরались. Но квартиры чистить не забывали...

— Никого нельзя было оставлять... Мутанты...

— Сам ты мутант, вот и огрѐб. По полной.

Я поднялся, чтобы вернуться к своим канистрам.

— Постой! — раненый протянул ко мне руку. — Убей меня!

— С чего бы мне проявлять такую милость? После всего...

— Я ж не убил тебя...

— А я и не просил тебя убивать. Наоборот, сам вашего положил. Когда он пришѐл за мной. А тебя вот думаю, наоборот, оставить.

— Будь человеком... Стрельни... Но чтоб наверняка...

— И что мне за это? Царствие небесное? Так оно и так меня ждѐт...

— У меня документы... Я был замом в этой колонне... Приказы... Дислокация... Закладки на случай таких событий...

— Так ты не рядовой? — признание раненого укрепило меня в мысли, что за содеянное кто-то должен ответить. Так почему не он? Почитай, божий промысел...

— Капитан... Вот, возьми, — откуда-то из-под бронежилета он вытащил пластиковую папку, перепачканную в крови. — Тут всё... С этим выжить сможешь...

— Если ваши не положат...

— Они все здесь лежат... Мне повезло, что вояки не стали собирать трофеи, добили живых, кто на виду оказался, и ушли.

— Куда? — до меня дошло, что колонна, разбитая в другом конце проспекта, или нарвалась на других военных, или же её догнали вояки, прятавшиеся здесь. Но убитые там не были сослуживцами полёгших здесь. Разве что в глобальном смысле. Значит, колонн было много. И не все из них разбиты армейцами. Их всего на две меньше, чем в самом начале. Но армейцы — почти союзники. Хоть и не было с ними гражданских. Да и откуда им взяться? Кого не убили, подались в мародёры. Хотя в мародёры могли пойти ещё раньше. Но с военными связь было бы неплохо установить. А там видно будет, по пути ли нам.

— Говорили промеж собой, что на Москву. Мол, оттуда надо начинать...

— Что начинать?

— Зачистку...

— Так вы ж её вели...

— Зачистку от нас... и тех, кто нам приказы отдавал... Слушай, да шмальни уже, ног не чую, в груди горит... Трясёт всего! Я тут пять часов лежу...

— И кто же вами командовал? Кто приказы отдавал?

— У них свои люди... У губернатора, в мэрии... В штабе... В смысле в оперативном... Ну, куда вся

информация стекалась. И где первыми узнали, что уколотые взбесились...

— Но точно ли вакцинированные взялись за вилы? Они ж еле ходили...

— Ну, да, зомби они не стали... Так, шатались... Из наших никого не убили... Но приказ был... Всех... Мож, от них другая какая зараза...

— Сам ты зараза, — говорить мне расхотелось.

Щёлкнул, высвобождая спусковой механизм, предохранитель. И очередь в три патрона согнала с крыши бензохранилища стайку голубей.

21

Убить в третий раз оказалось совсем легко. До тех пор, пока я не сел в машину.

Уж тут меня-то и накрыло. По полной. И ноги задрожали, и руки отказали, и в голове взвыло сверло, буравя мозг. Мне уж показалось было, что лопнул сосуд какой, и сейчас я тут и останусь, рядом с трупом и его папкой, обещавшей мне выживание.

Но постепенно боль улеглась. Я хоть и молчал, однако чувствовал, как онемел язык. Значит, всё ж в голове зажало мою аневризму. Настоящую мину замедленного действия. Причём прямо в мозгу. Голову не оторвёт, но в лучшем случае превратит в овощ, безвольный и безропотный. И только если повезёт, то убьёт мгновенно.

Канистры уже стояли в багажнике, но ехать я не спешил. В себя не пришёл, это во-первых. А во-вторых, хотелось вернуться уже с готовым решением. И я взялся за папочку.

Покойник не обманул.

Копии приказов с факсимильными подписями меня заинтересовали мало, я не суд. А вот карта оказалась занимательной.

Обычная километровка, сложенная вчетверо, была испещрена значками. Пришлось немного напрячь мозги. И вот всё стало на свои места.

Вот он я, на нефтебазе. Вот собственно база, но уже гвардейцев или кто они там теперь. Вот лагеря, куда они выдвигаются для рассредоточения. А вот схроны: тут запасы продуктов, здесь — обмундирования, в этом углу медицина, а в том, дальнем — оружие и припасы, в том числе боевые.

Есть ещё несколько заштрихованных районов. Но это совсем просто, если учесть, что мой район тоже в штриховке. Места зачисток. И очердность.

Странно, но мой район не был в числе первых. Хотя мне показалось, что стрельба началась у нас. Правда, с другого берега я мог и не слышать очередей. А там всё черно от штриховки. Выполненное задание? Но как-то неразумно перебросили колонну через мост, оставив в тылу незачищенный островок. Если по прямой — то аккурат напротив моего дома. Правда, за рекой. Вроде как великой и могучей. Но, увы, сейчас больше похожей на застоялое болото — давно не было водосброса. А теперь и не будет, разве что плотину разворотит. Что вполне вероятно. Тогда вода дойдёт и до моего дома. И, по старым прогнозам, первому этажу тогда не бывать. Но он и так пуст.

Я поводил пальцем по карте. По всему выходило, что зачищающих город колонн не меньше пяти. Две полегли. Причём вторая — это зачищавшая железнодорожный

посёлок. Ещё три оставались за рекой, потому и неохваченная зачисткой территория там отмечена. Оставили им на сладкое, самые густозаселённые районы. Однако и на этом берегу остались неохваченные места. Да и в пункте рассредоточения ждут убиенных гвардейцев. Не зная, что ждать уже некого. А ведь там, судя по значкам, и бронетехника тяжёлая, и народу прилично. Ну, разве что им поставили задачу зачищать окрестности. И им не до того, что кто-то не прибыл к указанному сроку. Правда, радиосвязь никто не отменял. Но тогда в эфире давно уже идёт кипеш.

Можно было бы раненого расспросить, но я поспешил его грохнуть. Пока не передумал. А теперь думай, думай...

Хотя что тут думать. Надо хватать Полли и мчаться в тот угол карты, где склады. Там же и санаторий, кстати. Так что по любому я туда и целился. А вот попаду ли...

Для начала не мешало бы рекогносцировку провести. Там вояки прошли, да и санаторий мог сгореть уже. Или оккупирован мародёрами. А тут я нагряну. С ребёнком. И чем это закончится?

Ясное дело, что ничем хорошим. Так что домой мне пока рано, это только время терять. А день и так уже к обеду побирается, вон и солнце уже обзавелось радугой, к морозу.

У места гибели второй колонны я даже не притормозил, погнав напрямик к выезду из города.

22

Корпус санатория молча смотрел на мир темными окнами. Все три этажа. Но, по крайней мере, всё цело. На первый взгляд. Да и на второй тоже: санаторий был не из

престижных, я бы даже сказал более чем простецким — село. Местным была работа, а уж как они её делали... Понятное дело, что и платили им столько, поэтому у большинства деревенских были свои огороды и хозяйства. Которым они уделяли времени больше, чем санаторию. Который-то и закрылся в самом начале антивирусных ограничений. Персонал не то чтоб разбежался — по домам разошёлся. До посёлка тут по прямой и километра не будет. Могут и вернуться. Тогда мне не поздоровится. За взлом и проникновение. Да ещё и пользование казённым имуществом. Но деваться некуда, надо рисковать. И я вошёл, благо дверь со стороны столовой поддалась на удивление легко.

В корпусе было сыро и холодно. Но вода в кране была. Пусть и рыжеватая, так она здесь почти везде такая, даже через фильтр, стоявший на моей кухне, просачивалась ржавчина. Правда, на все жалобы ответ был один: это не ржавчина, а признак наличия запасов руды в водоносном слое. От этого было не легче, но пить воду можно. Дав отстояться. Так что не пропадём, всё лучше, чем на седьмом этаже, где и лифт скоро остановится, и вода не дойдёт по причине падения давления. А тут почти самотёком, потому и санаторий построили в этом месте, вроде как лечебной была вода. Свет тоже есть, отопление — автономное. Неизвестно, правда, по поводу запасов мазута, однако шанс есть, что местные не растащили. У них-то печи...

Можно убираться. Но я поехал не обратно, а чуть вперёд, в деревеньку — одна улица, десятка три домов, пять двухэтажных, барачного типа. Не хорошо, конечно, было светиться, но и понять обстановку не мешало.

Обстановка соответствовала штриховке на карте.

Один дом разворочен, похоже, танком. Бараки обгорели до черноты. Но уже не дымились. И с чего бы им дымиться, пассажир же сказал: на полсотни вёрст вокруг зачистили все деревни. И как бы эта уцелела, почитай, под носом? Трупов на улице не видать. Скорее всего, в бараках. Или в домах. Но в бараках вернее, не ходили же гвардейцы по домам, выискивая жильцов. Скорее всего дали команду собраться. А те и рады. Ну или, по крайней мере, послушны. Потому как были вакцинированы. Стопудово. Ведь, опасаясь потерять работу, санаторские должны были быть в первых рядах уколотившихся. И были. Хоть санаторий и закрылся. А потом точно так же кололись повторно, и в третий раз, и в последующий... И чем всё закончилось?

Тем же, чем и в моём дворе. Разве что здесь трупы убрали. Или загнали всех в барак. И через стены... Очередями... А потом подожгли. Ничего нового. Если кто учил историю. Да даже если и не учил...

Такие же белые кресты. Та же тактика выжженной земли. Никаких сомнений в правоте отдающих приказы. И, главное, полная уверенность в отсутствии второго Нюрнберга.

То, что мне никто не помешает поселиться в санатории, радости не вызвало. Но отсутствие трупов на виду дало возможность договориться с совестью.

Я повернул назад.

Но из-за крайней избушки, покосившейся и давно уже не жилой, на дорогу вышло двое. В чёрном. С автоматами.

Не сбавляя скорости, я потянулся за своим.

Поставить его на предохранитель после стрельбы в голову недобитого гвардейца я, конечно же, не удосужился. Что было теперь в мою пользу.

«Пежо» послушно и ровно шёл в промёрзлой колее, когда я перекинул автомат стволом на левое предплечье — в сторону преграждавших мне путь гвардейцев и нажал на кнопку опускания стекла в водительской двери.

Едва поравнявшись с фигурами в чёрном и без опознавательных знаков, я лишь чуть притормозил и нажал на спусковой крючок.

Отдавшие энергию пороховых газов гильзы со звоном ударили в лобовое стекло, а гарь заволокла салон...

23

Стекло уцелело. Но несколько гильз, отскочив от него, попали мне в лицо и оставили на нём ожоги. Малюсенькие, но довольно болезненные. Потому как рядом с глазами. А могли бы и в глаз попасть.

«Пежо» послушно остановился. Я вышел из машины.

Один из бойцов ещё слабо поддёргивался, когда я выдернул его автомат. В моём патронах не осталось.

Трупы надо бы убрать, если я планирую здесь поселиться, нечего привлекать и дикую живность, и не менее диких коллег убиенных. Но это лишняя трата времени сейчас. Вот переберусь...

Сейчас нужно было понять, откуда они взялись. Сбежали из разбитой колонны? Так далековато бежать им пришлось. Засада? А где остальные?

Опять я поспешил. И патронов потратил изрядно. Три десятка на троих.

Прихватив в машину оружие убитых, я опять взялся на карту. А надо было смотреть по сторонам.

Из-за барака в центре деревеньки, пятясь, выползала «буханка» с красной дверью и белым крестом на ней. Значит, всё-таки засада. А я проехал и не заметил. Вряд ли так уж хорошо они маскировались. Скорее голова у меня была занята мыслями о жителях деревеньки, которые погибли в бараках и теперь дотлевали там.

Но если бы не красное пятно на «буханке», я бы вообще не заметил движение за спиной. Так, блик в зеркале заднего вида. Но адреналин из крови ещё не весь расплескался. И я очень вовремя передёрнул затвор трофейного автомата. Одновременно вываливаясь из машины и падая на промёрзлую землю, лишь слегка присыпанную снежком.

Это было больно. Но большее было бы, не сделай я этого.

Полоснувшая из «буханки» очередь прошла далеко левее, едва не покروшив уже убитых. В ответ я выпустил не меньше половины рожка. Прямо по кузову, в ненавистную красную дверь, в белый крест. Надеюсь, что пули не в белый свет ушли.

«Буханка» продолжила пятиться, но выстрелов из её нутра больше не было. Зато хлопнула невидимая с моей позиции водительская дверца. И в просвете под днищем кузова «буханки» я увидел чьи-то ботинки, рысью уносящиеся за дом, из-за которого и выползла машина.

Вскочив на ноги, я бросился не вдогон, а наперерез. На углу барака, но с другой его стороны, мы оказались практически одновременно. Вот только я был с автоматом.

И готов к стрельбе. А водила в чёрном готовился бежать и дальше. И был безоружен.

Но я перестал быть толерантным, и очень давно. Хотя, если честно, по правилам не жил и прежде, а теперь и подавно. Будь на моём месте беглец, он бы и не думал, стрелял бы сразу. А я ещё крикнул:

— Эй, стой! Стрелять буду!

Окрик не подействовал. А жаль, «язык» бы мне пригодился. Но бежать не было сил — ноги подкашивались. Не от усталости — от пережитого, адреналин прекращал свою деятельность, и как-то не вовремя. Зато руки не дрожали, когда я нажал на спуск. И даже выстрелы отсчитал, как учили ещё в школе, на начальной военной подготовке. Три патрона — и отсечка.

Водила ткнулся лицом в мёрзлую землю. А я вернулся к «буханке». И очень вовремя.

Боец, паливший по мне из окна барбухайки, уже выбрался наружу. И поднял автомат. Правда, только до пупа. Всё ж я попал. И не один раз. Так что выстрелов не последовало. Правда, и разговора тоже. Жизненных сил бойца хватило только на то, чтоб выбраться из машины. И рухнуть почти под ноги мне.

Ничего ценного в продырявленной машине я не нашёл, нужно было выметаться из этой западни. Пока ещё кто-то не подоспел, не вчетвером же они тут болтались. Где-то должны быть и остальные, ещё человек семь. Вряд ли у них были потери до этого дня. А так — должно быть отделение. С командиром во главе. Хотя могло быть и иначе, я в тонкостях такой службы — убивать мирных граждан — не разбирался. Но предпочёл за благо убраться восвояси.

Измазанный, с ожогами на лице, я в поте лица тащил канистры на свой седьмой этаж — лифт, как назло, отказал. И так не вовремя!

— Дядя Миша! А пассажир сказал, что может взять меня с собой! — с порога обрадовала меня Полли.

Час от часу не легче. Что бы это значило?

24

— Ты хорошо подумал?

Пассажир был настроен решительно, таким я его ещё не знал.

— Что ты можешь дать ребёнку, оставив её с собой, здесь, среди трупов, без еды, воды и тепла? Без медицинской помощи — а ну как она простынет? Или элементарный аппендицит? Что тогда? Смерть в мучениях?

— А что дашь ей ты? Полустанки на богом забытых планетах? И занятый, вечно занятый путь? И смерть от голода?

— Ты не понимаешь. Там, куда я её заберу, нет ни голода, ни болезней, ни времени. Только познание. Себя. Мира. Миров, я бы даже сказал.

— В том, что девочку ты уже соблазнил этими сказками, я не сомневаюсь. Но как ты её заберёшь? И в каком виде будет она? Если я даже не знаю, как выглядишь ты. С ней-то что будет?

— Что бывает со светом в сумрачный день? Его не видно. Но стоит разойтись облакам, и вот он, пожалуйста, во всей красе. Так же и с нами. Нас не видно. И она будет не видна. Но увидит всё, что захочет. Здесь её ничто не держит.

Разве что ты. Она только тебя не хотела бы бросать. Но двоих Боливар не вынесет, так, кажется, говорят?

— Ты неплохо уже освоился в моём мире. Мог бы и остаться, помочь порядок навести...

— Мы это уже обсуждали, хотя и в других терминах. Единственное вмешательство, которое я могу себе позволить, — забрать с собой ребёнка. И то только потому, что ребёнок. Она ещё может переродиться. И жить в других измерениях и временах. С тобой такого бы не вышло. Хотя я и подумывал об этом. Но, увы, тебе придётся остаться. В одиночестве. Хотя это-то как раз твоё.

— Тут ты прав, — вынужден был признать я: — Мне легче в одиночестве. И не жалко, случись что. Всё равно помирать, не сейчас, так завтра.

Голова у меня гудела. И от необходимости осмысления предложения пассажира. И после всех моих приключений. А пуще всего после двух ходок вниз-вверх, да ещё с канистрами и связкой гранат. Независимо от того, соглашусь ли я отправить Полли с чужестранцем, его самого стоило подготовить к эвакуации. Принудительной. Путём высвобождения энергии взрыва. Которой должно было хватить, чтобы вытолкнуть его с бокового пути на главный. И вот это-то меня и пугало.

Если пассажир и выживет после такого толчка, то что будет с девочкой? Она-то в человеческом облике, в отличие от моего постояльца.

— Об этом не переживай, — вновь пробрался в мои мысли пассажир ещё до того, как я их сформулировал. — Она совершит переход раньше. На это хватит моих сил. Ну, вроде того как откинуть подножку вагона для посадки в

неприспособленном месте, без платформы. А дальше уже мы вместе...

— Полли, а ты что скажешь?

— Дядя Миша, я не хочу тебя оставлять... Мне страшно...

— Вот, — обернувшись в угол, где пассажир транслировал нам с Полли картинки уходящих вояк, обратился я уже к нему. — Ты понимаешь, девочка там будет совсем одна?

— Меня подобрали на обочине моего мира в ещё более детском возрасте. И вот уже целую вечность я не жалуюсь. По вашим меркам вечность, — уточнил пассажир. — Хотя прошло всего ничего. Может тыщу лет, может немного больше... Но оно того стоило.

— Чего — того?

— Чтоб уйти. С таким же странником, как сейчас я. Даже без учёта того, что моего мира больше нет. От слова совсем. И меня не было бы. Но я есть. И хочу сделать добро. Как его сделали мне в своё время. Хотя эта категория и не имеет значения в моём нынешнем мире. И в мирах. Так точнее. Добро, зло... Их там нет.

— Ну, да, помню, у нас тоже как-то говорили про ихтамнетов... а они были...

— У наших миров нет нужды в политическом устройстве, поэтому и в политиках нет надобности. А раз так, то и врать никому не нужно.

— А как же с экспансией? Или вы не растёте вширь? Не прирастаете планетами и галактиками?

— Опять же, в этом нет нужды. Мы везде — и нигде. Да, зависаем иногда в каком-то из миров...

— ...Уступая дорогу своим боссам, которые несутся с проблесковыми маячками...

— Опять ты мыслишь категориями... Даже не своего мира — своей страны. Потому как и у вас далеко не везде уступают дорогу правителям. Которых у нас вообще нет. Нечем править. И нечем. Мы и есть, и нас нету. Потому что мы в пути. К совершенству. К познанию. Придумай сам определение. И всё будет правильно. Потому что нам не за что цепляться. У нас и нет ничего, и всё есть. Вся вселенная наша.

— И вы ни с кем не воюете за место под солнцем?

— Солнц много, места хватает всем. Это во-первых. А во-вторых, и это главное, мы вне времени, вне планет, вне солнц. Но можем всё это увидеть. И даже где-то остановиться, а не застрять...

— Но здесь ты не хочешь останавливаться, — дождавшись, когда пассажир, сболтнув, похоже, лишку, смолкнет, вставил я. — И помогать не хочешь. Уж не потому ли, что недолго нам осталось? И ребёнка потому берёшь... Потому что так было с тобой в твоём мире...

— Ты даже не представляешь, насколько ты прав, — не стал спорить пассажир. А Полли и подавно в разговор не вмешивалась. Она всегда была не то чтоб скромной и застенчивой в присутствии старших, но чаще — молчаливой, себе на уме. — Хотя и причина в другом.

Угол, в котором я себе мысленно представлял пассажира только потому, что он туда проецировал изображение своего дальновидения, вновь затуманился. Я вновь оказался в деревушке при санатории. Только минут на пять позже того, времени, как уехал оттуда.

У барака, где я положил четверых гвардейцев, людей в чёрном было человек двадцать. Они размахивали руками, что-то выговаривая, одному из них, стоявшему в окружении остальных.

Значит, их там было пятеро. Не дюжина, не десяток. Пятёрка. А я не осмотрелся...

Хоть изображение и было без звука, всё было понятно. Пятый, уцелев, вызвал гнев сослуживцев. Но он же и искупил вину. Заложив меня. И это бы ещё ничего. Поди найди меня. Но тут над толпой завис квадрокоптер. Ненадолго завис. А потом понёсся по маршруту, которым я уходил от деревни. И очень быстро выцепил меня на дороге. И летел следом до самого дома...

Выследили...

— Полли... Ты понимаешь, что нам вдвоём не уйти?
— повернулся я к девочке.

Она вполне осознанно кивнула.

— Дядя Миша... Мне лучше с ним? Да?

— Похоже, без вариантов. Я не знаю, когда они будут здесь, но ясно, что вытащить и спрятать тебя не успеваю. Да и некуда прятаться. Мы здесь тоже прятались. С того самого дня, как всё началось. И чем всё закончилось? Не хочу, чтобы ты повторила путь тех, кто ушёл с дымом. Понимаешь, о чём я?

Полина опять ограничилась кивком.

— Пассажир, сколько у нас времени до отправления?

— Время вышло, — буднично констатировал мой постоялец. Да я и сам уже слышал со двора рокот моторов.

Канистры я давно сложил в ванной. Поверх гранат. К чеке одной из которых привязал бельевой шнур, оставшийся с незапамятных времён ремонта на балконе. Вот только дёрнуть его из подъезда уже не получится. Потому что нет смысла бежать вниз по лестнице. Там, внизу меня как раз и примут. Долго ли я проживу? Если долго, то в мучениях. Но лучше чтоб сразу.

— Ты готов? — спросил я пассажира, который стал видимым. Ну, как видимым... Вроде тумана, окутавшего Полли. Что мало отличалось от мутного изображения в углу, где транслировалось происходящее во дворе. Но я и сам мог это видеть, выйдя на балкон. Мне нужно было только подтверждение пассажира. Но он молчал. А Полли...

Полли исчезла. Растворилась в тумане. Как и не бывало её. А может, и правда не было? Лежит она себе там, среди трупов, а я всё выдумал?

Не исключено. Но в любом случае пора отправлять состав с запасного пути...

Драться мне было нечем. Только один автомат я прихватил из машины. Зато с полным рожком. Остальное оружие осталось в салоне «шевалье», мне было не поднять всё, пешком, да ещё с канистрами. Но даже не это предопределило невозможность боя.

Двор заполонили люди в чёрном. Куда больше тех двух десятков, что я видел в трансляции пассажира. Так что даже если по одному патрону на каждого — не справлюсь. О рукопашной и думать нечего. Я был на коне своей внезапностью. Теперь мы были даже не на равных. Но и это было ещё не всё.

Пофыркивая газовыми выхлопами выходы со двора перегородили два танка. У гвардейцев их вроде не должно было быть, но они вот, стояли во дворе, грозно вращая башнями. И какая разница, чьи они — гвардейцев или военных, бросивших технику или разбитых превосходящими силами людей в чёрном.

Я намотал на кулак шнур, тянущийся к чеке гранаты в ванной, передёрнул затвор и сделал шаг на балкон.

— Эй, вы уроды! За мной пришли?

В ответ затрещали автоматные очереди. За бетонным ограждением балкона они были не страшны. Но тут на голову мне посыпал штукатурка, выкрошенная очередью башенного пулемёта.

На секунду я выглянул из-за своего укрытия. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как башня второго танка ведёт стволом в мою сторону.

Моя очередь ушла в белый свет. Но это только ещё больше раззадорило наступающих.

На меня обрушился шквал огня.

Мне оставалось надеяться, что пассажир и Полли готовы к отправлению их состава. А мой поезд ушёл...

Ради чего я сейчас умру? За чужого ребёнка, которого и мать-то особо не любила? Чтобы гражданин вселенной продолжил своё путешествие? И будет ли это больно? Ведь я и так пережил немало боли. Будет ли результат стоять жертвы?

Эти мысли как-то не очень меня волновали. Я бы даже сказал, совсем не трогали. Смерть моя была предрешена. А ради чего? Так ли уж важно, если иного выхода всё равно нет. Да даже если и был бы — финиш

одинаков в любом случае. Выход из жизни только через смерть....

Я потянул на себя шнур, кожей ощутив, как выскользнула чека со своего насиженного места.

И тут внизу ухнуло. А потом ещё раз...

Я бы услышал, как снаряд, вырвавшись из ствола танковой пушки, устремился к цели, ввинчиваясь в воздух. Услышал бы, не находишь я в конечной точке его полёта. Да и что там того лёту — прямой наводкой, по неподвижной цели, с каких-то полста метров.

Сверху ещё сыпалась штукатурка, выбитая пулемётной очередью. А у меня за спиной, в квартире рванула граната. Потом сдетонировали остальные. Следом взорвались канистры с бензином. И на посошок огненным шаром в эту кутерьму ворвался снаряд. Превращая в руины всю мою жизнь и лишая дома, который я обрёл на закате этой самой жизни.

Я ещё успел подумать, что знатный вышел толчок, пассажир уж точно должен вырваться с запасного пути. И увезти подальше от этого ужаса Полли. Ну вот и всё.

Вслед за вспышкой в глазах потемнело. Не сразу. А как после взгляда на сварку — с бликами по краям. Вот только ожидаемая боль не пришла. Так что чуть погода глаза открылись. Сами. Без всяких усилий с моей стороны. Однако и тьма никуда не делась.

Вперив взгляд во тьму, я ждал продолжения...

Часть вторая

Я успеваю оглянуться...

1

...— Плохой я пророк: сбывается всё, что бы я ни предсказывал.

— Вы, Михал Михалыч, себе противоречите. Раз всё сбывается, вы — хороший пророк.

— Если бы я хорошее предсказывал. Но, увы, доктор, все мои предсказания крайне... Как бы это сказать... Не то чтоб неудобоваримы, их вообще не переварить... В общем, ничего в них хорошего нет.

— Например?

— Да без проблем. Вот сейчас все мы — не свидетели, а соучастники. Аналога финской зимней кампании. Разве что летней, в этом и всё отличие. Цели не достигнуты, отщипнуты кусочки чужой земли, за цену непомерную. И что дальше?

— Действительно, и что?

— А дальше, по аналогии, большая война. Только придёт она, раз зимняя кампания оказалась летней, не с запада, а с востока. И если в прежней все флаги были в помощь нам, то в этот раз облом будет полнейший. Никакой помощи. Скорее наоборот. Как минимум безразличие. И все камлания «Можем повторить» очень быстро сойдут на нет. Как пропал энтузиазм в летней кампании. Когда пришлось подставлять свои шкуры, а не геройствовать у телевизора.

— Михал Михалыч, боюсь вас разочаровать. Подтвердив, что пророк вы действительно плохой. Но именно потому, что ваши прогнозы как раз не сбываются.

— Например?

— Ну, эти ваши описания ковидной истерии, к примеру. Вакцинация... С истреблением переболевших. И с мировым заговором на закуску...

— Доктор, вы про бумеранг слышали?

— А при чём здесь бумеранг?

— Не долетел просто. Так и с ковидной истерией, как вы её назвали. Я бы и рад ошибаться, да, я плохой пророк, ничего хорошего предсказать не могу. Но как сказал, так и будет.

— И что вперёд? Война или истребление ковидных?

— А это, доктор, взаимосвязанные явления. Приход войны с востока просто ускорит процесс. И немного изменит список бенефициантов.

— Кого-кого?

— Ладно, док, у вас образование почище моего, так что не прибедняйтесь. Это я знаю русский, командный и матерный, что есть одно и то же. А вы вроде как полиглот. Или, как минимум, на трёх языках с коллегами общаетесь. Зарубежными, дома и матерного хватит. Так что всё вы прекрасно поняли.

— Положим, понял. И что дальше?

Дальше? А стоит ли о том, что дальше? Вроде как и на моей стороне доктор, ну да я бы и себе не стал доверять по нынешним временам. Даже если и доверять, то зачем подставлять? Он и так на себя берёт — чтобы оградить от возможного преследования — доказательство моей

придурковатости. Чего, знамо дело, нет. Не преследования, придурковатости. Есть трезвое понимание. К примеру, того, что фашист в Германии отличался статностью, белокуростью, голубыми глазами, был чемпионом Берлина по теннису... Дорвавшиеся до власти в моём отечестве фашисты в тупом в большинстве своём сутулые, обрюзгшие, со свиными заплывшими глазками и пивным брюшком. Отличаются любовью не к спорту, а к юным спортсменкам. И к спортивным мальчикам тоже. Последнее, вероятно, было всё же общим для фашистского интернационала. Как и отсутствие мозгов. Потому как при их наличии ни тогда, ни тем более сейчас не стоило делать шагов, ведущих к саморазрушению. А они сделаны. И история одного фашизма на том закончилась. Другого — подходит к финалу.

Есть и другие аналогии. О которых я упомянул. Проваленная зимняя кампания. Сменившаяся летней. Теперь восточный сосед голову поднял. А в кавказско-азиатском подбрюшье давно пучит старшего брата, которого таковым давно уже не признают вчерашние чурки. Которые оказались куда умнее, чем о них думали. Старшие братья. Но будем об этом. Вслух, по крайней мере.

— А дальше, Игорь Степанович, думайте. Как выживать. Хотя и неизвестно, стоит ли. Потому как ужасный конец лучше ужаса без конца.

— И где вы видите ужас?

— Доктор, ваша учётная специальность скоро будет очень востребована поближе к передовой, а не в подвале этой дурки. Это я вашими стараниями могу остаться тут. И в бой не попаду. По крайней мере, сразу. Пока будет умирать действующая, но деморализованная армия, потом

добровольцы, потом смертники из тюрем... Когда там ещё дойдёт очередь до дураков по диагнозу, если придурков-добровольцев и без того хватает. А вас в числе первых призвуют... нет, мобилизуют. И будете вы пушечным мясом. С вашими английским и французским, с диссертациями, со степенями и признанием в научном мире. Впрочем, вы же прекрасно знаете, что этот научный мир, как шагреневая кожа, уже скукожился чуть ли не до размеров этой палаты. Поэтому вы и тратите время не на науку, а на меня. Хотя это без толку. Я не болен. А если бы и болел, вам меня не вылечить. Не лечится такое.

Игорь Степанович Орефьев и сам знал, что я ничуть не болен. Я даже слышал, как он об этом говорил. Вслух. Не мне, правда, но всё ж.

...— Видите ли, голубушка, — любил мой лечащий врач поиграть в земского доктора, ввернуть что-нибудь этакое, старорусское, в его понимании, — все эти его, с позволения сказать, литературные опусы — это попытка уйти от реальности. Самые страшные ужасы — те, которые мы носим в себе. И он от них пытается избавиться, выплёскивая на бумагу.

— Он за компьютером проводит всё время, — подала голос Ольга, чьими усилиями я и попал ещё не в дом призрения, но уже в психиатрическую лечебницу, пусть и называется она не совсем так, сути это не меняет. И мне стало ясно, кого благодарить за пристальное внимание заведующего неврологическим отделением к моей персоне. Пока мы жили вместе, со штампами в паспортах, такого рвения она не проявляла. А стоило мне зажить по-человечески, без неё, что самое главное, она и больницу

нашла, а теперь и докторов на уши поставила. Не исключено, именно потому, что не нашлось ей места в моём романе. Что в житейском, что в написанном. Знать бы, как она о последнем пронюхала. — А бумаг у него и нет...

— Про бумаги это я так, образно. Он же пишет, а слову написанному нужна бумага. Не исключено, что эти его писания станут книгами. Вы ж сами говорили, что прежде он писал книги. Вот и пусть пишет.

— Но ведь он пишет такое...

— Ну, да, за такое нынче по головке не погладят. Так что вы правильно поступили. Лучше перебдеть в таких случаях. Заболевания, в классическом его понимании, нет, но... Мы ему тут диагноз напишем, никто не станет всерьёз воспринимать им написанное, тем более что оно в компьютере, даже не на бумаге. Тем более не многотысячным тиражом. А за это пока не карают.

— Ну, да, пока...

— Так жить-то, голубушка, надо сейчас! А что будет потом, по нынешним временам и богу неведомо. Не смею задерживать. Но не волнуйтесь. Мы сделаем всё, от нас зависящее. А вот это лишнее...

Судя по всему, оставшись верна своей привычке, что всё можно купить, Ольга сунула доктору в карман халата конвертик. Или выложила его на стол. Мне видно не было — дверь в ординаторскую была лишь чуть-чуть приоткрыта, этого хватало чтобы слышать разговор, но не более. Да мне и не нужно было лицезреть как меня продают-покупают.

Доктор, ясное дело, на подлог не пойдёт, да он и не нужен, подлог, а не доктор, хотя и в докторе потребности нет, меня пока не судят. За крамольные мысли. Да и статью

такую пока не ввели. Хотя за этим дело не станет. Но Ольга оплатила мой, по сути, арест. С помещением в психушку. Ну, да, неврология. И все болезни от нервов. Кроме венерических. Однако если потребуется, то эта госпитализация может сказаться на общем выводе. В любую сторону сказаться. Или хотя бы на диагнозе. Давно ли забыли у нас принудительную психиатрию? Да и забыли ли...

Так что ничего хорошего, кроме того, что Игорь Степанович усомнился в моей болезни, я для себя не отметил в его беседе с моей бывшей. Отбирать ноутбук, как того хотела Ольга, он не собирался. А значит, я могу вернуться в свой мир. Фантазий? Или пророчества? Хоть и плохой я пророк, ничего хорошего предсказать не могу...

2

Для своих детей, далёких от меня давно, я — бог. Ну, или был таковым. Как мне казалось. Они подозревали о моём существовании. Но не спешили в том признаваться. Тем более поклоняться мне. Паче того — молиться на меня. Смысла не было. С моей-то пенсией...

Ну, да, не всегда было в моих силах исполнить их желания. Которые росли быстрее, чем они сами. Так что я вроде как и был, но, скорее, как существо эфемерное. А потому не требующее особого внимания. Детородную функцию исполнил. Заботу о последних днях последней жены взял на себя. Советы? Да кому нужны мои советы! Уж коли я сам по ним ни денег, ни славы не снискал... Так что меня не слушали. И на помощь, чему я благодарен, не звали. Хотя это и плохо — никудышный я бог, как оказалось.

Но зато, по крайней мере, оказался бессмертен. Или хотя бы пока жив. Божественное провидение? Или что-то ещё? Чем иначе объяснить, что почти в эпицентре взрыва я не просто выжил, а уцелел. Хотя и понял это далеко не сразу.

В холодном воздухе надо мной сверкали и кружились мириады маленьких звёзд, в которые превратились, не долетев до земли, капли дождя. Или снега, растаявшего в эпицентре взрыва. Который, как я надеялся, всё же исполнил стартовую функцию для пассажира, неведомо как проникшего в мою квартиру. И для ставшей его спутницей Полины, девочки из квартиры напротив. Которой, как и моей, больше не было.

Но всё это я осознал чуток позже. Пока же мне на лицо падали звёзды. Ну, или мне казалось, что звёзды. Они падали, и не таяли. Как будто я умер. Во что поверили даже те, кто меня убил.

Но я был жив. Хотя пока не подавал виду. Не стоило высовываться. Особенно когда совсем рядом раздались звуки человеческой речи. Или не совсем человеческой.

— Есть там кто-нибудь? — донёсся голос, искажённый динамиками переговорного устройства и отразившийся от развалин.

— Да кто тут мог уцелеть... Похоже, в квартире этого отморозка было что-то такое, что рвануло — мама, не горюй! От снаряда окна вышибло бы, и только. А тут объёмный взрыв, похоже. Нет трёх этажей. И так компактно, словно мячик лопнул... — голос доносился откуда-то сверху.

Говоривший был почти надо мной. Но мне не было видно того, кто докладывал. Да и он не мог меня видеть. По крайней мере, пока. Пока я не пошевелюсь.

Вот только ноги и руки начали остывать... Точнее, коченеть.

И я пошевелился.

Правда, не сразу. Дождался, когда где-то сверху, но уже сбоку раздалось:

— Валить отсюда надо. Пока не завалило.

И голоса пропали. Но всё равно я выждал ещё сколько-то минут или секунд.

Из-под меня посыпалось крошево бетона, в который превратилась моя квартира. Хотя нет. То, что было моей квартирой, вернее, её остатки, оказалось на мне. А подо мной были обломки квартиры соседки снизу. Я их опознал, потому как сам принимал участие в её ремонте — пришлось, потому что строители, делавшие ремонт у меня, затопили квартиру снизу. Как раз тогда, когда в неё въехала Лена, студентка-первокурсница медвуза. Её родители остались зарабатывать северные льготы, а она стала полновластной хозяйкой такой же, как и у меня «двушки». Ещё и ремонт я ей сделал, за свой счёт. И она в эту квартиру водила своих ухажёров, которые надолго, правда, не задерживались: девочка хоть и хороша была, но желанием выйти замуж быстро распугала будущих докторов. А потом, с началом пандемии, и сама пропала. Вначале всех студентов отправили в «красную зону», обихаживать тяжёлых больных, а потом и они как-то перестали появляться на людях. То ли заболели, но тогда уж все, то ли, что в свете происходящего казалось более реальным, первыми пошли в расход. Как потенциальные разносчики заразы.

И вот теперь я, замерзая, лежал на полу в квартире, в которой был всего лишь пару раз, принимая ремонт и

расплачиваясь за доставленные неудобства, да ещё и в самый разгар сессии. И где-то опять шумела вода.

Повернув голову, я увидел источник, бывший из лопнувших после взрыва труб: струйка буквально на глазах становилась всё тоньше и тоньше. Так что Полину я правильно отправил. Если только она ушла. Потому как воды в доме больше не было, и для жилья он больше непригоден. Хорошо ещё газ не рванул. Наверное, потому, что если он и скапливался, то этажом ниже. А благодаря разрушенным взрывом стенам и ветерку большей частью улетучивался.

Эта же разруха помогла мне услышать гул моторов во дворе. Машины вроде как уходили. А голосов и вовсе не было слышно. Так что я не знал, к чему пришли те, кто пришёл меня убивать. Наверное, раз уходили, решили, что со мной покончено. И ладно, мне же легче.

От попытки приподняться поток мелких камушков из крошева бетона и пыли из него же стал сильнее. Меня ничем не привалило. Только присыпало. Но я провалился на целый этаж. И уже там скатился в угол комнаты. Где сверху, через провал в полу, меня даже при большом желании было не разглядеть. Это и спасло, похоже. Вот только спасло ли...

Ну, да, я жив. И вроде как даже цел. Вот только что это мне даёт? Моё последнее пристанище разрушено. Запасы — уничтожены. Оружие — тоже. Охота на меня может и прекратилась, но вряд ли закончилась. Стоит мне высунуться и проявить себя, как вся армада, только что расстрелявшая мой дом, вернётся. И тогда уже мне не удастся отлежаться под одеялом из пыли. А если и буду лежать, то укрытый саваном. Если будет кому укрыть.

Говорят, что жизнь — это промежуток времени, за который роддомовская бирка с запястья сползает на палец ноги в море. Но мне не светит бирка на пальце. Нет ни моргов, ни тех, кто бы эту бирку повесил. Вот чуть бы раньше... А так всё, мы перешли в то время, о котором говорила ещё моя бабушка. Да и то со слов своего деда, единственного грамотея на всё украинское село. Он-то и вычитал где-то в библии, что наступит час, когда живые позавидуют мёртвым. Этот час, похоже, наступил.

Попытка сесть успехом увенчалась со второго раза. В голове шумело. Перед глазами временами плыли круги. Такое у меня и без расстрела из танкового орудия случалось. С моей-то разрухой в голове. Удивительно, как ещё тромб не оторвался. И не прибавилось новых кровоизлияний в мозг. Если он ещё остался.

А он, похоже, остался. Потому как, встав на ноги и оглядевшись, я не увидел следов или останков Полины. И тихо возрадовался. Значит, всё ж получилось. Если только Полли не была видением. Как пассажир — слуховой галлюцинацией.

И то, и другое было вполне возможно. Уверен я мог быть только в том, что в меня стреляли. Потому что разруха была налицо. Остальное — в моём воображении. А оно у меня богатое...

— Дядя Миша! Выбирайся отсюда! — в голове, в том самом воображении раздался голос Полины — неуверенный, робкий.

— Полли?

— Я это, я! Всё получилось, дядя Миша! Но вам нельзя здесь оставаться! Пол может обвалиться...

— Откуда ты знаешь, Полли?

— Я теперь многое знаю, дядя Миша! О чём даже не подозревала раньше. Ну, когда мама ещё была...

Это не могло быть ещё одной слуховой галлюцинацией. Потому что в воздухе, пропитанном пылью и гарью взрывчатки рассыпался колокольчиками звонкий смех девочки. А я никогда не слышал, чтоб Полина смеялась. Даже улыбка у неё была стеснительная и робкая. А уж чтоб смех... Такого не было ни разу за те годы, что я жил по соседству. Её сестрёнка хохотала. И частенько. Таская своего пёсика. Или просто радуясь солнцу. Но у неё был совсем другой смех. Так что я поверил: у Полли всё хорошо. И второе: нужно срочно выбираться из-под завалов. Если девочка сказала, то угроза, скорее всего, точно есть. Просто Полли стала видеть так же, как и пассажир.

Кстати, а он-то куда делся? И почему Полли осталась...

— И я остался, — эхом отозвался на мою мысль пассажир. — Не захотела она тебя оставлять одного. Раз уж мы не можем тебя взять с собой.

— А как же твоя дорога?

— У меня впереди вечность. Как и у Полли теперь. Так что мы можем немного задержаться.

— Но ведь теперь вы кому-то преграждаете путь... Как тебе перекрыли выход на главный с бокового...

— Возможно. Но пока никто не давал знать, что нуждается в зелёном на входной стрелке.

— Ишь, ты, как заговорил... Но мне-то куда? Вверх или вниз?

— В сторону. На лестницу. Пока ещё и она не обрушилась. Лифт уже рухнул.

Лифтом, остановившемся ещё до стрельбы, я и не думал пользоваться, даже если бы он и работал, после обстрела — только застрять в нём. Да и электричества, поди, нет.

Я взглянул вверх, в проём в потолке, который некогда был полом моей квартиры. Вверху был ещё один пролом. В квартиру этажом выше. А моей квартиры не было. От слова совсем. Так что нечего было и думать отыскать там что-то из вещей. Но мне повезло.

Вместе с полом вниз свалился и мой кортик. Его я заметил среди обломков на полу бывшей кухни. Автомат, который я не выпустил из рук во время выстрела из танкового орудия, отлетел в другую сторону. Правда, был он придавлен обрушившейся бетонной плитой потолочного перекрытия, и вряд ли мог стрелять, судя по тому, под каким углом на меня смотрел его ствол. А вот кортик...

Даже если не получится вытащить его из ножен, он был мне дорог. Да и пострадал куда меньше автомата. Хотя повозиться пришлось. Под уговоры Полины:

— Дядя Миша, скорее! Там трещина расходится...

Я поспешил на лестницу...

Хотя вряд ли со стороны моё движение было торопливым. Голова была занята не столько тем, чтоб смотреть куда ноги ставить, сколько стремлением удержать равновесие. На лестнице стало полегче, хоть и раскачивало меня от перил до стеночки. Но общий вектор был один — вниз, вниз, вниз...

Вывалившись из подъезда, я привычно похлопал себя по карманам. Ключи. На месте. И моя машина тоже.

Подмигнув подфарниками, освобождённая от оков сигнализации, она стояла на своём месте, которое настойчивой парковкой изо дня в день я отвоевал почти под окнами. Почти. Но, как показало время, с правильным отступлением от дома. Позади меня гроыхнуло — раз, другой, и в спину мне, снеся входную дверь, ударила волна спёртого воздуха с пылью.

Дом продолжал умирать. И если бы машина стояла ближе, он бы прихватил и её с собой. Камнем в лобовое стекло. Или ещё как. Но он напоследок просто наподдал мне пониже спины. А мой «шевалье» уцелел. И даже не заинтересовал черноговардейцев. Опять же потому, скорее всего, что они не связали его с моим подъездом, с балкона над которым я им послал привет перед выстрелом. Не то бы я лишился оставленных в машине автоматов и боекомплекта к ним.

Мотор даже не успел остыть полностью. И машина завелась с пол-оборота. Надо уезжать отсюда, а ну как гвардейцы вернутся?

И тут до меня запоздало дошло, что с потерей квартиры утрачена и связь с пассажиром, застрявшем на нашем полустанке. А заодно и с Полли...

На всякий случай я попытался проверить:

— Полли?

В мозгу была тишина.

Вернуться? Но куда? Квартиры нет. А риск обрушения всего подъезда — есть. Да и потом, зачем возвращаться? Мне они никоим образом помочь не в силах.

Нужно валить. Вначале отсюда. Потом попадающих под руку гвардейцев...

Я дал задний ход и развернулся.

Мой путь только начинается. Куда? Покуда в никуда.

3

План нарисовался сам собой.

Где меня не будут искать? Правильно, там, где уже искали. И у себя под носом. Два места. Слившиеся воедино.

Конечно, был вариант рвануть в сторону, где Глуховский выставил свой «Пост». Тоже предвидел? Провидцем был? Или случайно вышло что мы с ним оказались на одной волне? Но по дороге Глуховского мне не пройти, там дорога железная. И мне, даже при моём более чем высоком для города клиренсе, рельсы не по зубам. А по автомобильному мосту, как помнилось мне по карте, сгоревшей в пожаре моей квартиры, прямая дорога в лапы гвардейцам. Которые хозяйничают на левом берегу. Ну, да, им, может быть, и не ведомо, что я насыпал соли под хвост их коллегам. Но мне от этого не легче. Примут как миленького. Это здесь я могу оказаться занозой. Да ещё и бессмертным — меня ведь схоронили под грудой обломков. Тоже не преимущество, но всё ж...

Всё ж не вариант. Да и не боец я при автоматах против танков. Значит, надо схорониться. Но прежде — припасы.

Магазинчик для выживальщиков хоть и ближе всего, но тоже не вариант. Когда я его посещал в последний раз, а теперь ясно, что действительно в последний, там не то что выбора — взять было нечего. Но теперь, когда пошла игра

по-крупному, законы пандемии уже не писаны. Можно и в нормальный магазин заглянуть. Вряд ли там будут покупатели. Да и охрана...

Ближайшим, обещавшим и выбор, и возможность загрузиться, был магазин «Метро». Но не тут-то было...

Медленно, готовый в любой момент пустить в ход оружие, я проехал мимо развороченных витрин магазина давно не оптовой торговли. Надо же, когда только успели? Мародёра в доме я ночью порешил. А здесь их никто не потревожил — гребли всё подряд. И суток не прошло.

Остановившись, я вышел из машины.

На земле возле разбитых окон кое-где виднелись яркие, ещё из той, прошлой жизни упаковки. Вот только ни одной целой. А собирать крупы и макароны из грязи... Ну, будь я Золушкой, лишённой поездки на бал, ещё куда ни шло. А так пустая трата времени. И сил. Которых и без того не так много. В голове до сих пор стоит звон. Спасибо ещё пассажиру, это его взрыв взял меня в свою оболочку, как в кокон, и защитил от всех поражающих факторов — осколков, пламени, ударной волны. По крайней мере, я так думаю. А уж что там меня спасло, хотя спасения не предвиделось...

Сейчас не время и не место. Сейчас о хлебе насущном.

Хлеба нет. Но в ливнёвке блеснула латунным боком банка консервов. Тушёнка. Из разряда самых дешёвых, белорусской, где хоть немного есть мяса, не чета. Эту даже в разогретом виде можно проглотить с большим трудом. Но хлеб нужен в любом случае, так её не протолкнёшь в горло.

Однако же находку я подобрал. И на всякий случай заглянул внутрь магазина.

Чуда не случилось. Ловить внутри было нечего. А лишиться машины — запросто. Потому как неведомо где прячутся грабители. И не на прицеле ли я. Придётся искать удачи в другом месте.

4

Другое место удачливым даже с трудом было не назвать. Пришлось подниматься на второй этаж торгового центра, ведя перед собой стволом автомата. И оглядываясь при каждом удобном случае на парковку. Благо хоть машин там оказалось всего десятка два. Давно брошенные, они всё ж хоть немного, но маскировали мою.

Пока всё было тихо. И магазин на первый взгляд почти целёхонький. Другое дело, что, открывшись на месте почившего в бозе сетевого гастронома, он с началом ковидных ограничений так и не успел обрести не то что постоянных — даже случайных покупателей. Потому и прозябал в неизвестности. И даже мародёры о нём не вспомнили. Или решили, что брать здесь особо нечего. И правильно решили. На заправках порой в магазинчиках товаров больше. А тут — товарная площадь киоска, убожество «Дикси», ассортимент «Магнита», но цены...

Правда, платить я не собирался.

Здесь тоже уже кто-то побывал. Но не так основательно, как в «Метро». На полках были просветы и даже прогадины, но в целом товаров хватало. И даже разнообразных.

В корзинку я свалил всё, что попало под руку. Точнее, сгрёб. Точно так же поступил с остатками. Но взять корзинку во вторую руку не рискнул, выставив вперёд автомат, висящий на правом плече. Придётся возвращаться. А что делать? Везения и так уже было хоть отбавляй.

Первую порцию запасов еды высыпал в объёмный багажник промеж канистр. Вторую, чуть погодя, выгрузил на багажную полку, уже пытаюсь складировать, оставляя место для новой порции. Но нужно было ещё вернуться, и я не особо усердствовал.

Почти бегом, насколько позволяла сердечная одышка, вернулся в магазин. Товаров было ещё на две-три корзинки. Сахар, мука, макароны. Шпроты — банок десять. Чай, подобие кофе, но есть пакетик в зёрнах. Правда, что с ними делать, жевать? Ладно, берём.

Навьюченный, я решил вынести всё за раз. И просчитался.

На первом этаже уже кто-то бродил, тыкаясь в двери торговых точек, чей ассортимент сейчас не очень-то был бы в ходу: телефоны, очки, фейерверки... С последними я поспешил, могут и сгодиться.

Опустив одну корзину, я вскинул автомат наизготовку, патрон давно уже был в патроннике.

Шаги приближались к ступенькам лестницы, ведущей на второй этаж — эскалатор, ясное дело, давно не работал. А лестница очень хорошо просматривалась. Иногда только скрываясь за стволом шахты лифта, да и та была большей частью из стекла. Так что я хорошо видел приближающуюся фигуру.

— Стой, где стоишь, — громким шёпотом приказал я, когда из-за последнего угла шахты лифта выглянула девушка.

Правда, сразу угадать девушку в неуклюжей фигуре, завёрнутой в подобие фуфайки, было невозможно. Разве что по копне рыжих волос, выбившихся из-под платка грубой вязки и такого же грубо-серого цвета.

Она вздрогнула и замерла.

Замер и я, разглядывая её через прицел.

— Оружие есть? — так же негромко спросил я.

Она замотала головой. Рыжие волосы из стороны в сторону мотнулись волной. Огненной. А огонь — это всегда опасность.

— Ты одна? — я уже и сам был почти уверен в этом, ведь внизу было тихо. И как бы тихо я не окликнул девушку, будь с ней ещё кто-то, непременно услышал бы. И мог бы выдать себя. Но я не спешил расслабляться.

Опять огненная волна волос. Теперь сверху вниз.

— Поднимайся.

Девушка сделала шаг и поднялась ещё на одну ступеньку.

5

Одиночество — опасная штука. К нему, как и ко всему хорошему, привыкаешь быстро. И потом уже никого не хочешь пускать в свою жизнь. Но появление в моей жизни Полли, пусть и на несколько часов всего, сыграло со мной дурную шутку.

Мне захотелось иметь кого-нибудь рядом. Противоположного пола — желательно. Потому как что

делать в мужской компании по нынешним временам, кроме как убивать других, я не представлял. А убийствами я уже был сыт. Хотелось расслабиться.

И я расслабился. И даже отвёл взгляд от девушки, нелепой в наряде с чужого плеча, размера на два больше, чем нужно.

Левую руку оттягивала корзинка с продуктами. И я слегка наклонился в сторону перилл, опуская свою ношу. Но не опуская ствол автомата.

Это и спасло.

В голове шумело: «Опасность! Опасность! Тревога!». Но инстинкт заглушал голос разума. Или чей-то ещё? Да вот только никого больше не было. Даже Полли ушла. Не говоря уж о пассажире. С которого всё и началось.

И я, не придав изначально внимания бликам на стенах шахты лифта, решил, что это из-за застрявшей между этажами кабины. А голоса мне чудятся. И чуть было не получил пулю в голову. Однако неловкое движение с корзинкой спасло.

Очередь, практически бесшумная, из укрытия за лифтом прошла чуть выше и в сторону. А потом и сам стрелок вывалился на площадку позади девицы.

Всё почему? Неустойчивую позицию выбрал. Автомат и без того задирает очередь вверх. А тут такая подмога...

Ох, правы были древние японцы, призывавшие не верить ни женщинам, ни пьяницам, ни морякам: первые склонны обманывать по природе своей, пьяницы, мозги пропив, ничего не помнят, поэтому могут нести любую околесицу. Моряк же рано или поздно утонет, говорили они,

с чего бы ему верить. Но мой черёд, как моряка, пусть и отставного давно, похоже, не пришёл ещё. Да и не обещал я ничего, не успел просто.

А вот нажать на спусковой — вполне. И пусть первая очередь ушла в молоко, продырявив стеклянные стенки шахты, вторая пришлась в самый раз. Хотя я и не выцеливал стрелка особо. Больше повезло.

Из трёх пуль в очереди одна вошла точно в белёсый лоб, выглянувший из-за угла полупрозрачной шахты.

Голова с белым чубом немедленно запрокинулась, руки, державшие автомат, тоже вскинулись, словно стрелявший намеревался сдаться, но опоздал. Не оказись у него за спиной перилл, грохнулся бы вниз, на первый этаж. А так...

Завис. Ненадолго. До крика девицы, обернувшейся на шум падения, который оказался громче, чем стихшие выстрелы.

Я подумал было, что задел лгунью. Но она визжала от страха, а не боли. Да и рухнула уже на колени перед телом, медленно сползавшем с перилл на бетон лестничной площадки.

— Кто ещё там, внизу?

Мой вопрос был адресован в пустоту. Рыжеволосая была не в себе, стрелок ответить вряд ли смог бы, даже если бы захотел. Но полгаться на случай я больше не хотел. И в два прыжка преодолел ступени до площадки, потом, притормозив у шахты и оценив тишину первого этажа, остальные ступени.

В здании больше никого не было. А вот откуда появились стрелок и его подруга...

Это стало ясно, когда я приблизился к входной двери. Прямо напротив которой стояла машина, внимания на которую я не обратил сразу. А теперь было ясно, что прятались они именно в ней. О том кричали, разинутыми проёмами, двери. Которые, отправляясь в магазин, они за собой не закрыли, боясь предупредить меня звуком захлопывающегося замка. Хотя именно я им помешал. Ведь у старенькой «Нивы» на заднем сиденье громоздились такие же упаковки, как и у меня в корзинке. Но хлопок дверью у ржавеющей местами достопримечательности отечественного автопрома непременно должен был быть громким...

6

Стенания рыжей подруги убиенного блондина никого привлечь не могли — окрест ни одной живой души. Но на нервы действовали. Прежде всего своей неискренностью.

— Кончай выть.

Я стоял над рыжеволосой, не убирая ствол в сторону — если стрельнёт автомат случайно, то так тому и быть. Меня они жалеть не стали бы. Да и не собирались. А тут воля случая...

Девушка, словно только и ждала команду, моментом затихла, размазывая тыльной стороной ладони несуществующие слёзы.

— Я не хотела, это всё он...

Рыжая кивнула на труп, всё ещё упавшийся спиной в перила.

— Как хорошо иметь покойников в послужном списке. Можно всё на них свалить.

У девушки на короткий миг расширились зрачки, а потом пришло понимание:

— Ты меня не убьёшь?

— Мы уже на «ты»? Кто меня только что под пули подставил?

— Я не...

— Ладно. Не оправдывайся. Всё равно не поверю.

7

...Выстрел потонул в залпе из трёх бутылок шампанского.

Он и без того был приглушён уродливой трубой глушителя. Но крики «ура» под шипение пенных струй и вовсе свели его на нет. Хотя убийца особо и не прятался.

Он вполне хладнокровно, по крайней мере, с виду, приставил ствол к затылку, чуть пониже чёрных кудрей смуглолицего крепыша, которого все знали как Анатоля, кутилу и организатора всех самых ярких застолий в «Поплавке». Испуг, читавшийся на лице плейбоя, был обращён совсем в другую сторону. К хозяину ресторана, только что резко бросившему в лицо своему недавнему другу и партнёру:

— А ведь ты ссучился, Анатолий...

Ни угроз, ни предупреждений, ни слов о том, что наказание за это неминуемо. Просто спокойная констатация факта. Известного всем присутствующим.

И тут же выстрел. Заглушенный шумом в зале, отделённом от подсобки кухни тонкой перегородкой,

стилизованной под что-то восточное. Так что гости, собравшиеся по личному приглашению Анатоля, даже и не догадывались, что их кумир уже умер. Хотя пуля из ствола малокалиберного пистолета ещё только пробивала дорогу к мозгу. Оказавшемся далеко не таким разумным, как хотелось того Анатолю. И как казалось окружающим. Точнее, его свите. Сейчас радостно отмечавшей очередной выдуманный Анатолем повод повеселиться.

Второй выстрел не потребовался. Анатолий начал медленно заваливаться лицом вниз. И если бы убийца, правой, свободной от оружия рукой не подхватил бездыханной тело, из которого ещё не вылетела душа, то шуму было бы больше, чем от выстрела. Потому как перед Анатодем маячил большой казан, только недавно снятый с плиты, и в нём ещё булькало кипящее масло.

Самому Анатолю это уже не навредило бы. А вот Льву Прямыцыну, владельтельному хозяину «Поплавка» и давшему отмашку на выстрел, могло и не поздоровиться, опрокинься чан с маслом. Он хоть и вырвал приятеля из сердца, но вида смерти не то чтоб испугался — растерялся перед старухой с косою. И оказался на траектории падения тела. Да ещё и перед чаном с перегретым маслом.

Могло достаться и мне. Хотя я и была немного в стороне. Но я же и была косвенным виновником смерти Анатоля. Потому как это я принесла дурные вести Льву Матвеевичу. А уже он принял решение. Зазвать Анатоля в подсобку. И дать отмашку повару. Которого я бы никогда не приняла за убийцу. Хотя ему, небось, не раз приходилось убивать, хотя бы кур. Но так, из пистолета... Вряд ли...

Хотя... Мы не настолько были хорошо знакомы, чтоб я могла судить столь однозначно.

Впрочем, со Львом мы тоже был знакомы шапочно. Как и с Анатолем. Но он меня узнал. Потому и испугался в последний момент.

Я бы тоже испугалась. Увидев привидение. Ведь Анатолий полагал, что меня нет в живых. И уж никак не мог предположить, что я окажусь рядом с Прямыцыным. Ну никак этого случиться не могло. Но случилось. И я жива, а Анатолий — нет.

Впрочем, то, что я была жива, могло быть временным. Потому что я не только дурную весть принесла, за что в далёкие времена самовластных вельмож полагалась одна награда — смерть. Сейчас времена стали не настолько благороднее. Да ещё если учесть, что я ещё стала и свидетелем убийства. Это в зале, за псевдокитайской ширмой о нём ещё не подозревают. А так я свидетель номер один. Если не соучастник. Так что всё может перемениться. И не в мою пользу.

Но пока я была нужна. Уже не как источник информации, благодаря которой «крыса» из ближнего круга Льва Матвеевича приказала долго жить. А как грубая физическая сила. С помощью которой можно было быстренько ликвидировать все следы преступления. Хоть и силы во мне кот наплакал. Но вот, поди ж ты, её хватило, чтоб убрать почти всемогущего Анатолия...

— Хватай за ноги, — повар повернул ко мне разгорячённое то ли от плиты, то ли от содеянного лицо. — Не тяни резину...

Выяснять отношения с поваром, хоть он и убрал пистолет куда-то в свой поварской халат, я не собиралась. Поэтому подхватила тяжелеющее тело Анатоля за безвольно болтающиеся ноги.

— Туда, — повар кивком головы отправил меня в сторону двери, ведущей на палубу ресторана.

За дверью была тьма в небе и плеск чёрных волн внизу. Не стремнина, конечно, но вода утробно хлюпнула, принимая мёртвое тело. Которое тут же исчезло во тьме ночи.

А ведь как интересно всё начиналось...

8

В квартире, которую под видом служебной или конспиративной занимал Сергей Лейтнер, Анатоль нарисовался ранним утром. Мы с ним только проснулись. С Сергеем, с Анатолем я не спала, не та весовая категория. Хотя у него и бывали весьма пышные дамы. Но мой доход не шёл ни в какое сравнение с их. Ну и с доходами самого Анатоля. Всё-таки в нашей провинциальной иерархии он был едва ли не в тройке лидеров.

Другое дело Серёга. Он появился у нас не так давно, из столицы турнули. Хотя и с формальным повышением. Но вроде как на исправление. Кому-то там, в Москве дорогу перешёл. Зато здесь он развернулся. Лихо. Квартирой, вот, обзавёлся. Помимо той, где официально жил. Хотя, не исключено, была она и прежде, просто раньше толклись здесь местные эфэсбешники, без особого размаху и куражу. Ну, или просто я не попадала в круг их интересов. Потому как была довольно скромной девушкой, почти отличницей,

более доступных хватало. В медицинском том же. А я, серой мышкой, грызла науку в педагогическом. Но кто бы отказался от предложения пусть не разбогатеть, но существенно улучшить своё положение? Материальное прежде всего. Но и статус тоже. Не провинциалкой же в провинции помирать, не изведав жизни лучше. Вот я и не устояла. Тем более Серёга-то парень видный, высокий блондин с серыми глазами, силён опять же. И не только в драке. Когда он и отбил меня у местной школоты, приставшей на «пятёрке», куда меня занесло после занятий в спортклубе. И чего меня в тот дикий район понесло? Или то судьба была?

Но, как бы то ни было, Сергей надавал по мордам всей троице, отпускаяшей сальные шуточки в мой адрес и уже дважды хватавшей за полы пальто, потом весь вечер провожал меня до общаги, а наутро ждал под дверью, на белой «мазде» с московскими номерами. Вечером, после ресторана, уже и мыслей не было возвращаться в общежитие. Так я впервые оказалась в этой квартире. Где мне предложили остаться. Пока до утра. Хотя я надеялась, что это только пока. Вот только со временем выяснилось, что нет ничего более постоянного чем временное. Сергей водил в квартиру девиц много чаще, чем звал меня. На что я надеялась? Да ни на что. Других кавалеров не намечалось. А Сергей, хоть и не осыпал подарками, но жмотом не был, деньги у него водились. Замуж не звал? Гулял напропалую? Ну, да. Но меня такое положение устраивало. Пока.

Пока в квартире ранним утром не появился Анатолий. А мы едва успели без долгих прелюдий и прочих нежностей перепихнуться. Даже сексом это назвать было трудно. Я не

любительница начинать утро неумытой, Сергей же, наоборот, вообще не сторонник растягивать удовольствие, тем более никогда он не думал о том, чтоб доставить его кому другому. Получил своё, и отвалился. Вечером так уснул, утром — сполз с меня. Благо настойчивый звонок в дверь не оставлял шансов поваляться в кровати. Да и зачем? Ласкать? Меня? Да такого отродясь не было. Я отбывала повинность. А он — получал желаемое. И мы оба об этом прекрасно знали. Будь у меня претензии, тут же вылетела бы. И была бы вычеркнута из списка его любовниц. В количестве которых я могла ошибаться разве что на десяток. Не случайно же он превратил служебную квартиру в любовное гнёздышко. Вместо стола для переговоров — двуспальная кровать, зеркало во всю стену. И зеркальный же потолок. Вряд ли это нужно для допросов подозреваемых. Или докладов штатных осведомителей. Но мне было порой приятно. На том и сходились. А тут — Анатолий.

Обернув вокруг талии полотенце, Сергей открыл дверь. Чтоб заставить замолчать звонок. А я села на кровати, прикрывая грудь простынёй, скомканной в предрассветном упражнении в любви.

Можно было бесконечно рассматривать своё отражение в зеркалах, но квартира была перестроена таким образом, что комната начиналась буквально от порога. И я была как на ладони. Но и Анатолий был предо мной во весь рост.

Я не стала на нём задерживать взгляд, чего нельзя было сказать о его взгляде. И вроде как даже он посмотрел на меня с интересом. А то и с желанием. Куда большим, чем проявлял Сергей. Хотя сам он уступал более молодому и

подтянутому Серёге. А я не любительница играть чувствами, пусть и любовника, пусть и даже довольно грубого. Так что взгляд мой застыл в зеркалах. Но я успела заметить, как вопросительно взлетели брови Анатоля, а глазки, скользкие и сальные, указали в мою сторону.

— Говори, — Сергей не стал тратить время на приветствия и вопросы. Прямо как в сексе. Без прелюдий.

— Завтра.

— Опять завтра? — недовольно протянул Сергей.

— Всё уже запущено. Сегодня пойдут первые платежи. Ну, тех, кто наиболее продвинут, через интернет. И по моим прикидкам приличная сумма будет уже завтра к обеду. Не вся, конечно, но такая, что можно брать за жабры. Ну, и на пальцах жирок останется, чтоб не вхолостую ж...

Анатолий бросил мимо плеча Сергея взгляд в мою сторону. Хоть и смотрела я в другой угол, но уловила и движение, и липкий взгляд. Но виду не подавала.

— Что значит — жирок? — удивлённо переспросил Сергей.

— Ну, как в анекдоте: взял сало из холодильника и вернул туда же, но пальцы-то жирные стали...

— А, ты про это... Ну, да, ну да. Так, значит, завтра, говоришь? А где сам будет?

— Он завтра в «Поплавке» вечер романса устраивает, меломан, блин. Вот и получит прощальный ужин, пусть порадуетя напоследок, — Анатолий хохотнул, противно, с издёвочкой.

— Меня не интересует его гормональный фон и настроение. Я должен точно знать, что деньги пошли на его счёт. И даже это, — Сергей выразительно потёр пальцы

перед носом Анатоля, — интересует меня постольку поскольку. Потому что если не срастётся, то этим, — он опять потёр пальцы, а мне прям слышался шелест купюр, — не окупится провал.

— Сергей Владиленович, — Анатолий хоть и был старше, но перед Сергеем выглядел как-то жалко, даже умолял, похоже, — всё на мази! Все квиточки жировок разошлись, комар носу не подточит. А сверять корсчета никто не станет. В ближайшие дни. А когда спохватятся, дело уже будет закрыто. Вы с победой, я с «Поплавком», а Лё...

Анатолий запнулся, проглотив окончание слова, и вроде как стал ещё ниже, хотя и так макушкой едва доставал Сергею до уровня глаз.

Сергей же, наоборот, сделал движение, словно собирался обернуться. Но я и без того бездумно пялилась в своё отражение. И даже немного приоткрыла грудь. Словно любуясь. С собой, конечно. А не парочкой, секретничающей у двери. За дурочку, конечно, вряд ли сойду, Сергей знал, что я далеко не блондинка. И не потому что рыжая. Но интерес выказывать в любом случае не стоило. Оказавшись свидетельницей рабочей встречи крутого опера с осведомителем. Впрочем, Сергей был далеко не опером. Названием должности я никогда не интересовалась, но в «сером доме», как у нас звали здание спецслужбы, был он не просто не последним человеком. А как бы ни одним из первых...

— Слишком всё просто, — сквозь зубы процедил Сергей. — Что меня и напрягает.

— Это только кажется, что просто! — взмахнул руками Анатоль. — Парни полгода кодили и отслеживали все транзакции, чтоб такое проверить! Если бы не нужно было... Ну, этого убирать... Только один платёж принёс бы миллионы! Миллионы, Сергей Владиленович! — горячо зашептал Анатоль. — Там общая сумма на миллиард тянет!

Сергей отстранился, словно дыхание Анатоля стало враз зловонным.

— Миллиард — это звучит гордо! Но меня больше волнует, не отследят ли вход в систему и рассылку?

— Отследят! Ещё как отследят! — хихикнул Анатоль. — Да только начало ниточки будет в кабинете у Лёвы...

Он опять прикусил язык, но я и так уже поняла, о ком речь.

Прямицын. Лев Матвеевич. Меценат и ресторатор. Чей бизнес уже пытались отжать, состряпав дело о педофилии. Состряпали на скорую руку. Нитки были не только белыми, но и в палец толщиной. Тот палец, которым этих дебилов делали. После чего посыпались головы местных службистов, которым на смену и приехал Сергей. Видать, здорово кому-то мешал бывший вузовский математик, сколотивший нехилое состояние, на которое содержал не только плавучий кабак, дебаркадер для которого пригнали из Москвы, но и целую деревню превратил в музей под открытым небом. Таких на руках надо носить, но чужие деньги покоя, похоже, не дают... И не одному Анатолю. Которого, как я знала по слухам, Прямицын чуть ли не на помойке подобрал и сделал

компаньоном. Вот уж истинно, не делай добра, не получишь зла...

— Ладно, Толик, — панибратски выставил гостя Сергей, — Погнали. Ты запускай, а я ещё поваляюсь, потом некогда будет.

— Да, Сергей Владиленович, — кивнул Анатолий, ничуть не обиженный пренебрежительным «Толик». — А эта...

Он опять стрельнул глазами в мою сторону. Хотя я и не могла проследить его взгляд. Но сомнений быть не могло.

— Это не твой вопрос. Шагай.

Сергей бесцеремонно выставил раннего гостя.

Через минуту я услышала, как в край унитаза бьёт струя. А потом и вовсе низвергся целый водопад, смывающий её следы.

— Детка, ты подслушивала? — Сергей сел на кровать рядом со мной и повернул мою голову к себе, хотя я упорно продолжала пялиться в зеркало.

— Чего?! — сделала я удивлённые глазки, уставившись на Сергея.

— Ну, ну, только не надо переигрывать. Завтрак приготовь. Мне пора.

Я потянулась за халатиком.

— Нет, нет, — Сергей отнял шелковистую ткань. — Так, без ничего.

Случались у него такие бзики...

Но минут сорок спустя, стуча каблучками по переходу на пустынной такую рань улице я внезапно поняла, что в этот раз бзик был далеко не случаен...

Машина, вылетевшая из-за угла, вильнула так, что моё пальто протёрло её бок, заляпанный грязью. Хотя дождей давно не было. Заляпан был и номер, который я попыталась разглядеть, но где там! Едва не растянувшись на асфальте, я встала на разбитые коленки. Дрожа всем телом, проводила взглядом машину. И мысленно вознесла молитвы, которых никогда прежде не знала.

Я была жива. Вот только надолго ли?

Ответ на этот вопрос мне был не известен. Зато я ответила на кучу не заданных вопросов. В том числе и на извечно русский вопрос. Что делать?

Для начала добраться домой. Хотя это и не очень безопасно. Сергей и туда мог прислать человека. Пусть и не на машине. Но с чем-нибудь увесистым в кармане. А то и со стволом. Это ж не любители какие... Служба целая...

Значит, дом — только передышка, схватить документы и деньги. И рвать дальше. Когти или что там ещё рвут в таких случаях. Но бежать надо чем дальше, тем лучше.

Хотя... Лучше всего было бы рвануть сразу к Прямицыну. Но что я ему скажу? Что его подручный припёрся к моему любовнику ни свет, ни заря и что-то там лепетал?

Стоп. А что лепетал?

Хоть и не прошёл ещё испуг, но я всегда лучше соображала в стрессовой ситуации.

Жировки. Слово-то какое. Забытое. А это при чём? Ах, да, счёт. Который никто не станет сверять.

А если сверить?

Хоть и пинала меня интуиция — беги, дура, беги, я открыла в компьютере банковский личный кабинет. Платёжка за квартиру пришла. На имя квартирной хозяйки, но плачу-то я...

Ничего из ряда вон. Обычная платёжка. Я достала оплаченные предыдущие. И хотя страх дышал в затылок, скрупулёзно сверила два документа.

Счёт.

Вот где собака порылась. Или, точнее Анатолий.

Счета были абсолютно разными.

Я вызвала такси.

Но прежде чем машина подошла, выскользнула из дома. И дворами прошла на соседнюю улицу. До автобусной остановки.

Только бы Прямыцын оказался в офисе...

9

...— Далеко я не ушла. А когда началась пандемия, Сергей меня нашёл. И перевёз к себе. А чо, очень удобно... Сыт, пьян и нос в табаке. В том смысле, что где сгрёб, там и въёб...

— А ты, можно подумать, сильно упиралась. Небось, и подушку под задницу подложила, — беззлобно откликнулся я на рассказ рыжеволосой.

— А смысл бежать куда-то? Меня у Прямыцына никто не видел, Анатолий пропал, а Лев Матвеевич сам спутал Сергею все карты, прикатив утром в «серый дом». Но не с повинной, а с «телегой» на Анатолия: так, мол, и так, доверял безоглядно, а он попытался устроить аферу... Программистов сдал, те подтвердили, что рулил Анатолий.

Сергею оставалось только губы кусать. Да волосы на голове рвать — не срослось. Анатоля и так-то особо не искали. Но тут очень вовремя грянула пандемия... И начальство потихоньку отстало. Вот он и взялся за меня. Предъявить ему мне было нечего, дура душой. Но поглядывал он искоса. И рано или поздно, кончил бы меня. Не за то, что обломала его план, а так, просто. Если б наскучила. Всё к тому шло.

— Так бежала бы без оглядки.

— Куда? Прививку делать он мне не разрешил, справки о том, что переболела, у меня нет... Хотя я и болела. Не сильно, но подхватила заразу. Он за мной и ухаживал. А потом и вовсе я ему вроде как благодарна даже стала. Когда выйти никуда нельзя, а кушать хочется. У него паёк был, не то, что в магазине давали. Да и денег на магазинное где было взять? Учительницей-то я так и не стала. Школы никто не открывал...

— Ну, шла бы к этому, ресторатору... Он же тебе по гроб теперь обязан.

— Вот именно, что по гроб. По нему и сшили «деревянный бушлат». Как раз на пике пандемии.

— Да? А я и не знал...

— Мало кто знал. Видать, всё же команда была не отпускать его. Без пули в голове. Вот и поймал Лев свою. Из дома вышел, и тут с крыши...

— Нашли?

— Стрелявшего? Да кто ж его искал?

— Ладно, дело прошлое. А тут-то как нарисовалась? Да ещё и пытаюсь меня убить...

— Ой, да ладно, ничего я не пыталась, это всё Серёга. Я ему, конечно, благодарна, спас, и не раз. Особенно когда

начали народ сгонять, он своими «корочками» шуганул особо резвых, от нас и отстали. Но кушать-то хочется. Вот он и сказал: собирайся, пойдём на гоп-стоп. Всё, мол, теперь ничейное, кто первым доберётся, тот и сыт будет. Ну, мы и пошли... А тут ты... Вы...

Рыжая всё ещё не определилась как меня величать. Но разница в возрасте и автомат в руках вынуждали быть вежливой. Однако угроза смерти тут была, подозреваю, не причём. К тому же особой угрозы, пока я был за рулём, от меня не исходило.

10

Перегрузив из «Нивы» в мою машину запасы, собранные любовниками, мы покатили в сторону явочной квартиры. Ну, или конспиративной, потому как явка со смертью белокурого Сергея была провалена. Такой вариант предложила рыжеволосая Яна. Я попытался было уточнить, не Татьяна ли она, сократившая данное родителями имя, но рыжая поклялась, что так её записали при рождении. Но мне-то что, детей с ней не крестить, хотя, как знать...

Вообще-то «Ниву» жалко было бросать. Она только на вид оказалась потрёпанной, как сумел я оценить беглым взглядом. И если её делали на заказ для сотрудников «конторы», то сюрпризов у неё могло оказаться гораздо больше, чем фальшивая ржавчина. Но и Яну одну отпускать было рискованно. К тому ж водила ли она машину...

Вряд ли бы она кого навела на меня, город окончательно опустел после ухода военных и их столкновений с гвардейцами. А вот сама девушка могла улизнуть. Чего мне не очень хотелось. Хотя бы до того, как

мы доберёмся до тайного пристанища моего несостоявшегося убийцы. Потому как нужно было где-то остановиться, дух перевести, а вновь гнать в сторону санатория, где меня встретили и чуть не убили, было как-то не по себе. Слишком много приключений для одного дня, звон в ушах только недавно стих.

Когда Яна загремела ключами, я невольно присвистнул. Дверь в квартиру явно была не чета моей. Более того, на вид она, как и стены старинного особняка, вполне способна была выдержать даже выстрел, который разнёс моё жилище. Этаж второй, что несколько убавляло восторги, но откуда взяться большему, если выше только крыша. Купцы прежде не гнались за этажностью...

Я поспешно перешагнул порог сразу следом за Яной — а ну как в квартире парочка стволов у неё окажется под рукой?

Мой порыв она раскусила, да, уж, далеко не дура, не зря Сергей её подозревал.

— Ты бы лучше меня ещё там обыскал, — хихикнула Яна.

— Но, но, — повёл я стволом автомата в её сторону. Прекрасно понимая её правоту и то, что при желании она уже вполне могла в меня пальнуть.

Но вместо этого Яна кивнула в сторону кухни:

— Там, за мойкой, шкаф. Оружейный. Ключ вот, — она бросила мне связку, которую безо всякого жеманства вытащила из кармана покойного Сергея перед тем, как навек оставить своего любовника. В том, что мы не станем возвращаться к трупам, я как-то не сомневался.

Квартира выглядела так, как я и представлял по рассказу Яны.

Огромная кровать занимала большую часть комнаты. Зеркальная стена добавляла пространства. Потолок, в зеркальных пластинах, — объёма. Порядка было не так много, учитывая, что здесь должны были наблюдаться следы женских рук. Но я больше видел отпечатки Сергея. Не пальцев, конечно, а его личности.

Компьютер, и судя по всему довольно мощный. Хотя сейчас это вряд ли имело значение. Шкаф-купе, за приоткрытой створкой которого видны ряды пиджаков и рубашек. На верхней полке, там, где у меня была шляпа, матово поблёскивал мотоциклетный шлем. Надо же, он ещё и байкер. Был. На кухне, как и полагается по такому стилю, барная стойка с высокими табуретами. И лаконичный гарнитур с минимумом посуды. Но с изрядным числом бутылок и бокалов.

Оружейный шкаф заставил ещё раз присвистнуть.

Место, с выемками под планку Пикатинни по всей длине ствольной коробки и даже с углублениями под обвесы для автомата, который я забрал у покойника, пустовало, но рядом маслянисто выпячивал хищное тело «Стечкин». На его фоне «Гюрза» смотрелась не столь грозно, но вполне уверенно в своей безнаказанности. Даже рядом с невиданным мною прежде стволом для бесшумной стрельбы — это я определил по насадке, с которой пистолет составлял практически одно целое. Патроны в заводских упаковках стояли частоколом вокруг мощного бинокля. Рядом с принадлежностями для чистки.

Чего не хватало, так винтовки с оптическим прицелом. Потому что я был практически уверен: снайпер, которого не нашли после убийства Прямыцына, и Сергей Владиленович Как-его-там — одно лицо. Но сейчас это уже не имело значения. Если он, то справедливость восторжествовала. Если не он, ну что ж, значит ему не повезло. Всё равно за дело. За попытку убить меня. Нельзя в один день дважды приговаривать к смерти.

Зато, как оказалось, утратить бдительность вполне возможно. Хотя и был звоночек. Но я не прислушался. И чуть было не поплатился.

Не упуская из поля зрения Яну, я большей частью на себе перетаскивал припасы. Хотя и рыжая не сильно уступала по загрузке. Поэтому я был сильно удивлён, когда, скинув на пол очередную партию поднятых из машины продуктов и разогнувшись, увидел нацеленный мне в лоб ствол пистолета.

Тянуться за закинутым на спину автоматом было долго. И бесполезно.

Девушка держала пистолет вполне умело. И руки у неё не дрожали.

— Я ж говорила, надо было меня ещё там, в магазине обыскать, — криво осклабилась Яна.

Всё-таки сегодня не мой день...

11

...А если и мой, то не последний.

К этой мысли я пришёл чуть позже. Когда Яна, заправски прокрутив пистолет на пальце, рукояткой вперёд подала его мне.

— Держи, воин.

Впору было и дух перевести, и холодный пот со лба утереть. Но пот был не холодный. Пот был от усталости и напряжения. А дух переводить было рано. Потому что не успел я удобно перехватить ствол, как Яна залихватским ударом с ноги, крутанувшись вокруг своей оси, вышибла его.

И опять плотоядно ухмыльнулась:

— Тема, надеюсь, исчерпана?

До меня с опозданием, но всё ж дошло. Убивать меня она не собиралась. Просто показала, кто в доме хозяин. Ну, или в наших отношениях. Которых и не было считай. И то, что она вроде как покорилась, было условностью. И в любой момент всё могло повернуться совсем иначе. А ведь я мог бы и раньше догадаться, что не всё так просто. Но только сейчас звоночки вострубили во весь голос.

Квартира была такой, как Яна её описала. Вот только следов самой Яны в квартире не было. А она говорила, что прожила здесь почти всю пандемию... И никакой аккуратностью и уборкой своих вещей после каждого использования это не объяснить.

— Ну и где же обитаешь ты? — решил я опустить сразу целый пласт второстепенных сейчас вопросов.

Она удивлённо вскинула бровь:

— О, разглядел?

— Не сразу, — честно признался я. — Но давай к делу: к чему вся эта игра? И что из рассказанного тобой правда?

— Спала ли я с Серёгой за еду? Да, спала.

— Извини, но я уже в том возрасте, когда такие детали интересуют мало...

— Ну, вот, а я думала, что обрела нового защитника.

— Да ты и сама неплохо в защите стоишь, — я машинально потёр ушибленную руку, не удержавшую пистолет.

Яна хмыкнула:

— Ну, мне ж не только это нужно.

— Так этот цирк был нужен, чтоб затащить меня в кровать? Сказала бы, глядишь, я и без драки согласился бы...

— А мы и не дрались, — Яна чуть ли не промурлыкала последнюю фразу. Но тут же стала не то чтоб серьёзной — жёсткой: — Без доказательств моей лояльности ты бы не рискнул мне поверить. Ведь правда же?

Не сказав ничего вслух, про себя я вынужденно согласился: да, продолжал бы подозревать Яну в дурных намерениях. Я уже её подозревал. Как только в голове замаячило что-то, несоответствующее её рассказам. Просто сам ещё не верил в эти подозрения. И потому едва не прогорел. Будь у неё серьёзные намерения покончить со мной, то всё уже было бы кончено. И даже не потому, что я нюни распустил и не стал обыскивать рыжую. А потом и вовсе доверился её рассказам.

Она была намного круче, чем я мог себе представить. И в паре с покойным белобрысым Сергеем вполне могла играть роль лидера. Он-то сразу и легко подставился и ушёл в лучший из миров. Яна, хоть и стояла против моего автомата, была не настолько жалкой. Тогда, на лестнице. А сейчас — тем более.

Я на всякий случай всё же перетащил автомат из-за спины, положил палец на спусковой крючок. Хотя при ловкости рыжеволосой бестии это могло и не спасти.

— Ну, вот, не веришь, — передёрнула плечиками Яна, сбрасывая прямо на пол бесформенную куртку, в которую она всё это время куталась. А я не рискнул запустить руки под этот засаленный прикид. Так бы, может, и обнаружил пистолет до того, как он глянул мне в лоб. Хотя, не исключено, отвлёкся бы на другие формы.

Передо мной была отнюдь не Полли, неуклюжая девочка, смущающаяся своей наступающей зрелости.

Яна оказалась в отличной форме. В том смысле, что её формы были весьма и весьма недурны, мягко скажем. Даже под налётом далеко не по фигуре сшитой одежды. Где положено — подкачано, где необходимо — втянуто. А главное — выпукло там, где ожидаемо. И даже соски вздыбились сквозь материю, то ли от возбуждения противостояния, то ли по иной причине. Я тешил себя надеждой, что причина мне на руку. И хотя всего лишь пару часов назад, перед ранними сумерками едва не помер, сейчас чуть ли не стойку делал. С таким дурным советчиком, как неутолённое желание, на хороший исход противостояния рассчитывать не приходилось. Как и сомневаться в том, что у нас таки противостояние, и никак иначе.

— Я могла тебя пристрелить, ещё там, в магазине. Рядом с Сергеем. Но зачем? Сейчас надо выживать. И держаться вместе. Извини, но ты, конечно, не Серёга, ни по возрасту, ни по «корочкам», которые, правда, теперь некому будет предъявлять. Но всё равно мужик. А слабой женщине нужно мужское плечо...

— Только вот не надо это самое... По ушам ездить. Сказал же: я уже вырос из детских штанишек.

— Ну, ладно, может, я и не такая слабая. Но вдвоём всё равно сподручнее.

— А как же Серёга?

— Ты решил, что я за него буду мстить? — Яна, перешедшая на «ты», дёрнула плечиком. — Радости избавления, честно скажу, не испытала, всё ж я была ему многим если не обязана, то благодарна. Но и под богом сколько дней ходила, он же мог в любой момент решить, что я ему не нужна. Или грешна в его провале. Так что тут «фифти-фифти», не вмер Даныло, болячка задавила. Что было, то прошло. А что будет — не знаю. Знаю только, что хочу жить. Да и ты, похоже, не против.

— Ещё как не против, — признал я, пока предпочитая не распространяться. Ни про убийства во спасение своей шкуры, ни про то, как меня всё же чуть не грохнули. Будем живы — разберёмся.

— Тогда, если ты не против, убери автомат. Мы сейчас пойдём ко мне.

Не дожидаясь, чтобы я выполнил то ли просьбу, то ли приказ, Яна повернулась спиной ко мне и шагнула к встроенному шкафу, раздвинула костюмы и рубашки...

— Только не пальни мне в спину, я не собираюсь никуда бежать.

12

Что-то щёлкнуло. И дверь, упрятанная в глубине шкафа, освободила проход. За которым слабо мерцал огонёк ночника. Но Яна, шагнув в сумрак, щёлкнула выключателем, что не сильно прибавило света. Но мы всё ж оказались в другом мире. На женской половине планеты квартиры.

— За мной не ходи, — предупредила Яна. — Дверь открывается только из комнаты. Второй выход есть, но лучше его пока не трогать. Для маскировки. Хотя... Ну, да, пожалуй, народу почти не осталось. И всё ж...

Комната была вполне жилой. И действительно девичьей, так что Яна не соврала, жила она здесь. Почти тайно. И очень удобно для владельца квартиры: если нужно, он всегда её мог выставить за потайную дверь. Но только из своей комнаты, оставив в квартире и под надёжной охраной, не сбежит. Потайная же комната была, по сути, отдельной квартирой. Со своим входом и даже с кухней. Вот только выход был даже не во двор — на другую улицу. Но это потом я понял. А пока озираясь в полутьме. Прямо из шкафа, следуя предостережению Яны. А ну как дверь действительно захлопнется за мной...

В комнате было всё, что нужно для жизни. Только окон не было. Отсюда и полутьма, едва подсвеченная ночником. Но наряды Яны были на виду, разложенные по стульям и на диване — он дополнял убранство, но не был спальным местом. Потому что кровать тоже была в наличии. Со взбитыми подушками, как в моём далёком детстве в доме родителей.

Кухонный уголок отсвечивал горкой немойтой посуды. Воды и здесь уже нет? Так вроде ж тут не стреляли. Тем паче в другом углу, на раздвижной сушилке бельё и женские интимные детали на просушке. Значит, вода есть, но хозяйка не сильно озабочена посудой, запас чистой где-то имеется.

Можно было бы предположить, что отсутствие окон даст возможность украсить стены чем-то личным. Но они

были в бежевых обоях, и всё, никаких примет ни Яны, ни хозяина конспиративной квартиры — фотографий, картин, дипломов, безделушек из поездок. Даже настенных часов не было. Впрочем, на половине Сергея картина была аналогичной, никаких личных черт.

— Может, отвернёшься? Мне переодеться надо...

— И чего у тебя есть такого, чего я не видел? — буркнул я, но отвернулся. Точнее, вышел из шкафа. Вроде как доверяя девушке в другой комнате. Она-то ведь уже могла и покончить со мной, но отчего-то не сделала этого. Вряд ли станет спешить ещё раз пальнуть. Если у неё такое намерение есть. При желании пальнёт, в этом я почему-то не сомневался. Зато комната, хоть и подтвердившая слова Яны, вызывала стойкое подозрение. Только я не понимал в чём. И кого стоило подозревать.

Стоило разобрать пакеты и коробки, которые мы с Яной запасли. Не без помощи покойного Сергея. Но продукты могли и подождать, ничего скоропортящегося мы не приобрели в ходе налёта на торговую точку. А вот выпить стоило.

Перебрав бутылки и стаканы, я остановился на виски — чтоб взбодриться нужно было что-нибудь покрепче.

— Лёд в морозилке, — прокричала мне издалека Яна, видимо заслышав мою возню с посудой.

— Не стоит градус воровать, — я даже не заглянул в коричневое нутро массивного холодильника, на морозильную камеру в котором ушла добрая треть. И тут же пожалел.

Виски оказался крепчайшим.

С опозданием глянул на бутылку. Видать, из доковидных запасов, потому как настоящего вискаря давно уже днём с огнём было не сыскать. А тут и выдержка самурайская, и крепость за 45...

Градус ударил в голову. Да и по пустому желудку тоже.

— Вода есть? Мне бы помыться...

Я не успел закончить, собираясь пожаловаться на то, что следует не столько помыться, а омыться, как заправскому покойнику.

У меня за спиной бесшумно появилась Яна. В халатике. Домашняя такая. Со стопкой полотенец и белья. Мужского.

— Вот. Иди мойся.

Я хлебнул ещё раз из стакана. Для храбрости.

— Надеюсь, ты не сбежишь. Или, паче того, не пристрелишь меня.

Язык с трудом провернулся меж зубов. А ноги предательски дрогнули.

«А не был ли вискарь специально заряжен?», — запоздало подумал я. И принял в свободную руку банные принадлежности.

13

Это было безумием. Лечь спать в стане врага. Пусть не врага, но пока ещё точно не друга. Это для Полли я был друг и сосед. Вытащил из-под завалов из трупов. Вымыл. Накормил. Спать уложил. И отправил в бесконечное путешествие сквозь миры.

Яна ни кормить, ни тем паче спинку тереть не собиралась. Но когда я, отмытый от пыли и пороха, от запаха смерти, в чужом, великоватом как минимум на размер бельё выбрался из душевой кабинки, указала на кровать, в которой прежде кувыркалась с покойным хозяином квартиры:

— Я свежее постелила.

И отправилась в свою комнату.

Мой автомат был аккуратно пристроен в изголовье рядом с кроватью. Правильно, не пачкать же смазкой постельное бельё, когда ещё представится возможность всё выстирать. Это сегодня есть вода и свет, а завтра? Батареи уже сегодня чуть тёплые. И это только потому, что котельная другая, моя так вчера ещё погасла...

Но какой смысл думать о котельной, если даже дома моего уже нет. Как и сил.

Проводив взглядом Яну, я рухнул на матрас, услужливо принявший меня в свои объятия.

В засыпающем мозгу метались тени прошлого. Совсем недалёкого. Сергей, совсем живой, поднимал автомат и просил добить. Гвардеец с нефтебазы целился в меня с лестницы. А кто-то вообще неразличимый кричал сквозь гарь и пыль: «Здесь, он прячется, нутром чую...»

И на всё это сверху падали бетонные перекрытия моего дома. Или какого другого. Но падали, падали, падали...

Упал и я. Теперь уже в объятия Морфея. Вот только он почему-то не баюкал меня, а наоборот, толкал — в бок, в спину, когда я перевернулся, дёргая во сне ногой, словно пытаюсь отбиться от назойливых приставаний.

А потом я услышал. Уже не во сне. Наяву.

Выстрелы. За окном. Одиночные. Очередь. Ещё одна.
И опять толчок.

— Проснись, слышишь, проснись. Стреляют...

Значит, мне не почудилось. И меня действительно толкали. Только не Морфей, а Яна.

— Мне страшно...

Яна, скользнув по мне холодными ногами, забралась под одеяло.

— А так меньше боишься? — я принял её в свои объятия.

И был даже признателен тем, кто устроил перестрелку в опустевшем городе. Потому что полное жизни и желания тело прильнуло ко мне. И через пару минут мы уже не слышали ни выстрелов, ни криков, которыми была полна ночь. А я даже не думал о том, что могу опростоволоситься в силу возраста и длительного воздержания. Какая теперь разница, это значения не уже имело — справлюсь я или нет. Потому что впереди может оказаться только тьма и вечность.

...Мы были не настолько близки, чтобы вести умные разговоры. Или предаваться запретным ласкам. А я, к тому же, был уже далеко не первой свежести. В отличие от Яны. А потому всё закончилось, едва начавшись. И сон опять одолел и меня, и девушку. А то что стреляют... Это за окном. У нас тихо. Толькомышь где-то скребётся.

Странно, успел подумать я. Откуда здесь мыши? Но до конца так и не додумал.

А потом пришло утро.

Я пошевелился. И Яна тут же вскинулась. Похоже, она проснулась намного раньше меня. Так что мне не

удалось рассмотреть её в процессе пробуждения. Да и просто рассмотреть.

Прежде было как-то не до того, да и ночью, без света и отдаваясь страсти, не вышло. А сейчас не получилось.

Яна вскочила с постели, не тратя время на объяснения и разговоры, потянулась стройным телом, вскинув маленькие грудки и оттопырив попку, словно дразня меня.

— Прости, я, видно, был не на высоте ночью...

— Не заикливайся, мы оба получили то, что хотели.

И опять Яна не дала себя рассмотреть, набросив на плечи халатик, в котором накануне ушла от меня в свою спаленку. Но сейчас она подошла к окну, поигрывая концами пояса, свисающего по бокам халата.

— Что там, на улице?

— Туман. Как осенью. Не видать ничего...

— Странно, почти зима — и туман...

Я выбрался из постели и пристроился за спиной у девушки, положив руки ей на плечи.

За окном действительно было молочно-бело.

— Мы всё ещё недостаточно близки, чтобы познакомиться? — не оборачиваясь, поинтересовалась Яна, не пытаясь выскользнуть из моих рук, уже спускавшихся с плеч, ниже, туда, где под халатом топорщились упругие шары с подобием наверхия русских шлемов.

— Михаил. Михаил Михайлович, — я вспомнил, что действительно не представился, узнав имя покушавшейся на меня девушки. Ну, или участвовавшей в покушении. Или присутствовавшей при том, здесь я всё ещё не разобрался. Прежде всего в своих ощущениях.

— Так всё-таки, Миша или Михал Михалыч?

— Это зависит от твоего отношения ко мне.

Яна круто развернулась и впилась мне в губы долгим поцелуем.

Честно признаться, до самой старости я так и не научился целоваться. Так что для меня это было ещё то испытание. Но потаённые желания своё дело знали. И моя нагота отозвалась не только сладостной истомой внизу живота, но и вполне себе зримой реакцией на близость женского тела. Хотя я и не был уверен в своих силах, ведь всего пару часов тому назад все они были израсходованы и излиты. Но Яна уже настойчиво тянула меня обратно, в постель. И хоть на минималках, но я справился.

— И что мы дальше будем делать, Миша?

Яна накручивала на пальцы волосы на моей груди. Ну, не дёргать же остатки на голове. И неудобно, и вроде как намёк на проплешины...

— Честно говоря, не думал даже. Вчера вот выжил, и был до сих пор доволен. Да ещё ты теперь рядом...

— Ну, я-то не аспирин, хотя и помогаю от головной боли. Но немного не от той. Так что давай думать, что дальше делать. Не зря же ты выжил вчера. И теперь вместо Сергея обязан взять на себя заботу обо мне. А что, а как ты думал? Выиграл девушку на турнире — будь добр, заботься.

— Я вроде как и не против. Но вот только мой замок вчера, — подхватил я игру, — ещё до встречи с вами расстреляли из танков. Вместе со мной...

— Так вот, значит, что это была за пальба... Мы с Сергеем чуть обратно не рванули, заслышав взрывы. И как же ты уцелел?

— Повезло.

Умолчав о минувших событиях накануне, в горячке после завершившейся относительно благополучно для меня схватки, я не собирался вываливать подробности сейчас, в трезвом рассудке. Потому что мой рассказ на трезвую голову кому угодно мог показаться отголосками сумасшествия.

Яна молча посмотрела на меня, видимо, сделав какие-то выводы, одной ей понятные, настаивать на продолжении не стала, приняв ответ как данность. Повезло, ну и повезло. Ведь и на лестнице мне повезло. День был удачный. Случается... Серёге вот не повезло. Но если где-то был минус, то почему в другом месте не плюс?

— Не пора ли нам подкрепиться? А заодно и провести ревизию наших запасов. И потом уже с картами в руках думать, как их раскинуть, — я всё же рискнул порулить в нашем тандеме. Временном, как я полагал. Ну не будет Яна держаться за такого как я. Разве что при отсутствии других вариантов. Их, правда, пока не намечается. Но если выжили мы, а до того ещё и Серёга был живой, могли остаться и другие. Кого не вывезли из города или не расстреляли. Да и вообще, я-то жив лишь случайно, в минуты близости в голове предательски наливались болью закупоренные сосуды. Или лопнут, или окончательно остановят кровоток. В любом случае, конец неизбежен. А Яна молода, полна сил... Найдёт другого.

14

Наши запасы изобилием не поражали. Если тупо сидеть на одном месте, то, худо-бедно, месяц протянем. Может, даже месяц с небольшим. На консервах и макаронах.

Тоже еда. А дальше? И потом, кто сказал, что вода и свет не отключатся в ближайшее время?

Значит, пора подумать о «плане Б». Который у меня значился прежде как «план А». Перебраться в брошенный санаторий. Какая-никакая, но автономность. Знать бы только куда после расправы со мной подались гвардейцы-черносотенцы. То, что они пришли из района санатория, сомнений почти не вызывало. Там я разбил их арьергард. Или, наоборот, авангард. Вот только не всех, похоже, кончил. Нельзя врагов оставлять за спиной в живых. Как нельзя делать работу наполовину.

— Я возьму пистолет? На всякий случай...

Я только кивнул. Пока мы в паре, негоже оставлять девчонку без оружия. С которым она управляет как минимум не хуже, чем я. Да и оружия вполне хватало — к автомату за спиной доверком шла «Гюрза» во внутреннем кармане, Яна вполне могла взять пистолет для бесшумной стрельбы, это очень даже было бы неплохо, случись заваруха. Ну, или свой ствол, которым она мне угрожала.

Яна выбрала бесшумное оружие. Что ж, правильно.

За окном висела всё та же молочная пелена. Ничего подобного прежде видеть не доводилось. Значит, идём без визуальной разведки. И любой иной. Наобум.

Но это только легко было сказать — идём.

Дверь не хотела открываться.

Да, она была мощная, не всякий патрон возьмёт, даже бронебойный, тяжёлая, но не до такой же степени! Вчера я открывал её спокойно, даже с занятыми руками.

Пришлось навалиться всем телом, вызвав недоумённый взгляд Яны.

В образовавшуюся щель стали видны ноги. В тяжёлых армейских берцах. И мутное пятно крови.

Яна не вскрикнула. Но прижала руки к губам. Которые шевельнулись, и я успел по ним прочитать: «Серёга...»

Ещё раз навалившись всем телом на дверь, я расширил щель настолько, что смог в неё проскользнуть.

На лестничной площадке, завернувшись в порывшую от крови куртку-дутьш, лежал человек.

Вероятно, он был когда-то смуглым. Почти кавказской наружности. Но это было когда-то.

Сейчас он был бледен. Почти чисто белый. Без кровинки, как говорят, в лице. Что по контрасту с копной чёрных волос делало его ещё бледнее. Плотно сжатые губы были лишь полоской на этом белом пятне лица. Зато кулак всё ещё грозил кому-то неведомому, упав на грудь под самым подбородком.

Два шага, и я присел в изголовье раненого, оказавшись в поле его зрения.

— Сергей... А... де... ленавич...

Я с трудом разобрал, что он говорит. И не столько понял, сколько додумал: раненый принял меня за Сергея. Хотя общего всего ничего — мужеский пол, и только. Но он-то, выходит, знал, куда шёл...

Лежавший под дверью человек невидящим взором уставился на меня. Ненадолго. Но вряд ли понял свою ошибку. Потому как попытался ухватить меня рукой за полы куртки. Той рукой, что лежала на груди — вторая пряталась под одеждой.

Потревожив относительное равновесие раненого, открытой дверью я завалил его на спину.

Он и в лучшем состоянии не смог бы меня рассмотреть. Но, с другой стороны, Яна могла больше не бояться, ибо не оставалось сомнений: это не Серёга, неведомо как добравшийся до своей квартиры. Он вчера уже был мертвее мёртвого. А уж чтоб пешком, с простреленной головой отмахать километра три и здесь помирать... Об этом не могло быть и речи. А то, что умирающий принял меня за Сергея... Знал, что он должен быть здесь? Но не знал, как он выглядит? Это вообще уж шпионские страсти. Просто он уже никого не узнавал, а появление Сергея ждал. Вот и позвал. Только зачем? Зачем он вообще сюда пришёл? Умирать? Мог бы и в любом другом месте, сейчас это просто.

Просто, да не очень. Я сложил два и два. В смысле, ночную стрельбу и шорох мышей. Которых здесь быть не должно.

Умирающий шёл к Сергею. Уж зачем, мы вряд ли узнаем. Если он умрёт прежде, чем сможет хоть что-то сказать. Но можно предположить. Не то предположить, зачем шёл, а как.

Где-то у дома пришелец нарвался то ли на засаду, то ли на случайный «гвардейский» или другой какой патруль. И ему попортили шкуру. Но сил хватило ввалиться в подъезд и подняться на второй этаж. А вот дотянуться до звонка, судя по мазкам крови на стене, сил уже не осталось. И он скрёбся. Но мы его не услышали. Точнее, я не придал значения шорохам. Свалив на крыс и мышей.

А он всё же дотерпел до того, как я открыл дверь...

— Давай... За ноги берись... В комнату его...

— Он не жилец, — поджала губы Яна.

— Ты его знаешь?

Девушка отрицательно качнула головой. А ведь могла и знать, если он приходил к Сергею. Да только тот не зря держал Яну в тёмной, без окон, комнате... Действительно, могла и не знать. Но сейчас это вообще значения не имело.

— Живой же пока! Вдруг скажет чего полезного. Он же не так себе сюда шёл. А мы в полной изоляции, — я чуть было не высказался более грубо, но вовремя сдержался, ну, подумаешь, вляпались, теперь-то чего сопли распускать. Надо из всего извлекать пользу. Пусть небольшую, но курочка по зёрнышку... А мы по слову, по два... Правда, два слова раненого никоим образом не приблизили нас к пониманию цели его незадавшегося визита.

— Только трупов нам и не хватало... — Яна не торопилась сдаваться.

— В таком случае договаривай — помимо меня. Потом будем выяснять отношения, — оборвал я дискуссию. — За ноги хватай, тебе ж не впервой. И ещё не хватало чтоб нас здесь застали те, кто его завалил.

Последнее было вряд ли, раненый, ввалившись в подъезд, сумел за собой захлопнуть дверь. И криками не выдавал своё местонахождение. Так что только в благодарность уже за это стоило попытаться его спасти. Ведь иначе вместо ночи любви мы бы переживали ночь вторжения.

Яна, похоже, тоже то ли поняла это или нечто похожее подумала, и мы втащили раненого в квартиру. И уже тут стало ясно, что наши усилия напрасны.

Кровь запузырилась на губах, толчками выплеснулась где-то из подреберья, когда задралась в процессе переноски куртка. Без серьёзной медпомощи — не жилец. Но может, всё ж, хоть скажет чего?

Я склонился над лицом умирающего.

— Ты кто? Зачем тебе Сергей?

Раненый повёл глазами, но не стал заикливаться на мне.

— Я вместо Сергея, говори...

— ...а... де... лена...

Дался ему этот Владиленович!

— Я за него, сказано же.

Взгляд умирающего скользнул мимо, словно и не к нему я обращался. Поблуждал по комнате. И остановился на Яне. Мне даже показалось, что в нём что-то мелькнуло. То ли от узнавания, то ли от облегчения.

Губы почти беззвучно шевельнулись. Но слова и даже буквы терялись в бульканье кровавых пузырей. С трудом, но я разобрал. Обрывки какие-то.

— ...шли... пись... мо... ставил... явить...

С недоумением оглянулся на Яну:

— Ты поняла что-нибудь?

Яна сосредоточенно смотрела на умирающего, что-то натужно соображая. При всей игрушечности её личика, работа мысли на нём явно проступала. А я не мог ничего понять.

Оттолкнув меня, Яна решительно распахнула куртку на раненом, споро пробежалась по карманам.

— Где? — спросила она, наклонившись почти в упор к лицу и губам. Так, что брызги крови долетели до её побелевшего от напряжения лица. И украсили веером алых точек.

Раненый моргнул. Или просто прикрыл веки от усталости. Всё-таки он жил уже больше, чем мог, не понять за счёт чего и держался только. Но рука дрогнула. И Яна тут же перехватила её. А затем смяла полу куртки. И там явно была не только подкладка.

— Неси нож, — скомандовала она.

Я, скорее от неожиданности командного тона, чем от послушания, метнулся на кухню, загремел посудой — вилками и ложками. А когда вернулся с ножом, раненого уже не было. А был покойник.

Яна спокойно распорол подкладку куртки мертвеца, вытащила небольшой конверт, плотный, непромокаемый даже, как я мог судить издалека.

За тем, как девушка пытается вскрыть упаковку, я не особо следил, но она, поддев клапан ножом, споро добыла бумажку из конверта, пробежалась глазами, сморщила носик.

— Что там?

— А вот это уже не твоё дело.

Выстрела я практически не услышал. Так, хлопок в ладоши. Да и то где-то в стороне.

Но в грудь садануло так, что я не только потерял равновесие, но и пролетел половину комнаты. С глухим

стуком головой въехал в стену, чуть не дотянув до зеркала, и вырубился, потеряв сознание.

15

...Грудь горела огнём. А лицо замерзло. Почти как менее суток тому. Но теперь я лежал на боку, придавленный автоматом, и рот был прижат к плиткам пола. Отчего и холод проникал в меня всё глубже и глубже. Зато я не закричал. Ни от боли, ни от холода. А вот зрение вернулось почти сразу. Как только открылся глаз, оказавшийся сверху. А вот правый тупо пялился в пол. И видел только грязь, въевшуюся в швы между плитками.

Впрочем, левый тоже не много добавил информации.

У порога всё так же лежал труп пришельца. Моё тело, едва не ставшее таким же трупом, лежало метрах в трёх. А вот Яны нигде не было. Но я всё равно не рискнул оживать, обратившись в слух, раз от глаз помощи никакой.

Однако прежде прислушался к себе.

Боль, разливавшаяся в груди, была опоясывающей, но какой-то поверхностной. Она наложилась на боль вчерашнюю, была сильнее, но не смертельной. Ребро, похоже, сломано. И возможно даже н одно. А вот что там...

А там пистолет, осенило меня.

Он и принял на себя удар пули. А потом распределил его по рёбрам. Какое-то могло треснуть или даже сломаться, но не критично. Конечно, от таких манипуляций мой тромб мог и оторваться, но раз я дышал, и сердце билось, то, значит, прирос выстилающий тромб на славу. Не убив меня сразу, он, наоборот, продолжает спасать, однажды закупорив

разрыв сердечной мышцы и удерживая её целостность поныне. А теперь пережив и удар по рёбрам.

Но в голове после удара о стену мутилось, комната плыла, да и сложно было рассмотреть одним глазом мир, ставший внезапно плоским.

Я чуть пошевелил головой. Хотя и понимал, что, если Яна увидит это движение, второго промаха не будет.

Она и так не промахнулась. Просто мне повезло. А она допустила ошибку. Понадеявшись, что всё сложилось. И не проверила. Не довела дело до конца. Как не довёл его накануне я, не обыскав девушку. И чуть было не поплатившись за это. Теперь мой черёд взять реванш.

Яны в комнате не было. И она могла быть только у себя. Если не ушла совсем. Второе мне было бы на руку. Но и то, что она скрылась в своей комнате, тоже давало шанс.

Стараясь даже не дышать, я подтянул под себя ноги. Потом запустил под куртку правую руку, дотронулся до пистолета. И чуть не зашипел от боли. Поэтому тут же оставил мысли вытащить спасшую меня «Гюрзу». Она могла оказаться в нерабочем состоянии, а у меня не было права на ошибку. И второго шанса тоже могло не быть.

Медленно, отгоняя вьющиеся перед глазами звёзды и искры, я поднялся на дрожащих ногах во весь рост. Взялся за автомат, снимая его со спины.

И тут же в глубине квартиры, там, где в стене была потайная дверь, что-то скрипнуло. А потом глухо упало на пол.

Я приготовился получить ещё одну пулю. Но теперь уже окончательную.

Вот только удача всё ещё была на моей стороне. Что не могло длиться вечно. И пока эта вечность не иссякла, я, стараясь ступать осторожно и по мере сил бесшумно, сделал шаг в сторону потайного шкафа.

Однако вышел не шаг, а какой-то танец. Я буквально скользнул через всю комнату. Только и того, что бесшумно. А так...

Мотало меня, как в проруби. Чтобы не упасть, пришлось прильнуть к стене. С грохотом, как мне показалось. Однако похоже, что только показалось. Яна никак не отреагировала на мои пляски. А потом было поздно. Автомат я уже перехватил поудобнее.

И когда из шкафа показался вначале чемодан, а потом и рыжая голова Яны, прикладом, с оттяжкой ударил в лицо, протиснувшееся между одежек покойного Сергея.

Никогда прежде я не бил женщин. Тем более в лицо. Да ещё и подручными средствами. Пусть и дрожащими руками. Поэтому автомат вильнул, и удар пришёлся плашмя. Но и этого хватило.

Яна глухо вскрикнула и исчезла, провалившись обратно в свою комнату. Но я не собирался останавливаться, понимая, что мне она спуску не даст. Едва встанет на ноги.

Поэтому, не глядя сорвав с вешалки горсть галстуков, благо Сергей был в этом плане аккуратен, всё на своём месте, даже по цветам разобраны, шагнул в проём потайной двери. И вовремя.

Яна, опрокинувшись на спину, прижимала руки к лицу.

— Ты мне нос сломал!

Она уже почти пришла в себя. И даже не удивилась моему воскрешению. Сильна. Или как минимум не так проста, как казалась. Но мне сейчас было не до этого.

Рывком перевернув её на живот, я резко завернул руки девушки за спину, стянул одним галстуком. Вторым перехватил ноги. Хотя она и пыталась брыкаться. Но мне на помощь пришла кровавая юшка, из-за которой Яна едва не захлебнулась. А вот задохнулась — точно. И пока она жадно хватала ртом воздух, я пустил в ход третий галстук. Накинув его ей на шею и затянув на лодыжках.

Яна прогнулась, пытаюсь ослабить давление. Но в таком положении ни о каком сопротивлении и помыслить было нельзя. Чуть шевельнись — и галстук затянется. От меня даже не требовалось никаких усилий. Ведь для организма такой изгиб противоестественен, и он пытается распрямиться. А это приводит к тому, что петля на шее затягивается. Самоудушение. Туземцы, которые изобрели такую казнь, были горады на выдумки. Потому что связанный таким образом человек рано или поздно себя убивал. И чем позднее, тем мучительнее была смерть.

Судя по тому, как расширились зрачки Яны, она и сама поняла это. А я уже обшарил её. Даже там, где ночью ласкал. Пистолета, из которого она в меня пальнула не было. Неужто так уверена была в том, что я убит, что так расслабилась?

— Где ствол?

Одними глазами, боясь шевельнуться, Яна указала на свою прикроватную тумбочку.

Пистолет был там. Но я всё же ещё раз не отказал себе в удовольствии облапить девушку. С её умением так стрелять, оружием могло стать что угодно.

Только убедившись, что Яна озабочена только тем, как бы не выпрямиться и не затянуть петлю, я шагнул к тумбочке. И только взяв пистолет в руки, потянулся за «Гюрзой» во внутреннем кармане.

Поморщившись, вытащил железку. Именно что железку, а не пистолет. Можно ли его починить, я не понял. Но в том, что из него не выстрелить, сомнений не было.

Пуля угодила в основание рукоятки, в месте соединения со стволом и спусковой скобой. И там застряла. Застопорив магазин. И выкрошив часть рукоятки. Но не пройдя дальше. Что и спасло меня. Но убило или смертельно ранило пистолет.

Я поменял оружие местами. Возиться с «Гюрзой» не имело смысла.

— Что было в письме?

Яна опять указала глазами. Теперь на кровать. Конверт лежал там, рядом с дамским бельём, небрежно сброшенным с полок. Вот только прочитать записку было невозможно.

В конверте вместо плотной бумажки, которую я видел в руках Яны, была горстка пепла. Рыжего, рыхлого, взметнувшегося лёгкой пылью, когда я открыл клапан.

На налитом кровью лице Яны вспыхнула и погасла злорадная ухмылка.

— Думаешь, что взяла меня за жабры? — я ухмыльнулся вполне открыто. Давая понять, что не нуждаюсь в ней. Хотя и обрубилась она след. Но не собираюсь

я его брать, не собираюсь. Так, на всякий случай спрашиваю. По крайней мере, изображаю это так.

— Без меня тебе из города не выбраться, — натужно просипела Яна.

— А я и не собираюсь. Выбираться. С тобой или без тебя. Нас и тут неплохо кормят, — пошутил натужно. И тут же переспросил: — Так что было в письме?

— Ты же меня потом убьёшь...

— Да больно надо. Заберу вещи и уйду. А ты останешься тут.

— Без меня тебя не возьмут, — Яна попыталась зайти с козырей.

— Яна, давай не будем тратить время. Прежде всего твоё. Тебе ещё верёвки распутывать. Решим так: ты всё мне быстренько расскажешь, и я уйду. Честное слово. И тебя убивать не стану. Ты уж сама... Или выберешься, или тут и останешься. Так что вперёд, с самого начала. Я так полагаю, что пора мух от котлет отделить. Серёга сам по себе, ты — сама по себе, вот и начни, а я послушаю, не соврёшь ли.

— Если с самого начала, то я не Яна, а Лена. И это... Верёвку ослабь... Пожалуйста...

16

Я человек слова. Сказал уйду — собрал пожитки, еду на первый случай и ушёл. Оставив Яну-Лену распутывать узлы.

Но я не обещал, что не пойду туда, куда собралась сама Лена. Но и она, как я мог судить по бегаящим глазкам, рассказала далеко не всё. Не зря же записка из конверта самоликвидировалась. Было там, ой было там что-то помимо

места встречи. Секретное слово. Знак. Ну, не знаю, а гадать после всего случившегося сил уже не было.

Поэтому я просто упал за руль, и погнал своего «шевалье» в сторону локомотивного депо. Точнее к бывшему паровозоремонтному заводу. Потом ставшим электровозоремонтным. Но давно уже простаивавшем. Вот только похоже, былую славу строителя бронепоездов он не забыл. По крайней мере, со слов Яны-Лены.

...Уздечку из галстуков я ослабил ровно настолько, чтоб девушка могла говорить. И стёр кровь с её лица. Хотя она всё ещё булькала носом.

— Попить можно не просить... — констатировала она.

— Лучше не стоит. Потом попьёшь. Когда я уйду.

— Как же ты согласишься тому, что я расскажу?

— Буду сильно стараться. Учитывая сколько лжи ты уже наворотила.

— Ладно, — покорно согласилась она. Потому как иного выхода не было. Хотя она не раз его находила. Но тут оказался тупик...

...Как и комната, в которой жил покойный Сергей, сам он был только ширмой. За всеми делами стояла Яна. Точнее, Лена. Яной она была для непосвящённых. Когда нужно было повернуть операцию. Типа той, что устроили с Анатолем для Прямыцына. Анатолий изначально был расходным материалом, но ни Сергей, ни Лена, придумавшая такой ход, не предполагали, что Прямыцын так побьёт их козырь. Да ещё и руками Лены считай. Собирались брать его у остывающего тела, только не учли фактор повара. Выпал он у них из разработки, никто и не заподозрил в нём

киллера. Ожидалось, что Прямицын сам пустит Анатоля в расход, да и в другом антураже, но вышло, как вышло. И вся операция пошла насмарку. Пришлось Сергею устранять недоразумение. А за такое ордена не дают. Хорошо ещё при делах оставили. Да и то сказать, народу не осталось. Даже с учётом того, что вакцина у них была своя, не доводившая до греха умопомешательства, как в большинстве случаев с простым людом. Однако и она с двойным дном оказалась, выжили и в своём уме остались только болевшие или миновавшие вакцинацию. В том числе Лена. И Сергей, куда же без него, верный вассал прекрасной дамы.

Уходить со всеми им тоже не разрешили. Потому как это означало бы примкнуть к крестоносцам-гвардейцам. А «контора» вела свою игру. И ложиться под международные силы не собиралась. Мало ли, какие у них планы. Всяко, не те, что в приоритете у «конторских».

— Можно подумать, вы за народ горой, — вставил я свои пять копеек.

— Интересы Родины...

— Ой, только не надо про патриотизм мне втирать! Когда всплывают чьи-то шкурные интересы, государство вспоминает о том, что оно родина. Точнее, отдельные его представители. Говорящие от имени и по поручению.

— Не стану спорить, — легко согласилась Лена. — Но я выполняла приказ...

— Все оправдываются приказом. Убивать Прямицына тоже тебе приказали? А ещё кого?

— Это к делу не относится. Прямицына не вернуть. Его деньги пошли во благо. Общее.

— Ну, да, только я этого блага не вкусил.

— Наоборот, ты им питался. Магазины для переболевших — это на деньги Прямыцына. Других не было.

Я присвистнул:

— Вона чо! Спустив народные денежки, власть решила хоть как-то избежать бунта, и полезла по карманам бизнесменов. А тех, кто не позволил хапнуть нажитое непосильным трудом, пустила в расход.

— Можно и так трактовать.

— А иначе никак и не получается. Ладно, ближе к телу. Неубитого инкассатора.

Лена поморщилась, кровавая сукровица, похоже, стягивала кожу, доставляя неудобства. А то и боль.

— Меня почему не убила сразу?

— Сам-то как думаешь? Серёга покойник, а я одна. Много ли у меня шансов было бы выжить в одиночку? А так было бы кого подставить. Как меня Серёга подставил. Но слабак оказался...

— А ты не знала? Работая с ним... Сколько? Год, два?

— Все три, как всё началось. Ошибочка вышла. Прощала ему промахи. За постель прощала. Он был выдумщик в постели, — Лена осеклась. Но я и без того понял, камень в мой огород, на фоне молодого любовника я был так, сбоку припёка...

— Что ж, себе цену знаю. Поэтому не в обиде. Но дальше что?

— Дальше... Дальше пришёл Стас... Ну, этот, которого подстрелили.

— Так ты его всё же знала...

— И он меня. И чуть было не выдал. Да только ты тугодум оказался. Не Сергея он звал, а спрашивал: «Где Лена?». Пока не увидел меня.

Так вот что значили хрипы покойника! А я на Владиленовича грешил...

— Мне пришлось прикончить его. Пока ты не сложил два и два.

— Как? — удивился я.

— Пока ты за ножом бегал. Спицей...

Я опять осмотрел связанную девушку:

— Где она?

— Теперь уже не важно, — ухмыльнулась Лена, облизывая разбитые губы.

Но я и сам догадался. В обуви. Только сапожки я не прошупал.

И оказался прав, стасив обувь с пленницы. Правда, ей пришлось пережить из-за этого несколько неприятных минут, я не особо церемонился, поэтому временами галстук затягивался у неё на шее до опасного состояния.

— Так что же в письме было?

— Приказ. Уходить. За нами пришёл броневагон.

— Так вы с покойным очень важные птицы? Целый бронепоезд за вами прислали...

— Всего лишь броневагон. И не прислали. Он здесь давно. Но только сейчас его подготовили к отправке. И собирали всех, а не только нас. Но не до всех приказ дойдёт.

— Стас не дошёл?

— Не только он. Адреса агентов знали трое, Стас был последним. И к нам последним пришёл. Но не дошёл...

— И что, это было написано в послании?

— Не совсем. Сегодня до 17 часов броневаягон ждёт. Всех, кто придёт. Но послать больше некого. И кроме нас ждать тоже некого.

— И где он?

— И потом ты меня убьёшь?

— Потом я уйду. А ты как хочешь. Вот только узлы я резать не стану, хорошие галстуки, жалко.

Лена-Яна сверкнула в меня глазами. Как выстрелила. Впрочем, не сомневаюсь, будь у неё оружие в руках, так и было бы.

— Броневаягон на заводе. Там, где его никто не заподозрит. Среди себе подобных.

Я мысленно почесал репу. Выходило, что речь об электровозоремонтном заводе.

— Ну, и как там поймут, что пришли свои? Пароль, опознавательный знак? Или тебя знают в лицо?

— Конечно знают, — судя по тому, как она это протянула, что-то было ещё помимо узнавания. Ну да я не стал придираться. Мне там ловить было нечего. Меня не возьмут в любом случае. А Лена, едва ей представится возможность, сведёт со мной счёты. И я решил быть человеком слова. Вот только не до конца. Поэтому и подъезжал к локомотивному заводу.

Светофоры не работали, машин, помимо брошенных у обочин, тоже не наблюдалось, поэтому я, нарушая уже не действующие в безвременье правила дорожного движения, лихо развернулся посреди проспекта. Но въезжать на территорию завода не стал, бросив машину в стороне от проходной. Так, чтобы не особо отсвечивала. Не только с завода, но и с улицы.

Заводская проходная была действительно проходной. В том смысле, что проходи кто хочет. И, похоже, уже давно, выселение последних обитателей города, не горожан, а именно его обитателей, к этому не имело отношения.

Завод умер гораздо раньше. И проходная потеряла своё значение, её больше не нужно было охранять. А вот дальше охрана вполне могла быть. Уже не завода, а того самого броневагона, если Лена не солгала. В очередной раз. А вот чего меня сюда понесло...

В двух словах я бы и не объяснил. Какое-то наитие, что ли. Броневаягон — это убежище. В любом случае. Даже если меня не возьмут с собой в Москву. Или куда они там собрались. В Москву, больше некуда, всегда в Москву...

А вот если вагон так и останется на заводе...

Безлюдный и практически вымерший город не оставлял такого гнетущего впечатления, как мёртвый завод. Тут и с людьми-то всегда было не густо, а сейчас вообще только сквозняки между постройками метались. И где-то там, в глубине, таился броневаягон. Который я слабо себе представлял. А поэтому и не знал, что ищу. И, главное, где. Единственно — понимание было, что нужны рельсы. До самого укрытия. И укрытие для команды, отправившей Стаса умирать. И эти вещи должны были сойтись в какой-то одной точке. Но где она, эта точка на карте завода? Тут до вечера можно рыскать даже не таясь, и ничего не найти. А прячась и вслушиваясь в каждый шорох — точно до 17 не успеть.

Помогла запоздало появившаяся привычка вести здоровый образ жизни. Смолоду как-то об этом не особо думал, курил напропалую, даже во времена, когда сигареты

были в дефиците. Зато теперь легко уловил запах табака даже на продуваемой всеми ветрами площадке. С неё была только одна дорога — в кособокую дверь подсобки. Или котельной. Пристроенной к основному зданию, под крышей которого тянулся ряд огромных окон. И в которое вела железнодорожная колея. Упивавшаяся в стальные ворота. С ещё одной дверью в одной из их половин.

Вот я и нашёл броневагон. Который ещё не видел, но уже не сомневался, что он именно здесь.

Три свежих окурка у двери в подсобку доказывали, что терпение у команды броневагона на исходе. Но выкурить их будет не так просто, как выброшенные сигареты, докуренные почти до фильтра. И надо ждать.

Кого? Да Лену же. Я ничуть не сомневался, что она придёт.

17

...Из-за окурков у двери я в очередной раз чуть было не подставился. Дело в том, что чинарики навели меня на мысль... И она полностью овладела сознанием. Не оставив ничего для контроля за обстановкой.

Город пуст. Но и трупов нет. А ведь куда-то же люди подевались. Не в домах, это точно. Брошенные машины вдоль обочин дорог, кое-где баулы на тротуарах. И чемоданы. Сумки-тележки.

Уходили, факт. Но куда?

Расстреляли, как в моём дворе? А где тела? Укрыть их не успели бы. Как и сжечь. У меня вон какой столб дыма стоял. Других дымов в городе я не видел. Даже там, где

Могли, конечно, и утопить, такая практика в этих местах уже случалась. За сто лет до этого. Или около того. Так это ж сколько барж нужно было?

Вывезли в сторону Москвы или ещё куда? Московский вокзал вот он, рядом. Но зачем Москве чужие рты? Я и сам в Москву тоже не собираюсь. Да, там остались дети, связи с которыми нет едва ли не с начала всех ограничений, но, даже если бы была связь... На кой я им там нужен?

И тем не менее я полез искать броневаягон. Идущий на Москву. Зачем?

Задав себе это вопрос уже в который раз, я опять не нашёл на него ответа. Просто был у меня такая черта — совать нос туда, куда не следовало бы. Вот и сейчас...

Оно мне надо было? Рванул бы куда подальше, потом попозже заехал бы ещё раз на квартиру покойного Сергея, забрать то, что останется после Лены-Яны, и прожил бы в глухомани какой-нибудь. А то и в квартире остался бы. Дверь там хороша. Да и стены. Сколько прожил бы? Ну, сколько вышло бы. Всё это было далеко от действительности. В которой совсем близко чуть слышно скрипнула дверь.

Та самая, в подсобку или в котельную цеха. О которой я едва не забыл. И еле успел отпрянуть за угол пристройки у дверного проёма.

Ещё бы шаг назад, и завалился бы на доски, укрытые брезентом. Но устоял. В метре от выплывшей из подсобки фигуры.

Повезло. Хотя и не было в пасмурном небе солнца, но после полумрака цеха глаза должны были вначале привыкнуть к свету дня. Поэтому расстояние хоть и малое, но скрыло меня на долю секунды.

Нарисовавшийся из-за двери человек был в камуфляже, не особо уместного в городе армейского образца, с автоматом за спиной. И с пачкой сигарет в руках.

В кои-то веки реклама не солгала.

Курение убивает.

В последний момент курильщик уловил всё же движение за спиной. И даже начал оборачиваться, чем только облегчил мне задачу.

Руки, как в случае с девушкой, не дрожали. Пусть и непривычно мне бить, мужиков в том числе, но тут дело шло о выживании. Или я, или он.

Поэтому приклад без всяких моральных угрызений врезался в лицо — молодое, безусое, бледное от напряжения. Выдержки ему не доставало, факт. Курить захотелось. На задании. Но теперь он уже точно не будет курить. Одной плохой привычкой меньше.

Потому что я не то чтобы перестарался, но ударил на совесть. И нос вдавился в черепушку, так, что было ясно: уже не выправить.

Боец тихо осел на землю. Ещё бы, ведь я его подхватил, и чуть ли не любовно опустил на доски, на которых он, видимо, прежде сживал, укорачивая свой век курением. Но вряд ли предполагал, что укорачивал так кардинально.

Мой поступок был не из лучших, но не потому, что человека порешил. Не он первый. Не исключено — не

последний. Но я не узнал ничего нового. Разве что убедился: здесь броневаягон, здесь.

А дальше-то что? Сколько там народу, как вооружены, куда смотрят...

Разведка нужна... Вот только как заглянуть в цех? Даже с учётом того, что противников на одного меньше.

...Куртка подошла мне впрыток, но лишь потому, что натянул я её поверх своей, пусть и не очень объёмной. Раздетый труп отправился за штабель досок. Автомат свой я тоже пристроил у входа, на случай, если придётся драпать — с двумя мне не управиться. Прока же для дела взял трофейный, с подствольником. Пустой брошу, свежий подхвачу, думал я. Ещё не представляя, насколько заблуждаюсь.

Ростом до убиенного я, конечно, не дотягивал, но по объёму, благодаря куртке поверх другой, мог и сойти издалека. Если будет это издалека.

Дверь противно скрипнула. Но впереди была ещё одна, уже не такая страшная, как наружная. И была она прикрыта не до конца. Всё-таки удача ещё не отвернулась. По крайней мере, окончательно, балуя порой мелкими радостями.

Не меньше минуты я вглядывался в щель.

Броневагоном оказалась обычная мотриса. Из породы «тяни-толкай», на дизельном ходу, с кабинами с двух сторон. Разворот не нужен. Только перейти из одной кабины в другую. И снова движение будет вперёд. Хотя и назад, в противоположную предыдущему ходу сторону. В годы, когда я после службы работал на железнодорожников, довелось немало колесить на таких аппаратах, имевшихся в

каждом отделении дороги. А то и у более мелких, но ухватистых начальников.

Бронеплит на мотрисе не наблюдалось. Снаружи. А вот окна, в том числе и в салоне, где должны были спастись нужные и важные люди, ради которых и пригнали этот транспорт, изнутри были прикрыты стальными листами. С прорезями бойниц.

Что там было с лобовыми стёклами, я не видел, мотриса стояла боком ко мне, над смотровой канавой посреди цеха. Но можно было предположить, что и там умельцы поработали, прикрыв машиниста и помощника. Потому как без них обитателям салона несладко придётся. Но меня сейчас беспокоило не это.

Охрана. Где они все, чёрт их подери!

Стоять под дверью дальше не имело смысла. Курильщик за время моего ожидания погоды у моря уже выкурил бы не одну сигарету.

Я чуть нажал на дверь. Она была хоть и новая, но всё ж предательски скрипнула. Как и при появлении убитого мной.

И тут же на крыше мотрисы мелькнула тень.

Как же я сразу не заметил!

Там, где у вагона электрички мог бы быть пантограф, возвышалось устройство наподобие гнезда аиста. Из которого птичьим клювом торчал ствол пулемёта. И не простого, крупнокалиберного. При попадании из него такие дырки будут, что мама не горюй. Да и не придётся горевать. Некому.

— Накурился, наркоман хренов?

Откуда прозвучал голос в пустом цеху, я не сразу понял. Но на всякий случай невнятно хрюкнул.

— Андрюха, ты так всех спалишь своим курением, — уже спокойней, но всё так же недовольно, раздалось с крыши вагона. Теперь я точно уловил и направление, и тень в пулемётном гнезде. — Мог бы и здесь курить, раз уж невоготу. Не сгорим, чай. Тоже мне, чистоплюй.

Ответа вроде не требовалось, но я отмахнулся от нравоучения. В прямом смысле отмахнулся. В надежде, что с крыши мотрисы увидят мой жест. С оттопыренным средним пальцем. И оценят молчание. А сам тем временем оглядел цех. В противоположном его конце, у врезной двери в ворота маячила ещё одна тень. С автоматом, матово поблёскивающим в бликах из окон под крышей.

Итого с покойным трое? Маловато... Значит, где-то ещё есть. В том же салоне мотрисы. И не исключено, что именно оттуда сейчас смотрит на меня через бойницу ствол автомата.

— Далеко не забредай, — стукнуло мне в спину ещё одно послание с крыши. А я-то надеялся отойти подальше от двери и укрыться. Так, чтоб я стрелять мог, а в меня — ни-ни.

На окрик я даже не обернулся, но шаг замедлил, шаря глазами по цеху.

Присутствия ещё кого-нибудь нигде не обнаруживалось. А вот до смотровой канавы оставалось всего ничего. Но был риск оказаться там в западне. Она легко простреливалась часовым от ворот, да и выбраться из неё незаметно было проблематично. Да что незаметно — вообще выбраться! Для спуска и подъёма предусмотрены были

только торцы канавы, со ступеньками. При этом один конец был намертво заблокирован часовым у ворот. А второй упирался в глухую торцевую стену цеха, там бежать некуда. Но я всё же прошёл ещё несколько метров в том направлении.

Стража на крыше, похоже, бывшего за старшего, я не видел. Часовой у ворот на меня не обращал внимания, похоже, прислушиваясь к чему-то, происходящему снаружи. Мои уши уловить такой слабый звук были не в состоянии. И не только по причине близкого взрыва накануне, куда раньше по ушам поездили корабельные стрельбы главным калибром. И пусть я не оглох, однако со слухом временами наблюдались проблемы.

Как сейчас.

Совершенно внезапно для меня что-то глухо ударило во врезную дверь в воротах цеха.

18

Я ждал вспышки, взрыва, грохота очередей из крупнокалиберного пулемёта. Но всё, чего дождался, — падения часового у ворот. Да и то не в смертельной агонии, а для того, чтоб занять позицию для стрельбы лёжа. Из-за какого-то обустройства, не особо маскирующего, но слегка прикрывающего от огня, если он будет.

А он будет! Но с другой стороны.

Проводив взглядом ствол пулемёта, повернувшийся в сторону ворот, я разрядил подствольник в стража. А потом уже длинной очередью, не жалея патронов, ударил по «орлиному гнезду».

И вовремя.

Моя очередь потонула в рокоте крупнокалиберного оружия. А этот рокот оборвался на высокой ноте почти сразу после взрыва гранаты. Но вряд ли одной гранатой я уложил двоих. Скорее, попал. Как в Серёгу. Я не снайпер. Но уже давно не учусь, учёный. Однако ещё со школы, с уроков начальной военной подготовки был мастаком портить мишени. При этом на зачётных стрельбах мог мазать напрапалую. А так, навскидку...

Вот и сейчас повезло. «Орлиное гнездо» не подавало признаков жизни. Ворота зияли проплешинами пробоин. Их хранитель ещё подёргивался в конвульсиях. Но в целом поле боя было за мной.

Если не считать резко распахнувшейся двери, через которую в цех попал и я.

В проёме черным плащом мелькнула сама смерть.

Впрочем, приглядевшись внимательней, я понял: нет никакого плаща с капюшоном. Как нет и косы. Но есть автомат. И чёрный мотоциклетный шлем, скрывающий лицо зеркальным забралом.

По самую шею утянутую в чёрную кожу фигуру закрывали всевозможные накладки и вставки с регулирующими облегание ремешками и светоотражающими пластинами. Шлем был призрачно знаком, где-то мы встречались, но пока напоённое адреналином сознание не снисходило до таких мелочей. Отмечая только не совсем приличествующие крутому байкеру выпуклости там, где их быть не должно.

Женщина.

Я знал только одну женщину, которая должна была здесь появиться. Вот только я не ждал её так скоро. Но это

не повод расслабляться. И я повёл стволом автомата вслед за фигурой, сделавшей примерно то, что планировал я, входя в цех. Но меня выдал скрип двери. И я пошёл в открытую. И не проиграл. Пока.

Лену, если это была она, прикрыл грохот пулемётной очереди. Поэтому она легко перекувыркнулась, почти вплотную подобравшись к мотрисе. И уже там, почти под колёсами, надёжно укрытая и от бойниц в салоне, и от стрелка в гнезде, получила очередь от меня.

Шлем лопнул мелкими брызгами. Фигура в коже не вышла из кульбита, а завалилась на спину. Автомат, выпав из её рук, прогрохотал по бетонному полу и замер метрах в трёх от тела.

От спасительной канавы, укрывшей меня от осколков собственной гранаты, я не намеревался отходить далеко. Но всё же подобрался вплотную к мотрисе. Здесь была мёртвая зона. В которую и прорывалась фигура в коже. Мне почему-то не хотелось, чтобы это была Лена. Убивать её второй раз было как-то неловко. Врагов надо прощать. Правда, только после того, как они будут повешены. Кажется, так у кого-то из классиков. Но мне не хотелось быть палачом. Даже невольным. Хотя я уже не единожды выступил именно в этой роли. А теперь вот ждал возмездия. Из салона.

Но пока цех был тих, только гильзы шелестели под ногами, когда я направился к телу, распластавшемуся под самым боком мотрисы.

Оглянулся.

Не похоже, чтоб в меня кто-то целился. А если и да, то из мотрисы меня не видеть.

Протянув руку, коснулся застёжек шлема. Но ещё до того сквозь разбитое забрало увидел рыжие кудри.

Лена.

У неё хватило сил улыбнуться, путив струйку крови уголком рта.

— Недооценила я тебя...

— Бывает, — успокоил я девушку, чей конец был куда ближе, чем посланца, умершего на пороге её квартиры. И не без её помощи, кстати, умершего. — Может, всё же расскажешь?..

— Сам не понял? Тут и говорить нечего... Концы в воду... Никому отсюда нет ходу...

— Тогда почему тебя сюда принесло? И что всё же было в записке...

— Я правду сказала... Только поняла, что нас не выпустят... Больно нужно собирать по провинции проколовшихся агентов. Отработанный материал. И решила поставить свою точку... Ты помешал...

— То есть, тут была засада, как ты догадалась благодаря записке, но всё же решила нанести упреждающий удар. Зачем? Могла бы жить...

— Могла бы... Если бы ты не убил...

— Так тут больше никого?

Лена прикрыла веки. Но такой ответ меня не удовлетворил.

— А кто же в ворота стучал?

— Я... Толкнула с горки кислородный баллон... Сварочный цех рядом...

— Умно. И сама бегом с другой стороны. Значит, больше никого? Помимо тебя я ещё двоих убил...

— Троих... Андрюху забыл...

— Ах, да, — хлопнул я себя по лбу. Андрюха был первый. Из троих последних. Если Лена не врала. Но, если правду говорят, то перед смертью люди не врут. — А ты откуда знаешь?

— Видела... Спасибо за автомат... Не пригодился, правда...

— Как? В смысле, как ты успела?

— Узлы твои оказались так себе. А вот мотоцикл Сергея — зверь. Жаль бросать...

— Себя пожалей...

— Поздно...

Глаза Лены уже не искрились, а волосы из золота стали ржавого цвета. Может, из-за крови, всё-таки лицо ей я попортил не только сломанным носом, но шрамом от виска, там, где прошла пуля, пробившая забрало. Остальные засели в груди. И теперь Лена натужно дышала, всё с большим усилием вдавливая из себя слова. Которые уже ничего не значили. Для неё так точно. А мне уже было и неинтересно. Но я всё же спросил.

— Так почему концы в воду? Неужто у вас много сил и людей, что можно своих списывать в утиль?

— У нас... в отставку не уходят... когда много крови на руках...

— А на твоих? Много?

— Хватает... Поцелуй меня...

Мне как-то неулыбалось целовать без пяти минут покойницу. Последний раз я неуклюже ткнулся в сшитые деревенским эскулапом мёртвые губы мамы, и с тех пор, хотя покойников по жизни было ещё немало, больше ни с

кем так не прощался. Однако пока я раздумывал, Лена испустила последний вздох.

Пачкая ладони в крови, я прикрыл ей веки.

19

...Тёплые отношения с властью у города не сложились едва ли не со дня основания. Более того, они-то и начались с изнасилования властью. Легенду потом, конечно приукрасили и развернули на 180 градусов, но из песни слов не выкинешь.

Князь всяя Руси или чего он там был князем, снасильничал местную девицу. А та не будь дурой, да и наслала порчу на насильника. Ну, или болезнь передавалась самым надёжным путём. Половым. В любом случае тогда, в стародавние времена люди умели за себя постоять. Даже девушки. Пусть и таким экзотическим способом.

Дабы избавиться от порчи, что уж там было, не ведаю, князь вынужден был пообещать жениться на опозоренной девице. Загладить вину, значит, чтоб. Но бесовское племя церковников сотворило из него кумира. Ну и девицу, раз деваться некуда, тоже возвеличило. Мол, крепкие семейные узы их повязали, и жили они долго и счастливо. Счастливо до встречи. И долго повязанные проклятьем. Ведь князь пытался от своего слова отказаться, да только порча вновь дала о себе знать. Вряд ли он любил свою супругницу, над которой надругался. И которая так жестоко отомстила. Привязав к себе. Но он вынужден был изо дня в день видеть её рядом. Иначе пришла бы расплата. Карма, так сказать.

Да то дела давно минувших лет. Куда позже, спустя века, город одним из первых не пожелал принимать советскую власть. За что и поплатился. Руинами той самой, благостной своей части, связанной с первым неприятием насилия. Это потом уже пламя гражданской войны обожгло всю страну. А вспыхнула первая искра здесь. Где потом, ещё сто лет спустя, визит очередного владыки державы обернулся трагедией — гибелью любимой городской хоккейной команды. Однако теперь город сонно проглотил и это, и другие набеги московских крыс, превративших город в свою кормушку. Ну, или в корыто для своих ставленников, похрюкивающих в угоду выделивших им удел.

Временщики и издольщики думали о своём благе, не о городе. Поэтому он в муках умирал задолго до нашествия вирусов. И последующей борьбы с ними. Уже в интересах совсем других персон, весьма и весьма далёких от кремлёвских коридоров и подвалов. Или башен, которые якобы конкурировали меж собой. Хотя назвать конкуренцией толчею у корыта с помоями язык не поворачивается. Тогда на свинофермах, нужно будет признать, идёт естественный отбор за право первым попасть в цех разделки — на фарш, бекон, обрезь... Хотя на самом деле свиньи просто жрут. Жрут и гадят. И знающие их психологию даже устраивают выгребные ямы таким образом, чтоб меньше нужно было прикладывать усилий для их очистки. Свинью подложить — присказка не случайно родилась. А из наблюдений. Свинья гадит соседу. Ну так тому и быть, там и выгребную яму делать...

Невидимый властью город всё же был ей нужен. Зачем-то. Вот и держала власть здесь толпы

Можно было для создания впечатления о доставшемся мне «богатстве» заглянуть в бумажные папки. Их был немного, но всё ж...

Отчёты. Расписки. Фото. Часто весьма непристойные. И это только верх пирамиды из папок.

А вот и что-то новенькое. В переплёте. Со многими ламинированными страницами.

«Операция "Философский пароход"».

Надо же, про пароход слышали. И вынесли на обложку. Но где они столько философов здесь нашли, чтоб загрузить пароход?

Бегая глазами по строчкам, я убедился, что о философах и речи в этой операции нет. Зато есть сотни обычных граждан. Которые должны были быть депортированы. Или сразу уничтожены. Потому что они лишние. И слабые. Сами не пойдут туда, куда их пошлют. А пошлют умирать, однозначно. Но раз не дойдут, значит, должны умереть на месте. Чтоб, значит, не тратить на них лишних усилий.

Мне стало понятно куда пропали жители. И даже наглядно. Потому как к отчёту были приложены чёрно-белые фото, распечатки с принтера, пусть и цветного, но на обычной бумаге.

Понурая толпа, не напирая, но упорно двигалась к платформам. И так же покорно забиралась в вагоны, озаряемая утренним солнцем. Надо же, а я даже не помнил, чтоб было солнце в последние дни...

Надзирателей за происходящим было всего-то человек пять, как можно было судить по фото. Однако люди

покорно шли, цеплялись за поручни, взбирались в вагоны. Без толчеи. Без суеты.

В покорности людей не было ничего не обычного. Точно так же люди выходили и в моём дворе. Большинство с давно подавленной вакцинами волей. И без капли рассудочности. Хотя рассудок пропал раньше, чем действовали вакцины. Но тут, похоже, был ещё и пряник. В виде состава, обещающего вывоз из вымирающего города. И было это, судя по впечатанным датам, уже три дня тому.

Ну, да, плёнки нужно было проявить, фото, даже цифровое, отпечатать, отчёт переплести. А главное довести дело до конца.

Конец же был страшен.

На последних фото состав срывался с моста. Прямо в самой его середине. Где один пролёт обрушился вместе с локомотивом. Точно так, как у его предшественника. Только тогда пролёт снесла буря. А тут поработал динамит. Или его производные. Ну и жертв, естественно, оказалось больше в разы.

Приказ исполнен. Спасённых нет.

Хороший день чтобы умереть. На фоне давно забытого солнца — снимавший был выше моста по течению, поэтому снял крушение на фоне заходящего светила.

Я закрыл отчёт.

Его авторы не только убили сотни невинных, но и скрупулёзно запротоколировали преступление.

Впрочем, не всё такое как кажется. Даже плохое. У людей была надежда. Они и умерли с ней. А не расстрелянные, как бараны.

Итог один. Дорога к нему разная. И неизвестно какая лучше...

Желание пачкаться дальше, разбирая свидетельства других убийств или чего-то подобного, пропало. А в том, что именно это я найду в папках или на дисках, сомнений не было. Но тут же сгинул и предыдущий план использовать броневаягон как свой штаб. Или как укрытие.

Нужно было выметаться отсюда. Весь этот хлам мне был ни к чему. Уже не призвать преступников к ответу. Некому. Все институты власти, если не умерли, то коррумпированы. Впрочем, о коррупции можно забыть. Она была много раньше. И не ушла никуда. Переродилась. За другое продась. Так что думать надо только о выживании.

Лена, вон, тоже не подумала. Чего-то её сюда тянуло. Ладно я по глупости, но она-то знала, куда шла. И даже предприняла попытку грамотной атаки. Зачем? Что я не увидел в архиве? Или в вагоне?

Ещё раз окинул взглядом захламлённый папками, сейфами и ящиками салон.

Не это ли нужно было Лене?

Стальной белый ящик, на металлических застёжках, сбоку — алый круг. И белый крест в нём.

Мне он ни к чему. Не крест, ящик. Точнее, его содержимое. Если я правильно догадался. Болезнь сделала меня неуязвимым к её новым мутациям. А вот Лене нужна была вакцина. И не абы какая, а их, собственная, вот она и рванула за ней под пули...

И точно. Под крышкой были ампулы. Много. В несколько слоёв. В гнёздах, чтоб не разбились. Лене хватило

бы надолго. Но не повезло. Может, кому другому понадобится.

Но пока займёмся оружием.

Навьюченный, я стал выбираться из вагона. Спускаясь задом по ступенькам. Чего не допускал прежде ни на службе, ни после — моветон задом по трапу.

За что и поплатился.

Едва ступив на бетонный пол цеха, я услышал, как кто-то с придыханием хакнул. А потом увидел летящий в лоб приклад автомата.

Но даже испугаться не успел. Не то что подумать о том, откуда взялась угроза. И перед тем, как всё померкло после вспышки в глазах, подвернул ногу, заваливаясь внутрь броневагона, прямо на ступеньки, которые едва преодолел, вынося на себе оружие.

Последнее, что я слышал — лязг железа.

20

... — Ну, что, Мишаня, оклемался?

В голове грохотали танки. Ну, или, как минимум, сапоги. Однако я всё же услышал. Словно сквозь вату, но разобрал.

Зовут. Меня зовут. По имени.

Меня по имени и во дворе моего дома мало кто знал. А здесь, на заводе, где я прежде ни разу не был, и подавно не могли знать. Но кто-то настойчиво интересовался моим состоянием. Обращаясь по имени.

Глаза открывать не хотелось. Боль и без того гнездилась в голове. Именно что за глазами. Хотя я и помнил

смутно, что такое бывало и раньше. И это свидетельство наличия бомбы в голове.

Ладно, пусть не бомбы. А громадного кровоизлияния, превратившегося с годами жизни вопреки смерти в не менее гигантскую кистозноглиозную амёбу. Готовую разорваться от любого внешнего воздействия. Прямо там, в мозгу. С последующим исходом. Но уже не кисты, а меня. Так что считай бомба. Только взрыв будет тихий. Снаружи и не заметят сразу.

Может, меня зовут по незнанию? Или на высший суд кличут, и я уже умер?

Но я же слышу. Значит, ещё нет...

Веки со скрипом и скрежетом проржавевших жалюзи приоткрылись.

В мареве, вроде как где-то далеко, появилась тень.

— Ну, хватит придуриваться. Не так уж сильно я тебя ударил, чтоб ты тут изображал покойника. Вставай.

Лежать было неудобно. Да и смотреть из такого положения тоже.

Я попытался пошевелиться.

В глазах резануло вспышкой света. А в затылке — болью.

Словно чужую и очень тяжёлую, я поднял руку, ощупал голову.

На пальцах оказалась кровь. Уже подзасохшая. И очень немного. Скорее царапина, чем расколотая черепушка.

То, что я принял за тень, было подножкой броневаргона. Я лежал там же, где и упал. Только не задержался на ступеньках, о которые, должно быть, и разбил голову в падении.

А тень была. Но чуть дальше.

Рядом со мной, метрах в двух, на корточках сидел хлипкого вида мужичонка, с автоматом на коленях. Держал он его не очень уверенно, вроде как опасаясь. В силу возраста, видать. Ровесник, если не старше. Или просто жизнью побит. Как молью — старый ковёр. Но приложил всё же знатно. Если это был он. Однако поблизости больше никого не было, так что приходилось благодарить бога, что ударил такой слабак. И случай. Хотя случай — это тоже от всевышнего. А он мне ножку подставил. И удар пришёлся в лоб. А там — кость.

Конечно, против приклада и ей бы не устоять. А уж придись удар пониже, как и было задумано... Хотя... Елене вон я заехал точнёхонько в нос, и ничего, оклемалась. А скользкий удар по лбу мне и вовсе был так себе, даже шишки не осталось, лёгкая припухлость, и всё. Ссадина на затылке? Ерунда. Случалось и хуже. Та же мина замедленного действия в голове из той же песочницы. Но и она уцелела. Пока. Так что живём. Хотя и под прицелом. Но не впервой. Даже за сегодня.

Подтягивая под себя ноги, я вполне натурально застонал. Было действительно больно. Да, не настолько чтоб стенать и стонать. Но, пока мне неведомы планы мужичка, уже один раз меня огревшего и явно не с целью познакомиться, лучше казаться более слабым, чем на самом деле.

Не без труда, я сел. Опереться спиной было не обо что — колёса далеко, вагон высокий...

Тем не менее теперь можно было смотреть на моего победителя вровень, глаза в глаза.

У него глаза с прищуром. Мутного цвета. Сморит с опаской. Слегка косит. Или это от шрама на щеке? В гляделки будем играть? А смысл? Мы на одном уровне. Глаз.

А он и не думал подняться, чтоб вновь быть надо мной. Оплешность. И далеко не первая. Первой был неточный удар. Второй — то, что не добил меня. Лена бы вторую оплешность не допустила бы. Хотя... Именно вторую она и допустила, полагаясь на меткость. Потому как не промахнулась. Но не учла случай. Подсунувший мне пистолет в карман. Вот только случайности мы устраиваем сами. Как и сейчас.

Перед мужичонкой, как мне удалось рассмотреть, сфокусировав взгляд, на земле валялось знакомое портмоне. Слишком хорошо знакомое. Чтоб я не мог не узнать якорь, вышитый на обложке.

Покупка из той, очень далёкой теперь жизни. Заказывал в Питере, по интернету. Как связь с прошлой службой. Да и удобно. Для документов. Именно они и валялись поверх портмоне.

Так вот откуда меня знают в этих трущобах!

Пока я был в отключке, мужичонка обыскал меня, вытащил документы, отобрал стволы. И теперь был уверен в своей неуязвимости. Мне в прыжке с корточек его не достать, да и голыми руками против автомата много не навоюешь. Ну это он так считает...

— Ладно, Михалыч, за удар прости. Но сам посуди, какие у меня варианты были? Высунуться и пулю схлопотать? Глядя как ты тут всех порешил?

— А соваться какой смысл был? — выдавил я из себя, болезненно морщась, культивируя и дальше уверенность в своей слабости.

— Ну, как... Выживать-то надо. Пожиться чем... Я, как откинулся, всё в бегах, все за мной гоняются... Псина-ФСИНа, менты, потом гвардейцы эти... Вот, вышел в тихое место, и на тебе. Стеляют...

— Так ты из колонии? — то-то мне одежка его странной показалась. А это роба, тюремная.

— А то! С вашим мэром, между прочим, сидел.

— Это что-то объясняет?

— А то! — хихикнул беглец из мест лишения свободы. — Нормальный мужик! Права наши качал. Хоть ему и отказали в УДО. Из-за этого. Ну и из-за того, что не покаялся. Перед тем, главным, — мужичонка выразительно ткнул пальцем в небо.

Я понял о ком он. Хотя указывать, если верить последней информации, следовало вниз. Намекая на бункер. Который находится неведомо где. Ну, да это значения уже не имело. Всё равно его повизгивания никому не слышны. А те, кто слышал, ему уже не подчинялся. Разве что вояки, которые не перешли на сторону гвардии с крестом. Вот только что они могут? Перебьют друг друга? И что? Война, которой ещё не было, уже проиграна. А гражданские жертвы невосполнимы. Город мёртв. Или город мёртвых. Покойникам не нужен мэр. Который, если память мне не изменяла, всё же вышел из колонии. Если жив остался.

— А ты-то... Сбежал?

— А то! Ждать, что ли, когда все передохнут, и я с ними? Да и потом, в обслуге я был. Потому как имунный.

Переболел и выжил. И никого не заразил. И сам больше не болел...

— Сам такой, — прервал я славословия мужичонки.
— Ты в обслуге, и?

— Сам ты И! Приказ пришёл. Но прежде чем до начальства он дошёл, я одним глазком. А там... Велено было под корень. Всех. Вот я и подался в бега. В тот же день.

— Тут, видишь, и без приказа всех... Под корень. И это не я.

— Ну, да, как же не ты! Видел я всё. Сидел на кране. Под потолком. Двое суток сидел. Думал яйца лопнут. По глупости туда залез. Чтоб, значит, не нашли. И точно, не нашли. Но если бы не ты, точно бы спалился. Там коврик резиновый был, на полу кабины. Поначалу в него... Позарез отлить надо было. Но ещё чуть-чуть, и капать начало бы. Через край потому что. И запах... Так что спасибо, выручил. Но чуть было встретить тебя не опоздал, пока облегался. Как слез, так и облил закуток...

Он неопределённо кивнул головой куда-то в сторону и назад. Я даже не попытался проследить направление, даже взглядом.

— Дальше что?

— А что дальше? Вот он я, целый. И яйца целые. Но мне б пожрать. И дальше валить. Что тут над трупами чахнуть.

— Знаешь места?

— Не особо, — замялся мужичонка. — Тебе-то что? Напарник мне не нужен...

— Что, так и убьёшь?

— Ну, может и не так, — беглый зэк положил палец на спусковой крючок. И ствол автомата медленно, но неуклонно начал поворачиваться в мою сторону. А между нами всё те же полтора-два метра. Которые з такого положения в прыжке не одолеть.

Охнув, я сильнее подобрал под себя ноги. Всё ещё на корточках, но уже как пружина, готовая сорваться со стопора. И уже не с пустыми руками.

Ещё покидая квартиру Сергея, я выпотрошил обувь Елены. Изъяв спицу-заточку, которой она порешила гонца. И пристроил оружие последней надежды в свой ботинок. Который мужичонка не обыскивал. А если и пытался, то вряд ли бы нашёл. Но ведь должен был догадаться. Вряд ли на зоне таким не баловались. Разве что он не из авторитетов. Был в обслуге, значит, из мужиков. По глупости сел. По глупости и умрёт.

Автомат уже смотрел мне в лицо. Но всё ещё лежал на коленях. При попытке выстрелить, пуля уйдёт далеко в сторону. Можно и рискнуть. Невелика потеря. Более того, даже лучше будет если этот беглый меня прикончит. Устал я. И убивать тоже устал.

Но тяга к жизни оказалась сильнее.

И я сорвался...

21

А ведь мог бы, наверное, и уболтать, и сделать своим напарником. По выживанию. Правда, пришлось бы остаток жизни оглядываться. А так одним ударом решил уйму проблем. И даже угрызений совести или ещё чего-то там не испытал. Безвестный зэк. Который чуть не убил меня.

Он всё же нажал на спусковой крючок. Но очередь, как я и предполагал, ушла в сторону. Даже тренированный боец из такого положения вряд ли бы попал. А тут просто случайный чел, раздобывший по случаю автомат. Так что он только глаза выпучил, когда заточка вошла в горло. Лена справилась бы куда изящней. А на меня плеснуло кровью — стоило только потянуть заточку на себя. Ну, да меня и так чистым можно было назвать с трудом...

Три безымянных тела я сбросил в смотровую канаву. Туда же лёг и тот парень, именем которого прикрылся я. Андрей. Ну, что ж, прости Андрей.

Сверху, почти бережно, опустил Лену. На всякий случай, хоть это и не имело теперь значения, обошёл цех в поисках ещё кого-нибудь затаившегося. Хотя искать, наверное, нужно было в соседних цехах, тут уже всех, кого ещё не убили, распугали.

Вернув в карманы и за пояс пистолеты и прихватив автомат, сбегал за машиной. Не носить же добро через половину завода.

Откатив в сторону кислородный баллон, которым хитромудрая Елена отвлекла внимание засады, открыл ворота и въехал в цех. Решение не из лучших, конечно, я оказывался в западне, как та самая засада, что полностью полегла, не выполнив свою задачу. Но я-то никого ждать не собираюсь. Тем более здесь. Так что погрузка много времени не заняла. Куда дольше я мучительно раздумывал: куда дальше?

Кроме как на базу санатория, ничего в голову не приходило. Хотя таких баз вокруг не то чтоб пруд пруди, но с десятков наберётся. Вот только все их нужно ещё разведать.

А там, как я полагал, уже никого нет. Конечно, все мои предположения очень часто оказывались тычком пальцем в небо. Но особо рассусоливать не приходилось.

Вот только...

Было жалко бросать броневагон, пусть и такой неказистый. Я уже бросил машину Сергея. Оставил его квартиру — неведомо как её покинула Елена, вдруг там всё нараспашку, и выжившие мародёры подчистую всё вынесут.

Но хуже всего было другое.

Я устал. Я очень устал — так будет честнее. Да и боль никуда не делась, пусть и оказался удар — что в лоб, что затылком — далеко не смертельным. А за воротами цеха уже клубилась ночь.

Поэтому ехать куда бы то ни было, было самоубийством. Остаться на месте тоже. Но в меньшей степени.

И я остался.

22

Узкий диванчик в салоне для сидения годился с трудом, а лежать на нём и вовсе было почти невыносимо. Но я улёгся. Задвинув перед сном распахнутые двери. Уложив под руку автомат. У бойницы в лобовом стекле — второй. Чуть было не собрался вернуть часть оружия из машины, но устал бесконечно. И уснул почти сразу, едва коснувшись головой сложенных папок. Буквально провалился в сон. Как в омут. И чернота была такая...

Слов, для описания черноты, я не находил. Но понимал, что сплю. И вижу тьму. Пыльную какую-то. Как сильно увеличенное зерно на фото.

Пыль была повсюду. Где-то такое уже было...

— Пассажир?

Тишина в ответ.

Ах, ну да, он может и не знать, что я так его зову.

Тогда...

— Полли?

Полог тьмы шевельнулся.

Что это, конец? Если и да, то только очередной главы.
Моей безумной жизни...

23

...Попугайчик заходился в крике.

— Да что ж это такое! Тишка, прекрати!

И какой он после этого Тишка? Так орать спозаранку...

Ну, да, почти сразу после того, как вылупился, он был молчун. Так его папаня, Стёпка, за двоих болтал. Особенно когда, снеся очередное яйцо, мать Тишки больше не показалась из гнезда, которое я соорудил для продолжения птичьего рода. То ли свою подругу звал, безуспешно, естественно, то ли поучая сына. Вот только к учёбе Тишка оказался глух. И если Стёпка поизносил порой что-то членораздельное, по-людски, то сынок речь человеческую так и не осилил. А я — птичью. Хоть формально и приходился птенцу дедом — птиц свёл, гнездо свил. Только он уж давно оперился. И прожил даже больше человеческого века. Если перевести его годы на мои.

Всё ещё не понимая, чем вызвано негодование моего квартиранта — с тех пор, как под его среду обитания был отдан целиком балкон со всеми цветами, иначе Тишку и не

звал, я выключил в душе воду и потянулся за полотенцем. Неудачно как-то потянулся. Смахнув с раковины зубную щётку. Которая упала с невероятным грохотом. Даже с учётом, что она была электрической и весила в разы больше обычной, грохот был несоизмерим. Тем более коврик на полу...

Но в открытую дверь ванной — от кого закрываться, я живу один, не считая Тишки, уже ворвался холодный воздух с лестничной площадки. Ворвался через выбитую дверь. И это она, а не упавшая зубная щётка издала такой грохот, падая под ударом ручного тарана. Который влетел в квартиру вперёд людей в чёрных комбинезонах и масках под матово поблёскивающими шлёмами.

— Лежать! На пол! Лицом вниз! Руки за спину! Не шевелиться!

Команды сыпались как из рога изобилия. И не всегда в логической последовательности. Так что я в любом случае рисковал нарваться на ещё большие неприятности, чем выбитая дверь. Из-за неправильного исполнения команд. Но мне уже всё было пофиг. А адреналин ещё не парализовал речь. Поэтому, опускаясь на колени, я бросил:

— Вытирайте ноги! Я только полы вымыл!

И получил удар по затылку, от которого не только заткнулся, но и носом ткнулся в коврик у порога.

— Чисто!

— Чисто!

— Чисто!

Это не про вытертые башмаки на грубой подошве. Это ворвавшиеся отчитались, что в квартире больше никого.

Попугая за человека они не считали. А он-то их учуял. Вот только я не понял...

Да и мудрено было понять. Вёл себя я тихо, свои взгляды не афишировал, в соцсетях, тем более подконтрольных ворвавшимся в квартиру, следов не оставлял. Хотя и тянулась порой рука приложить как следует в комментах. Но молчал. Наступив на горло своим не спетым песням. В митингах, тем более, не участвовал. Писем в защиту задержанных не подписывал. В пикеты не ходил. Да даже улицу переходил только на зелёный! И вот поди ж ты...

За мной пришли. Что могло означать только одно: донос. И это кто-то из близких.

Если потащат в суд, то времени на вычисление доброхота или стукачей, буде их несколько, у меня окажется предостаточно. А то, что в суд потащат, сомнений не вызывало. Потому как улик сейчас окажется выше крыши. Хорошо, если следов измены и шпионажа не обнаружат. Хотя, как знать, какая стоит задача. Может, и их найдут. В довесок к наркотикам и детской порнографии. Хотя ни тем, ни другим никогда не грешил. Но времена нынче такие, что не важен грех свершённый. Отвечать будешь за назначенный. За связь с марсианами, например.

Пока же я отвечал болью за внеурочный визит. Набиваясь в квартиру, каждый новый боец с автоматом ли, без оного, считал своим долгом пнуть меня по рёбрам. И я их понимал.

Подняли ни свет, ни заря — это я привык вставать задолго до шести утра. Голодными — а ну как встретят стрельбой и пулей в живот, туда, где броник не прикрывает, — погнали на штурм. Обед тоже не гарантирован — обыск

может затянуться. Потом — кому как повезёт, некоторые могут и до вечера оказаться в связке со мной: сторожить, везти в суд и из суда в казематы, да мало ли. Так что своё недовольство они изливали уже сейчас. Прямо на входе в квартиру. Благо мишень и виновник всех проблем в наличии.

Некоторое время спустя, когда прибывшие отметились поголовно, оттоптавшись на мне, а то и не по разу, некто, переступив через моё распластанное тело, многозначительно обронил:

— Гражданин Любавин? Есть ли у вас что добровольно предъявить из незаконного?

— Есть! — елозя губами по полу, просипел я. — Незаконное вторжение в квартиру — раз! Порча имущества — два! Нанесение побоев...

Договорить мне не дали, впечатав башмак под рёбра так, что дух надолго перехватило.

— Паясничать на зоне будешь. Если живым доедешь, — популярно объяснили мне перспективы. Добавляя аргументов. В виде ещё пары ударов по рёбрам и почкам.

Но неожиданно у меня появился защитник.

— Ты это, кончай, я же снимаю, — одёрнул избивавшего меня другой голос.

Воспользовавшись паузой между ударами, я попытался вывернуть голову и рассмотреть говорившего. Или бившего. Кого удастся. Надо будет запомнить. Когда-нибудь сочтёмся.

Шансов на это конечно, практически, не было. Но надо же было как-то поддерживать себя в безысходности. Однако даже в этой малости мне было отказано.

Лица скрывали маски. И будущего лауреата «Оскара» как лучшего кинооператора, и любителя помахать ногами. За невозможностью бить кулаками. И не потому что лежащего не бьют. Бьют, ещё как. Просто лежащего на полу кулаками бить неудобно.

— Снимай, снимай, — на выдохе просипел я. — Чтоб все видели: сопротивления не оказывал, был избит неизвестными в масках, которые не представились, документов не предъявили...

— Ты сегодня допиздишься, — почти ласково обронил избивавший меня. Но удара не последовало. То ли устал, то ли действительно решил не светиться в кино. Хотя, скорее всего, удовлетворил свои потребности. На сегодня.

Ой, как я заблуждался...

— Может, ему ещё правило Миранды зачитать? — усмехнулся глумливо кто-то с другой стороны, там, где я даже в маске никого видеть не мог. — Насмотрятся порнухи...

— Одеться ему дайте, — скомандовал оператор. — А то нам за порнуху нагорит.

— Кто ж знал, что этот педрила голышом по квартире бродит, — хохотнул избивавший меня.

— Хорошо ли записались последние слова? — приподнимаясь, поинтересовался я.

— Не, ну точно допиздишься, — но удара не последовало. Мне швырнули полотенце. Но я не стал им прикрываться, шагнув в сторону ванной, где висел халат. — Не, ну ты совсем борзый!

В этот раз прилетело по торсу. И уже кулаком в перчатке. Я поморщился, но промолчал.

У меня ещё будет время высказывать заявления и ходатайства. К которым никто не будет прислушиваться. Потому что и приговор уже, скорее всего, даже не написан — отпечатан.

И всё-таки... Чего же им надо? И с какого рожна?

Глупость сморозил. «Ты виноват уж тем...»

Валить надо было...

Прогнившая до основания страна упала мне на плечи, разбив голову...

Но, пока сукровица глаза не залила и была только в переносном смысле, я обвёл взглядом квартиру. Ну, или то, что взгляду открывалось — коридор и часть лестничной площадки, где толпилось большинство утренних гостей.

Оператор прямо у двери. Бивший меня — в шаг или максимум в двух. Предложивший зачитать правило Миранды — в дверном проёме в спальню. Ещё двое — в большой комнате, затаптывая своими башмаками белоснежный ковёр из овечьей шерсти. Трое расслабились за входной дверью. Которой теперь не было. Но зиял провал, в котором ещё вилась, поднимаясь к потолку, пыль.

Бежать? Голым? Куда?

— И долго ты будешь мудями трясти?

Взглядом исподлобья, я смерил избившего меня не только ногами, но и кулаками, с ног до головы. Но промолчал. А вот он — нет.

— Чо, прикидываешь, как будешь в суде оправдываться? А для таких, как ты, суда уже нет. И не будет. Поедешь напрямиком на зону. Там тебя и ждут, и быстро вразумят. Чтоб знал, на кого пасть разевать.

— И на кого же я разинул?

— Не, ну точно борзый! На кого не надо было, дебил!
Ты только подумал, а мы уже тут.

Из-под маски раздался приглушенный смешок.

Значит, это не роман. Ну, или не только роман. А в таком случае...

Игорь Степанович! Только доктор мог заглянуть в мои записи. Там, где я всё сказал, что думаю о гнусном уродце, который довёл страну до того, что врываться в дом среди ночи стало нормой.

А чего я хотел? И это не об уродце, с ним давно всё было ясно. Это о докторе. Впрочем, скорее о моей глупости. И доверчивости. Если уж учителя, с их нищенской зарплатой позволяют себе не разумное, доброе, вечное сеять, а подтасовывать итоги выборов, то кто мешает докторам заняться карательной психиатрией? И писать доносы. Особенно если они оплачиваются. Пусть и не в прямом смысле. А должностями, повышенными окладами, премиями за счёт персонала... Того самого, которого не хватает. Потому как сокращён до минимума. А то, что сверх минимума — идёт в карман. Тому же Игорю Степановичу. И иже с ним.

Ну да бог ему судья. Сейчас вопрос о моём выживании...

Если увезут, то навсегда. В судах срока огромные, уже почти былинные огребают люди известные, пропажу которых просто так не объяснишь. А мы люди маленькие, исчезнем, как круги на воде.

Ой как не хочется...

Моё будущее ещё не успело визуализироваться в мозгу. А тело уже действовало. Пока шла съёмка. И все были

заняты тем, чтобы на видео выглядеть пристойно. Насколько это возможно для опричников, которым закон не писан.

Полшага вперед. Захват.

Удушающий приём.

В прорезях маски я вижу, как удивлённо распахиваются глаза.

Такого он точно не ожидал.

Тем более от голого. Голый мужик ещё более беззащитен чем просто безоружный против ружья. И уж точно не должен нападать.

А я напал. И не просто напал.

Пока все приходили в себя от такой наглости, я уже выдернул чеку из гранаты на поясе у службиста, минуту назад безнаказанно избивавшего меня. Но оказалось, что за наказанием дело не встанет. Уже через минуту.

По квартире нестройным хором вновь завывли голоса.

Стоять. Лежать. Назад.

Что там кричали ещё, я не слышал. Точнее, слышал, но не понимал. В голове тикали часики.

Автоматы уже вскинуты. Патроны в патронниках. И давно.

Придушенный службист, всё ещё удивлённо пучась на меня, получает ускоряющий пинок под зад. И летит навстречу видеокамере. И срывающимся с дульных срезов автоматов выстрелов. А я...

Я падаю спиной назад. В распахнутую дверь ванной комнаты. И уже там отталкиваюсь от стены. Чтобы тут же совершить кувырок в ванну. Одновременно с грохотом взрыва. И мгновение спустя — второго.

Я и не помнил, как сорвал второе кольцо. Но рванули две гранаты. Осколочные. С радиусом поражения...

Да какой там радиус! Все стояли на расстоянии вытянутой руки друг от друга! И только я лежал в чугунной ванне. О которую в безуспешных потугах убить меня разбились усилия осколков. Тех самых, что расчистили мне дорогу к свободе.

В затянутой дымом после взрыва квартире я чувствовал себя как рыба в воде. Здесь всё было моё. Часть меня. В которую я вложил и часть души. И она меня защитила. В последний раз...

Ещё не утихли стоны, а я уже бежал без оглядки. В ботинках на босу ногу. В куртке на голое тело. И в шортах посреди поздней осени...

Тишку жалко. Он остался один. Живой ли. Оглохший так точно....

Часть третья

Дым отечества

1

...Раннее утро спасало от взглядов случайных прохожих. Которых попросту не было. Провинция. Тут горожане просыпаются, как минимум, на час позже чем в Москве. А я за 33 года столичной жизни привык просыпаться рано. Но не поэтому мои голые ноги под курткой не вызвали интереса даже у водителя эфэсбешного микроавтобуса, на котором «конторские» приехали за мной. Да и стоял он не у подъезда, а чуть поодаль. Так что вышел я из дома без помех. И хватило сил да ума не скатиться по пандусу бегом. А пройти степенно, изображая поиски сигарет по карманам. Чтобы тут же свернуть за угол. Правда, он не скрывал меня от машины. Но там осталось ещё пять шагов, и всё, свободен.

Водила крутил головой, пытаюсь из-за баранки разглядеть, где там и что рвануло. Вот только под таким углом моя квартира с его места была не видна. Но выходить он всё же не рисковал. Не по чину. Хотя и чина никакого, скорее всего, не имел. Водятл, одним словом. Однако и нос, пусть и эфэсбешный с виду, совать не рискнул не в своё дело. Так что меня он если и увидел, то не разглядел. Да и я отсвечивать не стал. Юркнул за второй угол, и уже там перешёл на бег трусцой. И теплее, и слиняю быстрее. А в частном секторе, поближе в Волге, ещё и затеряюсь. Правда, собаки спуску не дадут, провожая лаем. Но в голые щиколотки не вцепятся — цепи вполне надёжны, ещё ни одна псина ни разу не вырвалась из-за забора. А на мокром асфальте мои следы тут же расплываются в грязный оттиск,

по которому не определить ни направление, куда я рванул, ни время, прошедшее с момента, когда след оставлен.

Переходя на бег, я краем сознания отметил, что недавно отремонтированный Лётный проезд, сохранивший название с времён, когда здесь был аэродром, вновь превращён в малопроезжую дорогу. Даже хуже, чем было, когда я только приехал сюда из столицы.

Подумать, как такое могло случиться менее чем за месяц после ремонта и замены асфальта, я не успел. Потому что внезапно на моём пути оказалось пепелище, куда я чуть не влетел, занятый мыслями о том, где бы укрыться.

Странно. Пожаров не было давно. Ну, да, горит частный сектор частенько. Но то перед сносом, когда приходит застройщик. А площадка — не готова. И жильцы покосившихся лачуг не торопятся съезжать, сетуя на низкую цену выкупа. Тогда «красный петух» строителям в помощь. Но тут-то с какого рожна... И на отшибе от мест по плану застройки, и домик здесь давно рухнул сам. И сам же потом, видать, сгорел. Вместе с бомжами, облюбовавшими его для своих посиделок и ночёвок. Громкое дело было, три трупа за раз. Так что после тут даже брёвна растащили, когда искали пострадавших.

Однако сейчас передо мной было явно свежее пожарище. И даже запах ещё не выветрился окончательно. Хотя я и готов был поклясться, что в ближайшие дни ни дыма, ни тем более огня не видел. Да и старое пепелище вдруг оказалось завалено брусом — обгоревшим, но свежим, не из тех, что годами гниют в брошенных домах, построенных при царе горохе...

Что бы это значило? Кто-то хотел построить дом, да поплатился за это? Такое вполне могло быть. Но опять же, как это всё прошло мимо меня? Не часто, но раз в месяц я здесь прохожу...

«Проходил», — мысленно поправил я себя, понимая, что теперь не скоро ещё пройду здесь. И к тому времени тут может много чего сгореть, и не моё это дело. По крайней мере, не сейчас. Как там в играх престолов вещали? Не сегодня? Пожалуй, у меня дел здесь не будет не только сегодня...

Я прибавил ходу, огибая пожарище. Избитое тело на холоде приходило в рабочее состояние, ноги исправно отмеривали пройденное расстояние, руки, словно поршни, ходили взад-вперёд. Но приходилось постоянно смотреть, куда ступать — ямы в недавно отремонтированном асфальте явно были не первой свежести, а уж по части глубины и охвата проезжей части...

«Я же здесь ездил, не было тут такого», — ткнулась в голову мысль, на которую у меня не было времени. Потому что думать надо было о том, где схорониться.

Мне повезло. Удивительным образом повезло. Особенно учитывая всё невезение в прежние годы.

Я вырвался из западни, в которую угодил по неведомой причине. Потому как жизнь старался вести тихую и незаметную. Но за мной всё равно пришли. И уже неважно, кто настучал. Доносы у нас писать обучены. Это грамоты людям, быть может, не хватает, но писать доносы все умеют, хлебом не корми. Впрочем, как раз хлеба ради и написали поди. Не за так же. Хотя и не приняли ещё закон о передаче стукачу имущества людей, попавших в жернова разборок, но

по сути так было на практике. Кто будет искать, куда после моего ареста пропадёт моя машина, к примеру? Или кто взломал замки в квартире после того, как меня увели в наручниках на глазах у всего дома?

Ну, да теперь и замки вскрывать не надо. Дверь предусмотрительно выбили эфэсбешники, вламываясь ко мне. Взлом совершили два взрыва гранат, разметавшие незваных гостей. А некоторых и в буквальном смысле. Хотя в целом квартира уцелела. Только мне в ней не жить. Едва ноги унёс. Почти в чём мать родила. И безоружный. Хотя, считай, никто не помешал бы поднять оружие, буквально валявшееся по всей лестничной площадке. Пусть и рядом со стонущими нападавшими. Их буквально изрешетило. Даже тех, кто был в бронежилетах. Взрыв получился направленный, в проём двери. А они стояли кучно... Вот и огребли. Сколько там осколков в такой гранате? Двести? На каждого по десятку, не меньше, пришлось. Да ещё и автоматная очередь в того, кто подарил мне этот шанс.

Интересно, заснял ли оператор мой побег? Потом будут в академиях изучать...

«И кто первым из соседей потащит уцелевшее добро из квартиры?»

Мысли были абсолютно несвоевременны. Как и воспоминания. Хотя какие воспоминания, если ещё адреналин зашкаливает от произошедшего. И вокруг чёрт знает что творится: сразу за пожарищем открылся вид на Волгу. До которой должно было ещё оставаться метров сто. И то через промзону. Которой не было.

Я чуть было глаза не стал тереть: Тормозное шоссе, как ему по названию и полагается, всё в рытвинах там, где

минувшим летом уложили новый асфальт. Но на месте дровяного склада — прогалина. Как и вместо с типографии, которую только недавно отстроили. Косо, криво, но дом в три этажа, для офисов и производственного помещения возвели. И где он?

С бега я перешёл на шаг. А потом и вовсе остановился.

Что происходит? И куда бежать? К реке? Она матовым полумесяцем огибала выступ подмытого берега, на котором далеко справа маячила пристань. Теперь открытая взору. Совсем не такая, какой я её помнил по многочисленным прогулкам к пляжу. Ну да какой там пляж, так, полоска песка вдоль отвалов, намытых для строительства дорог.

Впрочем, сейчас дело было не в пляже. А в пристани. Её отсюда не должно было быть видно. Она была никчёмная и невзрачная. Бетонные надолбы вместо причальной стенки, мастерская, гараж за забором, кран...

Сейчас же перед моими глазами были полоса гранита, увенчанная столбами освещения, ангар, слип, неказистое здание в два этажа с ажурными мачтами радиосвязи по углам и блюдцем РЛС на крыше.

Такого точно быть не могло. И впору было себя ушибнуть. Но я и без того знал, что не сплю — утренний холод уже пробрался в шорты и щипал там, где было большее всего.

Упавшая челюсть больно стукнулась о разбитый асфальт. И я вслед за челюстью подобрал слюни. Всё ещё не понимая, что происходит. Крыша поехала? Наркоты

нанюхался? И всё мне только кажется? И стрельба со взрывами тоже?

Так, с этим разбираться будем потом. Утро хоть и раннее, и спят в провинциальных городках, в отличие от столицы, долго, но машины уже должны переваливаться между колдобин. А я в таком виде, что сразу бросаюсь в глаза. Если конечно не пялиться в небо, как это было с «конторским» шофёром. Но там был отвлекающий фактор.

Однако посреди Тормозного шоссе только я маячил голыми ногами и курткой на голое же тело.

И больше никого.

Никаких машин.

Пусть и не кавалькадой, но обычно мне с Лётного проезда вырулить здесь налево даже утром удавалось с третьей, а то и пятой попытки. А тут — никого.

Зато в туманной утренней дымке виден настоящий дым. От железнодорожного моста. Густой, чёрный — это не выхлоп дизелей. Так что не прогулочный теплоход там дымит. И даже не локомотив на мосту. Паровоз. Ой, не зря они посвистывали гудками все эти годы, теперь в деле, да? Или что это значит?

Что бы ни значило, а ноги уносить надо. И я потрусил в сторону пристани. Которой тут отродясь не бывало. Но теперь есть. И надо принять не только этот факт, но и объект. Который может или прикрыть меня, или окончательно выдать.

Но там, рядом с пристанью, выросшей на развалинах прежней, был ангар яхтенной станции. А между ними — складские помещения. В которых можно укрыться. Не особо надёжно, но за неимением лучшего...

Пристань я оставил по левую руку, пройдя по железнодорожным путям тупиковой — разгрузочной — ветки. Тут уже должны были подать голос псы от гаражей и, главное, из собачьего питомника. Но как машин не было на шоссе, так и собаки молчали. А удивляться я уже устал. Да и чему удивляться? Тому, что не понимаю перемен? Так и того, что ко мне ввалились с обыском, я тоже не понял поначалу. А потом всё же рванул в бега...

Домишко станции, громко именуемой «Портовой», неказистый, в полтора этажа, зиял разверстыми проёмами выбитых окон. По соседству без окон стоял и пункт обогрева путейцев. Что никак не сочеталось с гранитом причала. Зато мне хлопот меньше: оглянувшись на всякий случай, я нырнул в окно. И не прогадал.

Конечно, надевать валявшиеся в домишке шмотки было стрёмно, кто их носил — неизвестно. Как и то, сколько они провалялись здесь, в пыли и крысином помёте. Но холод уже выдавил из меня остатки брезгливости. Поэтому обнаруженные штаны, пусть и засаленные, пошли в дело. А из тряпок, сваленных грудой в углу, я быстро смастерил портянки. За неимением носков. Ботинки, конечно, стали жать, но на босу ногу я уже и так почти натёр мозоль. А с портянками и теплее, и мягче.

Обнаруженную в тряпье футболку, довольно чистую, но в разводах ржавчины, я поначалу надевать всё же не рискнул. Зато сунул в карман найденный на полу огрызок ножа: ручка грубо вырезана из толстой ветки, лезвие — самопальное. Но острое. Не бритва, конечно, но сойдёт. Кому-то кровь пустить. Если достану.

Видок тот ещё, но хоть не воняю. Так что на близость, достаточную для рукопашной схватки, можно надеяться. Вот только во что она выльется? Боец я тот ещё, успех в квартире был более чем случаен. Да и если меня уже ищут или будут искать, то шансов не дадут. Помахать ножичком — тем более. Так что нужно думать не о том, как резать, а как не быть зарезанным. Или убитым иным способом. А тут только один вариант — залечь так глубоко, чтоб меня не достали.

Одна беда. Как любой житель мегаполиса и даже просто губернского заштатного городишки, к выживанию в дикой природе я не приспособлен. Да и не в дикой тоже. Но деваться некуда. И первый шаг уже сделан. Я одет. Пусть и не по моде, да только реально стало теплее. Весна, канун лета, оно конечно, хорошо. Да только если ты в доме...

Я и был в доме. Который построили путейцы. Из того, что было. Где-то на больших, узловых станциях у них больше бывало добра. Потому что там проходит больше поездов. И грузов разных везут они больше. Которые частично «выпадают» из вагонов. Усушка-утруска, знаете ли. А эта станция даже в масштабах города была ничтожно маленькой. Сюда если и попадало что, то крохи. И в последнюю очередь. И тем не менее домик путейцы построили. И даже стол соорудили. И печку. Есть где обогреться и обсушиться. Перекусить...

Вот об этом не стоило... Мысль о перекусе отозвалась урчанием в желудке. Позавтракать-то я не успел. А теперь и вовсе никаких шансов. Даже если бы были деньги. Куда мне в таком виде в магазин?

Конечно, случается народ и в более мерзком одеянии оказывается в очереди. И не только за настойкой боярышника в аптеке. Но я ещё не достиг того уровня падения, чтобы сунуться в магазин в таком виде. Хотя и не сомневался, что рано или поздно, но голод погонит на добычу еды. А то и на попрошайничество Христа ради. Но пока можно было перевести дух. И всё обдумать. В том числе и разруху на станции. Рядом с восстановленной пристанью. Эти два факта не вязались.

Как и молчание собак...

Кстати, о собаках... Если меня будут искать, то пустят пса по следу. А я не то чтоб не заметал его — я даже петли не изображал. Ломил напрямик. Что там подсказывает энциклопедия выживания? По воде пройти? Так это верная смерть, когда лето только на календаре, а на улице — едва плюс обозначен...

Можно, конечно, креозотом башмаки смазать. Но это ведь раньше нужно было. Да и где его взять...

Адреналин заканчивался. И меня начинало клонить в сон. А это ещё куда более верная смерть. Если остаться на месте...

2

Внезапно тишину утра разорвал первый после взрыва звук. Ещё более громкий. Утробный.

Гудок.

Но не паровозный, как должно было бы быть на железнодорожной станции, пусть и заброшенной.

Пароходный. Их-то я за службу наслушался, не спутаю. Хотя и был он каким-то недоделанным, что ли...

Однако ж прогудел. Прямо за окном. В которое я и выглянул.

Попыхивая высокой трубой, как курильщик трубкой, в клубах дыма и пара, к гранитному причалу притирался пароход.

Чёрный бортами. С жёлтыми надстройками. Под непонятым бордовым флагом с белой вертикальной полосой. На которой что-то было изображено, но флаг трепетал на ветру, и разобрать рисунок не удавалось.

День, начавшийся с выбитой двери в квартиру, продолжал множить загадки. Так что я даже пожалел: а не лучше ли было отдаться на милость вторгшимся, чтоб не мучить себя вопросом, не сошёл ли я с ума?

И пусть всё непонятно, но пароход — это уже хорошо.

Я как-то безоговорочно принял, что судно, подтягивающееся к берегу канатами швартовых, — пароход. Не дизель-электроход или хотя бы теплоход, а именно пароход. Почему? Я бы и сам не ответил на этот вопрос, и другим не поверил бы. Скажи кто мне, что такое возможно. В двадцать первом веке. В центре России. На Волге. Где последним пароходом была «Ласточка». Из «Бесприданницы». Да и то в кино.

Но передо мною был именно пароход. На палубе которого была привычная для швартовки суэта. Пусть и суетилось-то в общей сложности человек пять. Боцман. Матросы с кранцами. Механик на лебёдке, выбирающей слабинку канатов. На стенке и вовсе болтались два бродяги, от которых я мало отличался.

Перевалившись через подоконник, я скатился с железнодорожной насыпи прямо к причальной стенке. И тут увидел, что никаким гранитом там и не пахнет. Та же разруха, что и на станции. Просто каменная крошка, добротно укатанная.

Да, мачты радиосвязи, да, РЛС на крыше здания, но которое было тем самым, что я помнил. Просто его до неузнаваемости меняло зеркало локатора, придавая солидный вид. Которого прежде не было и в помине.

Да, окна целые. И столбы освещения. Правда, без плафонов. То есть, просто столбы. Повесить на них можно. Но света от этого не прибавится. Да и не хотелось бы мне быть повешенным. Хотя я и нарывался.

Вот только оказалось, что нарываюсь я на работу. Забыв, что она любит дураков.

— Хватит прохлаждаться, — раздалось из мегафона с борта парохода. — Схватили лопаты и за погрузку!

Я так понял, что это касается бродяг. Но недооценил наблюдательность человека на борту:

— А ты куда? — я даже шага не успел сделать в сторону от причальной стенки, как меня догнала команда: — Бегом грузить уголь!

Бродяги на причале уже споро развернули в сторону парохода подающий транспортёр и подтащили его ближе к куче угля, которую я сразу и не заметил. Один уселся на железное сиденье слева от ленты транспортёра, второй — замахал лопатой.

Уголь поплыл на борт парохода. У меня глаза чуть не выскочили из орбит. И только минуту спустя я понял.

Бродяга, сидевший рядом с подающей лентой, крутит педали. Второй — бросает уголь. А в целом идёт погрузка. И в этой дружной команде не хватает меня.

Чтоб не выделяться, пришлось подхватить лопату и присоединиться к работе.

Бродяги удивлённо зыркнув в мою сторону, но не выказывая заинтересованности, оценили мой энтузиазм. Скользнули по мне равнодушными взглядами и всё. А с парохода на нас и вовсе внимания не обращали. Боцманская команда скрылась в недрах посуды, мегафон, то ли пискнув напоследок, то ли выдохнув что-то невысказанное, умолк. И только уголь упрямо шуршал под натиском лопат...

Через полчаса бродяги поменялись местами. А я тем временем, бросая вслед углю заинтересованные взгляды, изучил палубу парохода.

Транспортёр, по ленте которого уголь шёл на борт судна, нависал над провалом люка в палубе, сразу за центральной надстройкой. Жёлтой, в три этажа-яруса до мостика. Но уже грязной от угольной пыли. Потому что с каждым броском лопаты и падением с ленты очередной порции топлива клубы пыли вырывались из люка. И оседали на переборках, на палубе, на леерах... Никто не додумался смочить уголь. И если над причалом пыль разносил лёгкий бриз, то на пароходе она оседала бархатистой корочкой.

Ещё через полчаса у меня заломило спину. И тут меня похлопали по плечу.

Влип?

Я поднял взгляд.

Бродяга, первым крутивший педали транспортёра, кивком головы указал мне: смени напарника.

Я послушно оставил лопату. И испытал немалое облегчение. Отбитые бока отозвались благодарностью на передышку. Да ещё и сидя. Хотя поработать всё же придётся. Но теперь ногами, которым досталось всё же меньше, чем остальному телу, и уже далеко не молодому.

С сиденья обзор был лучше, чем исподлобья. Только ничего нового он не добавил к тому, что я уже увидел. Так что, когда прошло ещё тридцать минут — больше или меньше, не знаю, бродяги считали время по какому-то своему внутреннему хронометру, и меня опять похлопали по плечу, намекая, что пора уступить место, я пружинисто подхватился. Но прыгнул не на причальную стенку, к поджидавшей меня лопате, а на ленту транспортёра. И по ней бегом, в пять-шесть шагов перемахнул на борт судна. Там, чтоб не оставлять следов на запылённой палубе, прыгнул в люк прямо с транспортёра. Вместе с очередной порцией падающего в трюм угля.

Напоследок обернувшись, я увидел, как вытянулись лица бродяг. Но крик понимать они не стали. А я почти без повреждений рухнул на кучу угля в трюме судна. Благо падать пришлось с высоты метра три — трюм был совсем неглубоким. Пароход-то был речным, тут с осадкой не забалуешь.

Выжидая, покуда глаза привыкали к полутьме, вынужден был отскочить от очередной порции падающего угля. Не шахтёр я, и дышать угольной пылью не обучен. Поэтому, покуда нос ещё не забился, и я мог худо-бедно

дышать, захромал в сторону кормы, где по моим расчётам была машина, пожирающая уголь.

Наощупь, нашёл переборочную дверь, налёг на кремальеру. Дверь поддалась.

Тихо. И на судне, и на причале. Разве что корпус судна подрагивает от работающей машины. Да бродяги, не исключено, побежали искать вахтенного или кого ещё с парохода, чтобы заложить меня. Но за спиной уголь ритмично продолжал падать в трюм. Значит, время у меня есть, и пока ещё меня не заложили. А что будет дальше...

Я осторожно выбрался из угольной ямы. В дышащий жаром отсек машинного отделения. Или котельного. Хотя, скорее всего, они были совмещены. И в самом дальнем конце филиала ада маячила фигура, не сильно отличающаяся по убранству от меня.

Механик. Он был занят, и я не опасаясь громыхнуть сильнее гула пара и огня, добрался до трапа, ведущего куда-то дальше в недра судна. Стальные балясины трапа под моим весом натужно загудели, предупреждая, что могут и выдать, на тайнство, мол, не подписывались. Но всё же дотерпели до момента, когда через ещё один люк я выбрался в судовой коридор. И тут же вжался в углубление в переборке, за шкафом с АСИ, аварийно-спасательным имуществом — по коридору кто-то шёл в мою сторону.

Вряд ли бы мы разминулись в тесноте судового коридора. Но внезапно шаги сместились вправо. И я поспешил выскочить из своего укрытия, рванув в ту сторону, откуда ушёл свернувший в другой коридор матросик, или кого там несло мне навстречу. Но, втянув носом воздух, чуть не захлебнулся слюной: навстречу мне несло запахи еды.

Я тут же пожалел, что нос не забился пылью. Потому что противиться призыву ароматов сил не было. Голодный с самого утра, к тому ж избитый, да ещё намахавшийся лопатой, я хотел есть незнамо как. И даже на безопасность было плевать. Голод — не только не тётка, он вообще не родственник, особенно уму.

Оглянувшись туда, где исчез первый встречный, с которым удалось разминуться, я подошёл к ещё одной переборочной двери. Белой. С круглым окошком маленького иллюминатора. Из-за которой и тянуло запахом, от которого прекращала работать голова.

Заглянув в иллюминатор, я убедился в том, что нос, пусть и перепачканный пылью, меня не подвёл.

За дверью был камбуз. И если коридор шёл по диаметральной плоскости судна, то помещение камбуза привалилось к одному боту. В котором зияла брешь большого иллюминатора, открытого всем ветрам. Почему я с берега его не унюхал своим прилипшим к позвоночнику желудком? Да потому, что судно стояло другим бортом к берегу. За которым была кают-компания. Или матросская столовая. Кому как нравится. И в зависимости от морской практики и культуры команды.

Ну да это сейчас не имело значения. Сейчас я хотел есть. В каком угодно виде — за столом, сидя на палубе, из миски или прямо из общего бачка...

Хотеть-то я хотел, но кто ж мне даст...

На камбузе не было никого.

Потянув ручку задрайки, я открыл дверь. И едва не рухнул от голода.

Таким могучим был удар запахов. Судовой повар постарался на славу. И, скорее, всего, тот, кто шёл мне навстречу, и был коком. Пошёл докладывать о готовности обеда. Если у них здесь так принято. Как положено на нормальных кораблях и судах.

Тот факт, что судно было не очень нормальным, меня не останавливал.

Ворвавшись в камбуз, я первым делом схватил кусок хлеба, словно специально оставленный на краю разделочной доски, другой рукой подхватил ещё горячую куриную грудку с противня, наполовину выдвинутого из духового шкафа и заметался взглядом в поисках укрытия, где можно было бы запитать добычу.

В тесноте и белизне камбуза такого места не было. Зато в кают-компании, смотревшей двумя глазами иллюминаторов на берег, как раз между ними, стояла акустическая колонка, массивная, в дерматине поверх деревянных боков, с медными накладками по углам и вместо ручек. Стояла, нарушая симметрию четырёх столов. Впритык к борту стояла. Но я нутром чуял её пустоту внутри. Хотя это и было равносильно тому, чтобы укрыться на самом видном месте. И без шансов бежать.

Но их и так не было.

Из открытых иллюминаторов в кают-компанию ворвались голоса.

Хотя нет, прежде донеслось хриплое завывание какого-то движка.

Не удержавшись, я выглянул в иллюминатор. В надежде, что на судно никто не смотрит. А если и бросит кто взгляд, то примет меня за члена команды.

На меня и, правда, никто не смотрел. Но к пристани прибилась ещё одна паровая «шаланда» — микроавтобус, стоявший у моего подъезда. Или такой же. Ну, или почти такой. Потому как у стоявшего у моего крыльца я не видел трубы. Или не обратил внимания в запале.

Микроавтобус, появившийся на пристани, попыхкивал чёрной трубой, смотревшей в небо прямо по центру его крыши. Вот только пялиться на трубу было излишеством. Потому как угроза исходила не от неё, а от полудюжины бойцов в чёрном же облачении, неотличимых от тех, что ворвались ко мне.

Они вывалились из микроавтобуса, вскинули свои автоматы, окружили бродяг. Но и пароход вниманием не обделили, водя стволами от иллюминатора к иллюминатору. Я едва успел укрыться за переборкой. И дальше уже только слушал, лишь изредка пытаюсь взглянуть на берег. Да и то в перерывах между работой челюстей, вгрызавшихся в куриное мясо вперемежку с костями. Однако долго не мог понять происходящее.

Эфэсбешники столь же бестолково, как и в моей квартире что-то выкрикивали, но бродяги в ответ молчали. И тупо пялились в причал, когда я выглянул в очередной раз. Зато заговорил мегафон с борта парохода.

— В чём проблема, служивые? — голос был не тот, что призвал меня к лопате. Более густой, начальственно-величественный, с насмешкой. Хотя мне, быть может, последнее показалось. Уж больно хотелось, чтоб эту банду кто-то поставил на место.

Голоса служивых без мегафона были едва различимы в гуле судовых машин, от которых подрагивал корпус

парохода. Однако и ставить на место приехавших никто не собирався. Что, похоже, не мешало строить диалог.

— Мы — паровая грузовая яхта Романовской епархии Единой всекитайской церкви. Если вы не разбираетесь в флагах, довожу это до вашего сведения. Хотя и стыдно такого не знать, — с насмешкой пророкотал мегафон. — Кроме того, вы противоправно вторглись на православную базу. И угрожаете находящимся под защитой епархии убогим. Которые всё равно не скажут вам ни слова. Мало того, что необучены, так ещё и немые. В знак покаяния...

Так вона чо! Что за покаяние, я не понял. А вот молчаливые касания бродяг для передачи вводных стали понятны.

Немые. Может, и меня не сдадут? Правда, тут и слов может не потребоваться, достаточно кивнуть в сторону парохода...

С берега опять что-то закричали, я не разобрал. Но на мостике ответ был понят.

— Не препятствуем вам искать вашего беглеца. Но за пределами базы. И тем более не на борту яхты, здесь никого нет.

Опять бормотание с берега. И громкий ответ.

— Да буде вам известно, служивые, что досматривать церковные суда право вам не дано. Если вы ненароком позабыли. Это во-первых. Второе. И главное. Нам нет никакого дела до ваших поисков, мирские дела нас не касаются. Так что ступайте с миром.

Опять лепет голосов с берега. Пауза. Потом ещё. Похоже, служивые в чём-то пытались убедить корабельных.

Но выглянуть я не рискнул. Да и с убеждением, похоже, не вышло.

— Опасный, говорите? Ну, для вас и немые опасны. А уж если язык не вырван...

Я невольно сглотнул. Язык вырван?!!!

Мой был пока на месте. Но пара бродяг на берегу своим присутствием как бы намекала, что такое возможно. Как покаяние... Неизвестно, правда, какое, но всё ж...

Впрочем, неизвестным было не только это. Но и яхта епархии, и служивые, которые, похоже, вовсе не эфэсбешники, как я решил. Тем-то закон не писан, а тут какой-то мужик с баржи им отлуп даёт, не положено, мол... И они вынуждены заткнуться. Или облизнуться, не солоно хлебавши. Хотя, как знать, голоса с берега всё ещё доносились.

— За предупреждение спасибо, будем оглядываться. А сейчас извольте базу покинуть. И не мешать мне наслаждаться обедом, режим-с, у меня, видите ли. Доктор прописал. Да и команде обедать пора. Так что ступайте, ступайте...

Я осторожно выглянул в иллюминатор. Бойцы в чёрном грузились в свой паровичок — микроавтобус был сухопутным пароходом. И он уже разворачивался, попыхкивая трубой. А у меня вышло время на раздумья. Сейчас сюда ввалится команда. Каких-то церковных моряков. Хотя какие они моряки — речники. И всё ж матросики. Но по любому их, если судить по количеству столов и плетёных стульев за ними, будет с дюжину. А я один. И с голыми руками. Хотя нет, с жирными. После курицы. Она меня не насытила, но урчание в животе стихло.

Что было немаловажно. Потому как прятаться предстояло прямо здесь, в кают-компании. Других вариантов в голове не нарисовалось. И я, чуток отодвинув колонку от борта, протиснулся в пыльный закуток.

3

В коробе колонки было не так пыльно, как вдоль борта. Поэтому я надеялся, что чихать не придётся. Особенно в тишине. Потому как кают-компания, судя по шарканью ног, людьми наполнилась, а вот голосов не было слышно.

Ну, да, когда я ем, я глух и нем. Но не до такой же степени!

Объяснение могло быть только одно. И оно не радовало.

Команда мало отличалась от немых на причале. В том плане, что тоже была нема. И неясно по какой причине. Неужто тоже некое покаяние?

Впрочем, это были мелочи по сравнению с тем, что мне нужно было понять.

Что происходит? Где я?

Последний вопрос вроде бы имел однозначный ответ.

Ярославль, промышленная набережная, претерпевшая некоторые изменения. Вполне допустимые, я ж сюда не каждый день заглядывал.

Но пароход... Да ещё какой-то епархии...

Не просто пароход, напомнил я себе. Паровая яхта. Да ещё и грузовой. Не сухогруз, нет. Не наливное судно и не баржа с лесовозом. И, тем более, не круизный лайнер.

Грузовая яхта. Епархии. Паровая.

А где дизеля? И что за сухопутный пароход за мной пригоняли? Не машину, нет, именно пароход! Чёрный дым над трубой...

Может дым и не чёрный, но форма чёрная, факт.

Мои размышления прервал какой-то шум. Возня в кают-компании, за фанерой короба колонки не оставляла сомнений о небольшой потасовке. Молчаливой, а от того и страшной.

Что случилось? А ну как сейчас закатят драку и перевернут моё укрытие?

Сидеть во мраке короба и не понимать, что происходит, было тяжело. Но выбраться наружу и умереть хотелось ещё меньше. И я просто пытался представить, что происходит в сантиметрах от меня, за тоненькой бронёй фанерного короба, из-за которого я ничего видеть не могу.

Судя по всему, сыр-бор возник из-за еды. Но так вроде ж вкусно было... Или это я чей-то кусок съел и кому-то не хватило? И сейчас идёт молчаливая битва за курицу...

— Немедленно прекратить!

Молодой и звонкий, но уже командный голос внезапно оборвал возню за стенками моего укрытия.

Так, я, конечно, ничего не вижу, но предположить на основе скудной информации, подслушанной за время переговоров командования яхты с людьми в чёрном, можно было следующее.

Экипаж столь же нем, как и бродяги на берегу. О причинах такого положения дел сведений нет. От слова совсем. Но среди обитателей яхты людей с голосом как минимум двое. Капитан. И тот, кто остановил потасовку.

Есть ещё окликнувший меня, но я не был уверен, что он и тот, кто был сейчас в кают-компании, не одно лицо.

— Кок, кто зачинщик?

Ответом стало какое-то мычание, гыгыканье, бульканье...

Значит, всё ж экипаж нем...

Да я отродясь столько немых не встречал, как за последние полтора часа! К тому же ещё на плавсредстве.

Тем временем разборка продолжалась.

— Хлеба не хватило? Кто-то схватил лишний кусок? Или это ты нарезал так?

Опять бульканье и хрипы.

— Ясно. Так, ты и ты... Отставили миски. Вон отсюда. Кок, ужином этих двоих не кормить. Тебе всё ясно? Не то займёшь их место в трюме. И капитан не спасёт. Тем более у него изжога, — говоривший хрюкнул утробным смешком. И возвысил голос: — Всем всё ясно? Жрите. Но молча, — теперь уже был не смешок, а залиvistый хохот.

А что, удачная шутка — пожелать немым не разговаривать во время еды...

Мимо моего укрытия прошаркали ноги. Много ног. И в кают-компании наступила тишина. Нарушаемая невидимым мне коком, то ли убиравшим посуду, то ли готовившимся к ужину.

С одним-то я справлюсь. Наверно. Да и заточка на этот случай есть. Вот только эффекта внезапности не выйдет: пока отодвину короб, пока на четвереньках выберусь...

Даже немой сможет поднять тревогу. А то и проще поступить — пырнуть меня ножом. На камбузе их-то небось

немало. Я же в очередной раз не подумал о том, чтобы вооружиться. Голос рассудка был заглушен голодным гласом желудка. Впрочем, ничего, способного стать оружием, я и не заметил. Как бы голоден ни был, но не видел, и всё тут...

Скорее всего, что ножей и не было на видном месте. Как и половников с шумовками. Но хлеб-то был нарезан... И драку спровоцировал я. Оставив кого-то голодным. Да ещё и без ужина.

Простите, мужики, я не хотел. Мне ещё выбираться отсюда.

И тут же возник отложенный вопрос. Откуда — отсюда?

Из колонки. С яхты. Из...

Из небытия. В котором разрушились в одну ночь отремонтированные дороги. Сгорели уже сгоревшие дома. Исчезли теплоходы. На смену которым пришли дореволюционные пароходы.

Стоп. А вот это уже перебор.

Пароход ничуть не дореволюционный. Это раз. Экипировка бойцов в чёрном опять же ничуть не уступала тому, что я видел прежде не только в кино, но и в реальной жизни, никакого тебе прошлого века. Но паромобиль вместо микроавтобуса...

Что-то всё равно никак не сходилось. Да ещё и яхта епархии, а не речного пароходства. Хотя, если честно, я не помнил есть ли в городе пароходство. Речной вокзал был, причалы тоже, а вот пароходство... Не кануло ли оно в Лету, как многие другие заводы-пароходы?

По палубе, на которой стояла колонка, пробежала дрожь. А над головой, по верхней палубе, бывшей подволоком кают-компаний, засеменили чьи-то ноги.

Спустя несколько минут судно оказалось во власти стихии воды, отдав швартовы, удерживавшие его у берега. Но течение не успело подхватить церковную собственность — заработала машина, разворачивая пароход. Я это понял по солнечным лучам, пробившимся из иллюминатора через щели в коробе. Прежде солнце сюда не проникало. Значит, мы развернулись носом вверх по течению.

Где-то в глубине трюма, равномерно застучало сердце коленвала, вращаемого паром машины. Другие звуки в кают-компании стихли. Ушёл кок?

Я не был в этом уверен. Но своё укрытие чуть подвинул.

Никто не среагировал на движение колонки по палубе. По крайней мере, доступным моему пониманию способом. И я ещё раз двинул короб от борта.

Протиснуться ещё было невозможно, но свет уже озарил внутренности короба.

Лязгнула задрайка. И наступила тишина. Насколько она возможна в железном корабельном чреве.

Я стиснул в руке сучковатую рукоятку моего оружия...

4

Выбравшись из молчаливой акустической колонки, я первым делом выглянул в иллюминатор.

Пароход очень неторопливо выгребал против течения. Я бы даже сказал совсем неторопливо, не более трёх

узлов, на грани управляемости рулём. Но всё равно мы шли вверх по течению. Только...

Только впереди отсутствовал автомобильный Октябрьский мост!

Прежде я подсознательно списывал его отсутствие на то, что утром не разглядел в тумане. Но теперь стало окончательно ясно: моста нет. А вот железнодорожный, маячивший в отдалении, был. Но показался мне странным.

Далеко не сразу до меня дошло, что же странного в знакомом сооружении над Волгой. И только когда торчащая в иллюминаторе голова стала уже мёрзнуть, всё встало на свои места.

Ну, как всё. Мост — да, на месте. Остальное стало вызывать ещё больше вопросов.

А всё потому, что трапезиевидные фермы моста внезапно стали полукруглыми. Какими были при его закладке. В начале XX века. Видел на фото. В интернете. Но я-то знал его в образе уже XXI века, когда мост отреставрировали окончательно, прибавив второй путь.

Сам мост сделали примитивнее внешне, хотя, не исключая, что надёжнее. Впрочем, в этом я не был уверен. Но на ажурные полукруглые фермы пролётов в любом случае не хватило денег и сил. Или умений. Зато стало две колеи. Но стало ли?

Это был совсем не тот мост, где Глуховский устроил свой «Пост». Здесь бы его отстояли. И история могла бы пойти другим путём. Хотя у Глуховского она и идёт альтернативной дорогой. А здесь — альтернатива альтернативе.

Передо мной опять был Николаевский мост, как его нарекли при строительстве. Вероятно, с теми же 63 миллиметрами отклонения рухнувшего и восстановленного пролёта. Если память мне не изменяла. Но, думаю, уж кто-кто, а память не изменяла. В отличие от многих. И тех, кто сдал меня, и тех, кто...

Перенёс неведомо куда?

Ну, по месту ясно куда. Там же, где и был. А вот время...

Время ушло не то чтобы вспять. А куда-то ещё и в сторону.

Я зацепился мыслью за 63 миллиметра отклонения пролёта моста.

Если они есть, то до 1913 года моё время и то, в котором я очутился, совпадали. Хотя что мне это даёт...

Я опять отказывался понимать происходящее. И из-за этого едва не прозевал, как загремели задрайки.

Переборочная дверь открылась, правда, не сразу. А когда всё же распахнулась, в камбуз спиной вперёд протиснулся кок, если судить по белому, но местами засаленному пиджачку. Ну и колпак на голове. Обрамлённой щёткой рыжеватых волос.

В руках у кока была громадная коробка, которая и не позволила ему увидеть меня до того, как я приставил свою заточку к его горлу.

— Только без шума, — прошептал я ему в ухо. — Глупости делать не будешь?

Кок испуганно замотал головой. Но коробку не выронил.

— Поставь, — скомандовал я, хотя и понял с опозданием, что сделал глупость. С коробкой кок представлял меньшую опасность и угрозу. Но не показывать же ему, что я не соображаю в тактике...

Озираясь, кок водрузил свою ношу на стол, с которого я умыкнул кусок хлеба.

— Как звать?

Кок судорожно развёл руками и что-то промычал.

Дурак. Ведь знал же, что он немой или что-то в этом роде. Да ещё и вопрос более дурацкий в такой ситуации было сложно придумать. Какое мне дело до его имени? Других вопросов полно. И пусть на большинство кок ответить будет просто не в состоянии, даже при наличии голоса, интересоваться именем пленника было последним делом.

— Немой? — то ли утверждая, то ли пытаясь себя в том убедить, не то спросил, не то констатировал я.

Кок торопливо закивал. И широко разинул рот.

Я не сразу понял, зачем. Но бросив взгляд в разверстую пасть с редким забором зубов, мысленно ужаснулся.

Вместо языка у кока был куций огрызок чего-то красного. И белёсые шрамы ожогов.

Вывали и прижгли? Дикость какая!

— У всех так? — не скрывая брезгливости, поинтересовался я.

Кок мотнул головой из стороны в сторону.

— Только у команды?

Он чуть задумался, потом подтвердил кивком.

— Сколько человек на борту?

Дюжина — две растопыренных ладони и два пальца.

— Немых?

Два пальца и раскрытая ладонь.

— Куда идём?

Кок заметался по камбузу, нашёл какой-то исписанный листок, огрызок карандаша. Писать умеет, это хорошо.

— Романов, — прочитал я через плечо кока. Но не сразу понял. — Это Тутаев, что ль?

У кока вытянулось лицо. О красноармейце Тутаеве он явно ничего не слышал. Но и для меня Романов только полдела. Неужто разделение времён, в котором я очутился, произошло до конца XIX века?

Точной даты объединения двух городишек в уездный Романов-Борисоглебск я не то чтобы не помнил — не знал. Как и имени погибшего в ходе ярославского мятежа красноармейца, фамилией которого назвали поселение по обеим берегам Волги. Но это не имело значения. По крайней мере, сейчас.

Сейчас надо было решить, что делать дальше. Я засветился. Моё пребывание на судне больше не тайна. Пусть и не раскрытая пока. Но в том-то и дело, что пока.

Убивать кока мне не хотелось. А остановить его я не знал как. В том же, что рано или поздно он меня сдаст, сомневаться не приходилось. Дисциплина здесь, судя по всему не просто жёсткая, жестокая. И подставляться кок вряд ли захочет.

— Значит, Романов. А там что?

Кок опять заелозил карандашом по бумаге.

— Епархия. Груз. Везёте или забрать?

Ещё шуршание.

— Везём. Что?

Кок замотал головой.

— Не знаешь? Не верю.

Мой пленник изобразил рукой некое подобие верёвки, охватывающей шею, и вздёргивание на виселице.

— Я-то ближе, — демонстрируя свой почти игрушечный ножичек, попытался достучаться до рассудка пленника. А потом решил всё ж отступить: какое мне дело, что они везут? Интересно другое. — Это вас чтоб не разболтали? И кто вас так?

Теперь уже я делал руками пассы, изображая вырванный язык.

У кока закатились глаза, он как бы не в ступор впал. Я даже пожалел, что вопрос задал — кок молчал, а время уходило. Хотя и не знал я, сколько его мне отмерено.

— Так, приходи-ка в себя. Какой сейчас год?

Губы пленника дёрнулись, глаза ожили. Он потянулся рукой с карандашом к бумаге.

— 7532... — растеряно прочитал я одними губами.

Это ж какой год по григорианскому календарю? То, что кок выдал славянское летоисчисление, я не сразу, но понял. Точнее, догадался. По формату числа. Других таких летоисчислений я просто не знал. А в этом — разбирался слабо. Помнил только, что разница около пяти с половиной тысяч лет. Плюс-минус.

А сколько в плюсе? Ладно, не вопрос. Просто примем за факт. Что живём в 7532 году от сотворения мира. Кто его там сотворил? Не знаю. Помню только, что по этому мифу не землю создали, а сотворили мир на ней... Опять же, сейчас не важно.

Важно понять, что делать дальше. А чтоб это понять, кока надо добавить. Пусть расскажет всё, что знает. Ну, или напишет. Правда, на том огрызке бумаги, что он использовал для ответов на мои вопросы, места уже не осталось.

Я огляделся. Какой-то листок висел на переборке между иллюминаторами, прямо над колонкой, его-то я и не заметил сразу. Там что-то было типографским шрифтом, но большая часть свободна, да и на обороте должно быть полно места.

Шагнув к борту, я оставил кока без присмотра.

И тут же пожалел об этом.

Брызжа слюной, немой немедленно вцепился мне в горло. Вцепился сзади, как только что поступил с ним я. Вот только я лишь пригрозил своим ножичком, а он откуда-то извлёк громадный тесак. И полоснул по горлу. Мне.

Ну, у страха глаза велики. И тесак так себе, обычный шефовский нож, шинковать овощи удобно. А вот меня не так просто нашинковать им. К тому же кок себе же и мешал, сдавливая мне горло локтем другой руки.

Я успел перехватить занесённую надо мной руку с ножом. Но для этого пришлось выронить мой ножичек. Хотя силы и без того были не то что неравны, но в проигрышной позиции.

Левой, испугавшись, что сейчас потеряю сознание от нехватки воздуха, забившего плотной пробкой сжатое горло, я саданул противника по почкам. Раз. Другой.

Кок хрюкнул. Но горло не выпустил. А вот нож не удержал. И я уже смело рванулся вперёд, вращаясь вокруг его обезоруженной ладони. Так что мгновенно оказался лицом к лицу с противником. Не ожидавшим, судя по всему,

такой прыти. И без замаха ткнул лбом в оказавшуюся передо мной переносицу.

Кровь не брызнула, как я ожидал. Но красная сопля потянулась из расквашенного носа и застыла на вспухшей буквально на глазах губе. Вслед за первым ударом — головой, я исполнил хук правой. И глаз кока заплыл. А сам он — поплыл. Точнее, отключился почти сразу.

Я выдохнул. Не то чтоб с облегчением, но радуясь спасению. Однако не позволил себе долго наслаждаться победой, доставшейся более чем легко. Это мнимый успех. На борту ещё минимум семь немых. И пять — с языками. И не исключено, что ещё и с оружием. Почтище поварского ножичка. Не зря же парни в чёрном так легко поддались на «уговоры» капитана и свинтили прочь. Доброе слово, конечно, может многое. Но куда убедительнее если оно в паре с пистолетом. Однако могло стать, что тут одним пистолетом, как и одним добрым словом дело не ограничивается.

Перевернув кока на живот и частично стянув его поварскую курточку назад, немного ограничил руки в движении. Поискал у него поясной ремень, но нашёл только верёвку, на которой и держались брюки. Точнее, штаны, если не сказать шаровары. Треники из давно забытого детства, в котором на физкультуру ходили все в таких. Разве что девчонки ушивали их по фигуре.

У кока с фигурой было всё сложно, как пишут в статусах несовершеннолетние девчушки в поисках любви. Но в отсутствие ремня я легко сдёрнул с него портки. Повторив фокус с курткой. Даже без верёвки и ремней и руки связаны, и ноги стреножены. Осталось заткнуть безязыкий

рот. Хотя он и так бы не закричал, но полагаться на случай я не стал. И сунул в рот коку его же тряпицу, которой он руки и столы протирал.

Подняв нож, я оглядел себя. И понял, что спасло от неминуемой смерти.

Не моя реакция, нет. И не запрещённые в благородной драке приёмы.

Нож скользнул по куртке, в которой мне уже было жарко. Но не прорезал плотную водоотталкивающую ткань, только надорвал чуток.

Поискал глазами свою заточку, подобрал, сунул в карман. Выбрал место в закутке за плитой, куда и перетащил связанного пленника.

— Жить хочешь? — склонился я над коком.

Глазки, маленькие, налитые кровью из-за нехватки воздуха, судорожно забегали.

— Тогда лежишь тихо. Иначе вернусь и прирежу.

И я выразительно покрутил поварским ножом у его носа.

— Конечно, за подлость и нападение сзади стоило бы это сделать прямо сейчас. Но прежде хочу поквитаться с теми, кто тебе язык вырвал.

В глазах у кока что-то полыхнуло яростным огнём. Но вряд ли это была безумная радость или благодарность. Скорее, он бы с куда большим удовольствием порешил меня. Но это как-нибудь в другой раз.

— Не вижу радости и благодарности, — я напоследок наподдал ботинком под ребро скрючившемуся на палубе коку. Это было уже в качестве мести за удары, которые сам

получил поутру. Но бил так, с лентой, только для остротки. Он же останется без присмотра. А ну как надумает чего...

Благородной мезтью я и не думал заниматься. Больно уж силы неравны. Однако с камбуза нужно было всё равно выметаться. Это тупик. Кормовой кубрик. С единственным выходом. Через который я и вошёл. А теперь, вспоминая пройденный путь, соображал куда свернуть.

Попавшийся мне навстречу кок повернул направо. Нужно ли мне туда?

А если нет, то куда?

5

В судовых коридорах было пусто. Если прямо — то в машинное отделение. Там я был, туда мне не надо. Направо — это к выходу наверх?

Не став гадать, я свернул и оказался перед трапом. Да, наверх. И там два пути. Ещё выше, к мостику. И в дверь с иллюминатором. Через который я разглядел медленно проплывающую Толгу — женский монастырь.

Точнее то, что от него осталось. Память хоть и не изменяла мне, как я наивно верил, но прежний облик монастыря воспроизводить всё же отказалась. Но и без того было ясно: всё не так просто, как кажется.

На левом берегу Волги вместо некогда богатой обители были руины.

Обезглавленная колокольня, гора мусора на месте стен, выжженная земля вокруг.

Что здесь произошло? Вроде ж тут какая-то епархия заправляет, поповщина, одним словом. Даже вооружённых до зубов эфэсбешников в гробу видала. А монастырь пущен

под нож, в запустении не самая последняя в прошлом обитель. Или в будущем? Опять не сходится...

На палубу выходить не хотелось. Там хоть и солнце пробивалось сквозь облака, но ветер срывал барашки с волн и швырял в надстройку пенные лохмотья.

Прислушиваясь, я ступил на трап. И через шесть шагов упёрся в ещё одну дверь.

«Вступ воспрещён».

И зачёркнутый человечек.

Что это ещё за вступ? Доступ? Скорее всего. Но почему вступ? Должно быть «Вход». Наверное. Ну да что мне до запретов — и на вход, и на вступ...

Я коснулся ручки. Дверь была не заперта. Но изнутри удерживалась крючком. Не тоненьким проволочным, как обычно бывает на дачной калитке. А массивным, широким стальным пластом. От которого проку было столько же, сколько и проволочного крюка. Но только в случае, когда дверь приоткрыта. Как сейчас.

В щель нож кока вошёл легко. И столь же просто поднял защёлку. Оставалось придержать дверь, а потом широко распахнуть одним ударом. Что я и сделал. И упёрся в спину сидящего за столом человека.

На плечах — что-то вроде гюйса из времён моей молодости. Только бордового цвета. И белая полоска одна. На голове — наушники. Поэтому он и не услышал моего вторжения. Однако отреагировал поворотом головы на то, как повеяло ветерком от двери. Пусть и лёгким, но всё ж...

Радист, а в этом у меня не было сомнений, когда я увидел устройство перед ним: несколько больших блоков с тумблерами, круговой индикатор настройки на центральной

панели, ключ Морзе, микрофон, раструб судовой переговорной трубы. Всё, конечно, старьё, какого мало. Но радует другое. Есть связь. Значит, радист говорить умеет. Вот бы и расспросить его. Но где же мостик?

Из-за этой мысли я и замешкался. Да так, что радист успел и наушники сбросить, встать и почти шагнуть мне навстречу. Благо расстояние между нами было в два шага, не больше. И когда уже фактор внезапности был полностью сведён на нет, я понял свою ошибку.

Поднялся я не к мостику, а в кормовую надстройку. Потому как шёл от угольной ямы в корму. Хотя надо было — в нос.

Но сейчас было не до того, чтоб свои ошибки признавать или оплакивать.

Левой, отпустив дверь, я врезал радисту в челюсть. И он на удивление легко отправился в нокдаун. Вот только это было полдела, или даже ещё меньше.

Я удивлённо оглядел свою руку. Не так уж она и пострадала от удара. А вот радист вырубился. Силён... Не радист, я. Это и радовало, и пугало. Откуда такая силища?

Впрочем, какая там сила, опять повезло. Внезапность, точно попал в нос, захватив кулаком и верхнюю губу. Но на этом везение и закончилось — связать радиста оказалось нечем. Пришлось полоснуть ножом по шнуру наушников. И ещё один провод выдернуть из-под стола. Там что-то коротнуло, что-то пыхнуло и завоняло горелым пластиком, однако пожара не случилось. Связать мальчонку удалось довольно добротно. Радист сидел в кресле, как будто ничего и не случилось, но был крепко привязан к спинке и

подлокотникам. Нос немного распух, но в целом выглядел лучше, чем у кока, пустившего кровавую соплю.

— Как звать? — опять, как и с коком, начал я не с того. Но тут была причина — радист только приходил в себя. Да и для начала удостовериться нужно было, что он может говорить.

Белобрысая голова радиста качнулась, заваливаясь на грудь. Пришлось дать по щекам. Раз, другой. После третьей пощёчины голова уже не упала на грудь. И в глазах промелькнул признак понимания вопроса.

— Савва... Савватий...

— Так, Савушка... Оружие где? — я и сам уже шарил по ящикам стола. И в самом верхнем обнаружил револьвер. Системы наган. И россыпь патронов к нему. Из расчёта на барабан. Пять штук. — Ещё есть?

Савва замотал головой.

— А если найду? Ладно, шутка, — шутку из другого летоисчисления радист не понял. Но это от него и не требовалось. — Рассказывай.

— Что? — испуганно выдавил из себя Савватий.

— Всё. И по порядку.

Мой пленник икнул. А ведь поначалу не был таким испуганным. И даже собирался драться, вскочив с места. Но сейчас его глаза едва не закатились, точно так же, как у кока, и я понял, что здесь что-то неладно.

Хоть и был язык у радиста на месте, в случае излишней болтливости всей команде что-то угрожало. Или кто-то.

Скорее кто-то. Именно этот вопрос оглушил кока. И чуть было радиста не отправил во второй нокдаун. А ведь и задан был вроде как опосредованно.

— Слушай, Савватий, времени у меня мало. Поэтому не тяни резину. Говори. Что везёте. Кто команде вырвал языки? Чего лично ты боишься? Или кого...

Когда радист готов был отключиться, я сунул ему под нос нож кока.

— Пока до тебя доберутся, чтобы вырвать язык, я успею срезать с тебя или скальп, или мяса на парочку отбивных, а то твои шkodливые яички покоцать. Девоч много успел попортить? Потом ведь не выйдет.

Краска вернулась на лицо Савватия.

— Не надо резать... яички...

— Так-то лучше. Девственник?

Судя по виду, белобрысому радисту едва перевалило за 20. Так что вполне может быть. Что он и подтвердил, кивнув.

— Тогда говори.

И Савва рассказал...

6

Грузовая речная яхта «Бойкий» (хорошо не «Стремительный», с таким-то ходом) приняла груз напротив стрелки, прямо с песчаного берега у храма Иоанна Златоуста в Коровниках. Порт назначения — Романов. Однако слишком много угля сожгли за время стоянки в Коровниках, и пришлось возвращаться. Уже почти от моста. Механик сказал, что до Романова не хватит.

— И пошто зазря небо коптили?

— Не весь груз прибыл к сроку. Ждать пришлось. Больше суток. Всё подъели, не только уголь.

Если бы не его испуг, я готов был поклясться, что мальчишка — тот самый, кто прекратил драку на камбузе. И властно лишил ужина четверть команды. И без того изголодавшейся.

— И что, всё-таки, за груз?

Опять остекленевшие глаза. И долгая пауза.

— Мне вырвут язык...

— А я по частям покрошу.

И радист, тяжело вздохнув, решился.

— В епархию. Девственницы... Ажно 12 душ...

Теперь в ступор впал я.

— И зачем попам девственницы? Для жертвоприношений?! Невинной кровью кропить будут? Кого? Или что?

Радист посмотрел на меня как на идиота.

— Ты, Саввушка, не удивляйся, меня давно здесь не было, отстал от жизни. Так что, будь добр, просвети заблудшую овечку.

Савву немного отпустило: я его пока не резал, а за языком ещё не пришли.

— Каких таких приношений... жертво...

— Ладно. Забудь. Проехали. Для девиц есть и более интересное применение, да?

Радист покрылся румянцем. И не стал ничего объяснять. А мне хотелось понять. Не люблю недосказанности. Сам никогда не вру. Хотя и могу не говорить всей правды. Однако по возможности стараюсь высказать всё. Не люблю незаконченных дел. И

невывказанных мыслей, они спать потом мешают. А у меня и без того сон так себе...

— И это... Странно как-то: девственников в епархию берут, а монастырь женский порушили...

— Так ведь смута... Видать, и правда давно не были вы здесь, сударь.

— Ага, ещё как давно.

— Так вот же ж, смута ж великая была... Совсем было конец земле русской настал. Если б не епархия. И ополчение собрала, и за собой повела. И побила врагов!

— Из-за чего смута-то?

— Как из-за чего? Знамо, чтоб подвести Русь под тлетворное влияние Запада...

— Что, что?

Речь радиста из приторно-слащавой, псевдославянской загремела басами пропагандистских штампов. Которых в году 7532-м быть не могло.

— Так это, — смутился радист. — Как учили... Запад пришёл извести наши святыни, и нашлась эта... пятая колонна... Чуть было не вынесла ключи от Кремля. Да только наша Романовская епархия Всекитайской единой православной церкви возроптала. И кинула клич по городам и весям...

— А что, иных епархий нет?

То, что церковь всекитайская, меня как-то не удивило. Тем более слышал уже, хоть и пропустил мимо ушей. Рано или поздно такое могло случиться. Или даже должно было. Удивительно, что она осталась православной.

— Про то нам неведомо. Русь отстояли, а что за её окраинами — знать не знаем. Мы мирные люди, чужие земли

нам без надобности. И как там живут, тоже не ведаем. Лаптем крестятся или как — не наше дело. Терпимей надо быть к другим народам и обрядам. Главное, чтоб наш путь был прямой.

— И что на этом пути, милый?..

— Пришлось это... разделить и размежеваться. Избавиться, короче, от всех, кто был против русского пути. Особого пути! — тут Савва даже голос возвысил.

— И много крови пустили? — насмешливо поинтересовался я, даже не удивляясь почти ленинским формулировкам.

— Таки немало. Вот и женская обитель пала. Когда приютили монашки в своих стенах иудушек. Которые супротив веры на поверку оказались. Лживо вещали, что, мол, прежде не было единой православной, тем более всекатолической. Но всевышний всё видит. Вот и покарал. И многая из людюшек языков лишил.

Судя по всему, паренёк пытался почти дословно воспроизводить некие проповеди. Хотя почему некие... Те, что ему в голову вбили. Мне понятнее от этого происходящее не стало, однако же картина стала вырисовываться.

— Так языки калёным железом всевышний выжигал?

— Нет, что вы, сударь, нет! На то есть священный приказ. Чистоту веры он блюдёт. А людюшкам болтать всуе пустое негоже...

— Раз пустое, и пусть бы болтали. Так нет же, рвали языки. Именем господа. Но такие же люди...

— Такие, да не такие. — Радист с подозрением уставился на меня: — И где же это вы, сударь, два круга пропадали, что элементарных вещей не знаете?

Мне пришлось сделать зверское лицо, чтоб мальчишка не наглел, а знал своё место. Что ж, я, похоже, недалеко ушёл от тех, кто языки рвал и выжигал калёным железом хулу. На господа или ещё на кого.

— Много будешь знать... Состариться не успеешь. А священный приказ — это те, в чёрном, что на пристань прискакали?

— Ой, сударь, совсем вы это... белены объелись. То ж были городские охранители. Их дело за порядком в городе следить. А священный приказ в епархии. Он и этих может призвать. К ответу, в смысле. Но то по уговору. С городским головой. Мы к ним не лезем, они свой устав нам не кажут.

— И в каких же границах? Ну, это самое разделение где проходит? Где кончается город, а где уже епархия начинается? База угольная вроде ж в городской черте...

— Так да, и храм Златоуста тоже. Но городские не вправе туда входить. Хоть и городские земли вроде как. Так порешили...

— Порешили — так порешили. А чего это вы на угле? — скакнула в другую сторону мысль.

— Так это... Дров же не напасёшься... То городские свои броники на дровах гоняют. Газгольдеры у них. А нас таким не сдвинешь... Токмо паром. На угольках.

— А нефть? Бензин, керосин, мазут в конце концов...

У парня глаза округлились:

— Что вы такое несёте, сударь? Вас часом не зашибло там, где вы были? Уж не десять ли кругов прошло, как земля перестала масло чёрное рОдить!

Он так и сказал, с ударение на первом слоге. А чего она должна была его рожать?

— Земельное масло ж опосля ещё первой битвы со злом выродилось напрочь. Не горит. Шлаком стало. И отравило земли вокруг. Так что, мил человек, хорошо ещё что уголь везут. Издалека. Потому и мало его. В складах епархии вообще метлой подмели даже пыль. Потому и вернулись мы. С полпути вернулись. Не лучший выбор, но куда деваться... С прошлого похода оставалось тут чуток, вот на нём и дойдём.

— А потом как же?

— Ну, глядишь, и прорвётся какой состав. Или епархия организует поход. Нам же не только уголь нужен. Пойдём вниз по матушке, по Волге. Тряхнём Кострому...

Опять это ударное О... Как обухом по голове.

И точно. В голове коротнуло.

Так вот почему не было машин на Тормозном! Да и у меня под домом тоже...

Задним умом, ретроспективным взглядом прошёлся я по двору в момент своего побега.

Ну, да тогда не до того было. Однако же теперь я вспоминаю, что во дворе, кроме микроавтобуса эфэсбешников, как его и их я называл, а по сути броника охранителей, как глаголет юноша, бронетранспортёра мусоров то бишь, не было других машин. И моей в том числе!

Да и дом... У меня от напряжения мысли глаза полезли на лоб.

Дом тоже был не мой. Всего пять этажей. И я бежал пешком с третьего. И не потому, что не рискнул ждать лифт. Его там просто не было!

— Тряхнёте, говоришь? А если они вас?

Судорожно соображая, я пытался найти точку опоры, привязку хоть к чему-нибудь в своих мысленных метаниях. И не находил. Даже концов не находил, где уж там о реперных точках думать.

— Так это, яхта-та то только в епархии. И пулемёты у нас. В надстройке, — внезапно оживился радист. — Дождёмся сигнала, что обоз москвитов пришёл, и рванём! Ох, и покуражмся! Не всё им на нас наезжать...

— И что, сильно доставалось? — я всё ещё не пришёл в себя от новых открытий. А потому пустил беседу на самотёк. И радист раздухарился.

— Да где им! Так, побыковали. В городе. А до епархии даже не дошли. Они ж пешком считай. Или в брониках. А ходу у тех — только по хорошим дорогам.

— Ну, да, ну, да, дорог здесь отродясь не бывало. Не то что хороших, никаких, — поддержал я радиста. Не сомневаясь, что и в этом времени в России бал правят дураки, а дорог как не было, так и нет.

— Не скажите, сударь, — внезапно радист не согласился со мной. — За пределами епархии дороги мОстят. Чтоб, значит, сподручнее было нас грабить. БОльшими силами. Значит. Зато у нас — железка! До самого океана!

— Так, а вот тут подробнее. И где ж границы епархии? По морю-окияну, выходит?

— Как говорит его святейшество, границы епархии нигде не кончаются, — будь у него развязаны руки, радист при этих словах выпятил бы грудь и стукнул в неё кулаком. — А так... Засеки стоят. Вдоль пути на восток. И по Романовской черте...

— Ни черта не понял. Это где ж такая черта?

— Ну, от Пошехонья с Мологой до Ростова и Любима. Мышкин наш, Углич... В Галиче засечный полк... Поезда встречает... Особливо товарные.

Ну, да, конечно, не грузовые, а товарные, как же иначе...

Мысленно прикинув, что да где, я пришёл к выводу, что епархия едва ли многим больше Ярославской области. Скорее, значительно меньше. Даже с учётом прирастания Мологой. Которую в этом времени, похоже, не затопили.

— А вокруг, значит, враги...

— Да! Вокруг! Свою пятую колонну мы истребили. Кто не сдался, тому священный приказ усекновение сделал. Поначалу языка. А потом и головы. Не всем. Хот может и зря. И языков тоже. Ну, токмо особо говорливым. Тем, кто осуждал...

Радист вроде как поперхнулся. Хотя, как я догадался, просто подошёл слишком близко к запретной теме. За которую можно языка лишиться. И тема эта — девственницы. Ну, или то, что с ними происходит.

— Так говоришь, были те, кто осуждал... Ну, а зачем же в епархию везут девственниц? Богоугодно ли это?

— Что вы сударь, — радист по инерции выдал ещё тираду, прежде чем прикусить язык, которого мог лишиться. — Как можно!

— Что — можно? Осуждать или везти? И кстати, где их держат. Яхта маловата для пассажирских перевозок. Не в трюме же они...

— Как можно! В салоне, все там. И чтоб не убежали, и чтоб команда не пялилась. Матросики хоть и безъязыкие, но руки шаловливые... А нам надобно в целости и сохранности доставить груз.

— И часто?

— Что?

— Часто возите?

— Где там! Если бы хотя бы раз в год! А то... Я впервые в такой команде. Хоть уже три года служу. Честь-то какая!

— В чём же честь? Девоч, молодых да красивых, хватать и старцам на потеху везти?

— Сударь, что вы такое говорите! Какая потеха! Это шанс! Наш шанс! Выжить! Потому как давят, со всех сторон давят. Западники эти, без стыда которые и без совести. Вырожденцы проклятые! Пятая колонна...

— И кто в этой колонне, если языки всем вырвали?

Саввушка мгновенно прикусил свой язык. И вовремя.

Заглушка переговорной трубы издала громкий посвист.

— Мостик... — просветил меня радист. — Вызывают...

— Ответь, — приказал я, пригрозив ножом и выдернул заглушку.

Савва подался к раструбу переговорного устройства.

— Маркони слушает, — ишь ты, знают про Маркони. А Попова знают? Или, порицая Запад, ему же и поклоняются? Судя по радиостанции, далеки они от нормальной связи. Впрочем, как и в остальном.

— Бегом шифровальный блокнот ко мне! — рывкнула труба голосом капитана. И никакого елеса, которым он помазал людишек в чёрном. Но как помазал! Как красиво отшил! Теперь столь же страстно требовал радиста к себе. Чего я никак не мог допустить.

Заглушка, всхлипнув, встала на своё место.

— Не вздумай глупить, — поводит я под носом уездного Маркони его же стволом. — Освобожу, когда вернусь. А не вернусь... Тебе же лучше будет, если связанным тебя найдут. Просёк фишку?

Савва кивнул. А я скатился по трапу и выскочил на палубу. Даже не поинтересовавшись, сколько человек рядом с капитаном. Толку-то? Либо я, либо меня.

Пробираясь вдоль борта в нос «Бойкого», к рубочной двери главной надстройки, я внезапно оказался в тени. Но не рубки, которая была по левую руку. Потому как солнце светило справа. И это его перекрыла какая-то тень.

Я поднял голову.

По небу плыла сигара золотистого в солнечном свете дирижабля. Весело жужжавшего моторами. И оставлявшего за собой дымный след.

Вот тебе и отсталый 7532 год...

Не особо таясь, я взлетел по трапу уже в носовой надстройке. Мимоходом заглянул в иллюминатор салона. Где, по словам Саввы, держали прекрасных дев. Ну, или не очень прекрасных. Однако не тронутых мужской лаской. Вот только разглядеть никого не удалось.

Иллюминатор изнутри был занавешен плотной тканью. Так что даже тормозить у него не стал. И не стал долго тянуть у двери на мостик. Тут окошко в двери занавешено не было, но видно было только две фигуры.

Долговязую по центру ходового поста, у руля, огромного колеса с рукоятками и медными вставками в местах их крепления. И массивную в кресле, ближе к дальнему, левому крылу мостика.

Я взвёл курок. И тут же толкнул дверь.

Заученный до состояния инстинкта шаг через комингс спас от падения и удара голенью о горизонтальные рёбра жёсткости. Сколько было таких ударов, пока я не привык закидывать ногу! И вот пригодилось. У меня даже рука не дрогнула. Рука, в которой был револьвер. Рыгнувший огнём сразу после шага на мостик.

И никакого тебе «Прошу добро на ходовой!». Или хотя бы «Руки вверх!».

Выстрел. Гром. Сверкнуло пламя. Рулевого было жаль, но с двумя мне было бы не справиться. Поэтому менее значимую фигуру пустил в расход. Жертва королевской пешки. Так, кажется, в шахматах.

Вот только я не учёл, что за пешкой может скрываться и лошадь. Все шахматные задачи на том стоят. Ну, или многие.

Пока рулевой падал, вращая колесо своим телом, за его спиной распахнулась ещё одна дверь. Которую я сразу не увидел. Да и не мог. Зато должен был предположить. Ладно, выход с мостика один, хотя это и неправильно. Но штурманская-то рубка где-то должна была быть поблизости. Вот она и была там, на расстоянии вытянутой руки от капитана.

И лошадьё из шахматной задачи оказался штурман, худощавый блондин, в поношенной тужурке, некстати выглянувший из своего закутка позади кресла капитана. Или это был вахтенный, кто их знает, как тут служба устроена. Не механик, это одно можно было сказать точно, тот где-то при машине. Да и не такой чистенький будет механик. Он сейчас экономит уголь. Ему не до блеска ногтей и отглаженных брюк. Но ещё один может оказаться неподалёку, как же о пяти говорил. Показывал на пальцах, точнее. И уже не будет иметь значения, глажены у него брюки или руки в тавоте...

Своим грохотом выстрела я уже и так спалился. Поэтому о судьбе штурмана даже не подумал. Пальнул наобум. Лишь бы в капитана не попасть. Хотя может и стоило сделать наоборот. Но... Стоило совсем иначе поступить — расспросить Савву, а не кидаться со стволом наперевес. Чай, не мальчик. Вот только и в обычной жизни я вечно был крепок задним умом. А тут и вовсе слетел с катушек, попёр как танк. Будучи всего лишь самокатом...

Штурман, или тот, кого я принял за него, принял пулю в лоб. И молчком завалился под ноги капитану, восседавшему над схваткой.

— Кому тут шифровальный блокнот? — оскалился я, давая понять капитану, что рассчитывать на Маркони не стоит.

Маленький, лысенький, в тёмно-вишнёвой рубаше с белыми полосками погончиков-шевронов на плечах, колобок, да и только, капитан сильнее вжался в своё кресло. Вместо того, чтоб потянуться за пистолетом, кобуру которого я отчётливо видел у него на левом боку, хотя и сидел он ко мне другой стороной. Именно кобура мешала ему сесть удобнее, вытянуть ноги на ручки машинного телеграфа. А он ещё и струсил. Тоже мне, капитан.

В два прыжка я преодолел мостик, почти нежно приобнял капитана за шею, сунув ему под нос ствол, ещё горячий и пахнущий гарью.

— Только без глупостей, всё уже случилось...

Как же я ошибался!

Подняв голову и бросив нечаянный взгляд в лобовое остекление мостика, я увидел, как стремительно надвигаются на нас берега. И это при том, что ход наш — каких-то пять узлов, если не меньше. Течение навстречу несло куда быстрее...

Но, во-первых, река. Узкая. Довольно-таки узкая, точнее. Другая, если уж совсем быть точным. Но с течением, придавшим циркуляции дополнительный импульс. Во-вторых, рулевой продолжал висеть на рулевом колесе, удерживая руль в положении лево на борт.

А в-третьих...

В-третьих, я был перед выбором. Отпустить капитана, который может воспользоваться этим и наконец-то достанет пистолет. И тогда на мостике будет перестрелка.

Или же подхватить рулевого и вернуть руль диаметрально плоскость.

На то, чтоб капитана разоружить, времени не хватало.

И я рискнул. А капитан — нет.

«Бойкий» нехотя вернулся на прежний курс. И на вахту у руля вновь заступил рулевой, хотя уже и покойный—его телом я зафиксировал нижние рукоятки штурвала.

Но не успел перевести дух, как ожила одна из двух переговорных труб. Вряд ли это был Маркони — я уповал на его благоразумие. Да и не слышал он, скорее всего, выстрелов. А вот механик в судовом нутре...

Стрельбы он точно не слышал. Зато резкий манёвр не мог не испытать на своей шкуре.

Прекращая вызывающий свист, я выдернул заглушку из трубы, на которой красовался шильдик «МАШИНА»:

— Механик, не дёргайся! Судно захвачено! Аккуратно выполняй команды. Во избежание последствий.

Ответом была тишина.

— Алё, ты всё понял? Не хотелось бы умножать число трупов.

— Это... Делать-то мне что? — сдался механик меньше чем через минуту.

— Что и делал. Идём прежним курсом. Следи за машиной.

Заглушка отправилась на своё место, оставив механика отрезанным от мостика. Чего нельзя было сказать ещё об одном представителе командного состава. А вот где он... Скорее всего, сторожит груз. От морячков сторожит. Другой угрозы на борту для груза нет. Я — не в счёт, о моём появлении тут даже не мечтали.

Пришёл черёд капитана.

Любезничать с ним как давеча, при первой попытке разоружить, я не стал. То бишь, нежно обнимать за шею. Подошёл и резко, где-то даже небрежно выдернул пистолет из кобуры.

Взвесил на ладони. Оценил. Поди ж ты, «Браунинг». И семь патронов в обойме, которую я выщелкнул для проверки боезапаса. Итого десять — в барабане моего нагана из пяти патронов осталось три.

— Не люблю общаться с незнакомцами... — навис я над капитаном.

— Пахом Силыч... Расторгуевы мы...

Ишь как заговорил... Не то что с городскими охранителями. Чует кошка...

Да какая там кошка, кот драный! Губы капитана мелко дрожали. Ноги, не достающие до палубы, подёргивались.

— Что ж, Силыч... Тут такая беда... Я давно не был в этих краях, от жизни отстал. Что-то подсказал Маркони, но так, поверхностно. А мне бы всю подноготную... Чтоб знать, что с вами делать.

Я небрежно кивнул на два тела, распластавшиеся на палубе мостика. Одно было при деле, удерживало руль, пока я переключил внимание на капитана. Второе только мешало. Были бы у мостика крылья — вышвырнуть бы его за борт. Но мы были заперты от внешнего мира. А спуск с телом по трапу был рискованной операцией. Да и не входящей в мои планы, не до того.

Капитан вытянулся в струнку в своём кресле, но не проронил ни слова.

— Сколько нам ещё шлёпать до епархии?

— Два... Часа два... — признал кэп медлительность своего «Бойкого».

— Вот и ладушки. Успеем всё обговорить. Но ты это... Для начала скажи, где ещё один... — я замялся, не зная, как назвать последнего представителя командного состава. — С языком который...

Определение не из лучших, но должно было дать понять капитану, что я в курсе особенностей команды.

В глазах капитана засветился отблеск надежды. Оба-на, только этого мне не хватало.

А если этот неизвестный ещё и с механиком объединится... Тогда дело моё совсем швах.

— И не мечтай, — предупредил я капитана, — первая пуля твоя.

Огонёк надежды в глазах угас, так и не сумев разгореться. Но всё ж пошёл на пользу. Капитан немного расслабился, смирившись со своей участью.

— Так где...

Договорить я не успел. С крыши надстройки мне ответил гром пулемётной очереди. Судя по выговору, пулемёт был из крупнокалиберных.

Я метнулся к правому бортовому иллюминатору — почти квадратному, едва затемнённом.

К гондоле дирижабля, проплывавшего над нами, потянулась густая струя трассирующих пуль. Надо же, не так и отстал этот век. Дирижабли, крупнокалиберные пулемёты...

Что ж, ответ на ещё один вопрос получен. Пусть и не от капитана. А от самого последнего члена кают-компании

— это Маркони мог появиться на камбузе, как самый младший среди командного состава. Да и то не для приёма пищи. А так... Все они питались, видать, в салоне. Который теперь был занят девицами. Надеюсь, красавицами...

Впрочем, мне было не до них. Пора потрошить капитана пока последний из командного состава делом занят, отгоняет дирижабль.

— Так что там с епархией? Зачем юные девы понадобились?

Зачем — знамо дело. Ничто человеческое, судя по всему, монахам, или кто там они, не чуждо. А вот почему именно девственницы...

Хотя я и это мог предположить. Учитывая вектор развития в этом времени. В том же, что время совсем другое, сомнений не было уже несколько тягостных минут. Но как же подла человеческая натура, независимо от времён...

Капитан молчал.

Что, и ему в случае чего язык вырвут?

— Силыч, ты, это, не тяни кота за хвост. Отвечай быстро, чётко и по делу. Глядишь, живой останешься.

Сглотнув слюну, Пахом, если он не соврал и действительно был Пахомом, уставился на меня щёлчками глаз.

— Это ты, может быть, живой останешься. Хотя вряд ли.

Внезапная сила в голосе капитана заставила меня насторожиться. Хотя всё вроде шло своим чередом. Пулемёт тархтел над головой, под ногами дрожала палуба.

Но капитан больше не боялся меня. И глазом повёл мне за спину. Непроизвольно.

Вот только я заметил.

И круто обернулся.

От двери на мостик на меня пялился чёрный глаз пистолета.

Вскинуть свой я не успевал.

Поэтому выстрелил от бедра, не целясь. На мгновение опередив выстрел врага. И жгучую боль в левом виске.

8

— Ах ты, сука... Ты убил меня...

Стрелок, медленно опуская руку с пистолетом, сполз по переборке на палубу.

Я мог бы ответить тем, чувствуя, как по щеке стекает струйка крови. Но боли почти не было. Уже умер? Не похоже.

Вон и пулемёт стрекочет, и солнце за стеклом иллюминатора прячется за дирижаблем, повернувшим в сторону от «Бойкого», и голос от двери я слышу хорошо. Хоть и перебивает его пулемёт. Но как-то нерешительно. Огрызками. Патроны экономит.

Я мыслю, значит я... Живой. А кто ж тогда умер?

Бросив через плечо взгляд на капитана, я убедился, что он, как минимум, не жилец.

Предназначавшаяся мне пуля, оцарапав висок, выбила глаз капитану. А заодно и половину черепа снесла, забрызгав мозгами квадратное окно иллюминатора по левому борту. Тоже будет с затемнением...

В барабанах два патрона, напомнил я себе. И сделал шаг к стрелку, глаза которого уже закатились над равной

раной ниже подбородка, из которой толчками выплёскивалась кровь. Как он ещё из себя что-то выдавить сумел... Там же, как я помнил из школьных уроков, связки голосовые. И сонная артерия. Вот из неё-то кровь и хлестала. А голос, так, предсмертные судороги. Но теперь я мог быть уверен: из начальства на борту только Маркони, Савушка. Ну и механик, «дед», как их звали в моём времени. А кто же в небо палит? И ведь не увидишь, до чего несуразная конструкция...

Рукавом своей куртки, родной, из моего времени, я провёл по лицу. Почти не больно. Но рукав окрасился кровью. Не пропитался, а именно окрасился. Не впитывает влагу моя курточка, финны шили... В другой моей жизни...

Отодвинув ногой пистолет, оброненный убитым, я глянул в колодец трапа. Больше никого. Что, конечно, ни о чём не говорит. Покойника ведь тоже не должно было здесь быть. А он есть. Как суслик. Но я его теперь вижу. Не вижу пулемётчика. Впрочем, это значения не имеет. Уже. Смолк пулемёт. Или до дирижабля не достаёт, или патроны на исходе. Значит, можно ждать подмоги убиенным? И кто там будет? Немой?

Мне почему-то показалось, что если немой, то мне бояться нечего. Хотя и рискнул кок попытаться меня убить. Но то из-за вопросов. А тут, когда всё начальство соскочило...

Не всё. Есть ещё Маркони. Да и «Бойкий» на ходу, благодаря механику. И труп под рулевым колесом. А значит, прежде нужно закрепиться надёжно. И лучше у берега. Чтоб, пусть и не зная куда, но иметь шанс сбежать с

посудины, которой управлять и оборонять её одновременно я не сумею.

Пришлось вернуться к рулю. И, вглядываясь в речную гладь, вспарываемую туповатым форштевнем, выбрать место для высадки на берег. Буду ли я высаживаться, ещё не знал. Но думать стал хотя бы на полшага вперёд.

«Бойкий» неторопливо погрёб к правому берегу.

— Механик, ход на самый малый, а сам бегом на ходовой, — гаркнул я в переговорную трубу, когда нос «Бойкого» ещё не ткнулся в берег, но уже никуда не мог отвернуть. Без механика машина проработает до момента причаливания к берегу, а там видно будет.

Подхватив под мышки убиенного стрелка, порешившего капитана, я оттащил тело от трапа. А сам занял позицию у иллюминатора, в узеньком проёме между бортом и распахнутой дверью на трап.

Ждать пришлось долго, я много быстрее управился. И «Бойкий» за это время добрёл до берега, ткнувшись носом в песок и глину. Да так, что я еле устоял. Если это механик решил дать мне таким макаром бой, то это его проблема. Вот только мой расчёт оказался верен.

Не боец оказался механик. Худой, как жердь, с ввалившимися щеками, с местами седой шевелюрой, которую не пощадили залысины. К тому же он вынужден был пригнуться, входя на мостик. Ещё и поскользнулся на луже крови. А потом, согнувшись поясно, чуть не вывернул на палубу обед при виде трупов, оккупировавших мостик. Когда же я ткнул ему в спину пистолетом капитана, он и вовсе присел на корточки, тихонько поскуливая.

— Зовут как? — не стал я отступать от традиции допросов на этом судёнышке. Хотя пока только Савва меня порадовал, честностью и прямотой.

— Колодезный... Онисим...

— Ну, хорошо, что не Пахом Силыч. А то с ним вишь, что приключилось...

Механик судорожно сглотнул, уставившись на капитана.

— Он, что ли, Пахом? Этот, как его, Силыч?

— А что не так?

— Да всё не так. Ставер он, Максимилиан Ставер. Без отчества. Святые отцы своим отпрыскам отчеств не дают.

— Ох, братец, сдаётся, именно ты мне и был нужен. Онисим, да? Давай-ка погутарим, Онисим. По-взрослому.

— А чо ж не погутарить... Тем более, что больше не с кем. Ни тебе, — без всякого почтения перешёл он на ты, — ни мне.

— Ну, не скажи. Ещё есть Маркони. Кок... Он хоть и не так говорлив, но не против пообщаться. Особенно когда нож у горла.

— Так, да, так всё возможно. И даже остальных перебить. А смысл? Оне же тоже люди.

— Я б никого, будь моя воля, не убивал. Но все они не возражали убить меня. Разве что рулевой под руку попался. Случайно.

— Эт-да, жалко, он смышлёным был. Хоть и немой. А протопоп... — механик беззлобно, но с презрением поддел носком прогара ногу покойника, которого я последним отправил к праотцам. Хотя мы все сейчас находились где-то там, в непосредственной близости от первоисточника жизни.

— Кто-кто? — переспросил я. Слово было знакомым, но смысл ускользал. Что-то поповское. Но что? Да и одежда священника на убиенном не было.

— Протопоп. Благочинный всего флота.

— И много ли во флоте выпелов? — злорадно поинтересовался я.

— Так «Бойкий» один и остался. Ну и должность, само собой. Чтоб оклад, приход, почёт... А оно вона как вышло...

— Да, с почётом не повезло. — Мне открывались всё новые и новые грани новой эпохи, ставшей моей, пусть и на время. Однако ни на шаг я не приблизился к её пониманию. Тут жизнь надо было прожить, а не бежать подобно зайцу, нарезая круги в ожидании выстрела в спину.

— Дело тут не в везении. Конец епархии близок. Хотя и не всем дано это понять. Вот и пыжатыся напоследок. Но в итоге только ускоряют приближение конца. И совсем не того, благодаря которому на свет появились. Особенно такие вот как Ставер... — механик оказался вполне себе разговорчив. И даже многословен. Но едва не схлопотал пулю. Когда внезапно двинулся прямо на меня. — Обороты убавлю, — запоздало объяснил он, увидев, как напряглась моя рука с наганом.

И правда, тронув ручки машинного телеграфа, механик прекратил бессмысленные попытки «Бойкого» выбраться на сушу, поднимая вдоль бортов ил и грязь со дна.

— Странное имя... — посторонившись на время манипуляций механика с машинным телеграфом, я вновь занял место у командирского кресла, чтоб держать под прицелом весь ходовой мостик и вход на него.

— Имя — Максимилиан. А Ставер — это «Старой веры». Сын, ейный, значит.

— И как же старая Вера его родила, а главное зачем нужна была старуха при наличии юных девственниц?

— Чудак человек. Никакая она не старуха. За старую веру все мы стоим, хотя и не все одинаково. А кто его родил — Вера ли, другая какая молодуха — то неведомо. Ни отца, ни матери такие как он, не знают. Им одна дорога — в пастыри. Этот не дошёл...

Я всё больше и больше не понимал о чём речь. А нужно было бы от слов к делу переходить. Вот только я не знал, за какое дело браться. То ли с «Бойкого» убираться, то ли девственницами заниматься. А механик, неожиданно став довольно словоохотливым, ни к чему конкретному меня не привёл.

— Так, человек я здесь новый. И многого не понимаю. От слова совсем. Ты уж, будь добр, прочти мне краткий курс КПСС... Быстренько так, минут за десять.

— Какой такой курс? Наш курс — епархия. Через два часа тревогу забьют. Особенно если шепелин видели.

— Что видели??

— Ну, этот, шепелин, — Онисим Колодезный дёрнул головой, указывая на иллюминатор, в котором улетающий дирижабль постепенно превращался в точку.

— Дирижопль? — полагая, что механик нарочито поглумился над названием воздухоплавательного снаряда, я тоже выпендрился. Но Онисим мой юмор не оценил. И повторил на полном серьёзе:

— Шепелин.

Цеппелин, дошло до меня. Не, ну а чо, почему бы и не шепелин? Мало ли кто изобрёл его здесь...

— Ладно, проехали, — согласился я. — Забьют тревогу. Дальше что?

— Ну, это, отряд вышлют. По берегу. На поиски. Вдруг кто выжил. Или хотя бы обломки. Запчастей шаром покати. А так, глядишь, баркас будет чем починить.

— Значит, ещё есть баркас?

— Ну, условно как бы есть. Но не на ходу.

— И как же вы с таким худым набором держите в узде городских? Сам видел, как они дали ходу. Вместо того, чтоб обыскать «Бойкий». И уберечь всех вас от меня.

Механик удивлённо, словно впервые увидел, оценил меня взглядом:

— Так это тебя они искали?

— А то... Ввалились утром. Толпой. Я их маленько проредил. И слинял. А тут вы. Ну и пересеклись, значит. В пространстве-времени.

В глазах механика вспыхнуло что-то вроде уважения, что ли.

9

...— И как же тебе удалось сохранить чистоту ума и помыслов?

Мы сидели в радиорубке. В тесноте, но не в обиде. Хотя два моих визави и могли на меня обижаться, в основном не по делу. Так вышло, карты так легли. Да и обошлось всё...

Савва дотерпел, как я ему и велел, до моего возвращения, даже не пытаясь сбросить не такие уж и

надёжные узы, которыми я его связал. Обещание оказалось надёжнее. Механик от долгого монолога устал и шарил взглядом по клетушке радиорубки в поисках чего-нибудь, чем горло можно промочить. И желательно покрепче. Судя по амбре, которое я уловил почти сразу, но не придал поначалу ему значения, «дед» не особо отличался от племени механикусов из моего времени. А значит, не прочь был поддаться. Вот и поддавал. Чтоб умом не тронуться.

— Так много ума для этого и не требовалось. Поначалу просто не слушать речи его святейшества. А потом вот Маркони изобрёл...

Савва покраснел то ли от удовольствия и гордости, то ли просто от того, что его упомянули. Да ещё и так рискованно... Это ведь в нашей компании он мог гордиться, а случись попам прознать про его успехи — лишился бы не только языка...

Что он там изобрёл, я не стал уточнять. Но его изобретение помогало не слышать вдалбливаемые в умы речи о пятой колонне, тлетворном влиянии Запада и прочей ереси, которую и я не слушал в своём времени. Здесь же царицей учения о вреде западных сил и могуществе катайско-православной церкви, противостоящей им, было повторение. Как в школе. Иначе говоря, после выступлений владыки его наймиты выборочно проверяли усвоение материала. И нерадивые могли серьёзно поплатиться за поверхностный подход к науке ненависти. Вот только с прибором Саввы механик и ещё пара-тройка парней, сохранившая зачатки ума, могла без запинки отвечать на вопросы проверяющих. И при этом не вникать в пустословие. Механик показал этого «жучка», для

варварского уровня производства — шедевр, размером со спичечный коробок. И под него же и замаскированный. Достаточно держать в кармане. Такие бы и в моём времени не помешали. Но сейчас даже думать об этом времени не было. Как и осмысливать рассказанную механиком краткую историю новых времён. Ну, или старых, кому как. По мне так старых. Что там нового, всё как у нас...

...Целых два круга жизни тому — а это ни много, ни мало, более двух веков в исчислении моего времени — Русь изначальная противопоставила себя остальным. По крайней мере, известным на ту пору мирам и странам. Их с той поры стало только меньше. Не потому, что пали в войнах. Просто связи с ними утрачены. В них-то нужда, может, и есть. Вот только они в Руси не нуждались. Ещё в той, что была от моря и до моря. Ныне же русской считалась только земля епархии. Остальные были кто угодно, но не русичи.

Московиты, северяки, татарва, свейская голь... И все — враги. И это самое главное. Об остальном можно и умолчать. Что духовный пастырь и делал. Разливая по чашам из черепов живых людишек яд и отраву ненависти к ближнему. Потому что кто-то, там, за пределами епархии мыслил иначе. И был против того, чтоб будущее зависело от церковных старцев. Возомнивших себя столпами нации. И её семенным фондом. Для которого и поставлялись девственницы, задачей коих было воспроизводство потомства бессменных церковных вождей.

Они-то, конечно, менялись. Вожди, само собой, иерархи. Не девственницы. Девы просто появлялись, а потом исчезали. Исполнив свой долг перед старцами. А старцы были всегда. Одни и те же. В том-то и была хитрость. Новые

иерархи брали имена канувших в реку забвения. Перешедших Калинов мост. И получалось что жили они вроде как вечно. Особенно с той поры, как Москва сдалась на потеху Западу, и поддержать идейно убеждённых, собравшихся в пределах епархии, пришли орды из Китая. Из-за самой стены. Воздвигнутой в незапамятные времена. Для защиты Тмутаракани от набегов тех же катайцев. А тут она без защиты осталась — все за Москву воевать ушли. Но не выстояли. И ладно бы полегли... Так нет же, приняли веру басурманскую. И сами ключи от Руси принесли. Захватчикам.

В этом месте рассказа механик вроде как был на стороне епархии. Хотя кто его знает, я слушал не перебивая, вопросов не задавал. А ведь получалось из рассказа, что захватчики-то так и не пришли...

Ключи были символом. Но никому оказались не нужны. Потому как запирать было нечего. Особенно с той поры, как выродились в землях запасы горючих масел. Остался только уголь. Не только по Руси. А выродилось всё из-за вырождения самих народов. По словам церковников. Вот только вырожденцы, пусть и без нефти, отчего-то жили лучше православных, принявших братскую руку помощи катайцев. Хотя такая ли уж братская была рука... Потому как правая, положим, помогала, другая, левая, — грабила почём зря. Но помощь была. И прежде всего их церкви. Хотя вера там испокон веков была другая. Но катайцы от не то чтоб отреклись, сделали вид, что так и должно. Один край, одна вера, один верховный поп... И пришли они на помощь иерарху. Обучились креститься. В храмы ходить стали, поддакивать Иову и иже с ним. А уж он-то как расстарался!

И священный приказ учредил, и калёным железом злые языки выкорчёвывал, и возглавил поход за Русь.

Возглавить-то возглавил. Но далеко не ушёл. И от стен епархии, и вообще. Засел за новообретёнными стенами Крестовоздвиженского храма. Высокими. Не чета старинным стенам Воскресенского собора, стоящего на другом берегу. И вроде как более святого. Однако для Иова важна была не святость, а крепость. Не столько даже веры, сколько стен. Вот он и устроил всенародную стройку. А может и не он... Имя-то Иов уже давно передавалось от старца к старцу, и кто там был наверху в тот день и час, когда храм на левом берегу стал новой главной святыней Руси, сейчас трудно сказать.

Но в молитвах поредевшая паства чтит Иова. Основателя. Первосвященника. Да и он порой к пастве обращается с нравоучительным словом. Благодаря Маркони. Не нашему, хоть и он тут руку приложил. Иов помалкивает о том, но сведущие люди в курсе: настоящий Маркони — вырожденец, плоть от плоти западного мира. И жертва позорного поклонения тельцу стяжательства. Но, несмотря на это, его трудами и в Романове связь налажена. Научными, конечно, трудами, сам он здесь отродясь не бывал. Иначе бы его языка лишили, а то и жизни. Да и был ли вообще он сам... Но радио-то, почитай, в каждый дом вошло. А как иначе голос пастыря звучал бы в неокрепших умах? То-то и оно. Вырождение вырождением, но интересы епархии выше оного. И не только по части радио. Тот же «Бойкий» тоже не с неба упал. Пригнали как-то с низовьев. Ещё когда Кострома была в союзе с епархией. А потом костромских перекупили. Незнамо чем. Но всё ж перекупили. А может и

не перекупили вовсе. А так, даром взяли. Московиты, они такие...

Ну да это другой вопрос. И Колодезному на все не ответить. Безответных и без того уже множество. И это я ещё их и задал. От самых простых — сколько лет в круге. До более серьёзных. И возникших позже. Что за церковь такая — от Иова, и не менее странная вера. Отнюдь не в него. И даже, похоже, не в Христа. А в кого? Пусть и не в том суть, но понять-то надо, иначе не выжить. Вот и роятся в голове вопросы...

Совсем не вовремя я пожалел об отсутствии интернета. Сколько вопросов можно было бы немедленно снять! Элементарных. До которых Онисиму дела нет, ведь он в курсе. И считает, что и мне всё ясно, а потому умалчивает. Не специально, конечно, но мне-то не легче. Другое дело, что жизнь по интернету всё равно не понять. И её надо просто принимать. Такой, как она есть. Без вопросов. Пока.

Ну, а пока... Пока мы судачим о своём, насущном. Точнее, механик вещает. А мы с Саввой внемлем. Я — пытаюсь понять, Савушка — уже явно скучая. Не первый раз, видать, поднималась тема.

Епархия подмяла оставшиеся вольными ближние города и провозгласила по берегам Волги Русь. Изначальную. А все остальные поселения, посёлки и сёла с городками и бывшими градами стольными предала анафеме. Отныне за романовской чертой — проклятые земли. И враги. Вокруг. Все. Без исключения. Вон и монашек порешили, штурмом взяли и извели под корень монастырь. Только за то, что приютили они печатника из проклятых земель.

Который осмелился издать бытие святых и православных до смуты. И по бытописанию выходило, что Иов ничуть не свят, а вносит лишь разлад.

Можно было бы не поверить, но смертью своей печатник правоту свою доказал. Иов не только его книги пожёг, но и стены, в которых они были напечатаны. Так что уже тогда нужно было заткнуть уши, чтобы ложь Иова мозги не разъедала. Что механик и сделал. Перестав слушать проповеди. Однако однажды, хоть и был весьма значимым в епархии человеком — за ним числились механизмы не только «Бойкого», но и машины во всех церквях и соборах, а их набиралось десятка два, не соборов — машин, однажды всё ж попался. Протопопу. Который решил проверить, насколько лоялен повелитель пара владыке духа. Выкрутился только, сославшись на болезнь. А потом юный Маркони помог.

Механик хлопнул Савву по плечу, в знак особого расположения. И то сказать, при столь узком круге единомышленников, их дружба, несмотря на разницу в возрасте, дорогого стоила. Савве-то, как я и предположил, было двадцать. Онисим Колодезный прожил в два с половиной раза больше. Получалось, что из нашей троицы, засевавшей в радиорубке, я был самый старший. И при этом менее всех посвящённый в тонкости здешнего бытия. Оттого и тратил время на многословный рассказ механика вместо того, чтоб познакомиться, для начала, с девственницами, а потом вытащить увязший в тине нос «Бойкого» и бежать от епархии подальше. Пока там не подняли тревогу и не начали наши поиски.

Я уже понял, что ментально моя эпоха недалеко ушла от года 7532-го. Пусть не дословно, но по духу. А дух был, как говаривал один киногерой или кто другой, вельмы спёртый. Мерзкий, прямо скажем, душок. А именовали его отчего-то русским духом. Хотя Русью-то и не пахло. Чем угодно — ладаном, порохом, кровью, но не Русью.

Впрочем, я и сам не знал, чем она должна пахнуть. Но не ересью, не глупостью, не раболепием — факт. Вот только было всё наоборот.

Разруху, хоть и мельком, я видел. Насилие над людьми — в изобилии, даже в масштабах мелкого судёнышка. Покорность человеков — тоже в наличии. Как и ненависть. Ко всем, кто не таков. Благо ещё команда притихла после боя с дирижаблем. И перестрелка на мостике экипажу смелости не добавила. Ждут голоса протопопа? Или капитана? Так нет их. И не будет. Но глас командный, да, будет им. Лишь бы к девам-девственницам не попёрли.

Не то чтоб я заботился о пленных дамах или надеялся оставить их для своего «употребления», не до этого. Просто жалко девчат по-человечески. Случай уберёт их от насилия в епархии, не хватало ещё чтоб оный же случай это счастливое избавление обратил в иное насилие.

А участь им уготована была не из лучших. Когда стало ясно, что изначальная, по Иову, Русь, подобно шагреновой коже, о которой здесь и не слышали, скукоживается до пределов епархии, иерархи церкви задумали вывести новую породу людей. Ясен пень, русичей. Но каких! Я бы сказал генно-модифицированных. Но в этом царстве ущербных богов о подобном и не слышали,

насколько я мог судить. Поэтому Иов и иже с ним выбрали единственный доступный им сценарий.

Взять девственников, осеменить, изъять плод грешной любви, в коем уже на изначальном уровне вроде как должна возникнуть вера во всевышнего и насаждаемые идеалы, и воспитать кого-то вроде янычар, без роду и племени. Но всяко новых воинов за веру, царя и отечество. Ну, не за царя, конечно, за Иова. И тех, кто придёт ему на смену. Под тем же или иным именем. И, если верить механику, эта средневековая евгеника вроде как дала результат.

С одним я едва не познакомился близко. Если бы не пуля протопопа, предназначавшаяся мне. Но ставеров попы наплодили на целый полк. Нравилось, видно, им это дело. И вера не была помехой. Так что расстарались. И наплодили. Зачали и вырастили. Не сразу, конечно. И не одним махом всех. Вот и получилось воинство далеко не одного возраста. В силу естественных причин. И отсутствия должного количества девственников. Но наплодили всё ж. И для начала создали из них священный приказ. Который занялся искоренением ереси. А точнее, обычного разномыслия. И мыслей вообще. Чтоб не вносили смуту в проповеди.

По мере же увеличения числа святого воинства из своих последышей попы начали формировать старшую дружину епархии. Считай, что гвардию. Если ополчение войском считать. Хотя скорее опричников. Из числа ставеров. Которым предстояло умножать земли объявленной Иовом Руси.

— Наш Силыч-то не шибко тянул на гвардейца, — перебил я механика.

— А он им и не был. Третий сорт — не брак. Этого третьего сорту набиралось с каждым годом всё больше. Кто умом слаб, кто телом. Так и Максимилиан. Телом да, не вышел. Но верен был аки пёс. Вот и получил под начало целый пароход. А с ним и жалованье приличное. И право пользоваться девственниц после выполнения ими основной роли. Тут ему равных не было. И приплод, вроде, как есть. Теперь уже безотцовщина. Хотя он и сам отца не знал. Поговаривали, что Максимилиан был сыном самого Иова, в чём тот ни за что бы не признался. Потому как тогда бы пришлось заботиться о нём иначе, нежели об остальных. А иерархи, семя своё разбросав, о детях более не вспоминали. Разве что в головы им вваливали своей ереси поболее, чем даже нам. Потому как нам, в случае чего, язык можно вырвать. А то и голову с плеч. А этих — жалко. Не потому, что плоть от плоти, нет. Взращённые пасынки епархии должны были ей будущее обеспечить. Вот только народили-выпестовали их не так много, чтоб можно было разбрасываться. Да ещё в окружении врагов — в свою чушь о вражьем кольце они и сами свято верили. Вместо того, чтоб договориться с окружающим миром. А потом это стало невозможно. Хотя и случилось не теперь. Всем они противопоставили себя два круга жизни тому, открыто, но началось всё куда раньше. Но то была тайная война. За умы. И преуспели они в ней не столько в умножении рядов новых русичей, сколько в оболванивании старых. Со слепой верой многого можно добиться. А если веру подкрепить плахой и дыбой, то добиться можно всего.

— Но с созданием Руси изначальной всё ж не задалось, — пробормотал я себе под нос.

— Таки да. Не потому, что плохо старались. Просто народ бояться устал. Да и катайские боги оказались не такие милостивые. Заполучили мзду и отвалили в свои пустоши, за стеной.

— Чо, прям боги получили?

— Нет, конечно. Брали катайцы, коих прислали спасать епархию. Они хоть и безразличны были к смерти... Не то, чтоб не боялись смерти, нет. Просто считали, что её не миновать. А потому равнодушны были: сегодня жив, а завтра — жил. Однако ж благам житейским были несказанно рады. У них там, за стеной, совсем мало чего было для людей. Потому как их самих великое множество, вот на всех и не хватало. Да это... Их и не жалко. Дрались они, конечно, за троих каждый. А то и за четверых. Но и пожить тут сумели знатно. Хоть и сами мы живём куда хуже тех, кто не принял веру. И кто не стал отказываться от дружбы с неверными, с вырожденцами, как Иов глаголет. Хотя какие они вырожденцы... Это, почитай, мы в этом мире изгой. Безъязыкие. Трусливые. Но с гонором.

— С катайцами-то что? — остановил я механика, время поджимало, мы и так уже засиделись. — С их не очень милостивыми богами...

— Да что с богами... Боги — только слова. Вера... Какая там вера! Просто знаний нет. Делают-то всё люди. Вот и эти, сделали своё дело и отвалили взад. Что смогли — с собой вывезли. Но вера — то ль катайская, а то ли наша, вроде как и осталась. Да что толку в вере, когда вокруг епархии всем на неё не просто начхать. Враги-то ведь тоже остались, когда катайцы ушли. И старые обиды не забыли. А тут и новых набралось. Так что очень быстро романовский

вал стал куда ближе к Романову, чем к исконным границам епархии...

Онисим старался быть честным. У епархии почти не осталось сил на ведение войн. Даже не для захвата новых земель — для сохранения прежних. Хотя и было выращено племя янычар — без роду, без племени, но со святой верой. В правоту иерархов. И поддержка случалась, тех же катайцев, и другие земли порой выступали на стороне епархии. Да только дошли теперь её сторонники до края.

Более других романовских прижали московиты. Не сами, конечно. За ними были вырожденцы, из диких западных земель. Где всё ж, по признанию механика, люди жили лучше. И языки никому не рвали. И жён было вдоволь. И не нужно было выискивать девственниц среди них. Потому что не нужны были какие-то особые дети. Обычных любили. И пестовали. Всё ж зависит от того, что дитяти в голову вложат. Вкладывали же вырожденцы, похоже, знания, а не веру. Вот иерархи и гневались, отыгрываясь на своих подданных, прежде всего. Потому как не было к ним почтения. К иерархам, то бишь. Кто бы там с почтением к обывателям был бы то. Отродясь такого не было. И среди вырожденцев, небось, тоже. Но тут-то вождей не уважают! Разве только под принуждением. Да и то, не иначе как под страхом. Но долго ли страх удержит даже безъязыких? Им и так уже нечего терять...

У меня появилось ещё больше вопросов. Но и ровно столько же сомнений, что механик сможет на них ответить.

— А что в других землях? На Кострому, понятно, за хабаром ходите, а далее?

— А далее нам неведомо. Давно уже. И поезда с товаром не приходят. И даже москвиты со своими хозяевами не наведываются. Нам за черту наступать нечем — силов нет. Но и оттуда никто не прёт. Пока. Вот, шепелины залетают только. Так что сидим на своём. Вот только кончается всё своё-то...

— И куда же мы можем уйти? Потому как уходить-то придётся. Сколько по твоим прикидкам до начала наших поисков?

— Так уже небось и встрепенулись... Маркони мог бы точнее сказать...

— Так да, но нет, — встрепенулся и Савва. — Вы, сударь, очень неловко провод выдернули. Пробой конденсатора случился. А заменить...

Он неловко поёжился, повёл плечами. Мне и без того было ясно, что дело ремонта здесь поставлено хуже некуда.

— Нас могли вызывать, но ответить я не мог. Вот и первый звоночек тревоги...

— А сейчас уже и третий прозвучал, — прикинул я, что по времени мы уже должны были быть посреди Романова. Посреди, потому как он по обоим берегам. Пусть и звалась прежде слобода по правому берегу иначе. — Что у нас с командой? Нужно кого-то выкинуть за борт?

Механик с Маркони переглянулись.

— Тут двое у нас за обедом подрались, — попытался объяснить Савва.

— В курсе, — кивнул я. — То, скорее, моя вина. Чью-то пайку съел ненароком.

— А так, в целом, народ смирный, — кивнул в ответ механик.

— Судя по коку, не очень, — опять не согласился я.

— Ну, кок хоть и тоже безъязыкий, но был на особом счету у Максимилиана, готовил хорошо, поэтому с гонором. Нужный человек для начальства, — тут уже пояснил Колодезный. — Можно и без него обойтись, одним ртом будет меньше. Но уж лучше он пускай готовит из того, что осталось. А осталось, как я знаю по осмотру холодильной каморы, всего ничего.

— Это ж когда ты успел? Вроде здесь был всё время...

— Так я того... Перед отправлением заглянул... Проверял матчасть... Не дай бог, сломалась бы холодмашинка... Даже той малости лишились бы. А епархия нас вряд ли попотчует. Угля бы дали...

Уголь, конечно, важно, но мой организм опять требовал еды. Так что мне было не до угля.

— И что, все могут вот так запросто заглянуть в кладовку с продуктами? Знать, не так плохо вы живёте...

— Ключ только у кока... Был... Ну и я смастерил, — потушил взгляд Онисим. Ну прям мальчишка, пойманный на горячем.

— Ладно, пора сниматься с якоря... А то мы договоримся. Доболтаемся. Что за нами по берегу придут, — пришлось подвести черту под выяснением отношений. — Савва, на руле стоять можешь? А то я рулевого немножко того...

Впрочем, Маркони и так был в курсе, помогал выбрасывать за борт тела с мостика. Волга легко подхватила мёртвых и увлекла в ту сторону, куда и мы планировали

уходить — подальше от епархии. Хоть там никто нас и не ждал.

— Онисим, ты командуй отход, а я на минутку к нашим пассажирам. Пассажиркам.

10

Меня беспокоила команда. Безъязыкий экипаж вдвое превосходил нас по численности. Пусть и были мы вооружены. Я вернул наган Саввушке, отдал пистолет протопопа Онисиму, а сам вооружился «Браунингом» капитана. Рискованно, а что делать? Иных союзников у меня нет.

Я первым и впервые с передачи оружия в руки моих случайных помощников спустился по трапу. Ожидая пулю в спину. Но обошлось. Вот только мой день, длиннющий, длинней всей прежней жизни, всё ещё не закончился. И ожидать можно было всякого. Но не того, что случилось.

Вывалившись из надстройки на палубу, в лучи заходящего солнца, я притормозил. И даже, если быть точным, поплыл немного.

Покачнулся, утрачивая связь с реальностью. Но устоял. Хотя и встал, как вкопанный. Вкопанный в крашенную суриком палубу «Бойкого». На которой, словно рёбра дистрофика, выпирали контуры шпангоутов.

Пыль. Далеко не угольная.

Что пыль — задал я себе вопрос. И какая такая пыль посреди реки?

Всё это как-то не вязалось. Но каким-то образом было связано. Со мной, прежде всего. Вот только вспомнить никак не удавалось.

...Утром я проснулся, включил приёмник. Это привычка. Два щелчка. Поворот верньера настройки. Тишина. И тут заорал Тишка... Но почему он заорал? Приёмник-то промолчал...

Такое нечасто, но случалось. Не крик попугая — молчание приёмника. Сбой в передающем или транслирующем центре. А то и просто верньер задел ненароком, вот волна и ушла. Но тут было нечто иное.

Приёмник молчал, как я теперь понимал, потому, что в этом мире, времени или городе не было передающего центра. Но не было и пыли! На полу. На приёмнике. На книжных полках. Её попросту не было нигде. Той самой пыли, к которой я даже привыкнуть успел. Но не смириться. Вот только причём здесь она...

Я опять отмотал мысли назад. Хотя за спиной в нерешительности застыл Онисим, ожидая, когда же освобожу проход и он ринется к своей машине, стаскивая «Бойкого» на последних кусках угля с отмели в метре от берега. Это подождёт. А вот мысль ждать не будет.

Вольно или невольно, прокручивая воспоминания, я искал момент, когда и что случилось. Для того, чтоб попасть в иную реальность, прежде мне достаточно было подняться на один этаж. Или спуститься. Всё то же самое, но чуть другое. Такой же этаж, двери, выход на лестницу... Здесь же почти всё было другое. Ну, да, ведь случился не просто переход с этажа на этаж, из одного состояния в другое, а из века в век. Из жизни в жизнь. Пусть и в своём теле. Но в других условиях.

Говоря почти научно, я мысленно занялся поиском точки бифуркации. Раздвоения или разветвления, с которого

что-то пошло не так. Ну не могло же всё тянуться с незапамятных времён, когда перешла Русь на юлианское летоисчисление. Ведь ещё и на григорианский переходила. А тут — от сотворения мира всё ещё идёт счёт. Но даже если так... Как тогда я оказался в этой ветке мироздания? И когда? Я-то остался прежний. Или почти прежний. Ведь не всё же помнил. Пыль вот вспомнил. И всё. А дальше что? Что она значила? Ведь что-то же значила...

С пылью связана моя реальность. Не обязательно истинная. Одна из. Из возможных, что ли? Но что-то в пыли было такое, о чём нужно обязательно вспомнить. Вот только если пытаешься это сделать специально, никогда не выйдет. Будем ждать подходящего момента. Пыль вон всё же всплыла...

Тряхнув головой, я отмахнулся от мыслей, так и не сформировавшихся в ней, уставшей за день. И шагнул в следующую дверь в надстройке, ведущую к салону, всё ещё затемнённом изнутри.

И...

Ничего не произошло. Я-то думал, что буду встречен как красноармеец Сухов гаремом, чем-нибудь тяжёлым в голову. Но обошлось. Даже без криков.

Салон, немногим меньший, чем столовая команды, встретил напряжённой тишиной. И я с трудом разглядел по диванам и стульям вдоль переборок испуганно жавшихся друг к другу женщин. Точнее девушек. Сохранивших свою невинность. То ли благодаря юному возрасту. То ли условиям, в которых они жили. Хотя условия были у всех почти одинаковые. Но эти отличались от прочих своей невинностью. За которой была сушая охота. По крайней

мере, так говорил Онисим. А он-то трижды за свой век привозил наложниц в епархию. Конечно, мог и прихвастнуть, но вряд ли. Савва вон честно признался, что это у него впервые. И в последний раз, добавил я от себя.

— Вечер добрый, барышни, — обвёл я взглядом тускло освещённое помещение. Может из-за недостатка света, а может из-за однообразно монохромных одежд-хламид, походивших на сарафаны, только без изысков и грязно-песочного цвета грубой ткани, красавиц я не увидел. Как здесь одеваются другие дамы, которые не девственницы и не красавицы, я не знал. Поэтому принял наряд как должное, стараясь не выказывать удивления. Мол, невесты божьи, а в таких хламидах, что впору в коровник, на удой. — Звыняйте, что долго вас томили неведением. Тут такое дело... Стрельбу вы, небось, слышали...

За мной настороженно следили одиннадцать пар глаз. Это я сосчитал, пройдясь по салону взглядом вдругорядь.

А где же ещё одна наложница для епархии?

Я и не заметил, как задал этот вопрос вслух.

Девушки в страхе поёжились.

Мне требовалось научиться их различать. Всё-таки личный гарем. Пусть и не для использования. У Сухова тоже было без интима. А у меня к тому ж и больше божьих жён, и их возраст, не особо располагающий к близости. Пусть даже здесь иные законы. Но я как-то не по части малолеток. Поглазеть да, а так — нет...

— Так, сударыни, — вспомнилось мне слово, коим величал меня Маркони, и я перевёл его в женский род, может, о барышнях они в этой эпохе возможно и не слышали... — Где ещё одна ваша подруга?

Девушки испугались ещё сильнее, и стали жаться друг к дружке.

— Вы это... Не подумайте плохого. Вот только в епархию мы вас не повезём. Разве что кому-то из вас очень туда хочется. Или надо. Но это своим ходом. И решать нужно сейчас. Потому как мы пойдём не просто другим путём. А в другую сторону. Такие вот дела. И не хотелось бы чтоб с кем-то из вас беда приключилась. Поэтому и спрашиваю. Где. Ещё. Одна. Девушка.

Не знаю, что на них подействовало. Модуляции голосом. Раздельное произношение слов. Или просто страх неизведанности. Однако толпа, если можно было бы так сказать о горстке испуганных девчушек, большинству из которых на вид и пятнадцать не дашь, распалась на индивидуумов. И я начал их различать.

Вот хохотушка, дерзкая и рыжая. У самой двери. Сбежать собиралась? За ней чернавка: не красавица, с родимым пятном на шее и в возрасте далеко не отроческом. Или юношеском, если это применимо к девушкам. Первое, в смысле родимого пятна, видать, и было причиной девственности. Ей бежать некуда. И смысла нет. Зато отметина — есть. И найдут, и в жёны не возьмут. А так есть шанс...

Ещё одна, эта толстушка. Испуганная. За ней трое — сушие дети: худющие, без выпуклостей, по которым можно женский пол определить, с сальными косичками, свисающими из-под платков, повязанных по-бабьи, узлом на затылке.

За всех ответила одна, старшая по возрасту, по крайней мере, на вид. С округлившейся грудью, с призывной

родинкой под левым глазом и яркими губами на бледном, словно выцветшем лице под копной волос цвета прелой соломы.

— Все здесь...

Голос был под стать лицу. Выцветший. Тихий. Покорный. А ведь симпатичная девчонка... Что с ней сделали? И что собирались сделать...

С последним для меня было ясно. Но почему такая безучастность, когда вроде как всё изменилось к лучшему?

За её спиной я заметил какое-то движение. Ещё одна девушка, вряд ли моложе заговорившей, разве что не столь хорошенькая, чуть толкнула подругу в спину. Губы говорившей искривились. И она через силу выдавила из себя:

— Ганку... Вчера ещё забрали... Самую красивую...

Чтоб женщина так просто признала превосходство другой... Это было странно. Но девушку, похоже, это не смущало. И даже какая-то нечаянная радость мелькнула в её глазах. Избавилась от конкурентки?

— Значит, всё же не все. И кто забрал?

— Только Ставер и мог... — из тёмного закутка салона раздался насмешливый голос, странный в такой ситуации.

— Покажись, — скомандовал я.

На свет, призрачный и тусклый, из своего закутка шагнула стройная, почти на голову выше меня девица с пышной копной русых волос. В такой же, как у всех, хламиде. В такой, да не в такой — по боку, вдоль стройных ножек шёл разрез, едва ли не до талии. И как она в таком

виде девственность сохранила до столь почтенных лет, ведь не меньше двадцати ей...

— Ну и чо? — сверху вниз дерзко уставились на меня чуть раскосые глаза.

— Ничо, — бросил я в ответ. — Капитана имела ввиду?

— Ну.

— Сама же почему не пошла с ним? — похоже, доставшийся мне гарем не испытывал единства.

— Да он мне в пупок дышит...

— Уже не дышит, — просветил я девиц. Пусть порадуются.

По салону пробежал вздох. То ли облегчения, то ли горечи.

— Вы свободны, — это объявление нуждалось в пояснении. — Желаящие остаться в епархии могут сойти на берег прямо сейчас. Мы же попробуем уйти от неё подальше. Что будет там — не знаю, поэтому ничего не обещаю. Но времени на раздумья — минута. Решайте. Я пока поищу вашу подружку.

Вопреки ожиданиям, девицы не загомонили, обсуждая новости. Даже наоборот, притихли, поникли как-то. Сообщившая о пропаже и её подружка переглянулись, но не обмолвились ни словом. И только высокая и дерзкая начала собирать свои пожитки пока остальные сидели, словно в воду опущенные.

Сопровождаемый оглушительной тишиной, я ринулся на поиски каюты капитана. Ей бы полагалось быть наверху, у мостика. Но на пути, которым я прошёл наверх,

её не было. Пришлось обойти надстройку и зайти с другого борта.

...Она оказалась сразу за дверью. В маленькой тесной каютке с подслеповатым иллюминатором иного места просто не было. Для того, чтобы умереть. Только между столом-тумбой, умывальником за занавеской и отгороженным плотными шторами от остального пространства спальным местом.

Ганка, вспомнил я имя девушки. Из переселенцев видать, не очень похоже на местное имя. Хотя, может, мода на имена здесь так изменилась. Но девушка явно была не из местных. Действительно красивая, как признала одна из самых старших и симпатичных в салоне. И точно милее признавшей своё поражение в конкурсе красоты. Красивая той необычной красой, от которой глаз не оторвать. Даже после того, как это красивое лицо обезобразили фингал под глазом, свёрнутый набок носик и лопнувшая, судя по всему от удара чем-то тяжёлым, губа.

Обнажённое тело покрыто синяками и ссадинами, на левой руке указательный палец вывернут под неестественным углом. А по горлу багровым ожерельем — уродливый шрам. С уже запёкшейся кровью. Испачкавшей и упругие груди, и скудную обстановку каюты.

— За что ж он тебя так?

Я тихонько прикрыл дверь, выдохнул, стараясь сдерживать рвотные позывы. Судя по всему, девушку убили ещё вчера. Её убийца пережил свою жертву ненадолго. Но почему-то это не приносило облегчения.

«Надо бы тут прибраться, не забыть бы дать команду», — не ко времени, но дельно прошелестело в

голове, пока я возвращался в салон, обходя надстройку. И на полубаке чуть не столкнулся с высокой. За ней стояли ещё две девицы, которых я не успел рассмотреть прежде.

— Остаётесь? — хмыкнул, уступая дорогу.

— А то. Не с вами же, смертниками, плестись куда глаза глядят, — бойкая, под стать пароходу, за словом в карман, или куда там, учитывая отсутствие карманов на её сарафане, не полезла.

— Ну, ну, — задерживать их я не собирался. Кормить ватагу немых да в придачу к ним вздорных девах нечем, пусть уж лучше здесь выживают. Но просветить всё ж счёл необходимым: — Вот только мы-то пока живы, а ваша подруга уже с вечера мертва. И это не я ей голову отрезал.

На бойкую мои слова не произвели впечатления, но одна из двух девиц, следовавших у неё в кильватере, ойкнула и вернулась. Благо пожиток у них не было, только у лидирующей в этом трио дерзкой красотки с длинными ногами была сумка через плечо. Не Louis Vuitton, и даже не из кожи или там дерматина. Обычная парусина. Но забитая плотно.

— Не переломай ноги, — крикнул я уже вслед, — жалко такую красоту портить.

Девушка даже не обернулась. Просто шагнула за борт с носа «Бойкого», высоко подняв свою сумку — до берега ей пришлось брести почти по пояс в воде. Последовавшая за ней девушка плюхнулась животом, забила руками по воде, отплёвываясь. Но ни одна, ни вторая не обернулись и не удостоили ни «Бойкий», ни меня даже взглядом. Прощальным.

К салону вернулся я через радиорубку, отдав через Маркони приказ— навести порядок в каюте капитана. Хоронить, конечно, никто не станет убиенную. Она отправится вслед остальным покойникам — за борт. Плохо, конечно, без отпеваний и почестей, уж не знаю, как тут принято. Но нет ни времени, ни возможности. А грести к новой жизни с трупами на борту негоже.

В узеньком коридорчике, который по идее должен был бы иметь выход на оба борта, но заканчивался тупиком по левому борту, я на замер в раздвижных дверях. Внутри салона стоял гомон. Мешать выяснению отношений, чтоб самому не оказаться в их круговерти, не стоило. Но и долго стоять под дверью тоже.

Суть спора я уловил. Но без деталей — кто, за кого, почему...

— Дура Станислава! Думает, раз без изъяну, то ей прямая дорога к владыке! Как бы не так! Ни одна не вернулась! Ни одна! А дошла ли хоть одна до владыки — то неведомо.

— Да если бы и дошла...

— Так он и принял. Прям, ждал — дожждаться не мог. Прям единственная у него...

— Если и есть у кого шанс, так вон у Кази с Дашей. Молоды, на мордочку ничо так...

— А ты что ж, списала себя?

— Я никогда и не мечтала. Если бы Веселину язык с естеством не вырвали...

На этом я прервал спор. Уж больно хотелось понять кто есть кто. Хотя и о бедном Веселине хотелось послушать,

видать, бойкий был парень, и имячко такое же. Но это ж как его бедолагу извели, супостаты церковные, и язык, и достоинство мужское...

— Ну-с, сударыни, о чём сыр-бор?

Девушки разом умолкли.

— Ушла Станислава? — поинтересовалась, не поднимая головы девушка, которая и в прошлый мой заход взяла на себя смелость вести беседу. Именно она, похоже, и предсказала шанс кому-то из трёх недозревших ещё девчонок.

— Ушла. Её дело. Я ж обещал, что ни держать, ни лучшей доли обещать не буду. Доберёмся до людных мест, где епархия не властвует, и вы шагайте. Если захотите. Не пропадёте, надеюсь. Всяко лучше будет, чем во власти попов. Ваша Ганка до них даже не дошла, сгинула. Думаю, — заметив в углу девушку, которая сопровождала ушедших, продолжил я, — ваша подруга уже рассказала, что умерла Ганка мученически. Голову ей капитан отрезал. Впору её к лику святых причислить. Не голову — Ганку. А ведь было у неё иное предназначение. Как и у всех вас. Замуж выйти, детей нарожать, мужа любить... Вот только сбудется ли? Или же святыми станете, как Ганка?

Девчонки понурились, притихли. Под ногами задрожала палуба. Наконец-то.

— То-то же. Надо бы познакомиться поближе, да всё недосуг... Дела... Служба... — Какая такая служба я бы и сам не объяснил, но что-то сказать надо было. — Меня, кстати, Михал Михалыч зовут. Вас я всех скопом не запомню. Давайте старшую назначим, для решения всех проблем. По мере их возникновения. Вот ты, — я указал на

поникшую головой девушку, прежде бравшую на себя право говорить за всех. Ну и пусть говорит. Но теперь уже с одобрения. И общего, и моего. — Тебя как звать-то, красавица?

Мушка родинки почти пропала в румянце, которым вспыхнуло лицо девушки:

— Меня, что ль?

— Вот токо цену себе не набивай... — зло прошипела ей в затылок менее симпатичная подружка, которая и выдала пропажу Ганки. Ну, или вынудила таковую пропажу признать.

Казалось, сильнее лицо уже не может вспыхнуть. Но неожиданно это только показалось. И красавица с родинкой зарделась ещё больше. Словно пощёчину ей вlepили.

— Ия...

— Что и ты? — не понял я.

— Зовут меня так. Ия. Ирия, если полностью...

— И кто б тебя звал так, не повисни ты на шее Веселина... — пригвоздила её некрасивая подружка. Ну как некрасивая. Вполне себе. Вот только при красавицах всегда должна состоять в свите та, на которую можно указать пальцем — дурнушка. Второй номер. Если не десятый. Тут номер явно был второй. И давняя вражда. Из-за того Веселина? Так ему ж вроде всё отрезали... Или именно по этой причине отрезали?

— Ия, значит. В смысле ты. А не я. — Я пытался шутить, но выходило плохо. Но чем дальше — тем хуже: — Назначаю тебя любимой женой.

Девицы одновременно загалдели. Перебивая друг друга и заглушая рокот машины, просыпавшейся где-то в

недрах парохода, они стали что-то объяснять и доказывать, чего я, как ни вслушивался, не мог разобрать.

— Тише, сударыни, тише. Давайте по очереди. Что там у вас?

Из-за спины Ии вышла та, что не красавица. Но которая своего не упустит. Волосы распущены, глаза горят.

— Чем вы, сударь, лучше тех, кто Ганку убил? — Ишь как заговорила. — Её тоже женой назначили. Да мы все тут жёны. Божьи. Или слуг его. Так что не надо...

Чего не надо, она не договорила. Скомкала свою речь, прикусив язык. Под взглядами своих товарок. А пуще того — Ии, пристально смотревшей ей прямо в глаза. А ведь только что была с головою поникшей... Непростая дева, ой, непростая. Да и некрасавица тоже не из простых...

— Сударыня, я не хуже и не лучше. И ни на что не претендую. И не напрашивался в мужья. Присказка у меня такая, — не рассказывать же ей и всем про Абдуллу и гарем... — А Ия сама себе выберет. Кого захочет. Мужа там, любовника или ещё кого. Как и вы. Но потом. Сейчас же, чтоб со всеми вами одновременно не спорить, я предложил ей говорить за всех. По вашему поручению. Не устраивает — давайте назначим другую. Тебя, например. Зовут тебя как, красавица?

Выступившая с внезапной инициативой не вполне себе красавица смутилась. Но всё же выдавила из себя, пусть и совсем уже не так бойко, как обличительную речь:

— Алевтина...

— Ну, вот и ладно. Любимой женой — для связи с общественностью — назначаю Алевтину. А Ию — просто любимой женой. Как и всех вас. Договорились?

Ответом было невнятное молчание.

— В общем, так, Аля. Вы тут пока помозгуйте, чего и кому хочется. Может, здесь сойти — ещё не поздно. Или позже высадить где. А то какие другие идеи появятся. Вот ты с ними и придёшь ко мне. А то я всех вас не переслушаю. И уж тогда будем решать. Лады?

Девчонки молчали. Но я и не ждал ответа.

— Тогда так. Сидите тихо. Голодные? — вот тут почти все в надежде вскинули взгляды на меня. — Опять-таки, ничего особо не обещаю, но постараюсь придумать что-нибудь. Кока пришлю. Чаю там, хлеба...

Вот это вряд ли. Я вспомнил, что в столовой команды из-за съеденного мной куска чуть драка не вспыхнула. Но теперь слово придётся держать.

— Путь дальний, дорога длинная, ещё поговорим, — я собирался подняться на ходовой, чтоб увидеть остающийся за кормой город, поговорить о нём с Маркони, которого назначил вахтенным на время моего отсутствия.

И тут в спину мне упёрся ствол револьвера. Системы наган.

Маркони, значит. Два патрона. Если у него не было ещё. Но хватит и одного.

— Тут, это, сударь, — голос Саввы немного дрожал. Не убивал ещё? Ну так это дело наживное. — Опричники, как вы назвать их изволили...

Мысленно уже попрощавшись с жизнью, я опешил. Поэтому ничего не понял сразу. И этот ствол под лопаткой...

С опаской, ожидая, что сейчас грохнет выстрел, и пуля разорвёт моё брненное тело, я медленно повернул голову. Как учили — через левое плечо.

Маркони стоял в коридорчике, защищавшем салон от буйства стихий. Ну, или предназначенном для того. Потому как на реке буйства стихий не предвиделось. Да и «Бойкий» был не тем судном, чтоб стихиям противостоять.

Но сейчас важно было другое.

Савва был почти в двух шагах от меня. И в спину мне упирался не ствол. А флаг.

Точнее, флагшток. Кормовой. С тряпицей флага епархии. Савва его зачем-то выдернул и приволок в салон. И ткнул им меня в спину. Не флагом ткнул — флагштоком. Едва не доведя до инфаркта. Не специально. Просто тесно тут. Вот и случилось, что я едва не облажался на глазах у девчонок. А заодно и у вроде как подчинённого. Хотя начальником я себя не назначал. Просто вышло так. И Савва, и Онисим признали во мне командира. И подчинились. И всю команду негласно привели мне к присяге. Ну или как там, не знаю. Но слушались все пока безропотно. Трупы выносили. Кровь смывали. Вахту несли.

Палуба под ногами задрожала сильнее. А потом судёнышко качнулось, поддаваясь течению. И выбирая направление. По течению вниз. Долой от епархии. И от попов с владыками и опричниками.

— И что опричники? — спросил я, ещё не веря в своё избавление.

— Так это, дружинники епархии уже на берегу... С оружием.

Как? Ведь у нас в запасе ещё должно было быть время...

На мой незаданный вопрос Маркони всё же ответил:

— Видать, протопоп сигнал дал... У него в каюте тревожная кнопка стояла. У капитана не было, а у него была. Чтоб, значит, за капитаном присматривать.

Понятно, комиссар, значит. Хотя и духовный. И тревогу поднял, и капитана уложил. Пусть и случайно. Но опричников-то вызвал в трезвом уме и ясной памяти...

— Так, барышни, беру свои слова взад. По поводу чаю. Попозже. Если выживем. Но не помирайте раньше времени. — Я постарался придать голосу бодрости и уверенности. — Более того, чтоб надежда не угасла — вот вам и первый жених, взамен поповских ряс и морд — указал я на Савву. — Если, конечно, жить будем, — всё же уточнил, не рискуя судьбу дразнить.

Маркони зарделся. Но глазками по салону шарить начал не хуже кота над сметаной. Выискивая, где вкуснее будет лизнуть для начала. Но время поджимало. И я вытолкал его взащей, сам метнувшись следом.

— На мостик, — прошипел Савве в затылок. — Ходу, юноша, ходу...

12

Рулевой молча кивнул в сторону удаляющегося берега.

— Вижу, — пробубнил Савва. А я кинулся к бортовому иллюминатору.

У места нашей недавней стоянки парни в чёрном нависали над немаленькими по росту девицами. Особенно Станислава была каланчой. Но то на моём фоне. А теперь сникла, стала меньше росточком. Сникнешь тут, когда в лицо ствол тычут. Да и без ствола здоровенные лбы могли

скрутить девчонку в бараний рог. Однако не они были сейчас главной угрозой. По крайней мере для нас.

Вслед за бегущим по течению «Бойким» вдоль берега растянулась цепочка таких же чёрных фигур. По самой кромке идти им не удавалось, берег порос рогозом. Да и промоины, видать, были там в изобилии. Так что погоня шла выше по берегу и пока что отставала.

— Онисим, ходу! — гаркнул я в переговорную трубу. Но механик, похоже, и без того выжимал из машины все наличные лошадиные силы. Ну, или в чём тут измеряют мощность? Коней-то я здесь не видел. Да и вообще видел мало что. Даже вон женские платья не знаю какие в моде. Вряд ли хламиды, как у божьих невест, у всех поголовно. Ведь даже в мусоре я нашёл более или менее приличную футболку. И где гарантия, что она последняя и только мужская?

Впрочем, эта мысль была не ко времени. И уж точно не к месту.

Загнанным зверем, я опять уставился в толстенное стекло иллюминатора. И мне не понравилось увиденное.

Часть опричников оставила своих на траверзе «Бойкого» — брести по кустам, высоко поднимая автоматы. Здесь было большинство группы, посланной по наши души. Но человек пять оказались далеко впереди. И сейчас возились с чем-то, что я видеть не мог.

— Савва, где наш пулемётчик? — я чуть было не забыл, что помимо пистолетов у нас есть ещё чем обороняться. Ведь бил же кто-то очередями в шепелин, как его называл Онисим.

Маркони скатился по трапу.

По привычке я вскинул правую руку к лицу. Но часов на руке не было. Что неудивительно. Удивительным было иное: пообеда взглядом мостик, я и там нигде не обнаружил циферблат часов.

Счастливые часов не наблюдают. Что ж, положимся на удачу. Пусть подарит она нам счастье.

За спиной и чуть выше, по подволоку, кто-то загремел тяжёлыми башмаками. Значит, стрелок уже на месте.

Но и взгляд в иллюминатор не принёс хороших вестей. На берегу, как только мы миновали заросли плакучих ив, я разглядел наконец-таки то, что готовили парни в чёрной форме.

Не знаю, что за пулемёт стоял у нас над головами. Но то, что я увидел, внушало не просто уважение — страх. На треноге, выставив хобот ствола в нашу сторону, над берегом и ветвями ив высилось безоткатное орудие.

Всё, что я помнил о таком оружии, — в России его изобрёл некто Рябушинский. Уж слишком звучная и известная фамилия. Потому и запомнил. Хотя, скорее всего, известность ей принесли иные достижения. А вот немцы его пушку усовершенствовали до фаустпатрона. Американцы пошли дальше, и так появились базуки.

Нацеленный на нас «панцерфауст» был явно мощнее известных мне в моём мире по кино. Но оставалась надежда, что хотя бы недостатки его остались как минимум прежними. А лучше бы выросли вместе с размерами и калибром. Тогда был бы какой-никакой шанс. А так...

— Право руля! — гаркнул я в ухо рулевому, забыв, что он немой, а не глухой. — Держи ближе к правому берегу! Авось не достанет...

На ходовой ввалился Савва:

— Пулемёт на товсь!

— Некогда, Савушка, готовиться! Пли, бля!

Как отдавалась команда пулемётчику, я так и не понял. Но сразу после моих слов пулемёт зарокотал у меня над головой. Вот только результат, который я мог наблюдать, не впечатлил.

Две очереди прошли далеко от позиции артиллеристов. Или гранатомётчиков, кому как нравится. А вот они не сплеховали. И первая же граната снесла ограждение на баке, разворотив фальшборт и шпиль. Оторванный якорь плюхнулся в воду и камнем ушёл на дно. Остаток якорь-цепи с грохотом ссыпался в цепной ящик, заглушив вопли божьих невест в салоне.

Вновь заговорил пулемёт. Но не обращая внимания на его стрёкот, обслуга безоткатного орудия вновь снарядила свою пушку. И навела. Обнадёживало то, что наведение было условным. Наводчик лишь приблизительно нацелил ствол. А дальше — как получится. Орудие хоть и безоткатное, но при выстреле ещё сдвинется. Вот и сбит уже прицел...

— Назад полный! — рывкнул я в переговорную трубу.

Правда, когда ещё машина отработает... Это ж не миноносец. И даже не крейсерский баркас, который мне доводилось водить в водах кронштадтской Усть-Рогатки. Тот тоже с опозданием на команды реагировал. Но на удивление, «Бойкий» чуть ли не на дыбы встал,

оттормаживаясь задним ходом. И когда грянул выстрел, огненный хвост гранаты прошёлся на уровне мостика, но далеко впереди.

— Вперёд самый полный! — это в трубу. И тут же рулевому: — Право на борт! Право!

Судёнышко, не ведавшее прежде такого отношения к себе, с натугой, но всё же повиновалось. И мы ещё немного увеличили расстояние от берега, с которого в нас целилась пушка, пусть и такая примитивная.

Упустив на мгновение действие орудийной obsługi на берегу, я едва не прозевал момент, чтоб опять дать команду «Назад полный».

Судя по тому, что огонь по нам открыли без всяких предварительных условий и переговоров, сдала нас Станислава с потрохами. Но, с другой стороны, как она сумела меньше чем за минуту всё выложить? Может, прибывшая по сигналу протопопы команда изначально имела приказ живыми нас не выпускать? Чтоб, к примеру, «Бойкий» костромичам в руки не попал. Или ещё чо. Хотя, скорее всего, я просто пытался выгородить дерзкую девицу. Достаточно было одного слова — нас захватили, мы бежали, а там — враги. Вот и результат...

Третий снаряд прошёл ниже, вровень с бортом, но всё же впереди по курсу. Наши с механиком потуги даром не пропали. Но и наводчик пристрелялся.

Следующая граната, хоть и ушли мы довольно далеко от берега с орудием, рванула в районе ватерлинии, метрах в пяти от форштевня.

«Бойкий» содрогнулся, но ход не потерял, упрямо двигаясь вправо. И прямо — по течению. А пулемёт своей

скороговоркой забил радостный — после попадания — вой с берега. И в ответ на очередь с позиции громыхнуло. Но не выстрел — взрыв.

Что-то у obsługi орудия пошло не так. Или пулемётчик «Бойкого» угодил куда-то. В снарядный ящик, например. Но факт остался фактом — над станком с орудием взметнулся гриб взрыва, в котором, если вглядываться, можно было бы различить и ошметки obsługi, отправленной в услужение небесам, но уже безо всяких посредников в лице епархии.

Я не вглядывался. Было не до того. «Бойкий» начал зарываться носом в свинцовую гладь Волги, в которой отражались безучастные к людям небеса.

13

— Механик, у нас есть аварийная команда?

Переговорная труба в ответ просипела нечто невнятное.

— Онисим, твою мать! У нас пробоина в носу!

Труба не отозвалась, но меньше чем через минуту я увидел с мостика самого Онисима. Но уже на палубе. Рядом копошились немые члены экипажа. Даже кок явился помочь.

Колодезный рьяно командовал, экипаж, все четыре человека, старательно пытался заделать досками пробоину в борту. Получалось хреново. Но мы пока не тонули, хотя и зарылся полубак в воду почти по леера. А по реке на нас надвигалась громада железнодорожного моста. Связующая нить эпох. Символично. Вот ещё бы по этому мосту вернуться в своё время...

Но пока мост был только угрозой. К нему с обеих сторон приближались бронеходы — машинки дружины епархии и городских охранителей. Пока каждая по своему берегу. Церковники слева, городские справа.

Не скажу, что я углядел какие-то особые приметы тех и других. Просто догадался. Потому как церковники шли за нами от самой стоянки «Бойкого», где нас покинула Станислава. А по правому берегу машина, очень напоминающая ту, что была во дворе, из которого я бежал утром, присоединилась к погоне едва мы вошли в городскую черту. Стрельба их привлекла, что ли? Или же из епархии сигнал поступил? Какая, по сути, разница...

День всё не хотел заканчиваться. И более того, вроде как пытался вернуть меня к тому, с чего всё началось. В лапы охранителей.

— Савва, верни пулемётчика в гнездо. Сейчас самое весёлое начнётся.

Маркони непонятливо воззрился на меня, но потом метнулся выполнять команду. У механика осталось ещё меньше народа. Но если не будет прикрытия, все его потуги спасти нас от утопления окажутся напрасны.

Раскрасневшийся от беготни по трапу, Савва встал рядом с рулевым, ожидая команд.

— Следи за мостом. Вон... Видишь машинки? Сейчас они попытаются достать нас с моста. На abordаж не возьмут, но перебьют запросто. Эта защита — я выразительно постучал костяшками пальцев по переборкам — так, одно название. Нафаршируют — по самое не могу. По уму, конечно бы, перебить их до того, как мы окажемся под ними.

Но это, видать, вряд ли. И это... Ты вроде говорил у вас пулемёты?

— Ну, да, — удивился Маркони. Типа, начальник, ты ж сам видел стрельбу. — И человек к нему приставлен.

— Так пулемёты или пулемёт? — не выдержал я.

— Пулемёт, — смутился Савва, чувствуя вину за то, что ввёл меня в заблуждение.

— Тогда так. Давай наверх. К пулемётчику. Будь рядом. Подсказывай ему цели. Держи всех в поле зрения. И чёрт с ними, с патронами. Не жалей. Потом они нам могут уже не понадобиться.

У Саввы вспыхнули глаза от возбуждения. Надо же, такое приключение...

Дурашка, это не игра. Хотя в этом мире он и сам должен был понимать это почище меня. Ведь привык же держать язык за зубами. Коль скоро он у него до сих пор есть. Правда, расплатой за это стала девственность Маркони... Ну, да ничего, дело наживное, успеет, женю его на Ие. Хотя она и мне глянулась. Да стар я, почти как Иов. А может и старше, хотя кто знает...

Додумать мысль не получилось. В иллюминатор я увидел, что первыми моста достигли городские охранители, спешили и побежали к его середине. Сейчас всё здесь может и закончиться. По крайней мере день... Мой день.

Но тут над головой зарокотал пулемёт.

Савва патронов точно не жалел. И небезуспешно.

14

Подмога пришла откуда не ждали.

Моста достигла и поповская братия. И янычары, они же опричники или дружинники епархии, если официально, тоже ринулись к середине моста. С другого берега.

Ещё не сойдясь, вояки стали поливать друг друга свинцом. Лишь изредка сплёвывая им в нашу сторону. Да и то лишь в ответ на покусывания пулемётчика под руководством Саввы.

До моста оставалось метров шестьсот, потом четыresta, триста...

Пулемёт всё выше задирает ствол. А в нас лили свинцом просто как кипятком со стен осаждённой крепости.

Команда механика давно разбежалась с полубака. Я надеялся, чтобы заделать пробойну изнутри корпуса, коль снаружи подвести пластырь невозможно. Иначе мы и без боя затонем — нос «Бойкого» погружался всё больше, а скорость была всё меньше. И это в тот момент, когда мы входили в зону не просто интенсивного, а ещё и прицельного обстрела. Пусть стреляющие и дрались между собой. Нам тоже доставалось. В стёклах иллюминаторов мостика было уже штук пять отверстий, с паутиной трещинок, разбегавшихся от них. Пули барабанили по надстройке, по палубе, прошлись за спиной и над головой по гнезду пулемётчика.

Я не знал, как оно устроено, но надеялся, что Савву не зацепило. А вот рулевому досталось. Не смертельно, но больно.

Пули срикошетили от штурвала, вырвав изрядную щепку, которой и разорвало щёку рулевого. От угла рта до глаза.

Он не вскрикнул, не смог просто. Но штурвал выпустил. И беззвучно завыл.

«Бойкий» тут же рыскнул в сторону с курса, проложенного аккуратно между двумя сцепившимися бандами вояк. Мне пришлось перехватить штурвал. Но это не помогло. Точнее, было уже поздно.

С моста в нашу сторону летело сразу несколько гранат. Уже не из базуки, просто так, ручных. Но осколки всё равно ударили по судёнышку со всей поповской ненавистью. Ну, или с мстостью за утренний взрыв на пороге моей квартиры. Если она была моей в этом мире. Мне было не разборок, чьи гранаты и чья квартира. А тут ещё и пулемёт замолк. Ненадолго, правда, но дальнейшая стрельба была бессмысленной — течение и самый малый наш ход уже втащили «Бойкого» под мост.

И тут на палубе рванула какая-то запоздалая граната. Или, наоборот, брошенная слишком умело.

Посыпались стёкла сразу двух иллюминаторов, рулевой, державшийся за лицо, стал заваливаться навзничь, меня тоже что-то ударило в плечо. А снизу донёсся рёв боли и многоголосый плач.

Блин, надо было девственниц в трюм загнать! Времени не хватило. Даже на то, чтоб сообразить, не говоря уж сделать. Но сейчас тем более было не до них.

Едва нос «Бойкого» вышел по другую сторону моста, как мимо него в воду рухнуло вначале одно тело в чёрной экипировке, а затем и второе. Но, поскольку обе группировки были в чёрном, я не понял, кто решился на такой прыжок — городские или патриаршьи. Да и принципиального различия не было.

«Вот бы они убились о воду!»

Но раз прыгнули, то на что-то рассчитывали. И мои кровожадные мысли вряд ли им были опасны. Зато сверху свинцовый дождь стал намного реже. Стреляли только с одной стороны моста, ближе к правому берегу. Значит, прыгнули поповичи. Не, ну а кто бы сомневался, фанатик с верой может и не на такое решиться. Но пока эта вера меня не коснулась. Не считая метки на виске. И удара в плечо.

Покосившись, крови на плече не увидел. Хотя и было больно. Но ясно — не осколок. Скорее, барашек сорвало с иллюминатора — вон какая дыра зияет.

— Ты живой? — покосился я в другую сторону, где на ноги пытался встать рулевой. Лицо у него было в крови, но так, навскидку, ничего страшного, царапина, хоть и глубокая. — К штурвалу стать сможешь?

Мне покоя не давали тела, рухнувшие в воду с моста. И как только рулевой перехватил рукоятки штурвала, я, крикнув напоследок «Держи по стремнине», скатился по трапу.

И вовремя.

Над правым бортом, ближе к корме показалась чья-то голова. Которой там не должно было быть.

Браунинг сам выскочил мне в руку из кобуры, снятой с капитана. Ещё бы к этой прыти и меткость...

Но попал я только с третьего выстрела. Считаю, половина боезапаса ушла в «молоко». А ведь где-то ещё второй. Да и не собирался я считать день последним.

Над головой опять зарокотал пулемёт — мы вышли уже на приемлемое для стрельбы расстояние, и Савва, похоже, опять указал цели. И неплохо — с моста в воду ушли

ещё два тела. Но теперь уже безо всякого умысла, ещё может не трупы, но уже не бойцы.

Мимо крышки угольной ямы, через которую я всего лишь несколько часов тому назад проник на «Бойкий», мне удалось перекатиться на другой борт. Но лишь для того, чтобы оказаться в объятиях здоровенного бугая, опоясанного ремнями вдоль и поперёк.

Хоть мне и было не до этого, но краем глаза, зажатый, как в тисках, я всё же уловил сходство опричника со Ставером. Да, капитан был слабаком на его фоне, но лицо... Лицо один в один. Значит, селекция не просто существует, бытует не только в рассказах механика, но и в людях реализована. И вывели попы людей не просто верных, а готовых и с моста броситься, лишь бы выполнить задачу. А ещё — здоровых немислимо. Даже думать о том, чтоб попытаться освободиться, не приходилось. Потому как хватка была не просто железной. Она была гибельной.

Прижатый носом в мокрую форму дружинника его преосвященства или как там кличут иерарха на местном наречии в быту, я уже почти задохнулся, когда вспомнил об оружии в руках. И приставил ствол к подбрюшью душившего меня опричника, целя снизу вверх.

На спусковой крючок пришлось нажать трижды. Но это, скорее всего, конвульсивно, потому как я не помнил даже первого выстрела. Однако после третьего стало немного легче дышать. А потом я и вовсе освободился, толкнув от себя враз обмякшее тело.

Подняв голову, я взглянул на удаляющийся мост. Точнее, это мы удалялись. Пусть и всего лишь немногим быстрее течения. Но «Бойкий» уже вынес нас из зоны

обстрела. А когда рухнул на палубу незадачливый прыгун в воду, огонь и вовсе стих. Смысла палить в нас не было. Другое дело, что нас могут ждать где-нибудь ниже по течению. У храма или в районе базы. Но если у них нет плавсредств, а если верить механику, то их нет, держась на приличном расстоянии от берегов мы и там уйдём. Для начала грёбём к левому берегу. Но для этого мне нужно на ходовой. Вот только прежде неплохо бы обыскать мёртвого врага. Тем более, что патронов считай не осталось. Уж не знаю, что там у пулемёта, сам же сказал не жалеть...

Ещё раз подивившись сходству покойника с капитаном, теперь уже осознанно, я обшарил мокрую форму. И с чем он пришёл брать пароход? Даже завалящего ножа не нашёл. А мечталось о пистолете, или хотя бы патронах...

Да, видать, дела у епархии совсем худо. Но дружинник здоров. Как бык. Ещё бы немного, и придушил меня. Но куда ему с голой пяткой против шашки. А против пистолета тем паче.

— Савва, ты там как? — я задрал голову. Но пулемётное гнездо с палубы не разглядеть. А карабкаться по скоб-трапу не было ни сил, ни желания. — Савва?

Ответом было молчание. Нехорошее...

Вздохнув, я схватился за поручни скоб-трапа.

15

Пулемётное гнездо действительно походило на гнездо. Углубление в надстройке вписывалось между мостиком и штурманской рубкой. И лишь слегка прикрывалось фальшбортами. Так что пулемётчик, худо-

бедно, но был защищён от огня противника. Во только, судя по всему, защищён худо...

Безъязыкий стрелок лежал в луже крови ближе к корме. Лежал и не подавал даже признаков жизни. Подашь тут, когда вместо головы кровавое месиво.

А Савва...

Савва сидел привалишь спиной к турели. И глупо улыбался. Зажимая рукой кровавый ручеёк, вытекавший из-под его форменной рубахи левее пупка.

— Мне даже не больно... — извиняющимся тоном сообщил он. — Больше испугался...

— Савушка, как же тебя угораздило? — отправив пацана фактически на смерть, более глупый вопрос я мог придумать только с превеликим трудом.

— А мы ушли! Видели, сударь, как я напоследок срезал сразу двоих?

— Да, Савушка, ты молодец. Не знаю, как бы мы без тебя вырвались. Лежи, не шевелись. Я сейчас... Где у вас... Где у нас аптечка? Бинты, мази? Я мигом! И механика с коком пришлю, чтоб спустить тебя в салон. Там девчонки помогут. Просёк? Держись!

Ничем иным, как словом, я помочь не мог. Поэтому поспешил вниз. И лицом к лицу столкнулся с механиком:

— Онисим, пластырь завёл?

Механик только рукой махнул. Но «Бойкий» упрямо шёл вперёд, не сбавляя ход, и это уже обнадёживало. Он даже больше не зарывался носом. А значит, течь хоть и была, но механик свёл её к минимуму.

— Ладно, не тонем пока. Возьми своих бойцов, бинты и спустите Савву, он ранен. В салон его. Я на ходовой, там рулевой один, и тоже ранен. Неровен час вырубится.

— Сам-то ты как, мил-человек? — Колодезному явно не понравилась моя помятая физиономия, ещё хранившая отпечатки португели дружинника, недодушившего меня.

— Цел. А что помят, так это пройдёт.

Онисим с сомнением покрутил головой.

— Ну, как знаете, сударь.

Но я и шагу не успел ступить в сторону мостика.

Дорогу мне преградила Алевтина.

— Чего тебе?

— Сударь, плохи дела, девчонок побило...

Мне тут же вспомнился рёв и плач из салона. Сразу после взрыва на палубе.

— Стой, — обернулся я к Онисиму. — Савва подождёт, тем более что снимать его долго, давай глянем что с девочками.

Мой день подходил к концу. В салон сквозь рваные дыры в переборке пробивались последние лучи заходящего солнца.

Это было последнее что я увидел. Перед тем как тихо осесть, спиной упираясь в переборку узенького коридорчика, заканчивавшегося тупиком, вместо выхода на другой борт.

В этот тупичок я и рухнул....

16

— Игорь Степанович, и что скажете?

— Скажу вот что... Попробуйте сдвинуть мои руки. Давите. Так... А теперь удерживайте свои, а я буду пытаться сдвинуть... Так... Сколько пальцев?

— Ну, Игорь Степанович...

— Не нукайте. Какой сегодня день?

— Надеюсь, не последний.

— Я тоже надеюсь. Но юмор оставим на потом. Я спрашиваю день недели.

— Судя по тому, что он не задался, понедельник.

— Ход ваших мыслей мне нравится, но уже среда.

— А куда вторник пропал в таком случае?

— Если бы только вторник. Вы можете рассказать, что делали вчера?

— Ну... — Попробка выдать на одном дыхании если не полный отчёт, то хотя бы перечень добрых и не очень дел натолкнулась на провал в памяти.

Пустота.

А ведь, наверное, проснулся, умылся. А потом? Завтрак? И что было на завтрак? «Овсянка, сэр!». Так нет же...

Я даже не помнил, как оказался в комнате с потрескавшимся потолком и облезлыми стенами. Судя по всему — в палате. Больничной. Только в российской больнице может быть такая разруха. Чтоб помирать было не страшно. А страшно оставаться жить в таких условиях. Но как я сюда попал? И почему? Что уж говорить о том, что я не помнил ничего из того, что было до того, как меня уложили на скрипучую кровать с жиденьким матрасом, сквозь вату которого мне в бока давят пружины? Но доктора узнал. Уже хорошо, свои люди. Значит, скоро всё выясним.

— Да, Игорь Степанович, задали вы мне задачку...

— Ну, а что помните?

— «Бойкий». Я в коридоре у салона. Качает...

— Кто бойкий?

— Не кто, а что. Судно такое. Паровое.

И тут я прикусил язык. Пока фигурально. Потому что дальнейший рассказ, как я внезапно осознал, приведёт к тому, что давнее обещание Игоря Олеговича закрыть меня в палате для не совсем адекватных граждан может стать реальностью. И уже не для защиты меня от вредной внешней среды. А среды — от меня. Как немного тронувшегося умом. А может, и много...

Потому как «Бойкого» быть не могло. В этом времени. Где есть обшарпанная неврологическая городская больница, но быть не может правящих иерархов, есть кому делами заправлять, бюджеты пилить. Но это из другой оперы. Пока же ясно, что пароход и больница просто несовместимы. Либо то, либо — это...

Игорь Степанович мужик, конечно, почти свойский. Но что там у него в голове? Я со своей-то разобраться не могу. А тут — док. Спец по мозгам. Корифей в своём деле, я бы даже сказал. Говорит и читает как минимум на двух заморских языках. И не порнуху, а научные статьи. И сам пописывает. Диссертацию защитил без всяких поблажек. И вообще доктор от бога. Но мзду от Ольги взял. А за эту мзду его могли и подсесть. Ну, или не за эту. Раз взял эту, то и другую мог взять. Вот его и могли вначале подловить, а потом подсесть. И принудить работать на тех, за кого я принял городских охранителей. Ворвавшихся в мой дом. Там, где был «Бойкий». Но это — там. А я тут. И доктор

тоже. Тут могли запросто не просто принудить — попросить хорошенько. Это там языки рвали. А тут... Языки тут нужны. Не только для чтения или написания статей. А чтобы при большой надобности и лизнуть кого надо и где надо. Да и вообще... Тут с помощью доброго слова чего только не добьёшься. Не мною сказано. И задолго до меня. Ещё про пистолет там было. Но можно и без оногo. Когда кроме доброго слова ещё и висишь на крючке...

Впрочем, даже без крючка и доброго слова, наш народ настолько «добр», что с удовольствием завалит ближнего. Пусть только ближний оступится. Тут ему и хана. Ближнему само собой...

Я — оступился. И оказался в больнице. Для выправки мозгов. С ними, и правда, нелады. Раз они внезапно отправили меня не то в прошлое, не то в параллельный мир. Но признаваться в этом мозгоправу, пусть он и неплохо ко мне относился всё то время, пока мы знакомы...

А что я теряю? Меня и без того подозревают в помешательстве. Коль не принимаю мир таким, каков он есть — мерзок и подл. В любом случае, не скоро меня отсюда выпишут. Так почему бы не подлечиться? Пусть и за счёт того, что доктор, повинаясь стадному инстинкту, требующему писать доносы и стучать на ближнего, сдаст меня. Но даже если сдаст, то меня тем более за дурака примут. Так что нужно попытаться пройти между Сциллой и Харибдой.

Я принял решение. Которое не совсем было в ладах с логикой. Но чем чёрт не шутит...

— Игорь Степанович, а как я здесь-то оказался? И что за манипуляции с кулачками?

— Я даже больше скажу. Ну-ка, улыбнитесь...

А вот это уже не есть хорошо.

Даже без ответа доктора, я всё понял. По поводу диагноза, а не того, как оказался на койке приёмного отделения. С последним придётся повременить. Как и с рассказом доктору о своих злоключениях. Прежде всего потому, что язык не вполне меня слушался. Но рассказать кому-то о случившемся нужно было. Потому что меня буквально распирало. От значимости того, что я то ли пережил, то ли придумал. И именно в этом мне должен был помочь доктор — разобраться. Отделить мух от котлет.

Но пока до этого было далеко:

— А сейчас, Михал Михалыч, мы с вами проедем...

В смысле, я пройду, а вас прокатят...

— МРТ? — высказал я предположение.

— КТ, батенька, всего лишь КТ. И тот старенький. На ладан дышит. Но вы уж не обессудьте. Наша больничка не настолько богата. И без того по ковидным выплатам долг висит такой, что ещё дочка моя будет платить. Вот закончит мед, придёт сюда на работу и будет до пенсии платить за папку.

— Что, всё так серьёзно?

— Вы про выплаты? А то...

— Я про подозрение инсульта, раз уж еду на компьютерный томограф за неимением магнитно-резонансного...

Доктор только хмыкнул.

17

— Ваша опухоль никуда не делась.

— А могла?

— Чем мне нравятся такие больные, как вы, так это умением не просто не унывать, а ещё и пытаться найти хорошее в плохом.

— И что хорошего в моей голове?

— Хорошим я бы это не назвал, но что есть, то есть. А есть обширная зона кистозно-глиозных изменений...

— А человеческим языком?

— Это область погибших нейронов. Которые, как вы, наверное, знаете, и представляют собой мозг. Опухолью я назвал её условно. При поражении мозга нормальная нервная ткань замещается вспомогательной. Так что это, скорее, кровоизлияние. Или последствия травмы, удара в голову. По темечку.

— Жареный петух, разве что... — вставил я своё слово.

— Не обязательно петух. С вашей прежней бурной жизнью...

— Вот, вот, доктор, о своей бурной жизни я и хотел с вами поговорить. Причём, далеко не прошлой...

— Опять будете пророчествовать?

— Скорее, исповедоваться. Всё зависит от опухоли. Много ли мне с ней осталось?

— А кто вам может это сказать со всей определённой?

— Но, всё-таки...

— Ну, мы её видели и прежде. Вы вот спрашивали, что хорошего? Так я вам скажу: с прошлого раза эта опухоль не увеличилась. Что уже хорошо.

— Однако есть но...

— К сожалению. Малюсенькое. Но есть. Размером со спичечную головку. В левой лобной доли. Скажу без перевода: ярко выраженный очаг гиперинтенсивного сигнала.

— И...

— Это и есть ваш инсульт. Последствия которого мы и наблюдаем — с задержкой речи, небольшим парезом лицевых нервов...

— Роба, в общем, перекошена, — себя в зеркале я не видел, но онемение лица было налицо, если можно так сказать.

— Ну зачем же так. Небольшое искривление губ. Нарушающее симметрию. Незначительно. Вы не манекенщик и не фотомодель? Тогда переживать не о чём. Почти незаметно. Я со своим опытом и то не сразу разглядел.

— А речь?

— Опять же... Как посмотреть. Нарушения есть, но не критические. Такое заикание у многих в наличии, и без инсульта.

— Но мне нужно многое вам рассказать. Чтоб самому понять, что происходит.

— Не думаю, что это сильно помешает. И готов слушать. Вот только закончу обход. Таких как вы, но только куда как в худшем состоянии, полное отделение. И в основном молодые.

— Пьющие?

— Не особо. Скорее, время такое. Нервное.

— Хорошо, Игорь Степанович, не смею вас задерживать. С учётом того, что ещё успею вам надоесть. Своим рассказом.

— Ну, полно, сударь, мне интересно с вами общаться. А сейчас сестра поставит капельницу, вы отдохнёте и потом поговорим.

— Договорились, — я смиренно протянул поверх одеяла руку, с уже имевшимися отметинами уколов в вену. — Но мне бы одежонку, не привык я нагишом...

— Привыкайте. Пока в реанимации, никакой одежды, правило такое. Хотя и пустое. Вот поднимем вас в палату — вернём трусы. Не то ведь, боюсь, сбежите. А руку... Лучше другую, это надолго. И катетер мы в ней оставим, чтоб не колоть всякий раз.

...Моё признание доктору затянулось. И началось далеко не сразу. Так ведь пришлось пересказывать целый день. Который не прошёл даром. А завершился в больнице. Правда, я всё ещё не знал, почему и как. Не знал, как случилось, что я здесь оказался. Только это оказалось самым простым из мучивших меня вопросов. И говорило о пользе добрых отношений к людям.

Скорую, как оказалось, вызвали продавщицы магазина «Мой мясной». Во время моих прогулок он был едва ли не ежедневной отправной точкой закупок продуктов. Вроде как фермерских. А там кто его знает. Но свежих. Чем и подкупал. Не только меня. Вот только в понедельник дело не задалось.

Со слов доктора, который повторял слова фельдшера скорой, а тот говорил от имени продавщиц, с которыми я всегда вежливо здоровался, ронял несколько ничего не значащих фраз, но тем и запомнился при регулярном посещении магазина, в понедельник я появился как обычно, к 11. Когда на полки уже выставлены доставленные утром

продукты. Однако вместо того чтоб с корзинкой пройтись вдоль холодильников, внезапно стал заваливаться и едва не снёс стеллаж с выпечкой. Ущерба удалось избежать падением на спину аккурат меж двух холодильников. Что усложнило попытки усадить меня. Но, не исключено, и спасло от более серьёзных последствий. Ведь я лежал, пусть и на полу. А усади они меня, ещё неизвестно как дело повернулось бы.

Почти сутки я пробыл без сознания. Всё то время, что в другом времени вёл бои местного значения с епархией, городскими охранителями и прочей нечистью. Значит ли это, что моё путешествие в иные миры было всего лишь плодом поражённого болезнью мозга? Не исключено. Но послушаем что скажет доктор.

Орефьев пришёл поздно вечером, когда я уже и не ждал. Ему бы домой, но — дежурство. А он и так уставший уже, осунувшийся. Я даже пожалел, что решил нагрузить его своей историей. Мало, что ли, человеку по должности досталось? И это только сегодня. Краем уха в течение дня слышал разговор сестёр, не стесняющихся умирающих: областной депздрав опять спустил разнарядку на сокращение. А Игорю Степановичу — решение принимать. Кого убрать, кого оставить. И это в условиях, когда и без того персонала не хватает для нормальной работы отделения. Про нянечек можно и не вспоминать, от них первых избавились. И уже давно. Так что утку нужно терпеливо ждать. Когда кто-то из сестёр пройдёт мимо. И согласится дослушать просьбу до конца. С попытками высказать которую у меня определённо были проблемы. Но терпения пока хватало. Хотя, не исключено, что это было

нечто иное — поражение, к примеру, ещё какого-то участка мозга, ответственного уже не за речь, а за мочеиспускание. Потому как, пролежав со злополучной уткой минут тридцать, я так и не выдавил из себя ни капли раба. В смысле, жидкости. А сестра только возмутилась, мол, стоило ли её дёргать? Не один я тут...

Ну, да, нас в палате было четверо. К вечеру. Привезли ещё одну старуху — необъятных размеров, заговаривающуюся, что-то причитающую на каком-то тарабарском языке. Привезли и скинули с каталки. На единственную пустую кровать, у самой двери. И оставили её подвывать.

Это что ж, и меня, надо полгать, таким образом на кровать переваливали? Тем более, что я молчал. Будучи без сознания. Как и ещё двое постояльцев этого предбанника перед вечностью. Опять же из разговора сестёр, я знал: две другие кровати в реанимации заняты попусту, не жильцы. Ни старуха, к которой сразу после ухода Игоря Степановича в виде исключения пустили дочку, величественную даму, неопределяемого после пятидесяти возраста. Ни мужик, попавший в какую-то переделку, из которой вышел, ну как вышел, был вытащен бригадой скорой, но вытащен без половины черепа.

Так что сестра, возмущившаяся моей просьбой, лукавила: я был один в палате. Живой и в сознании. Остальные больше числились по разряду овощей. Но это не смущало ни меня, ни доктора. Посторонние уши хоть и были, но вряд ли в состоянии были слышать наш разговор. А если и слышали, то даже запомнив, вряд ли могли куда передать.

Доктор тоже слушал вроде как невнимательно. По долгу службы, так сказать. Но интерес не утратил до самого конца. Или просто не выдал его отсутствие. Ведь и не перебивал же наводящими вопросами.

— В общем, Киприанов пир, скажу я вам, — резюмировал Орефьев, когда я закончил рассказ.

— Какой такой пир? — не понял я.

— Учёные мужи до сих пор спорят, что это за пир. Вполне возможно, обычный стишок. Наподобие «Сядьте, дети, в круг скорее, речь, пойдёт о гоноре» ...

Уже с первых слов Игоря Степановича я потерял нить рассуждений доктора. Но он снизошёл.

— Стишки. Из мнемотехники. Чтоб лучше запомнить. Последнее — это для студентов-медиков. Почти учебное пособие по венерическим заболеваниям. А пир... Он для учащихся монастырских школ. Был. Как считается. Для лучшего запоминания святых. И их деяний.

— Но причём здесь монастырские школы и медики?

— Вот и я думаю: причём? Да ни причём. Начитались вы, голубчик, всякой ереси. Через её призму, когда мозг в сумеречном или полубоморочном состоянии аналитические способности отключил, взглянули на наше житие. Вот и придумали епархию с её похищенными девственницами. И ладно бы девственницы. Реши вы в своём воображении попасть в заграничный вертеп, там, не исключено, были бы мальчишки. У католиков таких примеров пруд пруди. О чём и пишут. На каждом углу интернета.

— Не факт.

— Что? Что не факт? Что отцы католической церкви принуждают мальчиков к сексу?

— Что я подался бы в заграничный вояж. Кто б мне визу открыл?

Теперь уже доктор вошёл в ступор. Ненадолго, правда.

— Какую визу, Михал Михалыч? Вы ж в виртуальной реальности пребывали. А там и без виз можно путешествовать, — он ухмыльнулся, явно радуясь своей находчивости. И даже трёхдневная щетина вроде как умягчилась.

— Я пребывал в ином времени. И никуда не уезжал. Хотя и попытался.

— Вот только ваше иное время оказалось не просто нереальным. Это же какой-то сбой в матрице. Сами посудите: за вами приходит спецподразделение, с которым вы легко справляетесь. Пули вас не берут. Ножи, кстати, тоже. Тихоходный пароход у вас уворачивается от выстрелов прямой наводкой. А видеочамера из сегодняшнего дня перекочевала в ваш сон.

— Это был не сон, — я решился на последний аргумент.

Его мне открыло зеркало. Сестра с недовольством, но всё же вместе с уткой принесла и его — стекляшку, отражающую и добро, и зло. И я, откинув одеяло, вслед за изучением физиономии, осмотрел обнажённую больничными порядками натуру. То бишь тело. Проявив наибольшее усердие в осмотре плеча. И обнаружил там то, что чего быть не могло.

И теперь предъявил свою наготу Орефьеву. Не всю, конечно, что он там не видел, такого чего бы не было у него. А вот здоровенный синячище в форме барашка от

иллюминатора у него явно отсутствовал. Его-то я и показал...

— При падении в магазине такой фингал я вряд ли мог получить. А вот отлетевший барашек от иллюминатора запросто мог оставить именно такую отметку. Уж больно специфическая форма...

18

К утру в палате я остался один. В смысле в живых. Хотя и прежде был в единственном числе — в сознании и здоровом рассудке. Впрочем, доктор едва не убедил меня в том, что рассудок здрав не вполне. Но тут...

Первой среди ночи отошла толстуха, которую привезли последней. И едва уложили в койку, как она заухала-застонала. И так без остановки. До полуночи как минимум. После чего затихла, но взвыл прибор в её изголовье. Я попытлся кнопкой вызова сестры призвать подмогу, но сестра явилась сама. Похоже, хоть и была больница в разрухе, но что-то ещё работало. Как мой монитор, на котором изредка менялись цифры. Хотя я и не был уверен, что они верны. Потому как периоды боли не совпадали с высоким давлением. И наоборот.

Вслед за сестрой пришёл Игорь Степанович, появились санитарки.

— Отмучилась, — пробормотал Орефьев, не глядя в мою сторону.

Позже, едва первое тело убрали, без суеты, но с видимым неудовольствием — не могла до утра потерпеть, доктор долго стоял над вторым мужчиной в палате. Что его там держало, мне было не видно из-за придвинутого к

кровати монитора, отслеживавшего мои давление и пульс. Но потом в палате опять всё пришло в движение. Ибо монитор над соседней койкой почти сразу после ухода Орефьева нудно засвистел, на одной ноте. Точно так же, как час назад взвыл над толстухой.

Кнопка вызова сестры опять не работала. И я стал барабанить боковым поручнем кровати по её основанию.

Сестра, одарившая меня уткой и зеркальцем, не скоро появилась в дверном проёме, одёргивая халатик. Бесполезно. Пуговицы были застёгнуты со сдвигом на одну, и из-под халатика, там, где он разъехался, виднелись черные трусики. Готов был поклясться, что надеты они были наизнанку, потому как явно виднелась этикетка. Белая. На чёрном фоне. Такие обычно срезают. Ну что там такого ценного, трудно запомнить ручной режим стирки? Но даже не срезанная, такая метка обычно внутри, а не снаружи. Так что занятие, от которого я её оторвал, было, конечно, важнее отбывшего в последнее путешествие больного. Который и так был не жилец. А я заподозрил Орефьева. В том, что слава дамского угодника за ним ходит не зря. И в том, что он умышленно уменьшил нагрузку на отделение. Ведь и без того персоналу не доплачивают, медикаментов не хватает, как и свободных коек, зачем держать овощ там, где место может понадобиться способному выжить?

Бросив на меня подозрительный взгляд, сестра вызвала нянечек. Которые только закончили где-то в недрах больницы управляться с толстухой и громко высказывали недовольство дежурством, на которое выпало столько хлопот. Но, оказалось, что это было ещё не всё. Перед самым рассветом на одну ноту перешёл и монитор старухи, с

которой накануне успела проститься её дочь. Однако Игоря Степановича в её изголовье на этот раз не было, так что не стал я на него напраслину возводить. Да и сестра пришла сама, застёгнутая по всей форме, мне не пришлось её выстукивать морзянкой выдернутым из пазов поручнем. Зато нянечки оттоптались по полной. Громко, поминая всех врачей и сестёр, они судачили, что давно не было таких дежурств, чтоб все в палате за ночь померли.

Мне хотелось возразить, что я ещё живой. Но испугался. А ну как они для придания веса своим словам и меня вывезут вперёд ногами? Я ведь от покойников недалеко ушёл. И без того жил по доверенности, уже который год, а ныне мог и без сторонней помощи скопытиться в любой момент. А тут ещё капельница закончилась, и я заволновался, что вместо лекарственного раствора в вену попадёт пузырёк воздуха, и мне — конец.

Не то чтоб я боялся смерти. Живя с ней едва ли не в обнимку второй десяток лет, я просто не хотел умирать сейчас, не разобравшись с тем, что со мной приключилось. Не в смысле очередного удара, с этим всё было ясно, и было только вопросом времени. А в плане путешествия во времени и пространстве, среди миров.

Запинаясь, я кое-как привлёк внимание нянечек к своей проблеме. На их зов явилась сестра. Устало заменила бутылку с какой-то ядовито-жёлтой жидкостью, на такую же, но с прозрачной, как слеза младенца. А я, как тот самый младенец, но шкодливый, вроде как невзначай, а на самом деле намеренно, провёл ладонью по упругим коленкам медсестры.

Сестра вскинулась и долго смотрела мне в глаза. А я делал невинное лицо. И глупо лыбился. Потому как эта шалость могла быть последней в моей жизни.

Я хотел женщину. А значит — был ещё жив.

Что ж, если пациент хочет жить, то медицина бессильна. Правда, не всегда.

На бейджике, приколотом поверх халата, аккуратно поверх вздымающейся груди, я разобрал немного затуманенным после лекарств взглядом: «Алевтина Борисова».

Надо же, а ведь меня Алевтина ждёт. С девчонками в салоне. Побитом осколками. И не все там в здравии, если верить Алевтине.

Сестра проткнула иглой пробку в бутылке. И едва жидкость плавно потекла по трубкам, мои глаза закрылись.

19

— Онисим!

— Лежите, сударь, лежите, — чья-то рука мягко удержала меня на дерматиновых подушках дивана. — Нельзя вам пока вставать. Опять худо станет. Думали уж помер, а вы вон, ничего, живы покуда.

Голос был женский. В сумраке салона его хозяйку я разглядеть не мог. Похоже, за иллюминатором был поздний вечер. Это ж сколько я провалялся?

— Онисим! — вновь подал голос я, напоминая, кто здесь за старшего. — Как там Маркони? Где мы сейчас идём?

— Это я, Аля. А Онисим, это... На дворе...

— На палубе, что ли?

— Ага, на этой самой... Стоим мы...

Это я и сам понял. Сумрак за иллюминатором был недвижим. И дрожи машины не было слышно.

Память медленно возвращалась.

— Что с девочками? Ты говорила, их побило...

— Схоронили уж... Онисим распорядился... Ушли с водой...

— Кто?

Меня волновала Ия, но спрашивать напрямую не рискнул. Опять будить ревность Алевтины. А она у моего одра. И как знать, что выкинет обиженная дева... Мне, если верить пробуждающейся памяти, капельница нужна и покой. Но капельница осталась там, в иной жизни. А тут покою бы, хоть немного...

— Искра, Даша, Малуша...

Эти имена у меня ни с кем не ассоциировались. Про Дашу только слышал, что мордочка у неё симпатичная, как и у Кази. Но кто они — убей не вспомню. Вот только терять неизвестных легче, чем знакомых и близких. Пусть и не были мы близки, но Ию было бы жалко. Безвестных же девчонок вроде тоже, но не так.

— Не мучились?

— Только Малуша... Ногу ей оторвало.

— Маркони?

— За ним Ия приглядывает. Вон в том углу...

Я попытался приподняться, чтоб разглядеть с кем делю палату, в которую превратился салон «Бойкого».

На диване у другого борта в неверном свете луны, пробивавшемся в иллюминатор, виднелась копна волос. Цвета прелой соломы, как я помнил. Но сейчас не мог

сказать с уверенностью. Однако поверил Алевтине. Тем более, что эта копна склонилась над кем-то лежащим, как и я, на диване. И они там тоже о чём-то ворковали. Не слышно, правда. Хотя и было того салона всего ничего. Но уши у меня похоже знатно заложило. Не столько от стрельбы, сколько от пережитого удара. Как его здесь, вероятно, назовут. Однако это был инсульт. И доктор диагноз поставил. И капельница нужна...

Да где же взять капельницу! Хорошо хоть сиделка есть. В том мире и её не было. Но что лучше, сиделка или квалифицированная помощь?

Впрочем, из палаты реанимации даже с профессиональной помощью трое уже не вышли живыми. А вышел ли я? Вот в чём вопрос...

Коль я здесь, то там меня точно нет.

— Где остальные?

— Онисим забрал. Оприну и Параскею ужин готовить поставил. Как самых слабых. А Казя и Франа помогают на дворе... Ой, на палубе. Нас с Ирией при хворых оставил. Пока.

— Позови его.

— Кого?

— Онисима.

Алевтина неслышно поднялась. Я в неясном свете оценил её фигурку. С лица, может, и не красавица, но вполне. Хотя мне сейчас не до этого. И будет ли когда...

Но вот то, что Ия выбрала не меня, — жаль. Впрочем, это я назначил Алевтину любимой женой...

— Не вовремя, мил человек, ты меня отвлекаешь, —
Онисим навис надо мною неясной тенью. И спёртым духом
— изо рта, от тела, от пропотевшей одежды...

— Ты только в двух словах...

— Уголёк тью-тью. Даже по течению не уйти. Расклепали цепь, отдали второй якорь. Который уцелел. Стоим не очень далеко от берега. Но здесь нас не видать. Разве что цепью берегом пойдут. Но это вряд ли. От команды три человека осталось. И то один ранен. Пришлось девчат взять на подмогу — борт латать. Они деревенские, справятся. Только командовать надо...

— Ты цел?

— А то. Меня не берёт, — хохотнул, но как-то совсем не весело Онисим.

— Что там Маркони? — спросил я шёпотом, кивнув в сторону другого борта.

Онисим неопределённо помотал головой. За ним тенью возвысилась Алевтина. И тоже покачала головой. Напрасно, значит, я Савву ревновал. И у меня может появиться шанс. Если сам выживу.

— Ладно, иди. И прости, что я вот так, сломался... Всех взбудоражил, а сам почиваю.

— Удар у тебя. Лицо перекосило. Видал я такое. Так что скажи спасибо, что жив. А дыру и без тебя зашьём. У меня вон какие помощницы. Ещё и ужин будет. Хоть кок у нас того... Так что ты не помирай раньше сроку-то. Хватит смертей...

Смертей не хватило — к утру тихо ушёл Маркони...

Девчонки о чём-то тихо переговаривались. А салон был залит солнечным светом. Так что даже перепачканные бурыми потёками диваны больше не казались страшными уродцами, поглотившими людские жизни. Или, как минимум, их кровь. А может потому, что большую часть салона занимала парусина? Не вполне белая, но всё ж изрядно выгоревшая. И топорщившаяся над столами барханами складок.

Упреждая мой вопрос, Алевтина сказала:

— Онисим велел. Шить парус. А вы, сударь, извольте супчику откусать.

— Я бы лучше водочки откушал. За неимением виски.

— Что вы такое говорите! Нельзя вам! Опосля удару только лежать! И бульончику чуть-чуть...

Я бы съел не чуть-чуть, и не бульончику, а чего существенней. В животе давно уж свирепствовал колливул. И урчал он далеко не тихо, а требовательно. Да только я сомневался, что наши запасы позволят его накормить. Но порадовался, что механик оказался толковый. И вместо угля нашёл чем двинуть вперёд наш пароход. Который станет парусником, судя по всему. Правда, там той мачты, что кот наплакал. Да и кота нет. Зато над тарелкой в руках Алевтины поднимается дразнящий парок.

— Сами-то ели? — проявил я командирское участие.

— А то, — отвела взгляд Алевтина. — Как Савву водам отдали, так и перекусили. Все вместе. Токмо вы в беспамятстве были. Так что это осталось...Ешьте, не сумлевайтесь, Параскея вкусно готовит, хоть и мала ещё. Серьёзная она девушка, имени под стать.

Девчонки, занятые шитьём прыснули от смеха.

— Что не так? — одёрнула их Ирия, которую я не видел из-за горы парусины. Но голос узнал.

Швеи притихли, углубившись в работу. Я взялся за ложку. Но не судьба.

В салон ввалился Колодезный.

— Ну, что, мил человек... Я тут малость раскомандовался...

Упрёка в голосе не было, хоть он и подразумевался, ты, мол, тут разлёгся, а командовать должОн. Обычный доклад служивого.

— Молоток, одобряю.

Онисим не понял. Да и девицы совсем притихли, даже шелест нитей, пронизывающих парусину, пропал.

— Всё правильно сделал, — поспешил я исправиться.
— Я бы лучше не придумал. Мачта вот только выдержит ли?

Онисим перевёл дух.

— Выдержит. Парус ещё и маловат будет. А к вечеру, как мои кости шепчут, ветер переменится. Парус поставим, вернёмся к базе, выгребем остатки угля. И на Кострому.

— Не рискованно ли? Возвращаться... И кто будет грузить? Не нагрянут ли охранители?

— По ночам они носу не кажут дальше центральных улиц. А грузить... У нас, вишь, какая команда? — Колодезный рукой обвёл салон. — И пара мужиков. Молчуны, правда, но руками умеют. Остальное дело техники. Элеватор, главное, чтоб работал.

Я вспомнил транспортёр, по ленте которого попал на борт «Бойкого». Элеватор, значит. Что ж, будем надеяться, что он на ходу. Хотя что там его ходу — крути, знай, педали.

А лучше бы ещё и та пара грузчиков, что компанию мне составляла, оказалась на месте. Чтоб девчонок не мытарить. Они и так в трудах почти всю ночь. И ели, скорее всего, значительно меньше меня, махавшего ложкой куда усердней, чем прежде лопатой. Но уж больно есть хотелось. Кусок хлеба, из-за которого едва ли не вспыхнула драка, был слабым утешением для пустого желудка, да и был очень давно.

— Раз ночью пойдём, то не мешало бы всем вздремнуть.

— Девчата дошивают. И на покой. А мужики уже дрыхнут. Чтоб есть не просили.

— Сам-то ел? — опять вылез я со своим участием. Уж лучше бы с постели встал и в дело вложился. По мере сил.

— Ел, — Онисим, как до того Алевтина, отвёл глаза.

— Врёшь поди, — буркнул я, но суп доел. — В радиорубку меня доведёшь? А то неловко, все при деле, а я отлёживаюсь.

— Куда тебе, мил человек. Виданное ли дело — после удара вставать. Радуйся, что живой.

— Надо. Попробую радио починить, я порушил, мне и восстанавливать. Ты хоть и мастер на все руки, но вряд ли ещё и по радиоделу спец.

— А ты, мил человек?

— Я тоже не ахти. Но соображу. Как рвал провода помню. Вот и постараюсь срастить. Нам бы хоть какие слухи от епархии... Всё было бы полегче оторваться.

— Да и так не сидят на хвосте.

— Сплюнь.

— Пошто так?

— Чтоб не сглазить. А до радиорубки доведи, не девчат же просить. Потом будет тебе ещё задание. Не здесь. Там скажу. Пока я ковыряться буду в проводах, а ты и спроворишь.

Желудок отозвался на супчик довольным урчанием. И плечо Онисима оказалось довольно надёжным. Впрочем, свою надёжность он доказал в бою. И после. А то, что дотащил меня, убогого, до радиорубки было уже так, сверх надобности доказательств.

— Прости, что я не вовремя сломался...

— Э-э-э, мил человек! Не о том говоришь! Удар он не в нашей власти. То Велес за тобой посылал.

Какой такой Велес, чуть не выпалил я. Христиане ж! Правда, с каким-то катайским акцентом, но всё ж... Но удар, то бишь, insult, как я понял, и последовавший за ним клин в речи, обернувшийся заиканием, не позволили мне высказаться, сыграв мне на руку.

Я промолчал. Не стал настраивать против себя и расстраивать Онисима. Пусть верит, в кого хочет. Он же не навязывает мне свою веру. А чего я должен свой безбожный устав ему под нос совать? Куда проще всем жилось бы, уважай люди веру и неверие других. Молча уважай.

— Ладно, проехали. А вот с припасами тебе придётся повозиться. Не сочти за труд, раз уж не в моей власти самому заняться. Сосчитай патроны и еду. И всё, что может сгодиться. Для боя. И для жизни вне городов. В городе-то, кстати, сколько народу?

— Тыщ эдак полтора. С пригородами, — не задумываясь, выпалил Онисим. Всё-таки он был бесценен. Как источник знаний. И умений, кстати, тоже.

— А всего по епархии?

— До трёх сотен будет. Тыщ. Правда, не во все сёла попасть можно. В некоторые только зимой.

— Болота?

— Они самые.

— Так, может, и нам туда податься?

— А до зимы? — резонно спросил Колодезный.

Мог бы и сам дотумкать, почесал я мысленно репу. Да и как на пароходе, хоть под парусом, хоть без, уйти из реки в болотистые топи?

— Я тебя потом ещё поспрошаю, а пока иди. И счёт запасов нужен, и отдохнуть тебе надо. А я пока тут поколдую.

К вечеру радио ожило. Вот только стоило ли оно затраченных усилий? Напрягая зрение, надрывая ногти, я кое-как из запчастей в столе Маркони собрал замену вспухшему конденсатору. Предварительно срастив провода. И с трепетом подал напряжение.

Голос, проникающий в самое сердце, напевно выводил слова команд.

Ну, это мне было ясно, что раздаются команды. Пусть и не в повелительном наклонении. Слушателям это, скорее всего, было невдомёк. Но они, в отличие от меня, опять же скорее всего, просто тупо повиновались бы.

Епархия поднимала своих сторонников на бой. Возможно, последний. Но отчего-то не с внешним врагом, а с городом. Наслушавшись увещаний «не мириться со злом, угнездившимся по соседству», я, наконец-то понял и причину призыва расправиться с городом и его обитателями. И этой причиной был... я.

Кончено, вслух никто об этом не сказал. Но мне было ясно, что «нечестивый, проникший в наши края», «потворствующий гонениям на единую нашу православную всекитайскую церкву», «ударивший в самое сердце наших дорог», по которым идут припасы, есть никто иной, как я. А город, с наезда охранителей которого на меня и началось всё, оказывается, на мою защиту встал.

Удар серьёзно повредил мои речевые центры. И ноги слушались не совсем адекватно, из-за чего мне и потребовалась помощь Онисима в передвижении. Но мозги работали пока исправно. И, пораскинув ими, я пришёл к выводу: Станислава всё ж добралась до своей цели. И, не исключено, добилась её. Если не благочестивостью своей, как о ней девчонки судачили, так рассказом о захвате «Бойкого». А потом и дружина вернулась, доложив, что бой сложился не в их пользу потому, что городские тоже в него ввязались. Впряглись пусть и не прямо против войск епархии, но всё ж и не на их стороне. И если верно, что враг моего врага мой друг, то не мой друг — мой враг. Вот иерархи и замутили смуту. В чём её план, я пока не понял, но ясно, что все силы сейчас будут брошены на наши поиски. А заодно — и на взятие города под контроль.

Что ж, пусть мутят. Транслировать по судну эту ересь я не стану. Хотя и неплохо было бы показать моему экипажу, что я тоже не зря бульон хлебал. Но не стоит. Вдруг в речах иерархов есть и потаённый смысл. Который разбудит некие дремлющие центры в головах моих соплавателей. Экипаж-то мой чисто условно, это я себя назначил боссом. А если вводные есть в голосах иерархов? Одному мне против всех не устоять. И даже вдвоём с Онисимом. Он вроде как тоже

не поддаётся внушению. А там кто его знает. Так что рисковать не стоит. Жаль только, что ничего конкретного узнать не удалось. Ну, типа как нас собираются останавливать. И как — город брать. И, главное, когда. Пока только увещевания. Но уже ясно, что спокойной ночи не бывать.

А тут ещё и ступени трапа загудели — кто-то поднимался в рубку.

Я на всякий случай радио выключил.

— Сударь, как вы?

Алевтина. С чего бы?

— Вот, радио починил. На свою голову. На нас епархия силы собирает.

Я кивнул на тлеющий огонёк шкалы приёмника.

— На то она и епархия, чтоб своего не упустить, — резонно заметила девушка. И замаялась. Явно не за этим пришла.

— Говори, Аля, не тяни. И тебе легче станет, и я израненный мозг напрягать не стану.

Она, видать, поняла не всё, но смысл уловила.

— Сударь, вы только не подумайте плохого...

— Я и не думаю. Говори.

— Вы мне нравитесь. Но я ж понимаю, што вы шутовали. Насчёт любимой жены...

— Ну, во-первых, не шутовал, а на должность назначил. Что не означает будто я на тебе женился. Да и куда мне, стар уже жениться.

— Не скажите! Старцы, как говорят, много старше! Но дев себе требуют.

— Я б тоже от девы не отказался. Да не сейчас. Выживу ли... Но у тебя другой вопрос...

— Да, сударь, только не сердитесь! Милости вашей прошу! И вы не стары! Но...

— Всегда есть но... Влюбилась, что ль?

— Уж и не знаю, как и сказать...

— Так и скажи...

— Это я стара. Самая старшая, почитай среди девственников. Ну, разве что Ирия на одно лето старше. А так я уж на второй круг пошла...

— Куда пошла?

— На круг... — Алевтина удивилась больше, чем я.

— И это ж сколько тебе?

— Осьмнадцать лет... И одна уосьень... Почитай в день рождения к вам попала.

Значит, Ие девятнадцать, возраст согласия или как там? Ну да всё равно против моих лет ни в какое сравнение... Так что об этом нужно забыть, выкинуть из головы. И думать о том, как выбраться из этой передраги. И главное — куда.

В своё время, да. Но это не вариант. Потому как туда не ходят поезда.

— И что ж ты хочешь, девушка Аля осьмнадцати лет?

— Замуж... — зарделась Алевтина.

— За меня, что ль? — пришёл мой черёд удивляться.

— Нет! — почти вскрикнула девушка, и тут же осеклась: — Ой, простите, сударь... Не то хотела сказать...

Я засмеялся:

— Ну хватит уже. Хватит извиняться. Я не в претензии. Да и жениться на тебе не собирался, это уж ты

прости, хоть и назвал тебя любимой женой. Так то для дела. А так... Давай женим, ой, замуж тебя выдадим. За Онисима.

— Сударь! — Алевтина бросилась мне на шею.

Так вот оно, значит, что... А я губы раскатал... Вот тебе и любимая жена, товарищ красноармеец Сухов...

21

Пока я возился с приёмником, экипаж, оказывается, тоже не дремал. По крайней мере, так Онисим доложил. Он заявился в рубку минут через двадцать после Алевтины. Уже, судя по довольной физиономии, знавший, что его холостяцкой жизни пришёл конец. Ему бы плакать, глупец, не понимает, что лучший день в его жизни был вчера... Но, оно, конечно, не сразу приходит. Понимание. Особенно если вчера жизнь висела на волоске.

Впрочем, в этом мире всё может быть иначе. И семейное счастье тоже. Это мне дважды не повезло. Так и мир был другой, и женщины...

Но об этом как-нибудь в другой раз. Сейчас же Онисим порадовал тем, что удалось существенно пополнить наши запасы. Которых, если честно, не было совсем.

Двух дев, самых юных, отправили спозаранку на берег. Как с парусом покончили, так и отправили. И как я не уследил? Точно бы не разрешил. А так, отвлёкшись на приёмник, даже не подозревал, что Колодезный может позволить себе такое безрассудство. И не только себе. Но и Оприне с Параскеей. Которых мужики, коих ради такого дела разбудили, на руках донесли до берега, благо было им по грудь и шагать по воде всего-то метров пятнадцать.

Берегом я не особо интересовался, даже когда поднялся с продавленного дивана, чтобы перебраться из салона в рубку. Поэтому не видел, что метрах в двухстах от нашей стоянки, под ивами приткнулась хижина. Почти порушенная. Но ещё с корнями. Былой жизни. Которая хоть и не была здесь ключом, но оставила от себя кое-что. И прежде всего — мешок зерна. Уж как он там сохранился, не ведаю. Но девчонки не только набрали зерна, но и смололи его ручной мельницей. Это у нас, в моём времени, даже мясорубка электрическая, а здесь целая мельница. И та ручная. Я так и представил себе: каменные жернова, вращаются мускульной силой, из зерна мука выходит, сыпется тонкой струйкой в котомку... Как с этим субтильные девчонки справились? Ах, да, они ж деревенские, из глубинки, где даже убогих городских приспособ для облегчения жизни днём с огнём не сыскать.

Куда удивительней для меня оказались охота и рыбалка. Тут уж немые отличились. С ними я знаком не был. Но это скорее мне минус. Ещё один. А так... Безъязыкие отменно справились с заданием механика. Кто-то из них поймал пару уток, силками, как я понял, потому как ни охотничьего оружия на борту, ни стрельбы не было.

Рыбачивший же добыл куда больше. Я с удивлением смотрел на переливающееся золотом и серебром содержимое огромного чана, выуженного механиком из каких-то его потаённых закровов. Шхер, как говаривали в моём времени на кораблях, где я служил. А как звались они тут, я не спрашивал. Но улов оказался знатным. И размерами отдельных рыб, и общим весом. Казя и Франа устало утирали лбы и с трудом разгибались, потроша добычу. А

механик довольно лыбился. Добытчик. И организатор. В чём я не мог ему отказать. Да и переплюнуть, чего уж там.

Но у меня был козырь в рукаве.

— Что ж, раз всё так удачно сложилось... А не справить ли нам сегодня свадьбку? Когда ещё выпадет такой случай.

Онисим расплылся в улыбке. Хотя, казалось бы, куда уж шире...

— Никак сам Лель пособил. И надоумил, — что-то такое заумное он сказал в ответ. И девицы, гурьбой высыпавшие на полубак, дружно закивали, подталкивая вперёд Алевтину.

Краем глаза я заметил, что Ия одна не шибко радуется. Понятное дело, обещанного жениха потеряла. Я же после первой неудачной попытки назначить её любимой женой интереса не проявил. А тут подруга счастье обрела...

Женская зависть — она штука такая, непредсказуемая. Как бы чего не вышло. И надо что-то срочно предпринять. Приголубить девчонку, что ли...

Но уже было поздно. Хотя я ещё этого не знал.

Понутив голову, из-за спин более юных подруг, Ирия внезапно обронила:

— Лишь бы Полель дорогой в потёмках не ошибся...

— Это ты о чём? — Если Лель мне худо-бедно был знаком, пусть и поверхностно, по «Снегурочке», то второй персонаж был явно неведом.

— Сегодня Дивию крылатые вовкулаки красть будут...

— Тебе почём знать? — мне-то и подавно не было ведомо о чём речь. А вот Алевтина усомнилась в знаниях Ии.

И выступила довольно агрессивно, зло уставившись на свою соперницу. Которую, казалось, уже победила, но та ударила в спину.

— Когда ты в поле картоху собирала, я учёные книги читала. Забыла, что ль? У нас же своя школа была, ведовская...

О как, Ия-то, оказывается ведьма! Или около того. Вот бы я вляпался с этим «назначаю любимой женой»! Впрочем, не исключено, что мне ещё аукнется.

— Ирия, ты тут смуту не наводи! — Онисим был сама любезность. Хотя это должно было быть жёстким окриком. Но, видать, и он ведовской школы испугался. Однако на уме у механика было иное. — Нет никаких вовкулаков. Это вам в вашем Кукобое наплели. Затмение это называется. Лунное затмение. Так что, поди, даже лучше, что ночью лунного света не будет. Сама же знаешь, он не всегда на пользу. Хотя и подсвечивает порой дорогу.

— У нас говорили, что Дивия кровь человеческую пьёт, — вставила своё слово и застеснялась то ли Казя, то ли Франа — с ними я так и не разобрался ещё, кто есть кто. Потому как без разницы мне было. Обе слишком юны, чтоб о чём-то таком думать даже. Пусть и по иному время здесь исчисляется, кругами какими-то. Мною кругов всяко больше намотано. И намного больше.

— Вот, устами младенца, — обрадовался Онисим неожиданной поддержке. — Пьёт, не пьёт, а всяко лучше будет по темноте венчаться. Не то как бы Морена не напугала невесту одноглазым драконом...

Неожиданно все рассмеялись, громко, заливисто. И даже подтянувшиеся к нашему сборищу немые растянули

рты в ухмылках. Один я стоял ничего не понимая. Ну, кроме Морены, так вроде радости от неё кот наплакал. Чего она там богиней была? Морока? Ну, или вроде того. И кто там ещё — Правь, Явь и Навь? Вот только я так глубоко никогда не был погружён в атмосферу славянских древностей. Богов — тем более.

Но реноме нужно было поддерживать.

Я кашлянул в кулак.

— Ну, если возражений больше нет... И это... Есть ли у кого что сказать такое, что делает этот союз невыносимым? — вспомнилось мне из христианства, но опять-таки далеко не нашенского. Да и то, вспомнилось как-то отрывочно... — Если есть, скажите сейчас. А нет — так молчите и впредь до скончания века. А молодые пусть живут долго и счастливо. И что там дальше.... Горько! Целуйтесь уже!

Я выдернул зардевшуюся Алевтину из стайки девчат и толкнул в объятия Онисима.

Она не сопротивлялась. А все, ну, те, кто говорить мог, радостно и громко завопили. Так, что я даже испугался — как бы не выдали нашу стоянку.

Что кричали, убей — не вспомню. Но точно не горько.

Меж тем я опять медленно оседал, опираясь спиной на надстройку. И постепенно все звуки растворялись в каком-то неясном мареве. Никак помянутая к ночи Морена расстаралась...

Часть четвёртая

Петля времени

1

Тишина была звенящей. Или зловещей. Но что-то в ней было не так.

Не то не очень зловещее, не то не совсем звенящее.

Но точно не хватало голоса Тишки, моего вечного, по человеческим меркам его жизни, спутника, попугая. Судя по солнечному свету в комнате, он уже точно давно не спал. Или, наоборот, спал вечным сном. Был-то он в своём летоисчислении куда старше меня, хоть и прожил со мной всего-то лет шестнадцать. От рождения в гнезде, которое я сам сплёл для его родителей. Но что ему до человеческого века, когда в переводе на мои годы Тишке за сто перевалило. И если уж я-то собрался на вечный покой, то ему сам бог, видать, велел.

Так что, опасаясь увидеть на полу клетки бездыханное тельце, как это было с его отцом, первым долгожителем в семействе, я шагнул из спальни.

И тут же уловил шорох за входной дверью.

Да и сама дверь внезапно показалась какой-то чужой.

Не отсутствием глазка, коим я всё равно в силу его искривлений никогда не пользовался. А прежде всего тем, что открывалась она внутрь. Хотя я точно помнил, что в подъезде, начиная со входной, ни одна дверь внутрь не открывалась. Тем более моя. Ещё заселяясь сюда отметил эту особенность — вышибить такие двери будет не просто. Не то что в моём старом столичном жилище. Уж не знаю, что за строительные нормы были такие прежде. Но

провинциальные веяния были мне как-то ближе. Хотя я и не собирался превращать своё обиталище в крепость. Стальную дверь, конечно же, поставить можно, но оборонять-то чем?

Ну да это уже сторонние размышления. И ни к чему. Потому как дверь, которую я видел сейчас, открывалась внутрь. И, что хуже всего, за ней-то и был шорох, заставивший меня насторожиться.

Вместо того, чтоб идти к Тишке на балкон, я шагнул к двери.

И в тот же момент она буквально снесла меня с ног!

Падая, только и успел прикрыть свою многострадальную голову. Иначе рухнувшая сверху дверь вышибла бы все мои тромбы и опухоли. Причём одномоментно. Что закончилось бы тоже столь же стремительно. И безвариантно. Моей смертью.

Но рука смягчила удар. Хотя спиной приложился знатно. И сквозь затихающий грохот обрушения двери слышал топот многих ног. В тяжёлой, судя во всему, обуви.

— Лежать! На пол! Лицом вниз! Руки за спину! Не шевелиться!

Команды сыпались как из рога изобилия. И не всегда в логической последовательности. Так что я в любом случае рисковал нарваться на ещё большие неприятности, чем выбитая дверь. Из-за неправильного исполнения команд. Поэтому мне уже всё было пофиг. А адреналин ещё не парализовал речь. И, щурясь от боли и пыли, я бросил в невидимую пустоту:

— Вытирайте ноги! Я только полы вымыл!

За что получил удар по почкам, от которого не только заткнулся, но и отключился на несколько секунд. Или минут.

Но не настолько, чтобы не слышать, как надо мной раздавались доклады:

— Чисто!

— Чисто!

— Чисто!

Это не про вытертые башмаки на грубой подошве. Это ворвавшиеся отчитались, что в квартире больше никого. Попугая за человека они не считали. Или его уже не было?

Теперь не будет и меня... Но с чего бы? Вёл себя я тихо, свои взгляды не афишировал, опусы, избобличающие власть и отдельных её представителей, в редакции не отправлял. Неоконченный роман тем более. Из читателей — Ольга, да и то под вопросом. Я ж его не распечатывал, а на ноутбуке — пароль. И тут же второй — на папке с документами. А она далеко не хакер. Но даже если и заглянула ненароком... Ничего там такого не было. В смысле, ничего такого, чтоб вот так штурмом брать мою квартиру — ни фейков, ни дискредитации. Или это только я так считал? Мало ли сейчас берут по доносу даже без причин. Был бы человек, а дело пришьют.

С другой же стороны, если без доносов, во всяких соцсетях, тем более подконтрольных службам, ворвавшимся в квартиру, следов не оставлял. От слова вообще. Хотя и тянулась порой рука приложить как следует хотя бы в комментариях. Не от трусости — от старости. По той же причине в митингах не участвовал. Писем в защиту задержанных не подписывал. В пикеты не ходил. Да даже улицу переходил только на зелёный! И вот поди ж ты...

За мной пришли. Что могло означать только одно: всё же донос. И это кто-то из близких. Если не Ольга, то кто? Игорь Степанович? Он-то с какого боку...

Впрочем, если потащат в суд, то времени на вычисление доброхота или стукачей, буде их несколько, у меня окажется предостаточно. А то, что в суд потащат, сомнений не вызывало. Потому как улики сейчас окажется выше крыши. Хорошо, если следов измены и шпионажа не обнаружат. Хотя, как знать, какая стоит задача. Может, и их найдут. В довесок к наркотикам и детской порнографии. Хотя ни тем, ни другим никогда не грешил. Но времена нынче такие, что не важен грех свершённый. Отвечать будешь за назначенный. За связь с марсианами, например.

Пока же я отвечал болью за внеурочный визит. Набиваясь в квартиру, каждый новый боец с автоматом ли, без оного, но считал своим долгом пнуть меня по рёбрам. И я их понимал.

Подняли ни свет, ни заря — это я привык вставать задолго до шести утра. Голодными — а ну как встретят стрельбой и пулей в живот, туда, где броник не прикрывает, — погнали на штурм. Обед тоже не гарантирован — обыск может затянуться. Потом — кому как повезёт, некоторые могут и до вечера оказаться в связке со мной: сторожить, везти в суд и из суда в казематы, да мало ли. Так что своё недовольство они изливали уже сейчас. Прямо на входе в квартиру. Благо мишень и виновник всех проблем в наличии.

Некоторое время спустя, когда прибывшие поголовно отметились, оттоптавшись на мне, а то и не по разу, некто, переступив через моё распластанное тело, многозначительно обронил:

— Ну, что, печенег, добегался?

С чего это вдруг я печенег? Белены объелись или спутали чего?

Но дальше вопросов стало только больше.

— Готов ли ты, упырь убогий, добровольно предъявить что из незаконного?

— Готов! — елозя губами по полу, просипел я. — Незаконное вторжение в квартиру — раз! Порча имущества — два! Нанесение побоев...

Договорить мне не дали, впечатав башмак под рёбра так, что дух надолго перехватило.

— Ты тут не выступай! Чай, не в трактире. В подвале священного приказа будешь дурака валять. Если живым доедешь, — популярно объяснили мне перспективы. Добавляя аргументов. В виде ещё пары ударов по рёбрам и почкам. Чтоб усвоил слова о священном приказе, которые не понял от слова никак.

Но неожиданно у меня появился защитник.

— Ты это, кончай, он целым должен доехать до епархии, за синяки с меня спросят, — одёрнул избивавшего меня другой голос.

Воспользовавшись паузой между ударами, я попытался вывернуть голову и рассмотреть говорившего. Или бившего. Кого удастся. Чтобы запомнить. Когда-нибудь сочтёмся.

Шансов на это конечно, практически, не было. Но надо же было как-то поддерживать себя в безысходности. Однако даже в этой малости мне было отказано.

Лица скрывали маски. Но совсем не такие, за какими прятались разгоняющие митинги, с забралами и тёмными

стёклами. Маски были совсем простые, тряпочки, с прорезями для глаз, не более того. Вот только возможности обдумывания увиденного не было. Меня куда-то потащили. А как же обыск? Приглашение назначенного адвоката...

Хотя о чём это я, конечно, ещё будет время высказывать заявления и ходатайства. К которым никто не станет прислушиваться. Потому что и приговор уже, скорее всего, даже не написан — отпечатан.

И всё-таки... Чего же им надо? И с какого рожна?

Глупость сморозил. «Ты виноват уж тем...»

Валить надо было...

Прогнившая до основания страна упала мне на плечи, разбив голову...

2

Как бы ни было мне больно и плохо, ума хватило понять, что одной дверью, открывающейся в другую сторону, дело не обошлось. Более того, едва меня выволокли на лестничную клетку, как в мозгу что-то щёлкнуло. И я вспомнил.

Всё это уже было. Но, как и с дверью, было не так!

Лифта не было. Значит, я не у себя дома. И даже не в своём измерении. Что было ясно ещё по двери. Открывающейся внутрь. И это можно принять как факт. Не дверь — другое время. Потому как и лестничная клетка была куда более убогой, чем самые замшелые в подъездах моего времени. В тех самых, что не ремонтировались со времён антисоветского мятежа осьмнадцатого года. Тысяча девятьсот восемнадцатого, чтобы уж быть точным. Потому как просто осьмнадцатый мог быть уже и XXI века.

Пересчитывая заплетающимися ногами ступеньки, я смотрел вниз — больше смотреть было некуда, ведь голову конвоиры, выдернувшие меня из-под навалившейся двери, специально пригибали к груди. Однако и в таком положении было ясно: спускаемся мы всего лишь со второго этажа. А во времени, где я дерзко раскидал таких же захватчиков, этаж был пятым. Не мой седьмой, но и не этот второй. Третий как минимум. Чтоб не спорить с собой и с памятью, примем за факт четвёртый, всё равно это ничего не меняет.

Значит, меня забросило ещё куда-то. И встретиться с механиком с «Бойкого» мне не доведётся. Но куда хуже, что Ирия тоже осталась там же, в другом времени. И так же и останется моей несбыточной мечтой. Что, может, и хорошо, учитывая её ведовское образование.

С другой же стороны, шансов у меня всё равно не было, пусть и обещанный ей жених приказал долго жить своей безрассудной смелостью. В бою. С нечистью епархии. Или с её дружиной...

Стоп.

А ведь епархия в наличии! И она ещё спросит за то, что меня избили! До того, как примет в своём подвале...

— Полегче, шею свернёшь, отвечать придётся, — прошипел я, косясь из подмышки на конвоира, особо усердствовавшего по правую руку. За что получил увесистый тычок в бок. И толчок в спину, когда меня дотащили до барбухайки, точь-в-точь повторяющей обводы эфэбешного микроавтобуса из моего предыдущего путешествия во времени. Хотя теперь я уже знал, никакие они не эфэбешники. Городские охранители, да? Впрочем, раз во времени сдвиг, то и они могут зваться иначе. А вот

барбухайка была в точности такой, какой я её запомнил. С водителем, пытающимся разглядеть причину шума в доме. Из которого в тот раз я выскочил, а вот как выходили пришедшие за мной — не знаю. Но вряд ли с радостными воплями. Осколками их побило изрядно. Жаль, тут так не вышло.

Организм или механизм, запустивший моё путешествие по временам, учёл ошибки. Или подсказки моего подсознания. А может, и слова Игоря Степановича услышал. Про то, что пули меня не берут. А видеокамера — это отрывок сознания из моего времени. Поэтому камеры и не было. А у меня — шанса...

Теперь его нет и подавно.

Меня вздёрнули за ноги, приведя в горизонтальное положение, и в таком виде, головой вперёд, швырнули на пол в салон барбухайки. В салон, который таковым и назвать-то стыдно.

В углу скорее кунга, чем салона, изрядное место занимал конус газгольдера — это я понял по исходившему от него жару. Да и опыт предыдущего вояжа сказался, хотя я и не побывал в том времени в таких вот средствах передвижения. И мог, конечно, ошибаться, но почему-то был уверен, что всё так и есть. И газгольдер, и дрова вместо бензина, и городские охранители вместо эфэсбешников. И город, скукожившийся из почти миллионника до жалких ста пятидесяти тысяч. А может и меньше. Ведь какое-то время прошло с моего предыдущего вояжа. Да и руку я приложил к тому, чтобы обитателей того мира стало меньше. Ненамного, но всё ж... А ну как сработал эффект бабочки —

схоронив Маркони, не запустил ли я процедуру вымирания целого мира?

Но пока вымирание грозило только мне.

В лицо и грудь, по мере продвижения тела по фанерному полу кунга впились несколько мелких щепок, видать от дров, заготовленных для поездки. Но мне тут же стало не до них — на спину опустились тяжеленные башмаки. В башмаках были ноги. Которые и придавили меня окончательно к полу. Да так, что я не то что бежать или оказывать сопротивление — вздохнуть едва мог. И каждый ухаб под колёсами барбухайки отзывался болью во всём теле. А ещё немилосердно жгло ногу, оказавшуюся прижатой к газгольдеру. И если меня будут в таком положении везти до самого Романова, ведь епархия там, то и нога сварится, и тело будет сплошным синяком.

Но поездка закончилась куда быстрее, чем я превратился в варёный фарш. Который потом нельзя было бы провернуть назад.

По мне опять прошлись ноги в ботинках. Но теперь на выход. И меня потащили за собой, добавив царапин и заноз на грудь, собрав их с настила салона-кунга.

— Принимайте товар, как заказано, — выпадая из кунга, я ткнулся носом в ступеньки, поэтому ещё долго ничего не видел. А когда глаза наконец раскрылись, передо мной вырос... «Бойкий».

Целёхонький. С трапом-сходней рядышком с элеватором погрузчика. И бордовой тряпкой флага епархии на мачте. Но, помнится, висел он прежде на кормовом флагштоке, которым Маркони меня до смерти напугал.

Маркони не было. А флаг был. Но на мачте. Неправильно это. По меркам моего мира, неправильно. Должно быть наоборот. На ходу флаг на мачте, а сейчас должен быть на кормовом флагштоке. Ну да то в моём мире. И потом... Если что и повторялось, то не совсем так, как помнилось. Или это сбой моей памяти? Вряд ли, связанным-то я точно не был. А вот голос Максимилиана узнал. По трубному гласу, что ли? Ведь и прежде он снизошёл до общения с охранителями через мегафон...

Меня привезли и выгрузили на причале угольной базы епархии. И даже два немых, как я подозревал, грузчика, лениво помахивали лопатами, кидая уголь на ленту транспортёра. А из иллюминатора ходового мостика Ставер недоверчиво рычал в мегафон:

— А он ли это, добры молодцы? Уж больно хлипкий...

— Какой есть, — прикрикнул в ответ охранитель, озабоченный возможными синяками на мне. — Забирайте!

— Помнится мне, сопровождение пленного до передачи епархиальной дружине лежит на городе... Мы мирное судно, — насмешливо процедил Ставер.

Что ж, ещё один шанс вырваться из этого плена, считай, пропал. Зная по прошлому визиту на «Бойкий» его команду, я уже рассчитывал на её разложение. Пусть и заново пришлось бы «уговаривать» Ставера. Но сопровождение охранителями сводило на нет эти надежды.

Впрочем, я всегда опережал события. Может, и в этот раз ошибка вышла? Но уже в мою пользу?

Такого, конечно, отродясь не случалось, но вдруг?

Меня подтолкнули стволом автомата или что там у них было на вооружении, к сходне.

— Шагай, упырь.

— С чего это я — упырь? — я впервые поднял голову, встретившись взглядом с конвоиром-заступником. Без маски он чем-то напомнил мне Онисима: крупные черты лица, торчащие уши, уставшие глаза. — То печенег, то упырь...

Ломавший мне руку на переходе из квартиры в кунг стоял с другой стороны. Маску он не снял. И целился из короткого автомата с длинным прямым рожком мне прямо в лицо:

— Шагай, и без разговоров. Не то ненароком на крючок тисну, и хрен с ним, с договором с епархией. Зато город спать будет спокойно.

— Мне кажется, что-то ты путаешь, мил человек, — качнул я головой. Но дожидаться выстрела или даже удара не стал, шагнул на трап. — Я спать никому не мешал. Наоборот, мирно спал, покуда вы не пришли.

Бегать по трапам меня учили хорошо.

— Эй, не так прытко! — опередил меня заступавшийся страж. И пояснил коллеге: — Не хватало ещё чтоб сбежал, сиганув за борт.

— Со связанными руками? — хохотнул злобный, толкая меня в спину. — Да и хрен бы с ним.

— Тебе бы, Войко, только бы грохнуть кого, — уже почти беззлобно, шагая впереди меня, буркнул мой защитник.

Сверху на нас из иллюминатора с интересом взирал Ставер, на палубе бесцельно торчали ещё двое неведомых

мне членов экипажа, причём один показался мне смутно знакомым.

Длинные лоснящиеся волосы. С прямым пробором в чёлке. Кустистые брови. Кривящиеся в улыбке губы.

Протопоп.

Правда, видел я его только мельком. Перед тем как убить. И всё ж узнал. Но это уже внушало надежду. Не узнавание, а то, что я уже стирал его из реальности. Пусть и не подкреплённая ничем, кроме смутных воспоминаний, надежда убрать его ещё раз затеплилась с новой силой. Узнав вслед за Максимилианом протопопа, я уже почти не сомневался, что если всё и плохо, то не настолько, чтоб ложиться и помирать.

Значит, ещё побрыкаемся. И пободаемся со старухой с косой.

Я почти успокоился. И как всегда, поспешил.

3

Салон «Бойкого» за время моего отсутствия изменений не претерпел. Разве что чист был, без пятен крови на обивке диванов. И пробоин в переборках не наблюдалось. Особенно таких, чтоб через них солнце могло заглянуть внутрь. А оно уже поднялось. Пока ещё невысоко, но день обещал быть жарким.

Значит, я перенёсся в лето? Прежде здесь я тоже был летом. Но тогда, похоже, под его занавес. Или самое начало? Холодно было... Но холода здесь случаются в любое время. А теперь вот лето-лето... Можно и в воду с трапа сигануть. Как опасался охранник. И схлопотать пулю вдогон от другого. Или просто утонуть. Я и так пловец никудышный, а

со связанными руками и вовсе топор. Толку что моряк, зачем моряку уметь плавать? Он ходить должен. На корабле. А плавать — последнее дело. Только когда корабль ушёл на дно. Но далеко ли уплывёшь с середины океана... Хотя здесь, на речке такое умение пригодилось бы. Впрочем, не в моём состоянии. Когда и сил кот наплакал, и сердце не выдержит даже короткого рывка. Это в прошлом вояже по временам что-то там не срослось, и я геройски вырубил всех охранителей. Два раза такой номер не проходит. Даже в вымышленных мирах, в чём меня и пытался убедить доктор. Но мир был явно не выдуманный, а осязаемый, живой. А вот я скоро могу стать мёртвым.

Покорно опустившись на диван за угловой стол, я ещё раз обвёл взглядом помещение.

— Чего пялишься, упырь?

На Войко, так кажется звали этого охранника, лицо которого без маски страха не внушало, я даже не стал обижаться. Он просто ищет повод чтоб разделаться со мной.

Упырь, так упырь. Я не стал спорить. Но ответил:

— Я не на тебя. На смерть за твоей спиной.

Охранитель вскинулся, завертел головой, с лица взбледнул. И вопреки ожиданию не стал кидаться на меня с оружием. И без того тоже не кинулся. Уселся напротив и притих.

Что ж такого, интересно, я сказал, что без драки победил? И если это не по доносу за мои взгляды я тут оказался, то причина весьма любопытна. Что в этом времени, что в моём, ничто так просто не случается. В моём так точно. По крайней мере, аресты. Только если кому-то выгодно...

Старший охранитель, проявлявший обо мне епархиальную заботу, вытянул ноги, подняв их на диван. И бросил свой укороченный ствол, но с таким же длинным, как у автомата Войко, рожком на стол перед собой. Мне бы руки развязать. Но где там, и надеяться не приходится...

А ведь судя по прошлому провалу в эти смутные времена моя сила не шла ни в какое сравнение с силой охранителей. И пусть не случается такое дважды, рискнуть всё ж не помешало бы. В чём там был прикол, с силой, мне до конца не понятно, но то, что был я намного сильнее, факт. Не зря же выжил. Хотя и умер в конце концов. Возможно. Мы все умрём. Рано или поздно. Да и в тот раз умер-то я от другого... Не завалили меня — время пришло, время старых ран. И даже от них не умер, а оказался в своём времени. Так что бояться нечего. И тут, когда придёт время, я тоже тихо уплыву. В лучший из миров. Ну разве что Игорь Степанович в моём удержит. Но это в другом времени будет. Если будет.

Дверь салона скрипнула. И я чуть приоткрыл веки — с закрытыми глазами меньше было соблазнов потянуться к автомату на столе.

Сквозь пелену на глазах я различил знакомую фигуру.

— О, какие люди! Сам Максимилиан пожаловал, — разлепил я спёкшиеся губы. — Ставер. Блудное дитя похоти...

С чего бы это я взъярился на капитана? Какое-то подспудное, невысказанное чувство словно толкало меня под ребро: дразни, заставь нервничать. Но как?

Да очень просто, пришёл сам собой ответ.

Чего испугался Войко? Кстати, глупое имя. Уж Вуйко было бы понятнее, таких имён, может, и не было, но так звали хозяев селянских хозяйств на западных окраинах российской империи. А Войко... Воин, что ли? Да какой он воин, смерти за плечом испугался!

Впрочем, скорее всего не смерти. А её предсказания. Вот это и есть моё оружие. Ведь пусть и совсем неточно, но я знаю некое будущее. Сбудется оно, нет ли, неведомо никому. Но мои противники почему-то полагают, что я это будущее вижу. По крайней мере, так решил Войко. А что скажет Ставер, участь которого мне точно ведома?

Ставер молчал. Но лицо его вытянулось, насколько я мог судить из-под полуприкрытых век.

— Хочется судьбу узнать? Ну что ж, я скажу... — память услужливо показала то, чего ещё не было в этом мире. Алевтину, судорожно заглатывающую слова: «Осьмнадцать лет... И одна уосень... Почитай в день рождения к вам попала». — Уосень только и осталась. Да и то для того лишь, чтоб встретить смерть. От руки попа своего. Как ты зовёшь его, Максимилианушка? Протопоп? Али как иначе? И сам-то ты кто, Расторгуев Пахом Силыч, или как? Ой, не знаю, не знаю... Но к осени смерть примет тебя под любым именем, как не прячься...

— Замолчи, упырь проклятый! — безо всякого мегафона Ставер взвыл на уровне ультразвука, да так, что его и в трюмах, видать, слышно было. — Сгинь, сила нечистая! Чур меня, чур!

— Ты ещё крестом себя осени, чтоб уж наверняка, — продолжил я издеваться, уловив, что правильную точку

приложения слов нашёл. — А поп, по дружбе, добьёт. Не зря, ой не зря его к тебе приставили! Змею пригрел...

Ставер резко развернулся к двери, но я решил не отпускать его просто так:

— Ой, Максимилианушка, чует моё сердце, широко рот ты разинул. На чужой каравай разинул. Не твоя дева, не твой каравай. Этим куском и подавишься. До уосени ещё подавишься, помани моё слово. Оно железа крепче, стали булатной прочнее...

Последняя фраза, брошенная уже в затылок капитану, несла ещё один потаённый смысл: а ну как удастся и Ганку спасти. Вдруг испугается Ставер, не станет её насильничать, глядишь, и выживет девчонка.

Выживут ли другие, да и будут ли они, я как-то не подумал. Но уже было хорошо, что страху на капитана нагнал. И на охранителей, притихших по обе стороны от меня.

Но «Бойкий» неумолимо шёл в неведомый мне Романов. По приказу ещё более неведомого Иова. Или всей епархии вместе взятой.

Жить мне оставалось не более трёх часов...

4

Встречать меня, казалось, вышел весь Романов. И откуда прознали?

Ну как откуда, а Маркони на что? Здесь-то он ещё живой. Не хотел бы я ему будущее предсказывать...

Но сейчас стоило задуматься о своём будущем.

Толпа молча, но зло напирала на хлипкие мостки, по которым от плавучего причала к берегу меня конвоировали

всё те же городские охранители. А на берегу их уже ждала смена. Высокие, как на подбор, в неизменном чёрном обмундировании дружинники иерарха.

Почему как на подбор? Они были специально выведены, вспомнил я. Так что тут далеко не случайный подбор — селекция...

За спинами чёрных дружинников виднелись столь же чёрные сутаны. Это уже встречающие рангом повыше. Отличие первых от вторых было не только в облегающих черных комбинезонах и бордовых беретах вместо клобуков, но и в шевронах на рукавах. Тоже бордовых. С белым крестом. Как и на сутанах церковников — золотых крестов, коими были богаты попы моего времени, не было, их заменила вышивка. Не за этими ли бородачами с вышивкой скрывается Иов, отдавший приказ меня изловить и пред очи его доставить?

Я пытался рассмотреть толпу священнослужителей, выделяя в ней отдельные лица, да куда там. Даже с моей дальновзоркостью, уже почти старческой, это было не по силам моим глазам. Прежде всего потому, что слишком много сутан. И бледных лиц под клобуками над чёрными одеждами. Едва ли не столько же, как и обывателей. Хотя, помнится, механик мне говаривал, что в самом стольном городе жителей тыщ полтора, не больше. А тут — всего лишь городок епархии. Но собрал, почитай, стотысячный митинг. И чем я заслужил такой радушный приём? Уж не тем ли, что слов моих тут бояться? Но почему? Я и печенег, и упырь, но вроде как и пророк? А двух пророков быть не может... Вот и взбеленился Иов. Но отчего так вышло? Вроде ж я ничем таким славен не был...

Ну, да, ещё в незапамятные времена моей молодости отличался тем, что почти безошибочно мог предсказать невзгоды. Так для этого ума много и не надо. Знай себе, придумывай унылый сценарий. Всё и сбудется, не мечтай о хорошем, а плохое тебя само найдёт. Позже я пророчил уже перед Игорем Степановичем. Доказывая, что плохой я пророк. Потому как всё плохое, что бы я ни предположил, сбывается. А что и кому напроорочил я здесь? Разве что Ставеру. Да и то в пределах доступных мне знаний на несколько месяцев вперёд. И только после своего ареста. Во время путешествия навстречу своей гибели.

А ну как меня за кого другого принимают? Был же здесь у них в обители печатник, смуту сеявший своими книгами. Может, это за него меня приняли?

Нет, не может быть. Женский монастырь, как мне помнилось из рассказов Саввы и механика, порушили уже давно. И печатника извели тоже не вчера. Так что не дано мне другим выставиться перед толпою, жаждущей, судя по всему, моей смерти. Вон как обыватели плятятся, Войко и то смотрел добрее...

По толпе, нарастая к дальним краям, пробежал глухой гомон. Но я разобрал.

«Упырь... упырь... упырь...»

На разные голоса, но одно лишь слово.

И с чего это вдруг я стал вурдалаком? А если начать от печки? Кто такой вурдалак? Оживший покойник. Почивший, к тому же, не своей смертью. Похороненный не по обряду. Восставший на сороковой день. И по ночам пьющий кровь живых...

Не сходится. Правда, только в том, что со дня смерти печатника должно было пройти всего сорок дней. Но кто сказал, что не могло пройти и больше, и даже не дней, а лет? Или чего там — кругов? Это куда более вероятно. Тогда понятна и эта ненависть. Хотя, скорее всего, это плод игр с недоразвитыми разумами. Иерархи с Иовом почище телевизора могли мозги засрать, вот народ и уверовал. В моё пришествие. Но не как мессии, а как упыря. Вокруг день-деньской, правда, и я, будь упырём, сдохнуть уже должен был, но как достучаться до мозгов при их отсутствии...

Но это как посмотреть. Мозг и не нужен. Нужен страх. Которого не то что б в избытке, но вполне... Надо лишь грамотно распорядиться ресурсом.

Вот только за спинами толпы высились деревянные кресты, мешавшие сосредоточиться. Потому что на крестах болтались тела — пять или шесть, уже изрядно обработанные птицами и непогодой. На одном взгляд задержался. Было в нём помимо ужаса смерти ещё нечто, куда более страшное. Не для толпы, для меня...

Ах, да, одной руки у висельника почти по локоть нету. За что? Воровал? Но не левой же? Меня ждёт та же участь? Не руки усекновение, а петля на шею?

Не хотелось бы так закончить свой путь. Значит, тем более стоит попытаться найти выход. Пусть и не получится, но чтоб не жалеть потом, что не попробовал.

Ещё не ступив с мостков на землю, я набрал полную грудь воздуха:

— Ну, что, православные, не видели упыря днём? Так вот он, я, тут! И вы тут. Но что-то Иов свет божий не

жалует... И кто из нас упырь? Кто света боится? Кто порождение тьмы?

Я выстрелил наобум. Пока была возможность. Потому как с берега парни в чёрном уже тянули мне навстречу руки, чтоб упаковать в свой священный приказ или куда там ведут обречённых на смерть. А я был именно таким обречённым. Но городская стража замешкалась, а епархиальные вояки ещё не дотянулись до меня. Вот я и гаркнул. Первое, что в голову пришло. Ведь не мог я знать: в толпе ли монахов Иов, нет ли. Но его отсутствие было бы мне на руку. Я и решил положиться на удачу. И не прогадал, похоже.

Толпа в ужасе отпрянула от мостков. И не только горожане. Но и воинство в чёрном. А среди чёрных сутан и вовсе произошло нехилое замешательство: первые ряды ломанулись в тыл, когда тыловые ещё напирали, но уже поддавались натиску более массивных, едва ли не специально откормленных приближённых к трону, занимавших первый ряд. Такие всегда впереди. Когда за благами нужно ломиться. Ну или попасть под благословение. И первыми же бегут с поля боя. Когда вместо благословения можно попасть под проклятие. Или по башке огрести, что ещё больше, чем проклятие.

На несколько секунд я оказался полностью предоставлен себе. Войко катастрофически отстал, и даже прикрылся автоматом. Его партнёр сошёл с мостков, но не предпринимал попыток меня удержать. Беги — не хочу. Но — руки связаны. Вокруг — агрессивная, хоть и напуганная толпа. Вот только куда бежать — я здесь, как Сусанин, сам в первый раз.

— Люди добрые! Дурят вашего брата, ох дурят! Не я упырь, но тот, кто на меня напраслину возвёл, перстом несправедным указав! А сам света божьего боится! Давно ли вы его живём видели? То-то же, токмо голос его скрежещет в ваших головах! А что голос? Дух бесплотный! Во плоти же — упырь! Но никак не пастырь...

Меня бы и дальше несло, вроде как удачно подсел на тему. Но тут налетели дружинники: глаза с кулак, выпучены, рожи белые, однако службу знают, и потаённый указ блюдут. Трое первых сбили меня с ног, навалились всей тяжестью, выбили напрочь дыхалку и рот заткнули. Хорошо только ладонями зажали, а не пихнули в глотку какую-нибудь тряпку, дышать можно. Но не витийствовать. Хотя и не до того было, когда сразу двое навалились на ноги, скрутили, связали и поволокли.

Я ещё попытался что-то вякнуть, но рот уже оказался плотно забит кляпом, момент появления которого я даже не уловил. Теперь бы только не задохнуться. А толпа...

Толпа просто расступилась, как море перед Моисеем. Хотя я рассчитывал на иное. Что она сомкнётся, освободит меня...

Моё мычание никого больше не пугало. Затылок больно бился о брусчатку, меня волокли за ноги. И я надеялся, что какая-нибудь очередная кочка станет последней на моём пути. Но тут откуда-то сверху и сбоку раздался приказ, суть которого я не уловил, только тон — приказной, не терпящий возражения или проволоочки. И в следующее мгновение троица, сбившая меня с ног, уже вцепилась в мои связанные руки, вздёнула с земли. Плечо, которое мне Войко едва не вывернул при погрузке на

«Бойкий», заныло новой болью. Но дальше я следовал молча. Ну как следовал, меня несли. Куда-то. И это где-то не предвещало ничего хорошего.

Позади толпа понуро молчала. Эх, настоящих буйных мало...

5

...По колодцу каменного провала я летел вниз головой. В темноту. Со связанными руками. И падению, казалось, не будет конца.

Но наконец я грохнулся, плюхнулся, разбился.

Ну как разбился. Не насмерть. Однако больно. И головой приложился, и по корпусу досталось, и руки ныли — ободранными локтями, содранными суставами пальцев, когда я пытался затормозить падение в узком проёме лаза, в который меня втокнули гвардейцы кардинала, ой, иерарха. Короче, Иова. Или кого-то, действовавшего от его имени. Потому как сам Иов так и не появился. Хотя я и бросил увесистый камень в его огород. И, похоже, попал куда надо. В противном случае со мной так бы не обращались. Или, наоборот, обращались ещё хуже. А то и покончили бы уже с занозой. Но тут, как мне показалось, чёрные клобуки задумали нечто иное. Или сам Иов тому поспособствовал, команду дал втихаря. И меня, вместо того чтоб порешить прилюдно, швырнули куда-то во тьму. Вот только темноты я давно не боюсь. Вырос из детских страхов. Какие другие может и остались, но не боязнь тьмы.

Первым делом, едва падение остановилось, я выдрал кляп изо рта. Жадно хватанул воздух, попытался сплюнуть, но во рту всё пересохло. А по горлу как наждачной бумагой

прошлись. Правда, я не был уверен, что здесь о ней имеют хотя бы понятие. Да и не в ней дело. А в луже, в которую я сел. В прямом смысле. Не случайно же я понял, что плюхнулся. Вода, конечно, при падении с такой высоты практически не смягчила удар. Да и было её едва ли по щиколотку. Вот только вряд ли она была питьевой, да и запашок от неё стоял тот ещё.

Тем не менее мокрую руку я поднёс к губам. Поморщился. Но слизнул влагу. Легче не стало. Но и хуже тоже. Так что процесс я повторил. И понял, что уже смогу говорить. Если будет кому.

Серый круг провала, маячивший над головой, внезапно исчез. Исчез со скрежетом надвигающегося на отверстие камня. Или железа. И вместо серости полумрака на меня навалилась уже настоящая тьма.

Приткнувшись спиной к стене, я приготовился тут и сгнить. Воя от голода и холода, который уже поднимался из лужи, в которой я сидел. А как же пыточный подвал священного приказа? И вообще, где обвинение, защита? Ну, или хотя бы руки развязали. Чтоб я мог вены себе перегрызть.

Вены, конечно, хорошо. Но прежде я попытался развязать верёвки. Это в салоне, на глазах у Войко и его напарника нечего было и думать о таком. А тут, наедине с самим собою... Отчего бы и не попробовать, тем более что больше заняться нечем.

Зубы, точнее, их остатки, не съеденные за годы службы, заныли от напряжения. Но дело пошло. Сколько ушло времени я бы даже навскидку не сказал, просто устал

непомерно. Однако и верёвка упала к ногам. Маленькая, но победа.

Теперь, помогая себе руками и всем телом, я выпрямился вдоль стены, к которой прижимался. Вода закапала с моей жалкой одежки — пижамные штаны от спортивного костюма, футболка. Босые ноги точно отмерили глубину — по щиколотку, как я и предположил.

Я вытянул руки. Тьма была такой, что я не различал даже кончиков пальцев. Да что пальцев — уже ладонь терялась во мраке. Но шаг вперёд всё же сделал. И уткнулся в противоположную стену. По которой, судя по всему, и стекала вода в колодец, куда меня бросили умирать.

Обшарив и не найдя ничего, за что можно было бы зацепиться, ухватиться или оттолкнуться, повернул направо. Стена. Без воды. И без зацепок. Ещё поворот.

Стена...Стоп! Стена, да не совсем!

На гладкой поверхности обнаружилась кирпичная кладка. Да не простая! Даже на ощупь, во тьме я понял её рисунок — портал. В другое измерение? Или иное время?

Да какая разница! Главное, не исключено, здесь есть выход. Или вход. А куда — потом разберёмся. Вот только как его использовать...

Я ткнулся лбом в стену с полукругом портика над потенциальной дверью в иные миры, словно так мог постичь тайну как эту дверь открыть. Пока выходило плохо. Но пальцы продолжали лихорадочно шарить по стене. Вначале быстро, потом, по второму кругу, медленнее. А после — тиская каждый отдельный обнаруженный кирпич. Наваливаясь всем телом. Или ласковыми прикосновениями.

Перемен в моём положении не случилось. Да и не ждал я их так быстро. Точнее, совсем не ждал. Поэтому и разочарование меня не отвратило от поисков. И от стены с порталом или портиком я вернулся к другим. Теперь против часовой стрелки.

Но только когда очередь дошла до стены, о которую я опирался спиной, что-то изменилось. Опять же далеко не сразу. И времени уже прошло немало, босые ноги давно свело от холода. И я чуть было не прозевал. Но всё ж заметил.

В щели кирпичной кладки мелькнул огонёк.

Поначалу я решил, что это от напряжения искры в глазах. Но всё ж вернулся к тому месту, где эта искра упала на стену.

В кладке действительно была щель.

А в ней таял огонёк...

— Слушай, — обращаясь неведомо к кому, прошептал я вновь пересохшими губами. — Только не погасни...

Камень в кладке рядом со щелью внезапно ушёл куда-то вниз. Стоило мне надавить на него. Хотя и давил не в том направлении. Нужно было вниз, а я от себя давил. И всё ж сработало.

Скрежетнуло. Не так громко, как при задвигании люка над головой. Но всё ж во мраке колодца это было как железом по стеклу. Зато передо мной нарисовался ярко совещённый провал. За которым было тепло.

Так ведь и в аду, говорят, не холодно. Но я уже не слушал голос разума.

В яму меня бросили на глазах охнувшей при этом толпы. Отшатнувшейся от стены, к которой припёрла меня на руках конвоиров. Не хилой такой стены, от трёх до пяти метров высотой. С навесом над бойницами. Это всё, что я смог разглядеть. Ну и ещё толпу. До того молчаливую, злую, готовую разорвать упыря. Коим меня представили людишкам, большей частью — немым, как я решил из предыдущего опыта. Однако пока меня волокли по романовскому заволжью, волокли без дорог и тропинок, по траве и комьям глины попеременно с камнями к стенам вокруг Крестовоздвиженского храма, как опять же помнилось мне из рассказов Онисима и Маркони, настроение толпы менялось. Особенно когда меня роняли, вопреки приказу, и тащили волоком. Жалостлив русский человек, даже к упырю жалостлив, особенно если творится несправедливость. А она, по мнению молчаливых обывателей, была налицо.

Иов навстречу пленнику, объявленному вне закона, из храма, окружённого вновь возведённой стеной, не вышел. Слово своё не сказал. А вот, поди ж ты, нукеры его злобствуют, усердствуя. Ни по совести, ни по закону это. Хотя, конечно, можно было бы сказать, коль пленник вне закона, то чего там с ним церемониться. Но именно в этом и есть противоречие русской души. Чёрт или бог с ним, с законом. Справедливость важнее. А тащить волоком, пусть и упыря...

Не по-людски это. Что и выдохнула толпа в миг, когда меня в метре от стены, окружавшей храм, швырнули в тёмный провал колодца. Из которого, по идее, не должно

было быть выхода. Без суда швырнули. Без приговора. Несправедливо...

Вот только сказать это толпа была не в силах. То ли из-за немоты большинства, то ли из страха. Но меня во тьму проводила жалостливым вздохом.

Навстречу огню, явившемуся из тьмы провала, меня не провожал даже вздох. Хотя тут, похоже, таилась опасность куда большая, чем разбиться при падении в яму, в которой было суждено сгнить. Но не сбылось.

Я надеялся, что и эта опасность, пока ещё неведомая, не сбудется. Потому, спасаясь от холода воды, набравшейся на дне колодца, шагнул через невысокий порожек в освещённый подвал. Узкий, едва ли не вдвое уже колодца, своды которого всего лишь на ладонь был выше моей макушки. А свет...

Свет маячил где-то вдалеке. Свет факела, колеблющийся, жаркий. От которого и было тепло в подвале. А ещё тянуло чем-то вроде ладана, но не столь мертво.

Стоило мне ступить на пол уже подвала, как за спиной опять скрежетнуло.

Обернувшись, я успел заметить, как кирпичная кладка, влекомая невидимой рукой, вернулась на своё место. И от лаза, через который я проник в подвал, не осталось даже щели. Хотя она должна была быть. Иначе как бы я заметил огонёк. Но в обратную сторону этот приём не действовал, из света тьму не разглядеть в деталях. Ну, да выбираться этим путём я и не думал, хотя, может, и зря. Колодец был таким, что, упираясь спиной и ногами можно было бы добраться до верха, о чём я сразу как-то и не подумал. И правильно не

подумал. Ведь сверху была каменная глыба, закрывавшая лаз. И сдвинуть её снизу мне вряд ли удалось бы. Так что я немного потерял. Зато обрёл шанс. Который, правда, неизвестно чем обернётся. Но пока я был в плюсе. Хотя и не прошёл далеко, и может даже не приблизился к выходу на свет, дойдя всего лишь до первого факела, отблеск которого и заманил меня сюда, зато босые ноги довольно быстро отогрелись.

Каменный пол подвала был тёплым.

Как говаривал Винни-Пух, «Это ж-ж-ж-ж неспроста»...

Выдернуть факел из крепления не удалось. А так было бы какое-никакое, но оружие. Однако плошка с горючей то ли смесью, то ли паклей, а может с углём была частью стенной конструкции. И такая же маячила впереди. Значит, мне туда.

Вот только через десять шагов, перед третьим факелом меня остановила решётка — подвал перегораживали стальные прутья едва ли не в руку толщиной, вмурованные в пол и потолок. Между ними не то что голову — руку не протиснуть. Даже у стены. Разве что раскопать её. Но чем?

Я присел на пол. Дальше ходу нет. И назад тоже.

...А поутру дружинники вскроют в присутствии толпы колодец, и все узрят — пропал упырь. Что и требовалось доказать. Дальше всё будет просто, меня потом даже могут тайком вытащить отсюда и бросить на растерзание толпы. Мол, поймали в ночи, беглец и враг потаённый. Правда, сделают это не завтра, голодом поморят, дадут завшиветь и завоняться. И вот он, враг рода

человеческого. О котором Иов предупреждал. И уже никто не усомнится, подумаешь, встречал ли иерарх пленника, волокли ли его по камням — а как иначе, если он даже из колодца улизнул. Прежде-то, скорее всего, кому-то из подручных Иова успел палки в колёса или ещё куда вставить. Не зря же злобствовала толпа. И городские опричники. Но теперь всё будет иначе. И всё получится, как нельзя лучше. Для попов. Одним ударом — двух зайцев. И враг в гробу, и авторитет на высоте. Даже в глазах тех, кто сомневался. Даже Онисим, послушав победные репортажи, может усомниться. Что у ж там говорить об обычной черни. Пусть и сочувствовавшей накануне упырю.

Упырь — он и есть упырь. Ему одна дорога — смерть. Но так ещё и с пользой. Для иерархов.

Невесёлые размышления почти полностью деморализовали меня. А это уже, считай, поражение.

Ни на что не надеясь, я подёргал прутья, преградившие мне путь.

Не сломать.

Осмотрел стену.

Кирпичи, на первый взгляд, сидели прочно, каждый на своём месте в кладке. Которой, должно быть, немало лет. И раз они за это время не выпали, то голыми руками их не выдернуть.

Вот только...

Кладке не может быть много лет!

Много лет собору. А всё, что вокруг, строил уже Иов. И едва ли не в ближайшие годы!

Колодец был у наружной стены. Вокруг храма. Под землёй прошёл я примерно столько же, сколько отделяло лаз

от оборонительного сооружения. Зачем был нужен под ним тоннель, неясно. Но перегорожен он, скорее всего, там, где наверху стена. Чтоб враг, случайно сюда проникнув, пройти дальше не смог.

Как это знание мне может помочь, я ещё не понял. Но то, что проник в тайну Иова, пусть и неясно какую, придало сил. Только я не знал, куда их приложить.

И тут меня осенило ещё раз.

Не могло быть надо мною стены! Потому как колодец, в который меня швырнули, был максимум в метре от неё. А я тоннелем только до первого факела прошёл раза в два больше! Это поначалу, после темноты мне показалось что расстояние было метра полтора, на деле же куда больше. И потом... Это тепло под полом...

Пока я сидел на каменном полу, меня оно едва не разморило. Но и думать заставило.

Под землю меня укатали метра на три, вряд ли много больше, иначе бы серьёзно разбился. А так отделался царапинами. Значит, я прошёл под фундаментом стены, едва ли он глубже полутора метров. И уже нахожусь в соборе! Ну, или как минимум на ограждённой территории. Всё равно внутри охраняемого периметра, в котором обитает Иов.

Это раз. Во-вторых, тепло под полом откуда-то отводится. Значит, внутри собора есть потайные помещения, где может обитать Иов со товарищи. Своего рода бункер. Чтоб выжить даже после того, как собор возьмут. Видать, не полностью он уверен в своей доморощенной страже. Или ближнему кругу не вполне доверяет. Потому и встречать меня не вышел. Хотя я ему очень нужен. Эдакий жупел.

Которым не только детей малых можно пугать. А всю паству.

А если попробовать от печки?

Я вернулся к месту, в котором проник в тоннель. Ощупал стену. Ну не могло так быть, что проход снаружи открывается, а изнутри — нет. Скорее наоборот должно быть, не для наступающих же сделали лаз...

И точно. Нашёлся камушек, не сразу, но ушёл вниз, стоило только грамотно надавить. Возвращаться в колодец желания не было. Всё равно там холод и сырость. А главное — тупик. Из колодца выхода нет. А если и есть, то вряд ли наверху обошлось без стражи.

Так что искать выход нужно здесь, в подвале. Неспроста, ой, неспроста вырыт тоннель. Что-то в нём должно быть такое, чего я пока не вижу. Хотя и светло от факелов. Вот только стены ровные да гладенькие...

Стоп. Стены — да. А свод тоннеля? Он же прямо над головой...

Так бы, возможно, ничего и не нашёл, не наступил на какой-то камушек босой ногой, отчего подпрыгнул на месте. От боли подпрыгнул. Но ещё больнее стукнулся темечком. О выступ, который никак не разглядеть даже в упор. Потому как кирпич да и кирпич, ничем не примечательный. Разве что с железкой, опоясывающей обожжённую глину. Ну дак её и не видать... Свет хоть и ровный, но мертвенный. Без дыма. Что там у них горит, колья масла выродились и не горят? Ну да с этим как-нибудь потом, если время будет.

Почти нежно провёл я руками по кирпичу с железкой. Раз, другой, словно грудь женскую ласкал. И она отозвалась на ласку.

Не грудь, конечно, железка. А с ней и кирпич. Только теперь пошёл он не вниз, а в сторону — в сторону лаза, через который я вошёл.

Скрежет если и был, то совсем негромкий. А вот люк в своде тоннеля открылся изрядный, куда больше той щели, через которую я в проход протиснулся. И не только люк открылся — рядом с ним оказалась лесенка, на шарнире. Но съёмная. Всё по уму. Спуститься в тоннель, открыть лаз, перетащить в него лестницу и выбраться из колодца. Правда, почти в упор к стене, но всё равно в тылу врага, который уже, значит, ворвался в храм — раньше-то чего бежать из укреплений.

В зеве открывшегося люка было темно. Что уже было хорошо, значит, здесь меня пока не ждут. Конечно, не исключено, что Иов специально задумал бросить меня именно в этот колодец. Чтоб я проник в подвал. И исчез для паствы. А потом возник уже как упырь. Которого нужно порешить. Без лишних уговоров и объяснений. Сценарий, хорош, вот только скорее для кино. Здесь можно было бы и проще обойтись. Дождаться, пока сгнию в колодце, потом уже вскрывать. Это не так эффектно, но меньше шансов что случится то, что случилось — я не только нашёл выход из подвала. Я нашёл вход в тайные казематы Иова. Ну а куда ещё могли вести переходы из люка...

Эх, жаль факел стационарный, и даже подача горючей смеси придумана так, что, вытащив чашу, можно загасить пламя, ни никак не взять его с собой.

По лесенке я перебрался в клетушку немногим большую подвала, такую же низенькую, но уже не жарко натоленную, а дышащую свежим воздухом. Ощупью взвёл

механизм закрытия люка. Теперь мне был только один путь — в недра храма. И опять в полной темноте. Но теперь уже была уверенность, что даже из тьмы есть дорога на свет.

«Три шага налево, два шага направо, шаг вперёд, наоборот...»

Я устоял перед искушением вновь открыть люк, чтоб добавить света. Потому как неизвестно насколько шумным было моё появление здесь, под самым боком Иова. И потом, ведущая в клетушку дверь, если таковая есть, а она непременно должна была быть, могла открыться снаружи в любое время. Задолго до того, как я найду к ней ключик. Почитай, золотой, ведь от него моя жизнь зависит.

И я шарил по стенам в поисках ещё одного потайного ключа. Но тщетно...

7

Усталость и безысходность брали своё. Я уже почти уверился, что возвращаться этим путём никто не собирался, и был он односторонним, для последнего побега из храма. Поэтому и не должен открываться изнутри. Значит, можно не тратить силы на поиски золотого ключика, он не просто утерян, его никогда не было. И лучше бы прилечь, вздремнуть, глядишь, быстрее время пройдёт. Да и жрать будет не так хотеться. К этому времени в былом путешествии, там, где я почти напрямик попал на «Бойкий», шмат харча, украденный у кого-то из команды, укрепил меня в жажде борьбы.

Сейчас если и была жажда, то совсем иная. Утолить её можно было. Спустившись в подвал и опять вернувшись в колодец. Там на полу вода. Правда, неизвестно через

сколько времени меня одолеет дизентерия или иная желудочная хворь. Так что это можно оставить напоследок, чтоб побыстрее свести счёты с жизнью. А пока...

Пока же я решил вздремнуть. Утро вечера мудренее. Хотя, как знать, может, уже и утро. Но поспать всё равно не помешает.

Вот только спать мне помешали. Когда глаза уже слипались. А дыхание стало ровным, размеренным. И бока почти не чувствовали каменной кладки. Зато слух хотя и дремал, но ещё не уснул окончательно и бесповоротно.

Скрежет камня о камень был как гром среди ясного неба. Правда, ни неба, ни тем более ясного в подвале не было. Зато молния вспыхнула. Мгновением позже я понял, что никакая это не молния. А отблеск факела из тоннеля. Только почему белый...

Да по кочану! Не факел это, и не отблеск его, а фонарь! И он первым появился из люка, который я аккуратно закрыл перед тем, как исследовать новую рукотворную пещеру на своём пути. Но, похоже, не судьба. Ни исследовать не судьба, ни вздремнуть.

Заскрипела лесенка. Из люка, как чёрт из табакерки, вынырнула фигура в клобуке, присела, убирая лестницу. Удачно присела. Спинай ко мне. Шпион? Или возвращается с задания соглядатай Иова?

Эх, знать бы мне расклады кто тут против кого... Хотя без оружия и на пустой желудок много не навоюешь. Мало того, что от голода брюхо подвело, так ещё и ноги с устатку подрагивают. Ох, не боец я нынче, не боец.

Впрочем, и тень, нарисовавшаяся в потайном ходу, тоже не особо грамотный боец. Могла хотя бы оглядеться, зная, что в эту же нору бросили упыря. Или не знала?

Я и сам не понял, почему начал думать о тени в женском роде. Вроде и сутана с плащом скрывали очертания тела, а вот, поди ж ты, почудилось что-то женское...

Едва в последний раз гроыхнул замок, запирая люк с лесенкой, я поднялся во весь рост. И сделал шаг вперёд.

Сейчас или никогда. Тень вела себя по-хозяйски, ничего не боялась. И светила фонарём в противоположную от меня стену. Так что я просто придавил лицо под клобуком сразу двумя руками, зажимая рот и нос.

Даже в стрессе от испуга я бы рванулся вперёд, ударил головой или локтем назад, а то и попытался бы сделать кувырок, сбрасывая нападавшего.

Тень же просто охнула и осела. Тем самым тоже едва не вырвавшись из моих рук.

— Тихо, тихо, тихо, — прошептал я ей в самое ухо. Которое оказалось ушком — девичьим, с маленькой серёжкой в мочке. А шейка и вовсе была с былинку, переломить — как нечего делать. И эта девица ночами или просто в потёмках бродит потайными коридорами? Что за птица такая?

Левой рукой я прошёлся по телу своей пленницы. Точно, дева. Упругие груди под сутаной или мантией. На поясе нож, о котором она от испуга забыла. На руке, которую вскинула чтобы оторвать мою от носа, потому что уже задыхалась, массивный браслет. Золото?

Мысль возникла явно не к месту. О другом надо думать, о другом. Но думалось о девичьем теле в моих

объятиях. Такие трепетные формы — и в сутану! Не хорошо это. Хотя эти мысли были ещё более неуместны.

— Если обещаешь не кричать, дам вздохнуть, — прошептал я в то же ушко. — Кивни, если согласна.

Девушка кивнула.

— Ты кто? — вытащив нож из ножен, я всё так же прижимал девушку к себе. И говорил почти в ухо, согревая своим дыханием тоненькую шейку. Которую не ломать, а поцеловать хотелось. Но не время. Да и не судьба, скорее всего.

— Ма... Маргана...

— Что за чудо такое?

— Покой дарующая в пути, — просветила меня девушка без лишних вопросов.

— Ну, даруй. Сама-то чего здесь?

— Живу... Живу я тут, — призналась девица. И тут же, словно сболтнув лишнего, попыталась прикусить мою руку, которой я на всякий случай прикрывал ей рот.

Что ж, я перестраховался. И не ошибся. Укус был так себе, но крикнуть девица не сумела. А дальше был нож...

Нет, я не полоснул им по горлу. Хотя, наверное, следовало. Но прежде надо бы вывести где это я, как дальше быть...

Ну, где вроде как ясно — подвал, тоннель под храмом. Но что за тоннель? Зачем ходить по нему, если из обители есть и обычный выход. Более приспособленный для девушки. Да и для кого бы то ни было.

— Не балуй, фея Моргана.

— Маргана, — шёпотом поправила меня девушка.

— Ну, Маргана так Маргана. Значит, не фея. Итак, живёшь ты здесь. В подвале, что ль?

— Это только проход. В мои...

— В покои? — договорил я за неё. — Так ты не из простых? Не из тех, что на потеху иерархам возят?

— Ты меня убьёшь? — в голосе дрогнула слеза.

— Ещё не решил. Думаю. От чего больше проку будет: горло перерезать или в заложницы взять.

— Лучше я тебя выведу, — всё так же шёпотом предложила моя пленница.

— Куда? — хмыкнул я. — Навстречу гвардейцам кардинала? Или к толпе, чтоб растерзала...

— Каким таким гвардейцам?

— Забудь. И про гвардейцев, и про то, чтоб меня выводить куда-то.

Девушка попыталась обернуться, чтоб меня разглядеть, скорее всего. Но я сдержал её порыв. И не ко времени приник к её телу, как первокласник. Хотя нет, когда я впервые так поступил, учился уже в классе шестом. А девчонка, хоть и моя ровесница, была весьма развитая, с формами, которые многократной превосходили те, что я нащупал под грубой тканью мантии.

— Ты Звяга? — прошептала она, уже не пытаясь ни обернуться, ни вырваться.

— Кто? — не понял я.

— Казимир Звяга, — повторила девушка, уже не спрашивая, а утверждая. И стало ещё непонятнее.

— Зови как хочешь, но давай вначале закончим с тобой. Ты кто? Помимо того, что покой даруешь.

— Служка. У Иова, — как-то быстро девушка начала приходить в себя, испуг прошёл, голос окреп, того и гляди заорёт, привлекая стражу.

— И куда он тебя посылал на ночь глядя?

— Это вернулась я ночью, — теперь в голосе слышалось сожаление. С чего бы? Да с того, что не ожидала меня здесь встретить. Вот с чего.

— И кем же ты служишь? Постельницей? Или, чего уж там, любовницей?

Ладонью я ощутил, как вспыхнуло лицо девушки.

Она даже ножкой топнула. Вот испугала... А ножик-то на что?

Я прижал сталь к тоненькой шейке.

— Ты, девка, не дури. Мне, судя по всему, всё равно не жить. Так заберу тебя с собой. Не так скучно будет на звёздном пути.

— Каком пути?

— С которого обратной дороги нет. Так что выбирай, вместе жить или вместе умереть.

— Жи... Жить...

— Вот и ладушки. Как тебя, Моргана?...

— Маргана, — вновь поправила девушка.

— Пусть будет по-твоему, — хотя Моргана была мне понятнее, пусть это существо и полумифическое. К тому ж из ненашенских краёв. А лет и тем более куда как ранних. Да и фата-моргана тоже более близка, чем какая-то там дарующая в пути покой. Я даже однажды видел этот мираж, в Саргассовом море. Только было это далеко и давно даже по меркам прошлой жизни, без этих визитов в параллельный или какой тут мир, может, перпендикулярный моему... —

Так вот, Маргана... Рассказывай по порядку, кто ты, чем занимаешься у Иова, пошто бродишь ночами потайными коридорами, кто такой Звяга. Чтоб проще было, можешь, с конца начать...

8

...Фонарь, типичная «летучая мышь», но только с ярким белым светом, природу которого, как и факелов, я так и не понял, освещал красивое женское лицо. И ничего более. А ничего более и не было. Я — не в счёт. Не мог же я себя видеть со стороны. Тоже, быть может, красавец. Но сейчас как сказать...

Оборванец, босой, провонявший подвалом и потом. Но рядом с красавицей. Которая даже не пытается избавиться от меня. Потому как деваться ей некуда. Пока. У меня её нож. И сильнее я. Хоть и голоден. Но ещё не отощал. Так что положением владею. Если не усну. Под монотонный рассказ Марганы. Но тогда она точно станет Морганой. Феей, навевающей сон. Переходящий в вечный.

Клюнув носом, я опять вскинулся.

— Так ты говоришь, что я... В смысле, Звяга пошёл против Иова, за что и был предан анафеме. И его никто не убивал. И я тому пример. Потому как пусть и в яме, но жив. А монастырь женский кто порушил? Дотла спалил...

— Про то мне неизвестно, давно было, — Маргана избегала смотреть мне в глаза. Врёт? Или боится, что околдую? Ведь если я Звяга, то — чернокнижник. Упырь. Отнимающий души. И убивающий тела.

— Не вяжется что-то, девочка. Пришёл в пределы епархии печатник, слово божье или иное какое принёс, а его

за это — вниз головой. В каменный мешок. Это если про меня. А так, слышал я, что давно его извели. Звягу, то есть. Настоящего. Вместе с монастырём сожгли. Оттого и упырём теперь кличут. Потому что восстал он. Из пепла, но восстал. И стал мстить. Меня же схватили незнамо за что. Но, видать, не угодил чем-то Иову. Зато удачно подвернулся. Можно выдать за упыря. И своё дельце решить, и прослыть борцом с нечистью. Вот только задумка не удалась. И я жив, и упырь где-то бегаёт по свободе.

— Всё потому, что дуракам ничего нельзя поручать, — внезапно вскинулась под клобуком Маргана, и произнесла всё таким голосом, что меня мурашки пробрали. Не зря заподозрил я, что с ней что-то нечисто. В епархии, где девок наперечёт, а лучших отлавливают по всей местной Руси и везут в постели к иерархам и иже с ними, она внезапно ночами сама ходит неведомо где. Знает потайные лазы. В которых, оказывается, специальные ступени есть, и из колодца можно выбраться. Когда стражи нет. Не боится упыря, а говорит с ним. Пусть и с ножом у горла. Виртуально, конечно. Я давно отпустил её из своих объятий. Мы расположились на каменном полу, на равном удалении от волшебного фонаря с белым сияющим светом. И за моей спиной была стена, которая должна была вести дальше, внутрь храма. Я специально так выбрал место, чтоб Маргане пришлось, буде ей захочется прорваться к святым старцам, пройти прежде через меня.

— И что ж на сей раз им было поручено?

— Ну, хотя бы бросить в подвал Звягу, — недовольно морщась признала Маргана. — И это ж надо было ухитриться бросить его... тебя, значит, мил государь, прямо

сюда, где проход, — она прикусила губу, хотя то, что это тайный ход, и так было понятно. Но признавать это всё ж не стоило. Потому как немедленно вело к новым вопросам: а для кого он, куда ведёт, зачем...

— Недостаток информации у подчинённых всегда ведёт к проколам. Вот и сейчас... Знали бы гвардейцы, что здесь тайный ход, не бросили бы меня в эту яму. А так, за неимением другой...

— Дружинники? Да они, мил государь, обленились просто. До другой было всего-то десять шагов. Но поленились. Хотя прежде сюда никого и никогда не сажали, — с сожалением пробормотала Маргана.

— Или испугались. Тащить лишних десять метров упыря не каждый решится, — предположил я.

И девушка нехотя согласилась:

— Да, перестарались. Упырём пугать перестарались. Вот и случилось то, что случилось. Запрета прямого использовать яму не было, а дуракам только дай повод...

— Ладно, красавица, ты мне зубы не заговаривай. Я не Звяга, да ты и сама, видать, давно это поняла, давай дальше, по списку.

— По какому такому списку?

— Я тебе его вначале озвучил. Куда ходила, зачем. О том, кто такой Звяга и кого сожгли вместе с монастырём, поговорим позже. Когда созреешь. Или я начну тебя резать.

Маргана встрепенулась.

— Сударь, я всё вам рассказала. Что знала, то и рассказала, а врать не хочу...

— Ну так соври, — лениво бросил я через губу. А сам мысленно переваривал новую информацию о мире, куда

меня занесло до того, как я здесь окажусь ещё раз. И меня просветят Маркони, механик...

Иов с головой городским договорился найти и извести Звягу, мутившего народ в епархии. Своими проповедями мутившего. Хотя сам он в епархиальные угоды не совался. Вроде как. И обходился подмётными письмами. Даже в городе. А показать на него некому было — немые, они такие, молчуны. Но тут случился донос — я как чувствовал, что без доноса дело не обошлось. Да и немислим русский человек без доносов. Так что кто-то послужил на благо Руси изначальной, или как там её кличут в этом времени? Вот за мной и пришли. Да и заказ Иова тоже ведь был. Городской голова с готовым доносом только подстроился под этот заказ.

Но как так вышло, что на месте Звяги оказался я?

Хотя вообще-то вопрос ставить надо иначе: как вообще я здесь оказался? И уже не в первый раз. Пусть и раньше по времени. Так ведь время здесь вообще иное, 7532-й год...

Ладно, об этом потом. Сейчас о нестыковках.

Маргана утверждает, что взяли вполне живого Звягу. Но толпа в епархии и действия дружинников, побоявшихся сделать несколько лишних шагов в компании упыря, опровергают слова девушки. И те, и другие видели перед собой именно упыря, а не автора подмётных писем. Хотя первое действиям второго никак не мешало. А с точки зрения контрпропаганды, Иов действовал абсолютно верно — затыкал голос оппозиции. Хотя какой там оппозиционер из Звяги... Правда, я многого не знаю, так, на домислах. Но суть схватил: Звяга изобличал старцев, а то и самого Иова,

узурпировавшего власть. За то и пострадал. Но тут его неловко выдали за упыря, сгинувшего давно, но занимавшегося при жизни тем же — изобличением старцев. И вместо того, чтоб сгноить в яме, дали доступ к потайному ходу. Который ведёт...

— Соври, к примеру, что этим путём мы в покои Иова не попадём, — на мою догадку Маргана опять встрепенулась. — Не хочешь врать? Грешно? Тогда рассказывай, как открыть дверь...

— Мил государь, не стоит вам туда иттить... Не пощадит вас Иов...

— А то можно подумать, он меня щадил... И сжёг, и в яму бросил... Только бы жил...

Маргана молча проглотила мой скепсис. А когда заговорила, то совсем о другом.

— Смерть совсем близко. Не только к вам, сударь. Иов, иерархи, да вся епархия, считай, обречены.

— Обоснуй, — зевнул я.

— Мор, — отрывисто и без объяснений бросила Маргана.

— Какой такой мор? — подтянул я колени к груди, надеясь, что так босым ногам будет теплее. Это в нижнем коридоре пол был даже горячим для них, здесь камень тепло отнимал.

— Китайцы по себе оставили, — добавила девушка. И опять без подробностей.

— Так ведь когда они здесь были! — удивился я.

— Давно, — признала Маргана. — А хворь дремала всё это время. Но теперь вот выйдет со дня на день. А тут

Звяга. И пророчит. А ещё настраивает супротив всех ограничений. Которые токмо всеобщего блага ради...

— Ну, если бы прежде не было иначе, да обладай Звяга знанием, в котором даже я сомневаюсь, глядишь, и не выступал бы никто против ограничений. Если они действительно на пользу, — невольно вспомнились ограничения, которые мне довелось пережить в ином, отличном от епархиального времени. Пользы от которых было так себе, а вот неудобств, боли и прочих напастей хоть отбавляй...

— Скажи мы сейчас про мор, так от епархии камня на камне не останется. И свои разберут, и чужие набегут. Чтоб значит, загрести жар...

— А чужим что ж, мор не грозит? — удивился я. А про себя отметил: не забыть бы задать вопрос, кто такие мы...

— Грозит, знамо дело. Он на своих и чужих не делит. Знай, косит. Разве что катайцы не придумали иного. С них станется. Чтоб, значит, своих не трогал, а токмо чужих убивал.

— Так это что ж, рукотворная хворь? — уже не удивился, изумился я. Плавали, знаем...

— За то я вам, мил государь, не скажу, врачеванию не обучена. А вот баба Леся...

Ну, правильно, а кто ж ещё, не баба Яга ж...

— И что там старушка Леся?

— Не такая уж она и старушка, — как-то подтянулась или подбоченилась Маргана. — Это зовут её так. Повитуха она. И знахарка. Потому и баба. Живёт возле леса. Вот и кличут — Олесья. Ровесницы мы с ней.

— А вам, барышня, простите за любопытство, сколько годков?

— Во Христов возраст взошла. Потому и к Олесе бегала...

— Никак рожать пора?

— Что вы говорите такое, мил государь! Я с богом венчана, мне не по чину. Детей иметь-то. А у бабы Леси не токмо роженицы бывают...

— Деточка, — с высоты моих прожитых лет её тридцать три вполне годятся чтоб звать её деточкой, — не обессудь, но богу твоё воздержание от деторождения или иное какое — без разницы. Это раз. Второе. Ты слишком умна, хоть и пытаешься здесь корчить дурочку. Со всеми ЭНТИМИ прибаутками от сохи. Я ж вижу, ума — палата. Но ключиком только дразнишься. Задумала что-то. Как извести меня, скорее всего. Вот будет потеха — дева заклётого врага Иова извела! Так и трон его, гляди, займёшь.

Маргана вспыхнула, хоть и свет был далеко не дневной, но краска, бросившаяся ей в лицо, проступила наглядно. Ой, девица, угадал я твои мысли никак? Или что иное тебя смутило? Что? Трон или как меня порешить? Так одно от другого зависит...

— И третье. От чьего имени ты собиралась говорить?

Непонимающе вперившись в меня своими чёрными глазами Маргана молчала.

— Ну, ты же сказала: если мы скажем про мор. Кто такие мы?

Девушка прикусила губу.

Ох, точно тут нечисто...

— Открывай. Только без глупости. Я и так уже покойник. А тебе жить да жить.

— Может, всё ж через колодец вас вывести, — неуверенно, но в который раз уже предложила девушка.

— Мы это уже обсудили. Открывай.

Прислонившись к стене, я внимательно следил как Маргана в свете фонаря нащупала нужный камень, приложила к нему свой браслет, и стена бесшумно скользнула вниз. Без неё мне бы здесь точно не пройти. Как и не вернуться колодцем, в котором только она могла вызвать из стен ступени. Это я мог падать головой вниз. А дева спустилась ног не замочив.

— А если бы в коридоре был кто? — спросил я уже так, для проформы.

— Дверь бы не открылась. Там хитрый замок. Если в коридоре есть кто, механизм не сработает. Утыкание будет. До той поры, пока не освободится пол.

Ишь ты, какие слова знает послушница или прислужница богов...

А ведь не только слова знает! Ещё и бродит по епархии, сама, без охраны. За пару дней и ночей больше ста вёрст, по моим прикидкам, прошла. От Романова до Кукобоя. Может, конечно, в этом времени он где в ином месте. Но Маргана сказала — на болота, в Кукобой ходила. Эти болота — ближайшие. В противном случае до Переславля пришлось бы ей топать пешком. А зачем?

...Баба Леся ману навела. И наперёд что-то предсказала. Про тот же мор. Но и рецепт, говоря по-нашему, выписала. Вот Маргана и вернулась, Иова лечить.

Который, как выяснилось, уж двенадесятый день со смертного одра на встаёт. Потому и не было его на площади у пристани. А Звяга всё то время, пока иерарх при смерти, только подливал масла в огонь. Видать, кто-то ему вести слал. Из самого собора. Из окружения Иова. Кому-то не терпелось поменять старца...

— Ну так масло ж не горит, — вспомнил я паровые движки городских охранителей.

— Иное масло, человеческих страстей. Они страсть какое полымя дают. — Тут я вынужден был согласиться. И если лень двигатель прогресса, то зависть — мотор всех разрушений. Империи рушились из-за зависти, а тут какая-то никчёмная епархия...

Но что мне за дело до империй, епархии и Иова? Ноги бы уносил, как предлагала Маргана. Уносил бы, и даже с превеликим удовольствием. Но куда? Здесь мне чуждо всё. И я чужд всему. И как бы не я спустил курок того же мора. Или, пуще того, поставил крест на епархии, Иове, Маргане, Онисиме, Маркони... За это должен я не просто ответить. Обязан попытаться исправить.

— Что ж такого Звяга лил и куда? Какими словесами основы сотрясал?

— Тебе лучше знать, — Маргана вновь идентифицировала меня как гонимого прорицателя. Но тут же поправилась: — Твердил, мол, власть иерархов не от бога всеединого, что Иов узурпатор, попрали традиции и скрепы духовные, польстился на злато икон. Ну и на то, что было собрано народом. На призвание катайцев. И оное для истребления внутренних врагов, а не побивания внешних истратил.

— Так катайцы были наёмниками? — удивился я, полагая по рассказам Онисима, что эта операция творилась по обоюдному согласию сторон, но никак не за деньги.

— Ещё и грабителями, — дополнила меня Маргана. Ну, это-то мне было известно. Иначе войны не ведутся. Верхи зарабатывают своё за счёт договорённостей и контрибуций, рядовые мародёрствуют на поле брани. После оной. Если остались победителями. Но, похоже, воевали-то исключительно на землях епархии. Поэтому победившие войска грабили своих же. Ну как своих, катаям все одинаково чужими были.

— А что если Звяга прав был?

— Хулу несёшь, мил государь. Напраслину возводишь на Иова.

— Ну как же, как же. В чём хула-то? Катайцы пришли, воевали, нет ли, потому как победа не за вами. Но деньги взяли. Своих, то бишь, исконных русичей пограбили. И ушли. А враги как были, так и остались. А епархия ещё и скукожилась. До Романова, считай, и скукожилась. Как ещё Кукобой не отняли. Разве что из-за болот. И тамошней нищеты. Кому он нужен такой...

Маргана промолчала.

— Может и к лучшему, что Иов не встаёт?

На бледном, миленьком личике глазищи полыхнули ненавистью. Странные глаза. Вроде как даже мёртвые. Но столько злобы в них! Я даже отодвинулся.

— Кто примет бразды власти с его кончиной?

— Иов был, есть и будет.

— Это дух его. А тело перейдёт Калинов мост или куда оно там отправится... И дух снизойдёт на нового иерарха. Вот я и спрашиваю: на кого?

— То мне неизвестно, — нахмурилась, погасив свой непримиримый взор, Маргана.

— А твоя баба Олеся что про будущее Иова сказала? Лучше бы я не спрашивал!

Девушка внезапно вскинулась, готовая вцепиться в моё покрытое грязью личико. Это я чтоб не сказать в морду. Всё ж своё. А вот её...

Ноздри изящного носика раздулись, как у хищного животного, пусть и мелкого. Хотя как сказать. Рысь вон тоже мелкая, но попробуй встать у неё на пути. А тут ещё и руки. Пусть и тонкие, с длинными пальцами пианистки, о чём она, скорее всего, даже не подозревает. И вот эти руки встрепенулись, сжались в кулачки. Взор же Марганы, уже опаливший меня, теперь просто прожигал насквозь. Как папиросную бумагу на солнце под увеличительным стеклом.

Будь у неё оружие или просто сила, не жить мне. Прямо вот тут и не жить.

Но нож, единственное оружие в камерке, где мы оказались заперты, кто по доброй воле, кто волей случая, был у меня в руках. И я не собирался, случись Маргана решится напасть, миндальничать. Полосну по горлу красавицу. Тут мы оба и умрём. Во мраке подземелья. Выход из которого есть, но он в руках Марганы. Так что это я скорее её пленник, чем вершитель наших судеб.

По всему выходило, что будущее епархии за Иовом. Хоть Маргана, нехотя и признала: да, сменяясь, старцы берут имя усопшего. Чтоб ничего не менялось. В головах паствы

прежде всего. Не начинать же всякий раз сначала. А так правил Иов, так он же и правит. Но кто и когда его сменит — двенадцать дней в бреду, в любой час помереть может, говорить отказалась напрочь. Неведомо, мол, и всё. То, мол, собор решит.

Я было подумал, что выборы пройдут, и спросил, тайным ли будет голосование. Но выяснилось, что собор — это совсем не конклав, как в Ватикане, и не собрание попов. Собор — это и есть собор. Перед потайным входом в который мы и зависли в беседе, не совсем дружеской. И не очень познавательной — многое приходилось додумывать на ходу, Маргана не то чтоб плохой рассказчицей была, но опускала то, что считала общеизвестным. Так же и с собором. Как собор, храм то бишь выберет иерарха — неведомо. Но — выберет. И всё тут, разговор на том закончился. И Маргана согласилась провести меня внутрь. Предприняв последнюю попытку отговорить.

Скользнувшая вниз стена открыла проход в просторный коридор. После мрака подземелья я сощурился, ожидая узреть поток света. Но зря. Тут было сумрачно. И смрадно. От свечей. А со стен взирали лики святых. Свеженькие, совсем не такие, какими видел их я в своём мире. А ведь время-то прошло одинаковое... Или, всё ж, разное?

— Нижний храм, — шепнула Маргана.

— Скорее подвальный, — усомнился я в её словах. И напряг извилины. Что нужно было сделать куда раньше. Ещё в прошлом визите в эти годы или времена. Потому как год был тот же. Даже тот, что и у нас. Пусть и в другом написании.

Лики святых вроде как те же. Но в то же время епархия, взявшая здесь и сейчас в свои руки бразды правления, не была романовской. В моём времени. Видать, тут был особый катаклизм. Потому как прежде романовских или позже тутаевских попов окормляли или как там у них, в Рыбинской епархии. А та уже входила в состав Ярославской митрополии. Может, это и не имело никакого значения, но получалось, что теперь в Ярославле никаких поповских властей нет. А романовские сами себе начальство. Ну и богохульство, похоже, тоже. Потому как приняли на веру какое-то всекитайское божество. И других к тому склоняют. Хоть и зовут его, по-прежнему, Христом, христопродавцы эдакие.

Что дало мне это понимание, не знаю. Разве что уверенность в ложности исповедуемых постулатов. Ну так в этом я и прежде был уверен. Бог нужен человеку чтоб оправдать свою слабость, трусость, подлость наконец. И получить шанс безнаказанно грешить. Потому как не покаешься, не согрешив. А главное — всё плохое можно списать на богов. Они, мол, допустили. С такими и подобными мыслями я точно Звягой стану. И проповедовать начну. Ну или пророчествовать. До осени протянем, а там на «Бойком» уйдём.

— Иов-то где?

Маргана посмотрела на меня как на умалишённого.

— Не в храме же его врачуют...

— А чо нет? Тут же к богу ближе... Глядишь, и пособит. Если Иов того заслужил. Хотя вряд ли...

Храм был пуст. Разве что со стен на нас строго взирали разные лики. А я пялился на них. Хоть это и

некультурно. А культурно ли «бичевать» Христа? Тем не менее на очередном шаге, в сумраке собора я разглядел именно такую сцену. Вот только было в ней что-то не так... Не то чтоб я был знатоком. Но тут и глупец сообразит: палачи были не римскими воинами, а вполне себе русскими, здоровыми парнями в портах и рубахах. И не жалели бичуемого. Как не пожалели меня, брошенного в яму, такие же русские, но уже потомки этих палачей.

Я прикоснулся к стене храма. И неожиданно, вместо божественной благодати, которая должна была бы снизойти на меня, ощутил какую-то ущербность. Не свою, стены. Но не шероховатость краски или штукатурки, нет.

Под пальцами были щербинки. Явно рукотворные. Не трещинки, не сколы, а вполне себе осознанно вырезанные буквы.

Нащупывая очередную, я шевелил губами, проговаривая надпись вслух, вполголоса.

— В лето 6976 срубиша на Волзе городок Романов...

Это ж какой год в моём исчислении? Я мысленно отсчитал от известной мне даты разницу в годах.

1468-й.

Пять с половиной столетий тому! А храм как новый...

Странно устроен мозг человеческий. Эта информация, казалось бы, не имевшая никакого отношения к происходящему со мной, внезапно вызвала другие ассоциации. А те уже привели совсем к иным размышлениям. И даже открытиям. Правда, запоздалым. Ну, это как всегда...

Но в тот момент память, о которой в былые годы поговаривали, что она у меня как у лошади, которая никогда

ничего не забывает, услужливо подсказала: без малого пятьсот лет спустя после основания срубленного Романова в сих местах учинили насилие над природой, и затопили около 450 тысяч гектаров земель — пашни, луга и леса. Я мог ошибаться в точности цифр, но порядок их был примерно такой. А на кой он мне? Да на то, что с созданием Рыбинского водохранилища Крестовоздвиженский храм в Романове подтопило. И вырвавшиеся у меня невольно слова о храме подвальном были, как бы это сказать, ключиком к разгадке. Вот только я ещё это не осознал.

На кой ляд строить подземный ход из храма, если к нему не будет доступа у важных персон? Которые и нужно, в случае чего, спасать. Не будут же они метаться между храмом и надворными постройками, на виду у всех. Да и стену для того же выстроили — скрыть от глаз людских происходящее в храме и вокруг оною. А тёплый пол? Не из того ли подвала, который в моём времени затопит, идёт его подогрев? И не там ли, в тайне ото всех заседает Иов, а совсем не вне храма, как мне втирать пытается девчуля тридцати трёх лет отроду?

С арочного пролёта бокового придела, в который мы поднялись, пройдя царскими вратами из алтаря, сорвалась капля конденсата. Того самого, что в моём времени погубит все эти фрески. А сейчас выдавшего присутствие кого-то постороннего. Потому как воздух в храме был сухой, и капли быть не могло по определению.

— Сдаётся мне, не в том направлении мы идём, — попытался я достучаться до Марганы. — Нам, скорее, вниз...

Монашенка остановилась, обернулась.

Лицо Марганы, красивое там, в пещере, перед выходом из подземелья в храм, до неузнаваемости исказила надменная ухмылка.

— Не поздно ли ты, Казимир, прозрел?

Дотянуться до неё я никак не успевал — предусмотрительно Маргана остановилась в метре с небольшим от меня, как ни тяни руки, но не достать. А её голос, из робкого и испуганного, внезапно возвысился до командных высот:

— Взять его!

И тут же из теней в нишах храма скользнуло на свет десятка два людей в чёрном. Мой нож, изъятый у Марганы, был никчёмным оружием против блеснувших сталью клинков и матово отсвечивающих стволами автоматов, уже знакомых мне по длинным рожкам магазинов.

Продать жизнь подороже? Это успеется. Лучше помучиться ещё немного. Глядишь, и вывезет кривая, как не раз прежде вывозила. Хотя и впитал я едва ли не с молоком матери учение, что русские не сдаются, но давно стал думать иначе. Потому как смертью ничего не докажу. И второго шанса жизнь обрести не будет. А так какой-никакой, но шанс пожить.

Поднимать руки я не стал. Не кино же. Да и неизвестно понятен ли здесь этот жест. При задержании в квартире было не до этого, да и не дали мне руки поднять, наоборот, дверью привалили. Поэтому я просто швырнул под ноги Маргане её ножичек.

Сразу двое в чёрном облапили меня в поисках другого оружия. Ничего не найдя, преданно вскинулись в сторону коварнейшей из женщин:

— Ваше преподобие, более ничего нет.

— Преподобие? — вскинулся теперь уже я. — Так ты и есть Иов? А как же двенадцать дней его предсмертных судорог?

Конечно, было странно видеть в мужской роли женщину, да ещё и молодую. Но со своим уставом, устаревшим и в моём времени, я был лишним в этом монастыре.

— Казимир Звяга, не всяким словам надо верить, — надменно произнесла Маргана, на плечи которой, пока меня обыскивали, прислужники в чёрном набросили поверх скромного монашеского одеяния отороченную мехом алуу накидку.

Передо мной стояла правительница епархии, которую я близоруко не разглядел в напуганной моим внезапным появлением девушке.

10

...— Плохой ты предсказатель, Казимир. Хотя и было тебе даровано такое имя. Даже свою собственную участь не разглядел. Всего-то на день вперёд. А взялся пророчить не на один круг. И для многих.

Очень часто то, что мы видим, совсем не то, чем является. Особенно когда ты в плену стереотипов. Женщины в истории, за исключением единиц, типа Жанны Д'Арк, всегда должны были быть на вторых ролях. Даже героини-любовники порой замещали их в постелях королей. Что уж там говорить о папском престоле, хотя и поговаривают историки, что был такой казус, когда тайком папа... родил. Но то в просвещённой Европе. И в моём летоисчислении.

В краю, забитом предрассудками, пытками и изуверством почище инквизиторских нравов, ожидать женского начала вроде как вовсе не приходилось. А поди ж ты, вопреки всему именно женщина, да ещё и довольно молодая возглавила крестовый поход. Куда и зачем — другой вопрос. Но встала же во главе. Да ещё как встала!

Не она, скорее всего, начала его, поход то бишь. Но на переломе выхватила знамя епархии из чьих-то старческих рук. Пусть и мужских. Однако ж слабых для того, чтоб дело довести до конца. Какого — тоже не понятно. Так в этом и есть нечто женское... Что — не знаю, но это так по-женски: чего-то хотеть, а чего — не известно. И добиваться этого вопреки всему.

И ведь добьётся. Прежде всего потому, что не знает, чего. Это ещё и по-русски. На авось. Глядишь и выйдет чего. А потом можно сказать, что именно этого и хотели. Как лета ни считай, на круги ли, на годы или столетия, а в наших краях мало что меняется. Вот и сейчас так.

Всем вокруг епархия войну объявила. Противникам оной вырвала языки. В союзники призвала тех, кто воспользовался её слабостью, обобрал и убрался восвояси. Из успехов, да и то относительных — только селекция дружины. Старшей, как я понимаю. То бишь, приближённой. К телу. Иерарха. Или ещё кого. Ну так в этом и в моём времени мы тоже завсегда были впереди планеты всей — засрать мозги сызмальства, чтоб потом безропотных и послушных детишек, едва повзрослеют, бросить под танки. Или на танках. В соседнюю страну. И встречать их оттуда в цинковых бушлатах. На худой конец — в деревянных. Что сути дела не меняет.

Это ещё можно было бы считать нормой, покуда при власти состоял Иов, носивший штаны под сутаной. Но сейчас-то чего? Ведь баба же, понимать должна... Вот только материнский инстинкт у неё давно быльём порос. Или атрофировался в погоне за властью. Это ж сколько лет она ждала своего часа!

Её подружек и ровесниц отлавливали по просторам, не захваченным вырожденцами и прочими врагами епархии. Везли в Романов специальными экспедициями, на потеху и для продолжения рода. Старцы их осеменяли. Появлялись дети. Которые становились пусть не янычарами, но вполне сформированными службистами церковной мафии. А Маргана всё это только наблюдала. Уверенная в том, что её не постигнет участь материнства. И не придётся своё дитя отдавать на выращивание из него послушного стража веками складывавшегося порядка.

Конечно, может и не веками. Но достаточно долго здесь правил бал Иов и иже с ним. Чередуюсь на престоле, меняясь узким кругом местоблюстителей, но не меняя порядки. Теперь излечить пусть и маленькую, но всё ж страну, считай, никому уже не дано. Трезвость ума Онисима и Маркони, как явное отклонение, только подтверждает правило. Таких здесь даже меньше, чем в пресловутом правиле Парето, ну никак не наберётся двадцать процентов. Впрочем, в моём времени беда была такая же.

Вырастить из раба свободного человека мало кому удавалось. Попы это осознали, и пошли дальше. Раз вырастить нельзя, то надо рабов... истребить. Уничтожить. Поголовно. И заменить своими детьми. Но не учли иерархи одного.

Их дети абсолютно не свободны. Такие же рабы. По рождению. Рабы веры. Послушания. И покорности. Как ни назови, но они рабы, пусть и другого уровня. Генного. Фанатики. Просто если среди простых аборигенов прежде случались отклонения, то теперь этот изъян удалён из оборота. Догматы церкви будут в безопасности. А вот страна...

Страна обречена, зови её Русью изначальной или просто епархией. Романовской. Или какой угодно. Но путь её — в никуда. Даже фанатично преданный идее раб остаётся рабом. Той же идеи. Или навязавших её. А раб не может быть созидателем. Он только покорен своему хозяину. Или в данном случае — хозяйке.

Так что, будучи даже плохим предсказателем, я не видел будущего у Марганы. Хотя и просто будущего не видел. Плохой я пророк. Могу предположить, что ещё появлюсь в этом времени и пространстве, чуток позднее. Ведь я уже был там, это уже случилось. Пусть это время ещё и не пришло. Но ни предсказать, чем это обернётся, ни изменить, я не мог. А говорить о том Маргане, возвышавшейся надо мной на резном троне, с высокой спинкой, на которой красовалась то ли русская жар-птица, то ли китайский дракон, не хотел. Всё равно ведь участь моя решена. Народ же, с сожалением выдохнувший мне вслед, когда я падал в яму, из которой выбрался в зал, где суждено принять смерть, даже не узнает, что владыка Иов — баба. Пусть и красивая. И много чего ещё не узнает.

— Дитя, глупое и наивное... Даже не будучи пророком, тем более Казимиром, я скажу... Возвыситься может каждый. Не каждому дано на троне усидеть.

За подобную сентенцию я уже однажды лишился должности. Оскорбив большого начальника. Потому как выдал на-гора едва ли не притчу: мол, подняться на самую высокую гору может и дурак, если воспользуется поддержкой друзей. Но и самый сильный, самый ловкий не усидит на вершине, столкнув в пропасть тех, кто помогал взбираться. Сейчас на кону была не должность, жизнь. Хотя я уже и получил по фейсу, и куда больнее до того, как высказался. Поэтому, выдавливая разбитым ртом слова, утёрся, размазывая кровь, и вскинул голову, ожидая казни.

Пока же меня били так, слегка, словно нехотя. Лишь бы сломать, показав, кто в доме хозяин. И так могло продолжаться долго. Потому как палачи удовольствие получали: бей, не хочу. Ни сопротивления, ни одёргивания с трона. Прекратить мучения, я знал, даже не будучи пророком, можно одним способом — умерев. Поэтому надеялся, что избиение оборвёт мою жизнь до того, как я попрошу пощады. От нестерпимой боли. А в том, что она будет, я не сомневался. Только надеялся, что боль убьёт раньше, чем силы терпеть покинут меня.

...Подвал, куда меня втащили волоком, был уровнем ниже того коридора, куда мы с Марганой вышли из подземного тоннеля. Тот самый тёплый ярус, с которого горячий воздух выводился под полом ведущего за пределы храма хода. Где-то здесь и были покои Иова. И тайные комнаты, в которых принимались не самые умные решения и выносились смертные и прочие приговоры. Но это мне ясно, что и приговоры, и решения — тупые. Как и их вершители. Сами же они этого не осознают. В силу преисполнившей их значимости. В собственных глазах. Но,

увы, не более. А раз так, то они обречены, как и дела их. Для этого не нужно быть пророком. Достаточно хотя бы поверхностно знать законы. Не природы, их до конца постигнуть невозможно. Законы бытия. То, что в моих времена пытались властители дум уложить в прокрустово ложе марксизма-ленинизма. Потом в другие теории. Назвать скрепами. Вековыми традициями. Вот только сами выдуманные законы эти исполнять они не собирались. Но так не бывает. Настоящие законы, хочешь ты или нет, веришь в них или отрицаешь, едины для всех. Это единственное, чтоечно. А не скрепы или традиции. Которые сегодня одни, а через век — другие.

Дамочке, оседлавшей трон иерарха, знать того не дано. Не потому что эти времена не доросли до таких понятий. Они просто ушли в сторону. Но закон от его незнания законом быть не перестал.

Два удара по почкам, один под колена. После того, как пудовые кулаки впечатались в губы и в нос.

Брызнули слёзы. Из глаз, медленно заплывающих после удара. Затешилось что-то над верхней губой. Те же лапищи, что мгновение назад были кулаками, легли на плечи, поставив на колени и придавив к полу. Так что я даже не увидел, когда и как Маргана прошелестела мимо накидкой и уселась на троне. Но, надеясь её разозлить до той степени, когда она даст команду прекратить мучения убийством, я всё же ответил на её критику моих экстрасенсорных способностей прорицателя.

— Ты, Звяга, наверное, не понял. — Маргана взялась рассматривать свои ногти, явно не маникюр с алым лаком, но всё ж цепкие, мне из них не вырваться. — Отсюда выхода

нет. Для тебя нет. Ты же сам всё сделал как нельзя лучше. Пусть и едва не помешал мне вернуться с благословения, чтоб занять сей прекрасный трон. Но...

Маргана уселась поудобнее, поправив подушку по правую руку. Потом этой же рукой величественно выпроводила из подвального зала стражу.

Я мысленно вознёс хвалу богам, всем, которых знал: они, похоже, даруют мне шанс.

— Но ведь не помешал. И ладно. Я не держу зла. Однако и выпускать тебя не собираюсь. Поутру лаз вскроют. Опять при народе. И тебя там не будет. И всякие сомнения отпадут — упырь в землю ушёл. И ты уйдёшь. Тоже в землю. Не жечь же тебя на площади. Там виселиц хватает. Для пятой колонны. И предателей. Не будем мешать их компании. В землю. Живём. Уйдёшь как миленький. Но чуть погода. Когда в том надобность будет.

Такие перспективы меня не вдохновляли. На долготерпение. Да что там на долготерпение — даже на подумать.

Подтянув кровавые сопли и разминая плечи, я прошамкал:

— Всегда есть случайность. Ошибка. Чья-то глупость. Что-нибудь, обязательно, сработает не так. Так что я бы на вашем месте, сударыня, не хоронил меня прежде времени.

И тут же, не оставляя времени прежде всего себе на раздумья и сомнения, рванул к трону, намереваясь вцепиться в горло восседавшей на нём женщине. Впрочем, женщину в ней я уже не видел. Это было исчадие ада. Который она готовила не только мне.

Не отводя взгляда от красивого, но такого подлого в своей сути лица, я увидел, как расширились её зрачки. И уже почти ощущал кончиками пальцев кожу на её шее. Которую мог сломать ещё там, в тоннеле под стеной. Но не сломал. И вот...

И тут по ушам мне ударил хохот. А по талии — как ножом полоснуло.

Верхняя часть тела ещё тянулась к шее, в желание сдавить которую я вложил всю свою ненависть. Но ноги... Ноги и живот рванулись в обратную сторону.

Нет, они не трусили. Просто они были прикованы. Или привязаны. К стене за моей спиной. И мой рывок выбрал всю длину верёвки. Которой меня подпоясали, пока я мало что соображал после ударов в лицо и по почкам.

Но длины верёвки не хватало чтоб дотянуться до хохочущей Марганы. В каком-то метре от меня она откинулась на спинку трона, и смеялась, смеялась, смеялась...

От рывка я рухнул на колени. Теперь уже сам, без усилий рук, минутой раньше пригibasвших меня к каменному полу.

— Ну вот, Звяга, — отсмеявшись снизошла обратиться ко мне Маргана, — ты не предсказатель, но ты предсказуем. А наперёд вижу я ...

Всё, о чём в последние минуты я говорил Маргане, сработало против меня. Отсутствие полной информации. Случайность. Ошибка и глупость.

О верёвочном поясе я не знал. По глупости решил, что нас оставили без присмотра, и это мой шанс. Ошибся в оценке умственных способностей Марганы. Хотя и

заговорила она совсем иначе, чем во тьме тоннеля. А случайность...

Случайность слишком часто в последнее время приходила мне на выручку, бесконечно так продолжаться не могло.

— Видишь, — отсмеявшись, Маргана снизошла до того, чтоб добавить мне соли на раны самолюбия, — ничего ты не можешь. Хотя и хотел бы впиться мне в горло. А вместо этого поможешь мне. Хотя и не хочешь. Но от тебя это уже не зависит. Ты сам сделал всё для того, чтоб мне помочь. И если... Нет, не если — когда. Когда всё пройдёт по-моему... Я, чего доброго, глядишь, и не стану тебя убивать. По крайней мере сразу.

И, взметнув пыль подолом накидки в опасной близости от моих упавших от бессилия рук, Маргана оставила меня в одиночестве.

Ну как в одиночестве... Со спинки трона меня пожирало взором чудище — дракон, жар-птицей взлетевший к солнцу, венчавшему трон.

11

— Нужно выбрать одну? Как в «Матрице»?

На большой ладони Игоря Степановича лежали две малюсеньких таблетки. Розовая и зелёная.

— Ничего выбирать не нужно, Михал Михалыч. Принять. Обе. Можно не запивать. Чтоб не пришлось вставать. С нашим корабликом, как я погляжу, вы не в ладу. — Это он так про больничное судно, с коим я не совладал ночью? Так и пролежав до утра, в обнимку с утилитарной посудиною, я струю не пустил. Нечем было. Вся влага из

меня ушла. Холодным потом. Когда я оказался при смерти. И наблюдал уход в иной мир соседей по палате. Кто заложил? Про судно. Сестра. Упредила. Чтоб я рот не раскрыл по поводу трусиков наизнанку. И халатика застёгнутого наспех. Хотя... Какая разница. Факт остаётся фактом — я беспомощен аки дитя малое. И вынужден слушаться доктора. А доктор настаивал: — Примите, примите. Обе. Сразу.

— И что, мне сразу станет лучше?

— Этого не обещаю. Но вам теперь эти таблетки принимать до конца дней.

— Ну, это не так уж и долго.

— Учитывая, как вам перепало, даже малость покажется долгой.

Я откинулся на подушку. Ватную. Продавленную. Больничную. В наволочке с ржавыми пятнами. То ли от крови, то ли ещё от чего, о чём думать не хотелось. Но запах хлорки или карболки, не знаю, чем они там отстирывают следы затихающей жизнедеятельности больных, убеждал, что заразы опасаться не стоит. Хоть так...

— Вам, похоже, больше досталось, — проглотив таблетки, обратился я к Игорю Степановичу, державшему меня за руку. И что он выведает из моего пульса? Я и сам пытался его считать. Когда отключился монитор. Видать, уход мужика с соседней кровати был не таким уж безоблачным. Не только для него, но и для аппаратуры больницы. Его аппарат, поддерживавший дыхание, только взвыл, мой монитор даже не пискнул, но погас. Насовсем, похоже. Попытки Орефьева его реанимировать ни к чему не привели. Только к раздаче таблеток. Извлечённых из

кармана совсем не белоснежного к концу дежурства халата.
— Вторые сутки на ногах...

— Почему вторые? — Орефьев отпустил мою руку.

— Пульс, Михал Михалыч, мы вам стабилизировали. Сердце терапией поддержим. Голова... Ну, что голова... Лишний раз не напрягать, стрессов избегать. И поживёте ещё. Несмотря на ваш пессимизм. По поводу таблеток.

— Куда больше меня мучит пессимизм по поводу женщин...

— А что не так?

— А что так? Смогу ли, если даже с судном не совладал? Не с тем, из моих видений, как вы пытаетесь это представить, а с вашим, больничным...

— Успех приходит к тем, кто пробует.

— Что, прямо сейчас можно? Попробовать...

— Вам что, дежурную сестру прислать?

— А это входи в её обязанности?

— Войдёт, если нужно будет.

— Нужно. Но в другой раз. У меня всё болит. Ударился сильно, похоже. Когда падал.

— Мы все порой падаем. Главное — подняться после падения.

— Смотря как. Если только на четвереньки, то лучше и не вставать.

— Добиться успеха можно разными путями. Лобовой атакой, особенно в лечении лучше не увлекаться. Наоборот. Порой лучше даже отступить, чтоб с новыми силами начать с начала.

— Это как?

— Самый жёсткий пример — гангрена. Приходится жертвовать частью, чтобы остальное спасти.

— А в моём случае?

— Не спешить. Таблетки пить. С кровати не вставать. До особого распоряжения.

— Буду ждать, — неопределённо хмыкнул я.

— На том и порешим, — доктор покинул палату. Как Пресли. Но тот покидал здание. Чтобы умереть. А умирать я остался. Совсем один. В пустой палате интенсивной терапии...

А мне нельзя умирать. Меня ждут. Вот только...

Внезапно я понял, что запутался где меня ждут. На судне или в подвале?

И тут меня осенило. Когда дверь уже готова была захлопнуться за развевающимся халатом Орефьева, я вспомнил его удивлённое «Почему вторые?» по поводу суток в больнице. А ведь с учётом его дежурства сутки непрерывного пребывания доктора в больнице были действительно вторые. Но это я так помнил. Или думал, что помню. А что в действительности?

— А какой сегодня день, Игорь Степанович? — вопрос всё же догнал доктора.

— Пятница. Вы, батенька, опять пытались от нас уйти. Не попрощавшись. И не пытайтесь больше вставать, рано ещё. Дойдя до ручки, не всегда стоит открывать дверь, вдруг она ведёт в мир, из которого уже нет возврата. — Доктор не стал возвращаться, видимо, понимая, что в таком случае придётся слишком о многом говорить. Хотя бы о том, что значит его предупреждение о вставании. Там же, гляди, и другие вопросы набегут. А у него больные, не я один.

Это в палате я один. Вот только палата другая. Двухместная. И с работающим монитором в изголовье. И не только монитор работает, ещё и манжета тонометра равномерно надувается. И трубка катетера качается чуть левее. А была справа. И утро за окном. Утро пятницы. А четверг прошёл мимо. Мимо меня. Как до того прошли дни с понедельника по среду.

Не исключено, что за это время здесь могла побывать Ольга. Моя бывшая всегда имела привычку оказываться там, где ей не следовало бы. Но, надо признать, эти её внезапные появления были мне порой на пользу. И если она не появилась сразу после того, как меня привезли по скорой, и я оказался в компании с умирающими, то сейчас её вероятное появление вылилось в отдельную палату. Пусть и со второй койкой. Зато пока без подселения и с работающей техникой. Но и то хорошо, сутки в приличном месте. Моё тело благодарно за такую заботу. А я, значит, в это время брёл подвалами епархии...

Дверь в палату распахнулась.

— Так, больной, сейчас кровь возьмём, — на пороге появилась медсестра. В высоком чепце, скрывающем аккуратно уложенные светлые волосы. Неброский макияж, тонкие, упрямые губы. Красивое лицо. Одно такое красивое я видел намедни. Маргана. Вряд ли это она, пальцы вон какие, пухленькие. У монашки был тонюсенькие, плыцы пианистки, игравшей судьбами на гусях жизни. Да и глаза...

Глаза напротив не обжигали, внутрь, в душу не лезли. Но всё ж почему-то боязно было. А ну как, не сумев известить меня в ином мире, за мной прислали киллера уже в моё

время? Если я попадал в другое измерение, то кто сказал, что оттуда не может быть проникновения? И все мои обмороки, падения имеют одну природу. Не имеющую ничего общего с кровоизлияниями в мозг. Ведь и Орефьев не нашёл ничего нового в моей буйной головушке. Так, старые разрушения. Которые не пересекли красную черту. Или иную какую — чем там чертят нашу линию судьбы.

Укол в вену неожиданно оказался болезненным. Хотя прежде я переносил их более чем легко.

Пухлые пальчики медсестры взболтали багровое содержание пробирки. И тут же присоединили к торчащей в вене игле шприц.

— Э-э-э, а это что? — выгнулся я дугой на кровати.

— Тихо, тихо, всё хорошо, всё в порядке, вам не будет больно...

Мои глаза стремительно закатились.

12

Если уж уступать, то сразу, — и тебя назовут великодушным. Но если уступишь после размышлений — решат, что ты слаб.

Не знаю, кто сказал. Однако согласился. Запоздало, правда. Потому как уже давно нужно было сдаться. Положиться на то что, план Марганы пройдёт по плану. Хотя кто знает, что там за план. Да и обещание смурное. То ли оставит в живых, то ли нет. Если помогу. Или когда помогу. Сложно помочь, не зная, как и в чём. Поэтому я всё ещё раздумывал. И пытался избавиться от верёвки, которой меня привязали к кольцу в стене напротив трона.

Пальцы с обломанными ногтями слушались плохо. Узел был не просто вычурный, но ещё и затянут непомерно, чему поспособствовал и я сам своим рывком к Маргане. Однако, распуская верёвку на каболки, я постепенно одерживал верх над хитроумной вязью. Но что дальше? Ходу отсюда, даже если удастся избавиться от верёвочных уз, нет. А если и есть, то через толпу дружинников в чёрном. Мне и с одним-то не справиться. Самый же примитивный подсчёт убеждал, что за дверью, за которой скрылась Маргана, их минимум десяток. И это только тех, кого я видел.

Так что пусть решат, что я слаб. А там опять, как кривая вывезет. Верёвка-то, которой меня, считай, стреножили, сдалась, осталось выдернуть её из стены. Какое-никакое, а оружие, жаль, кольцо, массивное, почерневшее от времени, осталось в стене, был бы знатный кистень...

Свернув верёвку наподобие лассо, я прошёлся по подземному тронному залу.

Здесь, похоже, я был далеко не первым узником, представшим перед троном. Белёные стены зала или, скорее, подвала, того самого, приказного, пыточного, местами хранили следы предыдущих жертв. Где мелкими бурыми брызгами почерневшей крови, где царапинами, мало похожими на буковки...

Не каземат, иначе бы пленники, даже будучи прикованными, постарались бы исписать стены своими письменами. Значит, надолго в покое меня не оставят. Просто временная передышка. Для Марганы. И её воинства. Моё же одиночество — так, побочный эффект. Для укола.

Чтоб вернуть меня сюда из отдельной палаты. Ещё хорошо, что она вспомнилась. И медсестра в чепце. Со шприцом с какой-то дрянью.

Что ж, если в своём времени я помнил о произошедшем здесь, то почему бы и здесь не вспомнить о том, что произошло там, в реальности? Ну, или в том, что я считал реальностью. Правда, ничего полезного не вспоминалось. Только болезненный укол.

Я осмотрел руки. На левой, там, где стоял катетер, виднелась коричневая точка. На правой подкожное излияние было побольше. Вот почему укол показался мне болезненным, сестра не сразу попала в вену. Но суть не в этом. Замыкался круг, похоже. Или петля. Петля времени. Но если петля, то она может не столько замкнуться, сколько затянуться. Да ещё и на шее...

От усталости кружилась голова, босые ноги просили тепла. А оно плыло выше пола. Пришлось с ногами забраться на трон. Кошунство, конечно, но что делать. Надо же как-то согреться. А заодно и к зверю на спинке присмотреться.

Явно дракон. Но с павлиньим хвостом жар-птицы. В клюв-пасть дракона я сунул палец. Потом попытался вырвать перо. Всё хоть и было объёмным, но не отрывалось от основы, массивной, дубовой.

Усевшись поудобнее, задумался. Ненадолго.

А над головой явно тянуло ветерком...

Я всегда был беспокойным, в смысле непоседливым. С самого детства. Прикипеть к месту — только с книгой. Никаких телевизоров, разве что фильм очень уж хороший. Чего здесь никак не предвиделось. И книги тоже. Поэтому,

едва ноги чуток согрелись, а потом их свело судорогой от неудобного сидения, я встал.

Первым делом обследовал дверь. За ней тихо. Хотя, учитывая толщину досок, из которых дверь, обитая железом по краям, была сшита, звук мог просто и не проникать в подвал. Уж наружу он точно не должен был распространяться, иначе как тут пытаться? Разве что ночами. Но и тогда слухи могли бы поползти, мол, в подвалах собора воют упыри...

В упырей и прочую нечисть я не верил. Не вурдалак же я. А что до Казимира, за которого меня принимали, так и ему должно было быть объяснение. Даже если его сожгли в монастыре. Не мог, ну не мог он воскреснуть, чтоб сводить счёты с Иовом. Эх, мне бы побольше информации о происходящем. Или происходившим... Если уж с предположением, что Иов света боится, я едва не вырвался от своих мучителей, то с другими данными и вовсе мог бы спастись. Наверное.

Но... Если информации нет, то почему бы её не выдумать, как со светобоязнью Иова?

Попытка напрячь извилины, встряхнуть память с наскоку не дала ничего. А что там доктор сказал? По поводу успеха. Добиться которого можно разными путями. «Порой лучше даже отступить, чтоб с новыми силами начать с начала».

Ну, отступать мне некуда. Позади не Москва даже, каменные стены подземелья.

Так, стоп. А ветерок-то откуда? Вон, опять остатки причёски пошевелил-потрепал...

Скользнув на пол с трона, я прислушался к своим ощущениям.

Тепло исходило... из трона.

13

Человеческая память странная штука. Она порой забывает и прописные истины, и события ближайших дней, если не часов. Людей забывает. Плохое. Хорошее даже чаще. Но иногда держит в уме массу бесполезной информации. То, что этим забываются необходимые в работе мозга ресурсы, ей по барабану. Главное она помнит. Не в смысле помнит, что это главное, а то что помнит — главное. Для неё это главное. Как для ормального мужика не быть импотентом.

Моя память в избытке была нафарширована бесполезными знаниями. Всегда. Где они там хранились, по какому принципу отбирались и как всплывали — понятия не имею. Но что есть, то есть.

Вот и сейчас. В памяти всплыл... Аркадий Райкин. Где я, и где — Райкин? Более того, сегодня и Константина Райкина мало кто вспомнит. Особенно после того, как, несмотря на своё семитское происхождение, врождённый трепет перед властью, он эту власть стал вполголоса поносить. И разом лишился всего — денег, должностей, доступа к той самой власти. У него отобрали даже то, что он создал. Театр. Так что вычеркнуть из памяти его самого было делом техники. Его и вычеркнули. А вот отец его внезапно ворвался в память. По крайней мере, в мою. В неподходящее время. В неподходящем месте. Ворвался и произнёс, со своим непередаваемым акцентом и интонациями. Тихо так прошептал. У меня в мозгу.

«Теперь вот еду один. Купе на одного...»

Это когда-то была довольно популярная реприза. О восхождении и падении чиновника. Правильная была. Потому и забыта. Вместе с кумиром. Но...

Как в старом кино, лента памяти шуршала, где-то сбоила, голос был не всегда внятен. Но я слышал и слушал.

«Что написано? «Педадь внизу». Нажал... Обдуло снизу...»

Чего уж там говорить о мэтре советской эстрады, когда многие не помнят уже и про эту педадь. В купе на одного. В которое всегда выстраивалась очередь. По утрам. Или перед большой станцией. Потому как туалет в вагоне поезда в таких случаях обычно запирался. Ибо его устройство было примитивнее некуда — дыра в полу. И всё отходы жизнедеятельности пассажиров сливались на далеко не бархатный путь.

Путь бархатным в большинстве своём так и не стал. Даже в моём времени. А вот туалет изменился. Теперь это не дыра, а зачастую, хоть и не всегда, достаточно цивилизованное устройство. Бочка. Для слива в которую педадь давно заменила кнопка.

Причём здесь педадь и туалет? Впрямую может и не причём. Разве что унитаз и сегодня порой обзывают тронем.

Трон — вот он, подо мной. Пedaли нет. Но есть тёплый воздух. Который был нужен старцам, восседавшим на троне в часы пыток их врагов. Нужен был, чтоб не застудить и без того немощные члены. Здоровье которых имело непреходящее значение. Даже не для иерархов. Для рода человеческого. Ведь старцы взяли на себя более чем важную задачу — зачать и вырастить новое поколение.

Рабски преданное идее стариканов-интриганов. Не желавших уступать трон. И даже после смерти узурпировавших его. Пусть только и одним именем. Одним на всех, кто всходил на этот трон.

Я на трон не взошёл, просто сел. Согрелся. Но имени остался верен своему. И своей памяти. С подачи которой с новым рвением принялся изучать трон.

...Получилось как со стеной. В которой неожиданно под руку попался нужный кирпичик. И стена открыла проход.

Я даже не сообразил, когда это произошло. Просто внезапно трон дёрнулся. И... поехал.

Хотя скорее это у меня должна была поехать крыша. Но нет. Трон действительно двигался. Пока я держал зажатыми глаза дракона. Который оказался моей жар-птицей.

Открывшийся провал в полу был маловат. Но когда жить захочешь...

Я втиснулся в пролом вперёд головой. Разглядел маячивший впереди свет. И пополз. Потому что решил — хуже уже не будет. И тут же стало хуже — над головой в движение пришёл трон, запирая проход.

Опять я был в темноте. Но на сей раз впереди тлел лучик света. Он не освещал путь, но внушал надежду. И этого было достаточно. В сложившихся обстоятельствах.

«Застряну, как пить дать, застряну», — стучала в голове одна мысль. Вытеснившая все остальные страхи и сомнения. Но не прошло и пары минут, когда пальцы провалились в пустоту. Лаз закончился.

Мне-то, конечно, показалось, что полз я чуть ли не целый день. Или ночь. Но, повиснув над очередным провалом в полу, из которого поднимался тёплый воздух, я понял, что прополз едва ли многим больше чем три своих роста. Даже запыхаться не успел. И не задохнулся от страха темноты. А теперь у меня был свет. Такой же белый, как в фонаре Марганы.

О том, что вокруг было ещё и более чем тепло, я уж умолчу. Потому что тепло было не само по себе. Оно исходило от двух бочек, каждая в три обхвата. Эдакая котельная. Без труб, дыма и огня. Но что-то внутри бочек всё же тлело, даруя подземелью жар. Который и согревал немощные члены старцев, занимавших трон. А теперь вот и меня грел. Вот только мне нужен был выход. Больше, чем тепло, несмотря на мой босоногий вид.

Выход обнаружился сразу за бочками. Но прежде я едва сознания не лишился. От страха. Когда узрел перед собой кряжистую бабу с жёлтым лицом...

Это уже потом я понял, что жёлтая она вся. Голая и жёлтая. Потому что, скорее всего, была золотой. Или крашеной под золото. Идолище поганое, нельзя ж так людей пугать! Не успел из одного полона бежать, как чуть не вляпался вдругорядь. Так я никогда не выберусь.

Но баба удерживать меня и не пыталась. Как охотники за человеческими органами не имеют ко мне интересу в силу общей изношенности организма, так и идолищу, подпиравшему макушкой сводчатый потолок подземелья, было без разницы, куда там ползёт мелкая тля человеческая. Мне же оставалось только подивиться: как это так, церковь — всекитайская, попы русские, а идолище и

вовсе поганое. И это ему они поклоняются? Или всё дело в золоте?

Но... Если дело в золоте, почему поклонники этого идола не добавили бабе грудей? И вес, и символ — плодородия и чего-то там ещё. А вместо этого у статуи, изваянной сидящей в позе лотоса, явно наличествовал меж ног орган, бабам неприсущий. Да и сам идол был не из примитивных памятников палеолита. Или неолита. Райкина я помнил, в мезозоях же и прочих эпохах и слоях путался. Хотя где-то на подкорке и была запись о золотых бабах. Или одной, по крайней мере. Но там точно была баба.

Передо мной же был мужик. Золотой.

14

Это только сказки долго сказываются. Особенно если сказочнику платят. Но не просто платят. И не за содержание со смыслом, а за продолжительность сказания. Если же он на бумаге излагает, то за объём. В печатных или авторских листах. Или построчно. Другими умниками про такое сказано: «Краткость — сестра таланта, но мачеха гонорара».

У меня гонорара не предвиделось. Поэтому о том, что было, когда я сунулся ещё в один лаз, рассказывать мне особо нечего. Зато события развивались стремительно. В общем, тут бы и сказочке конец, но пронесло.

Клаустрофобия меня не убила. Хотя и побаиваюсь я замкнутых пространств. А уж лаз, в котором я нашёл спасение, был тем ещё пространством. Более чем замкнутым. Но выбрался. Хотя дважды верёвка, которая удержала меня от того, чтоб вцепиться Маргану, и которой я

подпоясался, покидая тронный подвал, цеплялась за какие-то выступы, грозя заstopорить меня в крысиной норе.

И от страха я не умер. При виде внезапно возникшей в пустоте подвала бабы. Возникшей сразу за бочками. Золотой бабы. Оказавшейся мужиком. Но и мужеложства не случилось. Хотя я с разбегу и ткнулся в колени золотому идолу. Но его поза позволила избежать более сексуального контакта. Я даже лоб не расшиб. Но в глазах враз потемнело. Не зазвездило после столкновения с изваянием, а именно потемнело. И в этой черноте внезапно полыхнул свет. В котором я разглядел запруженную людьми площадь возле храма. И что-то там происходило. Но было не до того, чтоб разбираться в видениях. Тем более картину эту я уже видел. Вчера. Когда меня встречали. Поэтому резко отпрянул от идолища, напомнившего мне ударом по лбу не самый приятный факт моей биографии — прибытие в Романов.

Едва меж нами наметился просвет, как видение исчезло. Ну и бог с ним. Не фиг отвлекаться от цели. А цель — побег. Пока же вместо него соревнования по бегу в лабиринте подземелья. Да ещё и я отвлёкся. Возле пышущих жаром бочек. Углядев рядом с ними некое подобие кочерги. Что там ею ворошить, в этой бочке-печи, когда нет в ней ни горнилы, ни даже поддувала. Греет, и ладно. А мне — какое-никакое, но оружие. Всё ж лучше верёвки. На которой можно только повеситься. А тут... Удобная загнутая ручка, штырь с вычурным завитком на другом конце. И это на полтора метра стали, кованой, воронёной. На эту сталь и я позарился. Из-за этой кочерёжки и вляпался в идола. Ещё и оцарапал ею голого мужика. Правда, только слегка. Но всё ж по лбу за это и получил. А золотая стружка, содранная моим неловким

налётом, где-то упала. Однако было не до того чтоб её искать. Не то бы, принося извинения, я бы ещё попытался и пристроить её на место. А это время, которого у меня могло и не быть.

Зато на меня не упали небеса за святотатство — идолище поганое было далеко упрятано от небес, и пришлось признать правоту мусульман, позволявших себе и свинину есть, и вино вкушать, когда над ними была крыша, аллах, мол, не видит.

Но самое главное — впереди замаячил выход.

Неизвестно куда он вёл, но это был уже не лаз. И даже не коридор.

Узкие ступени, вырубленные в толще земли или стены, исчезали где-то вверху, за изгибом хитрого хода. Вдвоём по такому не пройти. На ступеньках, случись драться — не устоять. Только вверх или вниз. Споткнулся — упал. А упал — тут же пропал. Потому как катиться, со всеми поворотами хода и малой площадью ступеней пришлось бы долго. Но это я понял чуть позже. Когда, запыхавшись, оказался в галерее. Толкнул дверь, такую же дубовую, как и внизу, только потоньше, и вывалился из лазов-подвалов в освещённую дневным светом галерею. Но к моему счастью никого, кроме взвеси пыли в солнечных лучах, в галерее не было. Из людей, имею ввиду. Потому как прямо передо мной мелкие птахи, воробышки или ещё кто, после сумрака подвалов не разобрал, выпорхнули стайкой в открытое окно. А я распластался вдоль стены между двумя окнами. Чтоб не заметили со двора. И без того тревожный сигнал уже подан. Безмозглыми птицами. Ну какой вред я мог им нанести? Наполовину ослепший от блуждания по тайным

полутёмным переходам, ослабший так, что ноги подгибались, со сбившимся дыханием...

Меня даже воробьи, будь у них вместо крыльев руки, в этот момент могли бы скрутить, чего уж там говорить о соборной страже. Тем более — о дружинниках.

Я всё ещё плохо представлял иерархию в епархии не только среди иерархов, но и среди их приспешников. Но память услужливо — всё равно дыхание сбито, и действий никаких не предвидится — подкинула картинку: вид спереди ратников, принявших меня у городских охранителей, и тех, что втащили меня в подвал, бросив к подножью трона. Не то чтоб разительно, но они отличались. Как старшие и младшие дети в семье. Не ростом. Одеждой. Экипировкой. Формой, одним словом.

И те, и другие были в чёрном. Но снаружи, за стеной собора, дружинники носили цветов епархии нарукавные шевроны с крестом. Меня по подвалам вела малая орда. Без шевронов. Зато с бордовой манишкой. Нет, ну не может наш человек, в любом веке и времени жить без цветовой дифференциации штанов! Или рубашек с сутанами. Ему нужен отличительный знак, чтоб знать перед кем и сколько нужно кланяться.

Не то чтоб это стало для меня открытием, разве что собственно дифференциация даже среди дружинников. И для того чтоб вырваться из западни храма это тоже мало что давало. И да, многая знания умножают наши печали. Однако ж лучше знать, чем быть в неведении, глядишь, и сгодится когда-то.

Отдышавшись, я подступил к парапету галереи и осторожно выглянул. Чтоб тут же спрятаться в простенке.

За стеной собора колыхалось людское море. То самое, что я только что видел в подвале, ткнувшись лбом в колени золотой бабы. Ну или мужика. Телеретранслятор? Или иной принцип действия в основе? Значения не имеет. Не возвращаться же, чтоб выяснить истину. Тем более, что сейчас видел всё своими глазами.

Мне показалось, что весь Романов заполнен этим безмолвным морем, от стен собора и до дальних холмов, где тоже виднелись маковки церквей. Тем более странной была тишина, в которой колыхалось это море.

Я рискнул ещё раз выглянуть, задержавшись у оконного проёма подольше.

На храм никто внимания не обращал. Все уставились в другую сторону. Туда, где в людском море была пустынная отмель. Круглая. Метров десять в диаметре. Центром которой была грубо сколоченная виселица. А совсем не те кресты, что я видел накануне, с болтающимися телами.

Эта была добротная, на двух столбах, с массивной перекладиной. Со свисающей с перекладины верёвкой. С петлёй на конце.

Кому-то сегодня не повезёт...

Не мне ли?

Уже почти в открытую я внимательно осмотрел запруженную людьми площадь. Точнее бы сказать мужчинами. Потому как женщин в толпе почти не было. Так, кое-где мелькали платки, выдавая гендер. Да ещё оказавшихся в первых рядах дам можно было угадать по длинным мешковатым платьям, без каких-либо украшений и пестроты тканей.

И всё же безмолвное море оказалось не таким уж и однородным.

На небольшом возвышении, там же, где и меня намеренно встречали, собрались чёрные сутаны. В кольце дружинников с бордовыми шевронами. Дальше — простой люд. Но тоже рассыпающийся на кучки. То ли профессиональные, то ли семейные. А может, всё ж иерархические, ху здесь из кто мне не понять. Но эти воды не перемешивались. И водораздел вполне заметен. Местами даже на расстоянии вытянутой руки стоят. При том, что места не так уж и много. А чтоб разглядеть помост под виселицей — и подавно.

Пригнувшись, я перебрался к другому просвету в галерее. Ничего нового на площади, края которой очерчивали Волга и кучка деревьев, невесть как уцелевших при строительстве стены вокруг храма, я не увидел. Разве что испуганные птички вернулись на парапет, с которого я их выжил своим появлением. Зато передо мной открылась ещё одна лестница. И снова вверх.

Это путь в никуда, мысленно оценил я дорогу на колокольню. Подняться можно. Но уйти... Только если броситься вниз, чтоб избежать мук. Правда, высота такая, что можно разбиться, но остаться в живых, и тогда всё будет куда хуже. Но я пока не собирался уходить. Во-первых, некуда. Во-вторых, нужно было понять, что за праздник такой — с попами и виселицей.

В общем, на личном фронте у меня как на званом банкете. То, что предлагают, не беру, а то, что хочется, просить стесняюсь. Приходится делать вид, что не

голодный. Вот и стою, прижавшись к стене. Точнее, вжавшись в неё. В надежде слиться. Или с ней. Или с её.

А внизу море волнуется. Раз...

Только по тому, что волны вошли кругами, я догадался: началось.

Прямоком с паперти, едва ступив за ворота в стене, в круг людей вклинилась родившаяся в недрах храма процессия. Как нож в масло врезалась. И толпа распалась. А если брать море, то оно расступилось. Как перед Моисеем.

Но впереди был не Моисей. Маргана.

Я её не сразу узнал.

Бордовый бархат сутаны. Белое золото крестов на спине и плечах. В руках скипетр и держава... Ой, это у царей.

У Марганы в руке был посох. Другой рукой она придерживала омофор. Фарфоровое личико, напудренное и на помаженное, очерчивал клобук с прикрепленной фатой, как у клобуков большинства священнослужителей единой всекатолической. Только цвет...

Чёрные клобуки попов были темнее ночи. У Марганы клобук был бордовый. Ну, да, ну да. Всё в тон наших занавесок. Ой, сутаны. Чтоб сразу видно было кто есть кто. А кто — ху.

15

Человек, находящийся на самой вершине горы, не упал туда с неба. Так и Маргана, возглавившая процессию, не с неба упала. Она долго карабкалась по мужским головам, чтоб стать первой. В мужском клубе — явление небывалое. Тем более в таком, где у женщины одна роль — рожать

наследников иерархов. И растить новое, селективное поколение избранных, всецело преданных трону.

Но Маргана впереди. Пусть не на лихом коне, однако ж ей внемлют. Вот только что она вещает, мне не разобрать. Далековато. А голос у девушки далеко не командный. Женский. Слабый. Хотя и подчиняются ему. И толпа, с которой всё ясно, она всегда будет трепетать перед вождём, кто бы он ни был — великан, карлик, сумасшедший или даже баба. Но, что было куда «страньше», Маргану слушались и дружинники. И те, что окружали её ближним кругом ещё на выходе из ворот в стене вокруг храма. И обеспечивавшие порядок на площади. С белыми крестами на шевронах. Не зная доподлинно, я почему-то был уверен, что меж ними такая же рознь, как и между различными островками людей, образующих море на площади.

Но сейчас дружинники с крестами внезапно засуетились, раздвинули толпу, прокладывая себе дорогу к стене храма. А дюжина вояк с бордовыми манишками, вскинув автоматы, ещё плотнее окружила Маргану.

Не разбирая слов, я всё же понял суть происходящего. Которое предвидел ещё в момент побега из колодца, в который меня швырнули вниз головой.

Народ на площади жаждал зрелища. Казни упыря. Которого сейчас не окажется в яме, и начнётся представление, задуманное Марганой. Так вот какой была моя помощь...

Побег. И что дальше?

А дальше было чудо.

Я, не чуя ног от холода на каменных плитах, присел в простенке между окнами. Смотреть на то, что я предвидел,

не было особого интереса. А холодно — было. Но, растирая пятки, я внезапно услышал, как утробно ухнула толпа на площади. Стоголосо. На одном дыхании. Которое позже заглушили крики: «Упырь! Упырь!».

Какой такой упырь?

Забыв от удивления о замёрзших ногах, я вскочил. Упырь-то вроде как я. Хотя я и не упырь. А там-то кто?

Стена вокруг храма мешала разглядеть, что же происходит прямо под ней, в её тени, там, где вчера я был сброшен в колодец, оказавшийся тайным ходом. Но судя по тому, как от стены в страхе отхлынула толпа, происходило нечто ужасное.

Прошло несколько томительных минут, прежде чем моему взору открылась ещё одна процессия. Теперь уже без Марганы во главе. Но ещё более внушительная. Не числом. Не сутанами. Силой оружия.

Десятка два дружинников, вскинув автоматы наперевес, вывели на площадь из тени стены старца, седого, с всклокоченной окладистой бородой, в белой, до пят рубахе. Опять же босого, как и я.

Даже я, даже зная о подземном ходе, и будучи на галерее, а не площади, под конвоем дружинников, едва не поверил, что за ночь брошенный в яму упырь претерпел необратимые изменения. В силу того, что намеренно его лишили законной порции человеческой крови.

Маргана что-то говорила тем временем. И внемлющая ей толпа опять вскипела единым стоном:

— Иов!

Как? Почему? Обещанный спектакль всё более забирал сюжетом.

Понукаемый стволами автоматов старец, спотыкаясь, брёл сквозь толпу, которая растекалась перед ним ручейками. А Маргана говорила и говорила. Хотя её, полагаю, не только я не слышал. Но и на площади далеко не все вникали в слова, от которых белоголовый старик всякий раз дёргался, как от удара кнутом. Его плечи совсем поникли, когда он добрёл до эшафота. А ноги и вовсе не повиновались, и недавний верховный поп окончание своего земного пути проделал, повиснув на руках дружинников.

Лихо провернула дело девица. Но это было ещё не всё.

Внезапно на возвышении позади толпы, где накануне высились виселицы, воссияло пламя. Вначале это было просто белое марево, в котором возник светящийся шар, превратившийся в гигантское яйцо. Таких размеров, что в нём поместилась неясная фигура. Женская. В длинном белом платье. С длинными распущенными волосами, которыми играл лёгкий ветерок, поднявшийся над площадью.

И вновь выдохнула толпа:

— Олеся!

Так вот к кому в Кукобой бегала Маргана!

Хоть и была Олеся, по словам Марганы, её ровесницей, но числилась бабой. При этом она выглядела она куда лучше новоявленной владычицы епархии. Пусть пока ещё и не состоявшейся, но всё к тому шло. Тем более что Олеся, тоже не повышая голоса, заговорила из своего светящегося кокона. И явно её слова вторили тому, что прежде вещала Маргана.

В чудеса я не верю. Только в технологии. Явление Олеси было из их серии. Правда, как там было всё устроено,

я не мог даже представить. Потому как не представлял, какие в этом времени есть технологии, что позволяют видеть за сто вёрст. Или передавать изображение на такое расстояние. Да ещё и со звуком. Но изображение, в подрагивающем овале яйца было. И Олеся что-то говорила. И толпа послушно ей внимала. Лжи, как я понимал. И чем страшнее была ложь, которую я не мог слышать, тем охотнее в неё верили собравшиеся на площади. Похоже, даже вчерашние сторонники Иова, в чёрных рясах и сутанах всё более внимательно вслушивались в слова, падающие будто бы с неба. И никто не пытался возразить. Ещё не понимая, что коллективный Иов приказал долго жить.

С последними словами Олеси её кокон начал угасать, и тут же взревела толпа:

— Смерть! Смерть упырю!

На шею старика набросили петлю, помогли взобраться на табурет. Никакого тебе палача в красной рубахе. Всё те же дружинники. Раз за разом осеняя себя крестом. Но не забывая, что дело нужно довести до конца.

И тут Маргана вскинула руку.

Стало тихо так, что даже трепыхание воробьёв на соседнем окне показалось мне громом среди ясного до этой поры неба. Но чёрные тучи уже бежали с востока. И после свечения кокона Олеси становилось всё темнее и темнее, словно внезапно вечер наступил.

— Упырь проник в самое наше сердце.

Ветерок, возникший, казалось бы, из ниоткуда, донёс до меня слова Марганы. Впервые за всё её долгое выступление.

— Но мы вырвем его смертоносное жало. Под каким бы облищем он ни прятался. Смерть упырю!

— Смерть! Смерть! Смерть! — прокатилось, да так и не смолкло над площадью.

Толпа стозевно поддержала приговор. Который и был немедленно исполнен. Громом с неба. Которое к этому моменту уже плотно затянули тучи.

Этот гром заглушил все остальные звуки. И тогда наступила тишина. Мёртвая.

Я даже не представлял, насколько мёртвая она может быть.

Маргана, возвышавшаяся над толпою, покачнулась. Из-под клобука, прямо посреди лба белое, уже мёртвое лицо прорезала багровая дорожка.

Кровь. Неестественно тёмная. Заполнившая глазницу. Прокатившаяся дальше, вдоль носа, до губ.

Когда кровь каплей сорвалась с подбородка, толпа, охнув, отпрянула. И от помоста, и от возвышения, где стояла Маргана и окружавшие её служители культа мёртвых.

Её культа.

Маргана была мертва. Хотя ещё целое мгновение продолжала стоять.

Только когда чуть погода всколыхнулось людское море на площади, и родился всеобщий то ли стон, то ли плач, я понял, что у Марганы всё пошло не по плану. И плана Б не будет.

За это же мгновение до меня дошло, что гром, убивший несостоявшуюся владычицу, раздался отнюдь не с неба.

С колокольни.

А значит сейчас я встречу с убийцей. Бежать ему некуда, только мне навстречу.

16

Очень часто действие и бездействие равны друг другу. Это даже в уголовном кодексе прописано. Если не ошибаюсь. Или в другом каком-то акте. Однако суть от этого не меняется. Запрещённое уголовным законом под угрозой наказания бездействие влечёт за собой такую же ответственность, как и преступное действие. Не является преступлением только действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

Это опять моя память. В момент наивысшего напряжения эмоций и сил она внезапно выдала давным-давно забытую информацию. Впрочем, почему внезапно? Это у неё такое неприличное свойство, к уже имеющимся неприятностям подсунуть ещё одну. Я словно подстрочник увидел. То ли из учебника, то ли из какого-то своего старого конспекта. Хотя сейчас было не до них. И я бездействовал. Но память мне напомнила, что отвечу я за это в равной степени. Как если бы и был причастен. И только это заставило меня пошевелиться. Выставив перед собой своё единственное оружие, стальной прут с загогулиной на конце.

А потом сделать шаг. Навстречу.

Навстречу грохоту кованых башмаков по узкому пролёту спуска с колокольни.

Больше я ничего не сделал. Да и не успел бы. Так что с моей стороны это было, почитай, бездействие. Считай полное. Ну или, как минимум, не представляющее общественной опасности. В силу малозначительности. Ну, подумаешь, шаг сделал. В чём тут опасность для общества? Все мы люди, все ходим. И не только под богом. Но и сами по себе. Вот только скатывавшийся по ступенькам дружинник с бордовой манишкой ничего этого не знал. Ни того, что действие с бездействием могут быть преступными. Ни того, что свой шаг, выбрав бездействие, я сделал. Маленький шажок для человечества и уголовного кодекса. Но смертельный для спешащего мне навстречу стрелка. И он уже не мог остановиться, когда перед ним возникло моё импровизированное копьё. Однако и кровь на багровой вставке в чёрную форму была не видна.

Поначалу не видна. А потом я сделал шаг назад. И ещё шаг. Просто не мог долго удерживать в такой позе тушу дружинника, бывшего на голову выше меня, а уж по объёму мышц и вовсе вдвое. Босые ноги разъехались затёртом глиной кирпичном полу галереи, я стал заваливаться на спину. И чтоб не попасть под падавшую на меня тяжесть, выпустил из рук острогу на кочерге.

Тело упало на пол галереи уже бездыханным. Но ещё с удивлённым взглядом уже умерших глаз. Под весом дружинника кочерга прорвала ткань, потом мышцы на груди. И далее рвала в обратном порядке — внутренности, мышцы, ткань. И вылезла со спины.

Вот тут-то крови было уже вдосталь. Она быстро образовала лужу на кладке из необожжённого кирпича. И столь же быстро стала впитываться в кирпичный пол,

оставляя по себе маслянистую плёнку, нехотя сморщивающуюся вокруг бездыханного тела.

Мне очень не хотелось это делать. Но я присел над трупом и обшарил его. Очень вовремя. Кровь уже подбиралась к кожаной кобуре на поясе.

Револьвер. Шестизарядный. С рифлёной лошадкой на рамке ствола. И надпись на стволе. Которая уж точно не оставляла сомнений. Нет, это не может быть «Миротворец»! Откуда он здесь? Вопрос, ясное дело, вторичен. На первом месте факт. Воронёная надпись «Colt». И та самая лошадка. Разве что ствол чуток короче, чем показывают в вестернах. Но это уже самопил — мушки нет, и срез ствола неровный.

И всё же полковник Сэмюэль Кольт со своим легендарным револьвером оказался и в этой ветви истории! Вот только запас патронов дружиннику епархии положить в карман позабыл. Но шесть пуль это уже кое-что. По сравнению с обмотанной вокруг талии верёвкой и оставшейся в теле убийцы Марганы кочергой.

Револьвер пах смазкой, металлом, но не дымом и порохом. Да и вряд ли бы даже самый умелый стрелок с такого расстояния всадил из него пулю в лоб Маргане. Значит, где-то на колокольне осталось более мощное оружие. Но подняться вверх означало оказаться в западне. Я и так уже потерял уйму времени. Как скоро сторонники Марганы вычислят место выстрела? Эта мысль билась в голове с того самого момента, как я увидел струйку крови на белом лице попытавшейся проникнуть в мужской клуб женщины. Попытавшейся, но просчитавшейся. Даже в цивилизованном обществе мужчины не допускают дам в своё святая святых — во власть. Ну или если и допускают,

то с большими оговорками. Разрешая лишь одну функцию — ублажать мужчин. Полагая, что на все времена у женщины один удел, одна роль. Мне эта женская роль тоже импонировала. Правда, всё меньше и меньше увлекала. В силу возраста? А может, потому что власть меня и вовсе не прельщала? Но сейчас было не до власти и не до баб. Мысль о том, что бежать надо, бежать сломя голову, билась в мозгу как-то глухо, не побуждая к действию. А зря.

Снаружи донеслось ликующее «Ойда!».

Выпрямившись, я бросил мимолётный взгляд на площадь. И не поверил своим глазам.

Людское море, хоть и изрядно обмелевшее, всё ещё колыхалось внизу, за стеной, окружающей храм именно от этих людишек. На виселице, над проплешинами, образовавшихся на месте бежавших с площади, раскачивался... Иов. Его борода металась из стороны в сторону на ветру, предвещавшем дождь.

Пока все были заняты смертью Марганы, кто-то из дружинников выбил из-под ног старика табурет. И кончилась его власть. Хотя она кончилась раньше. То ли с его болезнью, которой воспользовалась Маргана, то ли ещё раньше, когда он подпустил её к своему трону.

Ниже и правее, на возвышении, где совсем не героической смертью пала Маргана, не дойдя до цели всего-то пары шагов, копошились её гвардейцы. А ведь именно один из её приближённых и всадил ей пулю в лоб.

Ещё правее была непонятная суета среди чёрных клобуков и ряс с сутанами. Вглядевшись, я понял в чём дело.

Над головами толпы и клобуками монахов в сторону высших чинов плыла на красной подушке шитая золотом и иконами митра.

Король умер. И второй тоже. Пусть и претендент. Однако умер же. Но... Да здравствует король!

Вот почему толпа не разбежалась — самые стойкие ждали нового Иова. А может, в силу обстоятельств, его теперь нарекут другим именем?

Ну да мне что до этого. Мне, в отличие от толпы, надо бежать. Новый ли король, старый, а моя участь в любом случае решится одинаково.

Сунув кольт за верёвочный пояс, я метнулся к спуску из галереи, заметался в алтарной части храма, ворвался в ризницу. Тут выхода нет. Только вниз. В подвалы. Из которых я едва вырвался, а потому не горел желанием возвращаться. И ризница стала мне в том подмогой. Да ещё какой! Она в полной мере оправдала своё предназначение. Вот только я мало разбирался в том, что само пришло мне в руки. Но всё ж хватило ума и сноровки облачиться за то время, что и спичка не прогорела бы, в подрясник и скуфью, надвинув её на самые брови. Ещё и обувку нашёл. Великовато слегка, но и то хорошо, хватит, набегался босиком.

Когда в храм, запоздало сообразив откуда стреляли в преемницу Иова, ворвались дружинники, я уже истово молился у алтаря в правом приделе. Где-то здесь, как мне помнилось, по церковным канонам должна была быть икона Николая-Чудотворца, мирликийского покровителя моряков и странствующих. Был ли угодник здесь, была ли вообще Ликия в этом времени, я не задумывался, мне просто нужно

было внимание не привлекать. А храм для того и создан, чтоб молиться.

Вот я и молился. Во спасение. Не столько души, правда, сколько бrenного тела.

Дружинники, даже не удостоив меня взглядом, промчались мимо, направляясь на галерею, а оттуда, значит, на колокольню. Соображают.

Пока они сообразят, что стрелок не сам насадил себя на вертел, я дожидаться не стал. И неспешно вышел из храма.

Прямо навстречу процессии с новым папой во главе.

Ну, не с папой, с иерархом, суть же одна. И её основа — поклонение.

И мне пришлось колена преклонить. А потом и вовсе вернуться в храм, будучи увлечённым людским водоворотом.

Ну как людским. Поповским.

На меня косились. Не узнавая. Мир узок. Даже там, откуда я пришёл. Здесь же и вовсе едва ли не все друг друга могли знать. Особенно в духовном сообществе. Оно, правда, сегодня, претерпело серьёзные изменения, но как долго я буду не то чтоб невидимкой, но кем-то безликим...

Мимо проплыла митра на голове нового иерарха всекатолической православной...

Я ещё ниже склонил в раболепном поклоне голову.

17

Вместо того, чтоб бежать, я, зажатый в толпе, наполовину задохнувшийся, вплыл обратно в храм. И оказался в первых рядах перед алтарём. В окружении не

столько церковных сановников, которые взобрались на алтарь, за оцепление из дружинников, сколько обычных обитателей Романова. Кто-то в пылу восхищения новым папой, ой, иерархом, сбил с меня скуфью. Подрясник на фоне кафтанов отличался только цветом, так что я стал таким же обывателем, как и все окрест. А окруживших нового иерарха дружинников, с крестами на шеvronах, волновала только безопасность охраняемого лица. Точнее, его зада. Потому как лицом он стоял к иконостасу. И кто это был, мне не разглядеть. Да и толку, всё равно знать не знаю. Не был представлен. Что уже хорошо. Потому как и узнать меня в силу этого никто не мог.

Новый главпоп истово крестился. Ещё бы, не каждый день такая власть в руки сама падает. Молитва, в которую вслушивались все набившиеся в собор, плыла под сводами храма, лезла в душу, но струн её не касалась. Было в ней нечто такое, что не трогало чувств. И не потому, что я неверующий, и привык отличаться от толпы. Сами невнятные слова, их тон не внушали надежд, веяло от них какой-то безысходностью. К тому же в самый разгар молебна царские врата в алтаре распахнулись, но вышел из них не сын божий, или кто там должен оттуда явиться.

Нарушая порядок службы, в алтарь вывалился здоровенный дружинник, с небрежно заброшенным за спину автоматом.

Склонившись к новому владыке, он громким шёпотом в ухо сообщил, так что и мне было слышно:

— Наш брат вознёсся...

Иерарх вздрогнул, осенил дружинника крестом.

— Помолимся, братие! — запел он фальцетом, оборачиваясь к пастве.

Неприметное личико. Носик-кнопка, жиденькая, с проседью бородёнка, выцветшие, мелкие для такого лица глазки, я бы даже сказал поросячьи. Но, наверное, нельзя так о лице духовном. Хотя слов из песни не выкинешь, да и приличные глаза не нарисуешь. Маргана могла бы и глаза нарисовать, что-что, а рисовать лицо, своё лицо, женщины умеют.

Поп рисовать не умел. По крайней мере лицо. И на нём, если приглядеться, можно было заметить самодовольство. Или это я придумал. Подслушав слова дружинника.

Заговор.

Всё было спланировано. И пока Маргана планировала смерть Иова, приговор вынесли и ей самой.

Толпа, заполонившая оба придела храма, монотонно затянула какую-то молитву. Слов которой я не знал. Да что там, я не знаю и никогда не знал ни одной молитвы, даже шуточных к экзаменам, что уж там говорить о песнопениях другой эпохи! И церкви, о которой слыхом не слыхивал до попадания в серые времена. Но я пытался разевать рот вместе со всеми. Хотя и не всегда это получалось в такт. Ну нет у меня музыкального слуха! Да и музыка молитвы была своеобразна, мало в ней было божественного, больше о хлебе насущном, о власти иерарха, послушании носителям мантий и ряс...

В общем, ничего нового. Любая религия для того и существует, чтобы обывателя в покорности держать. А уж бог — дело второстепенное, какого не назначь, все будучи

требовать одного и того же. Для одних и тех же. И от одних и тех же. Которые и будут исполнять волю божью в интересах первых.

Как ни заглушали молитвенные призывы происходящее в алтаре, я всё ж услышал горячечный шёпот дружинника:

— Это ещё не всё...

И я внутренне сжался. Вот, сейчас этот здоровенный лось скажет, как вознёсся их возлюбленный брат, убивший Маргану. И станет ясно, что убийца в храме. Максимум через полчаса досмотра мой убогий маскарад будет разоблачён. И всё.

Что всё, я додумать не успел. Потому что дружинник зашипел довольно громко:

— Упырь сбежал.

Это было действительно слишком громко. Почти как гром с неба. Хотя он уже и так прозвучал. Пятью минутами ранее. Но молившиеся рядом со мной начали недоумённо оглядываться. Вначале подняв взгляд на иерарха. Затем на дружинника. Потом на соседей.

Оборвавшаяся на полуслове прямо в центре храма молитва стала стихать, молчание стало расходиться кругами.

И в наступающей тишине явственно прозвучало:

— Дурак...

Хотя иерарх проговорил это одними губами. Но акустика...

Храм, устроенный так, чтоб богу были лучше слышны молитвы, сыграл против своих устроителей. И в наступившей тишине это слово прозвучало как приговор.

Дружиннику. И как подтверждение его словам. Для тех, кто слышал первую часть.

По левую руку от меня кто-то взвизгнул, по-бабьи взвизгнул, хотя женщин в храме практически не было. И ладно бы просто взвизгнул. Но ведь тут же добавил то, что услышал:

— Упырь сбежал!

Уж не знаю, что в этом было такого страшного. Ведь пять минут назад вся эта толпа присутствовала при том, как упыря вздёрнули. Пусть и не того. Так им то и не ведомо было. А был факт — упырь повешен. И вот на тебе, известие что он сбежал, оказалось страшнее самого упыря.

Возглас ещё затихнуть не успел, а толпа, вначале нахлынув на полукруг дружинников, охранявших нового иерарха, откатилась приливной волной, ударилась в двери, вышибла набившихся в притвор и с нарастающим стоном ринулась на выход. И тут же в свод храма под центральным куполом ударила автоматная очередь — у кого-то из дружинников сдали нервы. А реставраторы потом будут головы ломать: откуда в росписях в храме шестнадцатого века дыры от пуль из автоматов века двадцать первого...

Вот только это случится, когда восстановится ход истории. В чём я уже не был уверен. Как и в том, что живым толпа меня вынесет из храма — бока изрядно намяли, головой о створку двери приложили, руку едва не оторвали, когда я попытался изменить направление движения...

В последний момент перед тем, как вывалиться из храма, я оглянулся. Стрелок, выпустивший очередь в свод, нелепо запрокидывался, дёргаясь, как деревянная марионетка на верёвочке.

Вряд ли это только нервы. Что там Маргана говорила про мор? Уж не он ли?

В кои-то веки я даже не подозревал, насколько был близок к истине...

18

Сразу за воротами храма я свернул влево, и по не приметной тропинке скатился к берегу Волги, пониже пристани. По берегу шли ряды сарайчиков или иного назначения ветхих домишек, закопчённых, без окошек, с покосившимися крышами. Туда спрятаться? Самоубийство, первым делом проверят, слишком близко. И бежать оттуда некуда... Эх, мне бы шашку да коня... Ну, или хотя бы добраться до покачивающегося на волнах «Бойкого»...

Добраться... А дальше-то что? Не выход даже пароход, грести некуда.

А если подумать?

Вместо того, чтоб продумать ближайшие действия, я внезапно вернулся мысленно в храм. Не к месту своего заточения. А к алтарю. У которого стоял... Иов. Новый. С иголки. Хотя и изрядно потёртый временем. Но всё равно Иов.

Ну, а как иначе, если спустя буквально пару месяцев мне скажут, что в Романов по приказу Иова везут юных дев. Вот уж точно: «Да здравствует король!». Ты их в дверь, а они в окно... Но мог бы и раньше догадаться. Что Маргане не светит.

Ну да мне не до разборок иерархов. Надо бы укрыться. Меня-то уже хватились. Когда искать начнут? Или новый Иов не станет? Судя по тому, как взвилась толпа,

станет. Ему, чтоб править, чтоб во власть войти, нужна победа, нужен труп упыря. Не то его самого кто-то более ушлый спровадит на костёр. Почему на костёр? Так ведь петля уже была, не помогло. А кто с петлёй пособил? Правильно, Олеся. Бабка с болот Кукобая. Пусть и молода она. Но всё равно — бабка. Повитуха. Знахарка. Так ведь до неё — я мысленно представил гугл-карты — вёрст полтора-будет. И то если напрямки. А я дорог не знаю. На машине и то с навигатором катался. А уж в глушь соваться...

Но какие ещё варианты? Вернуться к месту, где я якобы прописан? Так это не здесь. Хотя и вдвое ближе. Да и не вариант — там искать будут в первую очередь. Никто ж не отменял договор дружинников епархии с городскими охранителями. Так что идёшь ты лесом, Михал Михалыч. Правда, не в таком наряде.

Следом за мной по тропинке ещё кто-то бежал. Погоня? Или такой же ушлый беглец? Не все следуют за толпой...

Я притормозил. И в спину мне ткнулся мужичок. Гладко бритый, с меня ростом, в войлочной, несмотря на лето, шапке, в поддёвке, подпоясанной кушаком. Или это бекеша? Но вроде без мехов. Да и лето всё ж. Хотя шапка-то в наличии...

Разбираться я не стал.

— Тебе чего? Чего привязался? — ткнул мужичка грудью, сам, правда, при этом едва не опрокинувшись навзничь. Мужик-то с горки бежал, инерция...

— Так это, все побежали, и я побежал...

— Ну и бежал бы себе. За мной чего гнал?

— Так это... Так вышло. Не со зла я.

— Не со зла, так отвали. Хотя лучше так... Скидавай кафтан! — я выхватил из-под подрясника кольт и сунул его мужику под нос.

— Так это... Я чо... Я ничо...

Мужик споро размотал кушак, бросил мне под ноги, на валявшуюся уже там шапку.

Наклоняться я не стал.

— Кафтан. Живо.

— Так это... Поддёвку сымать, што ли?

— Сымать, сымать. И терпение моё не испытывать.

Расставаться с одежкой мужику явно не хотелось. Да и кому бы понравилось средь бела дня оказаться ограбленным. Но доброе слово вкупе с пистолетом творят чудеса. И поддёвка легла к моим ногам.

Наклониться мне всё же пришлось. Хотя и пытался не упускать из виду мужичка, но моргнул, на секунду потерял контроль. И тут же мне в голову прилетело.

Ему бы ствол выбить. А он завалить меня решил. Словно знал, что с головой у меня нелады. И хороший удар может её выключить. Но чуток не докрутил. И удар лишь отбросил меня от вороха одежды.

Сознания я не потерял, равновесия тоже. Просто опешил. Как так, мужик, и вдруг в драку полез. Я-то полагал, что века покорности излечили от подобного смердов и холопов. Но не учёл жадность.

Не мог мужик смириться с потерей. Хотя и не Крым я у него отжал. А всего лишь жалкий зипун.

Пока я слушал поминальный звон в ушах и в голове, мужик выдернул откуда-то нож. Видать, засапожный. Поверх рубахи-то у мужичонки верёвка какая-то, там ножу

не место. Разве только в ножнах. Да где им взяться-то? И опять же на верёвке. Но мужик с ножом уже шагнул мне навстречу. Забыв о допущенной ошибке — кольт остался у меня в руке. Ну куда ж ты с шашкой против «Миротворца»...

Выстрел, конечно, не входил в мои планы. Не хватало, чтобы в храме услышали. Но деваться было некуда.

Убей или умри. Других вариантов не было. Хотя сам спровоцировал ситуацию. Зипун мне понабился. Ишь, ты!

Ну, да, понадобился. Потому как жить хотелось. А подрысник не тот маскхалат, чтоб укрыть меня посреди чужого мира. Зипун тоже не подарок, но всё же лучше, сойду за деревенщину. Глядишь, и проскочу.

Я мог бы всё это объяснить мужичку. Да времени он мне на это не оставил. Потому и выбор оказался невелик.

И пуля вошла между глаз ни в чём неповинного мужика. Хотя, как знать, все мы грешны. Хоть в чём-то. Так и я. Ввязавшись в драку, понимал, что идти нужно до конца. Вот только своего конца пока не хотелось. Поэтому стрелял без всяких угрызений совести. Но с жалостью. Патрон был отнюдь не lining.

Впрочем, чего греха таить. Вёл я себя как белый человек с дикарём. У того бесполезное копье, у меня — огнестрел. Так и Колумб Америку брал, утешил я себя. И всё же обыскивать тело не стал. Зря, наверное. Вдруг бы что-то полезное нашлось. Но нужно было убираться подобру-поздорову. И бегом.

Подхватив одежонку, я метнулся по спуску дальше, вниз. У воды отправил подрысник в плавание, натянул кафтанчик, подпоясался. И стал типичным извозчиком. Только коляски с лошадами не было.

В новом обличье, ускоряя шаг, уже вдоль берега я пошёл вниз по течению. Где-то нужно было свернуть влево. Чтоб, перейдя на бег трусцой, начать движение в сторону Кукобоя. Других планов я не строил. Пока. И даже не думал, как преодолею полтораста вёрст пешком. А главное — зачем...

19

Город на семи холмах. Это не только Москва. Романов оказался таким же. И помимо холмов с виселицей и помостом для знати, был богат другими холмами. Которые заняли церкви. Но я их обходил стороной. Там креститься нужно. А я и в своё время с этим был не в ладу. Не то чтоб не отличал двуперстное знамение от крещения щепотью, нет. Просто не помнил, что прежде нужно отметить, как в том анекдоте, — партбилет или удостоверение личности. С проверкой между ними кокарды и ширинки. Так что лучше лишний раз не светиться. Тем более что крестились здесь тоже своеобразно: то размашисто, то как-то хоронясь вроде. И что там при этом приговаривали — только богу и ведомо. Если ему интересно.

Но, подтянув зипун или поддёвку, как назвал покойник свою одежонку, я внезапно ощутил дикий голод.

Когда и что я ел? Даже запомнил...

С чего вдруг так захотелось перекусить? Да что там — жрать захотелось...

А вот и ответ.

На кривой улочке, сразу за поворотом открылось подворье, с которого на меня и пахло едой. Чем-то печёным, мясным духом, супом гороховым...

Эх, зря не обыскал убитого. Может у него деньжата водились? Хотя какие деньжата... Мне неведом ни курс местного рубля, ни цены, чтоб торговаться...

Вот только допрежь еды мне свело скулы от другой нужды. Потому ли что полночи босиком по холодным полам скакал, или по иной причине, но срочно требовалось отлить. Но не под дом же на пригорке, почитай, на виду у всех. Хотя вокруг и не видно было никого. Разве что стайка детишек в отдалении. Детей, кстати, доселе я не видел, даже в толпе. Женщины пусть редко, но встречались, а вот детворы не было. Или дети на особом счету? Ну так с потомством иерархов это понятно, касту воспитывают отдельно. Но смерды своих деток где прячут?

Хотя нет, не прячут. Вон же они, играют во что-то. Ну и ладно, мне бы по нужде. А что до детей, так дела до них нету. Будь моя воля, здесь бы ни минуты не задержался. Не то что изучать быт и нравы крестьянских детей в условиях поповской диктатуры. Хотя и неизвестно что ждёт меня во времени, из которого я заброшен... не то чтоб в прошлое, а куда в бок, в сторону от торной дороги человечества.

Свернув меж двух домов с тропинки, я в два шага оказался не столько в зарослях, сколько вполне себе прикрыт от посторонних взглядов. Распахнул zipун, оттянул резинку пижамных брюк, в которых меня сюда доставили, и с наслаждением выплеснул далеко не живительную влагу. Выплеснул на жалкие кустики, пришибленные тенью берёз.

Струя вышла могучей, не зря копил, но мутно-рыжей. То ли в организме какой-то болезненный процесс назревает, то ли вымываются какие-то микроэлементы. В этом медики

допетровской эпохи были сильны, даже диагноз ставили по вкусу мочи.

Организм отходил от напряжения. Не столько последних минут, богатых на покойников, сколько от физиологического долготерпения. И в голову лезли всякие пустые мысли. Но, блаженно выдыхая на фоне накатывающего облегчения, по сторонам я не забывал поглядывать. Детишек я видел, а вот они меня — нет. И это их, похоже, встревожило, вон как зырят во все стороны. Ещё и выговаривают что-то самому мелкому, в рубaxe до пят.

Я расправил плечи, потянул полы зипуна, чтоб придать себе вид подтянутый и молодцеватый, но замер с кушаком в руке.

Правая рука, натягивавшая поддёвку внахлёст, внезапно наткнулась на что-то твёрдое с внутренней стороны грубой домотканой сермяги. Не будь запах на левую сторону, я, может, и не обратил бы внимания, прикрыв его другой полый. А тут, вишь, мода немного не та. Вот и обнаружилась по внутреннему краю украденного пальто лента. Не атласная, вполне себе простая, ситцевая, однотонная. Такая, чтоб не выделялась на сером сукне. Зато под ней...

Ощупью, прошёлся я пальцами вдоль ленты сверху до низу. И насчитал никак не меньше дюжины кругляшков. Надавил одним на шов, неровный и с не слишком частыми стежками.

На ладонь выскользнула монета. Эх, и чего я не вникал в дела своего тёзки, коллекционировавшего денюжки! Мишаня разбирался в них с завидной простотой.

Сейчас бы и я знал, что за пятак мне достался. Ясно, что не серебро, медь. Но ведь не зря его припрятали, ценен, значит.

В ленте были вшиты и другие, судя по размеру, монеты, я все доставать не решился, а ну как ограбят, сам такой, сермягу вон снял. Но при отсутствии карманов лента была самым удачным местом хранения. Зато появился и соблазн, и новые мысли, которые уводили в сторону от главной цели — похода на Кукобой. Которые ещё и объяснить нужно было, самому себе прежде всего. А уж потом пускаться в путь.

Но теперь другие думы вытеснила иная мысль — как бы пожрать. И сколько это будет стоить с учётом моих пятаков и грошиков, или что там у меня в подкладке зашито...

Нежданно обрета богатство и поняв, чего так мужичок цеплялся за свой замызганный лапсердак, я уже более внимательно присмотрелся и к кушаку. Как оказалось, не зря — по краю такая же лента. И почти с горстью мелких монет. Ну как с горстью... Десятка полтора. Денюжки. Судя по дошедшим до моего времени побасёнкам, на такую копейку можно было в кабаке гульнуть.

У меня только мелочи было на хороший загул. Да ещё с цыганами и медведями. Конечно, если сказки историков были правдой. В чём я сомневался. Но надежду пообедать не терял. Мне бы только кабак найти.

Вернув пятак на место и вдумчиво подпоясавшись кушаком, я расправил его так что потайной карман в ленте оказался прямо под рукой. Теперь можно было незаметно для окружающих, что немаловажно в чужом мире, вытащить

при необходимости монетку-копеечку оттуда. А то и не одну, буде обед обойдётся дороже.

Шагнув из кустов на тропинку, принялся.

В ближайшем доме готовили обед, как пить дать. Но кто ж мне даст...Даже пить...

Глотая слюну, я пошёл дальше, в надежде найти трактир или иное подобное заведение.

И тут за спиной послышался топот босых ног.

Пацан. В долгополой рубахе. Рыжий. В веснушках на конопатом носу. Уши — два лопушка.

Он обогнал меня и заступил дорогу.

— Тебе чего, пацан? — я вынужден был остановиться.

— Не, не он! — заорал пацан куда-то мне за спину, и так же, как внезапно появился, сорвался с места и умчался к своей ватаге.

Я посмотрел ему вслед. Подумал. И крикнул:

— Эй, пацан, а где тут поесть можно?

Босоногий притормозил, оглянулся и махнул рукой куда-то в сторону.

— А проводить сможешь? Не прогадаешь. Зуб даю.

Меньше чем через минуту мы торжественно вышагивали в сторону тракта, так пацан назвал место назначения. Ну понятно, где ж быть трактиру, как не на тракте...

20

— Мне твой зуб, дядечка, ни к чему, — разглагольствовал пацан, вприпрыжку шагая впереди меня.

— Дай копеечку. Дома шаром покати. Бана, сестрёнка

второй день не жрамши. А татка пропал. Ушёл ещё намедни. И нету.

— А мамка где?

— Мамку на подворье забрали. Скоро уж год. Не вернётся поди.

— Понравилось так?

— Если бы! Татка говорил, шо оттуда никто не вертается. Живым. А так могилоч вдоль тракта — хоть отбавляй.

— И что так?

— Всё не так. Как нарекли рархом почившего Иова, так и стало всё не так.

— Так нынче другого возвели в сан.

— Вот если бы Маргану, — мечтательно протянул мальчуган.

— Так убили ж её...

— Ага, упырь порешил! Все думали, что она его поборола, а он на тебе, вишь чо подстроил...

Ты глянь-ка, мелкий, а в местной политике сечёт. И откуда всё прознал? Ведь и часа не прошло...

— И чо ж он подстроил?

— Громом поразил Маргану нашу! Аль сам не видел?

— Ну, можно сказать, что и не видел. Гром — слышал. Да только не гром убивает.

— Да знаю, я знаю. Блывавыця убивает.

— Ну, или пуля.

— Нож надёжнее, — с видом знатока протянул мальчуган.

— Тебе откуда знать-то?

— Татка сказывал. И у него был такой. Вострый. Волос на лету рубил. Татка как не вернулся поутру, так я и пошёл его шукать. С пацанами вот забился, на гору не успел. Им туда ходу нет, вот и меня они не пустили. Шоб, значит, не обидно им было.

— А им-то чего нельзя было с тобой?

— Так выблядки они...

Меня аж передёрнуло:

— Тебе сколько лет, что ты такие слова говоришь?

— А шо так? Я уж половину круга прошёл. Ты, дядечка, не смотри, шо я мелкий. То я в мамку пошёл. А слова-то другого и нету. Выблядки, они и есть выблядки. И живут на выселках, где всех, кто с катаяцами якшался, собрали. Шоб, значит, кучно. Вдруг какая зараза... Олеся говорила...

— Что, прямо тебе говорила?

— Не, — пацан осклабился в улыбке, показав проплешины в ряду кривых зубов. — К Олесе только тётки ходють. Да и то, когда забрюхатють.

— Значит, выблядки, как ты говоришь, это дети от катайцев?

— Доходит до тебя, дядечка, как до болотной кикиморы, — пацан пренебрежительно сплюнул через губу и отвернулся. Но дорогу указывать не прекратил.

— Зовут-то тебя как, умник?

— Любимом кличут.

Так вот, значит, в честь кого город назвали. Не знал, не знал. Шутка была так себе. И то про себя, не вслух. Пацан, скорее всего, её бы не понял. Особенно если города такого

нету. А я не помнил, поминали ли его механик с Саввой или нет.

— Ладно, Любим. А батьку ты, значит, не нашёл...

— Ага, — пацан подтянул сопли. — Тебя, дядечка, увидел и спутал с таткой. У него такая же поддёвка. И кушак почти как евойный.

Я чуть было не присвистнул. Вот так встреча! Выходит, я порешил отца восьмилетнего ребёнка, на руках которого осталась голодная сестрёнка? За кушак порешил. Пусть и с зипуном в придачу. Про золото и брильянты в подкладке я ж не знал...

Все мы грешны? Хрен там! Есть грехи, от которых не отмазаться, не отмыться. Надо будет хоть свечку поставить. За упокой.

— Как батьку-то звали?

— Третяк. Третьим он в роду был. Но никого уж из рода его не осталось, последний он. Промысел такой... Опасный...

— Что за промысел?

— Татка не велел поминать всуе, но если копеечку дашь...

Я сунул два пальца в складку кушака:

— Держи.

У пацана глаза округлились:

— Полушка?! А я думал обманешь!

И припустил пуще прежнего по пыльной тропинке, увлекая меня за собой.

— Не так быстро, стар я уже чтоб бегать.

— Так почитай уже и пришли...

Корчма оказалась покосившимся домиком, в три окна по длинной стене. Она приткнулась под одиноким дубом, рядом с широкой наезженной колеёй, на самом краю Романова. Дальше — только леса да холмы. Но уже без крестов. По крайней мере, в поле зрения.

Переступив порог полутёмной светлицы, большую часть отгороженной половины которой занимала печь и резной шкаф с посудой, я сбросил шапку:

— Эй, хозяева, перекусить не найдётся?

За спиной прыснул в кулачок Любим:

— Ну, дядечка, ты даёшь!

— Что не так? — покосился я на своего провожатого.

— Сядь, денюжку на стол положи, тебя и накормят.

— А сколько денежек надо?

— А это смотря что будешь.

— Откуда ж я знаю, что есть?

— Всегда есть каша овсяная, кисель, щи, — мальчонка судорожно сглотнул.

— Ты что будешь?

— Я б тавранчук попробовал, — дёрнул меня за штанину Любим, — татка рассказывал, вкусно!

— Что за зверь такой?

— А ты попробуй, мил государь, — раздалось откуда-то сбоку. — Присаживайся сам, мальчонку усади. Мы и накормим-напоим.

Я обернулся. У шкафа с посудой стоял мужик размером с тот же шкаф. А вот с видом мужика никак не вязался миролюбивый и негромкий голос. Грубые черты лица, словно из камня высечены, кудлатые брови над

глубоко вдавленными в череп глазами, бегающими, недобрыми. Лопаты ладоней висят едва ли не ниже колен. Что-то такое в нём было от снежного человека. То ли из-за низкого лба, то ли из-за небритости...

Не ровен час, и еда такой будет, грубой да невкусной...

— Присаживайся, присаживайся. Сам видишь, не занято. Почти.

Действительно, в дальнем углу у подслеповатого окна был занят только один грубо отёсанный стол — три мужика, склонив головы так, что едва не соприкасались макушками, о чём-то тихо толковали, временами втыкая двузубые вилки в стоящий на столе казан.

Любим первым юркнул за стол — он уже раскатал губы на угощение. Я же, чувствуя себя виноватым, да ещё и зная, что пировать буду на деньги, которые должен был унаследовать мальчишка, не возражал.

— Мне бы это... руки помыть, — грязные ладони я протёр о свою одежду, но чище они от этого не стали.

— А чего ж не помыть, — хозяин кивнул в сторону печи. — Вон из бочонка бери водицу, над лоханью и мой, там же и зола есть, коли сильно въелось-то.

Он внимательно оглядел мои руки. Давно не знавшие тяжёлой физической работы. С приличными ногтями, хоть и обгрызенными кое-где, но всё ж не чета рукам хозяина корчмы.

Любим опрометью бросился полить мне на руки. Но сам отмывать свои цыпки отказался, и так, мол, сойдёт.

Усаживаясь за стол, я скинул свою поддёвку. В смысле, это я её уже своей считал. Хотя пацан по-прежнему

косился на неё с любопытством, выискивая следы, по которым можно было бы признать одёжку папаниной. Уже хотя бы поэтому бросить лапсердак на лавку было ошибкой. А тут я ещё явил народу свои пижамные штаны «Henderson» и замызганную за время путешествий по подземным ходам футболку. Хорошо хоть цветом не особо выбивался — синие порты и бежевая безрукавка. Она-то и привлекла внимание. Что пацана, что хозяина. А потом и компании в дальнем углу.

Но хуже всего было с револьвером. Еле успел его под кушак сунуть, когда раздевался. И монетку в руке зажал. Чтоб потом не искать у всех на глазах.

— Чем откусываете? — приступил хозяин к столу, когда я уселся наконец.

— А что есть? — выложив монету на стол и прихлопнув её ладонью, поинтересовался я.

— Как мальчонка и сказал, щи да каша — пища наша. Щи грибные, каша на масле, льняном. Пироги гороховые. Голуби, в меду томлёные. Но это ждать придётся. Да и дороговато, думаю, будет.

Щи я не то чтоб терпеть не мог, но вместе с рассольником и перловой кашей он входил в перечень блюд, которых избегал при любой возможности. Последнюю готовить надо уметь, а рассольник и щи — продукт вторичной переработки уже переработанных блюд.

— А что там этот... тавранчук?

— На монастырском квасе, грибной. Мяса не пожалела хозяйка. Самое то с голодухи и после дальней, как я погляжу, дороги.

Любим вытянулся в струнку за столом — ни дать, ни взять пионер на уроке.

— Больно наблюдательный ты, братец. Неси.

— Платить чем будешь, мил государь?

Я поднял ладонь.

У нашего бармена глаза-щёлочки расширились, полыхнули алчным огнём. Эх, чую, прогорел я. Да ещё и как бы беды не нажил.

— На всё неси, — решил я немного сбить цену. А когда хозяин корчмы довольно выдохнул, добавил: — А на сдачу собери, мил человек, торбу. Для мальчонки. Сестрёлка у него два дня не евши. Да не жалей. Вот уж голуби куда пойдут за милую душу. И пироги в придачу.

— Сей момент сделаем, — хозяин широким жестом смёл монету со стола и исчез за перегородкой, откуда донеслось невнятное бормотание на два голоса.

— И попить чего-нибудь, — крикнул я вдогонку. — Чаю, покрепче.

На кофе и замахиваться не было смысла. А чай оказался морковным. Его первым притащили. Целый чайник — чёрный, пузатый, закопчённый с одной стороны. Вместо стаканов — глиняные кружки, из которых удобно пиво было бы пить. Может, зря не спросил? Но тут хозяин грохнул на стол макитру с кусками сахара. Каждый — с кулак размером. И щипчики. Которыми разве что крупинку можно отщипнуть. Я чуть было за кольцом не потянулся — им-то отбить кусок запросто. Но не время оружие светить. И не место. дождался ножа, здорового тесака, оставленного хозяином после того, как на стол выставил два дымящихся горшка с варевом. Как когда-то в детстве, у бабушки

обушком ножа расколол сахарные головы, положил куски перед мальцом. И себя не обидел. Хотя и вредно мне, сахар высоковат. Так то в другой жизни... Но тут стало не до сладкого.

Для начала запах. Он был обалденный. Ни меня, ни мальчонку уговаривать не пришлось, ложки, деревянные, без всяких узоров и затей, мы схватили одновременно.

Еда, несмотря на странное название, оказалась вполне себе. И не только от голода. Мясо хорошо протушилось, грибы дали аромат. И даже солёные огурцы не портили вкус, как это обычно происходит с рассольником. Для меня, по крайней мере.

— Пирогам-то закусывайте, — раздалось от печи.

Я поднял голову от горшка с тавранчуком.

Прикрываясь пёстрой занавеской, отгораживающей хозяйскую половину от общего зала, у печи стояла невысокая тётенька, слегка за сорок. Если не меньше — старятся здесь, как я успел заметить, куда раньше, чем в моём времени. Ну да и в моём такое было, разве что больше у кавказских женщин. Или у англичан: молодая женщина, молодая женщина, молодая женщина, а потом — бац, и бабушка умерла. Правда, неизвестно есть ли здесь британские женщины. Или британские учёные. Которые всё это могли бы объяснить. Потому как неведомо есть ли Британия. Америка-то, скорее всего, есть. Потому как есть кольт.

Я скосил взгляд на кучку своего тряпья, под которым прятался тот самый кольт, что доказывал наличие Америки.

Случайный взгляд был брошен очень даже вовремя.

Компания за самым дальним столом трапезу закончила, шумно поднялась с мест. Но до двери не дошла, окружив стол, за которым сидели мы с Любимом.

Я поднял взгляд от горшка:

— Проблемы?

— Ни дзяо шенми миндзы?

— Чего? — глаза у меня полезли на лоб.

Под столом меня стукнул по ноге Любим. И когда я обратил на него свой взор, одними губами прошептал: «Катайцы».

— Виноват, мужики, не лопочу по-вашему.

Двое из троицы, окружившей стол, были азиатами. Один из которых, луноликий, невзрачный в своей обыденности, среднего роста, и пытался приступить ко мне с расспросами. Третий, высокий, с русой бородой и такой же, но с проседью стрижкой под горшок, перевёл:

— Как тебя зовут, парень?

— Извини, брат, но парнем меня уже давно не зовут, возраст не тот.

Задавший вопрос азиат ткнул в спину толмача. И тот исправился:

— Прости, уважаемый, господин Чэн Юншэн спросил твоё имя.

Обращение на ты давно меня не задевает. Так что я ответил:

— Михалычем кличут.

Юншэн кивнул. Или он Чэн? Да мне без разницы. Тем более что он что-то быстро залопотал по-своему. Я дождался перевода.

— Господин Юншэн предлагает присоединиться к нашему обозу. Мы идём на Кострому. И господин Юншэн всегда рад хорошим попутчикам. А тебя, уважаемый, он считает

хорошим.

Значит, всё-таки он Юншэн. А Чэн — фамилия. Ну да мне детей с ним не крестить.

— За приглашение спасибо. Хотя я собирался на Кукобой. Но можно и на Кострому. Когда обоз выходит?

Что-то я никакого обоза возле корчмы не видел. Или эта троица и есть весь обоз? Что за товар везут? На чём перемещаются? Пешком? Так что это за обоз такой? И потом, мне вспомнилось не столько предостережение, сколько информация Марганы. О море. Не про море, разливанное синее море, а о том, что мор грядёт. И всё благодаря катайцам. Так стоит ли с ними связываться? Равно как и в Кукобой идти. Ведь мысль о встрече с Олесей только маскировала другую. Я пытался бежать из Романова. Куда угодно. Однако, памятуя прошлый свой визит в это беспокойное время, подсознательно решил бежать и укрыться на болотах. Потому и Кукобой. И, как и в случае с механиком, отговорившим от ухода в болота, пусть и по другой причине, я понял, что решение моё не из лучших. А Кострома — вполне себе. Другое дело, что я с опаской отношусь к благоволению фортуны. И то, что мне так повезло, вызывало опасения.

Толмач перевёл мой вопрос. Хотя и сам мог знать время выхода обоза.

— Утлом, — господин Юншэн не стал утруждать переводчика. — Здеся. Нузен крепкий.

И без замаха ткнул меня в плечо увесистым для его мелкой комплекции кулаком. За что тут же получил в ответ — я-то решил, что уже бьют, по-настоящему бьют, и сейчас отнимут мои богатства, а до кольца далеко. Вот и врзал без затей.

Юншэн отпрянул, и вперёд выступил его азиатский спутник, уже выдёргивая откуда-то из-под полы халата здоровенный тесак, вдвое больший забытого хозяином корчмы на столе.

— Мэй шиэр, — вскрикнул господин Юншэн. И покуда его спутник прятал оружие, что-то защебетал переводчику.

— Господин Чэн Юншэн рад что не ошибся, уважаемый. Ему такой попутчик и нужен. Чтоб бил, не спрашивая. Но силу соизмерял. Так что утром, если предложение подходит и Кострома лучше Кукобая, будет ждать здесь. С рассветом.

Знать бы ещё когда рассвет. И что до него мне делать. Хотя лучше бы я подумал о том, как до него дожить. Но пока только кивнул господину Юншэну, и вернулся к своей похлёбке. Вкусен был тавранчук. И когда ещё выдастся так вкусно поесть...

22

Сыто рыгнув, я привалился к стене.

— Это вашему мальчику, — торбу с продуктами, заказанную на сдачу, вынесла женщина. Хозяин больше не показывался. Даже в момент едва не случившейся потасовки.

Теперь, когда она не скрывалась за занавеской, я смог её разглядеть. Действительно, за сорок, слегка. Невысокая. С русой косой через плечо. Голова прикрыта платком. Сама пухленькая, но сбита крепко. Грудь рвёт рогожку простенького, абсолютно прямого, без всяких выточек и украшательств платья. Если не считать таковым боковой разрез, по самое не могу, ещё чуть повыше, и открылось бы сокровенное, пусть и видом сбоку. Пальцы, с обломанными ногтями, розовые, словно распаренные от долгой работы на кухне. Хотя я и не заметил здесь особого усердия в мытье посуды. Моя плошка хранила засохшие следы предыдущих трапез. Но я не привередлив. Пронесёт так пронесёт, кустов вокруг в избытке. А если что серьезнее, отравление там или дизентерия, чего доброго, так быстрее отмучусь.

— Спасибо, хозяйюшка, — надо бы спросить о ночлеге, да как-то неудобно. И выдавать не хочется, что я без роду-племени. — Как тебя звать-величать, чтоб можно было добрым словом поминать?

— Весея я, деревенская значит. — Хоть и не распространялся я по поводу своей прищлости, но хозяйка корчмы всё поняла. И объяснила мне происхождение своего имени.

— Ну, не такая уж и деревенская, коль в городе живёшь.

— Да какой город, — махнула она рукой. — Одно название. Только и того, что караваны ходють. Но вам, сударь, я бы не советовала с ними якшаться. Катайцы... И обманут, и убьют, не дорого при том возьмут. А паче того, на отраву подсадят. Если на встань-траву, то ещё куда ни шло, а коль на дурь, то спасения не будет.

Мне эти названия ничего не говорили. Но суть дошла: катайцы наркотой баловались.

— Ещё раз благодарствуйте, Веся. За предостережение. Но пора и честь нам знать.

А Любим уже подхватился:

— Бана-то поди заждалась! Ревёт небось от голоду. Пойду, я дядечка.

— Вместе пойдём. — Я поднялся следом. — Заверни и мне, хозяйюшка, пирог.

— Отчего ж не завернуть! За вашу щедрость благодарны. Но себя берегите. Опасайтесь морока. И тьмы. Мальчонка-то свойский, не пропадёт. А вы поберегитесь, добрый человек.

— И за предупреждение спасибо, — я вспомнил её мужа или кто он там. — И за пироги с угощением благодарствуйте.

Неловко пятясь, я изобразил поклон. Хозяйка в ответ поклонилась поясно.

— Так что там Бана? — потеряв интерес к женщине или убедив себя в том, повернулся к Любиму: — Это зовут твою сестрёнку так? И что её имя значит?

— Так тростинка и значит. Худенькая она уродилась. Да и промысел татки не особо помог достатку. Так что не разъелась, как некоторые, — Любим бросил неодобрительный взгляд на хозяйку, но торбу не выпустил. И в благодарностях тоже рассыпаться не стал.

За дверью корчмы уже смерклося. Хотя ведь лето, и должно было ещё быть светло. Но я уже не удивлялся. Лето-то лето, но далеко не жарко. Так что зипун оказался весьма

кстати. Да и свёрток с пирогом за пазуху лёг вполне удачно. Прикрыв собой кольт — никто и не заметил.

— Ты откуда всё знаешь? Про тростинку, про катайцев...

— Так учёный, поди. Зимой ходил в школу. Пока чоботы не развалились.

Сейчас босой Любим приплясывал от холода на росяной траве, действительно, странное какое-то лето. Хотя и в мою эпоху случилось, что тепло запаздывало. Однако здесь, похоже, это было нормальное явление. Не зря же на площади все были одеты не по-летнему, и сейчас явно неслучайное похолодание.

— Тогда скажи: Маргана, что значило её имя?

— Ой, дядечка, хорошее имя было! Жаль, не сбылось. А ты что ж, не знаешь?

— Откуда? Сами мы не местные, — прогундел я в ответ.

— Дарующая покой, во как, значит! — победно ответил мне Любим. Значит, Маргана не врала, у неё имя совсем с иным смыслом, чем вкладывал я, используя совзвучие. Не фантом, не мираж, а дарующая покой. На том пути, куда завела. Что ж, покоя, как и пути, не вышло. У меня иная дорога случилась. И по ней я иду с мальцом. А уже он идёт босиком. Так, вроде Алла пела.

Не совсем так: «И по ней я бегу босиком». Я своё давно отбегал, теперь только шагом. И в сапожках. Которые стащил из ризницы. В них, не по размеру великоватых, не побегаешь.

К тому же бежать же и вовсе не вышло.

Из резко свалившегося на город ночного морока на тропу вышли две неясные тени.

— Не спеши, мил государь, — обманчиво миролюбивый голос из темноты оказался ещё более обманчивым, чем мне показалось вначале. Когда я едва переступил порог корчмы.

В свете жалкого серпа луны блеснул тесак, ровно такой же, как обладатель обманчивого голоса забыл на столе.

В любом человеке живёт зверь. Тот самый, от которого он произошёл. И которого благами цивилизации и ограничениями законов загнал в дальний угол своего сознания. Но... Лиши человека комфорта или равновесия душевного, как зверь тут же рванёт наружу.

Моего давно уже ничто не сдерживало. Более того, зверь уже вкусил крови. Не далее как несколько часов тому назад. И требовал ещё. Потому как только распалил аппетит. Это я был сыт. Но не зверь во мне. Так что эти двое явились явно не вовремя.

— Мальчонка, шагай куда шёл, а ты, мил государь, погоду.

Любим от страха застыл на месте. И только мешал бы мне, начнись настоящая драка. Но ни спасти мальчика, ни честно драться я не собирался. Как вы, так и я. Хотя и убивать никого не собирался. А ну как бабочки, которых я уже здесь растоптал, обернутся непоправимыми последствиями в моём мире?

Впрочем, думать об этом было уже поздно. На курок я уже нажимал. И колями кровь пускал. Так что всё, что могло случиться, уже случилось.

Поэтому, не спуская глаз с парочки, застывшей мне дорогу, я сунул руку за пазуху. Но вынимать её не стал. А повернулся боком к противникам, явно не подумавшим о том, чтоб меня обойти и окружить, пусть и не так просто это сделать вдвоём. Но зашёл бы один сзади...

Тут бы и сказочке конец. А так...

Не вынимая кольт, я пальнул через поддёвку в сторону поблескивающего тесака.

И хозяин корчмы, оказавшийся у меня на пути, взвыл от боли. Куда громче выстрела, приглушённого лапсердаком.

— Нога! Он мне ногу прострелил!

Вторая тень кинулась на меня. Но прежде, чем я выстрелил, в нападавшего пальнул Любим. Словом. А доброе слово оно такое... Особенно если вместе с пистолетом.

— Татка! Таточка!

Я уже достал кольт. И вскинул его, держа лоб нападавшего на прицеле.

Уж не знаю, что было более убедительным. Крик мальчика или мой ствол, нацеленный в голову. Но нападавший застыл. И я тоже перевёл дух. Значит, не сделал я мальчишку сиротой. И не стану этого делать сейчас. Конечно, если тень, оказавшаяся отцом Любима, не дёрнется.

Дёрнулся Любим.

Он подбежал к отцу, ткнулся ему в ноги.

— Татка, это хороший дядечка! Вот, смотри, для Баны еды прикупил. И меня от пуза накормил. Теперь я знаю, что такое тавранчук!

Я порылся в памяти:

— Эй, Третьяк, брось нож. И у приятеля заberi. Неровен час, порежется.

Нож ударился о землю.

— Да не порежется ужо, — негромко обронил нерадивый папаня Любима. И был прав. Так вот какой у него промысел... Конечно, не стоит о таком рассказывать на каждом углу и вещать каждому встречному-поперечному.

Хозяин корчмы не просто осел на землю, он даже дёргаться перестал, зажимая рану в паху двумя руками. На то, чтоб кричать от боли, сил у него уже не было. Здоровый мужик был, трудно было промахнуться.

— Сам дойдёшь или проводить? — невинно поинтересовался я у Третьяка, убедившись, что мне более ничего не угрожает.

— Сам, — Любим не отходил от отца, и я не стал делать замечание изменнику, быстро переметнувшись в другой лагерь. Он меня от греха спас. Если уж по надуманному убийству отца мальчонки я весь вечер себя изводил, то, убив того на глазах сына, и вовсе бы поседел от немых укоров совести. Если бы уже не был седым.

Ну вот, идти мне некуда, а я уж думал у Любима перночевать, чай, не сильно бы потеснил детишек.

— Ну и шагайте, — я указал направление кольтom. Уговаривать не пришлось. А вот хозяина корчмы...

Подобрав тесак, я склонился над умирающим.

В лунном свете маленькие глазки едва поблёскивали. Да и то скорее от боли, чем выдавая жизнь в теле.

— Ну, и чего тебе не хватало? Жена, корчма, денег я тебе заплатил... С избытком... Так нет же...

Умирающий окровавленной рукой попытался ухватить меня за руку. Но силы оставили его.

— Не жена она мне, — прохрипел и был таков. Хотя меня интересовало куда больше другое: чем именно я его привлёк, ради чего пошёл он на смертоубийство. И сам же подписал себе приговор. Но предсмертный хрип корчмаря навёл на мысль, а не вернуться ли? Идти-то всё равно некуда.

Дверь корчмы негромко сипнула, когда я толкнул её.

Внутри тлел огонёк.

С лавки у печки навстречу мне поднялась Весёя. Уже не в платье с разрезом, а в сорочке полотняной, длинной, до пят. Но с вырезом на груди. Через который её груди пытались вырваться наружу.

— Тут это, не заперто было, — начал я с оправдания. С более лёгкого для на начала. Но тянуть не стал: — Уж не знаю как и сказать, но муж ваш...

— Не муж он мне, — Весёя в два шага преодолела разделявшее нас расстояние и обвила мою шею своими руками, пухленькими, но упругими и цепкими. — Никуда не пушу, так и знай!

Ну вот, только этого мне и не хватало...

23

Солнце защекотало мне в носу. Я чихнул. И проснулся.

Солнечный зайчик поник в крест-накрест перехваченное вырезанными из газет полосами большущее окно. Которое не имело ничего общего с другим окном, закопчёным, малюсеньким, едва попускавшим лунный свет.

Там, в свете урезанной луны неестественной белизной отливали груди Весей. Груды были налитыми, более чем зрелыми, уже чуть провисшими, но восседавшую на мне женщину это не смущало. Наоборот, она едва ли не гордилась тем, что буквально втащила меня в постель. Отнюдь не пуховую, с жёстким соломенным матрасом на деревянном остоле с грубо сколоченным изголовьем. Подушки тоже были колючими, но пахучими — разнотравье, небось. Одеяло нам не потребовалось. Хотя и холодной выдалась ночь, в комнатке при корчме было жарко натоплено. Весей, как знала, топила весь день, готовила...

И вот всё закончилось. Едва начавшись. Стоило мне только замыкать от удовольствия, сжимая её белые груди.

Мои руки бессильно упали поверх простыни, наощупь подкрахмаленной, но всё равно без того запаха, что возродил во мне юный дух среди ночи. Хотя даже с этим юным духом я вряд ли до утра осилил бы вторую попытку, если бы Весей случилось захотеть. Но теперь об этом и думать не приходилось. Хотя рядом и была женщина. Не исключено, даже более красивая чем Весей. И много моложе. Лет тридцати, да и то не полных. С изгибом бровей цвета воронова крыла, остреньким носиком над пухленькими губками, разве что не бантиком были губки. Скуластенькая, да, но это её не портило. Даже не сразу бросалось в глаза. Возможно потому, что розовое личико было обрамлено апостольником. А розовым оно было потому, что с груди в солнечных лучах было подсвечено от красного креста, вышитого на переднике, тоже белом, как и апостольник.

Откуда, из каких закоулков памяти всплыло это слово? Да и знал ли я его прежде? Теперь вот, получается,

знал. Хотя и не горел желанием встречаться с апостолами. В каком бы виде они не прислали своего гонца, в апостольнике или без. Хватало серого платья. Увы, без разреза. И на таком расстоянии, что мне не дотянуться. Чтоб как ночью, добраться до груди. Пусть и не Весей. Но желание ещё не пропало. Наоборот, оно даже усилилось, отозвалось болью в паху.

Рука предательски дрогнула, потянулась к краю платья, пристроившегося у моих ног.

Не достать.

Но движение пробудило ото сна наяву девушку. Она вздрогнула. Хотя, не исключено, вздрогнула она по другой причине. От близкого взрыва, от которого задрожали стёкла. Пусть и заклённые крест-накрест. Но на меня внимание всё ж обратила.

— Ой, вы пришли в себя! — могла бы и раньше заметить, ещё когда я чихал. Не на неё, она больно уж хороша. А вот на судьбу — чихать я хотел. Тем более что она опять поступила со мной не по-людски.

— Где я?

За то время, что девушка прислушивалась то ли к себе, то ли к чему-то происходящему где-то вдалеке, за окном, я успел оглядеться. И не узнал. Не узнал не только комнатку в корчме, которую даже не удосужился рассмотреть. Комнату, не корчму. Но и, поняв по облачению девушки, что должно быть я где-то в лечебном учреждении, не узнал я и свою больничку. Где ободранные стены уже были почти родными, а вытертый до дыр линолеум — вроде как домашним. Хотя я никогда не жил в условиях, где бы на полу был не то что вытертый до дыр, а линолеум вообще, и

трещины да облупивающаяся штукатурка на стенах. Даже в самые плохие и безденежные годы в моих обиталищах, порой временных, всегда был порядок. Хотя большинство моих сограждан и жило в условиях перманентного нахождения в выгребной яме. Обычно — по шею. Но порой это унылое большинство с радостью ещё и ныряло, ныряло с головой, даже не всегда успев набрать воздуха. А потом, всплыв, радовалось, отплевываясь: о, как здорово!

Не то чтоб я кичился своим благополучием и бытиём, где дерьма тоже порой хватало, пусть и фигурального, но я с ним всё ж боролся. Просто никогда не мог понять и тем более принять быдлярский образ жизни. Который, кстати, мало зависит от уровней дохода: доводилось и весьма богатые дома видеть заросшими в грязи по самое не могу. Даже с набором кухарок и домохозяек. Человека можно вытащить из грязи. Грязь из человека — никогда. Ну, да это к делу не относилось. По крайней мере, сейчас. И мне прежде всего хотелось понять, где я оказался. Вот только вместо того, чтоб ответить, девушка с крестом, который мне что-то смутно напомнил, вскочила, засуетилась, метнулась к двери, но потом обессиленно вернулась на краешек кровати:

— Хорошо, что вы очнулись. Вот только доктор занят, оперирует. Вы уж лежите. Может, вам водички?

— Неплохо бы, — я облизнул пересохшие губы, исцелованные ночью Весей. — Но где я? И как здесь оказалась?

— Так вы ж не помните ничего, — вроде как даже обрадовалась сестра милосердия. Впрочем, какая она мне сестра, и какое может быть милосердие, при откровенной радости потере памяти больного? Но спасибо и на том, что

прежде чем отвечать, она достала пинцетом из баночки на тумбочке мокрый ватный тампон и смочила мне губы.

Я попытался впиться в тампон, чтобы высосать влагу. Но пинцет мгновенно унёс тампон в сторону.

— Я, право, не знаю даже, можно ли вам столько влаги, — девушка задумчиво опустила пинцет, бросив тампон куда-то под кровать. Вряд ли на пол, такая воспитанная, и так мусорить, скорее всего там судно или как там называется этот таз для отходов в хирургии... Впрочем, не о том я, не о том. О девушке надо, а таз подождёт. Своего часа. А она не из тех, в чьих домах я видел вырождение и признаки быдла в хозяевах. Уже хорошо. Дальше должно быть только лучше. — Хотя... Как нас учили на курсах, это только при ранении брюшной полости питьё опасно. А у вас ни царапины. Что даже странно, если учесть, что снаряд разорвался почти у ваших ног. Ой, не стоило, наверное, вам об этом говорить. Вы только не волнуйтесь, всё обошлось. Контузия. Как доктор сказал.

— Игорь Степанович?

— Кто?

— Ну, доктор. Игорь Степанович?

— Нету у нас такого. Единственный Игорь, которого я знаю... Ну как знаю... — Девушка явно извелась от долгого молчания у постели бессознательного больного. И сейчас навёрстывала упущенное. А может просто была болтушкой. Вон как глазки загорелись. — Игоря Ивановича мне представили, когда он был у нас. Проездом. Или пролётом будет правильно? Он же летел. На своём «Русском витязе». На фронт летел. Да у нас на денёк задержался, там поломка была какая-то. Это уже потом он «Илью Муромца»

построил. И на нём улетел. Насовсем. Говорили, что его сбили... Ну, как говорили... В «Губернских новостях» писали. Да там правды отродясь не бывало. Улетел он, вырвался... — в голосе девушки было и сожаление, и радость. Оттого что вырвался? Ну да, вряд ли её радовало, что он улетел. Как Карлсон. Которого она не знала. А я знал. И не только Карлсона. И как бы ни был плох, но сообразил. Благодаря «Русскому витязю». И «Илье Муромцу», естественно.

— Игорь Иванович — Сикорский?

— Так вы его знаете! — радостно хлопнула в ладоши моя сиделка.

— Увы, только по книгам, — лишил я её внезапной радости узнавания общих знакомых.

— А-а-а, — разочарованно протянула приставленная ко мне сестра милосердия. Которого у неё, скорее всего, было с избытком, но не для меня. А для Сикорского, например. Который улетел. На какой-то фронт. Или на фронт он раньше летал? На какой? Что за война? Вопросов появлялось всё больше, а ответов не было.

— Так значит, Игоря Степановича среди докторов нет?

— Да кто такой, этот ваш Игорь Степанович? — если бы она стояла, то точно притопнула на меня ножкой. Несмотря на то, что я вроде как болен. Хотя на самом деле контужен. — У вас прекрасный доктор. Густав Германович. Фальк! Подумать только! Сам Фальк! Заведующий хирургическим отделением Ярославской земской больницы!

Мне это ни о чём не говорило. Разве что слова сестры милосердия по поводу больницы... Не то чтобы ясность внесли, но вкупе с апостольником и с Сикорским...

Если подумать, то это говорило о многом. Прежде всего о том, что я опять в чужом времени. Хотя и более близком. Ну, по крайней мере год этак 1914-й. И не от сотворения мира, а уже от рождества Христова. Что, впрочем, ничуть не облегчает мою участь.

И голова болит...

Контузия? После взрыва? А что с моими кровоизлияниями в мозгу? Заведующий хирургическим отделением это, конечно, хорошо, но мне бы невропатолога... Вот только боюсь, что такой специализации ещё нет. А доктора — тем паче.

— Не сочтите за домогательство и харассмент с кэтколлингом... Но... Как зовут вас, барышня?

— Что вы такое говорите, сударь! Какое домогательство?! Какой... — она запнулась: — И что такое... кэтколлинг?

— Приношу свои извинения! Тысячу раз прошу простить. Там, откуда я приехал, не есть хорошо приставать с расспросами к юным девам. Особенно нехорошо так поступать престарелым джентльменам. Тем более в отсутствие матрон, сопровождающих дев, — конечно, всё было совсем не так, однако в книгах писали, что так должно быть. В том времени, где я очутился. Где есть земские больницы. Но не говорить же об этом даме, которой я и без того наговорил лишку. — Ещё раз простите. Но без имени, согласитесь, общение невозможно. Хотя согласен, с

кэтколлингом я переборщил, сам только недавно узнал, вот и вырвалось...

Девушка зарделась, что было очень хорошо заметно на фоне белого апостольника. Хотя и фонил безбожно красный крест у неё на груди багровыми отсветами.

— Я, простите, не гусар, их привычки мне неведомы. Хотя, как военный моряк, пусть и в прошлом, недалеко, видеть, от них ушёл, коль вогнал вас в краску. Ещё раз прошу великодушно простить мою серость и невоспитанность. Это от контузии. И непонимания: где я, что я...

— Что вы, что вы, сударь, только не волнуйтесь! Густав Германович категорически наказал вас не беспокоить, оттого и назначил меня к вам сиделкой. Даша, Дарья Матвеевна. Сверчковы мы. Из тех, что «каждый сверчок знай свой шесток». Вот мой — при вас. Оберегать чтоб...

— Спасибо, Дашенька, покорно благодарю. За заботу. Вот только мне было бы легче, знай я что случилось...

— Ну, да, вы ж ничего не помните. Без памяти который день.

— А который сегодня день?

— Среда...

— Час от часу не легче... Ладно год, век-то какой? — я попытался изобразить, что мои вопросы шутка. Однако Дашенька ответила серьёзно, на что я и рассчитывал.

— Третье июня. Одна тысяча пятнадцатого... Девятьсот пятнадцатого, — поправила она.

Я чуть было не присвистнул. Во-первых, радуясь, что почти угадал, на год ошибся всего. Во-вторых, дивясь тому,

куда меня зашвырнуло. Теперь-то точно в прошлое. В другом измерении хоть и была дикость средневековая, да только от сотворения мира срок был равен моему времени. А тут — прошлое. Начало века. Предыдущего. В котором я родился. Вот только задолго до своего рождения. И хорошо ещё что попал я прямиком в больницу. Но плохо что без доктора. С которым можно было бы откровенно посудачить о завихрениях моего сознания. Впрочем, что толку от доктора без его пусть и старенького, но томографа. С тем же успехом меня может выслушать и этот... как его...

Память, подсовывавшая порой совсем забытые сведения, отказывалась работать со свежей информацией. Впрочем, с именами у меня так было всегда. А тут — Фальк. Как, бишь, его? Густав Германович? Немец? А кто другой если верить истории медицины государства российского...

Но сейчас же война! С немцами!

В подтверждение моих слов где-то за стенами земской больницы вновь утробно ухнуло, задрожали стёкла, солнечный зайчик заметался в страхе по палате.

Даша, как и полагается, осенила себя крестным знаменем. Хотя первый разрыв, когда я заметил оклейку окон крест-накрест, но как-то выпустил этот факт из виду, её не сподвиг креститься. Может, потому что тогда она думала, что я без сознания? А сейчас нужно было не то чтоб роль играть, но соответствовать приличиям времени?

— Стреляют? — поинтересовался я, в надежде на словоохотливость моей сиделки.

— Третий день бьют, — мои ожидания оправдались в полной мере. — Фронт-то в пяти верстах от города, обходят. Сила несметная прёт. Не устоим...

— Дашенька, я ведь даже лживых газет давно не читал...

— С севера белофинны давят. От первопрестольной — троцкисты. В кольцо мы.

Новости едва не повергли меня в шок. Ну не было здесь войны! До самой революции не было! Ни финнов, ни троцкистов тоже не было. Это уже потом красные ярославский мятеж сами выдумали и сами же подавили. Ну, не выдумали, так спровоцировали. Беспробудным пьянством и грабежами. А тут ещё война, до революции жить и жить. Если получится. И кто ж с кем воюет, если город в кольце?

Шок, написанный на моём лице, смягчил сиделку:

— Троцкистов и без нас бьют по всем фронтам, так что тут можно не опасаться, сдюжим. А финнам не мы войну объявили. А те же троцкисты. Мы просто на пути оказались. И если переговоры не сорвутся, то скоро всё закончится, и мы войдём в состав Финского княжества. Череповец и Вологда с зимы уже там, торговлю с нами налаживают. И мы заживём...

— А как же великая и неделимая Русь?

И кто меня за язык тянул?

— Где вы видели эту Русь? — щёчки Даши опять порозовели. Но уже не от отсветов креста, а от негодования. — Как случился Ленский переворот, так и не стало святой Руси. Сколько благородных семей погибло! Да и обычных тоже. Всех жалко. Даже тех, кто успел бежать. За кордон. И уже там пропал. Потому как ещё долго мы будем за грехи властей наших чужими в этом мире. Даже дети наши, — Даша на миг сконфузилась, но продолжила: — даже дети будут платить по счетам, не нами заслуженным. И их очень

жалко — они-то причём. А вот троцкистов не жалко. От слова совсем. Это ж они и устроили переворот. Меж англичан и немцев втёрлись, всех поссорили. И лапу на русское золото наложили. А уже с него и пошло всё: и вооружение толпы, и крушение устоев...

— Дашенька, не так быстро, я за вами не поспеваю, голова после контузии ещё не окрепла...

— Так это ж когда ещё было, все знают. Золотодобытчики тогда заигрались с откровенными бандитами. Тех им подсунуло Министерство внутренних дел. Под видом рабочих. Хотя руками-то они только и умели, что убивать. Но вроде как под надзором полиции были. Когда подписывали контракт. Вот только Правление товарищества так закрутило гайки, что даже уркаганы взбунтовались. А как не крутить, когда и англичане на прибыль «Лензолота» зарились, и марксисты свою долю иметь хотели...

Странно было слышать такие слова от воспитанной и благонравной дворянки. Может и не столбовой, но зато тайно влюблённой в выдающегося авиаконструктора. Столь же юного, как и она — тридцати Сикорскому ещё не было, когда он «Илью Муромца» построил. Была бы замечательная пара. Но он улетел, а она возмущается произволом золотопромышленников, с которого по Руси пошла смута. Если я правильно понял. Не революция, а именно смута. Которую возглавили троцкисты, а не ленинцы. Если последние были за то, чтоб мочить буржуазию, в том числе и в сортирах, то Лев Давидович Бронштейн, он же Троцкий, нарком по военным делам, мочил всех подряд. И вроде как даже ввёл в войсках децимацию. И придумал заградотряды.

Так что не удивительно, что, возглавив смуту в отдельно взятой России, он повёл войну со всем миром. Ну или по крайней мере с Финляндским княжеством. Где, судя по всему, получил по зубам. Как Тухачевский в Польше. Хотя первый красный маршал был бит поляками в другое время и значительно позже от сотворения мира.

— Проклятая жажда золота... А что же Ленин? — я попытался восстановить для истории имя вождя, каким мы его знаем.

— Ленин? Так он-то и бежал в Хельсинки. Зимой. По льду залива. И там уже, вознесённый прессой за свой побег из лап кровавого режима, подбил местных войной пойти на нас. За что, впрочем, ему отдельное спасибо. В котором он, правда, уже не нуждается. Троцкисты ещё в четырнадцатом бомбу кинули, и нет больше Ленина, милостивый государь. Ничегошеньки-то вы не помните. Или не знаете?

Даша с подозрением посмотрела на меня.

— А имя-то своё помните? — наконец-то поинтересовалась она. — А то ведь в приёмном покое вас так и записали: «Неизвестный. Без памяти и без сознания».

24

— Позвольте представиться. — Я вытянулся во фрунт на больничной койке. Благо ничто не мешало: ни тебе монитора, ни капельниц. — Михаил Михайлович. Из служивого сословия. Отставной капитан первого ранга.

— Ой, так вы из потомственных! А фамилия ваша...

Я поковырялся в памяти. На ум ничего не приходило, пришлось сказать правду. Хотя и мог быть ею же тут разоблачён, мол, нету таких.

— Любавин...

— Любавский, наверное, — поправила меня Дарья. Ну что ж, вероятно, ей лучше знать, как меня в эти годы могли звать.

— Возможно, и так, совсем память отшибло. Но Ленину-то за что спасибо, коль он поднял против нас финнов?

Девушка посмотрела на меня как на умалишённого. Хотя я был только контужен.

— Михаил Михайлович, — укоризненно покачала она головой, — уж не хотите ли вы сказать, что поддерживаете троцкистов и монархистов?

— Да, кстати, а что там ИВ? — не стал я отвечать, уводя разговор немного в сторону.

— Его императорское величество?

— Иосиф Виссарионович.

— Кто?

Так, Сталин, значит, не прижился в этом времени. Или вслед за Ильичом ушёл курсом в вечность.

Сморщив носик, Дарья задумалась на минутку, а потом выдала:

— Не того ли вы Иосифа Виссарионыча имели в виду, что устроил экспроприацию в Тифлисе, для диктатуры пролетариата якобы, а потом с денежками махнул в Рио?

Хоть в чём-то повезло, не будет ГУЛАГа и сталинских репрессий. Хотя троцкистских может оказаться не меньше, одна война чего стоит.

— И всё же, Дашенька, за что Ленину спасибо?

— Так ведь война получается освободительная! Вековое рабство Руси рушится! Люди на мир смогли

взглянуть иначе. И не только взглянуть — жить в этом мире. Как уже живут губернии, примкнувшие к финнам. Вот вы, потомственный дворянин, капитан первого ранга, пусть и в отставке, а случилась беда — едва не умерли безымянным. А всё потому что паспорта нет. А ведь даже породистым коровам в Вологде паспорта выправляли. Но не людям. — Дарья едва перевела дух. Однако не остановилась: — С новым же паспортом теперь хоть в Европу, хоть в Америку. Везде пускают. И за людей считают, не то что дома. На Ленских приисках расстреляли полтора ста работников, а в Москве — розгами, на Красной площади. Перепороли все университеты. Вольности, вишь, им хотелось. От этих розог Игорь-то и улетел. Хотя, конечно, не только от них. А Костя Калинин остался. И что? Уж год как расстрелян! Он с Игорем к нам прилетал, сам был за штурвалом «Витязя». И он же и починил машину. Могли бы вдвоём улететь. Но Костя поверил посулам и остался. И вот...

Что-то такое я смутно помнил. Вот только... Авиаконструктор Калинин создавал не бомбардировщики, как Сикорский, а гражданские самолёты. И гораздо позже пятнадцатого года. Лет на пятнадцать позже. Потому как только тогда, в тридцатые появился красный гражданский пассажирский воздушный флот. Я мог ошибаться, но пассажирские самолёты «К», бумажные модели которых я строил по выкройкам в журнале «Моделист-конструктор», точно были в нашей истории. Хотя и в другой. Так что не исключено, что и Костя другой. Или всё же его личная история завершилась совсем иначе, чем знал я? Хотя как знал... Это Сикорского все знали, и Америка его похоронила как национального героя. Калинина, видимо, чтоб не путали

со всероссийским старостой, никто особо не знал, в том числе и я. Хотя и строил модельки. Его самолётов. А он умер безвестным. Что в моём времени, что здесь. Будучи беспаспортным, как и я.

Спрашивать об императоре, скорее всего, смысла не имело. События здесь хоть и шли с опережением, на годы, если не на десятилетия, но до отречения и в моём времени было ещё далеко. А нынешнее наличие здесь троцкистов, как движущей и управляющей силы в стране, указывало на отсутствие власти царя-батюшки. Не хотелось совсем уж разочаровывать девушку в моих умственных способностях. Которые не столько пострадали от некоего близкого взрыва, сколько были следствием загула по петле времени.

Внезапно, лишив меня даже минуты на обдумывание вопроса о его императорском величестве, в коридоре раздались быстрые шаги. Дверь решительно распахнулась, и в палату влетел, как на крыльях, сходство с которыми придавал развевающийся на плечах белый халат, седовласый мужчина. В пенсне, невысокого роста, с аккуратной, чеховской бородкой и порыжелыми от табака усами.

— Густав Германович!

Даша подхватила с кровати, уголок которой занимала на протяжении всего нашего разговора.

— Ну, что Дарья Матвеевна, как наш больной? — никакого акцента в голосе. Но аккуратен, подтянут, на жилетке золотая цепочка часов. И запонки — с камнями. Как и заколка на шейном платке.

— Густав Германович, с больным всё в порядке. Ну, почти. Амнезия. Частичная. Но адекватен. И воспринимает

положительно. И своё состояние, и не лучшие на сей час новости.

— Дарья Матвеевна, я, кажется, строго-настрого вам запретил вести политбеседы с больными. Со всеми. А с этим в частности. Знаю я ваши взгляды, — доктор погрозил девушке указательным пальцем, пожелтевшим от курева.

Но Даша не смутилась.

— Густав Германович, без этих политбесед, как вы выразились, большинство наших больных темнее ночи. И готовы идти умирать. За Троцкого. Который превратил страну в свою вотчину. И собирает дань смертями. А всех недовольных провозглашённым курсом — ставит к стенке. Вместе со своими подручными латышами из чэ-ка. И если мы не будем защищать и поддерживать тех, кого власть обрекает на смерть за какие-то призрачные идеи, какие-то скрепы, то придёт час, когда и нас некому будет защитить. И вас, уважаемый доктор, невзирая на все ваши заслуги. Думаете, вспомнят, что это вы в больнице устроили первый рентгенкабинет, когда и в столице его ещё не было? Как бы не так! А если вспомнят, то только для того, чтоб в вину поставить, в упрёк. И никак иначе. Сами ж знаете...

— Знаю, Дашенька, знаю. И всё ж. На нас, на нашей совести больные. И мы не можем ими жертвовать во имя наших взглядов. А вы, моя хорошая, настоящая бестужевка. Хоть и не застали эти курсы. Но не стоит молодость свою хоронить в бесполезной борьбе.

— Вода камень точит, — подал я голос с кровати, мол, раз уж взглядами ради меня жертвовать не хотите, то пожертвуйте своё время. На моё излечение. — И противиться властям, особенно если они живут в своё

удовольствие, жертвуя при этом народом, людьми, всеми вместе и каждым в отдельности — святое дело. Ради которого можно и на костёр. Я вот не рискнул, о чём теперь жалею. А кому рисковать, как не молодым. Чтоб потом не жалеть.

— Да, вы, батенька, радикал почище нашей Дашеньки! — Густав Германович обратил свой взор на меня. — Это и радует, и огорчает. Радует наличием мысли, огорчает тем, что такие люди долго не живут. В наше время.

— И в моё тоже, — фраза прозвучала загадочно и для Дарьи, и для доктора, который, скинув пенсне, близоруко воззрился на меня. Но говорить ничего не стал. Задумался, застыл на мгновение, а потом, откинув полы халата, присел рядом, вернув пенсне на нос.

— Ну-с, голубчик, а как мы себя чувствуем? А то воевать все горазды, а нам штопай... Всю больницу заповили, не земское учреждение, а госпиталь для тяжелораненых.

— Самочувствие адекватно возрасту и полученным травмам.

Фальк удивился ещё больше, чем сентенции о моём времени. Когда он говорил — о своём.

— Вы врач?

— Моряк. В прошлом. Отставной. Но долго лечился. Поэтому близок к эскулапам.

— От чего же вас лечили? — доктор считал мой пульс, поглядывая на луковку золотых часов, которые он извлёк из кармашка на жилетке.

— Инфаркт, инсульт, — я не стал распространяться, отделившись лаконичным диагнозом, которого в этом

времени могло и не быть. А если и был, то как он звучит в эту эпоху я не знал. Да и толку-то, всё равно лечить никто не станет.

— Вы знакомы с работами Образцова и Стражеско?
— удивлённо вскинул брови Фальк.

Образцов был артистом — создал театр кукол, если не изменяла мне память, а о Стражеско она вообще не хранила никакой информации. Хотя и по Образцову, как я подозревал, выдала не совсем то, что подразумевал Фальк, называя его фамилию. Но показывать свою серость я не спешил. Уж коли удивил доктора своими познаниями, то марку нужно держать. Однако меня самого опередил Фальк. И удивил:

— Они десять лет тому назад первыми в мире дали описание клинических случаев прижизненной постановки диагноза «Инфаркт миокарда». Но куда более удивительно, что вы знакомы с идеями, если не с работами Рудольфа Вирхова. Для неприятия русскими западных идей, в чём бы они не заключались, странное открытие, доложу я вам. Простите, не знаю, как звать-величать.

— Михаил Михайлович, — поспешила представить меня Даша. — Любавский.

— Знавал я Любавского, из дворянского собрания, — кивнул Фальк, а у меня внутри всё оборвалось: ну надо ж, как тесен мир! Хотя есть и оправдание в случае чего, не я ж представился, спишем на девичью память. Если, конечно, доктор ещё и с местными Любавиными не знаком. Но он не стал развивать тему знакомства: — Фальк. Густав Германович. Заведующий сим странноприимным домом.

— Наслышан, — приподнялся я на локте. — Весьма рад. И знакомству, и тому, что попал в ваши руки. Знать бы ещё как...

25

— Артобстрел. Вот как сейчас.

С потолка тонкой струйкой сыпалась извёстка.

Фальк стряхнул пыль с пенсне. И выпустил мою руку.

— Густав Германович, на обстрел не похоже! — не дрогнувшим голосом не согласилась с диагнозом Даша. И я склонен был принять её сторону. Хотя и давненько не был на войне. С первой чеченской. Однако грохнуло, прерывая нашу беседу, я вам доложу, изрядно. И не так чтобы далеко, взрывная волна тупо ломанулась в оклеенные окна, заставив их забиться в нервной судороге. Но дедовский способ — всего лишь бумажка — оказался сильнее динамита, и стёкла уцелели. На этот раз.

— Ну, не знаю, не знаю, вы у нас барышня не только политически подкованная, но и в техническом плане сильны. Может, и попали куда, вот и рвануло, — не стал спорить доктор. Он хоть и был моим ровесником, но возражать женщине не стал, что я себе хоть, изредка, но позволял. Пока болезни мозга и сердца не наложили свою лапу на мои эмоции. А тут —врождённое, надо полагать.

— Артобстрел... — напомнил я доктору.

— Ах, да, — Фальк, поморщился. Что-то у него у самого болело, едва ли не почище, чем у меня. В общем, доктор, исцелился сам. Но и нам дай шанс. — Когда вас нашли, лежали вы, батенька, на краю огромной воронки. И доложу я вам, лежали, не при Даше будь сказано, в чём мама

родила. Может и не совсем так, но то, что было на вас надето, превратилось в обгорелые лохмотья. Хотя и обошлось без серьёзных ожогов. Так, царапины. Ну и амнезия, само собой. С сотрясением. Бессознательное состояние. До сего момента, я прав, Дашенька?

— Михал Михалыч уже минут двадцать как пришёл в себя, — уточнила девушка.

— Вот и чудненько.

— Но это никак не объясняет, как я попал сюда.

— А что тут объяснять? Вас подобрали. И привезли к нам. Ближайшая ж больница.

— А где всё ж случилось это?

— Аккурат у самого Императорского моста. Видать, по нему и били. Ждали литерный. А он задерживался. Но всё равно ударили. А досталось вам.

Так... Значит, из Романова я всё же выбрался. Тыщу лет тому назад, но выбрался. Хотя какие тыщи лет, просто счёт другой. Но тогда бы я должен был в своё время вернуться... Однако кто сказал, что в своё? И вообще, ушёл-то я как? С обозом катайским? Или ещё как? И как же я оказался около моста? Императорского. Значит, он и тут существует. Его, по идее, только недавно открыли.

— Да, уж, досталось. Но там-то как я оказался?

— А вот в этом, батенька, я не силен. Живёте-то вы где?

На автопилоте я чуть было не выпалил домашний адрес. Который появится только сто лет спустя! Сейчас там даже аэродрома нет. На котором позже построят мой микрорайон. Разве что Сикорский уже приземлялся именно там. Только это не повод считать поле аэродромом.

От доктора не укрылось, как я проглотил несказанные слова. Но истолковал он это по-своему:

— Заикание может быть ещё несколько дней. Но должно само пройти, беседуйте больше. С Дашенькой, например, она у нас любит поговорить. Только в политику не лезьте. Очень вас прошу. О девушке подумайте, ей ещё жить и жить, детей рожать. Ладно мы с вами, пожили уже...

Я видел, как вспыхнула Дарья, но не стала оправдываться и спорить с доктором. И я не стал. Хотя и был бы не против ещё пожить, а то, что мы с Фальком пожили — не повод помирать. Вот только ничего этого сказать не успел.

По коридору кто-то торопливо пробежал, потом вернулся, проскочив мою палату. Дверь без стука распахнулась.

Девушка, в таком же апостольнике, как у Дарьи. С горящими щеками и глазами.

— Густав Германович, там это... Лётчика привезли... Обгорелый весь...

— Лётчик? Что за лётчик?

— Ну, слышали ж как громыхнуло... Так это он... Врезался в «Альгемайне Электрицитатс Гезельшафт»... Сбил, когда тот уж на мост с бомбой заходил...

У меня чуть глаза на лоб не полезли. Мне и выговорить такое не под силу, а уж понять — тем более. А тут девица на одном дыхании выстреливает. И добивает «бомбой».

— Прошу простить, долг зовёт, — бросил отрывисто мне доктор. — Иду, — это уже девице, принёсшей дурную весть.

И Фальк опрометью, что никак не вязалось с его тевтонским происхождением и возрастом, выскочил из палаты. Девица в апостольнике, пропустив доктора, метнулась за ним следом, оставив дверь нараспашку.

— Дашенька, что это было?

— Раненого привезли. Прямо как вас. И тоже сразу после взрыва.

— Я не о том... «Альгеймайне»... Как там дальше, не помню...

— Так это самолёт, — просветлело личико Даши. — Немецкий. Они его за ленское золото Троцкому поставляют. Англичан-то выперли из правления после переворота, а с немцами вроде как союз. Не будь его, давно бы финны были здесь. Ну, или мы в составе Финляндии.

Часть пятая
Жизнь взаимности

1

Глупо верить в параллельные миры. Которые якобы не пересекаются. Только потому что они параллельны. На самом деле ещё как — и пересекаются, и проникают друг в друга. По меньшей мере — как спираль ДНК. Хотя она тоже вроде как параллельна. Но уже в другой геометрии. Неевклидовой. Где кривизна непостоянна. Вот только все мы плоскоземельщики. Уверовав со школьной скамьи в то, что Земля круглая, мы не можем даже вообразить ни бесконечность, в которой прямые идут параллельно не пересекаясь, ни вогнуто-выпуклую плоскость, на которой у этих прямых есть общие точки. Но с той же школы вместе с землёй-шаром мы привыкли и к её меркаторской проекции. К плоской карте. Где даже горы лежат в одной плоскости с морскими глубинами. А большие материки кажутся меньше отдельных островов. И наоборот. Поэтому мы видим плоскую картину мира. Якобы нашего. На самом деле он, конечно же, не наш. Или не только наш. Он — многих. Многих вариантов. Вариантов нас. Или наших подобию.

Где и в какой момент эти миры разошлись и продолжают жить параллельно, вторгаясь друг в друга, не знает никто. Но это — непреложный факт. В который можно верить. А можно — не верить. Вот только от этого ничего не изменится. Потому что вера — это отсутствие мысли. Где мысли нет — нет и фантазии. А без фантазии нет места знаниям. Потому что только её полёт толкает нас к открытиям. Которых страшится мозг. И боятся руки. Боятся

взяться за дело. Страх проходит только перед лицом безысходности. Когда без вариантов. И терять уже нечего.

Мне было нечего терять уже давно. Потому я и жил. Чужую жизнь. Ещё с той поры, когда в канун новогодней ночи миллениума очнулся на больничной койке в реанимации. Очнулся благодаря заступающей на дежурство бригаде. И потому что моя койка стояла прямо у сестринского поста. За неимением мест в глубине отделения интенсивной терапии? Или дело случая? Однако, как результат — мою попытку отойти в мир иной медики дружно пресекли. Хотя я уже был там, по ту сторону бытия. И наблюдал происходящее как бы сверху и чуток сбоку.

Никаких дежурных киношных фраз типа «Мы его теряем!». Всё случилось куда проще и циничнее.

— Ну, что тут у нас сегодня? — молодой мужской голос властно ворвался в мои уши, в которых что-то посвистывало всю ночь, мешая уснуть.

— Да мы вам, считай, и работы не оставили, — это пухленькая медсестра, менявшая мне капельницы. — Всех отправили вниз, на холод. Один вот остался, ни туда, ни сюда.

Я смутно понял, что речь обо мне. И вспомнил, что ночью кто-то всё порывался в штыковую атаку, кому-то неведомо зачем требовался механик, а чей-то голос жалобно скулил на одной ноте «И-и-и-и...». А потом, ещё до того, как за окном мрак посерел, словно в него бросили горсть извёстки, всё стихло. И только со стороны сестринского поста о стенки стакана устало позвякивала чайная ложечка.

Надо мною мелькнула тень. Загородив и свет лампы под потолком, и сумрак за окном. Глаза сами смежились. В

кои-то веки. Ну как веки, после суток вспыхивающей время от времени боли в груди, мне наконец-то стало хорошо. Я начал проваливаться в сон. Которого не было всю ночь. И вот он, наконец, пришёл. Правда, какой-то странный сон. Не сновидение, а именно сон, как состояние разума. Тело, вместо того, чтоб отяжелеть и провалиться в дрему, внезапно стало лёгким-лёгким.

И я воспарил. Над своим телом.

Как такое могло быть? Не знаю. Но было.

Тело лежало на кровати, опоясанное трубками катетеров и проводов, идущих к аппаратуре. И в то же время парило — над кроватью. Безо всяких привязок к материальному миру.

Самое смешное, что я себе в этом отдавал отчёт. Понимал всю невозможность происходящего, и в то же время всё видел. Со стороны. Себя прежде всего. Лежащего на взмокшей от пота и посеревшей от несметных стирок наволочке. На ватной продавленной подушке. А уже потом увидел доктора. Склонившегося надо мной. Надо мной лежащим. Поэтому лица доктора я не видел. Я был выше. И видел только шапочку, голубую, с завязками на затылке. Стриженом таком затылке, уходящем в тесноту халата на покатых плечах борца.

— Блин, только и не хватало начать дежурство с трупа! Остановка сердца! Экстренная дефибриляция!

— Та нечем, вчера бросок напряжения был, сгорел...

Доктор без лишних слов навалился мне на грудь, вдавив её ладонями чуть ли не до позвоночника. Раз, другой, третий...

Я покачал головой из стороны в сторону: происходящее мне не нравилось. И больно, наверное. Но поделать ничего не мог. Доктор давит грудь, а я — невесом. А две реанимационные бригады — сдающая дежурство и принимающая — замерли не то в страхе, что в медицинском сообществе в таких обстоятельствах вряд ли случается, не то просто от неожиданности, ведь всё ж было хорошо! Или, по крайней мере, относительно спокойно.

— Кислород!

В тот же миг притихшая утренняя палата наполнилась движухой, гомоном и шумом, из которого я выделял только слова доктора:

— Катетер! Эпинефрин в сердце! Готовим подключичную!

Кто-то ему пытался то ли помочь, то ли помешать, крикнув под руку:

— Перчатки!

— Нет времени! Скальпель!

И в тот же миг струя крови вырвалась из моей груди.

Всего чуть-чуть не долетев брызгами до меня витающего над полем операции, кровь ударила в лицо доктору.

— Салфетку! Я ничего не вижу!

Мне тоже было не видно, чьи руки прошлись по лицу, которое я, лежащий внизу, залил кровью. Но судя по тому, что доктор не стал убегать от распластанного тела, глаза ему открыли. Только для того, чтоб он ужаснулся:

— Голову! Поверни голову!

Вначале ничего не происходило. Не один я не понял. Но док, с надрывом в голосе, прокричал:

— Он смотрит на меня! Голову поверни! Ему, дура!

Мою голову, лежащую на подушке, кто-то повернул набок. Но подушка была настолько убогой, что голова, провалившись в ямку, безвольно вернулась в прежнее положение.

— Он смотрит! Я же сказал, поверни ему голову!

Чуть ли не с хрустом, моя голова на подушке опять повернулась набок, открывая поле деятельности доктору, заталкивавшему прозрачную трубку в мою вену чуть ниже правой ключицы.

— Капельницу!

Внезапно моё тело, витающее над кроватью, отяжелело. И в груди полыхнуло жаром. Но полыхнуло в груди тела, лежащего на кровати. Однако вес уже набрало и витавшее над кроватью. И рухнуло вниз. Хотя, если быть честным, я не был уверен, что это моё тело упало. Или, если посмотреть с другой стороны, не исключено, что моё тело. Но, дотеле парившее над кроватью, оно упало на чужую плоть в постели. Чтобы слиться воедино.

Когда несколько минут спустя доктор отхлестал меня по щекам, глаза открыли оба тела. Открыли одновременно. Оба глаза. Каждый — как свой. Хотя и получалось, что глаз вдвое меньше на них двоих. Но между собой они не враждовали. Наоборот, приняли воскресение как должное.

— Что это было? — вяло пролепетал я пересохшими губами.

— А то, что я вас никуда не отпускал, молодой человек.

Ну, да, тогда я был ещё достаточно молод, чтоб молоденький доктор, ровесник меня тогдашнего, мог себе

позволить такую фамильярность. Тем более после того, как вернул меня с того света. Или всё же не меня? Тогда кто я?

Так ли это важно, если я живой. Вот только в последнем я не был уверен. Но упорно цеплялся за жизнь. В любом из миров.

В закопчёное маленькое окошко заглянул серый рассвет. Своей грудью Весея прожигала мне бок, вдавив остренькие соски в кожу. Или это жгло от свечения в углу, там, где должны были быть иконы, но висел чёрный рупор репродуктора?

Свет разлился по всей комнате, потом исчез. Ненадолго. Чтоб погода вспыхнуть вновь. Уже не так ярко. Не обжигая, наоборот, обдавая холодом.

Стараясь не разбудить, я поцеловал спящую Весею в носик, смешно подрагивающий на выдохе.

— Что это было? — прошептал, и...

2

Холод проскользнул до самого сердца.

Невольно застонав, я потянул на себя какую-то колючую сермягу, прикрывавшую мою наготу. До пояса — так точно. И прикрывал, и нагота была только до пояса. Но сверху.

— Нельзя вам, сударь, было вставать, — раздалось над самым ухом. — После удара-то... А вы ещё и свадьбу затеяли...

— Ия? — не веря тому, что вернулся туда, куда уже и не мыслил попасть, я приподнялся на локте, вглядываясь в склонившееся надо мной лицо.

В полумраке салона «Бойкого» проступили знакомые черты. И сверкнули недобро глаза, горячие, ждущие и жаждущие. Вот только я их опять обманул...

Ну, да, Весея осталась там, в другом сне. И в жарко натопленной комнатке при корчме. А здесь, в салоне «Бойкого», многократно простреленном и побитом осколками, гуляют сквозняки и тянет холодом от воды. И надо мной склоняется Ирия. Которую я всё-таки первой назначил любимой женой. Это уже потом Алевтина выбила эту должность себе. И тут же отреклась от меня, пожелав замуж за Онисима. Свадьбу девушки с которым мы и отметили в этом же салоне. Перед самым затмением.

...Его хоть и ждали, потому как ведали о том, что оно случится, но всё ж исчезновение молочно-белого диска луны даже меня повергло в дрожь. Чего уж там о малограмотных девчонках говорить. Но и крику не было. Так, только сжались все, притихли, прижимаясь друг к дружке, когда диск луны стал багровым, словно крови напился. И даже немых взяли в свой круг. Только Алевтина отдельно ото всех жалась к Онисиму, а он нетерпеливо распускал руки. А потом луна вернулась. Выплыла из тени. Но стало только холоднее.

Это всё, что я помнил. До того, как в очередной раз отключиться. Ненадолго, правда. Пока все весело провожали молодых в отведённую им келью. Под которую я велел приспособить каюту протопопы. Капитанская вроде как за мной оказалась закреплена. Да только пусть и вымыта она, но идти туда, где смерть приняла красивая юная девушка, мне не хотелось. И я, хлебнув самогона механикуса,

откинулся на спинку дивана в салоне. Задремал. Или потерял сознание?

С этим я не разобрался. Скорее последнее. Иначе почему надо мной чахнет Ия, а её более юные подружки притихли по углам?

Смутно всплывало в памяти, что до того, как уселись за столы, на которые Онисим даже баклажку того самого мутного самогона выставил, из своих потаённых запасов, доложил он мне: патронов — один цинк, на пару минут огня из пулемёта, еду, с учётом добычи, на три дня растянем, за углём пойдём под утро, когда ветер повернёт.

Причина, конечно, была не только в ветре, или не столько в ветре. А в Алевтине. Я бы и сам прежде предался любовной страсти, нежели погрузке угля. Ну да не стоит Онисима в том винить. Он и так сделал всё, что мог. И даже больше. Хотя бы с тем же самогоном. От которого раскраснелись и отпустили вожжи все девчули. Не то чтоб распоясались, но более не оглядывались в страхе на меня. Ну и на луну тоже.

Двое уцелевших из экипажа «Бойкого» — третий, кок, от раны так и не оправился, с течением отправился в лучший из миров, оставив друзей по немоте в хорошей компании — тоже цедили мутный напиток. Но голову не теряли. Всё чинно, в молчании. Хотя чего ещё от них можно было ждать, безъязыкие...

Мне же хотелось Онисима о многом расспросить, да только ему было не до бесед с болящим. И дел по горло, и любовь-морковь крутить надо. Так что я прикусил язык. И умерил свои аппетиты к знаниям. Точнее, к познанию нового

мира. Разве что девчат поспрошать? Заодно и познакомиться...

Чувствуя, как плывёт, кружится голова, я всё же сел, сбросив с себя какое-то лоскутное одеяло, колючее донельзя. Меня им укрыли от сырости, но теперь безбожно хотелось чесаться. Но могут не так понять, решат, типа, что блох гоняю.

— А что молодые наши-то, не шибко шумят? Я даже сном забылся...

Девчонки дружно прыснули в кулачки.

— Глянь-ка, смешливые какие. А мне говорили, что Параскея — серьёзная девушка. А она вон чо, как все...

Одна девчонка тут же смолкла. Русые волосы, в два смешных хвостика сплетены. Носик пуговка. И натруженные руки. Даже в полумраке салона видать. Это не здесь она их уработала, хотя тут тоже досталось. И свадьба, и парус...

Ну да ладно, одну вот узнал. Кто там у нас ещё? Я напряг память. Казя.

— А ты, Казя... родом откуда?

Смутилась ещё одна девчушка, чуть постарше серьёзно несерьёзной Параскеи. Уже и грудки обозначились, и брови чёрные подводить не нужно, как крылья вороновы вразлёт на смуглом личике. Носик с горбинкой, не какая-нибудь пуговица, порода, не из простых, видать. Да и имя... Чем-то схожее с тем, коим меня здесь величают.

— Я чего спрашиваю... Меня вон Казимиром считают. Предсказателем типа. Ты, часом, не по этой ли части тоже?

Подобравшись, девушка прочистила горло смущённым покашливанием. Но призналась:

— Так и есть сударь, из предсказывающих я. Да и род весь таков. Сказители. Порой и видим наперёд. Не всегда вот только... Не то бы не было меня здесь, — она окончательно смутилась.

Но я всё понял. Будь её дар настоящим, смогла бы предвидеть свою участь. И не попалась бы ловчим, дружинникам епархии или кто там поставляет дев монахам...

— А попалась-то как? — не отставал я. Больной мозг требовал действий или хотя бы пищи для размышлений. А девчата же, пережив лунное затмение и предыдущие ему передраги со смертями и трудностями бытия, тупо хотели спать. К тому ж утром ещё погрузка угля предстояла. А тут я с вопросами.

Но Казя ответила.

— Соседи донесли. Так, мол, и так, убёгла в поле. У нас там заимка, за лесом, пчёлы, мёд, чуток пашни. Чтоб, как раз, выживать. А у них — голимая голь по лавкам. Да работать никто не хочет. Старшой их на меня зарился, тато отстоял, мала, мол ещё. Да только как напьётся Богучар — олень оленем.

Девчонки разом прыснули, и даже Ия их поддержала. Тут уж и я допетрил. Сам, без подсказки. Богучар — и есть олень. В переводе. С того русского, на коем здесь гутарят. Или балакают. Хорошо ещё не ляпнул про город. Который есть в моём времени. Не помню только где. Но есть. Только к делу это не относится. Тем более — здесь.

— И что, сильно пьют в ваших краях?

— Не слабо. Не все, конечно, только такие, как Богучар. Ну и его родня. Если выкосят у кого рожь, то мало того, что украли, так ещё и не на хлеб, на бражку изведут. А сами — ни-ни. Ни пахать, ни сеять. Только охальничать, как напьются.

— Ну так спроворили бы его в солдаты. Как-никак война вон...

— И-и-и-и, сударь! И война-то давно закончилась, да и вояка из него, как и сеятель... Никакой, одним словом. Ни на что не гожа, а вот жениться — ему подай. Чтоб, значит, было кому готовить и в доме обихаживать. Ну и пошалить, — девчонки прыснули, но Казя не смутилась. — Жениться, конечно, ему надо. Не то ведь сопьётся, и ноги с голоду протянет.

— Ну и бог с ним, жалко, что ли?

— Не жалко. Его не жалко. Так ведь и жить рядом невозможно. То проходу не давал, а то, как из епархии люди пришли, тут же и сдал. Так, мол, и так...

— В поле убёгла, — закончил я за девушку.

— Ага, — подтвердила она.

— Ну, ладно, девчата, спать давайте. Надоел я вам, поди, разговорами. Вы натрудились, а я больным сказался. И не устал. Потому и спать не особо хочу. Да и старость это... С её бессонницей...

Девушки послушно улеглись на диванах. И даже Ия. Хотя ей-то уж точно не спалось. Подружка, младшая, неказистая с ней в сравнении, мужа обрела, ласки познала, а она... В общем салоне, слушает бредни какого-то мужлана, не обращающего внимания на её молодость и красоту.

Да я бы с радостью. Вот только и удар случился, и место не подходящее. Не при детях же. Да и по нужде бы...

Это, конечно, самая последняя из отговорок. Но и самая неотложная.

Я встал со своего дивана, огляделся.

Мой пистолет, доставшийся от покойного капитана, был далеко, чтоб его взять, пришлось бы пробираться меж укладывающихся девчат к самому крайнему столику, где и Онисим свой ствол оставил. Или это наган Маркони? Который с двумя патронами...

В моём браунинге ненамного больше. Два или три? Не помню. Да и смысл таскать его среди ночи. Неровен час за борт вывалится. В самое неподходящее время. А время, действительно, требовало немедленного выхода. Хотя и неловко может получиться. А всё потому, что судовой гал्यон в кормовой надстройке, рядом с каютой молодожёнов, могут неправильно понять. Ну да пусть лучше совесть лопнет, чем мочевого пузыря.

Стараясь не особо напрягаться, я вышел на палубу.

Луна уже зашла. А после её затмения казалось, что ночь стала ещё чернее. И в этой черноте я не разглядел на палубе не менее чёрное пятно, к тому же ещё и скользкое. Потому едва не улетел за борт, схватившись в последний момент за оборванный взрывом леер.

И всё равно этого бы не хватило, чтоб устоять на ногах. Не подхвати меня кто-то сзади.

«Вахтенный?» — мелькнула мысль, и тут же погасла.

Потому как в горло ткнулась холодная сталь. А в ухо, с горячечным дыханием ворвались слова, брошенные вроде бы даже с опаской:

— Упырь?

Давненько меня так не называли. И это явно не немой из команды. Пусть тихо, но говорит...

Выворачивая шею, я попытался разглядеть того, кто собрался покончить со мной в тот момент, когда я чувствовал себя в полной безопасности. Но увидеть ничего не смог. Зато одежда мигом пропиталась влагой. Что могло означать только одно: беда пришла из воды.

Вот он и час мой последний...

В голове горячею метались мысли. Кто? Как? Неужто Онисим вахту не выставил? А епархия... Никак берегом погоню выслала? Теперь всех порешат... Но пока до остальных доберутся, меня точно кончат. Этим вон ножиком, что у горла. Вывусь ли?

Додумать я не успел.

В глазах полыхнуло пламя. В спину толкнуло.

Хотя нет, вначале раздался грохот. Потом был толчок в спину. Мокрым, приникшим ко мне телом. И только после полыхнул огонь перед глазами.

Ну как перед глазами. В голове. По которой, аккурат в затылок, где и жила моя смерть в виде неопределённой формы сгустка крови и переродившихся нервных клеток, пришёлся удар другой головой. Чужой. И мокрой. Но в которой вряд ли жила смерть её хозяина. Не то что в моей. Где смерть собственной персоной обитала, поселившись в пустоте турецкого седла, не то чтобы с незапамятных времён, а с вполне конкретного удара. Который и вызвал то кровоизлияние. С которым я со временем вполне сжился. Организм сложная штука, и даже в мозгу он предусмотрел, почти на такой случай, пустоты. Которые и спасли меня от

мгновенной смерти. Заменяв её отложенной. Не до лучших времён, конечно, а до такого вот случая. Когда даже лёгкий удар может привести в движение желеобразную массу, заполнившую нишу, которую с чьей-то лёгкой руки называли почему-то турецким седлом.

В общем, я в какой-то степени Кощей Бессмертный, смерть которого была на конце иглы, а игла была... Ну сами, знаете про яйцо, зайца, утку. Вот только со мной всё и гораздо проще, и сложнее одновременно. Я со своей смертью сжился. И мог бы и дальше жить. Неведомо сколько. Кабы не этот удар в затылок. Потому как с ударом нож, приставленный к горлу, непременно должен был вскрыть сонную артерию. Да и сам удар мог даже без ножа оказаться фатальным. Но...

Иногда но — это даже неплохо. Чтоб не сказать хорошо.

Объятия, которые уберегли меня от падения за борт, ослабили внезапно. И так же внезапно исчез нож от горла. А потом я буквально спинным мозгом ощутил, как мокрое тело, прильнувшее ко мне, тоже извернулось в каком-то немыслимом рывке. Или это было прежде, чем нож исчез?

В любом случае всё внезапно кончилось.

Я рухнул на колени, успев выставить вперёд руки. И тут же влип во что-то мерзкое, липкое, тягучее.

За спиной грохнул ещё один выстрел. Пламя которого я увидел, но так и не понял, кто и в кого стреляет.

Но было уже тепло на душе.

Я всё ещё жив. И даже звёзды в голове мало-помалу прекращают свой сумасшедший бег по кругу.

Зато появились голоса. И даже крики. Которых, вопреки ожиданиям, не было в час затмения. Но сейчас...

Сейчас девчонки орали так, словно их режут. Что вполне могло быть. Учитывая нож у моего горла.

3

Выскочивший из своего любовного гнёздышка, прежде бывшего обителью благочинного, Онисим пронёсся по палубе в чём мать родила. Я бы не сразу это разглядел, не вруби он, вопреки здравому смыслу, освещение по всему «Бойкому». Хотя, возможно, просто иначе этот белый свет, природу которого мне не понять, не включался. Но, как бы то ни было, мы себя полностью демаскировали этим светом. Конечно, если с берега наблюдают за рекой. Впрочем, Колодезный, если не ошибаюсь, говорил мне, что с наступлением ночи все охранители, что в городе, что в епархии, предпочитают не высовываться. А кто другой мог сказать? Маркони? Так я бы забыть успел. Не только его слова. Уже и самого мальчишку помнил с трудом. Но ещё соображал.

Вот в белёсом мареве, разрывающем тьму ночи, мчится, болтая своими причандалами, Онисим. Худой, с седеющей порослью на груди и ниже живота, он был каким-то привидением, что ли. Только слишком живой. И очень злой. И я бы был злым, сдёрни меня в первую брачную ночь с невесты. Так что и Онисим вряд ли был добрым в этот момент. Скорее страшным. Вон и пистолет в руке у него. Значит, в салоне был наган Маркони. И теперь в его барабане ни одного патрона. Потому что нельзя было спутать грохот

выстрела нагана с почти ласковым шёпотом моего браунинга. Но при чём здесь это? Не о том мысли, не о том...

Я жив. Но как? И что это было?

Подняться с колен никак не получалось. Руки скользили по палубе в какой-то липкой жиже. А штаны и вовсе прилипли к ней. Зато удалось обернуться, благо шея не пострадала.

В метре от меня на палубе корчился человек. В мокрой одежде. Чёрной, облегающей. С пугающе бордовой манишкой.

Посланец епархии. Как я и предположил. Значит, выследили. Догнали. Но где же остальные?

Кое-как я оторвал руки от палубы и поднёс их к глазам.

Кровь. Уже изрядно загустевшая. Но много. Значит, кого-то всё же убили. И то, что не меня, утешение слабое. Каждый человек на счету. И всех жалко. Пусть и не знаю я их ни поимённо, ни по делам...

Разобравшись с тем, что удерживало меня на коленях, я проследил за Онисимом. Он вскинул пистолет, целясь в лоб подёргивающемуся от боли человеку на палубе. И я его понимал. Но решимости механика не разделял. По разным причинам. Которые пинались в моей голове за право первой выйти наружу осмысленным блоком слов или команд.

Когда Онисим уже готов был добить раненого в чёрном одеянии опричников Иова, я всё же разлепил губы:

— Патрон побереги! Да и пригодится он нам, вдруг скажет чего путного...

За Онисимом, дальше в нос по борту сгрудились девчонки. Все ли? Этого я видеть не мог, их прикрывала собой Ия. Но стояла она как-то неуверенно, словно ноги её не держат, опираясь рукой с револьвером на уцелевшую часть лееров. Ну, не каждый день юной деве приходится убивать. Пусть пока и насмерть. Я, по крайней мере, надеялся, что дружинник живой, и дотерпит, покуда я смогу его допросить. Но прежде нужно всё же встать. Хотя...

И так сойдёт. Прямо на коленях я перебрался к своему несостоявшемуся убийце:

— Ты кто? — этот вопрос меня самого уже достал, но только его и могу озвучить, начиная от встречи с покойным коком и теперь вот до беседы с посланцем Иова.

Белокурый гигант — другого слова не подобрать, он даже лёжа выглядел внушительно — уставился на меня пустыми глазами. В том смысле пустыми, что ни одна мысль в них не отражалась. Да, не блещет епархиальная евгеника успехами, интеллектуальными, как минимум.

— Четвертак...

— Да хоть червонец! Зовут как?

— Так его и зовут, — остудил мой пыл Онисим. — Четвёртым, видать, родился.

Оказывается, я и без евгеники интеллектуально тоже не совсем того...

— Как ты сюда попал? Остальные где? И сколько вас?

— Один я... — на губах раненого вспухли кровавые пузыри. Не жилец, решил я про себя. Но попыток допросить не оставил.

— Сюда как попал, если один?

— Вплывь... От моста... Дождался, когда все улеглись...

На мгновение я задумался. С моста в воду сиганули двое. Одного я точно порешил, потом же и тело за борт было сброшено, теперь должно быть далеко внизу по течению. Ещё один, получив пулю в лоб, утоп, не выбравшись из воды. Или не утоп? Не получил пулю? Или это третий прыгнувший, которого я не заметил? А то и четвёртый, коль Четвертак...

Наклонившись над умирающим, я понял ошибку в своих рассуждениях.

И пулю он получил, и никаким третьим не был. Он просто не утоп.

По левой стороне головы дружинника тянулся свежий рубец — след моей пули. Не то чтоб лоб оказался столь крепок, сколь по касательной она прошла. Вот он и выжил. Доплыл. И чуть было не посчитался. И за то, что мы ушли, и за тех, кого мы положили. Не добрав с интеллектом, в силе своих последышей иерархи преуспели, вывели-таки дюжих молодцев, коим и пуля нипочём, и пробывать в воде почти сутки — как раз плюнуть. А потом ещё и драться. Но не повезло. Всем не повезло.

Онисим, углядевший мои окровавленные руки, метнулся за надстройку. Я думал, он за одежкой. Но вернулся механик в том же виде. Но с дурной вестью.

— Вахтенного он положил, — и вновь нацелил ствол на раненого. — И второго тоже, на пересменке, видать, подловил. Без мужских рук мы остались...

Тыльной стороной ладони, чтоб не перепачкать механика, я отвёл оружие в сторону:

— Не надо. Оденься лучше, девчонки вона смотрят. А то Алевтина приревнует. Не хватало ещё бабских разборок. — И повернулся опять к раненому: — Меня ты как назвал?

— Упырь...

Онисим, вместо того, чтоб метнуться в каюту за одежкой, наострил уши.

— И с чего ты так решил? — не стал я прогонять свидетеля, но из поля зрения старался не выпускать, а ну как в голову Онисиму взбредёт чего. Впрочем, это не имело смысла. У него пистолет с полной обоймой. У меня — только руки. Да и те в крови.

— Видел я тебя... — голос дружинника слабел с каждым словом, однако я надеялся, что хоть что-нибудь полезное он успеет сказать. — Когда в священный приказ тебя сволокли...

Я там мало кого видел. Кроме Марганы. Остальные были теньями, хотя и досталось мне от них.

Ну что ж, значит, всё пока идёт линейно. Из прошлой передраги я выбрался. Влип вновь. Но в сторону хотя бы не улетел. Не то бы вновь ломал голову: где я, что я. Хотя и так ответов на эти вопросы нет. Зато я знаю, что было до того, как оказался здесь. Странно, что Онисим не в курсе. И меня они с Маркони на сей счёт не просветили... Не узнали? Или просто не видели прежде? Да, на судне я с ними вроде не пересекался. Но это я не видел. А они? Неужто интереса не проявили? А может, я того, обличье меняю? Надо бы в зеркало посмотреться. Так опричник-то меня признал, даже в темноте.

Ну да не стоит голову этим забивать.

И правда, едва я подумал, что выяснять подноготную в связи с упырём не время и не к месту, как над «Бойким» вновь раздался крик. На разные голоса.

Кричали девчонки. О которых, возясь с дружинником, я и думать забыл. А раз они кричат, то, не исключено, умирающий на смертном одре соврал, и был он не один. И пока всё внимание было приковано к нему, другие зашли с тыла. И ударили в самое слабое место. Хотя доселе самым слабым звеном я считал себя.

Ошибся.

Онисим тоже, видать, подумал, что на девчат напали. И с пистолетом, выставленным на расстояние вытянутой руки, шагнул к ним, ничуть не стесняясь своей наготы.

Поднялся с колен и я. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как оседает меж леерных стоек Ия.

Девчата, вместо того, чтоб подхватить падающую товарку, в страхе отступали вдоль надстройки к двери в салон. Зато Онисим не сплеховал. И подхватил девушку до того, как она сверзилась за борт.

— Бульк! — ушёл в воду наган.

Своё дело он сделал, на большее и рассчитывать не приходилось. Патроны — ахиллесова пята. Не только у нас с Онисимом. Как я понял из минувшего боя у моста, у городских и дружинников епархии тоже голодный паёк. Не зря ведь так и не удалось ничем разжиться у тех, кто попадал мне в руки. Что здесь, что прежде, там, где умирающий и приметил меня как упыря. Ну да сейчас было не до патронов.

Ия вытянулась на палубе вдоль ватервейса, когда Онисим отпустил её тело.

А ушла бы со Станиславой, ничего бы этого не было. И всё из-за того, что жениха я ей обещал. И жених с водой ушёл, и с самой девушкой не всё ладно.

Я надеялся, что это отходняк после стрельбы, даже мне убивать как-то не по себе всякий раз, а тут барышня. Но, поднявшись на ноги, увидел то, что с колен видеть не мог.

На сермяге балахона Ии расплывалось багровое пятно. Почти такое же, как манишка опричника. Вот только в центре этого пятна блеснула сталь.

Знакомо так блеснула. Хотя я и не видел её, только кожей ощутил.

Нож дружинника.

Так вот почему он от меня отшатнулся...

Получив пулю меж лопаток, но будучи дико живучим, Четвертак, или как его там, метнул наотмашь клинок, которым грозился перерезать мне горло. Метнул — и попал. В Ию, которая спасла мне жизнь. А свою не уберегла. И, уже сбитая, как птица в полёте, нажала ещё раз на курок.

Я потому и увидел вспышку, что ствол был в другую сторону нацелен. Но выстрел уже никому не причинил вреда. Да и не спас никого. Ию прежде всего.

И тут свет, заливавший «Бойкий», погас. Одним махом. Как и вспыхнул.

4

...Белёсый свет в углу разгорался всё ярче. И в этом холодном белом пламени стали проявляться, как на фотобумаге, чьи-то черты. Знакомые. Но как-то словно в мареве памяти.

Наморщив лоб, я попытался выдавить из себя какие-то слова. Не получилось. Заикание перешло в немоту.

— Олеся, — первой выдохнула проснувшаяся от моего поцелуя Веся.

Теперь и я вспомнил, где прежде видел этот лик. Красивый, но холодный. С глубокими глазами-колодцами, с носиком с горбинкой, с тонкими, почти бескровными губами. Маргана? Нет, только похожа. Да и то не так, чтобы не узнать.

— Собирайся, Казимир.

Голос прозвучал ровно. Но с приказными нотками. Не то что на площади, когда Олеся увещевала толпу принять Маргану в качестве иерарха.

— Вообще-то это всеобщее заблуждение, меня зовут иначе, — попытался я усмехнуться, но перекошенные губы не слушались. Как это уже было после второй попытки смерти увести меня за собой.

— Это неважно. Главное — собирайся. Ты хотел меня видеть, но не дошёл. Я сама пришла. Чтоб ускорить встречу.

— Не пущу! — Веся рухнула мне на грудь. — Мой! Только мой! Ты, Олеся, не зарься на чужое! Негоже так!

— Я и не зарюсь. Но он не твой. Как и не мой. У него свой путь. А ты свой уже прошла. Нынче ночью. Но это тот путь, что я вижу. Предначертанный. А теперь тебе предстоит ещё выносить и вырастить плод вашей любви греховной. Вот только я пока не вижу конца этой части пути. И куда он ведёт тоже не вижу. Знаю только, что его надо пройти. Тебе. Одной. Но будь уверена, вниманием своим тебя не оставлю. Нынче же прощайся, ему пора.

Я почувствовал, как вздрогнуло от едва сдерживаемых рыданий тело Весей. И до меня запоздало дошло, о чём вещала живущая за лесом чаровница.

Приютившая меня женщина беременна. От меня. Хотя и было меж нами всего только раз. И всего-то час тому назад. Или два. Да и возраст у меня уже не шибко гош для воспроизводства рода...

Но не верить повитухе оснований тоже не было. Хотя она, случалось, и ошибалась. Не далее, как вчера. Но то дела политики. А там иные законы. Хомо хомини люпус эст. Так, кажется? Но уж точно в политике человек не друг человеку. Волк, да. А друг... Когда я однажды, то ли в шутку, то ли всерьёз, на какой-то пьянке, привлекая к себе всеобщее внимание, громко попросил всевышнего избавить меня от врагов, первыми стали пропадать друзья. Так и остался я один. Зато научился своими силами справляться с врагами. Сколько их было...

Вспоминать сейчас врагов было равносильно тому, чтоб на волне свежей любовной связи предаться перечислению всех женщин, входивших в мою жизнь. Их было больше, чем врагов. Как мне казалось. Хотя... Разве что за счёт того, что кто-то из них надолго входил, а кто всего на час. Но они были. И было их действительно немало. И я их любил. Всех. Даже в отведённый час. Правда, ровно столько, сколько они были со мной. Кто чаще уходил? Сложно сказать. Но вряд ли было поровну.

Уходившие хотели, чтоб я понял, кого потерял. Но я понял только то, что хорошо, что уходили. Хотя некоторых помнил и позже. Однако не возвращался. Как бы ни было больно. Нельзя дважды не только войти в одну и ту же воду,

она уже ушла. Дважды ходить одной дорогой куда опасней. Подстерегут. И тогда — всё. Меня такая стратегия даже от смерти уберегла. Хотя и ударила безноса уже минимум дважды. Но в разные места. Пришлось бы второй удар тоже в сердце — не бывать этому разговору. Ни в каком из миров. Разве что только я — это не я. А похоже всё к тому и идёт.

Я не просто выжил. Я получил чужую жизнь. Не исключено — того же Казимира. Потому и жив. Оттого и путают меня с ним здесь. Да и сам Казимир, похоже, живёт не своё. Переселение душ? Возможно. Если оно случается. Вот только что за путь углядела для меня Олеся?

Ничуть не смущаясь знахарки, я вылез из травяной перины, демонстрируя опавшие и скукожившиеся под взглядом Олеси причандалы. Хоть и опавшие, но дело своё, как выясняется, сделавшие. И будет в этом мире у меня наследник. Хорошо ли это, плохо — подумаю как-нибудь потом. Однако же теперь я в любом случае весь не умру, есть продолжение, пусть и неведомо пока какое. Главное — есть.

За ночь мои одежонки подсохли, но заскорузли от грязи, не натянуть. На помощь кинулась Веся. Тоже нагая, буквально светящаяся в полумраке комнаты на задворках корчмы.

— Вот, ласковый мой, — сунулась она в сундук, извлекая из него порты, рубаху и вязаные носки. Но меня в этот момент куда больше интересовал её зад, белый, упругий, торчащий из-под крышки, которую Веся опустила себе на спину, чтобы освободить руки.

И как не чесались мои руки продолжить шалости, в присутствии второй женщины я на это не решился. Так,

похоже, и промечтаю до самой смерти о лямур де труа, не узнав, что это такое на практике.

Отведя за спину руки, Весёя протягивала мне одежду, а я пялился на ямочки на её ягодицах.

— Пора, — подтолкнула меня к действию Олеся.

— Успею, — буркнул я. И правда, одеваться для меня не проблема. Тем более в порты и рубаху — безо всяких наворотов и пуговиц. Спичка бы вспыхнуть не успела, не то что догореть. Зато осталось время шагнуть к Весёе, и, забыв на миг о второй женщине в комнате, пусть и нематериальной, сжать белые груди, впиться губами в податливо раскрывшиеся губы, которые недоцеловал ночью.

В это время в другом от видения с Олесей углу раздалось знакомое «Чив-чив!».

— Тишка? — обернулся я на то ли трель, то ли говор.

— Тихий, — прошептала мне в губы Весёя, оттолкнула меня от груди, кинувшись к столу с остатками еды и маленьким огарком свечи.

Пламя, маленькое, несмелое, вспыхнуло прямо между пальцев обнажённой женщины с распущенными волосами. А может мне только показалось? Но спичек я не видел, факт. И удара кресала о камень не слышал.

Огонёк разгорелся неохотно, выхватив из мрака клетку из деревянных прутьев, изрядно уже погрызенных. За ними на жёрдочке сидел... Нет, не золотой мой Тишка. Но его ближайший родственник. Благородного василькового цвета.

— Откуда он здесь? — удивился я.

— Странник божий оставил. Молчит только. Потому и Тихий...

— Ничего, — воспрянул я духом, — будет мальцу забава. Если я к тому времени не вернусь.

Рождение сына я уже воспринимал как должное.

— Вернись! Обязательно вернись, любимый мой! — Весея повисла на моей шее, и мне пришлось силой разжать её руки. Но прежде, чем оттолкнуть, сунул в опавшие ладони пару монет из-под ленты по краю поддёвки. Вытащил большие кругляшки, самые большие, что смог нащупать. В ответ она сунула в руки завёрнутый в полотенце то ли каравай, то ли пирог и что-то маленькое вложила мне в ладонь. — Храни тебя всевышний...

Весея осенила меня крестным знаменiem. Не совсем привычным — от сердца к голове, с лёгким поклоном, и так три раза. Что ж, на Руси всё делают трижды. Вот только полюбить друг друга мы смогли всего лишь единожды...

— Пойдём, — кивнул я Олесе, затягивая кушак таким образом, чтоб легко было достать пистолет в случае надобности.

— Иди, — прошелестела она, растворяясь в своём мареве, — тебя уже ждут.

И правда, перед корчмой неловко переминались с ноги на ногу вчерашние посетители.

— А вы, мил государь, времени не теряли, — буркнул толмач до того, как его хозяин что-то прочирикал, не хуже Тихого, оставшегося во тьме корчмы. Я разобрал что-то вроде «чу». Молится, что ли? Пращуров зовёт? Чур меня, типа? Оказалось всё куда проще: — Господин Юншэн говорит, что пора идти...

— А где же обоз? — удивился я.

Ни тебе лошадей с верблюдами, ни десятков повозок во дворе не было. Только две брички у забора. Правда, гружёные. И утянутые ремнями поверх плотной парусины, скрывавшей груз. Оглобли лежали на земле. Рядом с ними маячили с дюжину детин вроде того, что я намеренно подстрелил.

— Все здесь, выходим немедленно, чтоб к вечеру ночевать уже в городе, — толмач махнул рукой, и обозники подхватили постромки, привязанные к оглоблям.

Телеги двинулись на человеческой тяге.

— По воде было бы легче, — вспомнил я бурлаков.

— Груз воды боится, — немногословно пояснил толмач. И перевёл то, что зашебетал его господин: — Хозяин говорит, чтоб ты вперёд шёл. Рядом с его сыном. Мало ли опасность какая...

Так второй китаец сын Юншэна? А по виду не скажешь. То ли один хорошо сохранился, то ли второй быстро изнашивался. На вид — ровесники. А поди ж ты, отец и сын.

Я не стал выспрашивать, молча зашагал вперёд, и шагов за десять нагнал первым ушедшего от корчмы китаец.

5

Мы шли в молчании. Безъязыкие, что с нас взять. Сын Юншэна по-нашему ни бум-бум, я в китайском — как баран в апельсинах. Так и молчали, порой перебрасываясь придиричвыми взглядами. До той поры, пока толмач не догнал наш авангард. И сын Юншэна тут же притормозил,

до того момента, пока не поравнялся с отцом. Ну да это я уже позже увидел, пройдя ещё шагов десять и обернувшись.

А вот толмачу поговорить хотелось. Не потому ли он и сменил молчуна? Или же хозяин указание дал, поспросать нанятого?

— Так как ты сказал зовут тебя? Михалычем? Странное имечко... Нездешний?

— Типа того. А вы всегда человека вначале нанимаете, и только потом интересоваться им начинаете?

— Так мы вроде и не наняли тебя. В попутчики взяли, — поморщился толмач.

— Ну и я денег не просил. А за спрос их тоже не берут.

— Спросил, ну и ладно. Нам бы до города засветло дойти.

— А что, опасно на дорогах?

— Не то чтобы опасно... Груз лучше на постоялом дворе ночью держать. Отсыреет ещё чего доброго.

— Так что ж там доброго, если отсыреет. И что за груз?

— Тебе-то дело какое?

— Да так, интересно просто. И обоз странный. Первый раз тягловых людей вижу.

— А кому ж тянуть? — удивился толмач.

— Ну, хоть волам там, что ли. Если нет лошадей...

— Лошадей?! — громко заржав и хлопнув себя руками по бокам, толмач аж присел, угорая над попутчиком, сказавшим, похоже, какую-то глупость. — Волами тянуть?

Я продолжал мерно отмерять шагами путь, а толмач, который так и не представился, притормозил, чтоб рассказать о причине своего смеха хозяину.

Минуту спустя они ржали уже втроём — толмач, Юншэн и его сын.

— Что смешного? — бросил я через плечо, и толмач прибавил шагу.

— Да ты, Михалыч, совсем издалека или глуп поди?

— Положим, не дурак.

— И чо ж, не знаешь, что скотины крупнее козы в наших краях уже три круга, а то и все четыре, как нет?

— Я и про коз-то не знаю, — честно признался я. И почесал затылок. Никогда ещё Штирлиц не был так близко к провалу. Впрочем, накануне в корчме я, похоже, на чём-то прокололся ещё больше, раз Юншэн и его свита решили взять меня в попутчики. Взять так, с пол-оборота, не вникая в то, кто я и что я. Даже не пытаюсь подкупить. Хотя...

Может дело не в моём проколе, а в том, что сам Юншэн с компанией обознался? Как до того маленький Любим? Я раздел случайного мужичка на дороге. А он мог торопиться на встречу в корчме. До того они могли и не видаться. А вот кушак и лапсердак довольно приметные. Мальчишка на них купился. Могли и взрослые не признать чужака. Тем более — если нужда. Нужен был человек, спросили — не отказал. Да ещё и повёл себя адекватно, забравшись в постель к вдовушке. Агент на такое бы не пошёл. Особенно с партийным билетом в кармане. Наш человек скорее родине изменит, чем жене. Ну, или признается в том...

Этим мыслям я рассмеялся вслух, удивив толмача.

— Зовут тебя как? — с этим вопросом я приступал ко всем незнакомцам на пути, даже в не совсем удобное время. Для себя прежде всего неудобное.

— Так Гораздом и кличут. Искусен, мол, я. К языкам способный. Вот и прозвали так.

— Что, с рождения на чужих языках мог общаться? — не поверил я в происхождение имени.

— Не то чтоб да, но таки нет. Мамка Щаслав звала, но счастья как не было, так и не было. А вот языки пошли. Вроде как сами. День стоит поговорить — и всё, как родной. Тогда и поменял имечко. Не сам, не подумай, всё чин по чину, в епархии записали...

— Вона как, — удивился я. Тут, оказывается, ещё и свой ЗАГС работает. Всё по-взрослому, значит. А вот с конями и быками не то... Как и с горюче-смазочными... Только уголь и горит. Ну и дрова ещё. Не удивительно, что до сих пор враги не добились этот осколок катаяского православия или нашенского пустословия. У них, видать, те же проблемы — нечем наступать. Ни тебе конной лавы с Будённым во главе, ни танковых армий Гудериана. Транспортный коллапс. Хотя вон есть же шепелины. Ну да то так, полетать. Армию таким не перебросишь. И потом, дефицит патронов никто не отменял. Видать, беда общая для всех. С порохом проблемы? Не удивлюсь, есть так и есть. Это плохо только с одной стороны — отбиваться мне нечем. А по сути это спасает затерянный в других временах мир от полного истребления. Народу и без того кот наплакал, не случайно попы евгеникой занялись. Вполне, может быть, разумное решение. Только в глупых целях, ради власти. А народ... Народ — безмолвствует. Хотя тоже — как сказать.

Тот же Маркони, механик... Да только это единицы. И то ряды их поредели. Большинство — безъязыкие. Кто по приговору иерархов, кто — от страха. Я-то у себя во времени тоже помалкивал. Не оттого что струсил, неудобств не хотелось. Потому и подивился, когда за мной пришли. Оказалось — из другого времени.

Говорить об этом толмачу я не стал. Совсем за дурака примет. А так, молчком, глядишь, до города доберусь. Там уже, на месте думать буду куда дальше. С обозом до Костромы или искать свой дом. Из которого меня выволокли, чтоб бросить в подземный каземат. И выбрался я из него не для того, чтоб вновь там оказаться. Ну, да пока о том, что я в город возвращаюсь, Иов и не догадывается. Хотя я не знаю его отношений с Олесей. А ну, как она по старой памяти — поддерживала же Маргану, вдруг и её преемника поддержит, возьмёт да настучит куда следует: так, мол, и так, вот он, Звяга Казимир, следует таким курсом. Зря я её не расспросил... Ведала ж она всё про Весею, могла бы и мне чо-нить предсказать. Даже крупица информации сейчас важна. Поелику не знаю я ничего о том, что меня окружает. И кто. Тот же Юншэн... Откуда взялся, что везёт. Ой, знала Олеся про него, что-то знала, чего я не ведаю. И даже не догадываюсь.... А повитухе с болот важно было, чтобы я пошёл с обозом. Зачем? Опять меня втёмную используют...

— Издалёка ли путь держите? — решил и я зайти издалёка, надеясь выпытать из Горазда хоть что-то.

Хоть и настроен он был поболтать, но вопрос ему не понравился.

— Своей дорогой идём, — ответил толмач уклончиво.

— И долго ли? — не унимался я.

— Вторую седмицу в пути, — не добавил он мне ясности.

Это что ж, вторую неделю? Но если счёт лет от сотворения мира, то дней в неделе должно быть девять. Да и Алевтина, когда говорила о своём возрасте, упоминала уосень. А не привычную осень. Значит, обоз в дороге шестнадцать дней, если я всё понял правильно.

— Товар за столько времени не испортился? — не оставил я надежды узнать, что там на возах.

— Сплюнь, — посоветовал Горазд. Так, словно уже смирился с тем, что я знаю о содержимом увязанных на подводах мешков. Или тюков, скорее.

— Не наплюёшься на всё, — резонно заметил я. А толмач истово перекрестился. И опять не так, как принято. Но и не так, как Весёя. У Горазда крест вышел перевёрнутым и всё ниже пупка. Защищал знамение своё достоинство? Что ж там за груз такой? — А Юншэн... Он часто ходит этими местами?

— Не впервой, да. А часто ли... Не скажу. Прежде катайцы так далеко не хаживали.

— Что, и в годы войны?

— Какие такие годы? Одним летом всё и кончилось. По правде скажу, лучше бы и не призывали их. Одни убытки. А теперь вот торговлю налаживаем... Хотя как торговлю... — внезапно Горазд прикусил язык. Фигурально выражаясь. Испугался сболтнуть лишнего.

От этого мне груз стал нравиться ещё меньше. Но только когда солнце уже было высоко, Юншэн дал команду сделать привал. И я, как бы невзначай, приткнулся к одному из возов.

Накинутый сверху брезент был увязан слишком плотно, чтобы разглядеть хоть что-то под ним.

— Ты, мил человек, — внезапно раздалось над ухом, — лучше бы близко не подходил к товару. Мы и то с опаской тянем воз. Ну, как рванёт...

Один из людей-мулов, переводивший дух прямо на земле у самой телеги, то ли просветил, то ли предпринял попытку отвадить меня от поисков истины. Сам-то он не особо выглядел испуганным. Рябое лицо щерилось щербатой улыбкой, свёрнутый набок нос выдавал драчливую натуру, а бегающие глазки — подлое нутро. Скорее всего, он просто выполнял указание Юншэна — не подпускать посторонних близко к грузу. Коль охранников у обоза нету, то, надо полагать, тянущие возы и кулаками должны при необходимости поработать. Защищая груз. Но я-то в таком случае зачем? Не проводник и не нанят, а бреду со странным обозом. Сути которого не понимаю, а груза — не ведаю. Ещё и гонят меня от телег...

Мне ничего не оставалось, как сделать вид, будто даже в мыслях дела до груза никакого нет. И вообще, знать никого не знаю и знать не желаю. Но мулы о двух ногах только на вид были туповаты. И когда я не отошёл от телег на приличествующее в их понимании расстояние, угрожающе стали подниматься с земли, на которую буквально упали — ох, и увесистые же телеги им достались — от усталости. Но которая вряд ли помешала бы им

свернуть мне шею. Чтоб не совал нос, куда не просят. А просят наоборот — держаться подальше. Подобрूपздорову.

Пришлось отступить. Но наострить уши. Мулы были разговорчивы, всё ж не скотина, люди. Хотя и низведены до скотского состояния. Или, по крайней мере, скотского труда. Ну да за неимением других сил, не козу же впрягать в телегу, это было понятно и терпимо. Особенно если сам я лямку не тянул.

Отойдя шагов на пять, я присел на ствол поваленного дерева. Отщипнул прямо за пазухой кусок пирога, коим меня в путь снабдила Весея, закинул в рот. Заодно погладил рукоять пистолета. И стало спокойнее на душе. Просто так меня не возьмут. Но...

Зачем же меня в обоз взяли?

— Баклажку передай, — промычал кто-то из-за дальней телеги.

— Много не пей, ещё топать и топать. А настоя осталось всего-то на дне...

— Сам знаю, но и помирать раньше срока не желаю.

От жажды, помирать? Это что-то новенькое на берегу реки. Где вода, не в пример моим годам, годна для питья даже без фильтров. Это в мою эпоху Волга покрыта масляной или бензиновой плёнкой едва ли не в любое время года. А тут чиста как слеза младенца. Что-то из подслушанного разговора с действительностью не вязалось. Да и не воду просил невидимый мне мул в человеческом обличье. По крайней мере, предлагали ему настой, а не родниковой воды...

— А я бы и после означенного срока пожил, — встрял ещё кто-то в разговор. — Чтоб и денюжку потратить, и посмотреть...

— Эй, заткнитесь там, — властно оборвал говорившего Горазд.

Как бы невзначай, я поднял взгляд.

Толмач исподлобья следил за мной. И на его лице, восприимчивом к чужим языкам, читалась попытка прочесть мои мысли, понять, уловил ли я смысл из случайно подслушанных фраз.

Я же если и уловил, то только одно: дело с обозом совсем нечисто. А что в нём за нечисть — пока не понять.

— Запить бы хлебушек, — поднялся и сделал шаг к толмачу.

— Вон река, — небрежно махнул Горазд в сторону Волги, катившей свои воды метрах в пяти от дороги. И при этом баклажка, которую просил невидимый мне мул, как раз вернулась к толмачу. Но испить из неё мне предложено не было.

Что ж там за настой такой, что только своим? И для того, чтоб не помереть раньше срока...

Напившись, я вновь возглавил нашу колонну. Но теперь ни Горазд, ни сынок катаяца ко мне не присоединились. Так что я спокойно, не опасаясь, что мои попутчики услышат, дослал патрон в патронник. И потопал будто всегда ходил этой дорогой. Которую видел в первый раз. А, не исключено, и в последний.

То, что я оказался один, было мне и на руку, и вызывало дополнительную тревогу.

Хорошо, что не нужно отвлекаться на пустые разговоры. Я их и так не выношу, а ни о чём — так тем более. С другой же стороны голову заполонили мысли, одна другой крамольней.

А ну как сейчас из кустов выскочат опричники? В смысле городские охранители. Или просто грабители. Помочь мне будет некому, надежда только на ствол. Вот только даже если от нападающих отобьюсь, тут же окажусь безоружным перед обозниками. А они явно что-то замышляют. Даже без учёта таинственного груза.

Самое простое из доступных мне объяснений — бросят меня где-то с неким то ли опасным, то ли запретным грузом. И свалят всё на меня. И его доставку, и охрану с транспортировкой.

Зачем им это нужно? А Маргане зачем нужно было меня подставлять? Но она едва не разыграла свою партию, выставив меня вурдалаком. Хотя и знала, что я даже не разыскиваемый Казимир. Игры разума рожают чудовищ. А игры чудовищ недоступны разуму.

Что-то такое происходит, чего я не понимаю. То ли из-за недостатка информации, то ли из-за собственной глупости. Скорее последнее, иначе бы не ввязался эту авантюру. Хотя и без согласия был уже втянут в немалое число авантур. Мною играли Иов с Марганой, теперь вот Олеся вытолкнула в круг, правила нахождения в котором не разъяснила. А я не спросил...

Терзаемый теориями заговора и прочими мыслями, я и не заметил, как мы пересекли городскую черту. И до сих пор на нас никто не напал. Телеги монотонно скрипели, люди-мулы смахивали рукавами рубах пот с покатых лбов,

попивали свой настой и упрямо брели вперёд. Толмач с катаяцами отстал. И я напрягся ещё сильнее. По моим прикидкам выходило, что дело идёт к развязке. А я понятия не имею в чём оно заключается.

Впереди — мост. Императорский. Которого здесь нет. Императора нет. Но мост — есть.

Не дожидаясь команды, я повернул на мост. Обоз заскрипел следом.

Нас никто не остановил. Да и навстречу никто не вышел. Потому что вечерело? Наверное, все, кто куда-то собирался, предпочли ночь провести под крышей. Или под неочевидной защитой города.

— Тпру! — скомандовал Горазд, едва мост остался позади. — Здесь ночуем.

Первый же постоянный двор с распахнутыми воротами принял наш обоз, хотя ещё было светло. И можно было добраться до другой околицы, со стороны Костромы, если Юншэн планировал продолжать туда путь. С утра было бы сподручнее выходить, а не брести по кривым улочкам, которые виднелись дальше по берегу. Но — хозяин-барин.

Прошли мы куда больше, чем я привык за свои ежедневные прогулки, но тело с благодарностью принимало усталость. А добрый ужин был бы только в удовольствие. Но трактир постоянного двора был забит битком. Еле нашлось место для наших телег. А уж за столами нечего было и думать о местах. Сбившаяся с ног прислуга едва поспевала готовить и разносить горшки с плошками — значительная часть постояльцев обедала прямо у своих возков и бричек. Что предстояло и нам. Однако Юншэн с толмачом каким-то образом проник внутрь кабака, и, полагаю, даже комнату

себе выбил. Не будет же он ночевать под открытым небом. Хозяин, одним словом. Хозяин жизни, я бы даже сказал. Такие в любые времена не пропадут.

Я с уставшими мулами остался во дворе. Разговорить их я не надеялся, тем более что уселись они вокруг общего казана с похлёбкой, кружком, а я в отдалении довольствовался миской с жалким подобием тавранчука, которым обедался наемни. Но ушки держал на макушке — ну как кто-то сболтнёт лишнего. И не ошибся. Хотя слух пришлось напрягать изрядно — на постоялом дворе стояли не только люди с товарами, но и их гомон. Прикрываясь которым и общались мулы моего обоза. А я вынужден был вылавливать их слова их общего многоголосия.

...— Не такой уж Гуанмин и блестящий. Как проводник, — незнакомое имя едва не заставило меня пропустить всё мимо ушей. Но я быстро сообразил, что абсолютно не русское имя в речах мулов — это признак того, что разговор идёт о сынке Юншэна. И напряг слух ещё сильнее. Хотя больше казалось уже невозможно. Но получилось. Достаточно было закрыть глаза, чтоб не отвлекать другой информацией органы чувств.

— Зато денюжку, в отличие от папани, платит исправно.

— Да и дошли вовремя, глянь-ко, народу сколько, как на заказ...

— Лучше бы он настоящим вдоволь обеспечил. Или другим зельем. А то ведь, неровен час, прицепится зараза и к нам. Как-никак пятнадцать дней бок о бок... Пожить-то хочется... С такими деньжищами...

— Не прицепится хворь, Горазд говорил, что пока в кровь зараза не попала, ничего не будет. А в кровь ей не попасть. Ран-то нету, всю дорогу мозоли настоем смазывали, чтоб не лопнули. И внутрь его, проклятого, столько влили, что никакой заразе не выжить.

— Больше слушай Горазда, ему бы только деньги зашибить. А что будет с другими...

— Тебе-то что до других? Мы своё дело сделали, доставили груз. К ночи всё и закончится. А мы будем уже далеко. Только этот и останется... Лопушок...

Компания, сидевшая вокруг котла, гоготнула. А у меня всё внутри похолодело. Потому как всё выходило даже хуже, чем я предполагал.

Мысленно я хлопнул себя по лбу. Ведь знал же, знал!

Маргана что-то там про мор говорила. И Олеся. Которая ей же это и нашептала.

Вот он, мор! Как и предсказано, катайский. Только виноватым будет... Казимир. Или за кого там меня примут в этот раз? В любом случае крайним будет бежавший из застенков упырь. И лгавший дотоле людям предсказатель. Двух зайцев одним выстрелом...

А игра-то Марганы, похоже, продолжается! Если бы не её смерть, я бы подумал, что всё это она не просто придумала, но и устроила.

Я отставил свою миску. Мало того, что местный тавранчук был отвратным, эдакое месиво переваренных овощей с кусочками жил умершего от старости какого-то животного, так ещё и кусок после подслушанного в горло не лез.

Бежать. Надо бежать. Причём срочно. Не рассиживаясь.

Бегство, конечно, не остановит приведённое в готовность адское устройство. Но, по крайней мере, живой останусь. И заразу не подцеплю, и отвечать за неё не буду, как рассчитывали устроители.

Однако может именно этого они и ждут? Что я сбегу. А где-то меня уже ждут. Ведь ждали же меня в корчме...

Теперь-то уж я точно знаю, что встреча была не случайной. Нужен был я обозу, ой как нужен. И не лапсердак тому виной, что меня выбрали, и никто не обознался. И ждали меня, и сам голову в петлю сунул. Даже не в петлю — в капкан. И без приманки. Добровольно.

Двуногие мулы тоже пошли добровольно. Но за деньги. Я же — задаром. И на смерть.

За этими мыслями я едва не пропустил:

— Кто останется фитиль поджечь?

— Такого уговору не было, — перечить стали сразу два голоса.

Но только один был конкретен:

— Это дело Горазда.

— Вот ты ему пойд и скажи. До утра доживёшь ли?

— А чо сразу я?

— Так ты ж вспомнил.

— Тогда жребий...

Я осторожно проследил возню у переднего колеса первой из телег нашего обоза.

Похоже, мулы, покончив с ужином, метали кости.

— Судьбу не обманешь, сразу надо было соглашаться, — под довольный смех остальных, резюме

подвёл тот, кто предлагал пойти к Горазду, после чего до утра уже не дожить. — Мог бы прибавку получить. А так — вот кресало.

Мулы, предвкушая траты заработанных денег, стали собираться, по одному покидая насиженные места.

— Только не спали подворье, — хохотнул кто-то, хлопнув неудачника по плечу.

Я узнал здоровяка, который не подпустил меня к повозкам. Теперь он уходил, уходил последним, оставляя коллегу исполнить предназначение. Суть которого — поджечь фитиль. И при этом не сжечь подворье.

Переважив мысленно услышанное, я пришёл к неутешительному выводу.

Чтоб зараза попала в кровь, нужны открытые раны. Для этого нужны осколки. Значит, нужен взрыв. Небольшой. Вряд ли устройство бактериологического или биологического оружия — что в телеге я не знал, но по всему выходило, что либо то, либо другое — претерпело принципиальные изменения в ином измерении. Некий сосуд с заразой. Взрывной патрон для приведения в действие. Споры, бактерии или газ с осколками поражают людей. Лучше — больше. Но всё зависит от контагиозности, если я правильно термин вспомнил. Обозначающий способность болезни передаваться. А с этим, похоже, проблем нет. Дальше — эпидемия. И вот, он мор, вопрос закрыт.

Поджечь фитиль и не сжечь подворье...

Это напутствие не давало мне покоя. И то, что груз воды боялся. И телег — две. Тяжеленные. Мулы совсем выдохлись, так что ещё и это стало причиной выбора постоянного двора на въезде, а не выезде из города.

Что если в телегах куда больше взрывчатки, чем нужно для активации поражающих факторов? Ну, так, на случай следы замести, ели что пойдёт не так. Тогда предостережение не сжечь подворье выглядит уместным. А если сжечь? И подворье, и груз. Ведь именно огнём уничтожают бактериологическое и биологическое оружие. В моём времени. И вроде как даже преуспели в этом. Хотя не верится, где-то про запас всё равно остались и штаммы, и нервнопаралитические составляющие. Или новое придумали, пока старое сжигали.

Сумерки сгущались. Мул лежал у колеса, косясь на трактир постоянного двора.

Понятно, шефа ждёт.

Наконец дверь скрипнула. И Юншэн первым выскользнул в сгущающийся мрак. Кинул быстрый взгляд на повозки. Убедился, что никого не осталось. Кроме факельщика. И засеменил к воротам. Следом, спустя минуту, появился его сынок.

Проходя мимо телеги, он кивнул. Мул кивнул в ответ.

А где же Горазд? Не может быть, чтоб его оставили отвечать за случившееся. На эту роль я назначен.

Но толмача нигде видно не было, а мул уже приготовился, достал кресало, скрутил цыгарку.

— Курить вредно, — обойдя телегу по большой дуге, я подкрался к тягловой единице со спины. И с силой опустил рукоятку пистолета на сытый загривок.

В сгущающихся с каждой секундой сумерках никто и не заметил, как я уронил безвольное тело на землю. Теперь нужно было разобраться со взрывчаткой.

Но я не успел. В глазах полыхнули звёзды. Боль вошла в черепную коробку и не вышла. Ноги подкосились.

Краем глаза я ещё успел заметить удаляющуюся фигуру.

Горазд.

Чем это он меня так?

Упав на колени, я некоторое время так и простоял. Сознание медленно начало уходить куда-то во тьму то ли ночи, то ли небытия.

А ведь смертоносный груз нужно уничтожить, мелькнула мысль. Но тут же и погасла. Потому как поджечь фитиль, к которому тянулся мул до того, как рухнуть от моего удара, было нечем — кресало исчезло в траве. И я знал, что стоит мне наклониться — упаду и не встану. Да и не фитилёк нужно жечь. Это только для того, чтоб всё пошло по плану тех, кто всё это задумал. Поджигать нужно телеги. Которые боялись влаги.

Глаза сами собой закрылись.

— Обязательно вернись, любый мой!

Голос Весей показался мне живее всех живых. Хотя её не могло быть рядом. Но она была.

Была в том, что в последний момент нашей недолгой встречи вложила мне в ладонь

Огонь.

Маленький. Едва заметный. Но живой.

Когда я протянул руку к телеге, огонь воспрянул, полыхнул жаром, обжигая ладонь. Но тут же перекинулся на ткань, укрывавшую поклажу, забрался под неё, исчезнув на миг, и мгновение спустя вырвался наружу.

Столбом белого пламени и едкого чёрного дыма.

Вторая телега рванула не хуже. Но я этого уже не видел.

6

— Как там лётчик? — встретил я доктора вопросом, когда уже поздно вечером он вновь заглянул в мою палату. Даша давно ушла, что ей было делать рядом с выздоравливающим, если милосердия сестры милосердия ждали и другие больные. Хотя лично я не милосердия жаждал. А чего-то иного. Чего нельзя было просить в моём возрасте от юной девы. Зная, что ничего взамен дать не могу. По разным причинам. И возраст среди них — наименьшее препятствие.

Но Фальк вроде как и не услышал моего вопроса. Он молча прошёл через всю узкую, зато персональную (и за что мне такая честь?) палату напрямик к окну, упёрся лбом в стекло, за которым уже темнели небеса, с которых рухнул неведомый мне пилот.

Постояв так с минуту-другую, доктор снял пенсне, протёр его, вновь водрузил на нос. И, словно на что-то решился, сунув руки в карманы, обернулся ко мне:

— Ну-с, сударь, как мы себя чувствуем?

— Сообразно возрасту и полученным травмам, — не стал я перечислять, что болит. Не столько от некоего взрыва, сколько в силу того же возраста. — Не в радость старость.

— Вот только не надо меня фраппировать! Кто другой бы об этом говорил, — взмахнул доктор полами своего халата, высвобождая руки из карманов. — Видел я, как вы на Дашеньку поглядывали, батенька. — И внезапно посуровел: — Не смей, я вам скажу! — Фальк погрозил мне

пальцем, потряс перед самым носом. — Не смей девушку обижать! Уж как ей, бедной, досталось... Упаси вас бог зла ей сделать хоть с маковое зёрнышко! Сам всё отрежу!

Удивлённый такой неожиданной тирадой Фалька, я вскинул руки, то ли защищаясь от напора, то ли сдаваясь на его милость.

— Вот это правильно, — разом подобрел доктор. — А Дашу... Не смей Дашу обижать!

— И в мыслях не было! Ей, ей! — ещё раз побожился я.

Соврал, конечно. Уж больно девушка была хороша. Но что такое с ней случилось? Однако расспрашивать счёл излишним, неподобающим статусу, коим меня наделили. Нужно будет — скажут. Или Фальк, или сама Даша.

— Так что там с пилотом? — а вот заданный вопрос решил всё же повторить. Учítывая, что доктор был занят какими-то своими, и, похоже, далеко не самыми добрыми мыслями.

— Лётчик, — протянул Густав Германович, оттягивая неизбежный момент истины. — Нестеров его фамилия. Штабс-капитан.

Я откинулся на подушку. Была она не многим лучше больничных подушек из моего времени, но всё же не из слежавшихся комков ваты. Потому как самой ваты был, видимо, дефицит. Зато перьев, пусть и грубо обработанных, колющих в затылок, хватало. И этот укол был болезненным. Но укололи не перья. А ещё одна потеря.

Я пришёл в этот мир в то время, когда страна опять теряла лучших.

Впрочем, страна эта никогда лучших не жалела.

— Пётр Николаевич? — напряг я свою википедическую память.

— Вы знакомы? — вскинулся доктор.

— Наслышан просто... Наш лучший лётчик, ас...

— Да-с, батенька, военные говорили мне... Целая делегация пришла... Умоляли, предлагали деньги, просили спасти. Но я не бог. А он, видимо, не захотел мне помочь.

— Не вините себя, Густав Германович. Просто Пётр Николаевич поднялся чуть выше, чем было дозволено простому смертному. И сел там, в небесах, не возвращаясь на грешную землю. Возглавит теперь ангельскую эскадрилью. И будет дальше сбивать наших врагов...

— Он и сбил. Тараном, как мне военные сказали. Впервые в истории, по их словам.

— И сам вошёл в историю, — подтвердил я.

— Сам он погиб, — поправил меня доктор. — Но мост спас. И это наш шанс. Что выстоим.

Я ничего не мог сказать. Ни в утешение, ни в поддержку. Потому как не знал, кто выстоит, а кто — падёт. И ради чего.

Моё молчание доктор расценил по-своему.

— Зря я вам, наверное, сказал о смерти Нестерова. Вам выздоравливать надо, эмоции положительные нужны, а не это вот всё...

— Мне знать нужно всё, чтоб выздороветь, — не согласился я с доктором. — Так что смерть лётчика меня, старого моряка, ничуть не напугала. Все мы умрём. Дай бог каждому с такой честью.

— Тут вы правы, — доктор опять упрятал свои руки в карманы. И я заметил почему. Пальцы хирурга дрожали,

что было недопустимо. — Я, пожалуй, пойду, если у вас нету просьб.

— Отдохнуть вам надо, Густав Германович, в ваших руках столько жизней... Так что себя поберегите, ради пациентов своих, если не ради себя.

Мне бы, конечно, хотелось рассказать доктору и про взрыв, и откуда я. Особенно после того, как проснувшись или придя в очередной раз в сознание и никого не застав в палате, я обнаружил на руке странный след. Не то шрам, не то росчерк молнии. Вокруг которого узелками собралась кожа, стянув ладонь как нитками. Там, где с ладони в сторону телег, которые должны были стать источником мора, сорвался огонёк. За которым и последовал взрыв. Забросивший меня в эту точку пространства и времени. Но Фальк — не Орефьев, с которым я однажды уже делился чем-то подобным. И время не то. Чем бы я закончил свою исповедь?

— Такие дела, Густав Германович, как на духу. Только в дурку меня не надо.

Вот как раз в дурку он бы меня и отправил.

Но Фальк уже отклонялся. Так же стремительно, как и уходя на вызов к сбиту лётчику.

7

Глаза сами закрылись от усталости. И накатившей боли. Не физической. От утраты. Пусть я и не знал никогда Нестерова, и в моём мире он погиб задолго до моего рождения, было больно стать свидетелем ещё одной его смерти. Хоть я и не присутствовал при смертном одре пилота, вошедшего в историю. И не только авиации.

Но уснуть не вышло.

Дверь в палату снова распахнулась. И девчушка в апостольнике, вызвавшая Фалька на операцию, вихрем влетела в узкий просвет между койкой и стеной:

— Ну-с, вашбродь, температурку измерим! Густав Германович распорядился термометр выдать на наше отделение. Ради вас, видать. С вас и начнём, — щебетала она. Щёки её горели так, словно она с мороза ворвалась ко мне в палату. А в глазах бегали такие черти и в таком количестве, что ад, похоже, был пуст.

Обращение «вашбродь» означало, что сведения обо мне уже просочились за стены палаты. И персонал в курсе, что в одиночной палате возлежит целый капитан первого ранга. Не самозванец, нет, и всё же и не «вашбродь». Ну какое из меня «Ваше Высокоблагородие»? Да, званием соответствую. И только. Хотя... Некая примесь благородной крови присутствует и в моих жилах.

Примерно в это же время, или чуть раньше, правда, много южнее от этих мест, моя прапрабабка принесла в подоле дитя, зачатое во грехе. И в нём же и рождённое. От графского сына. Зажавшего симпатичную крестьянку где-то на гумне. Или у ручья, где бельё полоскали. Место и время значения не имеют. Потому как всё случилось без большой любви. Но в страсти. Которую, видать, и я унаследовал от далёкого графского предка. Не зря же всю жизнь делал стойку на всех мало-мальски симпатичных девчат. А если уж честным быть, то несимпатичных я и не встречал.

Вот и сейчас, не будь розовощёкая малолеткой, тут же бы приударил. Но вместо этого исподволь решил о другой узнать. О Дарье.

— А что ж Дарья Матвеевна не пришла? Смена закончилась? Или я чем обидел... Стоило задремать, она и сбежала...

Девушка хихикнула:

— Вы, вашбродь, не только Дарью проспали, но и ужин. Вот она и решила вам приготовить перекусить. Даже странно, что так о вас печётся....

— Что ж странного, она ж сестра милосердия...

— Вы уж простите, вашбродь, но на вашего брата, раненых да контуженых, никакого милосердия не хватит. Да ещё и после того, что с ней....

Девушка, покрывшись пунцовыми пятнами, в буквальном смысле прикусила язык. И в переносном тоже.

— Вас как зовут, юная леди? — зашёл я издалека. Как обходил тяглого мула на подворье, прежде чем вырубить его ударом рукоятки пистолета.

— Ой, скажете тоже... Ну какая я леди... Кухаркина дочка...

— Чья дочка — значения не имеет. Прежде всего вы юная и красивая женщина. Девушка.

На щёки девушки вернулся её обычный румянец.

— Пелагея я...

— Ну, так вот, Пелагеюшка, люби себя. Ты красивая и озорная. А кухаркина ли дочка, или чья другая — не важно. Главное — какая ты сама. А ты — красивая, — повторился я для пущей важности. — Умница. Добросердечная.

— Вашбродь, мне неловко даже...

— Неловко на потолке спать, одеяло падает, — Пелагея залилась хохотом незамысловатой шутке.

Отвлечение внимания сработало. И я решил, что можно.

— И что случилось с Дашенькой, что вы все её так оберегаете? — спросил в лоб.

Смех оборвался.

— Не твоя тайна, понимаю, — зашёл я с другого бока. — Ну, так и я не навредить ей хочу, а защитить. Чтoб по незнанию больно не сделать. Вот и Густав Германович о том же просил...

— Троцкисты, — выдавила из себя Пелагея. — Поехала Даша со своим Игорем встретиться, в Москву поехала. А он как раз улетел. Ну, да вы знаете, наверное... Сел в своего «Илью Муромца», и был таков... А троцкисты нагрянули. К нему домой. Там и Дашу сцапали. В общем... Вы меня, вашбродь, только не выдавайте, вроде как я вам ничего и не говорила...

— Могила, — чиркнул я себя по горлу ладонью.

— Ну так вот... Схватили её... Пытали, где, мол, Игорь. И где чертежи его... Она ничего не знала. Да и знала бы, не сказала. Она такая, упёртая... Но троцкистам всё мало было... Сломали ей пальцы. А она на пианино знаете как играла! — у меня уже выступили слёзы, но я подозревал, что пальцами дело не кончилось. — Глумились они над ней. Всем охранным отделением кремлёвским. А после обрили наголо. Ножницами кромсали. Как придётся. До крови местами. Такие косы!

Пелагея перевела негодующий дух.

— На третий день... Представляете, что она вынесла? Так вот, на третий день обрядили нашу Дашеньку в рубище, усадили на дрезину, да и с разгону отправили к позициям

нашим. Её как увидели наши солдатики — избитую, в крови, так сразу в штыковую хотели. Офицеры еле сдержали. Не то бы немало наших полегло. С той стороны пулемётов было — через каждые десять метров. Специально ждали. Но наши до ночи молчали. А потом накрыли пулемётчиков. Из всех орудий. Жаль, снарядов маловато у нас. Не то бы в той атаке и войне был конец...

Да уж, начнись в тот момент при хорошей артподдержке наступление, вошла бы в историю Даша не Севастопольская, а Ярославская. Хотя, может, ещё и войдёт. Война-то не кончилась...

Выдохнув, Пелагея присела на краешек моей кровати, накрыла своей рукой мою, сжимавшую под мышкой термометр:

— Вы только никому, вашбродь... То, что я вам рассказала. Конечно, знают все, но больно Даше. Особенно когда её жалеют...

Я ошалело кивнул. Сколько же мерзости в русском народе! Это ж не сам Троцкий или кто там при власти давал команду насиловать девушку. И косы стричь. Точнее даже — рвать. Опять же, оправдывать подонков тем, что это не народ, а они единичны — врать самому себе. И окружающим. Их толпы. Легион, мать его. Это глумились над беззащитной девушкой человек десять — сколько их там в отделении? Ну, двадцать. А ведь знали сотни. А уж потворствовали — тысячи. И никто, кроме тех, кто увидел их жертву — в крови и в рубище, как Мадонну, святую, не вскипел праведным гневом, не бросился удержать подлую руку от удара. Скорее, подзуживали, требовали ещё крови. В лучшем случае — были нейтральны. Мол, моя хата с краю.

Измываются — значит заслужила. Главное не меня. Что там заповеди божьи! Не убий... Не убили же, проучили только. В другой раз чтоб, значит, беспрекословно, по воле власти, на колени и целовать сапоги. Которые в морду...

Сердоболен русский народ? Да полно! К себе подобным и подавно только с ненавистью, только со своей богоизбранностью носится. А она если и есть, то только в одном: бог собрал в одном народе всё, самое мерзкое.

Честность? Да полно. Лжива в России донельзя власть. Любая. Что доставшаяся по наследству, что захваченная, путём ли «честных» выборов или в ходе переворота. Без лжи такая власть и дня не простоит. И народ верит лжи. Сам обманываться рад. Потому как тут же и сам соврёт. Что верит власти и любит её. Она крадёт, и человек себя не забывает. Так и лгут друг другу. Честно лгут, на голубом глазу брешут. Ведь в любом случае власть — часть народа. Которую он заслужил.

Стоит, конечно, признать, что о честности нечего и говорить не только с русскими. А и, к примеру, с носителями армянского или греческого менталитета — у них в чести хитрость, ловкачество. У некоторых народов возведено в абсолют стремление обмануть гяура, неверного. Зато честность характерна для японца или немца. Но никак не русского. Даже хорошего.

Трудолюбие? Да все русские сказки о том, чтоб лежать на печи, а дела сами чтоб делались! По щучьему велению. А действительно трудолюбивы китайцы и корейцы. Что там с катаяцами, нёсшими свободу изначальной Руси от Иова, не знаю, на подлость они были способны, а вот на труд — не берусь утверждать.

Аккуратность, чистоплотность? Разве что если чистоплотность это чисто масса на чисто объём. Грязен народец, начиная от кончиков ногтей и до подлых душонок. Да и просто немыт. Что вполне можно осязать в транспорте. Особенно в общем вагоне, как специально для этого созданном. Который хоть и стал плацкартным, но аромат и колорит не растерял.

Взаимоуважение, терпимость к другим, то бишь толерантность, говоря научным языком — из области похвалы. Для русского, даже самого малограмотного и вечно пьяного, другие народы — чурки. А уж для интеллигента в маминой кофте — так вообще стопудово, с нацменами он на одном гектаре нужду справлять не станет.

Так может русские умны? О, сколько их открытий чудных... Увы, нисколько. Вечно затюканный еврейский мальчик, совершив открытие, становится великим русским учёным. А до того он — жид пархатый. Что ещё хуже, чем чурка. Но по количеству нобелевских лауреатов на душу населения евреи вне конкуренции. В отличие от русских.

Ну тогда, может, русские пример законопослушности? Три раза ХА. Начиная от непристёгнутого ремня и перехода улицы на красный свет. А уж сесть за руль пьяным... Тут хлебом не корми. Зато свободолюбив народ — спасу нет. Русских часто угоняли в рабство, но они и там ничего не делали. Факт. Из школьных сочинений. И не только.

Следует ли из этого их миролюбие? Чтоб в полон не попадать, надо бы от войн держаться подальше. Как же, шаз. Бичуя американский империализм, российский богоизбранный народец других гнобить никогда не

стеснялся. Порой методами, которым те же американцы завидовали. Им приходилось ждать, покуда вши из заражённых одеял выкосят ряды непокорных индейцев, а добрые русские своих восставших крестьян травили газом, почище чем немцы при Ипре. Так это своих, чужих били вообще за людей не считая. Чурки же, чего их жалеть. Потому что невозможно было так извернуться, чтоб создать империю мирным путём. А потом попытаться её возродить. Вновь загоняя под руку старшего брата разбежавшиеся окраины и нацменьшинства. Силой, конечно, собирая «дружную семью», большой кровью сплачивая её «единство». И это в этом времени Финляндия пришла присоединить российские волости, не пожелавшие власти троцкистов. В моём времени всё было наоборот. Единственный же мирный год в истории России — 1913-й. И самый благополучный, выходит, коль по нему остальные достижения и проколы равняют.

А ведь России-то с какого-то рожна нужно было ещё и в Афганистане повоевать, в Сирии, в Африке... Пусть уже и наёмниками. Официально запрещёнными в стране — ещё одна властная ложь. Но с этого всё началось. Честность русского не стоит бумаги, на которой написан договор с ними, так, кажется, характеризовали моих соотечественников современники былых лет. Из цивилизованного мира.

Как вывел один ненавистный власти политолог, идеальный русский — трезвенник, как саудит, трудоголик, как китаец, умный, как еврей, весельчак, как итальянец, бережливый, как немец, аккуратен, как японец, свободолюбивый, как швейцарец, предприимчивый, как

американец. Он будет любить спорт, как норвежец, беречь природу, как исландец, ценить семью и детей, как африканец. Законопослушность в русском — это отражение качеств датчан или англичан. Коллективизм силен у японцев. Но что в идеальном русском осталось от русского?

Великие умельцы? Сплошь Левши? Ну, если что надо сделать правильно, по инструкции, то тут уж хрен вам. Тяп-ляп и авось. Краеугольные камни. И как бы попроще всё. Одним словом, рукожопы. Эдакие умельцы наоборот. Сломают даже то, что хорошо прикручено. А уж трубы, трубы... Если в землю — то через год раскопают. Патамушта археология у них в крови. Если в квартире поставят — то по истечении гарантийного срока лопнут. Что и случилось с моим евроремонтом. Пришлось восстанавливать три квартиры ниже моего седьмого этажа. В общем же, как говорится, с тех пор, как русские узнали о существовании скотча, они ничего не делают на соплях. Такие вот специалисты по подковыванию блох.

Признаюсь честно, сам был грешен. Приятелю, пригнавшему на заре перестройки убитый «фольксваген», с помощью пластиковой крышки от «Пепси-Колы» починил генератор, в котором полетел подшипник. Доехать — да, ездить — нет. И как он не сгорел, когда пробка задымила...

Сами русские, те, которые с телевизором в голове, считают, что они отличаются особым чувством справедливости. Но это всего лишь лживое самодовольство ущербных людишек. Потому что их девиз — живи сам, и дай жить другим. То бишь, воруеться — воруй, но и другим не мешай. И где тут справедливость?

А вот терпимость к несправедливости... Тут да, русские дадут фору кому угодно. Французов возмутило повышение пенсионного возраста на год — русские молча проглотили сразу пятилетку. При том, что российская пенсионная система самая запутанная и самая несправедливая. В мире. Как и экономика, где тот, кто меньше всех вкладывает, больше всех имеет. И выгод, и льгот. А вот если русским кто об этом скажет, то будет он им смертельный враг. Как и любой свободный человек. Потому как нет большей ненависти, чем ненависть раба к свободному человеку.

Справедливости ради надо отметить, что даже среди самых-самых отличившихся в лучшую сторону народов, нет-нет, да и промелькнёт «русскость». Те же евреи, уж на что гоним и бит народ, но, буде такая возможность, особенно среди «вшивой интеллигенции», живущей в России, и на колени перед властью падут, и других предадут. Так и с пьянством: даже самые трезвенники среди народов дадут примеры беспробудных попок своих собратьев. Как и вороватости. И только в терпимости разве что китайцы с индусами, да и то не со все, их там более двух сотен разновидностей — по вере, кастовости и прочему, близки к россиянам. Но по иной причине. Русский — раб власти. Китайцы с индусами — рабы смиренности перед судьбой. В силу своей массовости что ли. Мол, все не умрут. А если умрут, то не все.

Но, в любом случае, то, что в русских поголовно, в других народах — исключение. На уровне извращения.

Да, не люблю я русский народец. Даже капля русской крови в организме подобна яду. Смертельному. Сразу тянет

на непристойности. В морду дать соседу. Сломать руку слабому. Снасильничать девушку. В общем, русская кровь — это как ложка дёгтя в бочке мёда. И проступает сквозь любые наряды и мейкапы, как ни рядись или красься. Чувствуется, как та же кровинушка акулой — за сотни вёрст. Не потому ли появление русских в любом обществе мигом портит атмосферу? Равносильно громкому испусканию газов за столом. Взять хотя бы россиянские оргии на курортах... Вот где позорище! Но то, что прежде считалось позором, очень быстро, с подачи и при поддержке власти вошло в норму поведения россиян. Не русских, а именно россиян, тут принадлежность уже не только национальная, а географическая. Такая она у них родина, терпимая к извращениям своих детишек. Особенно если эти извращения, к примеру, супротив тех же чурок. Да мало ли кого. Хоть бы и против своих. Лишь бы позориться, лишь бы подличать. И ладно бы этим дело ограничивалось. Но им мало сами позориться. Им нужно чтобы и другие себя вели так же. О, дивный русский мир! Если протест против несправедливости — то на коленях, кланяясь и лобзая полы халата начальства. Если вредить другим — то всем миром. Русским. А каким ещё? Остальной мир этим в худшем случае переболел.

Казалось бы, что гордиться тем, что ты русский? Это, как сказал ещё один умный человек, хоть и комик, и пусть не про русских, всё равно что гордиться тем, что родился в субботу. Или как-то так. Однако же гордятся. Прошлым, к примеру. Но если разобраться... Окажется, что и там гордиться-то особо нечем. Во-первых, какое отношение сегодняшние русские имеют к прошлым заслугам? Эти же

достижения были, если и были, ещё до их появления на свет. Во-вторых, и это главное, многие русские заслуги, достижения и победы нарисованы задним числом. Опять же, сам к этому был причастен, написав однажды, что если бы Цусимы не было, то её нужно было бы выдумать. Потому как старый флот в ней утоп, а на его месте создали новый. Для красного словца сгодились, хотя новый флот был немногим лучше старого. И после нигде и никак не отличился. Даже очередной Цусимой.

Чего не хватает русским, так это человечности. А без неё — гордись, не гордись, человеком не стать. Вот они, похоже, и не стали. И то, что случилось с Дарьей, ещё один тому пример.

Меня после рассказа Пелагеи колбасило почище чем после известия о смерти Нестерова. Но, прислушавшись к своим чувствам, я понял: это не от ненависти к русскому народу. От жалости. К нему.

Сколько там этого народа в этом времени? Всяко меньше, чем в моём. Где даже я числю себя русским, не будучи оным по паспорту. Но в моём времени нынешние язвы стали куда страшнее. Хотя, не исключено, зараза проникла в русскую кровь куда раньше. И теперь даже ампутация не спасёт. Потому как поражён весь организм. А главное — мозг. Этакий политический сифилис. Даже не гангрена и проказа, с теми хоть как-то боролись ещё в незапамятные времена.

С болезнью, диагностированной мной целому народу, бороться невозможно. Хотя нет, вру... Был один пример излечения. Немцев после второй мировой. Но их тогда годами заставляли смотреть фильмы, запечатлевшие

ужасы, которые творили их соплеменники. А в перерывах киносеансов — принуждали восстанавливать порушенное. Так это были немцы — бережливые, законопослушные, действительно чистоплотные, ну и так далее. У них положительных качеств даже тогда, начиная с известного «орднунга», было на порядок больше, чем у нынешних русских. Что в моём времени, что среди тех, кто измывался над девушкой.

8

Будучи уверен, что никакие средства не помогут из подонков сделать людей, я пропустил момент, когда дверь в палату опять распахнулась.

— Доброй ночи, Михал Михалыч!

В дверном проёме, с подносом в руках, стояла Даша. Дарья Матвеевна.

Я попытался сесть. Но это не вышло с первой попытки. В горле спёрло дыхание, в груди саднило, голова шла кругом.

— Вы почему не отдыхаете, Дашенька?

— А вы ужин пропустили, — в момент перевела она разговор.

— Пустое.

— Вам сил надо набираться. На больничных харчах это сложно, а если ещё и не есть...

— Я уже в порядке. И даже новомодный термометр не выявил отклонений, — на мою незамысловатую шутку девушка откликнулась робкой улыбкой.

— Кружка чаю всё равно не помешает. С новомодным сэндвичем, — вернула она шутку уже на свой лад.

— А что, бутерброд уже не в моде?

— Так война ж, — округлились глазки Даша. — И Петербург стал Петроградом, и бутерброд — сэндвичем.

— Граф Сэндвич был бы доволен, что его изобретение нашло новую жизнь в стане союзников, — Даша уже смеялась, заливисто, звонко, словно и не было в её жизни тех бед, о которых мне поведала Пелагея. Свойство юных быстро забывать. Или же прощать?

Я бы не простил. Усаживаясь на кровати и поднимая с подноса стакан в подстаканнике, я уже строил планы мести её обидчикам. Но отвлёкся.

Подстаканник был кованый, кольчугинский, как у меня дома. Стакан — тонкого стекла, с золотым ободком. Хотя в больнице, по моему разумению, куда уместнее были бы гранёные. Ну, да, Вера Мухина ещё не придумала такой стакан. Да и придумает ли тут... А для остальных больных, небось, оловянные кружки. Алюминия ещё нет, а что там с эмалированной посудой — я не в курсе.

— Я с вами посижу, если вы не против, — Даша скромно присела в ногах моей кровати.

— Что вы, Дашенька, вы для меня лучше всяких лекарств и процедур! Когда не увидел вас, проснувшись, решил, что обидел чем...

— Ничем вы меня не обидели. А процедуры... Так их же и не было. Как и лекарств. Густав Германович говорит, что не знает, чем и от чего вас лечить. Организм у вас

сильный говорит. Да ещё с учётом того, о чём вы ему поведали...

— Это вы о моих диагнозах? — запоздало спохватился я: а ну как всё же высказал доктору свою версию появления в этом времени? Тогда точно в дурку...

— Да, да, я сама с интересом просмотрела публикации на эту тему, у Густава Германовича хорошая библиотека, свежие журналы, несмотря на боевые действия, пришли недавно.

— И что вы вычитали?

— Вам нужны положительные эмоции. Это прежде всего. И покой.

— С этим как-то всё сложно... — я сделал глоток обжигающего чая. Не то чтобы я был любителем, мой напиток кофе, о котором здесь даже мечтать не приходится, но вкус был изумительный. — Дашенька, а что ещё, кроме любви, вы подмешали в чай?

Девушка зарделась, затеребила свой апостольник.

— Травы, сама собирала. Вы не думайте, они только на пользу!

— Я и не думаю. Я уверен. Что с такой сиделкой не только на ноги встану, но ещё и троцкистов бить пойду. Несмотря на возраст.

— Ой, да какой там возраст! Вы потрясающе выглядите...

— Для своего возраста...

— Вообще! Пока вы спали, тут вся больница приходила на вас поглазеть. Такой мужчина...

— Какой такой? — смутил я Дашу вопросом.

— Ну... Замечательный просто... В вас невозможно не влюбиться...

— А вы?

— Я?!... Я... Я не исключение, — Даша так легко призналась в любви ко мне, что не поверить ей было невозможно. Хотя я и понимал — ей сейчас не до любовей, после той травмы... Хотя... Клин-то клином вышибают, может, ей-то как раз и нужна любовь. Вместо растоптанных чувств.

Девушка вскочила с кровати, сделала несколько шагов к двери, резко остановилась. Потом, словно во сне, медленно, нарочито медленно стянула с головы свой почти монашеский убор. И обернулась ко мне, держа белый клобук в руке.

— Только вы не пугайтесь, — прошептали её враз побелевшие губы.

Я ошибся. Ей было едва двадцать. А то и не исполнилось ещё. Юная. Чуть испуганная. С колючим ёжиком волос, под которым местами проглядывали розовые рубцы шрамов.

Отставив стакан на тумбочку, я встал на подрагивающие ноги.

— Бедная, бедная девочка... — я взял в свою руку похолодевшую руку девушки, сжимавшую апостольник. А потом, повинясь какому-то порыву, резко обнял свою сиделку, прижав к груди. — Как мне заслонить тебя от беды...

...В знойной жаркой Африке. Нет, не там. Где-то в средней полосе. Какой-то из России. Но случилось. Даже так — свершилось. Потому что чудо.

В общем, в забытом властью колхозе имени XXV партийного тупика свершилось чудо. Тракторист Гриша Полстакана бросил пить.

Это уже само по себе было чудом. Но настоящее чудо было впереди. Где-то на пятый день трезвости Гриша начал смутно припоминать, что зовут его не Гриша, а Георгий Половинкин, и что его, профессора кафедры прикладной аэронавтики и космонавигации института изучения внеземных цивилизаций три года тому прислали назад в этот колхоз для оказания шефской помощи в уборке урожая. Такое вот чудо...

Со мной чуда не случилось. Может, потому что пить бросил куда раньше. А то, что гомеопатическими дозами употреблял, за выпивку можно было не считать. Спиртосодержащая роса в таких количествах просто испарялась прежде, чем до желудка доходила, не говоря уж о том, чтоб ударить в голову. Однако...

Вот уж это однако.

Однако в мою палату ворвалось утро. Ворвалось бегом по коридору и криками:

— Срочная эвакуация! Троцкисты фронт прорвали!

Дашенька, посапывавшая у меня на груди, внезапно и широко распахнула глаза. В которых на самом доньшке плескался страх. Но не сожаление о том, что случилось.

Я чмокнул девушку в носик, не спеша отпустить из своих объятий.

— Теперь я просто обязан на тебе жениться, ты уж прости. Не могу же я позволить, чтоб в моей постели застали...

— Ничего ты не обязан, — вслушиваясь в шум за дверью, но не пытаясь вырваться, шепнула мне прямо в ухо Даша. — А в твоей постели так спалось, так спалось...

Вечером, отбросив стыд и апостольник прямо на пол, Даша вывернулась из моих объятий, горячо прошептав перед этим:

— Миша, Мишенька! Михал Михалыч! Ты... Вы... Прости... Я всё понимаю... Но... Возьми меня! Прямо здесь! Сейчас! Если только не считаешь, что я того не достойна... После всего, что было...

— Даша, солнышко! Ничего такого я не считаю! Лишь боль боюсь тебе причинить...

— Тогда не отталкивай меня!

И она, вывернув руки за спину, начала торопливо расстёгивать крючки и пуговицы своего серого платья.

«Серое платье мышиного цвета она не снимает от лета до лета», — завертелась навязчивая жускá в голове. Но Даша резко повернулась ко мне спиной:

— Ну же, помоги!

Деревенеющими пальцами я довёл начатое девушкой до конца, и платье сестры милосердия последовало за апостольником. А Даша осталась в украшенной кружевами белой ситцевой маечке-комбинации, едва прикрывавшей такие же кружевные панталончики. Никаких тебе подвязок и лифчиков. Только юная свежесть тела.

Мои руки коснулись топорщащихся бугорками сосков упругих грудей.

С губ Дарьи сорвался протяжный стон.

— Прости, — шепнул я в маленькое ушко над сладким изгибом белой шеи. Лебединой не было бы преувеличением.

Вряд ли этой ночью я был на высоте. Но молодое тело рядом со мной стало чудесным допингом к страсти. И если первая попытка была довольно сумбурной и не принесла никому из нас иного удовлетворения, кроме как физиологической разрядки, то под утро, вдоволь нацеловавшись и заласкав девушку губами, я реабилитировался. Хотя и закончилось всё быстрее чем, мне хотелось. Даша уснула. А я ворочал мысли как мешки.

Что же я наделал?

Это был основной лейтмотив. А к нему приплелось столько разных побочных партий... Опера, да и только. А утром нас разбудила война.

Ничуть не смутившись наготы, Даша прошлёпала босыми ногами по полу, поднимая разбросанные вещи.

— Меня сейчас хватятся, — торопливо одеваясь, бросила она через плечо, сидя на моей кровати — другого места просто не было. — Раз эвакуация, то ты тоже будь готов. Повезут за Волгу.

— А что мне готовиться? — пожал я плечами. — Имущества не нажил. Единственное моё достояние в этом мире — это ты. И прости, не сказал тебе... За душой у меня не только прошлого, но и будущего нет.

— Это ты прости, мне сейчас не до этого. Достаточно того, что я люблю тебя.

— Дашенька, я глубокий старик!

— Ночью мне так не показалось, — она была уже почти одета.

И тут дверь распахнулась.

Как обычно, вихрем в палату ворвалась Пелагея.

— Вот ты где! Так и думала! — она подозрительно покосилась на меня, потом на апостольник в руках Даши и её неприкрытый ёжик волос. — Давай в перевязочную! Без тебя всё встало! А вы сударь спускайтесь вниз, через полчаса на станцию повезём, состав уже подали...

Состав... За Волгу... Эвакуация...

Тут-то и случилось чудо.

В моей памяти всплыли чёрно-белые фотографии. Из папки с надписью: «Операция "Философский пароход"».

Мост. Совсем уже не императорский. А то, что с ним сделали. Даже не большевики — их последыши. И пролёт. Обрушенный пролёт моста.

Не того, что рухнул во время бури. А нового. Фото с локомотивом, утянувшим за собой с рухнувшего пролёта весь пассажирский состав. Который мне сразу показался каким-то не таким. Но тогда, в броневагоне, где я обнаружил и фотографии, и другие доказательства умысла в уничтожении сограждан, бегущих якобы от пандемии, а на деле специально загнанных в теплушки, пущенные потом под откос, не оценил. Ни находку не оценил в полной мере. Ни то, что увидел. Смотрел, но не видел!

Люди поднимались не просто в вагоны. Они поднимались, держась за поручни... вагонов третьего класса императорских железных дорог! Открытые переходные площадки. Вместо тамбура — навес. С входом собственно в вагон в торце. И окошки. Подслеповатые такие. Пусть и без

решёток. Их приделают потом. Когда в срока огромные увозить эти вагоны станут тысячи и тысячи заключённых. Вина которых была лишь в том, что они осмеливались думать. Но это уже теплушки. Без которых, видно, было никак.

На фото было ещё множество деталей, названия которых я не знал. Но которые отсылали в начало века. А никак не в его конец. Потому и большая часть названий потерялась вместе с назначением. А ведь я должен был понять. Ещё когда только увидел фото. Назначение назначением, а пригодились вагончики для того, чтоб везти и тех, кто думать не хотел. И не просто свезти — сбросить в воду. Чтоб, значит, с концами.

— Стой! — схватил я Дашу за рукав её платья. — Нельзя ехать с эшелоном!

— Михал Михалыч, — вроде как даже укоризненно отстранилась Даша, высвобождая одежду. — Сейчас не до того! Если фронт прорвали, то троцкисты будут здесь в лучшем случае через пару часов. А ещё столько дел...

И она оставила меня, выскользнув вслед за Пелагеей, благоразумно оставившей нас для прощания. Вот только я ни благоразумия не проявил, ни толком не рассказал Даше о дурных предчувствиях. Хотя что я мог сказать? Что видел в будущем катастрофу на мосту? А в каком таком будущем? Если уже вон сколько событий свершилось, и свершилось совсем не так, как знал я.

Мне оставалось только ждать. И надеяться. Что я опять ошибся. Хотя все мои ошибки лишь открывали новую ветвь истории. И всякий раз не лучшую. Разве что даровав мне встречи, которые теперь уже не забыть. С Дашей. С

Весей. Вот только кто из них милее и ближе... Кого я брошусь спасать, в час, когда нужно будет сделать выбор?

В том же, что выбор предстоит, я не сомневался. Судьба не настолько благосклонна ко мне, чтоб что-то даровать. Иными словами, отдать даром. За всё и всю жизнь мне приходится платить.

Какой будет плата в этот раз, я даже гадать не хотел.

10

Беготня за дверью палаты, шум приближающегося боя подействовали на меня умиротворяюще. Прямо как в дни первой чеченской. Когда трое суток напряжённого ожидания сменились залпами реактивной артиллерии, войска пришли в движение, а тыловые санчасти наполнились криками раненых. Предсмертными криками. Хотя и вывозили тогда ещё раненых из-под огня. Это уже потом, спустя ещё двое суток будет уже не до них. А потери будут такими, что счёт пойдёт на сотни, если не тысячи. Но это будет уже без меня. А тогда я впервые за трое суток уснул. Тогда, на адреналине и палёной водке. И сейчас, после бессонной ночи с Дашей. Она-то хоть немного вздремнула, я же глаз не сомкнул. Иначе мы бы свалились с кровати. Или нас застукали. Хотя это меня волновало меньше всего. Просто хотел, чтоб девушка поспала. Вот и сторожил её сон. Ворочая мешки своих мыслей.

Но это было до того, как Даша ушла. А потом зауhalo, задрезжалo, загрохоталo... И я уснул. Как тогда, на первой чеченской. Но тогда сны мне не снились. Сейчас же я провалился в сон. Свой сон. В сон о том, как свет погас.

Или это он действительно погас?

...Гроыхнуло совсем близко. И лампочка под сводчатым потолком погасла. Хотя по коридору всё ещё сновали туда-сюда люди. Но я их уже почти не слышал. Вместо бестелесного шелеста ног с влажным причмокиванием где-то далеко заходили ходуном шатуны.

«Бойкий», подъедая последние запасы угля, развернулся к другому берегу. Над надстройкой полоскалась брезентовая тень паруса. Помощь от него машине была так себе, но иначе, скорее всего, было не дойти до цели. Не зря же механик заблаговременно усадил девчат шить парус. Сам он, выбиваясь из сил, уже одетый, метался с борта на борт, командуя девчушками, пособляя тянуть импровизированные фалы. Его тень порой мелькала и в коридоре — когда Онисим опрометью нёсся на ходовой подкорректировать курс.

А я опять возлежал на диване в салоне. На соседнем лежала Ия. Тихая, безжизненная. Однако грудь всё ж порой вздымалась на судорожном вдохе. И опадала с выдохом. В котором слышны были хрипы. И, как мне показалось, бульканье крови.

Если так, то это всё, без вариантов.

Опустив ноги, я сел.

— Ия, — позвал тихонько.

Ответом был тихий стон.

— Ты ж учёная... Что про рану скажешь? — не унимался я.

На сей раз девушка, собравшись с силами, ответила:

— Пройдёт. Повезло. Больно только...

Я разглядел у неё на плече нечто вроде осинового гнезда — столько ей намотали всего. Зато кровь, похоже, не проступала. Насколько я мог видеть в сумраке салона.

— Раз больно, то до свадьбы заживёт, — опять я завёл свою свадебную волюнку. Забыв, что выдавать-то девушку не за кого. Разве что себе в жёны брать. Ну так я тогда султаном стану. Да и потом... Всем моим дамам быть моими сужеными не суждено. Так, случайные связи, выходит. С одной ночь провёл, с другой... Теперь вот остаток ночи с третьей коротаю. Хотя и не так, как хотелось бы...

«Бойкий» довольно бойко преодолел стремнину, прошёл против течения. Парус, хоть и слабенько, но тянул, остальное на последнем издыхании давала машина. К рассвету мы лагом приткнулись под транспортёр для подачи угля.

Онисим, сам заведя швартовы, вернулся на борт довольно быстро.

— Пусто. Зря упирались, — доложил он, хотя давно уж был сам командиром. И штурманом с вахтенным. Не забывая и свои основные обязанности — механика.

Извиняться за то, что помощи от меня никакой, я не стал — уже говорено.

— Как у тебя с Алевтиной? Сладилось? — оглянувшись на дремавшую Ию, спросил вполголоса.

— Срослось, — довольно протянул он, и по его лицу, закопчёному и просоленному, пробежала улыбка. Неуверенная, но жизнеутверждающая.

— Ну и ладушки, хоть одна хорошая новость за ночь.

— Почему ж одна? — удивился Онисим.

— И чем ещё порадуешь?

— У Кази дар открылся.

Что за дар? До меня всё доходит с трудом. Но вслух говорить ничего не стал, тупо уставился на Онисима.

— Неужто Ия не просветила? — удивился механик, взглянув на смежившую веки девушку, помолчал, но не смог держать в себе: — Если б не она, вместо дружинника тебя бы сплывили за водой. А ей привиделось. Что напали на тебя. Вот она и шумнула. Подняла Ию. А та, — он кивнул на вроде как дремлющую, хотя на самом деле прислушивающуюся к разговору девушку, — не будь душой, наган схватила. Ты ж, мил человек, без оружия на палубу попёрся. Выскочила она следом. Как раз вовремя. И шмальнула. Да только живуч последыш Иова оказался, ножичком её... Благо, в мякоть попало. Чуть ниже — и до сердца бы достал, я еле выдернул. А потом кровищи было! Но ничего, Ия сама командовала. Как заговорить кровь, как перевязать... Ещё и тебя отчитывала, как покойника. Вот ты и оклемался. Так что лежи, вам обоим лежать надо. Сил набираться. Мы впятером справимся...

— Почему впятером? — мне помнилось, что девчат было шестеро. Или он решил жену свою от вахт и прочего освободить? Если после короткой ночи Олеся углядела, что Весея понесла, то, может, и с Алевтиной та же беда? Хотя почему беда, счастье!

— Не хотел говорить, — понурился Онисим. — Шальная пуля. Рикошет. Второй выстрел...

— Не тyani, — подхлестнул я его.

— Ну, в общем, того...

— Кого того?

— Оприну...

А я с ней даже и не поговорил. Самая мелкая была. И вот надо же, смерть именно её забрала. Кому же тогда жить, если самые юные уходят с концами?

Но ответа я так и не получил. Не потому, что вопрос риторический.

По окнам салона внезапно мазнул луч света. А потом с берега донёлся рокот мотора. Знакомый. До боли знакомый — у меня даже обожжённая нога зачесалась.

Охранители. На своём газгольдероходе.

Им-то чего не спится! Онисим же говорил, что по ночам они и носа не кажут. И вот...

Первым в себя пришёл механик. Выдернув из-за пояса пистолет, он сунул его мне в руку:

— Держи! Я к пулемёту!

Но прежде чем он добрался до «орлиного гнезда», по «Бойкому» ударила одна, потом вторая очередь. Стреляли экономно. По три патрона. Под визг девчонок. Которым чтоб укрыться хотя бы в салоне с его минимальной защитой, нужно было вначале выскочить на открытое пространство. И прямо под пули с берега.

Ну как же так! Два предсказателя на борту. Пусть я липовый, но Казя же вроде сдала экзамен. И меня спасла, и всех, или почти всех...

Что ж опять не так? И эти неспящие охранители...

Оглянувшись на приподнявшуюся на локте Ию, бросил сердито:

— Лежи!

Хоть она и не была ни в чём виновата, но голос у меня был явно недобрый.

Ия рухнула на диван, а я перебрался к бортовом иллюминатору.

Берег раз за разом расцвечивался короткими очередями. Но пока безрезультатными. Однако раз палить начали без разговоров, то живыми нам не уйти. Особенно после того, как осколками разлетелось стекло иллюминатора, к которому уже почти приник, готовясь пальнуть по берегу.

Повезло. И пуля прошла выше, и осколками не посеколо. Всё ж стекло пусть и было не армированным, рассчитанным на девятибалльный шторм, но достаточно закалённым оказалось. А может, это триплекс, как в машинах? Тогда были бы паутинки-трещинки. И вывалилось бы стекло пластом...

Но пластом мне на руки рухнула Казя.

Как она под пулями проскочила в салон, я не спросил. Не время. Да и она не расположена была говорить — губы дрожат, лицо белым-бело.

Зато руки... Холодные, тонкие, почти детские...

Но эти руки так вцепились в мои, что не оторвать. А мне стрелять надо. Потому как иначе перебьют нас. Однако...

Внезапно я понял, что Казя не просто вцепилась мне в руку, а пытается её куда-то направить.

Я взглянул в лицо девчонке.

Глаза закатились, губы то ли шепчут что-то, то ли всё ещё дрожат. А руки тянут мою правую с пистолетом — вверх, на уровень выбитого стекла.

Ну да, она же видит. Может, не то, что все остальные. Но увидела же дружинника, пришедшего меня убить.

И я расслабил руку. А Казе только того и требовалось кажется. Пистолет вроде как сам прицелился в ближайшую вспышку.

Грохнул выстрел.

Пистолет протопопа, которым недолго владел Онисим, оказался даже лучше браунинга Максимилиана. А выстрел — убойным.

Даже я, несмотря на предрассветные сумерки, увидел, что на берегу одна фигура, высоко запрокидывая автомат, рухнула на спину.

А Казя уже выцеливала следующую. Но моей рукой.

Когда раздался второй выстрел, с надстройки к берегу потянулись огненные струи очередей пулемёта. Правда, на сколько их хватит, даже загадывать не хотелось.

11

— Михал Михалыч! Да что же вы! Все уже ушли! Уехали... А я гляжу — нет вас в вагоне... Ни в одном, весь состав прошла...

Даша, не стесняясь стоящей в дверях Пелагеи, изо всех сил тормошила меня.

— Да просыпайтесь же! Троцкисты уже вокзал заняли! Теперь по железке не уйти!

— Слава Богу, что хоть состав успел прорваться! Им красный крест на теплушках — как мишень, — Пелагея устало опустилась на край кровати. — Уходить надо, вашбродь, не пощадят ни нас, ни вас.

Разом освобождаясь от наваждения, пришедшего во сне, я резко опустил ноги с кровати. И едва не рухнул обратно. Острая боль, пронзившая левый висок, сменилась

тупой, опоясывающей всю голову. Перед глазами пошли вначале алые круги, потом чёрные мушки. Но я всё же усидел.

— Так вы вернулись? — наконец-то до меня дошло. И стало даже как-то легче. Не от того, что Даша рядом, и даже можно до неё дотронуться, пусть и под присмотром Пелагеи. Меня больше беспокоило видение. Которое теперь не сбудется.

— Вот, — Даша вывернула передо мной солдатский вещмешок. — Прихватила. Одевайся... Одевайтесь, Михал Михалыч.

Гимнастёрка и галифе пришлись впору. А вот башмаки оказались велики. Да ещё на босу ногу.

— Машину водить умеете? — Пелагея сидела, стыдливо отвернувшись, а Даша поправляла мой новый наряд.

— Умел, — неуверенно протянул я.

— Ну, так это как с велосипедом, разучиться нельзя, — повеселела Дарья.

— Как сказать, — распространяться про коробку-автомат было бестолку, проще глянуть на устройство и понять принцип его работы. — Я готов.

— Тогда вниз, бегом, во дворе стоит брошенная карета красного креста.

Сразу за дверью нас настиг гул моторов. Он шёл, казалось, отовсюду. Но, выглянув в коридорное окно, я сразу понял: сейчас что-то будет.

В небе над городом парили чёрные птицы. С белыми крестами на крыльях. В красном кругу.

С земли по ним стреляли, но как-то разрозненно, одиночными, из винтовок. А чего я хотел? Зенитку если уже и изобрели, то вряд ли она есть у мятежного города. Да и против такой армады даже пушка мало помогла бы — утреннее небо даже посерело от крыльев аэропланов. И нет на них Нестерова. А первые кресты уже кружились над Императорским мостом. По которому, пыхкая высокой трубой, бежал чёрный паровоз, увлекавший за собой зелёные и коричневые вагончики. И тоже с крестами. Но красными. На белом фоне.

Воздух наполнился свистом падающих бомб. Они падали далеко от земской больницы и были едва видны, чёрные точки, срывающиеся из-под хищных фюзеляжей, но я слышал их, кожей, пульсацией крови в голове, шумом в ушах.

— «Riesenflugzeug», — прошептала Даша, задрав к небу голову.

— «Siemens-Schuckert», — поправила Пелагея. — Моторов-то шесть...

Для меня это были просто бипланы. Хотя нет, не совсем просто.

Сейчас они плевались чёрными точками, которые уже почти достигли земли. И воды. И вздыбились фонтами разрывов.

Среди тёмных всплесков внезапно полыхнуло пламя. Раскат взрыва на мосту докатился до нас почти минуту спустя. Когда один из пролётов уже падал в воду. Увлекая за собой локомотив и следующие за ним вагоны.

Девушки закричали. Истошно. Словно сами падали с высоты моста в мутную воду, взбаламученную взрывами бомб, пролетевших мимо.

Я устало закрыл глаза.

Потому что мне нужно было смотреть.

Я это уже видел.

Девичий крик смолк так же внезапно, как и вырвался под своды земской больницы.

Даша подозрительно смотрела на меня.

Я вздохнул.

Сказать мне ей было нечего. Или, наоборот, сказать нужно было бы слишком много, чтоб всё объяснить.

— Идти надо, — вывела нас из ступора Пелагея.

Я подхватил Дарью под руку. Судя по тому, как она упиралась, безоблачным наше будущее можно было представить только с большой натяжкой. Вот только будет ли оно, будущее...

Едва мы перешагнули порог, вывалившись в утренний воздух из больничного запаха и затхлости с сыростью, как за углом больницы гроыхнуло. А уже в следующее мгновение султан взрыва вырос и по нашу сторону здания.

Взрывной волной нас повалило на землю, присыпало пылью. Но осколки нас миновали. Зато ни они, ни снаряд не промахнулись мимо главной цели.

Стоявший на углу больницы автомобиль, с крытым, по типу автобуса кузовом, завалился на бок. Его цельнорезиновое левое колесо ещё вращалось, когда я, мотая от звона в ушах головой, подошёл к транспортному средству,

которое должно было нас вывезти из-под огня. Об этом теперь и мечтать не приходилось.

Передок автобуса с красным крестом в белом круге был разворочен. И не просто разворочен — буквально вывернут наизнанку. Снаряд прошил его почти насквозь. И рванул между цилиндров, что, похоже, нас и спасло. Осколки там и угомонились, вместо того, чтоб разлететься, сея смерть.

Что ж, ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным. Забытый отступающими больничным фургон принял смерть, спасая нас. И он же лишил нас возможности выбраться из города, по которому сейчас пройдут орды троцкистов. Что они из себя представляют, не нужно было рассказывать никому.

Я довольно грубо схватил Дашу за руку и потащил прочь из больничного сада. Но неверно выбрал направление:

— К Волге в другую сторону! — крикнула Пелагея, указывая пальцем в сторону моста, над которым поднимался столб дыма.

Однако она не учитывала, что мост разрушен. И соваться к берегу — обречь себя на окружение. С трёх сторон будут враги, позади — река. Которую будет не на чём преодолеть.

Я выбрал направление вверх по течению. Туда, где гораздо позже должна будет появиться промзона. А пока, как я надеялся, есть роща, которая в моём времени будет зваться Полушкиной.

Роща была. Как она звалась — значения не имело. Но было плохо то, что в ней не укрыться. Негде. Хилые деревца. И берег под уклон. Зато на дороге, пусть и грунтовой застыл

броневик. Настоящий. Глядящий на мир стволами сразу трёх пулемётов. Точнее, третий-то я заметил позже, когда мы уже почти вплотную подошли. Потому как он был в лобовой броне. Словно в противовес смотревшему в корму, истыканную пулевыми отметинами. А бортовой уравнивал их соперничество. Но тоже был в кольце оспин от укусов пуль.

Похоже, это была какая-то более ранняя версия броневика, известного двумя башенками, с которого на Финляндском вокзале выступал Ленин. Здесь ему выступать уже не доведётся. Да и броневик другой. Но когда я с ним поравнялся, стальная дверь внезапно распахнулась. Вот только поскольку борта броневика были с обратным уклоном, то, распахнувшись, дверь просто выронила из нутра бронемшины тело в армейской амуниции, поверх которой была кожаная куртка, опоясанная портупеей.

Меня безжалостно пнули вначале в спину, а потом вбок. Пока я пытался устоять, мои барышни милосердия уже припали на колени перед раненым.

— Что же ты стоишь, помоги! — Даша перестала изображать высокие отношения в присутствии Пелагеи, не до того. Человек помирает. Служивый. Как и я. Но я жив, а он — вряд ли. Если и жив, то совсем немного. Или ненадолго...

Отодвинув плечом девушек, я вытащил раненого из прямоугольного люка бронированной двери. Впрочем, там той брони было... Не удивительно, что весь броневик был буквально исклёван пулями, истыкан отметинами от попаданий. И это только от пуль — снарядом его бы точно разворотило, как и больничный автобус.

Мне удалось привалить раненого спиной к переднему колесу. То ли от боли, то ли отреагировав на перемещение в пространстве — после дымного, прогорклого от пороха нутра броневика в лицо раненому заглянуло утро, он открыл глаза.

Не меньше минуты военный, по щекам которого из-под околыша фуражки, удерживавшейся на голове при помощи потёртого ранта, стекала густая кровь, смотрел на нас, на всех троих, поочерёдно. На Даше его взгляд задержался дольше, мелькнуло что-то вроде узнавания.

— Передайте... в штаб... — разлепил он спёкшиеся губы. — Штабс-капитан Гурдов... Задание выполнил... Проход открыт...

Мы с Дарьей переглянулись. Наши сомнения озвучила за нашими спинами Пелагея:

— И где тот штаб... И проход куда...

Я взглянул на дорогу, по которой до места своей последней стоянки катил броневик.

Судя по следу в дорожной пыли, напоследок он сделал едва ли не полицейский разворот, немного не дотянув до 180 градусов. Скорее всего, водитель броневика в последний момент вывернул баранку. В том же, что момент для него был последний, сомнений не осталось, едва я заглянул в забрызганное кровью железное нутро, пропахшее порохом и смертью. И не только водителя, повисшего грудью не руле. Рядом, на стальном полу, усыпанном гильзами, лежали ещё два тела. Стрелки.

Штабс-капитан был ещё жив. Но судя по глазам Дарьи, переполненным слезами, недолго ему осталось. И кровь на лице была не главной причиной.

Даша ловко, словно всю жизнь только этим и занималась, расстегнула португеею, распахнула кожанку. На френче капитана в центре груди расцветала багровая роза. Эмблема печали. И смерти заодно.

Повинуясь долгу сестры милосердия, Даша попыталась ладонями остановить кровь, наложив руки по центру цветка, у которого вместо тычинок торчал ворс, вырванный из френча. Но штабс-капитан только захрипел, на его губах лопнули багровые пузыри, испачкав волевой подбородок, некрасиво повиснув на геройских усиках.

— Письмо... В кармане... Отправьте... Потом...

Больше он ничего сказать не успел.

12

Пулемёт — штука хорошая. Но одного умения жать на гашетку явно недостаточно для прицельной стрельбы. Даже у Маркони получилось далеко не сразу. Что уж там говорить о механике...

С техникой, да, он умел и дружен. Но убивать — тут тот ещё опыт нужен. Даже у меня, хоть в последнее время немало людей спровадил в мир иной, если и получалось, то только благодаря Казимиру. Казе, как все её звали. И я в том числе. Будучи её номинальным тёзкой. По версии тех, кто числил меня предсказателем. И называл Звягой. Как бы я ни представлялся. Меня едва и не убили, спутав с местным пророком. Которым я не был. Потому что быть не мог. А вот Казя — была.

Не знаю уж, пророком ли, но провидицей — точно. Хоть и смотрела на мир моими глазами. Моими — потому что её глаза были закрыты. И довольно плотно. А губы,

наоборот, продолжали что-то нашёптывать. Под аккомпанемент пулемёта. Толку от стрельбы которого было куда меньше, чем от нашего с Казимирой дуэта. Или тандема, кому как нравится. Но ни то, ни другое не было точным определением. Мы ж не пели, мы убивали, уже четвёртого стрелка. И мы не были на одной оси, мы даже механизмом не были.

Казя водила моей рукой, следом за тем, как я вёл взглядом по берегу, то тут, то там озарявшемся вспышками выстрелов. В нужный момент она же нажимала моим пальцем на спусковой крючок. А я только фиксировал — попал. Опять попал. А надо было бы патроны считать.

Впрочем, я всё равно не знал, сколько патронов было в обойме. И есть ли они в моём пистолете, лежащем на столике в дальнем от меня углу салона. Поэтому, пока Казя водила моей рукой, безропотно стрелял. И ещё стрелял. И после того, как на палубе полыхнуло пламя взрыва — тоже стрелял. Хотя уши и заложило. Не от взрыва. От крика девчонок. Которые хоть и скрылись за надстройкой с противоположного берегу борта, от осколков не убереглись.

Осколки и по салону стеганули. Но никого из нас троих, укрывшихся за его ненадёжными переборками, не зацепили. А вот снаружи мало кому повезло. Граната разорвалась на носовом траверзе надстройки, и взрывная волна прошла вдоль борта, сметая всех на своём пути. А все как раз там и были. Но это я узнал потом. Когда хлопнул последний выстрел. И затвор пистолета остался в крайнем заднем положении. Но и с берега никто больше не стрелял. А Онисим, плюнувшись ещё одной очередью, тоже затих.

Казя выпустила мою руку. Воспользовавшись этим, я метнулся за браунингом покойного капитана, выщелкнул магазин.

Два патрона. Застрелиться хватит. Даже если осечка выйдет. Но как же хочется ещё пожить! Как в ту ночь, на больничной койке, когда в палате, кроме меня, никто не выжил...

Покачиваясь на ватных ногах, я вышел на палубу, обошёл надстройку. И нос к носу столкнулся с Онисимом:

— Не ходи, — загородил он мне дорогу. — Всех порвало в лоскуты... Всех девчат...

— Алевтина... — мне не хватило мужества спросить, что с его женой. Не исключено, бывшей, хоть и сыграли мы свадьбу всего-то несколько часов тому назад.

— Спускается, со мною была, что и спасло... А Казимира где? Тут её нет...

— Вместе с Ией в салоне. Если бы не Казя, и не знаю, как бы отбились.

— Патронов больше нет, — резюмировал Колодезный.

— Подберём на берегу? — то ли предложил, то ли спросил я. Будучи старшим, я всё ж не просто мирился с тем, что Онисим брал многие вопросы на себя. Я ещё и прислушивался к его мнению. И даже готов был команды выполнять. Но до этого не дошло.

В утреннем мороке раздался надсадный вой.

Онисим обернулся, я глянул через его плечо.

В конце надстройки, прижав руки к лицу, выла Алевтина. Спустившись из пулемётного гнезда, она уткнулась прямо в кровавое месиво. В то, что осталось от

девчонок. Которых мы с Онисимом не уберегли. А точнее — я. Нечего делить ношу на двоих, решения я принимал. От захвата «Бойкого» до его последнего боя.

— Веди её в салон, — бросил я механику, а сам, сунув пистолет за верёвочный пояс своих порток и хорошенько примерившись, прыгнул на берег. Нам нужны были патроны. А где их взять, если не у мёртвых?

То, что патроны могут быть другого калибра, мне даже в голову не пришло.

Закинув за спину автомат, подобранный на первом же трупе, я обшарил разгрузку. Ничего. Охранители тоже, как и дружинники Иова, сидели на голодном патронном пайке. И как они собирались Русь свою защищать? Не то что на бой — на малую перестрелку, типа как двух уличных банд, не хватило огня.

Я перешагнул через второе тело. Автомат брать не стал, выщелкнул магазин, прямой и ребристый рожок. Попробовал оценить его полноту. Явно меньше половины. Но за пояс его всё же сунул. Рискаю порты потерять.

Чтоб этого не случилось, занялся покойником — расстегнул его сбрую, подпоясался. Перекинул автомат на грудь. И сделал ещё шаг.

И тут же за спиной явственно щёлкнул взводимый курок.

Эх, мне бы предвидение Кази! Или хотя бы с собой её взять на берег. Но поспешил, сам пошёл. И уповать теперь приходилось только на свой страх. Который сработал лучше инстинкта самосохранения. Или же и был им.

Там, где и стоял, ещё даже на одной ноге, к которой не успел в широком шаге приставить вторую, я рухнул в

пыль и песок. И не успев ощутить боль от разбитого в падении локтя, потянулся за пистолетом. Хотя на груди был автомат, и можно было сразу стрелять в неясную тень, показавшуюся из-за самобеглой коляски, которую я при первой встрече принял за микроавтобус.

Уцелевший в перестрелке охранитель возился с затвором своего автомата. То ли заклинило, то ли утыкание патрона. Но мне-то какая разница? Спасибо и на том, что подарено несколько секунд жизни.

Автомат откровенно мешал. Особенно когда я перевернулся на живот. И выставил пистолет перед собой.

Выстрел. Неудачный хват рукоятки обернулся резкой болью в разорванной тыльной стороне ладони — затвор в откате постарался. Но браунинг я удержал. И когда тень шевельнулась, поднимая отказавший автомат, нажал на спусковой крючок ещё раз.

Попал. Как бы ни было это странным. Адреналин. И желание жить. А вот стрелку не повезло. Он так и не сумел подняться. И поднять автомат для стрельбы. Но на спуск тоже нажал.

Глухо щёлкнул одиночный выстрел — пуля ушла в землю. Прямо перед стрелком. Который, похоже, был серьёзно ранен, поэтому и не справился с лёгкой и ничего не подозревающей целью.

Я подошёл к недобитому врагу. Тот ещё дышал.

— Упырь... Я так и знал...

Приглядевшись, я тоже вспомнил охранителя. Вуйко... Нет, Войко. Как же давно это было! И как больно, когда он избивал меня, связанного.

— Вот мы и поквитались, — припомнил я ему.

Обшарив ещё живого воина, я забрал рожок его автомата. И нож за отворотом форменного ботфорта — пониже сапога, но выше, чем берцы.

Умирающий что-то тужился выдавить из себя, но кроме пены на губах ничего не получалось. А я заглянул в машину. Однако получилось, что заглянул-то я в глаза смерти.

Точнее, глаз был один. Ствол пистолета. За которым едва угадывалась фигура водителя. И этот глаз уставился мне в лоб, едва я распахнул дверцу неубиваемой во времени и вне его «буханки». Только теперь она бегала на дровах. Которые подбрасывал в печку водитель. Не желавший вмешиваться в дела своих нанимателей.

Ну, да, он же сам по себе. Так было, когда он приехал за мной в первый раз. И упустил мой побег. Второй раз мне уйти не повезло, но и он не дёрнулся. Как и сейчас. Пока не припекло. Какое ему дело было до того, что brave вояки гибнут? Его дело — знай вози. Но коли собственная смерть близка, то можно и самому повоевать. Что он и попытался сделать.

— Только без глупостей, — примирительно предложил я, отступая от барбухайки сразу на два шага. И тут же выхватывая так непредусмотрительно убранный за пояс пистолет.

Мы выстрелили одновременно. Только я, кажется, был чуть быстрее. И даже подумать успел, что патронов-то у меня не могло быть. Но, видимо, проверяя магазин, не учёл патрон в стволе. А ведь мог бы понять, хотя бы по тому, что после выстрелов в Войко затвор не ушёл в крайнее заднее положение.

Ну да что теперь думать, дело сделано. И я попал. Шальным, внеплановым патроном. А водила — промахнулся. Его пуля только пошевелила редколесье на моей макушке. Зато моя вошла точно в лоб. И расплескала его мозги по спинке сиденья и боковому окну противоположной дверцы. Но, во избежание случайностей — а ну как мёртвые тут встают из праха, пистолет у покойника я отобрал. Однако запасной обоймы и у него не оказалось.

13

— Кожанка-то... Аккурат на меня, — я выпрямился, ощупав и очистив карманы покинувшего нас штабс-капитана. Девушки заниматься этим наотрез отказались. Но свою находку я всё же передал Дарье. Успев бросить беглый взгляд на почтовое отправление. Которому не суждено было отправиться при жизни штабс-капитана. Хотя, не исключено, при жизни оно и не должно было никуда отправляться.

Конверт, слегка испачканный кровью, был адресован «Его Высокоблагородию господину капитану первого ранга в отставке Гурдову Василию Лукичу, управляющему Бакинским Агентством пароходного общества «Кавказ и Меркурий», город Баку, Лалаевский переулок, во дворе». Надпись была исполнена каллиграфическим почерком, со множеством завитков и ятей, там, где положено. И даже «И» в названии агентства было с точкой. Вот только теперь эта точка была поставлена и в жизни штабс-капитана. А нам выпала жалкая участь сообщить о его смерти родным. Отцу, похоже.

— Михаил, как вы можете!

Дарья не особо соблюдала приличия с тех пор, как мы покинули больницу. А сейчас и вовсе было не до того. Хотя и на «ты» переход был затруднителен. Однако вряд ли из-за присутствия Пелагеи. Своё слово сказала смерть. Которая была рядом.

— Дашенька, штабс-капитану она уже ни к чему. А я нашивал, в смысле вынужден был носить, вещи и похуже, — я не стал говорить, что не в этой жизни, но всё ж, слов из песни не выкинешь. — Это два. Но главное, коль среди лета был господин Гурдов в кожанке в духоте своего бронеавтомобиля, то это неспроста. Вот и мне, чтоб вывезти нас отсюда, было бы неплохо чёртовой кожей обзавестись.

Не слушая больше возражений одной дамы и причитаний другой, я довольно жёстко вытряхнул покойника из его одежки. Она действительно оказалась мне впору. Дыра от пули в кожанке меня не смутила. Как и несколько пятен крови на подкладке. Но больше я порадовался портупее с пистолетом. Которого мне так не хватало на «Бойком». Да и в других невзгодах до попадания из мира мора в мир мировой войны.

Несколько дольше, чем думал, провозился с пистолетным тренчиком — ремешком, которым пистолет — карманный «Браунинг», маленький, зато удобный в тесноте броневика — крепился к кобуре. Он всё время пытался меня опутать, вместо того, чтоб одним движением выдёргивать ствол из кожаного лежбища. Хотя, если честно, этой мышинной вознёй я просто оттягивал момент, когда нужно будет вытаскивать покойников из бронеавтомобиля. А их там трое...

Но и с этим я справился. Как и с малой приборкой. На большую не было ни сил, ни времени. А главное — смысла. Так что я кое-как сгрёб с пола стреляные гильзы, протёр какой-то тряпицей руль и сиденье водителя, проверил пулемёты. У лобового оказался пробит кожух, и вода вытекла. Но на несколько выстрелов его должно было хватить и без охлаждения. Два других на вид были исправны. И на каждый имелось по три ленты в коробах. И по одной оборванной на половине в ходе последнего боя. Пять пустых коробов для лент выдернув из креплений я выбросил — толку от них никакого, только место занимают. Разве что напоминают о тяжком бое — больше тысячи патронов Гурдов и его бойцы всадили в троцкистов. Вот если бы ещё каждая пуля находила свою цель...

Начатые ленты я сменил на полные, загнал по патрону в каждый казённик, вернул на место каждый затыльник с рукоятками и гашеткой. За это время девушки прикрыли тела убитых ветками, срубленными с деревьев осколками снарядов, разорвавшихся рядом с больницей.

Пришло время боевой учёбы.

— Надеюсь, что стрелять не придётся, но на всякий случай... Маленький ликбез...

— Что??? — глаза у Даши чуть не вылезли на лоб.

— Говорю, что должен показать... Наглядно. Что и как делать, если троцкисты начнут нас зажимать. Уж не обессудьте, барышни, вопрос жизни и смерти. Поэтому отговорки не принимаются. Никакие. Особенно что вам не положено стрелять. То в нормальной жизни. А здесь — война. Женщины, некомбатанты, сёстры милосердия — все равны. Перед смертью. Она среднего рода, и мы с вами тоже

усреднены. Как говорил старшина Васков... — Впрочем, это из другой жизни. Да и до какой победы мы тут будем в среднем роде...

— Да мы и сами понимаем, — неожиданно получил я поддержку от Пелагеи, устав объяснять, чего добиваюсь.

И обе ученицы послушно прошли курс начальной военной подготовки.

— Глядите в оба, — напутствовал я их, усаживаясь на неудобном стальном водительском сиденье. Другого и быть не могло, чтоб не загорелось в бою. И кожанка для того же — убережёт от ожогов. Пулемёты, случись бой, кипятком забрызжут, гильзы раскалённые полетят во все стороны... Девчатам не позавидуешь, в их-то хламадах. — И это... Берегите лбы. Трясти будет изрядно. Но иного пути нет. С богом.

Я крутанул рукоятку пускового устройства. Мотор чихнул, раз, другой, но всё же зарокотал, ровно, без натуги, выплёвывая сизый дымок из-под кузова.

«Ну и ладненько, — подумалось мне. — Посмотрим, как ты поработаешь в кривых и на подъёмах. Уж не подводи, служивый, выноси, как вынес погибший экипаж!».

Как и обещал, тряски было изрядно. Колёса на литой резине не пружинили, а рессоры слабо поглощали кочки и рытвины, коих на дороге, которая далеко ещё не скоро станет городской улицей, было в изобилии. Да и улицей она будет такой себе, с теми же рытвинами. Но главное, я не знал куда ехать. Обзор же через смотровую щель был не просто минимален — он был чисто номинален. Что-то видно, а что — поди разбери. Но я довольно лихо, на скорости не более 40 километров в час — каких там вёрст — рулил в

направлении Романова. И ехать нам так часа полтора. Не меньше. А то и вдвое больше — дороги-то нет.

Разговаривать в железном гробу было невозможно — из-за грохота и дребезжания всей конструкции. Да и гарью пахло — выхлопные газы из-под кузова пробивались в железное нутро, рвали горло кашлем. Но девчонки терпели. Я — тоже. Знать бы ещё ради чего...

Прошло не менее тридцати минут, когда наше довольно мирное путешествие по военной дороге прервал свист снаряда, который мы слышали даже сквозь шум и грохот внутри броневика. И в тот же миг впереди и правее вздыбился фонтан земли, ударная волна прошла по смотровым щелям, оглушив и ослепив на мгновение. На автомате я выжал тормоз, но с дороги нас не сбросило, и пришёл черёд давить на газ.

Второй взрыв подтолкнул нас вперёд.

Вилка. Пристрелялись? Сейчас накроют?

Я судорожно крутанул руль, нажал на тормоз, броневик пошёл юзом, хоть и невелика была скорость. Зато роса на траве, пробивавшейся в колее дороги, послужила хорошей смазкой. И это уберегло от попадания очередного снаряда.

Что визжали девчата, которых сбросило с их стальных стульчиков, прикрученных к бортам, я не мог разобрать. Да и не пытался, опять выжимая газ до упора, рискуя заглушить мотор, который уже захлёбывался, вытаскивая нас из очередной рытвины. Да ещё и в условиях нехватки воздуха для сжигания горючей смеси — близкие разрывы выжгли весь кислород.

Стреляли явно не прямой наводкой, кто-то корректировал огонь. Но кто?

Ещё два снаряда легли далеко позади. И тут же впереди, чуть в стороне от дороги я с немалым трудом разглядел что-то вроде баррикады. Нечто пугающе гомоздкое, ощерившееся стволами винтовок.

— К пулемёту! — заорал я что есть мочи, не оглядываясь. Потому что по лобовой броне уже ударили первые пули. И нужно было удержать бронемашину на курсе, не свалиться с и без того едва заметной дороги в очередную яму. К тому же тут же, едва ли не кожей, я ощутил, что горохом пуль ударило и в левый борт. А я и не заметил засаду слева...

Зато каким-то седьмым чувством на фоне этого грохота и ударов по борту уловил движение Даши, вставшей рядом со мной слева и вцепившейся в рукоятки затыльника носового пулемёта. Но первым ударил бортовой.

Пелагея? Молодец, девчонка! Треск очереди её пулемёта был слышен отчётливо, а удары в борт прекратились. Зато опять задрезбуждала под ударами пуль лобовая броня. И в ответ на это наконец-то полоснула очередь курсового пулемёта.

Я, хоть и плохонький был обзор, увидел, как посыпались щепки с наспех сооружённой из каких-то досок и брусьев баррикады, как из-за неё взлетели в воздух фуражки, разорванные в клочья прямо в полёте, следом мелькнули бледные лица, окрашивающиеся кровью буквально на глазах.

Мы уже пролетели и засаду, и баррикаду, а Даша всё жала и жала гашетку. Хотя пулемёт её давно молчал. Зато я видел её перекошенное лицо. И понимал, что происходит.

Это была месть. Запоздалая. Совсем не тем, кто надругался над ней. Но это был ответ за всё, что с девушкой случилось. Ответ системе, которую создали люди, именуемые здесь троцкистами. В другом месте их назовут иначе. Но суть их от этого не изменится. Подлые душонки человечнее не станут, как их не назови. И с ними можно и нужно поступать именно так — истреблять. До десятого колена. Жестоко? Да. Но других методов медицина и жизнь не знают. Стоит оставить малюсенькую занозу, и гангрена зацветёт по новой.

Впереди дорога внезапно резко повернула влево, я едва успел вписаться в поворот, что было даже смешно на такой-то скорости, но зато мы вышли из зоны обстрела. Вот только где мы? И где враг...

Он, надо полагать, вокруг. И как из этого круга вырваться?

Свернув с исчезающей дороги в какие-то дебри и за дровяные сараи, неведомо кем поставленные в этой глухомани, я заглушил мотор. Чтоб не портить тишину, обрушившуюся на нас почище грохота боя.

— С боевым крещением, барышни. Всему экипажу объявляю благодарность!

Девушки шутку не оценили. Да и не поняли, скорее всего. И того что это шутка — тоже.

Обе мои сёстры милосердия устало опустили на свои стульчики, сложили руки на коленях и привалились к бортам нашего бронехода.

Тряпицей, которой оттирал кровь с сиденья и руля, я промокнул пот и гарь на лице.

Бешено колотилось сердце.

Повернув ручку, я открыл дверь в нижней, наклонной части брони, запуская свежий воздух.

— Пойду, огляжусь, — я осторожно высунулся из люка.

В меня никто не выстрелил. Да и вообще выстрелы теперь были где-то далеко. Что ничуть не означало, будто мы спаслись.

14

Подобранное оружие я разделил честно. По два автомата. Четыре рожка в запас. Не густо. Но у нас отродясь столько не было! Если не считать пулемёт, боезапас которого Онисим спустил меньше чем за минуту. Ладно, хоть враги на этом закончились. От его ли пальбы или от умелого наведения моей руки рукою Казимиры — не суть важно. Мы победили. И этим всё сказано. Теперь вот есть ещё чем за себя постоять. Пусть и недолго. Ну да сколько там нам осталось. Даже если мы будем вместе. Но мы решили разойтись. Как в море корабли. Хотя и было судёнышко у нас одно. Зато появился ещё и бронеход. Пусть и с залитой кровью кабиной. И с мозгами, украсившими её стенки. Но это я всё отгёр. Хотя и пришлось повозиться. Учитывая моё не лучшее состояние. Но лучшим оно уже и не будет. Как минимум — вряд ли улучшится. А там, если проживём, — увидим.

Онисиму прибираться выпало больше. Целый пароход. На двоих. Но он сам так решил. Или Алевтина

надоумила? Что в пристанище Ие отказала — так это она, факт. Хотя у них на «Бойком» места куда больше, чем в бронеходе охранителей. А Казя сама выбрала. Прямо так и сказала: пойду, мол, со Звягой. Так и не переубедил я, что облыжно меня прорицателем прозвали, да ещё и упырём сочли. Зато попутчица появилась. Помимо раненой из-за меня Ии.

Раскочегарить потухший газгольдер и уходить берегом — было моей идеей. Но Онисим напрочь отказался покидать судёнышко, изрядно пострадавшее в боях.

— Это мой дом, — упёрся он, когда я предложил перебраться в сухопутный бронеход. Всё ж и защита какая-никакая, и угля, которого на складе не оказалось, не надо. Дорог, конечно, почти нет, это тебе не русло реки, плыви — не хочу. Но и не во власти ветра. С дровами пока без особого напряжения. И даже когда Казимира поддержала моё предложение тем, что, якобы, видит шанс на удачу, Онисим стоял на своём. Но на Алевтину поглядывал. А та гордо смотрела на реку, катящую мимо свои воды. Так мы и разошлись.

Раздел был, конечно, не равный. У механика пустой трюм, у меня — раненая. Я берегом, где врагов заведомо больше, он — водой. И автоматы. По два. А у меня трое... Но двоим не до оружия. Казе — в силу возраста. Ие — из-за ранения. Зато я сразу на ходу, а Колодезный стучал и стучал молотком, сшивая разошедшиеся листы обшивки, чтоб не заливало на ходу.

Так мы и расстались. Под стук молотка. И кто что выгадал — никому ведомо не было. Даже нашей

ясновидящей. Пусть и недалеко она видела. Да и смотреть-то особо некуда. И не на кого.

Город был пуст. Даже трупы к этому времени унесло куда-то далеко. Вряд ли до Костромы, куда мы все планировали добраться, но каждый по-своему. Но покойники там будут всё равно раньше нас. Если мы вообще там будем. Хотя, опять же, Онисима в любом случае рано или поздно прийдёт к тому берегу. Чего нельзя сказать о нашей самобеглой коляске.

Усевшись за руль, я чертыхнулся отсутствию коробки-автомата и навигатора. Хотя мысленно и проложил уже маршрут. Вряд ли достаточно годный, но за неимением лучшего...

— Всё будет хорошо, — севшая рядом, Казя взяла меня за руку. И я почувствовал исходящее от неё тепло. Хотя это я должен был её успокаивать. И заботиться о раненой, лежащей в салоне, пол которого уже как-то полировал своим животом.

Стараясь сильно не скакать на кочках — лавка в салоне, на которой лежала Ия была не из широких, я выжал сцепление.

— Прорвёмся.

Сказать было легче, чем сделать. И я предусмотрительно подвинул поближе автомат.

Вовремя.

Ещё не добравшись до дороги, ведущей из города, мы наткнулись на засаду.

По траве пробежала рябь. А следом с неба обрушился равномерный гул. Которого не было слышно внутри бронеавтомобиля. С приближением второй тени стал нарастать и свист — надрывный, выматывающий душу. Такой, что даже внутри броневика перевернул сознание моих сестёр милосердия. И они, поочерёдно, выпорхнули из загазованного нутра побитой, как бродячая собака, бронемашины.

Запрокинув голову, Даша козырьком приложила ладонь к глазам:

— «Муромец»! И второй! Третий! Да их целая армада! Игорь вернулся! Как и обещал!

Меня, если честно, эта радость слегка уколола. Совсем слегка. Но прямо в сердце. Хотя виду я и не подал. Но тоже задрал голову. И увидел...

Над нами и чуть в стороне по небу плыли четырёхмоторные гиганты.

«Это вам не «Альгеймайне Электрицитатс Гезельшафт», — злорадно подумал я, пожалуй, впервые почти без запинки, пусть и мысленно, выговорив имя убийцы штабс-капитана Нестерова. И тут же заметил, что из-под крыльев тяжёлых русских бомбардировщиков, которые воочию увидел впервые, но неплохо знал по кино- и фотохронике, к земле устремляются чёрные капли бомб.

— В машину! Бегом! — заорал я, понимая, что укрытие не из лучших, и попадание в броневик разом завершит наше путешествие. Вот только там хоть какая, но броня. Рядом же не было не то чтоб окопчика — ямки более-менее пристойной, чтоб укрыться от бомб.

Девушки команду выполнили. Но особо не торопились. Так что я закрывал дверь уже под раскат первого взрыва. Далёкого в тот момент ещё. Но каждый следующий был всё ближе и ближе.

Очередная бомба, как мне показалось, рванула прямо у меня в голове. И тут же кувалдой постучалась в борт ударная волна. Да так, что ещё до того, как броневи́к завалился набок, я приложился головой о лобовую броню, потом о руль. А когда, кувыряясь, броневи́к опрокинулся, раз, второй, на меня рухнула Даша, сверху упали коробка с пулемётными лентами, потом снова Даша... Или это была уже Пелагея?

Понять было сложно. Мир рушился. Мы катились в тартарары. И бились, бились, бились... О стенки, о любые выступы, будь то пулемёт или баранка рулевого колеса. Даже столкновение друг с другом причиняло боль. Потому что, отталкиваясь, мы находили всё новые и новые железные углы. А по броне стучали камни, осколки и в смотровые щели просто ломилась всё та же ударная волна. Или следующая за ней.

Дышать было нечем. Казалось, газы заполнили весь объём нашей стальной коробочки. И каждую клеточку лёгких. А в голове была сплошная боль. Как и в избитом теле. Кровь из рассечённой брови заливала глаза, и я уж решил было что ослеп. Но внезапно перед моим взором открылись некие прелести. Розовый бутон в обрамлении рыжеватых завитков.

Пелагея... Как бы негоже юной деве так юбку задирать. Перед мужчиной, посторонним. И чего это она без

панталон? Была бы Дарья, был бы только рад. Но совращать юную девицу...

Я попытался вывернуться из-под хрипло постанывавшей на мне Пелагеи. Стыдно же. Стыдно подглядывать. Хотя взор мой нет-нет, да и притягивал тот самый цветок в рыжих завитках вокруг бутона. А как иначе,хламида на девушке задралась, едва ли не наизнанку вывернулась, закрыв лицо и голову, но обнажив ноги по пояс. И её белая попка упокоилась на моём лбу, а я её перепачкал кровью из рассечённой брови, красным по белому. Хорошо ещё, что это не следствие нашей близости. Ведь, скорее всего, у неё никого ещё не было. В таком случае кровь точно могла бы запачкать и белую кожу, и репутацию девушки. Пусть и не благородного она сословия. Но не в таком же положении добиваться близости! Это было бы вряд ли лучше того, что произошло с Дашей. Так там были враги. Я же вроде как свой...

Кое-как одёрнув монашеское одеяние пребывавшей без сознания девушки, я поискал взглядом Дашу. Она лежала в самой корме броневика. Лежала, откинув голову на рукоятки кормового пулемёта. И её усталый взгляд вперился в заклёпки на крыше нашей коробочки. Она не могла видеть моих непотребств. Или не хотела? Но то, как она лежала, мне не понравилось.

Кукла. Сломанная кукла.

Других слов можно было и не искать. Да они и не нужны были.

Довольно бесцеремонно я сдвинул Пелагею, едва ли не сбросив её с себя, встал на ноги. И по левому борту, ставшему полом броневика после его опрокидывания,

перешагивая через патронные короба и бесполезный после утыкания в землю пулемёт, добрался до Даши.

Голова закружилась от резкого движения. И я буквально рухнул на колени перед девушкой. Правой рукой попытался её приподнять — больно же, наверное, лежать на рукоятках. Но этим движением только сдёрнул с её головы апостольник. Или он сам свалился? Под тяжестью скопившейся на внутренней поверхности его ткани крови. Тёмной, тягучей. Как нефть. И такой же липкой. Но я не сразу понял, что это кровь. Ведь на её бледном, почти восковом личике крови почти не было. Как и жизни. Так, царапина. Даже скорее ссадина. Зато затылок...

Его, считай, точно не было. Пулемётные рукоятки проломили кости черепа, убили в один момент, хотелось мне надеяться. Ведь это ж какая, должно быть, боль — лишиться едва ли не половины головы.

Девушка прошла свой земной путь. Нелёгкий — это мягко сказано. Прошла, испытав и боль с унижением, и радость свершившейся мести. А теперь, без апостольника, с коротко стриженной головой словно отдыхала от этого пути на моих руках. Как после какой-то занятой игры. Вот только закончившейся печально. Поломкой хрупких рук и ног. Смятым от удара о пулемёт черепом...

Эта игра называется жизнь. Даша её прожила. А я всё ещё живу, взаимы, но живу.

Опустив отяжелевшее тело, я попытался сесть.

Голова кружилась. Боль заполняла все пустующие клетки сознания.

«Вот и Даши не стало...»

Сколько ещё людей должно умереть вокруг меня, чтоб моя миссия была исчерпана?

Небеса в ответ молчали.

Но тут застонала Пелагея. Значит, у меня ещё есть дела.

16

Это была даже не засада — засека. Хотя с учётом того, что сделанная тайной, то всё ж засада. И ждали, судя по всему, именно этот бронеход охранителей. Здорово они, видать, кому-то насолили, не только мне. Но теперь-то за рулём был я. И местных нюансов не знал. Поэтому спокойно направил машину прямо на брёвна, которыми кто-то заботливо выложил яму в колее. Впрочем, иного пути и быть не могло — объехать яму вряд ли бы получилось, песчаный берег мог таить угрозу где угодно. А здесь же, похоже, уже ездили. Хотя я об этом и не думал даже. Просто направил машину на брёвна, чтоб не увязнуть в песке.

И тут же, едва бронеход накатил передними колёсами на брёвна, те вздыбились дальним концом, а потом провалились под нами.

Задрав зад, бронемашина нырнула в вырытую под брёвнами яму. Хотя, как мне кажется, ожидалось, что она должна была бы перевернуться. Вот только ждали её с другой стороны. Тогда бы так и случилось. Но и без полного кульбита судьба наша оказалась незавидна.

Бронеход вздыбился почти вертикально, уткнувшись носом в дно замаскированной ямы. Вот когда пришло время пожалеть, что нет ремней безопасности! Без них я

приложился грудью о баранку, и из меня моментом вышибло дух. Но это было ещё не всё.

Выпадая с водительского сиденья, лбом я дотянулся до ветрового стекла. И пусть ветер в него не бил в силу малой скорости, но удар оказался не слабым. Левый глаз почти мгновенно заплыл кровью из рассечённой брови.

Рядом закричала Казя. Ей досталось ещё больше. Меня хоть руль притормозил, она же пролетела без остановки. Стекло удара не выдержало, и моя прорицательница едва ли не вылетела из кабины. Ран на ней я не видел, но это ни о чём не говорило. Потому как и видел-то я кое-как. А за спиной, в салоне, сквозь вой ревушего на холостых двигателя, мне было слышно, как упала и покатилась по настилу Ия.

«Наберётся заноз, — успел подумать я. — И что за дела?».

Выбраться из ямы своими силами не представлялось возможным. А других сил я пока не видел.

Впрочем, до этого мысли ещё и не добрались. Я ещё даже не понимал, что случилось. И тупо пытался разглядеть хоть что-то, что прояснило бы ситуацию. Но одним глазом видел только осыпающийся по краям ямы песок.

Повиснув грудью на руле, я лицом оказался на уровне земли — яма была глубиной не меньше полутора метров, вся «морда» бронехода, пусть она и не сильно выдавалась вперёд, «утонула» в песке.

Зыбучие пески? На берегу Волги?

Опережая дельные мысли, в голову пришла очередная глупость. Которая ничем не могла помочь в том, чтоб разобраться в том, что случилось.

Но это пока.

Пока Казя прокричалась, вокруг машины собралось человек двадцать, не меньше.

Автомат был у меня в руках, когда машина стала проваливаться, успел-таки перехватить. Одной очередью можно было бы положить не меньше половины приближавшихся. И я бы так и сделал, будь передо мной чёрные рубашки или бордовые манишки.

Но...

Скорее всего это были просто отговорки. Самоуспокоение. Вот он, мол, каков я. Мог бы, но...

Да, машину окружили угрюмые мужики, чем-то напомнившие мне моих напарников по погрузке угля на «Бойкий». И его безъязыкий экипаж. Но не это заставило меня отказаться от стрельбы.

Стрелять бесполезно.

Я опустил ствол. Мне и так приходилось смотреть снизу вверх на приближающихся мужиков. А стрелять... Ну, убью, пусть даже половину. А что будет потом? С Казей, с раненой Ией, не подающей признаков жизни в салоне «барбухайки», намертво застрявшей мордой в яме. Это, конечно, тоже отговорки. Пусть и другого порядка. Но отговорки. Со мной-то всё ясно, порешат, как пить дать порешат. Потому как упырь. Ну и пусть, лишь бы без мучений. А эти мучить не будут, не должны, не попы, чай, этим бы сразу крови вкусить...

Вот только... Это только если толпой. А из толпы уже выделился один. Вожак. Стаи или банды. Суть одна. Как он скажет, так и будет. Если он говорить может. Хотя может и просто пальцем указать...

Мужик приближался. В широком, долгополом одеянии свободного покроя, напоминающем халат, с капюшоном... Где-то я такой уже видел...

Память услужливо подсказала. И что бы я без неё делал?

Мужичонка-то словно с картины сошёл. С картины «Не ждали».

Его действительно не ждали. Я — так точно не ждал. Как и яму на дороге вдоль берега реки.

Помимо картинного одеяния мужичонка и лицом, как мне показалось, был похож на внезапно вернувшегося то ли ссыльного, то ли внезапно выздоровевшего больного. Тут память оказалась бессильна, и легенду картины не подсказала. Я просто принял как должное — усталый лик, заострённые черты лица, куцая бородёнка, короткий ёжик волос, ещё местами чёрных, как смоль, но уже битых молью седины.

Руки он прятал в широких рукавах своей хламиды. А шею его укутывал неуместный среди лета шарф. Примечательный. Арафатка. Вряд ли мужик был борцом за свободу арабского народа. Но и на русского борца с нечистью тянул с трудом. Разве что полубезумным взглядом.

— Мил человек, похоже вы не на тех напали. А тех, кто был вам нужен, мы уже поубивали...

17

...Два бревна нашлись почти сразу, у сараюшки, подле которого мы приняли свой то ли последний бой, то ли расстрел. Бомбами.

Самолёты давно улетели. Бой на земле ушёл куда-то в сторону, ближе к центру города. Хотя я бы поставил на всё, что центр уже свободен. И троцкистов гонят дальше, в сторону Москвы. Но было не до ставок.

Выбравшись сам, и вытащив охающую от боли и заливающуюся слезами Пелагею, я принялся сооружать самопрокидыватель. Трос нашёлся в броневику, брёвна одолжил у неведомого хозяина сарая. Прежде мне не доводилось заниматься таким самоспасом, но ничего мудрёного в том не оказалось. Дайте мне точку опоры, и я переверну...

Мир переворачивать я не собирался, только броневик. Пелагея сквозь слёзы с удивлением смотрела, как я приладил трос к дереву одним концом, другим, попутно оплетя брёвна крест-накрест, к лежащей на боку боевой машине, и...

Ворочая брёвна поочерёдно, я без особых усилий поставил броневик на колёса. Без усилий это, конечно, ради красивого словца сказано, попотеть пришлось. Но в одиночку перевернуть почти три тонны стали... Это было нечто. И, несмотря на трагизм ситуации, впечатлило Пелагею. А ведь как она противилась тому, что я не стал вытаскивать Дашу из бронированного нутра. И все слова, что ей уже ничем не помочь, не имели никакого воздействия. Зато едва броневик встал на колёса, я бросил клич:

— Поможете мне, барышня?

То, что я заглядывал ей под юбку, не давало мне права ни на фамильярность, ни на командование девушкой.

Сбросив свой апостольник, из-под которого по плечам девушки рассыпались золотые кудри, Пелагея забралась следом за мной в машину.

— Короба разгребите, а Дашу я сам...

Уложив мёртвое тело у сараюшки, чудом пережившего бомбёжку — опрокинувшая нас бомба рванула аккуратно в метре от него, оставив воронку, которую я надумал приспособить под погребальную яму, повернулся к Пелагее:

— Прощайтесь... И что там... Молитву...

Смахнув слёзы, Пелагея побелевшими губами что-то долго шептала над Дашей, которой на смертном одре вернули апостольник, сложила ей руки на груди, поправила сестринское серое платье.

Осенив белый лоб покойной крестным знамением, выдавила из себя:

— Что ж, прямо здесь и похороним?

— Придёт время — вернёмся. Чтоб похоронить с почестями. Всё к тому и идёт. Что вернёмся. Слышите, где уже бой?

Его, скорее, уже и слышно-то не было. Последний успех троцкистов, который так дорого обошёлся нам, и не только смертью Дарьи оплаченный, но и рухнувшим в реку составом с ранеными, был действительно последним. Я хотел в это верить. Более того, — верил.

— Вы любили её, вашбродь? — внезапным вопросом оглушила меня Пелагея. И я застыл, не зная, что сказать.

— А её можно было не любить? — попытался выкрутиться, но Пелагея уже отвернулась, роняя слёзы, пока я укутывал в найденный в броневику брезент начинающее коченеть тело. Она же первой бросила горсть земли в

воронку, ставшую могилой для молодой и пригожей девушки, которой бы жить да жить. Но родина внезапно возжелала её смерти. Такая у нас с Дашей родина... Не мать, мачеха... Не мы её выбирали. Она выбрала нас. И она же убила... За некий долг. Хотя мы и не одалживались. Даша так точно. А я...

Я — потому что был ещё живой. Вопреки всему.

Когда последний ком земли упал в воронку с шанцевого инструмента из запасов броневика, уже смеркалось.

— Садись, поехали, — без излишних экивоков окликнул я Пелагею.

И мы покатили. Потряхивая на кочках двумя бесполезными пулемётами и чихая мотором, которому опрокидывание, похоже, на пользу не пошло. Однако ж мы ехали.

Правда, только до ближайшей развилки.

18

— Так это ты, значит, Звяга? А меня из-за тебя дважды, как минимум, едва не порешили.

...Блезненного вида мужичонка задумчиво взерошил свою бородёнку, такую же хилую, как и он сам. Рукопожатиям, видать, здесь не обучены. Да я и не настаивал, руку не тянул. В том числе и с благодарностью.

Большей частью молчаливая толпа, окружившая попавший в ловушку бронеход, повинувась командам своего вожака, выдернула нас из устроенной ими же западни. Навалившись скопом, мужички живо поставили машину на колёса. И тут же кто-то из них, ещё до того, как я смог

распахнуть водительскую дверцу настежь, выдернул у меня из рук автомат. Другой помог выбраться Казе, размазывающей по лицу кровавые сопли — нос точно сломала, зато порезов вроде не видать. Негоже девушке шрамами на личике блистать, чай не воин. Да и не каждому воину шрамы на лице к лицу.

— Там, в кунге, раненая, — указал я пассажирский отсек барбухайки охранителей. И сам попытался заглянуть в салон, знакомый мне по занозам, но меня бесцеремонно отодвинули в сторону.

Сразу трое мужиков забрались в принявший нормальное положение кузов бронехода, и уже меньше чем через минуту, как пушинку, передали Юю стоящим у машины собратям.

Теперь-то я видел, что досталось ей куда больше, чем нам с Казимирой. Одна рука висела как плеть, кровь проступила сквозь повязки, лицо разбито и начинает заплывать.

— Кто такая? — подступил к впавшей в бессознательное состояние девушке главарь мужицкой банды.

— Ия, — ответил я за неё, потому как никто другой ответить не мог. Сама Ия без сознания или на грани того. Казя — задрала голову, унимая поток крови из носа. И только я относительно твёрдо стою на ногах. — Была назначена в невесты иерархам, да я отбил. Всех отбил. Но двоих только и сберёг.

Об Алевтине я решил пока умолчать. А ну как эта уголовная бригада не сунется на базу епархии, и Онисим сможет уйти?

Мужичонка обернулся ко мне:

— Отбил? Как?

— Ну, так вышло, — я подумал, что вся история будет трудна не столько для понимания, сколько для беглого пересказа. А на долгую беседу времени могло и не быть. Для начала нужно помощь девушкам оказать.

— И кто ты такой?

— Здесь Казимиром стали величать, упырём, хотя Михаилом до того звался...

— Тёзка твой, что ль, — встрял в разговор крепыш, выпрыгивающий из салона со вторым автоматом, доставшимся мне при делёжке с Онисимом. И рожки в другой руке. — Глянь-ко, Звяга, целый арсенал, теперь можно и на спархию наехать.

Тут-то я и спросил:

— Так это ты, значит, Звяга? А меня из-за тебя дважды, как минимум, едва не порешили.

— Как так? — немногословие вожака начало меня раздражать. Его команда оказалась разговорчивей, хотя немых среди мужиков, стоящих вокруг барбухайки, судя по активной жестикуляции, было не меньше половины.

— А с этим никак нельзя подождать? Девушкам помощь нужна...

И Звяга, теперь уже настоящий, внезапно согласился.

— Вести броневик сможешь? — задал он вопрос уже по делу.

— Вёл же, — теперь я отвечал немногословно.

— Давай за руль. А девушек в салон, быстро. И аккуратно. С носом и сама пойдёт, а у этой, — он кивнул на Ию, — и рука сломана, и нога, похоже, тоже.

А я и не углядел. Так и врачеватель с прорицателем из меня так себе, даже Казя за пояс заткнёт. Особенно по части предвидения. Хоть и не увидела ни засаду, ни яму на нашем пути...

Уговаривать меня не пришлось. Смахнув уже порядком засаленным рукавом кровь с глаза, я уселся за руль:

— Что у вас тут... Больница, лазарет... Что есть? И поближе, не знаю, на сколько хватит ходу у этого зверя.

— Не бойсь, — усаживаясь рядом, буркнул Звяга. — Ща к повитухе заедем, подлечит девчат.

— Это к Олесе, что ли? — вскинулся я, и, не дожидаясь, пока салон барбухайки заполнят друзья Звяги, включил передачу. Так, что двоим из них пришлось забираться уже на ходу. Но Звяга за то на меня бочку катить не стал. Откинувшись на деревянную спинку сиденья, он устало прикрыл глаза. Но, прежде чем задремать или отключиться, ответил:

— Олеся заодно с церковниками. У нас своя есть.

— Я в курсе, что с этой девушкой у леса нужно ухо держат остро. Куда едем?

— Прямо. Всё время прямо. До первого поворота...

И мы покатили.

19

Направление, пусть и интуитивно, я выбрал правильно. Минут через пять неспешной езды под всхлипы движка и Пелагеи, мы проехали мимо первых домиков, выдающих их городское происхождение — два этажа, бежевый окрас стен, низенький палисад. А ещё минуту

спустя из-за дома у перекрёстка вышли три бравых военных, в кожанках, перепоясанные пулемётными лентами.

Властно подняв над головой руку с маузером, пристёгнутым к прикладу, жгучий брюнет, явно вожак в этой троице, шагнул едва ли не под колёса.

Я выжал тормоз. Броневи́к нехотя остановился.

Двое зашли со стороны бесполезно повисшего бортового пулемёта, вырванного из креплений в одном из кульбитов, старший подошёл справа, к водительской дверце.

На всякий случай я проверил доставшийся мне от штабс-капитана пистолет. Хотя и понимал, что принимать бой бессмысленно. Нужно или положить всех из пулемёта, или не высовываться.

Курсовой пулемёт заклинило, ещё когда Даша мстила за свою поруганную честь. Не просить же вояк подойти сзади, чтоб можно было воспользоваться уцелевшим вооружением броневика. Да и свои это могут быть, после бомбардировки бои в городе совсем стихли. А своих убивать... Их и враги немало положили.

Поэтому я, вздохнув обречённо, распахнул бронедверцу и ступил на землю.

Ноги удержали. Хотя голова поплыла.

— Зауряд-прапорщик Сабанеев, с кем имею честь? — козырнул военный, продолжая сжимать левой рукой приклад маузера.

— Уж не родня ли вам Леонид Сабанеев? Учивший меня удить рыбу... По книжкам, правда...

— Неловко признавать, — на миг смутился недоофицер — зауряд-прапорщик это уже не нижний чин, но

и не офицер ещё. — Это мой отец. А вы, простите, сударь, не имел чести быть представлен...

— Любавин, Михал Михалыч, хотя вряд ли это вам что-то говорит. Отставной капитан первого ранга.

Зауряд-прапорщик вытянулся во фрунт:

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие!

— Полно вам, прапорщик, — я не стал акцентировать внимание на приставке к его званию, которая понижала потомка известного дворянина и популяризатора охоты и рыбалки до обычного унтер-офицера. Унтер Пришибеева, как нас учили в школе. Благодаря другому классику, но уже не от рыбалки, а от литературы. — Мы тут заблудились малость. И после бомбёжки ещё в себя не пришли. И в штаб не донесли. О просьбе штабс-капитана Гурдова. «Задание выполнил... Проход открыт...» — успел он сказать перед смертью. Но, право слово, ни о задании, ни о проходе я не в курсе. Хотя, не исключено, это уже и не имеет значения. Ведь погнали же троцкистов?

— Так точно, вашбродь, — зауряд-прапорщик решил больше не выслуживаться. Лапу от уха уронил, ногу, как и допустимо по уставу, расслабил. И даже обращение сократил до минимума, допустимого разве что для Пелагеи. Да и то потому, что ей за это ничего не будет. А прапорщика могут и вздрючить. Но война, кому сейчас до формальностей...

И всё же потомок выдающегося человека и сам оказался человеком порядочным. Что можно было понять по его довольно холёным для военных условий рукам. Такие у музыканта могут быть, а не у военного на передовой.

— По поводу задания Гурдова сказать ничего не могу. Он на особом счету был. Так что о проходе мне тоже неизвестно. Однако в штаб всё ж доложить надобно.

— Леонид Леонидыч, — окликнули моего визави из-за броневика. — Тут барышня...

— Со мной сестра милосердия. Из уездной больницы. Она с напарницей на поезд не успела... Ну, тот, который...

Прапорщик нахмурился:

— Такая потеря... И наступление чуть не сорвалось. Все силы на лодках бросили на спасение. Выживших до сих пор находят. Но погибших — сотни... И мост... Разрушен. Теперь подмога только баржами. Ну и выше по реке. А вы? Вы как здесь?

— Я тоже должен был быть в том поезде. Лежал в больнице. После контузии. С потерей памяти. Не успел. Барышни за мной вернулись. А я их не уберёг...

— А в броневике же кто?

— Только одна из них. Пелагея. А Дарья... Дарья Матвеевна Сверчкова погибла...

— Уж не та ли это Даша...

— Та самая...

Мы понимали друг друга с полуслова. словно старые знакомые. Или сослуживцы. Хотя я был вдвое старше прапорщика. А у него за спиной родословная. И целый век между нами...

— Барон Шиллинг, — зауряд-прапорщик кивнул одному из двоих своих сопровождающих, занимавших позицию за броневиком. — Не считите за труд, сопроводите их благородие до штаба. Они теперь занимают паровозный завод — это он уже мне, поясняя дорогу. И тут же барону: —

Заодно попросите своего дядюшку, буде свидитесь при штабе, может, нам передадут бронемашину Гурдова. Штабс-капитану она теперь без надобности. И от его отряда никого не осталось, он был последним. Превратности судьбы: был первым, кто организовал бронеотряд, погиб последним в его рядах. Печальна участь героев. — Этот экскурс, похоже, был для меня. — Вы не против, вашбродь, чтоб машина нам досталась? Не как трофей, а в память о павших героях. — Это опять мне. Без особого почтения. И не ожидая отказа.

— Разве что после ремонта, — не стал упираться я. — Два пулемёта мертвы, что с ходовой — сказать не возьмусь, скрипит, всё скрипит. И внутри... Сами посмотрите, — я отступил от двери, приглашая прапорщика заглянуть внутрь.

Маузером он сдвинул свою фуражку на затылок:

— Прошу прощения, сударыня, — в ответ Пелагея громко разрыдалась.

Прапорщик конфузливо отступил от броневика.

— Барон, в добрый путь. И машина, в которой мы нуждаемся, требует починки, и наши гости пережили не самый простой день. А вам потом ещё возвращаться... Гоните через Американский мост. Если он уцелел. Не то бросите машину и на лодке переправитесь. А там уж рукой подать.

Барон, лет сорока пяти, или чуть старше, может и был недоволен что им распоряжается какой-то зауряд-прапорщик, но виду не подал. Зауряд-прапорщик хоть и был недоофицером, но формально считался начальником. А это выше сословных условностей. И мы покатили.

Улицы, по которым гроыхали колёса броневика, ещё не носили имён большевиков и комиссаров, убитых в

пьяных драках в бане или при делёжке хабара, но уже отдалённо напоминали мне те, что были знакомы. Может, разрухой? Так по иному и быть не могло, только утром бомбовый удар пришёлся по центру города. Но почему и в моём времени, где ни одна бомба не упала на город после артиллерийского расстрела восставших против советской власти, ни дорог, ни улиц, а дома — словно после бомбёжки, результаты которой я наблюдал сквозь смотровую щель с водительского сиденья?

Мост на Московском проспекте удивил меня своим видом, но значение имело то, что он уцелел.

20

— Здесь налево, — не открывая глаз, тихо, но властно скомандовал молчавший всю дорогу Звяга. Так, что я ничуть не усомнился в его правоте. Хотя мысленно и был не согласен с таким манёвром. Посреди будущего Московского проспекта. Через сплошную разделительную, которой ещё не было. И не могло быть в пыли проезжей части с накатанными колеями. Не доезжая до Московского же вокзала. Которого здесь, судя по всему, не было. А вот железнодорожный путь над трассой несуществующего проспекта — назвать проспектом пусть и широкую, но пыльную грунтовку язык не поворачивался, был. К истоку этого пути, терявшегося где-то за деревьями на взгорке, мы и свернули. Вопреки ещё несуществующим правилам дорожного движения. Или здесь несуществующим. Потому как какие правила посреди грунтовки, едва обозначенной бутовым камнем по краям.

К стальным воротам, выглядевшим инородным телом в этом месте, я подкатил довольно лихо. И вопросов не задавал. Хотя и был их целый вагон. Хватило бы, записав на бумажках, заполнить таковой, стоящий сразу за воротами. Теплушка с виду, двухосная, с трубой буржуйки над крышей, но вполне вместительная. В такую набивалось в воинских эшелонах человек сорок. И каждый со своими мыслями. И вопросами. Однако я и сейчас промолчал. Чему была иная, нежели страх окончательно разбудить Звягу, причина. Управление бронеходом под конец пути давалось мне всё тяжелее. Передачи входили с трудом, баранка стала не просто неповоротливой, даже не свинцом — бетоном будто налилась. Да так, что я изрядно взмок, ворочая её. И был рад тому, что мы приехали. Хотя и сказала это не Алиса из навигатора, а сидящий рядом предсказатель. Из-за которого я едва головы не лишился. Ну, да кто старое помянет...

Вот только все русские пословицы хороши и близки к истине, когда их используют полностью, половинчатый вариант всегда чреват. Как и сейчас. Приехать-то мы приехали, и обиды на Звягу я позабыл, но могу и двух глаз лишиться. Если позабуду всё, что случилось. Потому-то как полная поговорка меняет смысл: кто старое помянет, тому глаз вон, а кто забудет — тому оба...

Тормоза сработали как надо. Даже намёк на то, чтоб бронеходу юзом пойти, обозначили. Соратники Звяги, как горох, посыпались из кунга. Последние передали первым не подающую признаков жизни Ию. Потом помогли Казе, но она и сама уже оклемалась, разве что бледное личико кровью засохшей перепачкано.

Мою же спасительницу чуть ли не бегом внесли в дом — барачного типа, с подслеповатыми окнами и провисшими на оторванных петлях ставнями. Но зато со свежевыкрашенной охрой дверью, за которой нас, как мне показалось, уже ждали. Во-первых, и дверь распахнулась ещё до того, как дружки Звяги взбежали на крыльцо, и из дверного проёма потянуло сладким запахом лекарств и...

Второй запах привлёк меня куда больше. Еда.

Я и не помнил, когда ел нормально. На свадьбе Онисима? Да и то отключился прежде, чем насытился. По крайней мере, чувства сытости от свадебного стола не осталось и на грош.

Желудок предательски взвыл. Да так, что, боюсь, все окрест услышали. Хотя обернулась только Казимира. Правда, вполне возможно не на меня, а на своего тёзку, который, переваливаясь, выпал из кабины. Но устоял. С трудом, но всё ж на своих двоих остался. Не то что я.

После поездки меня мутило, как после отвратительной килевой качки. Пусть и выворачивало меня от неё в последний раз ещё на штурманской практике после первого курса училища. Зато сейчас состояние было точно таким же. Ещё не рвало, но внутренности подкатились к горлу, и в любой момент могли вывалиться наружу.

Пришлось схватиться рукой, разодранной отдачей затвора, за кузов барбухайки. И присесть на корточках. Чтوب, по крайней мере, казаться меньше, когда начну исторгать из себя остатки желудка и желчи. С мелкого-то какой спрос?

Но на меня внимания никто не обратил. А вот к Звяге подскочили сразу два его дружка:

— Казимир, ну что же ты... Нельзя было, ох, нельзя тебе было...

Что нельзя, никто так и не объяснил.

Предсказатель ранен? Или болен? Он же был в бегах, всякое могло случиться...

Уже и Казя подалась в домик вслед за тёзкой, которого увели под руки, и все дружки Звяги за охряной дверью скрылись, а я так и сидел в одиночестве у заднего колеса бронехода, враз ставшего ненужным. Как и я.

«И не бояться, что сбегу?» — лениво шевельнулось в голове. Но как тут сбежишь, если голос желудка уже позвал туда же, куда ушли все, кто приехал в барбухайке.

С трудом поднявшись на ноги, я шагнул следом за скрывшимися в доме подельниками Звяги.

Перед самым моим носом охряная дверь распахнулась. Чтоб окончательно забить запахами мысли о риске и прочем.

— Это вы, дядечка, страдалец за Казимира?

Пигалица, лет семи, смотрела на меня во все глаза. Рыженькая, с двумя косичками. И целой россыпью веснушек на открытом и добром лице. Местная. На привезённых и погибших девственниц не похожа. Уж больно проста. Но откуда она такие слова взяла? Или меня действительно так тут величают?

— Мне б попить... А лучше поесть... — не стал я лукавить. Тем более, что не знал ответа на поставленный вопрос.

— Проходите, мама уже на стол накрывает.

Дважды приглашать меня не пришлось. Но и поесть спокойно не вышло.

— Значит, Михалыч, говоришь, — сидевший во главе длинного и пустого стола Казимир, чтоб взглянуть мне в лицо, отстранился от перевязывавшей ему грудь женщины, пышной, со сдобной задницей и не менее сдобными грудями.

Мне в пору было затылок чесать: вроде я ему Михаилом представился, а не так фамильярно. Но уточнять не стал.

— Можешь хоть упырём звать, — я неловко опустился на лавку напротив прорицателя.

— Так звать тебя есть кому. И в Романове. И среди тех, кто бежал отсель в Югскую Дорофееву пúстынь...

— Куда? — выпучил я глаза.

— В монастырь. Мужской. Выше по течению. — Звяга поморщился, когда женщина, надкусив материю, рывком надорвала полотняные ленты чтоб завязать концы. — Ну, да, тебе ж неведомо то...

— Так просвети. А лучше для начала накорми, голодное брюхо к учению глухо.

Звяга левой, здоровой, похоже, рукой отодвинул свою лекарку. Или сестру милосердия. Милосердия в ней было куда больше, чем сестры. Ну и прочих прелестей, наверное, тоже было немало. Вот только сейчас она ему мешала. И прелестями тоже.

— За обедом и поговорим, — он неловко накинул на плечи рубаху, но не косоворотку, как можно было бы ожидать, а с пуговицами до подола.

Была ли улица, продолжавшая Американский мост Московским проспектом? Если и не была она проспектом, то Московской был точно, тут деваться некуда, направление такое. Да и странно было бы ждать от провинциальной улицы перспективы, не столько геометрической, сколько градостроительной. Пусть не питерских масштабов, с которых град Петров начинался, но всё ж и тут направление на столицу. И такое унылое...

Мостовую таковой тоже было сложно назвать. Местами мощёная, но большей частью просто подсыпанная щебёнкой просёлочная дорога. Пыльная. В выбоинах. С продавленными колеями.

Броневи́к грозил рассыпаться на такой дороге даже с большей вероятностью, чем на ухабах, по которым мы уже прошли. Там не было булыжников в основании дорожного полотна. Потому и трясло меньше. Или просто я на узких улочках старался не гнать? А тут, края улицы не увидев, вдавил газ. Вот и заколбасило. Да так, что Пелагея, на которую сразу после моста я оглянулся, сидела зелёным зелёная. Впрочем, сидевший рядом барон выглядел не лучше.

Меня и самого начинало мутить от тряски. Что ж, это вам не мой «шевалье», оставшийся где-то в далёком будущем. Да и оставшийся ли? Там, в будущем тоже ведь не всё так просто...

— Вон, там, чуть повыше, нам налево надо будет, — барон тронул меня за рукав кожанки, старая перекрычать тархтение движка.

Проецируя на дорогу моё видение проспекта из будущего, я засомневался в таком манёвре. Упрусь в насыпь

под нависшим над дорогой железнодорожным полотном. Но оказалось — ничего подобного. Сразу за насыпью открылся переулочек, узкий, двум телегам не разъехаться. Да ещё и в гору, вдоль железки.

Пришлось навалиться на педаль акселератора всем весом, добавить газу, перейдя на пониженную передачу.

С натугой, но броневик всё же въехал на площадку перед стальными воротами, распахнутыми настежь. В них угадывалось что-то знакомое, но вот что, хоть убей, не вспомню. Да и не был я здесь. Не то что б отродясь, но вроде ж не был...

В голове, правда, забрезжило нечто вроде узнавания, какое-то воспоминание. Однако тут барон проорал мне в ухо «Приехали!» и, не дожидаясь полной остановки, распахнул бронированную дверь.

Мы оказались на заводском подворье. И не просто завода.

Судя изобилию колёсных пар и заброшенных теплушек завод был вагоноремонтным. Или паровозоремонтным. Потому как и чёрных мазутных паровозов окрест было с десятков. В открытых дверях цехов, просто на подъездных путях. А некоторые, увечные, и без колеи стояли. Или лежали. Парочку чумазых монстров сбросило близким взрывом бомбы, ещё из-под одного выдернули колёса. То ли это подъёмочный ремонт, но посреди двора, без цеха — вряд ли, то ли попадание снаряда, разрушившего ведущую колёсную пару.

От такого увечья паровоз казался присевшим, с наклоном в одну сторону. Но, не обращая внимание ни на

увечья железных монстров, ни на ещё курящиеся дымком воронки, вокруг сновали люди. Много людей. В форме и без. Впрочем, по этим временам любая одёжка могла быть формой. Как моя кожанка. Не моя, конечно, но на мне, снятая со штабс-капитана Гурдова. А уж он-то, надо полагать, в форме разбирался.

Я если и разбирался в чём, то в слезах. Дамских. Сейчас такие слёзы проливала Пелагея. И сколько ж их у неё! Почитай, со смерти Дарьи льёт, обезвоживание давно должно было наступить. А она всё рыдает и рыдает.

— Выходим, — тронул я девушку за плечо. Слёзы ещё пачкали запylённое лицо, но рыданий уже не было слышно. Или это я оглох? Не мудрено...

Барон, выскочивший первым, уже ухватил кого-то за отворот солдатского бушлата и что-то втирал горемычному. Судя по безумному взгляду, жертва барона была не в курсе его требований и желаний. Но, под конец, всё ж удручённо махнула рукой куда-то за спину. Где толпились уже более прилично одетые люди. Не в пиджаки и пальта, а во френчи и бурки. Зато чистенькие, никаких тебе армейских бушлатов и стоптанных ботинок.

Штабные. И как только это они отважились и как сумели буквально на закорках у наступающих так далеко выдвинуться вперёд?

Ответ угадывался. Заводское подворье было забито автомобилями, мотоциклами и всхрапывающими в страхе перед стальными конями лошадьми. Брошенный броневик в этой кутерьме никого не интересовал. И будь исправны пулемёты, тут бы могло и закончиться наступление на троцкистов. Разом положить всё руководящее начальство

врага... Да это ж мечта любой разведки! А тут тебе никакой организации службы. Не говоря уж о противодиверсионных мероприятиях. Вооружены все, да только это бутафория! Каждый занят своим делом. И до общей безопасности дела нет никому. А броневики уже на подворье. Хорошо, что свой. А если б троцкисты прикатили?

Об этом даже думать не хотелось. Раз за разом всплывал образ срывающегося с пролёта моста вагона с красным крестом на боку. Поверх белого круга...

Опять в голове какие-то обрывки воспоминаний всплыли. Но вновь что-то было не так. И поэтому не удавалось до конца сложить мозаику минувших событий. И новых, уже наслаивающихся на уходящий день.

Отвыкнув, и давно, от суеты, я даже поплыл сознанием малость. Только присутствие Пелагеи, которой было ещё хуже, поддерживало меня. Да барон, похоже, своего добился. После испуганного бойца в бушлате он приволок к броневикам явно офицера. И не из последних.

Придерживая шашку, вновь прибывший лихо козырнул мне:

— Здравжел, вашбродь! — понятно, не до тонкостей этикета, пусть и военного.

— В отставке я, не до церемоний, — довольно невежливо отмахнулся самозванец в моём лице.

Но всё ж я был польщён. Война войной, а чинопочитание никто не отменял. Даже если я и отставной козы барабанщик. И это грело уставшую душу отставного каперанга.

— Так что, не извольте беспокоиться, броневики сейчас возьмут в ремонт. Потом поутру отправят на передовую. Как барон того и просил.

— Успеют? — засомневался я. Ведь не взглянул даже на машину. — А что ремонтники скажут?

— А что скажут? Отремонтируют, а как же! Спать-есть не будут, но сделают. Всё для фронта...

— Барышню вот пристроить бы, — спустил я военного с пафосного настроения на грешную землю.

— Не сомневайтесь даже! Прямо сейчас и провожу. У нас тут и лазарет. И вас, кстати, осмотрят. Барон мне сказал, под бомбёжку попали...

— Было дело. Но я в норме. Перекусить бы только...

— Организуем!

Вояка, не оглядываясь, схватил пробегающего мимо бойца, подметавшего двор развевающимися полами шинели явно с чужого плеча.

— Стоять!

Парень крестьянского склада, с таким добрейшим, слегка глуповатым выражением лица, ошарашенно встал как вкопанный. Винтовку едва не выронил, а так затормозил очень даже лихо, на пять с плюсом.

— Проводи их благородие на кухню, там уже столы развернули. И мигом мне! Одна нога там — вторая уже тут!

А сам уже Пелагею под руку подцепил.

— Э, э, э!!! Смотрите мне там, поручик! — наобум я кинулся званием в присланного бароном вояку. Сам барон уже, похоже, нашёл своего родственничка, и что-то особо упорно втирал невысокому толстячку, во френче и в сбитой на затылок фуражке. В нём мало чего было от военного. За

исключением разве что формы. Да и та сидела на нём, как на корове седло. Цивильный, за версту «шпаком» несёт. Однако ж эта разномастная по форме и содержанию масса таки ломит троцкистов. Которых поддерживает немчура. И своим орднунгом, и оружием. Так что не мне вмешиваться. И в то, как победители поведут себя. С населением. Женского полу, естественно. И что с того, что Пелагея из своих? Мало ли таких девчонок пали жертвой похоти войны? И не только от рук врага...

Но Пелагея сама приняла решение.

Вырвав руку из цепких, надо полагать, пальцев военного, она шагнула ко мне.

— Без Михал Михалыча никуда не пойду!

Служивый сморщил носик. Был-то он пацан пацаном, курносый, с веснушками на пухленьких щёчках, с пушком под этим самым носиком, сморщенным даже не из-за того, что барышня сорвалась с крючка, а по причине невозможности продлить приключение. Для него война была ещё игрой. Хотя, не исключено, паренёк уже и видел первую кровь.

— Бегом! Куда шёл! — тут же отфутболил он ставшего ненужным солдата. И, печатая шаг, прошёл вперёд: — Прошу за мной.

22

Все вожди, едва оперившись, начинают одинаково. Со стола. Который для них с этих пор накрывают отдельно. Вот только я в этот момент не возражал супротив такой привилегии Звяги. Уж больно есть хотелось. Так что, когда на столе появилось пока ещё только одно блюдо — с грубо

нарезанными кусками хлеба, рыхлого, ржавого цвета, но дурманяще пахнувшего дымком печи, я невольно протянул руку. И тут же её одёрнул. А ну как хозяин приструнит гостя, и врежет по руке или по лбу положенной ему под левую, здоровую руку ложкой? Ложка была немаленькая, такой и кисть сломать можно. Поэтому я решил повременить, дожждаться приглашения. Особого, как говорили в тех случаях, когда к столу позвали, а гость менжуется. Ситуация был обратная, но особого приглашения или хотя бы намёка на него дожждаться стоило. Но и заполнить паузу, пока хозяйка барака, закончив с перевязкой раненого, метала на стол вместе с дочкой-малевкой угощения и разносолы.

— Что там с девушками? — поинтересовался я. Ну, разве что в расчёте на дар Звяги. Потому как сам он был под лекарским надзором, и участью Кази и Ии не мог лично поинтересоваться.

— О младшей вообще можно не беспокоиться, — похоже, и моё «предвидение» проснулось, я угадал, что Звяга своим даром воспользуется, а не будет посыльных слать и докладов ждать. — А вот с суженой моей дела плохи.

— С кем? — дотянувшись всё же до краюхи хлеба, я едва не подавился корочкой. Какой такой суженой? А как же я?

Впрочем, какой там я... Я — всего лишь скиталец и вневременной бродяга. Мне ли портить девчат этого века? Разве что покойную Маргану...

— Не перебивай аппетит хлебом, — бросил мне через стол Казимир. — И да, ты прав, она не твоя — моя суженая. Что же до Марганы, так и она далеко не покойница. Хотя и

не твоего поля ягода. Чему ты радоваться должён. Потому как иначе быть тебе покойником.

Час от часу не легче! Звяга ещё и в моей голове ковыряется, мысли читает...

Стоп! За откровением о мыслечтении я едва не упустил куда более важную новость. Маргана жива! А как же пуля в лоб, кровь из-под клобука?

— То была подстава, — я и додумать не успел, а Звяга уже отвечал мне: — Не была она уверена, что всё пройдёт гладко, что попы примут её вместо Иова. Вот и подстраховалась. Чтоб, значит, всё паучье гнездо истребить. Когда на свет они полезут. Так и вышло. Венчанный на Иова вседержителя бежал, как заяц бежал. Как только Маргана неожиданно воскресла. И все его холуи следом бежали. Кто пешком, кто лодками рванули в Югскую Дорофееву пúстынь...

Где такая, знать не знал. Но уточнять не стал. Всё равно не пойму. Да и ни к чему.

— Что-то не сходится, — я всё же проглотил кусок хлеба. — На «Бойком», посланном за девицами, о смене власти не знали. Да и погоню, когда мы развернулись, за нами выслали. На кой Маргане девственницы? Или она не вполне... хм... женщина? А может, балует с девчатами? Ну, раз она с мужиками никак...

— Пальцем в небо, — хмыкнул Звяга. — Всё случилось, едва погоня метнулась за уходящим из-под носа «Бойким». Так что на пароходе и не могли знать, что власть переменилась. Зато Онисим теперь знает.

Так, моя попытка прикрыть бегство механика в Кострому не удалась.

— А ты как думал? — тут же подхватил Звяга мою мысль. — Хлопцы мои и до «Бойкого» добежали, и углём его уже загрузили. До завтра подлатают, Онисим хлопец толковый. Да и мои не хуже. А там и я оклемаюсь от раны. Пойдём брать Романов. И выкуривать всю братию, кровью нашей питающуюся.

Ну, да всё правильно, до основанья, а затем...

Что будет затем, никто не знает. Но до основания — будет.

Грудастая хозяйка метнула на стол глиняное блюдо с грибами и картошкой. А её дочурка на равном удалении от меня и Звяги приткнула сковороду, на которой скворчала жареная рыба, разбрызгивая капли раскалённого масла по столу.

— Накладывай, — пригласил меня Звяга вкусить чем бог послал. И уговаривать меня не пришлось. Так что на плошку с серой квашеной капустой и миску с солёными груздями я даже не взглянул. Как и на появляющиеся на столе новые яства. Но уже после первой ложки жаркого пришлось задуматься — а не поспешил ли?

Миска у меня полна, да только вкус... Не картошка это с грибами. А нечто мне незнакомое. Вроде как капуста, и в то же время не она. И по виду, и по вкусу. Но съедобно. Так что грех жаловаться. Особенно с голодухи.

— Брюква это, — просветил меня Звяга, подслушивающий мои мысли. — Что, не нравится?

— Съедобно, — пробурчал я с набитым ртом.

— То-то же, — Звяга откинулся к стене, но ложку не выпустил. Судя по впалым щекам, он либо не ахти какой едок, либо рана или болезнь тайная на него свой отпечаток

наложили. Вот и выглядит он не фонтан. — Ты ешь, ешь, потом поговорим. Всё я тебе расскажу. Всё, что ты пытаешься спросить, да не знаешь, как подступиться. А надо прямо, без экивоков...

Я кивнул, и потянулся за рыбой. Хотя и не любитель. Особенно речной, с её мириадами мелких костей. Однако мяса сегодня явно не дождусь. Вон и Звяга на мою мысль не отреагировал. Хорошо, хоть не кашами кормят... Ладно бы гречневую, так её, поди, и нет здесь. Ну да это вопрос другой. Главное — сыт. Скоро буду.

— А ранен ты пошто? — пережёвывая брюкву, спросил я, надеясь уличить в дефекте предвидения моего визави.

— На зачем, а как — поправил меня Звяга. — Слишком уверовал, что всё идёт по плану. Да только план оказался... Как бы это сказать... С браком, что ли. Так ты говоришь?

— Типа того. А брак... Как у Марганы, что ль?

— У неё почти всё срослось. Если не брать в расчёт побег «Бойкого». И то, что я живой остался.

— С этого места — поподробнее, пожалуйста. С чувством, с толком, с расстановкой. Всё, что я пропустил.

— Не понимаю я тебя порой. Вроде и по-нашему говоришь, и тут же чужое что-то... Хотя суть ясна. В общем... В общих чертах, да.

Глядя на Звягу, я буквально видел, как он выуживает слова из моих мыслей.

— Бывает, брат, такое. В сто или в тыщу лет раз. Аль иначе как. Но случается: приходит в мир человек, которого потом назовут... да, мессией назовут. Или как иначе. Но

будет он глаголить истины. И предвидеть завтрашний день. Предсказатель, одним словом. И мысли, и дела он знает наперёд... Да только его самого участь незавидная ждёт. Но деваться некуда. Судьба такая, не он её выбирает, она его.

— Это-то мне в общих чертах понятно, не ты первый. И не исключено, не последний. Давай ближе к телу.

— Вот, опять... Вроде и понятно, но о чём? Тело опять же как понимать, — Звяга облизал ложку и бросил её на стол — насытился. Хотя, оказалось, он другое имел в виду: — Не обо мне речь. Я так, ошибка природы. И сгину во тьме. Грядущих веков. А вот ты, брат...

— Что я?

— Неужто не понял? Всё вокруг тебя вертится. И Маргана, и её планы. И мои, если на то пошло. Но суть в тебе. Сгинь ты — и не было б ничего. Ни суда скорого, ни побега «Бойкого». А там бы и мы не встретились. Но срослось. Не знаю, как. И куда выведет тож не ведаю. Юная сказительница разве что подскажет. Да её дар слаб покуда. А ждать, пока она вырастет, в силу войдёт — нету времени. И так, спасибо тебе, чудом мора избежали.

— Какого мора? — не понял я. Хотя в сознании забрезжил какой-то просвет.

— Того самого. Ради которого и катайцев Маргана наняла, и тебя к ним пристроила. Чтоб свалить потом вину. Ужель ты думал, что всё само так совпало? И хлопчик голодный из ниоткуда появился, и в корчме случайно к тебе подсел...

Вспышка в мозгу разом осветила воспоминания, из той, другой жизни. И всё стало как наяву.

— Не подсели. Подошли.

— Вот. Видать, вспоминаешь. Как выжил — не спрашиваю. Чудо то есть. Как я уже и говорил. Раз в тыщу лет. А может и ещё реже. Но от мора ты спас и город, и епархию. А то, что при том сгинуло сколько-то народу — так куда деваться. Даже хорошо, что сгинули. Не то, храни всевышний, разнесли бы заразу. Ту, что в полыме не сгорела. А так... Обошлось. Кровью, но малой. И Маргана допрежь сроку клыки показала. Как только в епархии засуетились после пропажи «Бойкого», так она и двинула своих дружинников да на их опричников.

— Пстой, пстой. Я уж запутался, у кого кто и кто за кого: опричники, дружинники, гвардейцы Иова и вот так начинай снова...

— Не в том суть, кого и как зовуть, — Звяга поднял крынку, сделал большой глоток, утёр усы над верхней губой, прихваченные белой пеной. Пиво? Я б тоже не прочь. Хотя и не большой любитель. Тем более какого-то древнего... Но Казимир выпить не предложил, а крынка на столе была одна. Не выхватывать же её у хозяина... — С недавних пор у каждого попа своя гвардия. Таковых, ты видеть был должен, не меньше дюжины. А ещё и городская опричина. У бургомистра, у цеховиков, да вот хотя бы и у меня. Больше ста душ. Дисциплинка хромает, оружия маловато, а так сила — ого-го какая! У бежавшего в пúстынь Иова и половины нет того. Разве что у Марганы поболее будет. Но это со всеми, кто примкнул к ней. Да и стрелять есть чем.

— Стрелять чем есть или есть из чего стрелять?

— В корень зришь, брат. С патронами беда. У всех. Потому как порох делать разучились. Как перестали земельные масла гореть, так и порох, почитай, иссяк. Но есть

у меня умельцы, и порох наладили, и капсюли. Маловато латуни, но даже на хороший бой патронов хватит. А с твоей помощью да Онисима и автоматов прибавилось. Авось, одолеем.

— Всё у вас на авось, — буркнул я, поглядывая на крынку. Брюква увязла в горле, да и рыба уже остыла, ещё не костью, но уже липкой массой перекрыла дыхание.

— Либуша! — гаркнул Звяга, глядя как я задыхаюсь. И подмигнул. Издевается, что ль? Оказалось, всё не так, как я подумал: — Только ты её так не зови, обидится. Скажет, какая же я тонкая? И тряпками, тряпками... Хуже, когда мокрыми... А мне так можно. Вот и зову Либушей...

Он ещё раз подмигнул до того, как в комнату вплыла далеко не тонкая хозяйка. И лекарка, и кухарка, и подавальщица. Из-за её подола выглянула и пигалица, которая в дом меня привела.

— Хозяюшка, а што ж ты гостю пива-то не подала? Гневается. И давится. — Звяга ещё раз подмигнул. Теперь уже всем присутствующим. И пигалица из-за широкой спины матери прыснула смехом. А хозяйка уже метнулась за дверь, чтоб тут же выставить передо мной запотевшую крынку. Куда я немедленно макнул губы. И нос — в пену.

— Вы ешьте, ешьте, у меня ещё наготовлено, — подала голос Либуша. И кто её таким имечком наградил? Конечно, если я правильно понял, что значит оно тонкая. Или стройная. Хотя, быть может, в юности или в девичестве и была она тонкой, но сейчас...

Пиво, на удивление, оказалось, как из фирменных подвалов лучших магазинов моего времени. Да ещё и

холодное. Так что я не отрывался от крынки, покуда в ней едва половина содержимого осталась.

Крякнул.

— Хороша, — прошептал как мог громко — голос ещё не слушался после сдавливания глотки. И то ли это Либуша была хороша, то ли выставленная ею крынка. Хотя скорее её содержимое. Не Либуши, до него меня допустят вряд ли. Да и о Весее вспомнить надо бы. И поинтересоваться. Хотя бы для блезира.

Я и спросил. Когда хозяйка вышла. Не при посторонней же женщине интересоваться другой...

— Я уж думал, и не спросишь. Олеся её умыкнула. Как ты ушёл, так она и свела со двора твою Весею. Травой корчма поросла. Знать, не по её вышло, не так, как видела Олеся. Или сама Маргана.

— Тут такое дело, — кашлянул я в кулак. — Та же Олеся сказала, что понесла Весея. Раз только и было у нас, да и явилась знахарка через пять минут после того, но что сказала, то сказала...

— Так вот почему она её увела! Испугалась... Ну и на тебя узду на всяк случай заготовила. Чтоб не брыкался, если выживешь. Далеко глядит... Мне с ней не сравниться.

— Да у вас тут, как я погляжу, одни прорицатели. А толку — чуть.

— И тут ты прав, брат. Видят многие, но всяк по-своему. И не без изъяну. Потому и сбывается то ли не всё, то ли не так.

За дверью послышалась суета, затем сдавленное «Не пущу!».

— Да пушай заходит она, Либуша, не объест поди, — Звяга, видать, уже знал, кто за дверью. Стоило ему только глаза прикрыть.

В комнату влетела растрёпанная Казя:

— Дядя Казимир! Ты как?!

Мы оба обернулись к ней. Но Звяга, при всей его проницательности и предсказательности, зря пялился на девчонку.

Дядей Казимиром она выбрала меня...

23

Оловянные миски, такие же кружки. Стол из нестроганных досок. Лавка вдоль стола. Дюжина вояк доедает что-то, что повар в колпаке и некогда белой куртке, зачерпнув из здорового лагуна, раздаёт по тарелкам. Суп — не суп, каша — не каша. Варено. Но запах...

Не скажу, что бесподобный, но на голодный желудок...

— Прошу, — церемонно подвинул лавку наш сопровождающий, давая возможность Пелагее сесть, не переваливаясь через длиннущее, на десять человек, не меньше посадочное место, а обойти сбоку.

Вспомнив годы срочной службы, я просто переступил через скамью и взял в руки миску. Пальцы тут же прилипли. Но демонстрировать брезгливость я не стал. Хотя ложку украдкой вытер о рубаху под кожанкой. Так, чтоб девушка не заметила.

Что обо мне подумает сопровождающий, меня не интересовало. Как и мнение вошедшего следом за нами барона. Он тоже уселся за стол. И тоже лишь поморщился на

липкую миску. А вот ложку церемонно вытер батистовым платочком, который убрал в нагрудный карман френча. Подарок дамы сердца? Ну, ну... Защитит ли он от поноса...

— Полно вам, барон, — сопровождающий пристыдил старшего товарища. По праву хозяина? — Никто ещё не отравился. И повар хорош, и для дезинфекции у нас всегда есть. Он щёлкнул себя пальцами по горлу межнациональным, надо полагать, жестом и подмигнул Пелагее: — Вы как, барышня, смотрите на то, чтоб острограммиться? Или не приучены в больнице?

Пелагея зарделась. Но кружку подставила. И наш сопровождающий лихим гусарским жестом подозвал повара. А тот, немолодой, судьбою битый, знал, что требуют господа офицеры. И уже тащил подмышкой бутыл с прозрачной, как слеза младенца, жидкостью. Литров эдак пять, не меньше.

— Колька, неси запить господам! — гаркнул повар куда-то в сторону двери в дальней части помещения, приспособленного под столовую. Приспособленного видать задолго до атаки. Иными словами, ещё поутру здесь, похоже, пировали или накатывали наркомовские сто грамм троцкисты. А теперь наш черёд. Но без наркомовских. Потому как это у них Троцкий, и нарком, наверное, тоже есть. А у нас тут какая-то демократия. На грани анархии...

— Ну, за победу!

Наш сопровождающий запивон дожидаться не стал, и опрокинул в себя содержимое оловянной кружки. Мы с бароном последовали его примеру. И только Пелагея манерно сморщила носик. Но тоже махнула залпом. И перед плотно сжатыми губами помахала перепачканной ручкой,

прежде чем схватить кружку с водой, подставленную хлопчиком с белёсым чубом и стриженным затылком. Колька, надо полагать. На сына полка не тянет — без формы, в льняных портках в полоску, в рубаше навыпуск. Случайно к кухне, видать, прибилсь, вот и отрабатывает кормёжку.

Но тут спирт чуть не свалил меня с ног, и мальчонку пришлось забыть. Давненько я не глотал чистую огненную воду... Но после неё невзрачный харч пошёл за милую душу, я даже вникать не стал: каша, суп ли или рагу в миске. И ложку отложил только тогда, когда она стала оставлять на дне миски тёмные полосы.

— Ну, и кто это тут нам броневи́к пригнал? — раздалось за нашими спинами. Раздалось гулко, мощно, я бы даже сказал нахраписто.

Чуть повернув голову, бросил беглый взгляд за спину. В дверном проёме, широко расставив ноги и распахнув на груди бекешу, стоял высокий блондин. Несмотря на лето он пребывал в белой папаше, из-под которой по краям розовых мясистых щёк струились белые буруны бакенбард. Облик вновь прибывшего дополняли кожаные ремни, которыми он был буквально опоясан, словно боялся рассыпаться, и маузер на боку. И всё это под пепельно-белой бекешей, смотревшейся среди войны и лета ещё более чуждо, чем поварской колпак над замызганной белой курткой солдата-кашевара.

Пьян, с полувзгляда определил я. И наглец. Это уже второй половиной взгляда оценил.

— С кем имею честь? — осадил я хама.

— Подполковник Лейтнер, Владилен Георгиевич. Командир батальона обеспечения, этими вот горшками

командую, — блондин хохотнул и приосанился, кивнув повару. Тот шустро метнулся в закуток за своим лагуном и тут же вернулся. Но на сей раз не с бутылкой, а с лафитничком. С такой хорошо притёртой пробкой, что ему пришлось повозиться, открывая запотевший сосуд одной рукой. Немудрено, в другой руке повара были две махонькие рюмочки, гранёные, но явно не простого стекла.

— Капитан 1 первого ранга в отставке Любавин, — привстал я со своего места, честь по чести, и абсолютно честно представившись.

— Ваше высокоблагородие, — шаркнул ножкой подполковник, вроде по правилам, а там кто его знает, но явно с издёвкой в голосе. Лейтнер перехватил рюмашки, уже наполненные поваром: — Не сочтите за наглость, пригубить со мной. Французский коньячок, ещё до смуты поставлен из самого Парижу, тятенька мой большой был любитель. Бочками заказывал, вот, сохранилось до нашей победы.

— Чего ж не пригубить, — после спирта меня повело. И, как развязавшего алкоголика, тянуло продолжить. А уж то, что коньячком, который я не очень жаловал, так то в другой жизни было. И вряд ли будет предложено когда-либо ещё.

Я выбрался из-за стола под неодобрительные взгляды барона и сопровождавшего нас с Пелагеей юного офицера, явно мечтавшего о большем, чем просто посидеть рядом с барышней. Что ж, пусть, я как раз освободил ему пространство для манёвра.

Подполковник, когда мы оказались лицом к лицу, выглядел ещё более пьяным, чем мне показалось с первого

взгляда. А вот наглость я уже не стал замечать, перехватив наполненную до краёв рюмку недрогнувшей рукой.

Мы чопорно чокнулись.

— За победу! — Лейтнер высоко запрокинул голову и влил в себя коньяк. Только кадык ходуном заходил.

Я спешить не стал. Понюхал. Пригубил. Да, это был не спирт. И даже не армянские «Три звёздочки», или сколько их там.

— За то, чтоб дожить до победы, — на моё алаверды одобрительно вскинули головы не только барон с юнцом, но и вояки в другом конце зала.

Победа, дух которой уже, кажется, витал в воздухе, не была самоцелью не только у меня, как оказалось. Что от победы проку, если тебя нет? Не много ума надо, чтоб умереть за родину. Куда сложнее жить за неё. Особенно за такую, как у нас. Которая частенько ведёт себя в отношении своих детей хуже мачехи. Страна-палач. Истребляющая лучших, чтоб хорошо жилось мнящим себя избранными. Но коньячок махнул не без удовольствия. Хоть и понимал, что из рук таких, как Лейтнер, лучше сразу вкусить яду. Они-то как раз и провозглашают себя родиной. Или наделяют себя правом говорить от её имени. Вот только, утешал я себя, сейчас я слишком устал, чтоб противиться этому натиску. Потом. Как-нибудь...

Хмель ударил в голову. Я покачнулся.

Положение спасла Пелагея. Словно почуяв неладное, она обернулась, схватила меня за руку:

— Михал Михалыч, миленький! Вы как?! Нельзя вам было...

Я не дослушал, устало опускаясь на лавку, спиной к столу. Но руку девушки не выпустил.

24

Обеденная зала перестала кружиться. Я спиной приналёг на столешницу, усидел. Да и Пелагея удержала. Маленькая, но сильная. Сколько ей пришлось больных и раненых перетаскать, чтоб такую силу набрать?

Осоловелый Лейтнер взирал на суету вокруг меня, ничего не понимая.

— Господин подполковник, Михал Михалыча надобно в лазарет. — В голосе Пелагеи была сталь, не терпящая возражений. — Он и к нам в земскую-то поступил после тяжелейшей контузии, с амнезией. Да и пока к вам пробились, под бомбёжку попали. А до того на засаду напоролись. Французский коньячок, конечно, хорошо, для сосудов, но и отдохнуть ему бы надобно.

Девушка выговаривала комбату, не давая вставить слово в ответ. И Лейтнер только тупо кивал в ответ.

Лейтнер.

Где я слышал эту фамилию? При том, что память на них у меня хуже некуда, не то что зрительная, ошибиться я не мог. Фамилия была знакома. Но как? Здесь я никого не знал. Даже Сабанеев был знаком совсем по иному поводу, да и не он сам, а его отец. Точнее, книжка его. А вот Лейтнер...

Нет, точно уже где-то слышал. Вот только двойственность сознания, грозящего покинуть меня, мешает вспомнить.

Устав кивать, выслушивая упрёки Пелагеи, подполковник, даже протрезвев, как мне показалось, скомкал в руках свою белоснежную папаху:

— Я распоряжусь. Сейчас только проверю готовность бронемотрисы, время её настало, и распоряжусь по поводу лазарета.

Я хотел махнуть рукой, не надо, мол, лазарета. Но тут меня словно обожгло воспоминание.

Завод. Мотриса. А до того...

До того блондин, которому я влепил пулю в лоб. А звали его...

Сергей. Сергей Владиленович. И фамилия...

Ну, да, точно. Лейтнер. Я ещё тогда подумал, и как с такой фамилией он в органы попал? Но акцентировать внимание на этом не стал. Ни своё, ни рассказывающей о том златокудрой Яны. Которая и сама-то не Яной совсем оказалась, а Леной. И которую я тоже убил. Или не я? Это сейчас не так важно. Я мыслю по древу расплылся о другом.

Сыном подполковника Лейтнера Сергей, приютивший девушку, едва не ставшую моей убийцей, вряд ли мог быть. А вот внуком — запросто. Но и это не важно!

Важно то, что замыкается круг! Ведь я здесь был. Рядышком где-то. В мотрисе.

Броневагон! Вот что мне нужно! Там всё началось, там всё и закончится.

Хотя... Началось-то не там. Но конец же должен где-то быть! И почему не здесь? В смысле не там, не в бронемотрисе, как назвал её подполковник Лейтнер.

Кстати, внучок-то его тоже небось подполковником был? Недополковники они такие, знавал я одного в нашем времени, ох, набедокурил...

— Владилен... — я напряг память: — Георгиевич! Не станете вы возражать, если я вам компанию составлю... По пути к бронемотрисе...

Пелагея тут же вскинулась:

— Вам лежать надо, а не по заводу бродить!

— Милая моя спасительница! В гробу я ещё належусь! А чтоб не беспокоилась, составь компанию. Подполковник, думаю, возражать не станет. Если меня возьмёт.

— Ваше высокоблагородие, барышня, — Лейтнер прищёлкнул каблуками. Похоже, тут, в тылу, они особо усердны каблуками щёлкать. Вот бы их всех на передовую... Но сейчас первым делом мотриса. Как самолёты. Которые тоже были первым делом. А стали и последним. Для Нестерова. Для Калинина, пусть и в другом измерении. Для Даши. Хотя и совсем не так, как для первых двух...

Лейтнер вышел первым, а Пелагея прижалась ко мне. На зависть сопроводившему нас в столовую юнцу с шашкой на боку. Его зависть могла бы вообще стать лютой, будь у него возможность увидеть, что на крыльце Пелагея уже не просто прижималась ко мне, а тянулась губами к лицу. Вот только не для поцелуя.

— Берегитесь, Михал Михалыч. Этот щёголь и передал Дашеньке письмо, после которого она и сорвалась в Москву. Дальше вы всё знаете...

Я с нескрываемой ненавистью посмотрел в затылок Лейтнера. Так посмотрел, что он видать почувствовал что-то. И

даже споткнулся. Хотя кто его знает, может, из-за того, что был пьян.

Но на ногах устоял, и повёл нас в густеющие сумерки меж маячивших на путях колёсных пар.

25

...— Михаилом меня зовут. Но в силу возраста — уже Михалыч. Можно и так, а можно — Михал Михалыч. А Казимир — вот он, Звяга. Он, как и ты, видит будущее. Ну или что там ещё вы видите. А мне того не дано. Хоть и пытались меня к этому привлечь. Или за это.

Казя никак не могла согласиться с тем, что я не Казимир. Или не дядя. Звяга только лыбился на мои потуги переубедить девчонку.

— Ты бы зубы не скалил, — беззлобно обронил я в сторону Звяги. — А лучше подумал о том, чем ты лучше Иова. Или Марганы, я уж не поспеваю за вашими перетасовками.

— Ты это о чём? — напрягся Казимир, навалившись своей впалой грудью на стол. — Никак вздумал Ию отбить?

— Дурак ты, хоть и провидец. До Ии мне не то чтоб дела нет, но я ей без нужды. Ты — не знаю. Однако я и в молодости из-за женских юбок свар не затевал. Потому как знаю: выбор всегда за женщиной. Что бы мы, мужики, себе там не мнили. И не мнули... или мяли, — я осклабился, сморщив нос. И продолжил: — Ты пойми, вождь из народа только до той поры из народа, покуда с народом вровень. А чуть голову задрал, возгордился — и всё, коготок увяз. А там и птичке на раз пропасть. Вот ты тут стол себе соорудил, кухарку харч подавать пристроил, а бойцы твои чем сыты?

И не мыслят ли они на досуге о том, что много ты себе взял? Девушку, хоромы, еду...

Звяга потерябил свою бородку.

— Не все слова уразумел, но суть понял. Ну так вождь завсегда должен и есть лучше, и лучшую часть добычи иметь...

— Ну, да, ну, да, — согласился я на показ. Чтобы тут же отказаться от своих слов. — А потом, как Иов, бежать в пустыню... В смысле, в пúстынь какую-то.

— Так то Иов...

— И Иов, и Маргана, и все, кто прежде были, начинали с пиров и особых условий для себя — лучший кусок им, лучшие хоромы, лучшие девственницы, лучшая охрана. Но заканчивали тоже одинаково. Лучшая охрана могла стрелнуть в лоб. Или горло перерезать во сне. Если повезёт — то могли от смерти бежать. Тебе-то куда бежать? Ты тутошний, тебе здесь жить. И нечего с привилегий начинать новую жизнь.

— Так что ж, мне сказать Либуше, чтоб выкинула всё?

Я выразительно покрутил пальцем у виска. Не думаю, что здесь этот жест означал что-нибудь другое, а не то, что принято в моём времени. И месте. По поводу места я специально оговорился. Потому как в других краях, действительно, привычный жест может значить что-то иное. Ведь обыденно продемонстрированный «Ок!» из пальцев в колечке в Турции может жестоко обидеть, оскорбить подозрением в нетрадиционной ориентации. А большой палец вверх не всегда означает «супер» и «класс!». Порой

это ещё и «пошёл ты!». В некоторых странах. Хорошо, что не у нас...

Казя всё время заворожено смотрела на наш спор, не вмешиваясь. Но тут не сдержалась:

— А позови-ка всех за стол! Места, чай, хватит. И еды. И времени на то, чтоб дела обсудить.

— Устами ребёнка глаголит истина, — подвёл я итог.

— Я не ребёнок, — обиделась Казимира.

— Для меня так скорее да, чем нет, — оставил я за собой последнее слово. Но только в споре с девчонкой.

— Либуша! — гаркнул, откуда и сила взялась, Звяга.

В двери немедленно нарисовалась стряпуха.

— Зови всех. С кем я начинал. Совет держать будем. И это... Накормить бы их...

— Да где ж я наберу столько! — всплеснула пухлыми руками Либуша.

Но тут из-за её подола вновь показалось хитрое личико:

— В анбаре... В который ходить было не велено... Там, где дракона держат...

— Какого дракона? — встрепенулся я. В сказку попал? Поп-балда, дракон, нежить...

— Тебе кто разрешил? — кухарка замахнулась на дочурку полотенцем, которым была подпоясана вместо передника.

— Погодь, погодь, — остановил я окриком уже занесённую для удара руку. — Ну-ка, девочка, что за дракон и где он? Тебя, кстати, зовут как?

Мне, похоже, никак не избавиться от этой то ли привычки, то ли неумения выстроить разговор, и начинать беседу с тупого «Зовут тебя как?».

— Ветрана...

Пигалица сунула палец в рот.

— Ну, ну, не маленькая уже, пальцы сосать... — пристыдил я её. — Ты лучше про дракона давай...

Её мать, понимая что-то большее, чем ребёнок мог себе представить, застыла у притолоки. И смотрела на свою ветреную дочурку — я уж, похоже, стал разбираться в местных именах, разве что за исключением неких особенных, как у Марганы — со страхом и покорностью неизбежности.

— Так это ж... Дяденька страдалец, про дракона всем ведомо. Токмо ходить к нему запрещают.

— А мне вот нет, никто не сказывал, — я выразительно посмотрел на Звягу, потом перевёл взгляд на Казю. Ей, видать, тоже мало что известно, вон как рот приоткрыла. А ещё провидица...

— Я тебе потом расскажу, — подал голос Звяга.

— Ну уж нет, пусть Ветрана расскажет. А ты потом дополнишь — что да как.

По всему выходило — из рассказа девчушки, что едва ли не в соседнем строении, втайне от городских охранителей и цеховиков стоит под парами дракон. Чёрный. С громадным глазом во лбу. С тупым рогом. Которым он не бьёт, а чёрным дымом жжёт. Да только всё равно нельзя его дразнить, не то может всё кругом испепелить.

— Никак паровоз, — обратился я к Казимиру по некотором размышлении. Даже не с вопросом. Просто констатируя то, что понял.

— Так и есть, — развёл он руками. И повернулся к Либуше: — Чего застыла? Зови народ. И харч готовь. Где взять — знаешь. Дитё малое сказало же...

Либуша, проходя мимо, всё ж хлопнула дочурку полотенцем пониже спины. А пигалица, хихикнув, уже взобралась на лавку рядом с Казей:

— А правда, что вы в завтрево можете глянуть? Хоть одним глазком...

26

Прежде, чем заглядывать в будущее, требовалось решить насущные вопросы. А их только у меня накопилось, как я уже поминал, вагон и маленькая тележка. С учётом же братии Звяги, вопросов стало ещё больше. На целый эшелон. Даже без заданного пигалицей.

Но, как оказалось, эшелон нужен не для вопросов.

— Ну, што, братие, — дождавшись, когда мужики, оголодавшие не меньше меня, настылись и утомонились за столом, не то чтоб ломившимся от яств, но и не пустовавшим, Звяга негромким призывом оборвал все иные разговоры.

Вставать он не стал. Судя по всему, рана доставляла ему не только неудобства, но и немалую боль. Собравшиеся по его зову о том знали, я догадывался. Но как он схлопотал пулю — не ведал. А спрашивать не стал. Скажут, если сочтут нужным. И без того неведомо мне слишком много, усвоить хотя бы малую толику, чтоб понять происходящее...

За столом стихли не только разговоры, но и хруст от пережёвывания хрящей — к концу трапезы подали не то чтоб мясо, но курятину. Шестикрылого, но безногого цыплёнка, как шутили мы в училище, когда на ужин в меню тоже значилась курица. Потому как крылья у птицы, хоть и не летает курица, были, а вот ноги в наши тарелки не попадали. У поваров было кого кормить помимо курсантов. И не только в училище. Потому как с завидной регулярностью это случалось и потом, когда я лежал в разных больницах. И даже в санаториях. Везде одна история. Если курица — то безногая. Зато шестикрылая. Загадка природы, однако.

Здесь была та же история. Хоть и все свои вроде, и Звяга дал команду накормить голодный люд, но кухарка своё дело знала туго. Вроде и мясной стол, но братия прорицателя довольствовалась куриным костями. Которые обгладывались досконально, до блеска.

Теперь же и этот звук смолк. Хоть кости ещё оставались.

— Вам всем ведомо, — о том, что это неведомо мне, Звяга умолчал и продолжил: — Иов бежал. В пúстынь. За более чем крепкие стены Дорофеева монастыря... Не от нас бежал. От Марганы. Обвела она вокруг пальца. Всех обвела. И нас тоже. Почти обвела, — поправился докладчик, чтоб совсем уж не возвысить бабу, обманувшую столько мужиков. Да ещё и настолько властных. То-то был бы позор, если б и прорицателя со товарищи так же легко обманула бы... — Ну да то полбеды. Что Иов бежал. Это нам даже как бы на руку. Пауки грызутся. И пусть себе. Не поспели мы собрать силы к смерти прежнего Иова, так теперь в самый

раз. Схватиться. Но по уму. Они пусть дерутся. А мы — добыём выжившего. И кто им станет, уже то ведомо. Маргана. Так что даже с учётом того, что Иов потреплет её, легче нам станет ненамного. Ну, да мы, как бы, и не сомневались, что будет легко.

Народ загомонил, все разом и ни о чём. Но шуму-то, шуму...

Звяга поднял руку. Левую. Здоровую. И все смолкли. Враз.

— Тут дитё малое... Перед тем как мы собрались... Где там Ветрана? — он поискал взглядом дочку кухарки, до того семенившую вокруг стола с мисками и крынками с пивом.

— Тута я! — подала голос малявка из угла, куда забилась с началом серьёзного разговора.

— Ну и хорошо... Помнишь, что ты спросила у Кази?

— В завтрева заглянуть просила...

Народ за столом взорвался от хохота. Девчушка смутилась, зарделась и ткнулась лбом в угол горницы.

Дав людям посмеяться вволю, Звяга вновь поднял руку. Всё так же, левую.

Хохот и голоса стихли.

— Вот мы сейчас и заглянем в завтрева. Никто не против?

Не было не то что возражений — ни единого звука не раздалось над столом с остывшей едой.

— Вот и хорошо. Давай, Казя, скажи нам...

Сидевшая рядом со мной Казимира давно не принимала участия в происходящем. Да только я тому

значения не придал. А девушка, видать, впала в транс. И когда Звяга к ней обратился, разжала спёкшиеся губы.

— Собрала Маргана свою рать. И Олеся ей в помощь. С охранителями. Аккурат в обед, не дождавшись посланных на базу епархии, и выступили они в Романов. Все как есть.

Толпа молчала, прислушиваясь не то что к каждому слову — к дыханию девушки.

А Казя продолжала. Монотонно. Отстранённо. Но значимо и весомо.

— Соглядатаи Иова о том ему ещё не донесли. Не дошли. Да и сам он только к вечеру в пúстынь прибудет. С обозами. И ратью. Да токмо посланные вперёд уже готовят монастырь к осаде. Две... — девушка на миг запнулась, но тут же продолжила: — Две мортирки на стены подняли. Пороху пудов пять. Да ядра. Если не взорвётся, то с колокольни ударит новодел. Безоткатная пушка. Снарядов, правда, не густо. И опасны они не только для наступающих. Среди своих взорваться могут. Так и народу у Иова будет вдосталь. Маргане не сдобровать. Если опять не удумает каверзу какую.

— А она удумает, — поддержал Казимир Казимиру. — Но и мы не лыком шиты. К утру к паровозу подцепим второй вагон. Листами стальными обшитый, хоть и теплушка, а так просто его пулей не возьмёшь. Так что доедем как у всекатайского бога за пазухой. А чтоб нас не ждали с берега, отправим «Бойкий». Через Романов. Пусть покрасуется. Завтра же и отправим. Как только Маргана приступит к осаде со своим войском. А мы эшелон — наперерез. И будем ждать. Чем бой закончится. И то ли

будем штурмом брать пúстынь, то ли добьём остатки Марганы. На всё про всё дня три у нас есть.

«Но это уже как-то без меня», — успел я подумать, прежде чем свалиться я лавки под стол. Тому виной было не пиво.

В горнице, не рассчитанной на такое количество людей, не осталось ни глотка воздуха. Вот я и умер. В очередной раз.

Воскресну ли?

Часть шестая

Бой без правил

...Старый ворон, огромный, чёрный, как смоль, с гордо вздёрнутой над манишкой зоба головой с тяжёлым клювом, косил идеально круглым глазом, скрывая его порой за мутным серым веком. Но страха не выказывал. Будь перед ним мальчишка, который мог бы в любое мгновение запустить в него камнем или стрельнуть из рогатки, он бы поостерёгся. Отпрыгнул бы. Или даже упорхнул. Недалеко. Метров на пять. И вновь вернулся бы к своему занятию.

Но, поглядывая на человека, чьи волосы, усы и короткие бакенбарды были полной противоположностью по цвету его крылу, он не спешил убегать. Тем более улетать.

Ворон был мудр уже не по годам — по векам. О чём свидетельствовала его борода — длинные перья на горле, отставшие все эти годы. Которых в человеческом измерении и набралось на века. Хотя и прошло-то календарных лет 20, ну, может с хвостиком. Но и за эти годы ворон научился прекрасно разбираться в людях. Лучше, чем они в его повадках. Поэтому, опасаясь, он всё же не боялся. Да и человек не приближался.

Конечно, медлительность человека, его неподвижность ворона не обманывали. И он был готов взмахнуть крылами при малейшей угрозе. Но пока её не было. И ворон степенно обходил поляну, выискивая что-то в жухлой траве. Его терпению можно было только позавидовать. Своим умом он понимал, что ожидание может дать больше, чем какое-либо поспешное действие, поэтому терпеливо ждал. Не хотел выказывать человеку ни знаков

внимания, ни предупреждать его о грядущей беде. Каждому своё.

Человеком, которому ворон отказал в своём предвестии, был я. Уставший, плывущий по течению чуждой мне жизни. Но живой. Пока ещё. А что будет завтра? И будет ли оно?

1

Звяга снизошёл к тому, чтоб сопроводить меня во двор. Когда меня, почти потерявшего сознание, вытащили из-под стола и дали отдышаться на крыльце. Так мы остались вдвоём. И можно было бы задать ему уйму вопросов, мучивших меня всё это время. Но я спросил другое.

— Слушай, праведник... Или проповедник? Тебе как больше нравится? А пошто иерархи на девственниц взъелись? Молодые тела, красота — всё это так. И, да, я понимаю, новых людей родить и вырастить — это не фунт изюму схарчить. Ну дак с чего бы обязательно с помощью девственниц? Первенец не всегда бывает силён. Рожавшая же женщина вполне может дать куда более здоровое потомство. Главное же, чтоб семенной фонд был без изъяну. А старики много ли могут дать новому поколению? Разве что знания, ну так они иным путём передаются...

— Я думал ты про бой спросишь...

— А что про него спрашивать? План есть, а там — как кривая вывезет. Даже с твоим пророчеством.

— Тут ты прав. И с девами тоже... Да вишь ли... Поветрие у нас тут прошло... Давнее, правда, но отголоски и сейчас нет, нет, да и кажут себя... Секта завелась... В лесах нашенских... Капитон, её сколотивший, помер давно, уже и

записей-летописей не осталось, даже в епархии. А народ балует... Ну, как народ... Те, кто с мошной набитой... Там и иерархи бывали, да грех-то свальный был. А надобно было в чистоте...

— Не понял я чего-то...

— А што понимать-то... В давние те времена лесной старец Капитон приход Антихриста предсказал. И пусть спасения указал. Кто де блуд и сотворит, в том греха нет. Потому сатана душу и не возьмёт. Вот и защищались... Свально... Прямо в моельных домах. И ладно бы просто блуд, кто по молодости не грешил... Так ведь и кровосмесительный грех капитоновцы взяли на себя. Кто только потом не рождался: и кривые, и косые... А главное — умом убогие. Тогда-то и началось...

— Поиск девственников?

— Как бы не так... Новый проповедник явился. Костромской. Данила Филиппов. Кости его тоже давно уж сгнили, а беда, им сотворённая, всё ещё над нами витает. Этот дальше пошёл. Усмирять бушующую плоть стал. Мол, в него в 7153 году от сотворения мира — уж больно ему этот год понравился — вселился сам господь Саваоф. И повелел плоть усмирять. Но хитро так... То, что у капитоновцев, блудом было, возрождением бога стало... Но с бичеванием.

— Это как?

— Да всё тот же свальный грех... Но прежде — пороть. Хлыстом. Себя. Друг друга. До крови пороть. Зато теперь дети, рождённые во грехе, считались дарованными всевышним, а их матерей называли «богородицами». Много ли тёмный народ, да ещё и выпоров себя до крови, да совокупившись до одури, сообразит? Вот и стало вместо

венчания править в домах нашенских духовное сожительство. Чтoб, значит, никто не в ответе. И никто не виноват. А на всё — воля божья. И на деток убогих тоже...

До меня стало доходить. С такой политикой деторождения нечего и думать было о здоровом потомстве. Так что практики Иова, или всех Иовов вместе взятых, имели под собой реальную пользу. Для потомства. И будущего Руси. Пусть и в этом только её закоулке. Закоулке истории. Вот только не боролись церковные старцы с причиной вырождения. Скорее наоборот, поставили её себе в услужение. Мало чем отличаясь от старцев лесных. Или кем они там были... Хлысты, растлители. В том числе, как я понял, и малолетних. Ну, раз в избе собирались, да все вместе... Где сгрёб, там и...

Короче, вы поняли. И по части того, что сгрести могли кого угодно, паспорт и возраст согласия не спрашивали. Что не просто случалось. Нормой стало. А попы тут как тут. Мол, отныне дев юных, нетронутых-нецелованных подавай-ка к нам в обитель. Для продолжения роду-племени. А то, что сами отцы-прародители не особо годны к такой миссии, так не серому народу о том судить. Особенно если Иов повелел.

— Ну а ты?

— Што я?

— Взял и назначил себе в наречённые Ию. Она-то согласна? Будет богородицей?

— Как бог даст, — Звяга на мою подковырку не стал обижаться. — Знаю только, что суждена она мне была. И она о том ведает...

Не хотелось мне его расстраивать, но и мелкую пакость устроить всё же хотелось. По праву оскорблённого несостоявшегося собственника. Чисто мужская обида.

— Она, как мне казалось, другого наречённого поминала.

— И я о том ведаю. Да не вернуть его. Так что не станем о том. Другие дела есть.

— Я уж говорил... Все тут у вас чего-то ведают. А порядка всё равно нету. Потому как нет ответственности. За содеянное.

— Опять ты прав. Хотя и не прорицатель. Но скажи мне другое. Ты с нами?

— В смысле? А где же я?

— То, што ты тут, хорошо. Но это так сложилось. А пойдёшь ли с эшелонам на Дорофееву пúстынь?

— А куда деваться? Не то чтоб я не навоевался за свой век, но не бросать же всё на полпути? Да и идти мне больше некуда...

— Ты бы не спешил соглашаться. А ну как передумаешь? Я-то и спрашиваю, потому как вижу разные пути... И твои, и свои...

— А давай до утра доживём?

— Я бы и дольше пожил. Потому как утром ещё не смогу взять свою суженую. А хочу. Страсть как хочу. Но... Поправляться ей дольше, чем мне.

— А с тобой-то что было? Хотел сразу спросить, но как-то неловко было... Там же прокол какой-то...

— Не просто прокол. Судьба иначе распорядилась, чем обещано было. Нагрянули охранители в мою избёнку, о

коей мало кто ведал даже из ближнего круга. И шмальнули не глядя. Боялись потому что. Хотя ничто не предвещало...

— Вот и я тебе о том же... Предсказателей много, а сбывается — чуть.

— До свадьбы заживёт.

— Ты намерен жениться? Ия не будет богородицей, а станет законной женой?

— Если доживём.

— Не повторяй за мной. Это у меня нет выбора. И да, я с вами. Потому что в принципе не могу быть с попами. И с их камарильей. Хотя и не всё в вас мне нравится. Но...

— Чем ещё ты недоволен?

— Я, видишь ли, только лишь прохожий. Калика, как раньше таких странников перехожих называли.

— И што ж?...

— Да то... Гость я в этом мире. Как есть гость. Но всё ж по мере сил хотел бы сделать его лучше. Мир этот. Хотя чуть-чуть, но лучше. Именно поэтому я с вами. И завтра. И куда смогу. Хотя сам о том, как ты говоришь, не ведаю.

— Ну и хорошо. Утра ждать не пришлось, — Звяга одобрительно кивнул и шагнул в сторону домишки, в котором мы ужинали. И где осталась Казя. Слова которой могли бы мне подсказать решение. Но я принял его сам.

Казимир ушёл. А я остался. Под наблюдением старого ворона. Который что-то знал, но предпочёл промолчать.

2

— Владилен Георгиевич, не так быстро, пожалуйста!

Подполковник Лейтнер на просьбу Пелагеи даже не обернулся. Он брёл, особо дороги не разбирая. И, похоже, разговаривая сам с собой. Слов было не разобрать, но руками он размахивал так, словно убеждал кого-то в чём-то. Но перед ним и рядом никого не было. Значит, помахивая папироской, изящно зажатой меж двух пальцев, убеждать он мог только себя.

Табачный дым от ушедшего далеко вперёд Лейтнера резко щекотал ноздри. Огонёк его папиросы то разгорался, взлетая вверх, как дирижёрская палочка, то медленно тлел, опадая вслед за уставшей требовать высоких звуков вскинутой руки. Я уже и не рад был что увязался на этот осмотр бронемотрисы. Ну что я там не видел? Точнее, что я там хотел увидеть? Я себе не мог это объяснить, не то что Пелагее, несколько раз попытавшейся вопросительно заглянуть мне в глаза.

— Пусть идёт, — придержал я девушку, прижимая её к груди. Она с готовностью вскинула личико, подставляя губы для поцелуя. Но ведь ещё и суток не прошло, как я целовал Дашу...

Оттолкнуть этим воспоминанием такое милое создание я просто не мог. Да и не хотел, честно говоря. И столь же честно не хотел себя обременять новой связью. Хотя думалось не о связи, а о моей способности осуществить эту связь.

Ломота сковала суставы, выкручивала пальцы рук, ударила по почкам. Больно. Но нельзя эту боль показывать. Да ещё такой юной особе, мечтающей о чём-то большем, чем мимолётная связь.

— Полли, — внезапно прежде всего для меня, шепнули мои губы. И чтобы ничего не объяснять, прильнули к губам Пелагеи.

Мне показалось, что в поцелуе я испил из девушки её силу — мои боли внезапно отступили, заметались во мраке приближающейся ночи неясными тенями, разжали свои безжалостные щупальца, сковавшие мои мышцы.

Пелагея стыдливо потупилась. Ну и что мне с ней делать? Она в дочери мне годится! Если не во внучки... И потом, Даша...

О ней же, наверное, и Пелагея подумала, отстраняясь. Но сохраняя на губах жар и негу поцелуя.

— Идём... те, — шепнула она.

Я кивнул, соглашаясь. И поднял голову. Очень даже вовремя. Чтоб увидеть, как подполковник, отшвырнув папироску, вскидывает маузер, притороченный ремешком к деревянной кобуре на ремнях, опоясывающих его белую бекешу.

— Это решит все проблемы, — внезапно довольно трезвым голосом гаркнул подполковник. — Отойдите, барышня.

Я и не думал прикрываться Пелагеей, сделавшей от меня шаг вперёд, навстречу готовой сорваться с дульного среза вспышке, а за ней и пуле.

Тренчик. Не совсем такой, как в одной фантастической повести, где он от мысли владельца оружия превращался во вспомогательное средство в стрельбе, буквально вбрасывая оружие в руку. Помнится, там герою пришлось изрядно повозиться, привыкая к этому, в результате пальцы ему знатно побило. За время учёбы и

тренировок. Но потом он стал мастерски стрелять навскидку, и фантастический тренчик был тому подмогой.

Мой, в котором буквально несколько часов тому назад я просто чудом умудрялся не запутаться, не обладал такими волшебными свойствами. Ни такими, ни какими иными. Но, рванув за него, я всё же выдернул «Браунинг» штабс-капитана Гурдова из кобуры. И он — пистолет, а не покойный штабс-капитан, с невероятным кулбитом опустился в мою ладонь. Ни пальцы не отбив, ни стрельнув случайно. А вот Лейтнера поймал на мушку почти сразу. Мне нужно было только сдвинуть рычажок предохранителя.

И я его сдвинул.

— Одного Лейтнера я уже отправил к праотцам, давно, лет через сто после вашей смерти, полковник, — повысив Владилена Георгиевича в звании, я не стал уточнять, сколько прошло после его кончины до кончины его внука. Или кем там ему доводился ушлый оперативник, которым командовала его подруга. Куда более боевая. Чем оба Лейтнера. — И вам бы я советовал не глупить.

То ли внезапное повышение в звании, то ли известие о его смерти, заставило нынешнего Лейтнера дрогнуть. На мгновение. Упустив шанс всадить в меня пулю. До того, как мой пистолет будет держать на прицеле его лоб. А ещё выпитое...

Хоть и показалось мне, что Лейтнер внезапно протрезвел перед тем, как прицелиться в меня, но алкоголь всё ещё бурлил в его крови. А для пьяного поговорить — святое дело. И Лейтнер не был исключением.

— Отойдите, барышня, отойдите, тут мужской разговор. Намечается. Ик... — Владилен Георгиевич

пытался оставаться галантным кавалером и джентльменом. Но получалось плохо. И не только потому, что почти после каждого слова он пьяно запинаясь. Не будучи носителем титулов и воспитанный всего лишь в пионЭрах, я всё же понимал, что в присутствии дамы такое поведение недопустимо. А Лейтнер о том позабыл. И должен был по законам чести ответить. Но у меня не хватало духу взять и вlepить ему пулю между глаз. Вот только...

Даже в темноте я видел, как прикрывается один его глаз, коим он совмещал мушку с целиком. Но рука пьяницы утратила твёрдость. И маузер гулял, описывая стволом круги диаметром в полметра.

— Как вас там... Михал Михалыч, да? Зря вы тут объявились. И вообще зря... Всё зря. Всем только легче станет, когда вы исчезнете. А сейчас ещё и поможете доброму делу... Похерить планы этих... Карбонариев новоиспечённых, мать их... Простите, барышня, мой окопный язык. Я ж вас просил отойти... Мешаете. Не ровён час задену...

— И какие планы карбонариев вы собрались рушить? С помощью моего трупа...

— Не будет им бронепоезда... Как своих ушей не видать им бронемотрисы. И уничтожили её вы, любезный... Вот прямо тут и уничтожили... Папироску бросили, шнур бикфордов и загорелся.

Внезапно рука Лейтнера обрела необходимую твёрдость. И маузер перестал описывать круги.

— Спасибо за помощь. Не то бы мне было сложно объяснить этим убогим, как недоглядел...

Два выстрела слились в один. Я только и понял, что падаю. И тут же опрокинулся навзничь.

3

Голова болела так, что больно было разлепить глаза — а ну как светом ещё круче резанёт? А так только багровые отблески. Сквозь плотно сжатые веки. И голоса. Едва различимые во мраке. В который погружён мозг, жаждущий покоя.

— Мы сделали всё, что было в наших силах. И даже больше. Дважды запустили сердце. Насколько можно судить по МРТ, мозг не пострадал. Ну как не пострадал... Больше, чем был поражён. Сейчас он спит. Это уже не медикаментозный сон, что хорошо. Но и разбудить его мы не смогли. Что, скажем так, не очень...

— А если всё ж отправить в Москву?

— Большого и там не сделают. При всей нашей бедности и провинциальности. Теперь только ждать.

Говорили, скорее всего, обо мне. Да и голоса знакомые. Опять за меня всё решили? Хотя, похоже, на согласование со мной времени и не было. Что там сказал Игорь Степанович? Дважды сердце запускали? Ну, ну...

А что — ну, ну? Сил нет даже открыть глаза. Так, только щёлочку разве что.

Точно. В ногах кровати, на которой я возлежу, возвышается громада Игоря Орефьева, моего давнего лечащего врача. Хорошо лечащего, раз до сих пор не помер. С моими-то диагнозами. Да и он живет всех живых. Вечная лёгкая небритость, чуть припухлые щёки — для такой поджарой фигуры припухлые. А так всё при всём. Рука,

сжатая в кулак, размером с голову пионера. Что он там зажал в кулаке? Вряд ли историю болезни, теперь они в компьютере. Плохо, если сребреники, если очередную мзду за моё лечение — то ладно.

Ну конечно, рядом же Ольга. От бывлой красоты мало что осталось. Выглядела она куда старше меня. Как и пугала когда-то. В период брачных игр. Мол, а ничо шо я старше? Но старше был я. И глупее. Тогда, не сейчас. В смысле, я и сейчас старше. Но былую глупость подрастерял. А она такой глупой и осталась. Хуже того, добавилась истовая вера. Неведомо во что, но вера. Без любви и надежды. Потому как любовь прошла. А надежд вернуть меня — никаких. Вот и верует. Посты блюдёт. Поклоны бьёт. Что только в худшую сторону сказывается на её внешности. Волосы, поседевшие, от корней, всклокочены, как после удара молнии. Эдакий одуванчик. Анжела Дэвис на русский лад. Бледное личико. Остренький носик. Воротя который, она разрушила наш брак — всё ей было не так, и я не такой. По той же причине, видать, не сложилось и следующее замужество. К тому же, кажется, и не одно. Сисек как не было, так и нет. Хотя это её не портило. Зато талия всё ещё тонкая. Можно даже сказать изящная. Вот только что толку...

— Игорь Степанович, я ведь тоже медик, всё понимаю...

Ну, да медик, как же. С трудом выучилась на медсестру, я полгода потратил, вбивая ей в красивую, но бестолковую головку азы химии для сдачи экзамена. Но с валентностью мы так и остались на вы. Чем уж она там и кого лечила — не ведаю, мы тогда уже разбежались, а

встретились вновь, когда Ольга опять училась. Теперь на массажиста. Так что медицинская её карьера осталась для меня загадкой. Как и её хождения замуж, чем я так и не заинтересовался. Несмотря на усилия сына нас вновь свести. Ну да это к делу не относится. В том плане, что я не отреагировал, хотя Ольга всё ж решила взять надо мною шефство. Благо я, пока восстанавливался после первой клинической смерти, не мог тому противиться. Но мы так и не сошлись, чему я противился не только всеми фибрами души, но и физически. Отказываясь от её передач в больничную палату. И от визитов, после которых мне становилось хуже. Так что доктор, тогда ещё не Орефьев, а обычный замученный врач, был на моей стороне. А потом мы только ещё больше отделились. Ну не мог я ей простить полтора года издевательств в самые хорошие годы моей жизни — юность оказалась оплёвана придирками и унижениями. Высосанными из пальца. Но от того не менее болезненными для юношеского самолюбия.

— Тут и понимать нечего. Дело времени, — Орефьев, подхвативший эстафету доктора, отнявшего меня у старухи с косой, всадив катетер в сердце, подвёл итог дискуссии о моём будущем: — Надо ждать.

— И долго ждать?

Голос я подал произвольно, просто не люблю быть статистом. Но глаза не разлепил, поэтому реакцию невидимых собеседников не отследил. Мог только предположить, что рука Ольги, передающая очередной конверт дрогнула, но Игорь Степанович ловко подхватил подношение. Против которого я не был против. Потому как

это могло даровать мне жизнь. Долгую ли, короткую, но жизнь. Пусть она и не зависела от суммы.

— Миша, ну и напугал же ты нас!

Ольга опустилаcь на краешек кровати, обстоятельно прикрыв серую больничную постель полой своего халата, небрежно наброшенного на плечи.

— Ты ещё скажи, что до сих пор боишься одноглазого дракона, — пробормотал я, всё так же не открывая глаз. Не для того, чтоб ещё больше напугать свою бывшую. Или задеть её чувства, нашедшие себя, как я надеялся, в третьем или уже в четвёртом браке. Просто я не хотел её видеть. При том, что не сомневался: в очередном моём спасении и её есть заслуга. Небось, поставила на уши не только больницу, но и весь здравотдел. А то и выше дошла.

— Какого дракона, Мишенька?

— Вот только не надо этих сопливых вишенек и мишенек. — Я уже окончательно пришёл в себя. И даже голос окреп: — Доктор, что со мной на сей раз?

— Если больной хочет жить, то медицина бессильна, — отшутился Игорь Степанович.

— А до того?

— Что-то из своих поисков истины вы приняли слишком близко к сердцу. Вот оно и засбоило. Самое страшное уже позади. Повезло, что вы были в больнице.

— Рецидив возможен?

— Тут я вам ничем помочь не могу. Не в моей власти. Даже прогноз дать. Нужно поберечь себя. Исключив стресс, спиртное, женщин...

Орефьев выразительно посмотрел на Ольгу, демонстративно пытающуюся погладить мою руку, опрометчиво выпроस्तанную из-под жидкого больничного одеяла.

Руку я убрал. И Ольге ничего не оставалось, как подняться с кровати.

— Миша, не буду тебя расстраивать. Я знаю, как ты относишься ко мне, и не виню. Бог нам всем судья...

— Вот только не заводи с начала, — поморщился я.

А доктор поддержал:

— Наш больной проснулся, я сейчас сестру пришлю, пусть выполняет назначения. А мы с вами, голубушка, остальное обсудим в ординаторской.

Вряд ли Ольга, даже если бы хотела, могла противиться натиску Орефьева, увлѣкшего мою бывшую к выходу из палаты.

Спасибо и на том. Голова болела так, что больше я бы вряд ли усвоил, сколько и чего бы ни было сказано. Даже мысли ворочались с трудом. И болью. В груди. Реаниматологи постарались? Но рѣбра вроде целые. Или о том, что сердце дважды запускали, Игорь сказал ради красного словца? Он мог. Шутник. Факт же в том, что меня уложил в койку некий сбой в организме, который вроде шѣл на поправку. Или всё же пуля Лейтнера? Из далѣкого прошлого, но догнала меня. Вот только прилететь она должна была в голову. Которая хоть и болела, но была, судя по всему, цела.

Внезапно дверь в палату распахнулась. Орефьев. И чего забыл?

— Вы мне это прекратите, Михал Михалыч! — он погрозил мне пальцем и выглянул в коридор, откуда доносился голос Ольги. С кем-то по телефону общается, понял я по разговору. Не могла дотерпеть до выхода из больницы? И кому докладывает? Кто там моим бытием интересуется? — Не смей умирать! И падать тоже не смей! А то взяли за моду... На ровном месте... Затылком об пол... Грязный же! И потом... Пророчество-то ваше ещё не сбылось...

И захлопнул за собой дверь.

А возвращался ли Орефьев в палату? И эти его слова... Что они значили? Если вообще были сказаны...

Я устало закрыл глаза. Возвращаться к жизни было больно. Так больно, что я даже понять не мог, где болит сильнее. Но подсказка всё же сработала.

Значит, я упал. Навзничь. И ударился головой. Вот она и болит.

Нельзя мне падать. И головой ударяться тем более.

Правильная мысль, как всегда, пришла поздно.

Я уже провалился в сон.

4

— Михал Михалыч, миленький! Вставайте!

Пелагея держала меня за руку, и желания освободиться у меня не возникало.

Я лежал на спине, в которую сотнями иголок вонзались острые углы крупного щебня, которым был засыпан заводской двор. Лежал в опасной близости от колёсной пары, удара о которую в падении чудом избежал.

И ничего себе не прострелил из «Браунинга», который выскользнул из ладони, но продолжал болтаться на ремешке в доступной близости от неё.

Я лежал, а пространство вокруг заполнялось людьми. Абсолютное большинство которых я не знал. Да что там большинство, я никого не знал. Разве что мальчонку, подававшего запивон господам офицерам. Да барона, с которым мы прибыли в этот, с позволения сказать, штаб. И конечно Пелагея. Она была рядом, когда я ещё только открыл глаза.

— А где Лейтнер? — прохрипел я с натугой, вспоминая, как оказался на земле.

— А нет его больше, — как-то даже весело отозвался веснушчатый юнец, первым встретивший нас в этом бедламе, далёком от военного лагеря. Он выскользнул из-за спины барона, всматривавшегося в меня с нескрываемым интересом. — Подпоручик Горский-Платонов, — наконец я услышал его фамилию, и что мешало раньше узнать? — А всё благодаря вам, вашбродь.

— Плохо, — голос у меня совсем сел. Но я выдавил: — Он что-то говорил про то, как ваши планы разрушить. Лишить бронепоезда, как я понял...

О том, что Лейтнер большей частью говорил о том, как плохо то, что я появился здесь и сейчас, мне пришлось умолчать. Иначе лишних вопросов было бы не избежать. Толпа и без того взяла меня в кольцо. И только в первой шеренге кольца относительно знакомые лица. Но и в них я не видел... Участия? Нет, сопричастности.

Я был чужой.

— Да всё уж теперь, не порушить им наши планы, — хохотнул юнец, которого я поручиком обозвал. Да и юнцом он был, похоже, только на мой неискущённый взгляд. — Простите, вашбродь, что рисковали вашей жизнью, но нужно было изобличить этого паршивца. А так всё было под контролем. До самой последней минуты. Тут уж вы чуть было всё не испортили. Вышли на директрису. И перекрыли мне линию стрельбы. Хорошо, что следом за вами мы пошли вдвоём, — юнец кивнул в сторону скрывающегося в сгущающемся сумраке военного, не ставшего протискиваться к месту, где я рухнул на землю. — Так что поручик Рунов отныне ваш крёстный отец, жизнь вам даровал своим метким выстрелом.

— Юн для отца, но примите мою благодарность, поручик, — я приподнялся и сел.

Рунов, закидывая за спину винтовку с оптикой, вряд ли там прицел ночного видения, но и то хорошо для этого времени, отмахнулся:

— Пустое, ваше благородие, простите, что втёмную использовали. И под пулю почти подставили. Служба-с.

— Разведка? — уточнил я.

— Она самая, фронтовая. Давно нас кто-то сливал троцкистам, вот и пришлось рискнуть. Так что ещё раз прошу прощения. — Особого раскаяния в голосе поручика не было. Как и чинопочитания. Дак разведка завсегда так себя ведёт. Ей не до чинов и званий, дело делать надо.

— Какое там, я вам жизнью обязан, — мне же сам бог велел помалкивать по поводу чинопочитания, всё-таки самозванец я.

— Не скажите. Вы и сами ему пулю в лоб едва не пустили. Другое дело, что потом вас же и обвинить могли. На что этот подлец и рассчитывал, готовя подрыв бронепоезда. Но просчитался.

— Мы и сами вас подозревали, — честно признался юный подпоручик. Или всё ж поручик? — Так что извините заодно и за недоверие к вам. Впрочем, нам и у барона прощение просить за то же деяние. В смысле за подозрение.

Барон Шиллинг поморщился:

— Меня-то за что?

— Уж больно невовремя вы все здесь появились, — не стал кривить душой подпоручик Горский. Не Прокудин, конечно, хотя всё могло быть, и дальнейшее родство тоже. — Но вместе вышли только вы, вашбродь, и Лейтнер. Барышня не в счёт. Её-то мы ни в чём не подозревали. Изначально. А вы подались не куда-нибудь, а к бронепоезду. Вот мы и пошли следом. Хорошо, что барон остался, не то бы нам не удалось отследить всех и сразу. Сил маловато-с.

— Но всё сложилось как нельзя лучше, — подвёл я итог.

— А что это вы, вашбродь, там говорили? По поводу того, что одного Лейтнера уже отправили к праотцам? Правда, чудно как-то... — хитро поинтересовался юнец из разведки.

— Пустое... — Слов, чтоб объяснить вырвавшуюся фразу, у меня не было. Даже если бы стал пересказывать всю историю с самого начала. Хотя я и промолчал в самом начале, избежать вопросов не получилось.

— Ну, ну, — юнец не поверил. — Понимаю. Не время и не место. Я вас всё же попрошу заглянуть завтра в отдел. Чайку попьём, поговорим.

— Непременно, — легко пообещал я, не будучи уверен, что доживу до этого момента.

— Кстати, возьмите заслуженный трофей, — поручик Рунов преодолел всё-таки окружавшее меня кольцо любопытных и протянул мне маузер Лейтнера. А с ним — моток бикфордова шнура. Это я наощупь определил, решил поначалу, что суёт мне поручик лассо какое-то. — А то ведь с вашей пукалкой только комаров пугать.

— Это ж ваш трофей, — попытался я отказаться, хотя всегда мечтал заполучить маузер, с этим его прикладом из кобуры. «Стечкин», из которого даже стрелять довелось, был совсем не таким. Не легендой, коротко говоря. Хотя и тоже с прикладом из кобуры.

Но поручик настоял:

— Я только выстрелил. А вы под пулю шли. Пусть и в неведении.

— Благодарствуйте, — поднимаясь на ноги, я перекинул ремни кобуры маузера через правое плечо, оставляя справа доступ к своей пукалке, как нелестно отозвался о моём «Браунинге» Рунов. — А можно ли полюбопытствовать на ваше чудо, кое вы так усердно охраняли и защищали?

Поручики-разведчики переглянулись:

— На бронепоезд, что ли? Да в чём проблема-то. Идёмте, покажем грозу троцкистов.

До его стояла, как оказалось, мы с Лейтнером не дошли всего ничего, осталось только обогнуть одинокое

здание с узкими бойницами окон. А вот цех, где стоял бронепоезд, наоборот, отличался мощным остеклением, благодаря чему днём там можно было работать без света. Да и сейчас тоже было не то чтоб темно. И благодаря лампам под крышей, с которой свисали тали подъёмных механизмов, и благодаря полной луне, вставшей над городом.

Последовавший за нами без спроса барон даже присвистнул, завидев стального монстра. А я...

Я его уже видел.

5

Внешние отличия были минимальны. Только в трубе, возвышавшейся рядом с пулемётным гнездом. Да в бронелистах, закрывавших самоходный вагон по периметру. Памятная мне бронемотриса имела смотровые щели по кругу, а здесь они были и в лобовых окнах. Да движитель...

Бронемотриса моего века была дизель-поездом. Сейчас же передо мной был раз в два-три увеличенный и сильнее бронированный броневик городских охранителей, в котором мне довелось кататься и в качестве пленника, и за рулём. Паровичок с газгольдером. Ничего иного в мире, где не было нефтепродуктов, там быть не могло. Только предназначался этот бронеход для железных дорог. Для коих и мост был сооружён. Вот только маршрут наш должен был пролегать в другую сторону. Со стороны моста в своё время ждали если не поддержку, то хотя бы нужные товары. Да их всё не было. Теперь же и вовсе не до них...

Неслышно подошедший сзади Звяга, коего я полагал сидящим где-то в доме и обсуждающим планы с ближайшим окружением, положил мне руку на плечо.

— Ну, что, нравится?

— Внушительно. Конечно, если патронами вы запаслись. И рельсы перед ним не разберут.

— Сплюнь. Всё у нас получится. Они на «Бройкого» поведутся. А мы проскочим. И вдарим. Но только когда весы судьбы склонятся на одну сторону, любую.

— Не скажи. Надо бы Маргану бить. Она хитрее. И поддержка у неё... Олесья... Тот ещё фрукт.

— Сам понимаю. Но то, как выйдет.

— В общем, пущено дело на самотёк. Все-таки ваше предвидение гроша ломаного не стоит. Почти как гадание на картах. Передёрнет Маргана колоду, и вам несдобровать.

— Не каркай, не ворон, чай.

— Да я не каркаю. Предвидеть пытаюсь. Меня ж тоже в провидцы пытались зачислить, едва жизни не лишился из-за того. Но, как видишь, вопреки предвидениям выжил. И пойду мстить. За девчат убитых, за то, что, похоже, не видать мне Весей. И домой, скорее всего, не вернуться. Хоть в том и не Марганы вина.

— С домом твоим сложно как-то, — почесал затылок Звяга. — Не вижу я его...

— Ещё бы, я и сам его не вижу. Как и вагонов. Где твоя пехота разместится в бронепоезде?

— Так это... Оба-два вагона... Стоят. Перед воротами и за оными. Тож бронью обшиты... Один... Не хватило на второй. И была опаска, что не потянет наш паровичок. Но с

одним справляется. Пойдём-ка спать-почивать. Утро вечера мудренее. Да и вставать завтра рано.

— Задерживаться при Ие передумал?

— Делу время...

— Так у тебя с ней потеха?

— К словам не цепляйся. Что свыше предназначено, то и случится.

— А если Маргана верх возьмёт?

— Тогда уж точно не судьба. Вот только... Не может быть того. И ты тому порукой.

— Это ж как?

— Покуда ты с нами, а не на той стороне, не бывать Маргане сверху!

— Больно ты самоуверен. Или во мне уверен слишком.

— Время покажет. Кто был прав покажет, — подвёл итог спору Звяга. — По коням. До кровати.

— Ну, по коням, так по коням, — не стал я возражать, чувствуя, как голова плывёт от усталости. А куда плывёт — не ведомо. Но при том ума всё ж хватило понять, что коней-то Звяга знать не мог. Ну, нету их в этом мире, не срослось. Однако ж предложил по коням...

6

Башня на крыше бронепоезда вращалась. Мускульной силой, но всё ж. И выхлоп дизеля, при том, что его трубы были обращены к железнодорожному полотну своими щелями, порой заносило и в боевое отделение стрелков, и даже внутрь салона. Ну да это мне было знакомо по броневикам штаб-капитана Гурдова. Надышался знатно.

Но жив же. А здесь мне и не предлагали участие в вылазке. Разве что сам попрошусь. А зачем? Только лишь для того, чтоб вновь оказаться в броневагоне, подобном тому, что покинул более века спустя после ещё не случившихся событий?

У этого было лучше бронирование. И бойницы по бортам имели ещё и пулемётные точки. Помимо гнезда на крыше. Но я действительно уже навоевался. Или постарел так? Вот только бросать новых пусть и не друзей, но близких мне по духу людей, было бымовеконом. И я мысленно уже готовился занять позицию у пулемёта. Если допустят. Я ж понимал, что пулемётчиков лучше меня в распоряжении карбонариев, как назвал восставших против Москвы и троцкизма, должно быть если не в изобилии, то в достатке. А тратить патроны только из-за моей прихоти пострелять — не просто расточительно. Скорее даже убийственно. В том числе и для меня.

— Михал Михалыч, и не думайте даже, — Пелагея, сопровождавшая меня в экскурсии к бронепоезду, дёрнула за рукав кожанки. — Вам в лазарет надо...

Какие же чувствительные создания, женщины. Я ведь ничего не сказал. Только подумал. А поди ж ты, она уже в курсе...

— Полли, — второй раз совалось с моих губ имя, до появления которого должно пройти ещё сто лет. Или чуть больше. — Ой, прости... Ты мне напоминаешь одну девочку... Совсем маленькую. За которую я в ответе. Был. Не справился. И судьбы которой теперь не ведаю...

— А как же Даша?

— Даша — это совсем иное. Да и ты, Пелагеюшка, только напоминаешь мне ту девчушку. А на самом деле — сильная и взрослая. Ищущая любви. И, наверное, ласки. Всё то, чего я уже дать не в силах. С одной стороны — в силу возраста. С другой — чтоб не оскорбить память Даши. И других...

— Вы что же, встречались в нашей больнице не только с Дашей? — округлила глаза Пелагея.

— Да я-то и с Дашей считай не встречался. А о других и мысли не было.

— Так чем же я вам не угодила? — на глазах Пелагеи в неверном свете светильников в цехе депо блеснули слёзы.

— Ну, что ты, девочка! Ты замечательная! Я тебе жизнью обязан. И, похоже, уже не раз. Но наша связь была бы таким мезальянсом, каких свет ни видывал! Я втрое старше! Знал много женщин. Схоронил жену. У меня дети старше тебя!

— За что вы меня так...

Пелагея была готова разрыдаться. Но невероятным усилием сдерживала слёзы.

— Я просто хочу, чтоб ты была счастлива...

— А почему вы считаете, что вправе решать, с кем я буду счастлива? С вами или без вас. Может, я люблю вас...

— Вот именно, может... У барышень случается такая влюблённость. А я, как поживший уже немало, должен упредить, оградить юную и красивую от ошибки. Вон, глянь, какими глазами смотрит на тебя Горский-Платонов. Куда более достойная пара, чем я. Разведчик, герой...

— Ну как же вы не понимаете... Мне не герой нужен, и не юноша благородных кровей! Мне нужны вы...

Хорошо, что поручики из разведки оставили нас наедине. Не то бы мне сложно было объяснить этот дамский порыв. И мой отказ...

Впрочем, я и без того не мог найти слов для объяснения отказа. По крайней мере, по моему разумению, Пелагея не восприняла бы никакие слова.

— И что, хотя бы до победы никак?

Пелагея, повесив нос, отрицательно замотала головой. Резко так, давая понять, что вопрос даже не обсуждается.

— И что мне с тобой делать?

— Любить! Так, как только и может мужчина любить женщину!

От недавних слёз не осталось и следа. Пелагея с вызовом смотрела мне в глаза. А я смотрел на стройную фигурку, облачённую в сестринский балахон, местами замызганный, кое-где прожжённый, в бурых пятнах чьей-то крови. Пелагее же, похоже, хотелось немедленно пролить свою кровь. Невинную. Девственную. И я был только за, хоть это и было подло с моей стороны. Не по-мужски. Но инстинкт... Проклятый инстинкт...

Удерживало только то, что предаться плотским утехам было негде.

— Кажется, ты что-то говорила, что мне надо в лазарет, — нарушая этикет, я как-то незаметно и давно перешёл на ты с влюблённой дурочкой.

— Идёмте! — обрадованно вскинулась Пелагея. — Я договорюсь, чтоб нам выделили комнатуху. Пусть даже кладовку для белья. Но чтоб эту ночь мы провели вдвоём! Вы ж завтра точно сбежите. На свою войну проклятую. Не

могут мужчины без войны. А вы и подавно. Видать, эта война вообще ваша. Вон как вокруг вас всё крутится...

Я ещё раз только удивился чувствительности и проницательности женщин. Пусть не всех, пусть только влюблённых. Пусть лишь одной Пелагеи. Но и Весею нельзя сбрасывать со счетов. Так что уже две. А если память напрячь, то и другие будут...

7

Где-то далеко, справа по ходу поезда мелькнули и пропали убогие домишки Борисовской слободы. День уже был в полном разгаре, когда Звяга дал команду «по коням», предварительно отправив гонца к «Бойкому».

— Ты ж у нас моряк. Может, и тебя на «Бойкий» отправить? Опять же подальше от войны.

— Ты командир, тебе виднее, — не стал я спорить с Казимиром. — Опять предвидение?

— Оно самое... Ну да коней на переправе не меняют. Как решил, так и будет. Казя пойдёт. Ей и с Алевтиной свидеться будет в радость, и в поезде не трястись.

Я опять задумался над «конским вопросом»: ну нет же лошадей, и давно, откуда Звяга берёт эти речи? Вновь из моих мыслей? Так я тоже о конях не думал. Неужто память людская сохранила былые привычки и слова? И тогда «плоскоземельщики» моего мира правы, утверждая, что нашу историю переписали. Там много всего набралось в качестве примеров и доказательств. И якобы ядерные войны прошлого, и наносные грунты, засыпавшие первые этажи что в Питере, что в иных городах и даже странах, и скелеты гигантов. С другой же стороны, мы и без плоскоземельщиков

вторим прошлому, употребляя слово лето в смысле год. И летописец. Совсем не в том смысле, что лету конец. А ведь их происхождение напрямую связано с этим миром. Какое там нынче лето от сотворения мира?

Не найдя ответа и, устав стоять, цепляясь за что попало, лишь бы удержаться на ногах на ходу поезда, я пристроился у бойницы, где воздух посвежее. В первый, бронированный вагон Звяга меня не пустил, мол, будь при мне, в моторном вагоне. А в следующую за нами теплушку — тем более. Там, мол, и места мало, и трясёт, да и вообще...

Как водится, я упираться не стал. Он начальник, ему решать. Да ещё и на глазах подданных народного вождя унижать спором перед боем... Это никуда не годится.

Покуда вагон трясло на стыках давно забытых в обслуживании рельс, я дремал. Да что там дремал, откровенно спал. И Звяга меня не тревожил. Хотя мог бы и поведать чего из жизни обитателей этого паноптикума. Про тех же попов. Как они узурпировали власть? И почему в других весях не примкнули к их вере? Ну да ладно, как-нибудь в другой раз. Если он будет. Потому как, похоже, мы приехали.

Я резко проснулся от того, что вагон больше не качало и не трясло.

— Походу началось, — тронул меня за рукав Звяга.

Где-то вдалеке слышны были выстрелы. Не так, как в кино — длинными очередями, с грохотом взрывов. Одиночные. Редко один за одним. Берегут патроны. Но на каждый хлопок следует ответ. Сошлись, значит. Рать на рать. Ну да нам плевать, пусть сильнее бьют друг друга.

Выглянув в смотровую щель, я ничего не увидел. Наш бронепоезд притаился за небольшим леском, а дальше — водная гладь. Но не Волга. Речушка так себе. И лес по берегу. Где там бой — даже дымов не видеть.

— До пúстыни отсель по прямой минут пять, быстрым шагом. Но мы подъедем. Со всем форсом. За две. — Звяга приткнулся спиной к бронированной стенке вагона рядом со мной. — Ждём.

Ничего мучительнее ожидания я не знаю. Но надо. Надо ждать. Вот мы и ждём. Правда, я не знаю чего. Ну так я и не команду парадом, это пусть Звяга знает. А уж он-то ориентируется на свои предвидения. Или ещё на что-то?

Точно, в стенку вагона постучали снаружи.

Сидевший с прикрытыми глазами Звяга распорядился:

— Впустите.

Дверь отъехала на направляющих ровно до середины проёма. В который ловким рывком вскочил соратник предсказателя, один из тех двоих, что озаботились его раной после того, как мы вернулись от западни, где меня с девчонками пленили. Ну, или взяли в союзники. Кому как нравится. Ия так точно в плену. Пока не выздоровеет. Или не освободится от чар предсказаний, коими она якобы предназначена Звяге. А Казя... Казя где-то посреди Волги, на «Бойком». Не плен, а почётная ссылка. Чтоб не мешала предвидеть. И только я, как настоящий союзник, на баррикадах. Вот и бойница моя...

Опять выглянул в смотровую щель.

Обмен выстрелами за леском пошёл на убыль. Точнее, с одной стороны стрельба стала реже, а вот с другой...

Я так понял, что обороняющиеся, почуяв слабинку наступающих дружинников Марганы, со всем жаром решили дать им бой, патронов не жалея. А откуда слабина?

...— Уходят, как пить дать, уходят, — я наконец прислушался к докладу разведчика, возвышавшегося над Звягой. — Уже в лодках многие, а три расшивы и паруса даже поставили.

— Ждём, — вновь разлепил губы наш предводитель, не поражая многословием.

И мы, человек двадцать, взрослых мужиков, вновь притихли. Ещё немногим более полусотни томились в двух вагонах. Причём, в теплушке, на которую бронелистов не хватило, было комфортнее всего. Наша броня, раскалившись на солнце, начала отдавать тепло, и мы медленно плавились, исходя потом. Хорошо хоть запас воды взяли.

— И чего нам теперь ждать? — ткнул я кулаком в бок Казимира, продолжавшего смотреть в плотно сжатые веки.

— Вылазки. Иов на разделение войск Марганы непременно ответит вылазкой своих.

— А разделение-то с чего вдруг?

— А ты не понял? «Бойкий» в Романове. Вот Маргана и призвала своих...

— Значит, там не совсем так уж и далеко от войны? — возмутился я. — А ты девчонку туда послал.

— На берегу только наш десант. Всё, что наскребли. Не больше, чем здесь. А «Бойкий» только огнём поддерживает. И Казя на нём. С ней мы и общаемся. Чтоб,

значит, — Звяга поморщился от натуги: — синхронизировать наши действия.

Слова такого он знать точно не мог. Значит, опять в моих мозгах ковырялся. Потому и корёжило его. Ладно, сам виноват, повод дал, с вопросами полез.

Ещё через час ожидания невидимый нам бой внезапно усилился.

Вылазка? Прав был Звяга?

В дверь вновь забарабанили. И снова впустили разведчика.

— Братия из-за стен пúстыни вышла, верх вроде как берут, — разведчик не сдерживал своего нетерпения. — И нам бы пора.

— Рано. Ждём, — Звяга вновь был немногословен. Но ропота не было. Ждать, так ждать. Я, похоже, единственный, кто не был готов продолжить ожидание. Потому как не понимал его смысла. Вроде ж ломают Маргану, чего б не пособить? А потом на спинах братии ворваться в монастырь.

— И оказаться в окружении, — разлепил губы Звяга, отвечая ходу моих мыслей.

Пришлось, пусть и мысленно, признать, что он прав.

— Но, как хороший вождь, мог бы и просветить, хотя бы приближённых, о своих замыслах и планах.

— Рано, — оборвал меня Звяга, и я умолк. Чтоб не терять лица. Какой-то прорицатель оказался меня мудрее? И где? В далёком то ли прошлом, то ли вообще выдуманном мире? Ладно, подождём. Недолго, надеюсь осталось.

Мне бы хотелось, чисто эгоистически, чтоб Звяга ошибался. Какой-то заморыш, без образования. И возрастом

не вышел. А тут я. Из будущего. С военным образованием. Пусть и не высшим. Но готовый полководец. И поди ж ты, в подчинении. Давно такие мысли меня не посещали. С той самой поры, когда ещё молодым капитан-лейтенантом вытравил из себя страсть к начальствованию. Да, был горд, что поднялся на вершину. Но властвовать не хотелось. И мало утешало, что в подчинении оказались и старшие по возрасту, и старшие по званию. Потом было ещё немало таких пиков, но никогда дух зависти верх не брал. Так почему он тут проснулся? Слишком велика разница со Звягой? И пусть ему. Мне-то какое дело. Я здесь — временный, калика переходный. А ему тут жить. Ну и пусть живёт, как знает. Или именно в этом причина того, что я завёлся? Не хочется мне, чтоб сбывались его пророчества. Особенно в той части, что вся эта война вокруг меня вертится. Хоть сам я в том почти не сомневался. Но не верить в это всё же хотелось. Чтоб выжить. Правда, давно уж я не цеплялся за жизнь, можно было бы и сейчас не дёргаться...

8

— Звяга, там это...

Явившийся в очередной раз разведчик, был бледен от испуга.

— И чо? — Звяга глаз так и не открыл.

— Прозевали мы. Виноват. Не видел, как они вернулись.

— Кто? — Звяга, скорее всего, и так уже всё знал. А спрашивал для меня и остальных уставших от ожидания.

— Дружинники. Как отплыли — все видели. А как вернулись и высадились за лесом — прозевали. Тихонько подошли. И опрокинули всю братию. Бегут оне. В пұстынь бегут Иовы служки!

Звяга зыркнул на меня из-под прикрытых глаз. Насмешливо так. Видишь, мол, что вышло, а ты уже хотел ввязаться в драку. И что было бы?

Да я и сам уже понял свою ошибку. Дружинники Марганы оказались не так просты. И не в Романов они рванули по зову своей хозяйки, а, отплыв, притаились где-то за изгибом реки. А как Иов ломить начал — накинулись и ударили спину вышедшим из-за стен.

— Просыпаемся, — не то скомандовал, не то констатировал факт Звяга. — Будем готовиться, скоро наше время.

— Так это... Отвлекающий манёвр не сработал? — спросил я, всё ещё надеясь получить превосходство над прорицателем.

— Ну как сказать... Маргане просто не до нас. Ей бы Романов удержать. А Иов... Так, сопутствующие потери.

— Ой, не скажи. Вопрос власти и чести. У вояк Марганы есть свой флаг, штандарт? Или ещё что-то в таком духе? Как они знают, где вождь?

Звяга не ответил, а уставился на разведчика.

— Кто им скомандовал отход? Ты вот с Казей общаешься, мыслями обмениваешься? А Маргана? Как она вести получает? Из того же Романова. И как Иов сообразил, что войска отозваны в утраченную столицу епархии? Не мог же он просто так купиться на погрузку в лодки части вояк...

Звяга совсем сконфузился.

— Так это, — подал голос разведчик, хоть его и не спрашивали. — Хоругвь Марганы над станом ейной дружины, на берегу. И никуда не уходила.

— Здаётся мне, мил человек, недооценил ты современные средства связи, — хмыкнул я.

А связь тут была. Почтище мобильной. Или радио. Которые подвержены помехам. И нуждаются в усилении сигнала, дополнительных станциях...

Маргана пользовалась мгновенной связью. Мысль в мысль. Мог бы и раньше догадаться. Иначе как она меня бы повязала? Только отдав мысленные приказы своим нукерам, а уж им устроить западню было делом техники. Или навыка. Хотя скорее всего просто исполнительности.

Таким же навыком — мгновенной связи — обладал, видать, и Иов. Имевший, помимо прочего, своих соглядатаев в Романове. Отсюда и скоординированность действий: одни вроде как бегут, другие — наступают.

Но даже в таких процессах бывают сбои. Вот и Иов слишком доверился своим глазам в Романове. А те на миг отвлеклись. И не сообщили о подходе подмоги. Точнее, о том, что она никуда не пошла.

Додумать все эти мысли я не успел.

К вагону подбежал ещё один разведчик:

— Там это... — не успев отдышаться, начал он. — Уже и в пúстынь ворвались...

— Поднимай пары! — гаркнул Звяга. — Все по местам! Атакуем!

Ощетинившись оружием из каждой смотровой щели, бронепоезд стрелой выскочил из своего укрытия. Лишь на слишком короткий миг выдав своё присутствие шапкой

дыма. На столь короткий, что сражающиеся заметили его слишком поздно. А колея вела бронированное чудовище прямо к стенам пустыни. Потому что под ними когда-то давно, видать, ещё в те времена, когда поезда здесь бегали куда чаще, были и пристань, и грузовая — товарная — станция. И пакгаузы с торговыми рядами. Так что Звяга не обманул — мы домчались с ветерком едва ли не в эпицентр боя. И тут же выкосили ряды что атакующих, что обороняющихся. Не под ноль, конечно, что жаль. Но проредили изрядно. Одни уцелевшие бросились к воде, ища укрытия за лодками. Другие — за зубчатые стены, за которыми высились маковки не менее чем трёх храмов. Вот только заждавшиеся схватки бойцы Звяги были неудержимы, и поле боя уже было за нами. Ещё до того, как атакующий бронепоезд высадил свой десант.

Из «вороньего гнезда» на крыше нашего моторного вагона бронепоезда залиvistо ударил пулемёт. Как в своё время пулемёт «Бойкого». Но тут и расстояние было поменьше, и не качало бронепоезд так, как волжская волна играла с грузовой яхтой епархии. Так что от лодок полетели только щепки. И заговорили колокола храмов, задетые случайно очередью.

— Бом, бом, бом!

А там и полыхнуло что-то во дворе пустыни, защищённом стеной. Хорошо Звяга подготовился: пулемёт, гранаты, зажигательная смесь... Через пять минут полыхал уже весь край стены, обращённый к пристани. Так что защитникам Иова стало некуда бежать: ворота узкие, и во двор, под защиту стены не пробиться. А пламя наступает. И надо либо погибнуть, либо сдаться.

Поднять руки оказалось проще. Как и дружинникам Марганы, выделявшимся на общем фоне бордовыми беретами да шевронами. Береты, правда, были далеко не у всех, многие их потеряли. Зато шевроны белым крестом выдавали принадлежность к служкам злобной владычицы обезглавленной епархии.

Почему обезглавленной? Да потому, что стрельба ещё не стихла, а под заунывный колокольный звон из так и не закрывшихся после вылазки ворот пύстыни показалась траурная процессия.

В том, что процессия траурная, сомнений не было не только из-за плача колоколов.

Шли сплошь попы. Чёрные сутаны. Такие же клобуки. И бордово-бархатная ноша на вытянутых руках. С крестами по сутане. Вышитыми.

Иов? Помер от страха? Или свои же порешили?

Мне сквозь бойницу левого борта трудно было однозначно ответить на этот вопрос.

— Глянь-ко сюды, — дёрнул меня за рогожку Звяга, вглядывавшийся в происходящее вокруг через смотровую щель правого борта. В этот раз мы с ним, как и положено предводителям воинства, сами в бой не кинулись, остались под защитой брони. Точнее, Звяга так повелел мне. И сам остался. То ли для того, чтоб я не смотался, то ли и взаправду решив не рисковать, наученный уже имеющейся раной.

Я выглянул.

Справа к бронепоезду приближалась такая же процессия, как и на выходе с подворья пύстыни. И хотя до неё было дальше, я безошибочно узнал лежащую на руках

дружинников Маргану. С обескровленным лицом. Укрытую в хлам изодранной и окровавленной сутаной.

Ну, да, 12,7 миллиметра крупнокалиберной пули оставляют заметный след. Очень заметный...

Теперь-то уж точно умерла...

Десант с бронепоезда окружал выживших. Близился час триумфа. Или минута славы. Как повезёт. Следом за Звягой я выскочил из бронированного нутра железного монстра, принёсшего нам победу.

Две похоронных процессии сошлись почти лоб в лоб. Туда мы и направились.

На Иова Звяга едва взглянул. К Маргане подошёл поближе. Я — следом.

— А это что?

На груди Марганы, перепачканной кровью, лежала высохшая кисть руки, на которую Звяга внимания не обратил, а я, по наивности, схватил.

Обернувшийся прорицатель с ужасом уставился на меня. Или на жуткую штуку в моих руках. Сморщенную, сухую, но почему-то кроваво-красную, а не серую, как обычно бывает у мумий.

Но не цвет его напугал. Хотя я и был вроде как более образован, но Звяга, по местным меркам, знал больше. И применительно к своему веку. Впрочем, нет, летоисчислению. Век у нас был один. Времена разные.

— Рука славы, — враз посеревшими губами прошептал он.

— Что за хрень? — я уже был готов бросить культю под ноги, но Звяга продолжил:

— Рука висельника... Отрезается и высушивается...
С наложением заклятья... Красная... Значит, огонь...

Я ничего не понял. Но вспомнил. Когда меня волокли в Романове к яме, один висельник был без руки.

— Точно, у висельника отрезали. Ещё по весне...

И в этот миг культа полыхнула пламенем. Прямо у меня в руках.

Огонь был такой силы, словно его раздували гигантские меха. Или лилась струя из огнемёта.

Выжить в этом пламени мало кому могло посчастливиться...

9

...Точно так же и тоже голенькой передо мной когда-то давно стояла Полли. Подросток. С едва наметившимися женскими прелестями. Пелагея же была девушкой видной. Считай в самом соку.

Навершия её грудей торчали острыми копьями. О которые я готов бы уколаться. Но не забыть. А истечь лаской к жертвующей ради меня своей молодостью девушке. Плоский живот заканчивался внизу полоской тёмных волос. Из которой росли стройные ножки. Росли, да не выросли — Пелагея едва доставала горловой мне до подбородка.

Но было в её фигуре ещё что-то, притягивающее взор.

Почти монашеское платье и сестринский апостольник, оказывается, скрывали не дефект фигуры. А самую настоящую хворь. Заболевание, которое в эту эпоху, без витаминов и нормальной врачебной практики, было почти неизбежным для ребёнка из семьи небольшого достатка.

Сколиоз. Искривлённый почти в дугу позвоночник. И пока ещё небольшой горбик. За правым плечом. С возрастом он станет только больше. Это и к гадалке не ходи.

Все это было не видно, пока Пелагея наносила свои хламы. Но сейчас, сбросив, как лягушонка свою кожу и оказавшись в одной только неприкрытой наготе и в запахе мыла, с которым она успела где-то вымыться и, похоже, холодной водой, судя по мурашкам на коже и вздёрнутым соскам, всё вышло наружу.

Мне стало её жалко, маленькую, наивную девчущку, жаждущую мужской ласки. Которую, как она видела, получали многие в её окружении. А её любовью обходили.

— Это из-за этого... — Я не знал, как сказать, как убедить девочку, что не стоит отдавать своё тело первому встречному только потому, что это тело с изъяном. Который может отпугнуть других мужчин. — Из-за...

Я протянул руку, и коснулся её плеча, уже обезображенного болезнью.

Пелагея сжалась, вспомнила, что стоит обнажённой перед мужчиной, робко прикрыла пушок внизу живота ладошкой. Вторую руку поднесла к груди. Но, словно уколовшись о свои соски, тут же опустила.

— Ты поэтому решила меня... Избрать. Боишься, что другие будут тебя презирать? И отвергнут? Глупенькая. Ты же очень красивая. Юная. У тебя все впереди и вдруг... Такой выбор. Старик.

— Вы не старик...

— Миленькая моя, хорошая! Да не был бы я стариком, женился бы без раздумий! Ты сильная, славная. А это...

Я погладил плечо девушки, изуродованное горбом. Поцеловал в лоб, под самую линию волос. И притянул её к себе. Уже стесняясь своих одежек.

...Пелагея быстро нашла нам комнатуху при лазарете. Что уж она там говорила своим товаркам, не ведаю. Но не прошло и получаса после нашего возвращения из цеха, где стоял броневаягон, как в руках у девушки был заветный ключ. А сама она благоухала хозяйственным мылом и холодной свежестью. Правда, перед тем, как мы уединились, в коридоре лазарета нас повстречала и проводила строгим взором чопорная дама неопределимого на первый взгляд возраста. Завидев её, Пелагея вспыхнула, поникла на миг головой, но тут же выпрямилась, сделав книксен или как он там называется — эдакий полуприсед перед старшим по званию и возрасту. Дама в двубортном халате с застёжкой спереди на три пуговицы, с отложным английским воротником и карманом на левой стороне груди, никак не отреагировала. Но меня огрела таким взглядом, что мурашки по спине побежали. И что с того, что я был старше и возрастом, и званием? Она тут была хозяйкой, а я вносил разлад в отлаженный ею организм лазарета. Одну девицу соблазнял, остальных — искушал тем самым.

Удаляясь, дама продемонстрировала нам спинку своего халата со швом посередине и с хлястиком, втачанным в боковые швы.

— Старшая медсестра, — шепнула Пелагея, переводя дух. Хотя и не её начальница, но субординацию никто не отменял. И тут же вставила в дверь за спиной заветный ключик.

А ещё через минуту она переступила босыми ногами через упавшее на пол серое платье с передником. Апостольник ещё раньше через всю комнатушку улетел к окну, накрыв кем-то заботливо приготовленные стаканы и пузатый чайник с подкопчённым боком.

Только после этого я начал неуклюже стаскивать свои одёжки, не отводя взгляда от взволнованно вздымающейся девичьей груди.

— Ты прости меня, моя хорошая... Что я могу тебе дать? Только толику утешения и ласки? Тебе нужен муж. Который будет холить тебя и лелеять. Ведь ты того заслуживаешь...

Говорить-то я говорил, но глазами пожирал наготу Пелагеи. И протягивал, тянул к ней свои руки, ласкавшие до неё немало женщин.

«Что ж я делаю?» — мысленно укорял я себя. Но поделаться с собою ничего не мог. Это было сильнее меня — желание обладать этой прелестной девушкой.

Помотав в воздухе ногой, я наконец полностью освободился от засевшей на стопе штанины, подхватил Пелагею, прикинув к её белой груди своей волосатостью. Шаг назад — и подставившая мне подножку кровать приняла нас в свои объятия.

Быстро опрокинув девушку на спину, я прошёлся руками вдоль её тела, от плеч до самой талии. Пелагея ответила на мои прикосновения протяжным стоном. Не похоже было, что она делала это, кому-то подражая. Она вся дрожала, от нетерпения и ожидания, и стон был всего лишь реакцией на это ожидание. Она хотела всего и сразу. Хотела и... боялась.

— Всё будет хорошо, — шептал я. — Я не сделаю тебе больно. Но себе уже никогда не прощу...

Пелагея вцепилась пальцами в скудную растительность на моей голове, прижала её к груди, заставляя замолчать. А потом толкнула голову вниз, на плато плоского живота, на котором даже при самом большом желании нельзя было найти и капли жира. По инерции я проскочил даже дальше, притормозив только в зарослях, давших чудесные всходы в виде двух великолепных ног. Но, сдаваясь на милость девушке, я вскинул руки и ладонями накрыл горные вершины её груди, слегка надавил, раз, другой, прислушиваясь к тому, как соски набухают, рвутся ввысь. Хотя, казалось бы, куда дальше, они и так уже были во всеоружии, тронь — и поранишься.

Опасаясь опростоволоситься, я вернулся чуть выше, нашёл языком ложбинку пупка. И был немедленно наказан — пальчики Пелагеи тут же впились в мой затылок, вновь толкая голову вниз, туда, откуда я только поднялся на животворное плато.

Язык заплутал в зарослях, нашёл источник, из которого вытекала левая нога, такая гладенькая и белая. Потом пришёл черёд правой. А после...

После я уже не мог остановиться. А Пелагея — ждать.

Возраст и всё пережитое в минувший день притупило мои рецепторы. Поэтому, неспешно войдя в девушку, буквально проскользнув в узкую щель, протиснувшись вопреки её рефлекторному сопротивлению, я продержался довольно долго. По крайней мере, дольше, чем ожидал.

...А потом мы лежали обнявшись. И я ласкал её грудь. И шептал, повторяя только одно слово:

— Прости... Прости...

И так бы и повторял, ещё неведомо сколько, если бы Пелагея не накрыла мне рот своей узкой ладошкой:

— Всё хорошо, милый. Всё просто замечательно! И я люблю тебя... — и поцеловала меня перед тем, как уснуть на моей груди.

Мог ли я ответить тем же? Поцеловать — да...

10

Меня разбудил шорох за дверью. Монотонный. Надоедливый.

Не открывая глаз, я потянулся губами — поцеловать Пелагею. Но уткнулся носом в подушку. Давно остывшую. Сбежала? Куда, зачем?

Вспомнил, чем мы занимались, и ужаснулся себе — ну как я мог! Зачем?! Ей нужна чистая любовь, а не моя похоть!

Вот и ушла она, ещё одна ушла. И вновь я один. Где-то вне времени. На узкой продавленной кровати. В тишине каморки в дальнем коридоре лазарета.

Но куда девались, помимо Пелагеи, больничные запахи? И что за шорохи в конце концов будят меня, когда можно спать и спать? Почему? Да потому что время вышло. Моё время. Время любви. И полной жизни.

Шорох за дверью настойчиво елозил по ушам. Кому я понадобился?

Окончательно проснувшись и резко поднявшись на локтях, я не узнал каморку, в которой мы вчера уснули.

Я был дома. В доме, которого быть не могло. Потому что он сгорел в пламени взрыва, унеся моего заезжего или

скорее залётного гостя и маленькую девочку в неведомые дали. А я стал бомжом. И бичевал до сей поры по чужим мирам и временам. Но то было вчера. А сейчас я был дома.

Не узнать его было невозможно. Вместо маленького тусклого окна каморки — стеклопакет. За плотно сдвинутыми шторами. Но с распахнутой створкой, чего мне очень не хватало в комнатухе, где мы с Пелагеей предавались любви. Не то чтоб любовь не могла заменить мне глоток свежего воздуха... Просто привычка. Даже зимой, хоть и на микропроветривании, но с открытым окном. Разве что отгороженным от улицы москитной сеткой. Которую в силу хлипкости конструкции я не снимал даже зимой.

Но главное шорох... Вряд ли кто в лазарете подслушивал нас под дверью каморки. А тут шорох раздавался за дверью. Моей дверью. Такой знакомой, открывающейся наружу.

Уже наученный горьким опытом, и даже слишком учёный, я не стал заикливаться на двери и шорохах за ней. И первым делом потянулся за одеждой. Её не было там, на полу, куда я бросил накануне своё одеяние. Да и платье Пелагеи тоже исчезло, как и её апостольник.

Зато были старые верные джинсы. И выгоревшая застиранная рубашка с лейблом «Wrangler». Своя, домашняя. А не добытая в ризнице или снятая с человека, пытавшегося меня убить.

Ещё не втиснувшись джинсы, прямо с кровати, я проверил ящик стола, в котором хранил свой кортик. На месте. А ведь он тоже исчез в том взрыве, что лишил меня жилья. И что это было если было? Или ничего не было? Ни взрыва, ни Пелагеи с Дашей, ни даже Весей...

Предательски молчал Тишка. Или его тоже не было?

Я вышел в коридорчик, причудливой, зеркально отражённой буквой «Z» объединяющей всё моё жилое пространство в квартиру, шагнул к двери. Шорох за ней не просто повторился, он усилился. Теперь это был скрип. Но проверить, что там такое, я не рискнул, памятуя, чем это закончилось в прошлый раз. Которого тоже вроде как не было. Но это времени у меня не оказалось на проверку происходящего вне зоны моего взгляда.

Над дверью, такой, казалось бы, надёжной, потому что внутрь её было сложно впихнуть, магниевой вспышкой полыхнуло белое пламя. Молния? Ведь следом ударил гром, стеганул по барабанным перепонкам....

Воздух наполнился цементной пылью. Гарью. Вонью ещё не сгоревшего до конца то ли тротила, то ли аммонала, не разбираюсь я в таких тонкостях взрывного дела. Да и некогда — в квартиру, по уже заведённому сценарию врывались люди, в чёрной форме, в тяжёлых башмаках, с оружием в руках. Сколько их уже было, таких наглых и напористых. Ничто не меняется в отечестве...

— Лежать! На пол! Лицом вниз! Руки за спину! Не шевелиться!

Команды опять сыпались как из рога изобилия. И опять не всегда в логической последовательности. Но мне уже всё было пофиг. Потому что всё это уже было. И всё ж, опускаясь на колени, а потом и лицом в пол, я, как давным-давно заведённый, бросил:

— Вытирайте ноги! Я только полы вымыл!

За что тут же получил удар по затылку, от которого никак не мог увернуться. Потому что он уже был, и не единожды.

— Чисто!

— Чисто!

— Чисто!

Это, опять же, не про вытертые башмаки на грубой подошве. Это ворвавшиеся в который раз отчитались, что в квартире больше никого. Попугая за человека они не считали. Или и его нет?

За мной всё-таки пришли. И не из прошлого. Не с какого-то бокового ответвления истории.

Пришли здесь и сейчас. Вот только какое это сейчас? И что будет дальше? Потащат в суд? Или уже не до того, учитывая, сколько народу оказалось стёрто с этой страницы истории? Даже из числа, казалось бы, самых неприкасаемых. А всё почему? Потому что вершители судеб, утверждая, что можно простить всё, за исключением предательства, откровенно ввали. В глаза. На миру и на виду давно отупевших миллионов. А те лишь кивали, на всё соглашаясь. Надеясь, что минует их чаша сия.

Не минует. Вот как меня сейчас. Потому как сказ о непрощаемом предательстве был всего лишь публичным признанием в том, что якобы не прощающий сам предавал, если надо лгал, и даже не единожды. А не мог он простить только одного: пережитого страха. Страх, порождённого предательством, мнимым или настоящим.

Вот этот страх и привёл нынче эту орду в мой дом, в мою квартиру, выстраданную, но мою до последней пылинки. Пусть и оставленной незванным гостем, случайно

вышедшем не на той остановке. На полустанке, вместо станции. Но даже если и так...

Почему всё же они пришли? Я ж не предавал. Хотя что такое предательство? Порой в нём винят за объявление людям правды, знай которую они давно бы сами взяли за оружие. Но нет его. Оружия. Впрочем, и знания правды тоже.

Ну, да, не признавал. И не принимал. Так вот почему за мной! Пришёл черёд тех, кто не за. И теперь это едва ли не страшнее предательства. А желающих сострять донос — выше крыши. И прежде было так. Сейчас же — тем более. Даже среди тех, кого я считал близким. В том числе по духу. Но вычисление доброхота или стукачей, буде их несколько, меня не занимало. Потому как дело не в них, а в их количестве. Которое и взяло числом. И за мной пришли не потому, что я чем-то выделился на общем фоне. А потому, что не прийти не могли. Пусть я и не враждовал с властью открыто. Но... Сузилась кормовая база. А аппетиты только возросли. И пришло время бить даже своих. Хоть и кормилец из меня не важный, и не вхож я в круг своих, однако же пришло время и меня ободрать. Как липку. Но я не одинок. Придут ко всем. Поздно или рано. Но придут. Как сейчас пришли за мной. Любой, кто остался в пределах досягаемости, обречён. И это будет не ответный удар империи, потому как нападения на неё не было. Это будет сама её суть: уничтожать всё живое. Потому что она империя мёртвых. Умом, духом. И даже телом. Даже живые старики пахнут не очень. А мёртвые и подавно. Разложившись сами, они разлагают и всё вокруг. И нет лекарства от этой заразы. Кроме иссечения поражённой ткани. А в случае гниющей

империи — отсечения головы. Да и потом ещё придётся резать и резать, буквально кромсать поражённое тело. И не дай бог останется хоть малейшая крупинка заразы...

Но об этом сейчас было поздно думать. И я сосредоточился на том, дошли ли уже до внесудебных расправ такие визиты, или эта высота ещё не взята? Потому как от этого зависело, буду ли я жить, пусть и мучаясь, или же пришёл мой последний час.

Если и был час последним, то от того, что уже было, он отличался мало:

— Гражданин Любавин? Есть ли у вас что добровольно предъявить из незаконного? — пророкотал голос из-под маски надо мной. Или из-под каски? Было в нём что-то металлическое...

Что не упырьём обозвали, уже хорошо. Или, наоборот, плохо?

— Есть! — елозя губами по полу, просипел я. — Незаконное вторжение в квартиру — раз! Порча имущества — два! Нанесение побоев...

Договорить мне не дали, впечатав башмак под рёбра так, что дух надолго перехватило.

— Паясничать на зоне будешь. Если живым доедешь, — популярно, и уже не в первый раз объяснили мне перспективы. Добавляя аргументов. В виде ещё пары ударов по рёбрам и почкам.

Воспользовавшись паузой между ударами, я попытался поднять голову и рассмотреть говорившего. Или бившего. Кого удастся. Чтобы запомнить. Когда-нибудь сочтёмся. Шансов на это конечно, практически, не было. Но

я и прежде так думал, однако же везло порой. Как в сказке. Которой приходит конец. И больше повезёт вряд ли.

— Правило Миранды зачитать не просит? — бросил глумливо кто-то с другой стороны комнаты, оттуда, где я никого видеть не мог даже в маске. — Насмотрятся порнухи, а потом права качают...

В жизни всё повторяется. Порой несметное число раз. Если не дошло с первого. И всё происходит снова. Но чуть-чуть по-другому. Всё то же самое, вот только слегка иначе. Пока не дойдёт, пока урок не будет усвоен окончательно.

— Ладно, вставай, — неожиданно смиростивился интересовавшийся наличием хоть чего-нибудь незаконного, но сданного добровольно. — Будет тебе сейчас Миранда. Все свободны. Кроме Миранды...

Из-под маски в дальнем конце комнаты раздался приглушенный смешок...

11

Боль. Она была повсюду. Как и окружающая меня тьма.

— Михалыч, ты как, живой?

Голос был знаком. Но звучал откуда-то издалека, где мне прежде бывать не доводилось.

Я попытался хотя бы застонать, чтоб дать понять: живой. Но не вышло. В груди всё не просто слиплось — запеклось. Сплошной корочкой. Как курица на гриле. Только изнутри.

— Молчи, не дёргайся. Ты глотнул огня. Который Маргана упрятала в Руке славы. От него ещё никто не

выживал. Ты — первый. И единственный выживший из тех, кого полымя достало.

Я начал смутно припоминать, как поднял с груди Марганы мёртвую кроваво-красную руку, полыхнувшую уже в моих, тогда ещё живых руках белым пламенем. Или то в глазах у меня побелело от боли? Ведь мои руки сгорели. И не просто сгорели — я весь умер в огне.

А кто в таком случае со мной разговаривает? Апостол Пётр? Так в рай мне не по заслугам...

Перебирая в уме всех, с кем мог бы заговорить в потустороннем мире, я малость забылся. И боль отступила. Поэтому мысль сформировалась чётче: не я мог бы заговорить, а со мной могли пообщаться. Этот круг стал значительно меньше.

Звяга. Вспомнилось имя безо всякого напряжения. Но произнести его обожжёнными губами я не мог. Как и увидеть. Потому что глаза тоже сгорели.

— А ноги? Ноги чувствуешь?

Я попытался что-то промычать. Даже не знаю что. Потому как не знал, чувствую ли я ноги.

— Попробуй левую подтянуть, — видимо, поняв, что слов от меня не дожидаться, Звяга решил зайти с другой стороны. — Так, хорошо. А теперь правую.

Я и не знал, что могу двигать ногами. Да и двигал ли? Это Звяга так считал.

— А вот и Казя.

Сопоставив свою немощь с тем, что я слышал, представил, как могу выглядеть. Обожжённый. Без глаз. Со спёкшейся в нечто неразделимое полоской рта. Если там вообще что-то осталось от рта.

Я не хотел, чтобы меня видели таким. Тем более — девочка.

Сопrotивляясь такому свиданию, я замычал. Но Звяга не обратил на мой протест никакого внимания. Зато Казя выдала и себя, и то, что я совсем плох, вскрикнув от ужаса.

— Тихо, дочка, тихо. Страшно, но не смертельно. Раз он до сих пор жив. И тебя, вишь, дождался, и рвёт на себе палёную кожу. Шанс есть. Тот, которым надеялась Маргана воспользоваться. Её ж, поди, не сдаваться несли, они и после всего не поняли, кто их разбил. Да и труп Иова туда ж тащили. Вот и сошлись... А мы пойдём дальше.

«Дальше — это куда?» — хотел спросить я. Но не мог. А потому просто ждал, что Звяга скажет дальше.

— В лабиринт?! — негромко выдохнула девочка. Это был голос Кази, каким я его помнил. Но она же в Романове? Или я уже столько немощен, что она за это время сумела сюда добраться? Ну, да, Звяга, кажется, это и имел в виду, когда говорил, что я её дождался. А смысл? Ослеп, речь потерял, изнутри обгорел, а снаружи вообще обуглился... За счёт чего и жив только, если никто прежде от этого адского огня не выживал?

— Время дорого, — не стал ничего пояснять Звяга. — И так много потеряли, тебя дожидаясь. Бери его с другой стороны...

— За что ж брать-то, сплошной ожог...

— Просто бери. Где сможешь. Он покуда ничего не чувствует. Токмо ноги. Да и те переставлять придётся. Вот только долго это не продержится, а я всю силу свою в заклятие влил, больше не смогу.

— Так я ж могу...

— Ты другое будешь должна сделать. Так что не отвлекайся...

В тот же миг боль пронзила меня от плеч до пояса, выжигая в теле то, что ещё не сгорело.

Я замычал — даже застонать не вышло. Это как с кляпом во рту пытаться говорить. Но от накатившей боли я даже забыл — как это говорить...

А меня ещё и тащили куда-то, поочерёдно переставляя мне ноги.

Крик боли, нечеловечески невыносимой, умер так и не родившись. Умер внутри обожжённых лёгких. Не смог прорваться сквозь спёкшиеся губы. Разлепить их не мог ни я, ни боль, рвущаяся наружу. Мне казалось, что они сшиты толстыми суровыми нитками. Как губы мамы, зашитые после смерти деревенским эскулапом — неровно, грубыми стежками, но прочно, чтоб душа не вылетела прежде, чем тело будет предано земле.

Меня предавать земле, судя по всему, пока не собирались. И губы без всяких швов пока ещё сдерживали рвущуюся наружу душу. Зато кожа сама лопалась. Отходила слоями. Отваливалась лоскутами. И падала наземь с грохотом пустых кастрюль. Но это я так слышал и чувствовал. Другим чувствовать эту боль было не дано. Как и слышать её крик.

Он прорывался в трещинах почерневшей от пламени кожи. Но вытекал тихо, с лопающимися пузырьками подкожного жира, почти неслышно для человеческого уха. А в децибелах, равных по силе звуку атомного взрыва, рвал только моё полумёртвое нутро. Ну и, наверное, катился

слезами, из выгоревших почти до мозга глаз. Если там могли остаться протоки слёзных желёз, что вряд ли. Так что лицо не увлажнялось слезами. Хотя это, скорее всего, и к лучшему. Меньше соли на ранах. А лицо должно было быть одной сплошной раной. Хорошо, что я его не видел. А вот Казю, видать, его вид напугал. Только что там этот испуг. Ей ещё и хоронить меня придётся. Вот где нарыдается. Но это я уже от жалости к себе. Может, и не будет она рыдать. С чего бы? Кто я ей? Только лишь прохожий. Едва переставляющий ноги.

На этой мысли я, наконец, отвлёкся от боли. Но, оказалось, не столько от мысли.

Я действительно переставлял ноги.

12

— Не говорил тебе, пока ты был совсем плох, — Казимир Звяга, провидец и предсказатель, сидел у меня в изголовье и держал мою руку. Едва ли не такую же красную, какой была Рука славы. И дёрнуло же меня её поднять с груди умирающей Марганы...

— Ладно, чего уж там, выкладывай. Я и так уже узнал больше, чем следовало знать. И не помер. Хотя да, многие знания только умножают печали.

— Это ещё больше умножит твои печали.

— Спасибо, что предупредил, — пожал я плечами. Кожа на них была ещё сухой и неприятно стягивала тело. Но цветом уже походила на человеческую, не то, что руки. — Ведь всё равно узнаю. Чуть позже, но узнаю. И буду в печали. Так что говори, не тяни.

— Не я тебя спас...

В удивлении я вскинул чуток отросшие брови, точнее серые колючие остяки на месте прежних чёрных, густой с проседью кущей. Не Звяга спас меня? А кто? Казя подросла на «Бойком», когда я уже готовился отойти в мир иной. А до того рядом никого и близко не было. Даже без учёта того, что часть воинства Звяги сгорела в полыхнувшем пламени колдовской руки.

— Моих сил только и хватило боль твою чуток унять. А так... Это дело рук Олеси, — не стал он долго ходить вокруг да около.

— Она-то каким боком тут оказалась? — удивился я.

— При Маргане была. Когда ту шальным осколком из мортрики Иова задело. Метит бог шельму, ох метит!

Моему удивлению не было предела:

— Я-то думал, что это наши её покрошили...

— Ранило её ещё допрежь того, как мы ввязались в драку. — Моей руке в ладони Звяги было уютно и тепло. И хоть твердил он не раз, мол, не по плечу ему лекарские премудрости, я понимал, что благодаря именно таким прикосновениям и идёт моё выздоровление. Идёт вопреки адскому пламени, сжёгшему плоть, но пощадившему мятежную душу. А Звяга неторопливо продолжал меня не только лечить, но и просвещать: — Самой-то Олеси да, не было тут. Ну так она живёт уже столь много кругов, что давно умеет быть в разных местах в один час. Вот и тогда...

Значит, умение воссиять над площадью, смутив умы паствы, не единственный её навык? Действительно, лучше бы об этом не знать. Хотя нет, надо. Мне ж ещё Всею вызволять из её лап. Или рук...

— Про это я тебе и реку, — вновь, поковырявшись, видать, в моих мыслях, переменял ход сказа Звяга. — Весею за то она и не отдаст...

— Ну и на кой хрен мне такая жизнь, ценой другой жизни? — возмущённо рявкнул я и выдернул руку из цепких пальцев Звяги. Как ни пытался он удержать мою ладонь, я оказался сильнее. Точнее, моя злость. А то и ярость.

— Ты не кипишуй, — опять он выудил слово из недр моего мозга и памяти. — Выслушай вначале. Не так уж и не права Олеся...

Хоть и распирала меня злоба, но я всё ж прислушался к прорицателю. И по всему выходило, что права Олеся.

...За те дни, что я провёл в постели, сплетённой из крапивы, лебеды или иных каких трав, многое передумать довелось. Вплоть до того додумался, что никуда я из своего времени не делся. Просто оно другое. Ведь в том же летоисчислении оказался, разве что с другой записью прожитых годов. Или наоборот? В том же году, но в ином летоисчислении. А что куда более мудрые, чем я, говорили в таком случае, от чего предостерегали? Эффект бабочки. Сломанная травинка могла изменить будущее. До неузнаваемости изменить. А я? Какая там травинка! Кому причинное место отстрелил, кого и вовсе со свету сжил. Даже на глобальное явление замахнулся — мор отменил. И если до сих пор не наблюдается пресловутый эффект, то либо бабочка была не та, либо время ещё не пришло. Я ж в своём времени. А что в будущем ждёт и меня, и всех остальных?

И вот теперь всё путает мой след. Биологический. Вот оно где собака порылась! Я из недалёкого будущего оставил

плод любви грешной в близком прошлом. Прежде, чем сам объявился. Это, конечно, не то же, что встретить самого себя. Но всё ж странно зачать до того, как вступил в очень близкий контакт. В истории описан только один такой случай. Да и то ему веры мало. Хотя сам он положил начало вере. Которой, пусть и в несколько извращённом — с поправкой на иное летоисчисление — виде поклоняются и Звяга, и Весея, и Маргана покойная с таким же покойным Иовом. А живой, надеюсь, Онисим, к примеру, верит не очень. Зато с точки зрения Весеи всё прошло в правильной очерёдности. Вот только я, да и, пожалуй, Звяга в курсе, что меня не могло быть в момент зачатия в объятиях хозяйки постоянного двора...

Значит, плод нашей любви выпадает из линейного хода истории. И его появление в ней — дело нежелательное. Или хотя бы подконтрольным должно быть. Что и решила устроить Олеся. Или устранить. Устранить опасность для мироздания. Потому как наши жизни, конечно, важны. Но для нас. А вечности на них начхать, мало ли микробов ползает по земле, что-то да выживет...

— Так что там? — умерив свой пыл, предложил я Звяге продолжить сказ.

— Да всё просто... Как полыхнула Рука славы, так Олеся сама и объявилась. Она ж и руку эту для Марганы создала. Той только нужно было у покойника свежего её отрубить. Да в лесные дебри Олесе доставить.

Вот теперь всё и сошлось.

Я вспомнил и покойника на виселице, у которого не было одной руки, и отсутствующую в тот момент Маргану... А как она мне втирала по поводу своего вояжа в Кукобой, к

бабке у леса! Спасти Иова, сберечь край от моря, да и вообще увидеть будущее...

Кое-что уже тогда обрело плоть лжи. Но истинный смысл стал ясен только сейчас.

Готовила Маргана оружие неодолимой силы. На всякий случай. Если не удастся совладать с Иовом по-хорошему. Ну или малой кровью. Ну и супротив Звяги. Меня, то бишь, на тот момент. Хотя знала она, скорее всего, что есть и истинный Звяга. Вот только в действие привёл это оружие я, хоть и против себя же. Ну и ещё нескольких десятков и вовсе невинных участников драки за власть. В которой я должен был быть статистом, из категории «Кушать подано!». А оказался вовлечён на самом высшем уровне. За что и поплатился.

— И что Олеся? — подстегнул я затянувшийся сказ.

— Да то... Сказала, мол, Маргана всё. Ушла. Навек. И распри тоже. А ей нет дела до нас. Но тебя спасёт. Вроде как должок за ней. Весея... Да и не до конца, однако, спасёт, не в её силах, мол. Поддержит токмо, помереть не даст. А дале как сам осилишь: пройдёшь лабиринт — будешь жить. Нет же — не её вина. Но за шанс такой оставит она у себя Весею. В обмен на твоё обещание не пытаться её вызволить.

— Но я-то не обещал, слово не давал, — попытался ухватиться я за соломинку.

— Ты — нет, я — да, — поставил Звяга крест на моих потугах вырвать Весею из лап чародейки. — Я так думаю, состарилась наша баба Олеся. На вид-то не скажешь, а так — да. Давно её никто в истинном обличье не видел. Вот и взяла она Весею, чтоб та её сменила. В избушке у леса. Она ж тоже вечная, как Иов был. Токмо не поповской властью, а

волхованием, ведовством жила. А тут, видать, почуяла смертный час. Да и задумки её все прахом пошли. Вот и решила уйти на покой. Да только нет у таких покоя. Должна быть Олеся, и всё тут. Всегда, покуда земля жива наша, у леса будет жить такая баба. И опять к ней молодухи будут бегать. За советом. За ворожбой.

— И что, без этого никак? Без ворожбы...

— Выходит никак...

Звяга привычным жестом поскрёб затылок. Видать, всё ж засомневался, что так уж нужна Олеся. Да куда деваться, слово ж дал...

13

Набившиеся в квартиру люди в чёрном мешали друг другу. Даже избить меня толком не получилось. И тот, кто предлагал правило Миранды мне зачесть, отдал распоряжение:

— Что, со слухом плохо? Ну-ка, пошли отсель... Все! Быстро, быстро! Или курс указать? Так я мигом...

Недовольно ворча в свои полумаски, вояки начали отползать за дверь. Не выходить или выбегать, как когда ломились в квартиру, а именно выползать — медленно, лениво, словно и не приказ исполняют, а по доброй воле уходят. Или одолжение делают. Потому что уходят, так ничем и не поживившись. Хотя глаза алчно горели, я видел, поднимаясь. Уж я-то адресованную мне часть приказа исполнил без колебаний, надоело на полу валяться.

Да, его отдал другой человек. С более безапелляционным тоном. Но ворвавшиеся в квартиру очередные гвардейцы каких-то тёмных сил слушались не

его. Он был номинальным старшим, а тот, с Мирандой, — прямым начальником. А то и непосредственным. Высокому начальству всегда недосуг возиться с конкретным бойцом, даже если тот налажал. А вот близкий к телу непосредственный начальник глаз на жопу непременно натянёт. Или ещё что похуже сделает. Тут как к делу подойти. Если не спустя рукава. А предложивший зачитать кодекс Миранды, насквозь ненашего, явно был не из тех, кто спуска даст. Зато пакость сотворит не хуже капрала армии США.

Нас осталось трое. Точнее, трое на одного — ещё один в чёрном растворился на кухне. Оставив свой автомат на столе, он занялся проверкой шкафчиков. Вряд ли это был обыск — чашки служивый искал. Вон уже и чайник забулькал, воды там ровно на чашку, поэтому и быстро так вскипел.

— Ну-с, Михал Михалыч, осознал свою ошибку?

— Вы о чём, мил государь? — я действительно не понимал, что происходит. Сейчас эта орава должна была квартиру вверх дном переворачивать, искать и найти нечто, компрометирующее меня. Или, за неимением оного, подбросить. Хотя, может, и уже? Я ж лежал, и видел далеко не всё. Тогда почему время тянут? Велено меня тут же и в гроб положить? Так громко уже вышло, даже слишком. Соседи небось переполошились... Но им-то рот быстро заткнут. Слухи да, поползут. Вот только до слухов этим ребятам никакого дела. По слухам и даже по многим публикациям они и не такое творили. Даже за бугром наследить успели. И что? Да ничо. Как с гуся вода. Или, точнее, с гусей. Диких гусей. Как всегда называли наёмников. А эти дикие из диких. На службе у

единственного нанимателя. Пахана. Дикого в своей злобе. Загнанного в угол. А потому ничего не прощающего. Но вот знать бы чем я провинился. Не перед самим, а перед кем-то из его подхалимов. Или это очередная акция устрашения, и не важно кому рога обломают? Главное — показательно, чтоб другие боялись. Вот только я-то своё отбоялся.

— Ну, как же... Сколько событий в стране, а ты всё молчком. Хоть бы раз одобрение высказал.

— А если я не одобряю?

— Вот... А говоришь, не знаешь, в чём заблуждался. И потом... Когда ты последний раз ходил на выборы? А? Не помнишь? То-то же. А у нас не только все ходы записаны, но и отсутствие телодвижений.

— И зачем вам мой голос, когда что ни выборы, то сто сорок шесть процентов «за»...

— Ты прав, Мишаня. На твой голос наплевать и забыть. Выбор сделан и без тебя. И с нужным результатом. Но надобно чтобы все... Типа в едином порыве. Единодушно. Пришли и проголосовали. И все за одного. Лидера. Впрочем, неважно как. Главное — чтоб пришли. А вот тут ты, мил человек, палки в колёса вставляешь. Дурной пример подаёшь. И сам не идёшь, и других отговариваешь. А это уже преступление. Против власти. Против нашего всеми любимого вождя. За которого все как один. Типа горой, — старшой хохотнул, подмигивая мне. Или то был нервный тик? Не всегда ж представитель власти может позволить себе высказаться против начальства. Да ещё так откровенно.

— Васильич, на тебя кофе заваривать? — неожиданно донеслось с кухни, сбив накал страстей.

Грозивший мне Мирандой оттолкнулся от подоконника, забрасывая автомат за спину:

— А молоко есть?

— У хозяина спроси.

— В холодильнике, — на автомате бросил я, не дожидаясь вопроса от бугая, которого мысленно окрестил Мирандой. Вот только автомат был не такой, как у него. У меня рефлекс, у здоровяка, уже стягивающего полумаску — «Абакан»...

И охота ж ему таскаться с таким монстром? Разве что стреляет тот не кисло, вот и прикипел, видать, потому как в радость убивать. А так-то у спецслужб давно уже новый автомат на вооружении. Ещё и бесшумный, к тому же. Не то чтоб совсем бесшумный, но без зубодробительного грохота очередей. Правда, после того, как в рассветной тиши взорвали дверь, о том, чтоб не шуметь, можно уже и не беспокоиться. А мне так вообще не о том думать надо. Хотя как сказать. У старшого-то как раз новинка...

Я поковырялся в мозгах. Кажись, АМБ его величают. Тот самый бесшумный потому что. И к тому ж не то, чтоб миниатюрный, но куда компактнее «Абакана».

Кофеман сбил меня с мысли. А ведь я ж не просто так заиклился на автоматах...

— Нету, неужто я бы не проверил, — донеслось с кухни.

— Тогда сгущёнка... На полке...

— Верняк! Да тут сгущёнки на год хватит!

Какое, к чёрту, молоко? Какая сгущёнка! Давно нет молока! А сгущёнка... Это ж дефицит! И в магазине для

выживающих ею особо не баловали, и вдруг — запасов на год...

Опять что-то не сходится! Вот только мысль никак не могла или не хотела укладываться в прокрустово ложе уставшего мозга, ещё и получившего пару ударов в места, где каждый толчок может быть последним. Но зарубку я сделал.

— Не отвлекаемся, господа, не отвлекаемся, — оборвал хозяйственный диалог и мой мыслительный процесс старшой. Ему тоже, похоже, всё обрыдло, и он бы не против кофейку, ну, или чаю там, но надо форс держать... — Но... Так и быть, Корнеев, мне тоже чашечку. Если Михал Михалыч не возражает.

— Да хоть две, — буркнул я, будучи всё ещё никак не в состоянии понять и объяснить происходящее. А в фоновом режиме опять задумался над автоматами: и чего они мне вдруг в голову пришли? Да ещё и с подробностями, запомнившимися по случаю, никак с происходящим не связанным. Или как раз наоборот? Что-то такое, странное. Автомат, девушка...

Мысль уже почти оформилась. Однако её опять спугнули.

— Ну, ну, не будем грубить друг другу, у нас много общих дел... — старшой, в отличие от Миранды, обнимавшего свой «Абакан», поставил автомат на тумбочку, прислонив к стене, бросил шлем-каска на диван и наконец-то стянул полумаску: — Фу, весь взмок.

— Вы бы представились. А то неудобно как-то... Даже если послать...

— Не, ну ты, бля, глянь, какой борзый! — Миранда, отзывавшийся на Васильича, без замаха врезал мне носком своего армейского башмака под колено. И я опять рухнул на пол.

— Ну зачем же так грубо, — поморщился старшой. — Мишаня-то наш прав. Не в смысле послать прав или право на то имеет, а в том, что ему ж надо будет как-то прощенья просить... Не к самому же обращаться. — И он воздел руки горе. Да и сам, для доходчивости, уставился в потолок, словно мог там увидеть того самого, о ком вещал.

— А взломать дверь — это не грубо?

Я чувствовал, что опять нарываюсь, но в тот момент Миранда-Васильич занят оказался, потянувшись за чашкой, которую из кухни протянул ему Корнеев. Двоих теперь я уже худо-бедно знал, вот бы и с их хозяином познакомиться. Хотя истинный хозяин, скорее всего, в лучшем случае сидит в «сером доме». А то и вовсе за стеной. Кремлёвской. Ну да это уж слишком, вон и старшой на него только молится...

— В нашей работе, брат Михалыч, всякое случается. — Мне дико не нравилось такое обращение, уничижительно-ласкательное. Как не нравились и переходы, с ты на вы, с панибратства на официоз. Будут бить? Обычно перед избиением так изгаляются. Да и потом, какие мы братья? Но деваться некуда, приходится выслушивать. — Работа, видишь ли, у нас такая. Типа купания красного коня. Помнишь такую картину? Художник её написал, был такой, Петров-Водкин. Так я, вот, если по аналогии, Петров-Боширов получается, — хохотнул своей же шуточке старшой.

Так, так, так. Это что ж выходит-то? Он намекает, что, как и солсберецкие бродяги, пришёл порешить меня? Ну, так и кончали бы, к чему весь этот спектакль?

— Ну, что ж вот и познакомились, господин Петров. И кое-где Боширов.

Это уже не очень понравилось старшему. Но он сдержался. В отношении меня сдержался. Зато отыгрался на Корнееве:

— Где мой кофе, Корнеев? Или тебя не учили старших уважать?

— Закипает уже, Николай Платонович!

— Виктор Васильевич, как ты сам слаб недержанием... гм... кулаков, так твои подчинённые на язык слабы, — Петров-Боширов сделал страшные глаза, уставясь на Миранду-Васильича.

— Вот и познакомились, — подлил масла в огонь и я.

Старшой злобно зыркнул и на меня. Но в отличие от Миранды-Васильича был он, видать, куда сдержанней. Потому и старшой. Хотя в одном, похоже, возрасте. Оба меня моложе, а так всё равно под шестьдесят. Хотя это может быть не следы былых улыбок его так состарили, как вещали японцы, а последствия бурной молодости, с излишествами всякими. Разве что Васильич больше смахивал на макаку: вытянутое лицо, не в длину, а вперёд, маленькие глазки с блёклыми веками. Старшой же походил на старого гамадрила. Скуластый. Глазки близко посажены. Залысины наметились. Но лоб тоже так себе, ничего выдающегося. Вот если бы задницы сравнить... Более розовая, за счёт усидчивости на высоких должностях, точно оказалась бы у Петрова-Боширова. Или как там его, Николая

Платоновича? Тоже знакомое имечко, но не буду идентифицировать, не до того...

— Познакомились, и ладно, — неожиданно, как и вначале вторжения, успокоился Николай Платонович. — Пора бы и к делу.

— И какие у вас, Николай Платонович, могут быть дела с человеком, презиравшим власть, которую вы представляете и защищаете? — догадываясь, что ни к чему хорошему наша беседа всё равно не приведёт, я решил брать быка за рога. Убьют, так хоть без мучений. Но для этого нужно чтоб хотя бы Миранда-Васильич вышел из себя, уж он-то церемониться не станет. А лучше — все трое. Тогда хотя бы один нажмёт на спусковой крючок.

— Миша, не паясничайте. Мы калачи тёртые, из себя вам нас не вывести, — раскусил мою игру Петров-Боширов.

— Так и мне не до игр... Чем я угрожаю вашей власти, что нужно было с утра пораньше вломиться в моё убогое жилище, натравить на меня орду людишек без роду и племени? Стар, немощен, скоро шестьдесят пять будет...

— Не будет, Михал Михалыч, не будет... — Петров-Боширов нацелился присесть на диван. — Да и квартирка не такая уж и убогая, всё, что надо, найдётся. Так что я бы не советовал. И потом, Миша, — явно издеваясь, ведь я куда старше по возрасту, да и по званию не меньше, чем ровня, — как бы ты хотел умереть? От старости, небось? Так в кино обычно отвечают?

— А кто вам сказал, что я хочу умереть?

Петров-Боширов озадаченно крикнул. Ответ не по сценарию поставил его в тупик. И он перевёл взгляд на

своего подельника, прихлёбывавшего кофе и взявшегося при этом, точно уж по киношному, чистить ногти штык-ножом.

Это была уже явная угроза. Или как минимум намёк на то, что произойдёт с неизбежностью рассвета после ночи.

— Ладно, чего уж там... Но мне бы... — я сделал жест рукой в сторону туалета. — И время раннее, не успел до вашего прихода опорожниться, и по почкам досталось... Как бы кровью унитаза не запачкать...

— Проверь... — Старшой кивнул в сторону спальни. Убрав нож, но не выпуская чашку из рук, Виктор Васильевич немедленно ринулся через всю комнату. Собственной персоной ринулся, не став транслировать команду занятому делом Корнееву. Чтоб не получить ещё один нагоняй за задержку кофе для босса.

Ничего подозрительного не увидев, он кивнул, разрешая справить нужду.

Покряхтывая, я сделал шаг, другой в сторону туалета. И оказался рядом с тумбочкой, с прислоненным к стене за ней автоматом старшего.

Но тут Васильичу беглого осмотра с порога не хватило. И он шагнул к неплотно прикрытому ящику в тумбе стола.

— Фьюить! — присвистнул этот знаток Миранды. — Платоныч, ты глянь-ко сюды! Вот куда его потянуло, а не кровью писать... Ну, ничего, пописает ещё...

Двумя пальцами, как нечто грязное, он извлёк из ящика мой кортик. У которого чести было поболее, нежели у прислужника власти с обезьяньей рожей вместо лица. Но не в том была суть!

Я умудрился не задвинуть ящик после того, как проверил на месте ли моё единственное оружие! Которого вот так, по глупости сейчас лишился. Хотя как бы я им воспользовался это ещё большой вопрос.

Оставляя меня за спиной, Петров-Боширов тоже шагнул к спальне. А ведь только что намеревался развалиться на диване, где уже покоилась его каска-сфера с убраным забралом.

Автомат, пристроенный к стенке, сам оказался в моих руках. Сам, потому что если бы я думал головой, то понимал: это самоубийство. Причём не из лёгких. Как повешение. И самосохранение удержало бы меня от такого шага. Но теперь было поздно. Сзади, на кухне, Корнеев возился с кофе, в спальне, прямо передо мной были два моих главных врага. Сильных, обученных. Вооружённых. Профессионалы. Ни шанса у меня.

Но автомат уже в руках. И неловким движением, с непривычки большой палец правой сдвигает предохранитель и переводчик режимов стрельбы. Тут же левой затвор плавно досылает патрон...

Стоило мне коснуться железа и пластика автомата, как в голове словно граната взорвалась. Тех самых до конца не продуманных мыслей.

Я понял всё. Или почти всё. Но тут же две отрывистых очереди помимо моей воли довершили то, что начали руки. Вопреки мозгу. И даже вопреки инстинкту. Хотя, может, как раз инстинкт-то и сработал. Просчитав, что выхода нет. А так — хоть какой-то шанс.

На скорую смерть...

— Ну, наверное, хватить, будя, — встретив меня у выхода из лабиринта после очередного похода, буркнул Звяга. Вцепившись мне в локоть, он подтащил меня к кострищу, разведённому накануне моего похода внутрь, у самой башенки: — Садись поближе к теплыне, на камень вот. Небось, морозит-то опосля лабиринту. Хоть и на пользу всё, но холод берёт за шкирку. Погрейся чуток. И это... Ты токмо не подумай чо. Здоровье вернуть это одно, а годы скостить — совсем иное.

Я глупо уставился на прорицателя, настоявшего на том, чтоб я, несмотря на боль, по мере сил ежедневно нарезал круги в узкой башенке лабиринта с тесными, чуть шире моих плеч коридорами, завитыми в причудливую спираль. Более того, он сам, вместе с Казей впервые протащил меня через этот лабиринт. Когда ещё огнём горела каждая клеточка моего тела, и даже внутри полыхал пожар, сжигающий лёгкие, гортань, да и просто вытапливавший, из меня по капле жизнь, как смалец из кабана. Им пришлось ещё трижды водить меня кругами, удерживая под руки, прежде чем открылись мои сгоревшие глаза, и я вновь увидел мир. И только потом мне было позволено самостоятельно ходить коридорами, возвращающими жизнь в моё сгоревшее тело. С каждым днём и с каждым таким походом я становился всё больше похож на себя прежнего. Пусть и не очень здоров, с кучей хронических болячек в силу возраста, но уже без коросты ожогов на теле. Вначале с розовой кожицей на их месте, а потом и с нормальной, с прорезями морщин. Привычного телесного цвета.

Каждый мой шаг меж шершавых, из дикого камня стен, сопровождался лёгким покалыванием во всём теле. И холодом внутри. Казалось, что узкие проходы лабиринта льют невидимую ключевую воду, промывающую всё вокруг: и мои кости, и мох на стенах. Но если кости ощутимо становились крепче от такого полива, то мох, пока я брёл меж стен, окрашивался в багровые тона. Хотя вряд ли он от того страдал. Потому как в каждый мой новый визит в лабиринт мох опять был зелен и молод. Как будто только минуту назад пробился сквозь камень.

Первые самостоятельные прогулки меж гулких стен давались мне с превеликим трудом. Не говоря уж о том, как нелегко было Казе и Звяге несколько дней таскать меня под руки по узким коридорчикам. До той поры, когда я смог сам ходить.

И вот на тебе, хватит. Это ж почему так? Я вроде и оклемался, конечно, но не до конца: там болит, тут кожа натянулась как на бубне, здесь рубец вздулся...

— Эх, нету девчат рядом. Чтоб, значит, зеркальце тебе под нос сунуть. Ну, или хотя бы его осколок, — Звяга снизошёл до объяснений своего запрета идти в очередной поход по лабиринту. — Ты ж давно уже не юнош, а усы почернели, брови, опять же, как смоль. И плешь, жизнью проеденная, почти заросла. Лабиринт сделал всё, что в его силах было. А дальше уже — от лукавого. Даже Иов, каждый, кто бы ни был очередной, не рисковал годы вернуть. Только здоровья просил прибавить, чтоб ещё малость у власти побыть. И все о том ведали. Даже в хуторах знали, что лабиринт — крайний случай. При болезни какой или ране тяжкой. И даден не всякому. Токмо с позволения

Олеси. Или других каких сил. Откроют ворота — иди, лечись. Но сам не смей. Да и то не всё ещё. Спасая от напасти, не позволено лабиринту молодость возвертать. В смысле, что он-то, видать, и мог бы это сделать, потому как и запретить ему никто не может. Он же лабиринт... Да токмо никто не знал и не знает, чем сие обернётся. Потому запрет был для входящих в него. Негласный такой запрет. Был, значит, запрет, и остаётся. Чтоб, значит, лишку на себя не брать...

— И что, на хуторах да в городе знали о волшебстве лабиринта и его кознях, но многих ли сюда пускали? — не удержался я от того, чтоб Звягу подковырнуть.

— Случалось, — ушёл он ответа.

— И как же удавалось удерживать страждущих у источника жизни, когда до спасения было рукой подать? Ведь башенка лабиринта вне стен пустыни, даже ближе к причальной стенке и подобию железнодорожной станции, до которой мы на нашем бронепоезде всего малость не доехали.

— Ты пойми, чудака-человек. Люд у нас в основном смирный. Указам послушный. Это раз. Да и лабиринт без благословения и сопровождения — так, пустая прогулка меж камней. Так что никого особо сдерживать-отваживать не приходилось. А достойным всегда была открыта дорога. Тем, кто нужен роду-племени.

— И кто ж решал? Ну, в смысле, кто определял нужен ли человек, или без него можно обойтись.

— Так ведь каждому на роду своё написано. И кто сам знает свою планиду, а кому и ведающие подскажут.

— Это ты, что ли?

— И я, — согласился Звяга. — Да токмо знающих куда больше. Другое дело, что не все в том признаться хотят. Потому как ещё седмицу тому назад можно было за это на плаху. В лучшем случае. А то и на шибеницу. Танцевать в петле на шее мало кому понравится...

— Что ж, хватит, так хватит. Раз ты так решил. Что именно на столько я нужен. Роду-племени. Или ещё кому... — Я ворчал, хотя и знал: Звяга, скорее всего, прав. Ведь я не только оправился после ураганного огня, схарчившего не меньше четверти войска предсказателя, но, ещё раз проведя языком по дёснам, убедился, что на месте прежних дыр от зубов появились маленькие бугорки новых. Жаль, не вырастут теперь. Ну да не привыкать жевать передними...

— Говорил же, не серчай. О твоём же благе пекусь. А ну как лабиринт в чудище тебя обратит?

— А что, бывало?

— Я ж говорил, все всегда сами останавливались. И ты погодь. Моложе вряд ли станешь, а бед нажить можешь запросто. Потому как не видишь дальше сего момента.

— Ладно, уговорил. Дальше-то что?

— А дальше епархия заждалась. Надобно и там порядок наводить. Засиделись мы с тобою тут, Казя одна там жилы рвёт. А тут ещё голодный камень вышел из воды...

— Это ещё что за чудо?

— По весне обычно, перед засушливым летом он оголяется, голод предвещает. А ныне к осени вышел. Не к добру это.

— Так и сказал бы, мол, ты, брат Михалыч, о себе только и думаешь. Пора бы и возвращать вложения в твоё оздоровление.

— Ты, брат Михалыч, ничего никому не должен. Иди хоть сейчас, куда считаешь нужным. А мне да, пора. Не ровён час, буйные головы поднимутся, да устроят поход на Кострому. Али ещё куда. Голову-то дракону мы отрубили, да у него их не одна...

Мне вспомнилось кресло в подвале епархии, благодаря которому я нашёл выход из подземелий иерархов. Там тоже был дракон. Или всё же жар-птица?

15

Если на улице и не были слышны выстрелы, то Корнеев уж точно туг на ухо не был. И хватку, в отличие от своих начальников, из оперов переквалифицировавшихся в столоначальники, не растерял.

Не успел я сделать три шага по коридорчику, отделявшему меня от нижней загогулины «Z», ведущей в спальню, как в спину ударило шипение опрокинутого на газовую конфорку кофе, а потом по стене прошлись брызги пуль, вышибая осколки из бетонного монолита.

Бежать мне было некуда. Под ногами оказался Петров-Боширов. Собственной персоной. Но такой теперь никчемной...

Падая, я перекатился через один труп, чтобы замереть едва ли не в смертельных объятиях Миранды-Васильича. Кортик он выронил, отнимать не пришлось, но на холодное оружие было мало надежды. А вот разгрузочный лифчик начальника парней в чёрном пришёлся весьма кстати. И был он упакован по полной. Но я ограничился первой попавшейся гранатой. Корнеев вряд ли на такое пойдёт,

памятью о двух своих начальниках. А мне терять было нечего. И некого.

Поэтому, бочком, не отрывая задницу от пола, я вдоль стеночки вернулся к изгибу своего коридорчика и рванул кольцо:

— Корнеев, лови!

Взрывной волной, разрушив мою кухню, Корнеева выбросило в коридор. Он, следуя примеру начальников, тоже недальновидно избавился от каски. Поэтому его голова, с развороченным осколками затылком, с треском врезалась в стену. Боюсь только, что этот удар уже не мог причинить ему вреда. А мне — пользы. Потому как теперь внизу, там, где своих начальников дожидались остальные участники налёта на мою квартиру, прекрасно знали: всё пошло не по плану. И нужно своих выручать. Потому как иначе придётся кому-то за этот провал отвечать.

Представив, как сейчас по лестничным пролётам стучат кованые башмаки, я понял, что выхода нет. И есть только два пути. Приставить ствол автомата к подбородку, благо его укороченная форма тому способствовала, и нажать на курок. Или с разбегу пробить москитную сетку, отправившись в свободный полёт.

Второй вариант обещал жизнь на две секунды дольше...

Но прежде перед глазами пронеслась вся предыдущая моя жизнь. И то, что привело этих убийц ко мне.

Мало того, что страх предательства вынудил кремлёвского сидельца и тех, кто был под ним или рядом, ближе иных к телу, убирать уже ближайший круг. Потому как из дальнего ему никто не мог бы угрожать, в силу

дистанции. Да и запугать дальний круг таким образом — милое дело. И кормовая база тут не причём. Уж я-то в неё никак не входил. С моими-то доходами. И даже моё молчаливое неодобрение не повод меня убивать. Тем более так громко. А вот необходимость доказывать своим же свой махизм, своё мужское эго просто обязывало всех этих игроков оставлять как можно больше трупов. Чтоб никто не усомнился, мол, Акелла-то промахнулся! Причём, уверовать должны были не сидящие у телевизоров, а те, кто вложился в вождя. У жертв телепропаганды и так сомнений не возникло. А вот у вершителей судеб — ещё как! Потеряв не только лицо, но и вложения на Западе, они были склонны винить своего жоака. Да не тут-то было. Кто-то, открывший рот, внезапно помер. Кому-то совсем плохо стало. Кого-то и за бугром достали. Не зря ж Платоныч Петровым-Бошировым назвался. Даже если кто-то и не был открыто против, а всего лишь молча не соглашался с чем-то, команда «мочить в сортире» уже пошла.

В общем, боятся-то они, сидельцы кремлёвские или бункерные, а умирать должны другие. Чтоб смертью своей запугать остальных, тех, кто всё понимает и не принимает. Даже если и против не выступает. Но чтоб никому не повадно было, властвует над всеми смерть. Как это уже случалось, когда в жертву приносились сотни неповинных людей. Началось это правление смертями, ими и продолжается. Взорванные дома, сожжённые напалмом или отравленные газом заложники, вторжения в чужие земли под видом их освобождения, мина замедленного действия под всем Кавказом... Но то было начало. А ныне конец замаячил. С угрозой ответить и за то, что было, и за творимое в

реальном времени. Поэтому жертв будет ещё больше. И каждая следующая — страшнее предыдущей.

Так что я просто подвернулся под руку. Где-то, конечно, засветился, не с бухты-баракты выбрали меня. Но выбор более или менее случаен. Чёрная метка. Как в шлюпке с потерпевшими крушение. Кто-то должен быть съеден. А кто — не важно. Жребий решит.

Вот он и решил. Правда, пока в мою пользу. Со счётом три-ноль. Проигрыш, конечно, неизбежен, но перевес по очкам не может не радовать, уже не на сухую.

Но дело было даже не в этом.

Никакой сверхкомпьютер не смог бы сейчас сравниться со скоростью операций в моём мозгу. И только благодаря этому, пролистав в уме события последних даже не часов, минут, я осознал главное.

Осознал то, что так настойчиво стучало в голову, а я не слышал.

Да, за мной пришли. Да, я был в своей квартире. Но всё это происходило до того, с чего всё началось!

Вывод более чем странный, но, тем не менее, единственно возможный.

Более того, возможно даже, что пандемию только объявили! Чем и объясняется хотя бы мой вероятный запас стущёнки, который отыскал Корнеев, покойный ныне. Но абсолютно точный признак — маски на лицах, вторгшихся ко мне. Потому как не были эти маски камуфляжными или там маскировочными, не лица они скрывали. А были они — медицинскими. Пусть и чёрного цвета. Под стать форме. Мало ли каких масок нашили в тот год. У меня, к примеру, с якорем была. До того, как всем велели носить противогаз...

Незнамо как, но я сделал ещё одно открытие. Опять же противоречащее ходу истории. Потому как внезапно вспомнил, что и к Весее я нынешний пришёл до того, как с ней полюбился я тогдашний. Странно, конечно, что вспомнилась мне Весея, девушка с постоянного двора, а не Пелагея, сбежавшая из каморки в лазарете. Весея-то была уж давно, по меркам моих скитаний меж мирами, а маленькая горбунья выпорхнула из моих объятий только под утро. Но не это имело значение! И горб у неё был не такой уж заметный, чтоб на нём заикливаться. Однако открытие всё ж пришло.

Мои скитания из одного времени в иное случались в минуты, отделявшие меня от смерти. Или вроде того. Чем и объяснялась моя необыкновенная живучесть: там умер, тут — воскрес...

Вот и выход. Пока, правда, только замаячил, но выход же!

Я вплотную подошёл к распахнутому окну, буквально кожей чувствуя, как по ступенькам грохочут тяжёлые башмаки, которые, не прими я сейчас решение, будут меня охаживать до самой смерти. И тогда я приму её как избавление от мук.

А пока меня бил мандраж. Напряжение последних секунд оказалось сродни уколу адреналина прямо в сердце. И оно буквально рвалось из груди. Но если укол возвращал к жизни мотор человеческой души, то сейчас избыток гормона, выработанного надпочечниками в избытке, грозил остановить сердце насовсем. Сколько ещё оно выдержит?

Тянуть больше было нельзя. Прикладом автомата я решительно выбил москитную сетку и проследил взглядом

как она, вращаясь подобно семечке клёна, полетела к земле. Мимо всех семи этажей. В этом сомнений быть не могло. Ведь я дома. Теперь мой черёд. Так лететь.

Легко вскочив на подоконник, словно и не было тяжести прожитых лет на плечах, я взглянул вниз. В лицо ударил порыв холодного ветра. Сквозняк. Не мудрено, на кухне от окна, скорее всего, мало что осталось после взрыва.

Страх высоты, сопровождавший меня всю жизнь, никуда не делся и перед её окончанием. И даже вероятность того, что полёт закончится воскрешением где-то в иной ипостаси не прибавляла смелости...

16

На сей раз дверь открывалась медленно. Может потому, что из-за перекоса елозила по полу. Или входившие ожидали ещё взрывов. На худой конец — автоматных очередей. Но ничего такого не случилось.

Мёртвые молчали. Я — тем более.

— Балконами ушёл! Осмотреться в квартирах по стояку! До самого низу!

Кто-то из вломившихся в мою квартиру по второму разу лихо подхватил бразды правления, выпавшие из мёртвых рук Петрова-Боширова и его верного Миранды-Васильича. Да только единоначалием теперь и не пахло:

— С тем же успехом он и наверх мог податься, — вставил свои три копейки ещё кто-то.

— По ступенькам? Ломиться в квартиры? — хмыкнул первый. — Куда? Проверим, но это ж тупик!

— Мог и по балконам. Но не вниз.

— А ты бы смог? — усомнился первый голос.

— Я? Не знаю, не уверен. Но вот ты точно бы не завалил троих. Не последних, заметь, бойцов. И в окно не сиганул бы. Так что пока мы будем квартиры взламывать, он уже внизу будет. Если ещё не там.

Второй был сама рассудительность. Подрывающая устои службы. Потому как команды нужно исполнять, а не обсуждать.

— И кто он такой, что такое провернул? — едва ли не заскулил обладатель первого голоса.

— Кто бы ни был... Вызывай подмогу, перехват объявляй. Командуй, раз взялся. И это... Труповозку надо бы... Им уже скорая ни к чему...

— Чо встали? Бегом вниз! И по квартирам! Трое на выход, остальные — досмотр! Все квартиры! Никого не пропускать! Пара вниз и пара до крыши. Мож, действительно, затаился где...

Команды были отданы с надрывом в голосе, как бы от безысходности. Но тут же хрипотцой и писком эфира ожила рация:

— База, приём. Это «Феникс». — В ответ раздалось только разряды эфирного электричества. — Приём, мать вашу!

— Чо расшумелся, «Феникс», я база, — откуда-то издалека донёсся ответ. Похоже, рация удалялась от входной двери.

— Не по плану всё пошло. У нас три «двухсотых». И подозреваемый сбежал. С оружием. Поднимай всех. На поиски и перехват. И предупреди: чертовски опасен. А нам труповозку в адрес.

— Вы чо там, рехнулись? Чо случилось?

— Чо, чо... Через плечо...

Тяжёлые башмаки застучали по лестнице. Мне их было отчётливо слышно сквозь стену кладовочки, выходявшей на лестничную клетку. Уходят. Но до спасения ещё ой как далеко!

Снаружи дверь подпирает тело Корнеева, мне его даже перемещать не пришлось, он лёг, как по заказу. Да, при этом я босой ногой размазал кровь по паркету, след оставил. Но оставил под телом, привалившимся к двери. Оставалось надеяться и верить, что его никто не станет переворачивать до того, как след размоет кровь покойника, продолжавшая сочиться из ран в спине. Так что, протиснувшись в щель и укрывшись своей плащ-накидкой, мне удалось превратиться в бесформенную кучу в самом дальнем и самом тёмном углу кладовки. Пусть и небольшой, да неудобной к обзору. Ну не сигать же мне было вниз, на верную смерть. Здесь за смертью тоже при случае не заржавеет, но можно и пободаться. Как я уже не раз бодался. Вот только пока надо терпением запастись. И при том не перетерпеть лишку.

Мандраж схватки и мгновенного укрытия прямо в разорённой квартире, вопреки желанию бежать без оглядки, медленно отпускал. Руки уже не дрожали. Но зубы ещё клацали. Хотя что там тех зубов...

Сколько я просидел в темноте, трудно сказать. Дом постепенно оживал, журчанием сливных бачков, шарканьем ног, смутно доносящимися голосами. Но куда больше он охал и вздыхал, сорванный с постелей взрывами и стрельбой. Да стуком автоматных прикладов в двери. Гомон обитателей был неразборчив, его порой обрывали команды и шум падения тел — кому-то доставалось то ли за

нерасторопность, то ли за излишние вопросы, но в целом меня это пока не касалось.

Только где-то через час в квартире опять раздались шаги. На сей раз лёгкие, словно бы стеснительные.

Кто-то присвистнул:

— Надо же, как это он их так положил!

— Меньше болтай! — оборвал свистуна знакомый голос. Тот самый, подсказавший «Фениксу» что делать. А он, похоже, никуда и не уходил! Хорош бы я был, высунувшись из кладовки до прихода санитаров... Точнее, где бы я был...

Впрочем, не всё ещё потеряно. Глядишь, и буду. Вон как дёрнулась дверь, когда от неё отвалили тело Кравцова, укладывая на носилки. След под ним не заметили, иначе бы сейчас был другой разговор — автоматов. Но я только крепче сжал свой. Смирившись практически с неизбежным проигрышем, и всё ещё надеясь хотя бы удержать счёт в свою пользу...

Но до сведения счетов дело не дошло. Через полчаса, пыхтящие от натуги и усталости санитары вынесли последнее тело. И, надо полагать, наследили так, что мой след давно затерялся на общем фоне.

Дверь в квартиру, держащаяся на одной петле, захлопнулась. За ней ещё кто-то возился, но в квартире остались только я, запах гари и привкус смерти.

17

— Ну и напугал же ты нас! — Онисим, едва я ступил на палубу «Бойкого», облапил меня в объятиях, не опасаясь причинить боль. Видать, Звяга рассказал, что здоров, мол, и

даже омолодился. Хотя самого прорицателя видно не было, болтался где-то в стенах пúстыни. Но остатки его воинства уже приготовились грузиться на паровую яхту епархии. Не исключено, правда, что теперь у неё другой статус, но название «Бойкий» никто на корме не закрасил.

— Сам-то как? — скорее для порядка, чем искренне интересуясь, спросил я.

— Всё путём. И Алевтина здорова. А ещё будем мы родителями, — радостью поделился, не утерпел Онисим.

— Уже? Так скоро?

— Дело молодое, не хитрое, — прищурился механик, толкая меня в бок. — Ты ж тож вроде как отличился....

— А ты откуда...

— Так говорят. На сносях твоя Веся.

Это ж сколько времени прошло? Ладно у меня, но у Онисима... Вроде как вчера всё было. Но за хождением по кругу в лабиринте я как-то чувство времени утратил. Конечно, повитуха и без живота напоказ могла бы диагноз поставить, той же Алевтине. Как Олеся поставила Весее. А теперь та сама кому хошь диагноз поставит. Она ж вроде как приняла должность от Олеси...

Но прежней повитухе-отшельнице никто бы не посмел сказать о беременности. Или о её прелюбодеянии, если таковое случилось. Но если и случилось, то в незапамятные времена. С одной стороны, она вроде как ровесница Марганы. С другой же — притомилась быть повивальной бабкой настолько, что потребовалась замена. И всё равно, о ней бы молчали. А вот Весею языками полощут. И я тому виной. Надо будет отправиться всё ж в Кукобой,

повиниться. А то и руку с сердцем предложить. Вот только зачем ей это теперь? Прощения попросить ещё куда ни шло...

Успокоив себя таким образом, я неожиданно, нос к носу столкнулся с Алевтиной, выплывшей из-за залатанной рубки «Бойкого». И остолбенел.

Её широкое лицо стало ещё более простецким, вот только сама она проще не стала. Глаза были с хитрецей, улыбка — двусмысленная. А на голове — рога...

Не в прямом смысле, конечно, и не очень явные. Но определённо рожки. Пусть и скруглённые, словно сточенные, украшенные речным жемчугом и расшитые цветными нитками с мехом. Под этим причудливым головным убором угадывались две туго сплетённые косы. Прежде, как мне помнилось, коса если и была, то одна. Откуда волосьев стало столько, что едва в две косы заплелись?

— Что это с тобой, красавица? — я взглядом указал на рожки: — Успела мужу молодому наставить?

— Ой, сударь, слова какие странные вы говорите, — а сама зарделась. Всё она поняла, Алевтина эта. Как и все девицы — не проста, ох, непроста. — Кика это, чтоб видели, што замужняя я. А што не родила ещё, так уже скоро...

— Как так скоро? — не услышав этого от Онисима, решил супружницу его попытать.

— К весне, однако.

— Тю, — разочарованно протянул я. — Так это почти к морковкину заговенью.

— Не скажите, сударь, — не согласилась Алевтина. — Аккурат в май родится дитяtko. И Олеся так сказала...

— А она разве не отошла от дел?

— Ну так это... Олеся есть всегда... — Алевтина смутилась, но продолжила: — Весёлая ваша теперь за неё. И тоже дитя ждёт. Вы б проведали. Дочка у вас будет.

— Блин, все вокруг всё знают, один я слеп и глух. Был бы ещё нем, цены б, небось, не было.

Алевтина засмеялась в голос. А в спину Онисим подтолкнул:

— Ходи веселее, салон починили, там будь до самого Романова. И обед там накроют. Вместе и пообедаем.

— А с парусами кто управляться будет?

— Тебе благодарствуя, мы на пару, — загадочно бросил Онисим.

— Это как? — удивился я.

— После расскажу. С посадкой и погрузкой закончим, соберёмся в салоне, ты, я, Звяга, и узнаешь всё. А куда я занят. Грузить мужиков — это тебе не дев вести в епархию, — хмыкнул он напоследок.

18

Плавание по течению, да на хорошем ходу много времени не заняло. «Бойкий» впервые с той поры, что я узнал о его существовании, действительно шёл бойко. За обеденным столом, единственным накрытым в салоне, нас было трое, как Онисим и обещал. Быстро он освоился с должностью главкома романовского флота, не епархии же теперь. Хотя, как знать, это все вокруг всё знали, а я так, побиравшись крохами, случайно подобранными в случайных же беседах. То ли меня оберегали от лишних познаний, умножающих печали, то ли не доверяли. А то и то, и другое вместе. Но за столом Онисим был радушен и вроде как

откровенен. Чужих-то не было — подавала обед супруга механика, теперь уже и капитана в одном лице.

— Что ж ты, добрый молодец, супругу подавать поставил, а не за стол усадил? — не преминул я поддеть возвысившегося механика, утирая усы после странного напитка. — Сбитень? — решил угадать. И не ошибся, Алевтина едва заметно кивнула, по её лицу пробежала тень умиротворения. От моих слов в её защиту, что ли?

— Не гоже с чужими мужиками мужней жене за одним столом сидеть, — буркнул Онисим. И тут же перевёл речь в другое русло: — И что ж, никто не сказал тебе, мил человек, что смертью своей открыл ты нашей епархии новую дорогу?

Я зыркнул на Звягу.

— Не до того было, — коротко оправдался тот, уткнувшись носом в миску. Звяга вообще с посадки на «Бойкий» был вроде как не в своей тарелке. Он и так большей частью молчал, пребывая в своих то ли эмпиреях, то ли в иных мирах, а теперь и сник как-то.

— Так я тебе скажу, — оживился Онисим, налегая на тюрю, которую ему с любовью придвинула Алевтина. Ещё и луковицу разрезанную на четыре дольки подложила рядом с ложкой. Мне она поставила миску с мясом, единственному за столом. Как почётному гостю? Я спрашивать не стал, срезал ножом пласт с кости — голод не тётка. Или это мой усиленный лабиринтом метаболизм требовал белка, и побольше?

Мы несколько минут жевали, каждый своё. Онисим тюрю, Звяга что-то из репы, а я мясо. Было не до разговоров. Поэтому просвещать меня механик стал только когда за

окнами-иллюминаторами салона стали не видны стены пúстыни.

— Полымя, что тебя обожгло, сожгло и пласт земли. Как ножом срезало. А там — залежь. Уголь. Не торф какой. И не бурый. Каменный уголь. Настоящий. А горит... Чуешь, какой ход? «Бойкий» теперь по-настоящему бойкий! Тут намедни шепелин летал над стремниной, так мы не уступили! И дырок ему насовали!

— Чей дирижабль-то был? Костромской?

— Видать, аж из Московии. Туда ушёл. Заплаты ставить.

— Опять война?

— Так она и не кончалась. Мож, и не стоило его дырывать, так они сами...

— Стреляли? — я оглянулся в поисках новых пробоин.

Онисим замялся.

— Палить не палили, но по головам ходили. За что и огребли.

Звяга молча жевал, я же сокрушённо покачал головой:

— И что с вашими головами, случилось что-то, оттого что кто-то там над ними летал? Нет? Так зачем стрелять стали?

Онисим уткнулся в тарелку.

— Ты, прям, совсем хватку растерял, — только и буркнул.

— Хватка нужна была, когда нас действительно прижали. И чуть было не спровадили в царство мёртвых. А тут? Ну летает шарик воздушный, смотрит на тебя с неба.

Чего в него палить? Не лучше ли дружить? У вас пароход, у них — дирижабль, — я отодвинул миску с мясом, хотя и наелся. Но перехотелось. — Ведь никого ж рядом не осталось. Ни друзей, ни врагов. И бывших иерархов нет. Живи себе, мирно живи, хлеб расти. Вон, даже уголь появился. А вы?

Онисим пошарил ложкой в своей миске, поймал лучок, снял губами, пожевал. И промолчал.

— Языки рвать своим матросикам ещё не пробовал? — продолжал я налегать на механика. — Или и так все безъязыкие, некому и слово против сказать? И даже Алевтине велено молчать, за столом не сидеть... Вон и Звяга наш, почти святой. А ведь со своими друзьями за столом последний раз сидел перед штурмом Зимнего...

— Чего? — едва ли не в унисон вскинулись мои сотрапезники.

— Ладно, проехали, — не стал я развивать тему. — Быстро же вы забыли, как гнобили вас. И сами стали иерархами. Если не хуже. Те хоть в будущее худо-бедно смотрели, пытались новую породу людишек вывести. А вы? Чуть что — палить налево и направо. Лишь бы показать силу. Не ум. Алевтина! — крикнул я в открытую дверь салона, за которой маячила тень моей несостоявшейся любимой жены. Пусть только и на словах была она таковой, так ведь назначал же сам на эту должность, и указ не отменял, хоть и выдал замуж за другого.

Жена механика-капитана нарисовалась в дверном проёме. Я поднял свою глиняную кружку, с небольшим сколом у ручки:

— Есть чо покрепче?

Наша подавальщица, слышавшая как я выговаривал своим сотрапезникам, молча исчезла. Чтобы минуту спустя появиться с мокрой крынкой.

— Мёд? — поинтересовался я.

— Покрепче будет, — ответила она и плеснула мне в кружку мутноватой жидкости.

Опасливо понюхав, я спросил:

— Никак самогон... Откуда? Опять Онисим в трюме ставил?

— Китайцы научили.

— А как же мор? — я продолжал недоумевать, открывая всё новые и новые грани нового же мира. Хотя он-то вроде уже как старей. Вон сколько я здесь пропадая, после очищающего огня-то, никогда прежде на столько не задерживался...

Пришло время недоумевать всей троице, и перво-наперво Алевтине. Она была совсем не в курсе. Хотя мужики что-то такое знали, пусть и не всё.

— Ладно, чёрт с ними, с катаяцами. Самогон есть, и только это сейчас имеет значение. А всё иное можно отложить. Будем!

Я прямиком влил обжигающую жидкость в глотку, одним глотком. Потому как иначе всё во рту сжёт бы. Это вам не рисовая китайская водка, даже с гадюкой если. Дружба наций вылилась в градусов пятьдесят первача. А то и больше.

Занюхав кулаком, потянулся к мясу.

— Зря не пьёте, — буркнул сотрапезникам, продолжающим ковыряться в мисках.

Молчание было мне красноречивым ответом.

Романов вновь встречал меня толпой на причале. А может, и не меня. Но толпой. И без висельников. Как и без дружинников. Точнее, крутые парни были, вились вокруг Кази, явившейся встречать героев в бордовом апостольнике (ну что за люди, их освобождаешь от ереси, а они упорствуют!) и такого же цвета рясе. Этот наряд я уже видел на Маргане, в тот день, когда её мнимо убили. Но на Казе было и дополнение к нему. Поверх рясы был накинута длинный чёрный отрез ткани в форме креста, расшитого красной нитью. Концы креста ниспадали на плечи, спину и грудь. И едва ли не вчера юная девушка казалась засушенной старушонкой. Личико, бледное, осунувшееся, едва выглядывало из-под расшитого крестами апостольника, тонкие губы подрагивали, словно она шептала что-то, что сама едва ли слышала. Куда и подевалась девичья краса! И бровки чёрные на смуглом личике поникли, как мокрые крылья курицы, и носик с горбинкой стал на клюв походить...

По мосткам и сходне мы со Звягой шли плечом к плечу, и я видел, как морщилось его лицо. Моё, наверное, выглядело не лучше — ну никак не ожидал я увидеть живую задорную девчущку эдаким чучелом. Да ещё и зыркнула она как-то недобро... Правда, оглянувшись, я увидел идущих следом Онисима и его супружницу, всё в той же кике двурогой. Так что взгляд предназначался не мне и не Звяге. Извечное женское соперничество. Хотя Казе-то чего делить с Алевтиной? Одна при муже, другая — при власти. Да и

потом, парней так много молодых, почти как в песне, и не где-то, а вокруг новоявленной владычицы.

В том, что Казимира владычица, сомнений не было. Благодаря её наряду. Не бог весть какой я знаток, но расшитый отрез на плечах, по моему разумению, означал что-то важное. Приняла постриг? Или брать надо выше — сразу схиму? Так до схимы вроде нужно пройти несколько ступеней. А тут за едва ли не за неделю всё произошло... Или король умер, да здравствует король? Тогда и зовут её уже не Казя, там же новое имя принимают, даже в постриге, не говоря уж о мантийном — всплыло откуда-то словечко — монашестве, когда человек полностью отрекается от мирской жизни. А Казя в мантии. И чётки в руке. Значит, всё ж отеклась. Там же и обет безбрачия вроде как. Отсель и злость во взгляде на бывшую товарку.

— Матушка Елена, принимай под своё крыло воинство православное, изжившее из земель наших крамолу и смуту, благослови на труды праведные, — для Звяги, судя по всему, ничто не было внове. И про схиму он знал, сразу новым именем назвал вчерашнюю девчущку Казю, хоть и словом мне не обмолвился. Разве что о трудах её тяжких поминал. И о необходимости помочь. Так игуменья новоявленная вроде как и сама справляется. Вон, и толпа от одного только вида её притихла, и выющиеся вокруг неё парубки сникли, во все глаза каждый чих ловят. Да и площадь перед собором не просто чиста, а вроде как обновилась. И не только за счёт сваленных за ненадобностью виселиц. А прошло-то всего ничего, сколько я там болел...

Схимомонахиня, так, кажется, отныне именуется её церковное звание, чин, иначе говоря, благосклонно кивнула,

что-то прошептала, осенила нас привычным мне крестом, без всяких там вывертов. Те четыре метра, что нас разделяли, не позволили снизойти до прежних дружеских объятий или хотя бы более человеческого выражения от радости встречи. А мой вопрос так и увяз где-то в глотке. Хотя и хотел-то я спросить всего ничего: где моя Веся? Или теперь уже Олеся, коль имена барышни меняют, как перчатки.

Но тут с «Бойкого» гурьбой повалила ватага соратников Звяги, задрожали мостки, грозя скинуть нас всех в цветущую зелёными водорослями воду.

— Матушка, а пошто моя суженая не пришла? — Звяга, ступив на твёрдую почву, всё ж исхитрился спросить и о личном, рискуя оказаться в воде, будучи сметённым своими же соратниками.

— Перво-наперво, ступайте в мыльни, смойте прах былого с себя. Там уже жар настоялся. А после — обед, тоже уже, почитай, накрыт в трапезной. Дале и разберёмся, кто где и кого куда.

И вновь злобный взгляд мне за спину. Даже не оглядываясь, я понял: Алевтине тут ничего не светит. В смысле хорошего. Да и она, видать, не особо рассчитывала, потянула Онисима за рукав, и капитан-механик, вслед за супружницей, отступил назад, к своему детищу, не раз уже спасавшему. И его, и Алевтину.

Встречающая толпа расступилась. Как в тот раз, когда меня потащили в подвал. После моего неудачного сольного выступления против Иова, не рискнувшего выйти встречать прорицателя, пусть и липового. Но и сейчас не было ни славословий победителям, ни обращений к новоявленной игуменье за благословеньем. Тишина, словно

все на площади языков лишились, так, хрипы какие-то по краям, ближе к стенам храма.

Звяга нахмурился, но перечить не стал. По тропинке мимо храма, где бежал я когда-то, преследуемый мужичком, чей наряд стал моим, вместе с его деньгами, мы свернули к реке. Покосившиеся домики, которые в прошлый раз я принял за сараюшки, оказались теми самыми мыльнями, банями иными словами. Над ними уже курился дымок. По чёрному топятся? А как иначе...

У дверей ближайшей баньки хихикали в кулачок девки. Деревенские по виду. Без сложных головных уборов, в платочках да в длинных хламидах. Вроде тех, что были на девственницах на «Бойком».

— Вам сюды, — указал возникший из-за спины Звяга юнош, довольно крепкого сложения, выше меня на полголовы.

Ватага звягинцев прошла мимо. И девки последовали за ними. А кто ж нам спинку потрёт?

— Ты чо-нить понимаешь? — тронул я предсказателя за рукав.

— А то... — буркнул Звяга, толкнув кособокую дверь в баню. — Новый Иов, однако, родился. Худо дело... Своими руками сотворили кумира... Нельзя было её одну оставлять. Ох, нельзя...

В баньке было темно. Не совсем, конечно, так, дымный полумрак. Мудрено-то больше света с одним оконцем сразу у входа.

Звяга стащил через голову свою рубаху. На худом, даже тощем теле виднелись рубцы старых шрамов, а на груди темнела пропитанная потом и кровью повязка.

— Всё забывал спросить. Твоя-то рана в лабиринте...
Так и не зажила?

Казимир помотал головой:

— Я ж говорил тебе, лабиринт сам выбирает кого лечить. Тебя вот с того свету вернул. А моя рана как сама затянулась чуток, так с тех пор и не менялась.

И точно, отлепив повязку, Звяга продемонстрировал мне изрядный свищ, наполненный гноем.

— Ничо, ща пропарю, травки приложу, оно и пройдёт. До свадьбы заживёт.

Прорицатель распахнул следующую дверь, из-за которой пахнуло жаром.

— Не, Казимир, я туда не ходок, — сбросив одежды, я в парилку не пошёл. — Сердце...

— Как знаешь, — Звяга захлопнул дверь за собой. Громко так хлопнул. И сам же тому подивился, оглядев дверь с подозрением. Но не более.

Я отошёл в дальний угол мыльного зала, где за печкой стояли две бадьи. Большая с ледяной водой, или мне так показалось от жару, и малая бадья с кипятком. Наполнив смесью вод деревянную лоханку, бросил в неё какой-то пучок трав, нечто вроде мочалки, присел на лавку, разглядывая своё тело. Не сказать, что я себя не видел, но вот так, в бане, полностью голым давно не был. Лабиринту на стерильность было плевать, так что я лишь умывался. Да и то только в последние дни. А до того был немыт и вонюч. Тут Казя, или, как её теперь величают, матушка Елена права, смывать нужно не только грехи, но и прах былого.

Мочалка быстро разбухла в горячей воде, я вытащил её, провёл по груди и...

Памятуя, что баня — место сакральное, выругался всего лишь про себя, уронив мочалку на пол. Потянулся за ней... И тут же спину обдало холодом.

Ветерком потянуло.

Не поднимаясь из-за лавки, я взглянул в сторону двери — уж не девки ли пришли мыться помочь.

Но если это и была помощь, то совсем в другом.

В баньку, тесня друг друга, вломились четверо здоровых парней. С военной выправкой. Явно из бывших дружинников Иова. А потом Марганы. Да и бывшими вояками были они относительно. Скорее настоящими. Судя по ножам и хищно и матово блеснувшему стволу автомата. Правда, одному на всех.

И всё равно кидаться с голой пяткой на ствол было бы самоубийством чистой воды. Поэтому я, ещё не понимая, что происходит, осел за печкой. А четвёрка вояк тем временем навалилась на дверь в парилку, подперев её второй лавкой, ближней к выходу. И всё это в гробовом молчании. Безъязыкие, что ли?

Но тут молчание нарушил ещё один боец, ногой распахнувший входную дверь.

— Ну, всё, дым в трубу. Самим бы теперь не задохнуться...

Входная дверь осталась открытой, зато дверь парилки дёрнулась изнутри. Раз, другой. Через минуты три-четыре в неё забарабанили кулаками. Бестолку. Но Звяга, стукнув в дверь ещё пару раз, не затих, не смирился со своей участью.

Он ударил в дверь всем телом, упал, судя по звукам. Заскулил. Ещё раз ударил. А в предбанник из-под двери уже

потянулись чёрные дымные языки. Вот только державшие дверь не отступили, не подались на свежий воздух. А я...

Я хоть и хотел бы помочь спасшему меня Звяге, но отдавал себе отчёт: не выйдет. Уж больно силы не равны. И дело даже не в том, что голый мужчина слабее не только женщины, а и ребёнка порой не одолеет. Пока я преодолею разделявшие нас три метра, меня нафаршируют автоматной очередью. Мне ж ещё подняться-распрявиться надо, и только потом бежать-наступать. Автоматчик же в общем свальном грехе с лавкой участия не принимал, как и последний присоединившийся к компашке. При таком раскладе нечего и надеяться было на внезапность. От которой без оружия, хотя бы самого завалящего, проку ноль. Моё сгорело в пламени Руки славы, а запертый в парилке Казимир, похоже, не озаботился взять с собой хоть что-то, хотя бы отдалённо напоминающее оружие. Оставалось надеяться, что Звяга продержится дольше, чем блокирующие дверь дружинники. В том, что это именно дружинники, сомнений не было. Вот только чьи? Запоздалая месть Марганы? Или новая владычица в силу вошла?

В этот миг меня озарила другая мысль.

Помирая от удущья, Звяга сейчас, скорее всего, почём зря костерит меня. Ведь это я отказался париться с ним. О том же, что в баню ворвались дружинники, он и не подозревает поди. Так и уйдёт в мир иной с обидой на меня.

От осознания такой несправедливости я едва не взвыл в голос. А следом чуть не сорвался с места. Чтоб всё ж попытаться выручить то ли друга, то ли соучастника. Но тут дым повалил совсем густо, и наёмные убийцы сами рванули на выход, кашляя и отплёвываясь.

— Лавку... Лавку на место, — хрипло скомандовал тот, что и пустил дым в трубу, видать, закупорив чем-то дымоход.

Но приказ был выполнен абы как, и лавка перегораживала предбанник. Но в дверь уже не упиралась.

Макнув в бадью с ледяной водой провонявшуюся потом футболку, сохранившуюся лишь потому, что снял её перед атакой на пустынь, сберечь хотел как память о своём времени, я прикрыл лицо мокрой тряпицей. Дышать стало легче, хоть и ненамного.

Дальше, как был без порток, метнулся к парилке. Дверь подалась легко. И даже сама открылась. Под весом навалившегося на неё Звяги.

Опасность, конечно, никуда не исчезла. Дружинники были где-то за дверью, и, не исключено, в опасной близости от баньки. Но грозить их присутствие могло только мне.

Казимир Звяга, прорицатель и местный баламут, был мёртв.

Не смог он свою судьбу углядеть в россыпях вероятностей бытия, открывавшихся ему...

20

Наскоро одевшись, я выглянул в окошко.

Поблизости никого не было. Сделав своё чёрное дело, наёмники исчезли. Чтоб ни у кого не возникло сомнения в случайности происшедшего. Но они были слишком самоуверенны, не проверили качество исполнения. Вся беда от исполнителей, это ещё Маргана говорила, признавая ошибки.

Признают ли новые власти свою ошибку? Не до того мне сейчас. Низко пригнувшись, почти стелясь по вершкам пожухлой уже травы, я выскользнул из баньки, скатился ближе к реке. А уж там...

Там, по знакомой тропинке, один раз уже пройденной, рванул, не глядя, куда подальше от места трагедии. А ноги сами привели. Чуть погодя, конечно, но напрямик к домику на отшибе. В котором...

Нет, не была. А есть. Прямо вот здесь и сейчас.

Весея.

Она стояла в дверном проёме. Словно ждала меня. А я...

Я прятался в кустах, пытаюсь понять, как такое возможно. Ведь она должна быть в Кукобное, на месте Олеси. Или это мара, мираж? Ведь и Олеся появлялась на площади, будучи далеко от стольного града епархии...

Бросив последний взгляд на тропинку, ведущую из города к трактиру, Весея вошла в дом. Перебежками и я подобрался к двери. Как-то она меня встретит?

Дверь предательски скрипнула.

— Не таись уж, входи, — негромко позвала меня женщина, которая, как мне говорили, носила под сердцем моего ребёнка. И тут же упала мне на грудь, обвила руками за шею: — Ты вернулся! Я знала! Знала! И верила...

Как мы оказались на кровати, знавшей наши самые первые ласки, я не знал. И это было плохо. Потому что я не верил в благополучный исход нашей встречи. А зачем пришёл сюда, и сам не мог объяснить. Ну не любовь же это, с таким количеством измен и случайных связей. Да и знакомы мы всего ничего. И века между нами.

Я ласкал её пышные белые груди, а Весея что-то шептала себе под нос и разглядывала мои руки, розовая рожица на которых ещё не загрубела после ожога, несмотря на воздействие лабиринта.

— А этот шрамик откуда?

Не отрывая взгляд от вновь набухшего соска, я покосился на свою ладонь. Что-то такое припоминалось, но что?

— Врать не стану, не помню.

— Ожог под ожогом, — задумчиво прошептала Весея.

И тут меня осенило. Точно! Ожог!

— Так это ж твой подарок! Благодаря ему мор остановлен! Сгорели к едреней фене все их приготовления к тому, чтоб город заразить!

Весея улыбнулась, одними глазами. А я добавил уныния:

— Меня, скорее всего, будут искать. Если уже не ищут.

— Здесь не найдут, — уверенно заявила моя Веся, прильнувшая к волосатой груди раскольника времени.

— Почему ты так решила?

— Глаза отведу, по чужому следу пошлю, в обиду тебя не дам...

— Это потому, что понесла от меня?

— Глупенький, неужто поверил Олесе? Она кому хошь голову задурит.

— Так ты не беременна?

— А жаль... Стара, видать, стала...

— И ты не сменила её в Кукобое?

Лицо Весей вытянулось от удивления:

— Это как же?

Пришлось всё ей рассказать. Как меня потчевали тем, что Олеся взяла её вначале в заложницы, а потом и в преемницы. Что давно она ждёт дитя, а меня, обрюхатившего её, не ждёт. И что колдунья, жившая у леса, ушла на покой, оставив вместо себя женщину из таверны.

— Откуда?!

— Ну, из таверны, корчмы, трактира...

Весея выдохнула, почти радостно:

— Ничего такого не было. Ни дитяти, ни замены повитухи. Да, я справилась бы, и не хуже Олеси. И без козней на пару с новой владыцей. Но кто ж власть сам отдаст в чужие руки? Сама власть сладка, не токмо её плоды. Потому Олеся ничего такого мне и не предлагала. Будет до скончания века зельями баб потчевать да роды принимать. Или избавлять от грешного приплода. А то и потравит кого. Из попов. Или городских господ. Али их слуг. И тем самым в руках держать будет не токмо епархию, но и сёла окрест.

— А в заложницах ты у неё была?

— Слабо ей меня в залог брать. Она ж из пришлых, а я местная, это моя земля. Она мне и силу даёт, не то, что Олесе. Повитуха токмо чарами и может сотворить чо-нить. Мне и чар не надо. И тебя углядела я без всякой волшбы, сердцем, однако. И спрячу в нём, буде такая нужда.

— Но Звяга, покойный правда...

— Как так покойный? Он же с победой пришёл, — оказалось, что не всё-то и знает моя любовь. Точнее, это я её любовь, а кто она мне, это ещё нужно понять.

— Удушили. В баньке. И я с ним должен был угореть.
Да не заметили меня, не пошёл потому что в парилку.

Весёя, продемонстрировав мне пышные телеса,
вскочила с кровати:

— Таки точно зараз и за тобой придут. Нишкни тут.
А я встречу.

Ох, как она встретит, да сюда и проведёт! А я опять
голый. И оружие взять негде...

Я накрылся с головой лоскутным одеялом. Уж лучше
не видеть, как придут меня убивать...

— Открывай, знахарка!

В дверь забарабанили чем-то тяжёлым.

Сколько раз это уже было... Чаше даже без стука...

Я поглубже зарылся в перину из трав, пахучую, но
отнюдь не крепкую бронёй...

Глаза сами собой закрылись. Мне было тепло и
покойно...

22

Защекотало в носу. Травинка из матраса?

Я чихнул. Ну, всё, влип. Не спасут теперь и заговоры
Весёи.

Нос продолжал свербеть.

Деваться некуда — я потёр переносицу.

И тут же в воздух взмыли буквально клубы пыли.

И это из перины?!

Попытка оглядеться ни к чему не привела. Темно.

Так сильно зажмурился? Или уже умер? Тогда
почему чихаю. И нос опять чешется. А тело... Тело совсем
затекло.

Пошевелившись, я понял, что нет никакой перины. И сижу я на полу. В своей кладовке. Укутанный с головой в свою плащ-накидку. Прислонившись к стене сижу. Отчего и тело затекло. Рука, сжимающая автомат, и вовсе онемела. А чихнув, я наверняка выдал себя тем, кто сторожит под дверью. Но если сейчас сюда вломятся, выстрелить не получится — рука просто не слушалась. От слова совсем. Даже когда в ней наметилось лёгкое покалывание. Вначале лёгкое. Потом она и вовсе отнялась. Какой там автомат, рука сама себя держать не могла.

Дверь хоть и была закрыта плотно, но тоненькая полоска света всё же проникала в кладовку. Правда, помогало это мало. Разве что в том, что, выпроставшись из-под накидки, утаившей меня от пришельцев, я увидел такое, отчего остатки волос на макушке шевельнулись. А может то был лёгкий сквозняк. Хотя откуда? У кладовки только дверь, никаких других ходов-выходов.

Как бы то ни было, но на сердце у меня похолодело.

В руках у меня не было автомата. Я судорожно сжимал не цевьё, а две полые трубки, на концах которых, как я хорошо помнил, были щётка и совок. А меж собой они скреплялись пластиковой загогулиной в виде рваной восьмёрки. Вот и всё оружие...

Окативший меня холодом ужас развеялся довольно быстро.

Раз нет автомата, то нет и за дверью никого. По крайней мере, из тех, кто уже приходил сюда. До этого момента или после него — время шалило, как ему вздумается, поэтому и двигалось так, скачками, а не от начала к концу. Хотя конец в любом случае неизбежен. И

альтернативы ему нет. Так что бояться поздно, когда уже родился, раньше надо было думать. Но то не в нашей власти.

А вот что во власти, так это оставить хозинвентарь в покое и выбираться из кладовки. И так всё отсидел.

Оттолкнув ногой свалившуюся на пол плащ-накидку, она мне ещё пригодится, как помнилось, я осторожно открыл дверь.

Утренний свет лился из кухонного окна. Целого. И вообще в квартире ничего не было разрушено. Значит, до взрыва гранаты далеко. А до выстрела из танка и детонации боезапаса для того, чтоб вытолкнуть застрявшего пришельца с полустанка на главный путь — ещё дальше.

Этот случайный проблеск забытых воспоминаний наваял скорее всего слой пыли. Который был и на плащ-накидке. И вокруг — на полу, на мебели и даже не стенах.

Я напряг память. Как я тогда вызвал гостя на беседу? Ругнулся матом на пыльное изобилие? Типа того.

Не повышая голос, вдруг всё же за дверью на площадке у лифта кто-то подслушивает, я высказался в том духе, что задолбало ходить с тяпкой на каждый чих. Вот только сейчас это не сработало. Всё верно. Мой гость мог ещё не прибыть. Да и Полли... Где-то она сейчас? В школе? Ведь могло так статься, что ещё и пандемию не объявили. Но тогда и Игорь Степанович не в курсе моих походов...

За стеной пророкотал, поднимаясь, лифт. А соседский пёсик, не упустивший шанса облаять его, промолчал.

Что ж, будем считать, что прожитое мною время ещё не пришло. И можно пока пожить в своё удовольствие. Хотя жить, зная, что будет, не то чтоб скучно — стрёмно. Мы и

так живём в ожидании смерти, а тут просто обречённость на это ожидание. И заранее известный финал.

Впрочем, до финала я пока так и не добрался. Да, на краю, но ещё не конец.

И тут голос подал Тишка.

Блин, я только о себе и думаю. Бросив взгляд на циферблат часов, убедился, что вырвался из объятий сна точно в привычное время. Другое дело, что спал я, почему-то, не в своей постели, а на полу кладовки. Ну да с этим потом разберёмся. Надо прежде птичку накормить. Но ещё раньше — хотя бы немного смахнуть пыль, дышать нечем.

Схватив давно утративший свежесть красок пипидастр, провёл им раз, другой по полке над телевизором, стоявшем большей частью для мебели. Ну не смотрю я этот зомби-ящик, набитый голимой пропагандой. Однако не в этот раз.

Всё потому, что статическое электричество, действующее как сила притяжения для пыли, в этот раз вызвало ещё и короткое замыкание. Совсем малюсенькое. Где-то в недрах телевизора замкнуло кнопку включения. Искра проскочила, и вот...

Я уже прошёл мимо, когда за спиной заговорил оживший экран:

— ...вестный журналист, писатель, эксперт в области межличностных отношений, по данным прокуратуры, покончил с жизнью, сегодня в полночь выпрыгнув из окна. Суицид косвенно подтверждает и оставленное видеопослание, о содержании которого нам сообщил на основе анонимности наш источник, близкий к правоохранительным органам. В своём предсмертном

обращении покойный, по словам источника, раскаялся в своих заблуждениях, заявил, что он всегда поддерживал все начинания и курс нашего президента, и выразил надежду, что граждане в трудную минуту сплотятся вокруг национального ли...

Метёлка пипидастра, скользя по боковой грани телевизора, тем же макаром, что подала напряжение, выключила экран. Ещё один короткий треск разряда статики, и всё закончилось. Но мне и этого хватило. Это тело если и спало в кладовке, то не отдохнуло. А мозг — тот вообще не отдыхал. Тем более — не спал. И многое сразу стало на свои места.

Заявившиеся ко мне — вчера ли, завтра или же вообще через года — Петров-Боширов с Мирандой-Васильичем и их сопровождение пришли не просто так. И не случись большому начальнику, уставшему от сидячей работы и решившему поиграть в ковбоев или оперов, бросить автомат там, где не подобает, этот некролог мог быть моим. Пусть я и не известный журналист, писатель и эксперт. Скорее неизвестный. Хотя... А вдруг это и было сказано о моей смерти? Пока не случившейся...

И ключевое слово — пока...

23

Каждое новое утро — это возможность начать жизнь сначала. Или с какой-то новой точки отсчёта. Меня же этой возможности столько раз лишили, что надежда даже на то, чтоб жизнь просто продлить до отмеренного судьбой, таяла почище снега весной.

Конечно, большей или лучшей, здоровой частью своего сознания, я понимал, что всё происходящее — это лишь образы в моей голове. Но в то же время знал: всё это — правда. Всё — по-настоящему.

Вот только мне не дано узнать... И не только мне...

Весёя, вернувшись в спальню после встречи с незваными гостями меня не увидела. Куда пропал? И не она ведь спрятала, как обещала, я сам исчез. И не только из спальни. Гости-то пожаловали, видать, не случайно. Давно уж должны были обнаружить, что Звяга угорел, а упырь — пропал бесследно. Это даже если новоявленной схимомонахине Елене сие по барабану. Но ведь есть ещё Ия. Девушка, которой я жениха обещал. И обманул. А потом обманул Звяга. Хотя и был провидцем. Да и сама она как не увидела, как не догадывалась? Ещё с той поры, как её первого суженого лишили мужского достоинства.

И Пелагея меня не нашла. Если вернулась. Да так и не узнает, куда подевался. Как не узнаю я, как сложилась её судьба. Да и не только её. Вон сколько судеб я задел своим путешествием в небытие. Или куда там меня забрасывало...

— И давно он так?

Голос был смутно знаком. Вот только положительных эмоций не вызывал.

Ну, да, Ольга. Чего уж там хорошего...

А чего это она здесь?

Я попытался задать этот вопрос вслух. Но не смог выдать из себя ни словечка. Воздух из груди выходил, а звуки изо рта — нет. Впрочем, мгновением спустя я понял, что не только звуки увязли где-то в глубине моего тела, вытянувшегося на жёстком ложе больничной кровати.

Глаза тоже не открывались. Но мир вокруг я осязал. Звуки. Запахи. Которые почти не различал когда-то. Комковатость матраса. Каменную подушку. Не в смысле из камня — по ощущениям. Лежать на ней было не айс. А ещё в присутствии людей, притаившихся в изголовье. Так, что даже открой я глаза, мне будет не видно кто там. Хотя одного визитёра, точнее визитёршу я опознал. По голосу. По голосу же узнал и второго. Хотя мог бы и так догадаться.

— Он жив и телесно даже, я бы сказал, здоров. Ну, или почти здоров. Все показатели в норме. Но он не желает выходить из сумеречного состояния, в котором оказался. Скорее всего по своей воле. Потому как мы ничего не выявили, что могло бы спровоцировать такой... Провал сознания, что ли. Сон, не сон, небытие — тоже не подходит. Он не спит. И мозг работает. Я бы даже сказал, что работает усиленно. Вон как глазные яблоки бегают...

Моего лица коснулась рука, пахнувшая хорошим парфюмом. Мужским. Мускусным таким ароматом пахнуло. Но пальцы были нежными. Ну да, он же ещё и оперирует.

Он — это Игорь Степанович. Орефьев. Опять я у него в отделении. Почему? Как оказался? Я ж был в кровати Весеи. Неужто там меня нашли? И я опять умер. Или вроде того. Потому что как иначе я мог здесь оказаться? Только умерев там...

— В общем, он в своём мире. И возвращаться не желает. Несмотря на наши усилия.

— И как... Как долго он будет в таком состоянии?

— Никаких прогнозов давать не стану. Потому как сам не знаю. И прежде с подобным не сталкивался. За почти,
— Игорь Степанович на мгновение запнулся, видать,

подсчитывая в уме годы своей практики, — за без малого тридцать девять лет.

— А лечение?

— А отчего его лечить?

— И что ж, он будет просто лежать? Занимать чьё-то место?

В голосе Ольги послышалось недовольство. Тем, что я не умер? Ну да, ей разорение на мзду врачам, трёпка нервов, потраченное на визиты в больницу время. Её, конечно, никто не заставляет, но она сама назначила себе такое послушание. Вроде как искупление за грехи молодости. Но я не бог, не мне её прощать. Как и обязывать к чему-то. Так что не я здесь держу её. А её боги. Которые хоть и всемогущие, но насылают на людей и мор, и войны. И несть числа их жертвам. Сатана на фоне богов, православных ли, иных каких, магометанских или вовсе дикарей окормляющих, просто паинька. Ну, подумаешь, заведёт музыку тяжёлого рока или к прелюбодейству склонит. Так не убьёт же. И миллионы не истребит. И пусть боги не своими руками убивают (хотя как сказать, потоп их же рук дело), людишек же они на смертоубийство направляют...

Ну, да Ольге этого не понять. По крайней мере, сейчас. Это как с валентностью, с которой она, по-видимому, так и не разобралась. Но сейчас о другом.

Наверное, действительно было бы лучше, если бы приборы, поддерживающие мою жизнедеятельность, выключили. Как было с тем мужиком, что до утра не дожил. Но оказалось и тут не всё так просто.

— Был бы он на ИВЛ или сердечной стимуляции, нас бы попросили... — Игорь Степанович не стал договаривать, но и так было ясно о смысле просьбы. Освободить койкоместо. В силу бесперспективности возлежания в отделении, где и так больным не развернуться. Врачам, впрочем, тоже.

— И что же? — не унималась Ольга.

— Будем наблюдать, — даже с закрытыми глазами, по голосу и движению воздуха, я понял, что Орефьев пожал плечами.

— Как долго? — Ольга упорствовала, стояла на своём. И даже базу подвела: — Он же мучится, наверное.

— Это вряд ли. Он просто живёт в своём мире. А что уж там с ним...

Игорь Степанович, видать, вспомнил мои рассказы. Что ж, спасибо, что не ухватился за мысль покончить со мной одним махом. Впрочем, не всё ещё потеряно.

Воздух вновь шелохнулся, теперь с шелестом бумаг.

— Что это?

— Это для облегчения его страданий, — что ж, этого следовало ожидать, на самотёк Ольга дело не пустит.

— Так он пока и не страдает.

— Ну, вот чтобы и не страдал. Или хотя бы не очень долго.

Орефьев хмыкнул, но конвертик, судя по всему, в карман халата сунул.

Что ж, будем ждать мгновения, когда мои страдания придут к концу. Те самые, которых я пока не ощущаю. Если не считать таковыми невозможность заявить во весь голос: я тут, я жив, рано ещё говорить обо мне, как об ушедшем...

Хотя... Может, как раз и стоит не доводить до состояния, когда смерть станет избавлением от плена в собственном теле...

Голоса и звуки померкли. Или это померкло моё и без того сумеречное сознание?

24

— Цао ан!

Это ещё кто? На Ольгу никак не похоже, уж больно молодой голос, звонкий.

— Чши!

В губы мне ткнулась ложка.

Это ещё что?

Вероятно, от боли глаза сами распахнулись.

— Чши! — повисшая надо мной тень повторила непонятное слово. И вновь ткнула в губы алюминиевую ложку с каким-то серым месивом. — Хаочши!

В палате царил сумрак. Но я рассмотрел и ложку, типично больничную, гнутую и подрагивающую в тоненькой ручонке, выглядывающей из широкого чёрного рукава то ли сутаны, то ли иного какого подобного наряда. Хотя откуда бы в неврологии взялась монашка. Да и не монашка она, а...

На сующей мне в рот ложку девушке была не сутана — хиджаб. И даже не он, почти светский для мусульманки. Это одеяние называлось...

Я порылся в своём воспалённом мозгу. У девицы видны только глаза. Чёрные, раскосые. Значит, не чадра. Но и не паранджа, там и глаз не видать.

Никаб!

Никак не давалось мне это слово. До тех пор, пока в никак не поменял одну букву. Да и то случайно, язык прикусив...

Ну да это ерунда! Вопрос в ином. Что говорит девушка и почему она так одета?

Впрочем, что говорит догадаться нетрудно. Есть. Или кушать. Но каком языке? Командует, но это не командный. И не матерный...

Сомневаясь в еде, уж больно вид неаппетитный, я плотнее сжал губы.

— Хэ? — раздалось тут же с вопросительной интонацией.

Я не полиглот. Но Хуанхэ слышал. И не раз. А хэ... Это ж река! Как в названии заповедника, близ которого я родился — Сухие ялы. Это так туземцы звали. Уже в мои годы. А до того и задолго пришедшие, то ли скифы, то ли печенеги называли Су Каялы. Река Калка. Та, на которой случилась первая битва с монголами. А последняя для меня — на реке Хэ.

Река. Но не река же течёт мимо. Хэ это ещё и просто вода. Обычная. Из-под крана. Но повелительное наклонение свидетельствовало, что мне предлагают пить.

Девушка предлагала мне воды.

На китайском.

Или всё ж катаяском?

Всё зависит от того, где я. Но, судя по всему, с визита доктора и Ольги я никуда не делся, всё в той же больнице, вон подушка как в затылок давит комками ваты. Но девушка, вместо лица которой я вижу только глаза... Откуда она взялась? Да ещё и с китайской речью...

В губы ткнулась мокрая ватка. Я попытался высосать из неё влагу, но тампон быстро убрали. А следом навалилась боль.

Мой мозг не выдержал такой нагрузки и отключился.

25

...Попугайчик заходился в крике.

— Да что ж это такое! Тишка, прекрати!

Раннее утро, а тут такое...

А что такое?

Память услужливо отмотала несколько страниц книги бытия.

Точно.

Я опять проснулся не из-за крика попугайчика. А от того, что за дверью кто-то есть. И этот кто-то не собирался звонить в дверной звонок. А вот вынести дверь...

Ну, конечно! Ведь так уже было! И будет опять. Если только...

Если только не разорвать круг, в который меня затянуло. Как в омут. В котором ничего не меняется. Из года в год. От века в века. И как в омуте, выход только один.

Вместо того, чтоб утихомиривать Тишку и прислушиваться к телодвижениям за входной дверью, я рывком, на одном дыхании вернулся в спальню. К окну, затянутому москитной сеткой. Пейзаж за ней, расчерченный нитями на малюсенькие квадратики, казался совсем ирреальным, маревом, миражом. И я не мог определить ни время года, ни время вообще. Ну, да серое утро. Но чьё время?

Иова? Или Лейтнера? А если последнего, то которого? Старшего, обычного предателя, или юного, игравшего в грязную игру? Да даже если я в своём времени. Или в его будущем. В любом случае ничего хорошего звуки из-за двери не сулили, каким бы ни было время. А в окне я не видел подсказки. Да и зачем она, всю жизнь жил без подсказок. Отличник, ети его...

Как я хочу умереть? А кто сказал, что я хочу...

Сетка подалась легко. Впрочем, это и следовало ожидать. Пластиковые крепления, не менявшиеся который год и выдерживавшие палящее солнце и морозы попеременно, сломались даже без хруста.

Я проследил взглядом падение сетки, вращавшейся в полёте. Как кленовое семечко. Но итог был предсказуем. Пластиковая рама от удара о землю рассыпалась на куски.

На подоконник я не запрыгнул, неловко забрался. Страх высоты никуда не делся. Но я решительно сделал шаг. Даже не зажмурившись. Чтоб видеть, как земля заполнит весь горизонт. Дальше которого мне ничего более не увидеть.

В лицо ударил ветер. А в уши — крик. Детский.

— Дядя Миша, ты летишь!

Полли? Откуда? И куда я лечу? Я падаю...

Раскинутые в стороны руки внезапно словно упёрлись во что-то плотное. Даже плечо слегка заныло. Но земля больше не приближалась.

Воздух держал меня. Чуть покачивая, словно на волнах.

Склонив голову влево, я увидел, как земля подо мной поплыла в противоположном направлении. Но зато опасно приблизилась стена дома с выступающими балконами.

Резко мотнув головой, я изменил направление падения. Или всё же полёта?

— Только не торопись, не делай резких движений, — прозвучал в голове ещё один знакомый голос. — Это как с ездой на велосипеде. Научившись, уже не забудешь. Вот только падать, пока учишься, всё же не стоит. Очень больно...

Пассажир. Он-то что забыл здесь? Или это козни тех, кто за дверью, опять загнали его на запасный путь, с которого ему не выбраться?

Додумать я не успел.

Я летел.

Или же падал?

Словарный запас

«Альгеймайне Электрицитатс Гезельшафт» — немецкий двухдвигательный бомбардировщик времён первой мировой войны.

Вовкулак — человек-оборотень.

Войко (здесь и далее в именах древнеславянский) — воин.

Глуховский, Дмитрий Алексеевич — русский писатель, журналист, сценарист и радиоведущий, автор постапокалипсического романа «Пост», действие которого частично разворачивается в Ярославле.

Горазд — искусный, способный.

Гуанмин (китайск.) — блестящий.

Гурдов, Павел Васильевич, штабс-капитан, офицер подводного плавания, виолончелист и поэт, с началом первой мировой войны занялся созданием бронеавтомобилей, на одном из них у деревни Добржанково атаковал немецкую батарею, перебив прислугу и обеспечив продвижение своих войск, сам погиб.

Дивия — богиня Луны, оберегает сон людей, помогает вести счёт времени.

Данила Филиппов — основатель секты хлыстов, выходцем из которой был и фаворит семьи последнего императора России Николая II Григорий Распутин.

Звяга — звонкий, громогласный.

Жускá — тревожное состояние, навязчивый разговор в голове.

Императорский мост — единственный железнодорожный мост через Волгу в Ярославле. Когда он

уже был почти достроен, рухнул один из пролётов, после восстановления зафиксирован прогиб на 63 мм, остающийся неизменным. Реконструирован в 2003–2005 годах, дореволюционные полукруглые ажурные фермы заменили на новые, трапециевидные.

Казимир — предсказатель.

Калинов мост — мост через реку Смородину в русских сказках и былинах, соединяющий мир живых и мир мёртвых.

Капитон Даниловский — «лесной старец», в начале XVII века на фоне церковного раскола предсказывавший скорый приход Антихриста, его учение распространилось в Вологодской, Костромской, Ярославской и Владимирской губерниях. Капитоновцы собирались по 10–40 человек в избе и устраивали богослужение, после которого начинались сексуальные оргии для изгнания бесов: кто блудил, в том бес, якобы, не уживался.

Кэтколлинг — подзывание кошки (дословно), вид уличных домогательств.

Кика — русский головной убор замужней женщины, род повойника, представлявший собой мягкую полотняную шапочку с круглым или овальным верхом, иногда с рогами, полностью закрывавший волосы, заплетённые в две косы.

Колливул — урчание в животе.

Круг (в славянском летоисчислении) — 16-летний период основанного на шестнадцатиричной системе счисления календаря славян, который, проходя через 9 стихий, совершал Круг Жизни, $16 \times 9 = 144$ года, аналог нынешнему веку, но более точно учитывающий

дополнительные минуты в сутках, из-за которых все календари «убегают».

Лель — бог любви, страсти.

Маргана — дарующая покой в пути.

Моргана, — фея, волшебница, персонаж английских легенд, единоутробная сестра короля Артура.

Морена – богиня Зимы.

Навь — место, где живут демоны, черти, а управляют ими злые боги.

Нестеров, Пётр Николаевич — русский военный лётчик, штабс-капитан, основоположник высшего пилотажа, погиб в воздушном бою, впервые в практике боевой авиации применив таран.

«Она боится одноглазого дракона» — ирландская поговорка о девушке, боящейся выходить замуж.

Параскея — серьёзная.

Пелагея — сказительница.

Петров, Боширов — спец агенты ГРУ, попавшие в поле зрения западных спецслужб в Солсбери по делу о покушении на британского шпиона Сергея Скрыпаля, стали нарицательным именем для наёмных убийц.

Пипидастр — приспособление в виде метелки, чаще ярко окрашенной, предназначенное для смахивания пыли с объёмных предметов, в оригинале из перьев, с развитием технологий — из искусственных волокон.

Планка Пикатинни — кронштейн, используемый на различных видах стрелкового вооружения для обеспечения унификации креплений прицелов (оптических, коллиматорных) и прочих вспомогательных принадлежностей.

Полель — бог крепких семейных отношений, зрелой любви.

Правь — заоблачное царство, где жили добрые, светлые боги.

Правило Миранды — юридическое требование в Соединённых Штатах Америки, в соответствии с которым задерживаемый должен быть уведомлен о своих правах, а задерживающий его сотрудник правопорядка обязан получить положительный ответ на вопрос, понимает ли он сказанное.

Прогар — кирзовый башмак, ботинок с прорезиненной вставкой вместо шнурков, устойчивый при работе со смазочными и прочими едкими веществами.

Расшива — волжская плоскодонная лодка.

Рука славы — предмет из средневековых легенд, якобы обладающий магическими свойствами, представляет собой засушенную кисть руки человека, который был повешен.

Сабанеев, Леонид Павлович — русский зоолог, натуралист, популяризатор и организатор охотничьего и рыболовного дела, ярославский дворянин.

Сабанеев, Леонид Леонидович — русский музыковед, композитор, музыкальный критик, один из основателей Государственного института музыкальных наук, писал музыку для фильмов киностудии «Gaumont», умер во Франции, куда бежал от советской власти.

Самбор — одинокий воин.

Седьмица — седьмой день недели, в каждой неделе в славянском летоисчислении было 9 дней, месяц длился 40 или 41 день.

Теплина (ярославский местный жаргонизм) — костёр.

«Унтер Пришибеев» — рассказ Антона Павловича Чехова.

Фальк, Густав Германович — хирург, заведующий хирургическим отделением Ярославской губернской земской больницы.

Хаочши (китайск.) — вкусно.

Харассмент — сексуальные домогательства в виде приставаний (как физических, так и вербальных).

Цао ан (китайск.) — доброе утро.

Четвертак — четвёртый сын.

Чоботы — сапоги.

Чши (китайск.) — кушать.

«Шпак» — презрительное прозвище призванных в армию гражданских специалистов на офицерских должностях.

Щаслав — счастливый.

Югская Дорофеева пустынь — мужской монастырь, находившийся на территории современной Ярославской области, в месте слияния рек Юга Чёрная и Юга Белая в 17 км Рыбинска, имел пять храмов, лечебницу и амбулаторию, затоплен при наполнении Рыбинского водохранилища.

Юншэн (китайск.) — бессмертный.

Явь — наш мир, где проживают и люди, и боги, отвечающие за ветер, воду, солнце.